

Заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор филологических наук
Владимир Иванович
МАЛЫШЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПО МАТЕРИАЛАМ
ПУШКИНСКОГО ДОМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1972

Ответственный редактор
А. М. ПАНЧЕНКО

*Основателю древлехранилища Пушкинского дома
ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ МАЛЫШЕВУ
в честь шестидесятилетия посвящают авторы
эту книгу.*

ИСТОРИЯ СОБРАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЕЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Летом 1969 г. собранию древнерусских рукописей Пушкинского дома исполнилось двадцать лет. За этот короткий срок оно превратилось в первостепенное хранилище памятников старинной письменности и завоевало всеобщее признание. Сейчас¹ в собрании сосредоточено более 5000 рукописей — примерно столько же, сколько насчитывалось перед революцией в Библиотеке Академии наук, которая накапливала манускрипты с Петровских времен. Львиная доля рукописей собрания разыскана археографическими экспедициями Института русской литературы, которые возглавлял и снаряжал ученый хранитель собрания доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев. Другим источником пополнения были частные коллекции, подарки библиофилов, передача рукописей из архива Пушкинского дома и других академических учреждений.

Занявшись собирательской работой еще на студенческой скамье,² В. И. Малышев к 1949 г. накопил большой практический и теоретический опыт археографической работы. Он выдвинул идею поисков прежде всего в старообрядческих районах, и эта идея дала блестящий практический эффект. Средоточием поисков стал Русский Север—Печора, Мезень, Северная Двина, Пинега, русские поселения в Прибалтике.

Другим важнейшим принципом стал принцип сплошного и многократного обследования каждого района, поскольку В. И. Малышева интересовали не только рукописи сами по себе, как источник новых сведений по истории культуры древней Руси, но и местные культурные очаги, специфика крестьянской письменности — тот «низовой» слой русской литературы, на который прежде обращалось мало внимания. Этот принцип также оказался чрезвычайно плодотворным. Он определил внутреннее строение собрания Пушкинского дома, основу которого состав-

¹ Все фактические данные, приводимые в статье, отражают состояние собрания на 1 января 1971 г.

² См. ниже статью М. В. Кукушкиной «Рукописи Библиотеки АН СССР, собранные при участии В. И. Малышева» (стр. 401).

ляют территориальные коллекции (Печорская, насчитывающая 850 номеров, Карельская — свыше 528, Пинежская — 504, и др.).

Научная обработка материалов также велась с учетом этого принципа. Особенно успешным в этом отношении было исследование продукции печорского книжно-рукописного центра. Здесь В. И. Малышев открыл своеобразный заповедник, в котором древнерусская литературная традиция на два слишком столетия пережила допетровскую Русь. Теперь мы знаем, что это не был музей окаменелостей — пусть богатейший, но мертвый: на Печоре в XVIII—XIX вв. работали не только переписчики старых текстов, там творили собственные прозаики и поэты.³

Предлагаем краткую летопись собрания Пушкинского дома, в которой отражены важнейшие экспедиции и поступления из других источников.⁴

1949 г. — Из Усть-Цилемского района Коми АССР В. И. Малышев привез 32 рукописи, которые и были положены в основу собрания.

1950 г. — Начато обследование селений на Мезени. Результат летней поездки В. И. Малышева — 50 рукописей XVI—XIX вв. Поступили первые книги от коллекционеров (в частности, от архангельских библиофилов Т. Е. Будрина, А. М. Бебякова и др.).

1951 г. — По решению Президиума АН СССР Пушкинскому дому передано 827 рукописных книг и документов XII—XX вв., хранившихся в Институте мировой литературы им. Горького. В их составе замечательное собрание академика В. Н. Перетца, насчитывающее 657 единиц (впоследствии оно было пополнено рукописями, переданными В. П. Адриановой-Перетц). В собрании появилась первая личная коллекция — В. Г. Зыкина, преподавателя Коми педагогического института в Сыктывкаре (ныне насчитывает 41 рукопись XIV—XIX вв.). У вдовы этнографа и фольклориста И. С. Абрамова приобретено его небольшое собрание (10 рукописей, старейшая из которых относится к 1616 г.). Куплено собрание реставратора Ф. А. Каликина, еще до революции работавшего по заданиям В. Г. Дружинина, Н. П. Лихачева и других известных коллекционеров. Сейчас собрание Ф. А. Каликина состоит из 92 рукописей и продолжает увеличиваться.

³ Из многочисленных трудов В. И. Малышева о печорских рукописях укажем лишь два основных: 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; 2) Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 561—604.

⁴ Об истории собрания древнерусских рукописей Пушкинского дома см.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965. Находки 1965—1970 гг. описаны в обзорах В. И. Малышева в журнале «Русская литература» (1966, № 2; 1967, № 1; 1968, № 2; 1969, № 2; 1970, № 1; 1971, № 1). См. также отчеты об экспедициях в «Трудах Отдела древнерусской литературы» и обзоры новых поступлений в «Бюллетенях Рукописного отдела Пушкинского дома».

У родственников историка М. И. Успенского куплена часть его коллекции (другая часть вошла в собрание в 1960 г.; всего в коллекции М. И. Успенского 53 рукописи).

1952—1953 гг. — Собрание пополнялось за счет приобретения рукописей у коллекционеров. Были получены в дар старинные книги от Н. Ф. Бельчикова, А. А. Зимина и др.

1954 г. — Президиум АН СССР передал Пушкинскому дому 386 рукописей XV—XIX вв. из Карельского филиала АН СССР. Эти рукописи были разысканы в русских селах Карелии в 1940—1950 гг. О. Г. Большаковой, Л. А. Дмитриевым, Е. А. Майминым, В. И. Малышевым, В. М. Морозовым и А. Д. Соймоновым. Далее Карельское собрание пополнялось за счет институтских экспедиций (несколько рукописей поступило дополнительно из Петрозаводска). Приобретена небольшая коллекция И. А. Смирнова (17 единиц).

С этого года начались регулярные археографические экспедиции в северные районы. Экспедиция на Печору (В. И. Малышев и Ф. А. Каликин) обогатила собрание 70 рукописями XV—XIX вв.

1955—1956 гг. — Продолжается обследование Усть-Цилемского района (В. И. Малышев, Ф. А. Каликин, А. М. Панченко).

1957 г. — Организована экспедиция в Горьковскую область (Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко) — на знаменитый в истории старообрядчества Керженец. В результате собрано 88 рукописей XVI—XIX вв.

1958 г. — Впервые Институт русской литературы смог организовать несколько экспедиций в один год — на этот раз три: в Гуслицы Московской области (Н. С. Демкова и Н. Ф. Дробленкова), на Мезень (Н. Ф. Дробленкова) и в эстонское Причудье (Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко). В общей сложности Пушкинский дом получил 96 рукописей, самые древние из них относились к XV в.

1959 г. — Проведено четыре экспедиции: в Беломорье собирали рукописи Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев, на Печоре — В. И. Малышев, в Псковской области (Локнянский и Чихачевский районы) — А. М. Панченко, на Северном Урале (верховья Печоры и Колвы) — Ю. К. Бегунов, А. С. Демин и А. М. Панченко.

1960 г. — Продолжено обследование Беломорья (Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев) и Прибалтики (Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко). На верхней Печоре побывали Ю. К. Бегунов и Д. М. Балашов. Основано Красноборское собрание — из рукописей, присланных учителем С. И. Тупицыным и найденных А. М. Панченко (всего 34 единицы).

1961 г. — В Беломорье побывал Э. Г. Зыков, в Причудье — Ю. К. Бегунов и И. Н. Заволоко. Всего за год поступило 85 рукописей.

1962 г. — Отправлена экспедиция на Вашку — приток Мезени (Г. М. Прохоров). В. И. Малышев ездил на низовую Печору (Нарьян-Мар и окрестности Пустозерска).

1963 г. — Экспедиции посылались как в старые районы (Ю. К. Бегунов — в Усть-Цильме и на верхней Печоре), так и в новые (в Сольцах Новгородской области побывали Н. С. Демкова и Н. Ф. Дробленкова, на Пинеге — А. С. Демин и А. М. Панченко). Приобретено личное собрание Н. С. Плотникова (40 рукописей).

1964 г. — Пинежская экспедиция (В. П. Бударагин, А. Х. Горфункель, А. М. Панченко, Г. М. Прохоров) доставила в Пушкинский дом 52 рукописи. Всего на Пинеге в 1962—1964 гг. собрано 162 рукописи, среди которых было немало книг XV—XVI вв. С этого года началась совместная археографическая работа Института русской литературы и Ленинградского университета.

1965 г. — Одновременно два района (Усть-Цильма и среднее течение Северной Двины) охватила экспедиция в составе В. П. Бударагина, А. Х. Горфункеля, А. М. Панченко и И. П. Смирнова. В результате Печорское собрание увеличилось на 40 рукописей, Красноборское — на 26. Куплена коллекция орловского библиофила И. М. Пухальского (24 рукописи XIV—XIX вв.).

1966 г. — В. И. Малышев снова выезжал в Усть-Цильму (собрано 32 рукописи). В. П. Бударагин и А. Х. Горфункель побывали на Мезени (25 рукописей), Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина, М. В. и Т. В. Рождественские — на Пинеге (9 рукописей). В Пушкинский дом поступило собрание профессора Пермского университета П. С. Богословского (с учетом приобретений 1968—1970 гг. оно насчитывает 103 рукописи XVII—XIX вв.).

1967 г. — На Печору ездили А. Х. Горфункель и В. И. Малышев (собрано 50 рукописей). Из Ленинградского университета было передано 87 рукописей, вошедших в Пинежское собрание (разысканы диалектологическими группами под руководством Г. Я. Симиной). Образовано Северодвинское собрание — в него вошли рукописи, собранные студенческой экспедицией филологического факультета Ленинградского университета, которую возглавляла Н. С. Демкова. Поступила в дар личная коллекция К. П. Гемп (Архангельск) — 14 рукописей.

1968 г. — Больше всего повезло Пинежскому собранию, оно увеличилось на 76 рукописных книг XVI—XIX вв., собранных группой студентов под руководством Н. С. Демковой. Печорское собрание пополнилось в результате экспедиции А. Х. Горфункеля, В. И. Мажуги и В. И. Малышева еще на 56 рукописей. Пять печорских рукописей были получены от сотрудников Ленинградского университета. Красноборское собрание увеличилось на 30 единиц в результате дарений учителей С. И. Тупицына и Н. В. Рагозина и двух институтских экспедиций (В. И. Малышев, А. М. Панченко,

И. П. Смирнов). Приобретены четыре личных коллекции: М. Н. Потоцкого (10 рукописей), Н. М. Маслова (31 рукопись калужского происхождения), Ф. В. Тумилевича (8 рукописей казаков-некрасовцев), В. Ф. Груздева (24 рукописи; основная часть коллекции Груздева находится в собрании академика М. Н. Тихомирова, которое он завещал Сибирскому отделению АН СССР).

Из отдельных поступлений этого года укажем два. Это прежде всего гордость собрания Пушкинского дома — бесценные автографы житий Аввакума и Елифания в сборнике, подаренном И. Н. Заволоко. Большой интерес представляет и другая рукопись — список XVII в. Устюжского летописного свода, приобретенный у А. В. Флоровского.⁵

1969 г. — Предприняты две поездки на Пинегу, в которых участвовали студенты Ленинградского университета, возглавляемые Н. С. Демковой и А. Х. Горфункелем. Общий итог — 99 рукописей (учитываются и материалы, переданные Пушкинскому дому пинежским краеведом В. И. Стирмановым, первые рукописи от которого поступили еще в 1963 г.). Карельское собрание увеличилось до 519 единиц в результате экспедиции во главе с М. В. Рождественской (32 рукописи). 27 рукописей привезли А. Д. Алексеев и В. П. Бударагин с верхней Печоры, 9 — прислали из Красноборского района С. И. Тупицын и Н. В. Рагозин.

1970 г. — 50 рукописей XVII—XIX вв. влилось в Печорское собрание (экспедиция А. Х. Горфункеля и Г. В. Маркелова). Вдвое выросло Северодвинское собрание (в целом оно состоит из 98 рукописей), что явилось результатом поисков в Вельском, Виноградовском, Верхне-Тоемском и Шенкурском районах Архангельской области, в которых принимали участие М. В. Рождественская, Т. Ф. Волкова, Н. Н. Литвинова, Н. Н. Кудрявцева, Т. А. Кузнецова, Т. А. Махновец, Е. П. Семенова, Л. В. Ярошенко, Ю. П. Яковлев. 4 рукописи подарены учителем истории из Холмогор В. А. Петуховым. Пинежское собрание увеличилось на 29 рукописей XIV—XX вв., собранных Г. Я. Симиной (руководитель экспедиции), И. Д. Азволинской, Е. Д. Кукушкиной, Т. А. Махновец и Л. В. Ярошенко. Несколько пополнились Красноборское собрание (на 8 единиц), Мезенское собрание (на 2), коллекции П. С. Богословского, Ф. А. Каликина, Н. М. Маслова, Н. С. Плотникова. Поступила новая коллекция — Л. И. и М. И. Руденок (14 рукописей старообрядческого происхождения, в том числе выголексинского письма). Всего в 1970 г. Пушкинский дом получил 220 рукописей, из коих половина найдена экспедициями.

⁵ Об этой рукописи см. ниже, в статье М. А. Салминой «Вновь обнаруженный список Устюжской летописи» (стр. 267).

Такова вкратце история собрания древнерусских рукописей Пушкинского дома. Быстрый его рост объясняется не в последнюю очередь тем обстоятельством, что В. И. Малышеву удалось создать многочисленный и действенный актив собирателей. Наряду с филологами и историками рукописи собирали также искусствоведы (в частности, сотрудники Русского музея Э. С. Смирнова и Е. Д. Мальцев), работники геологических партий и т. д. Кроме поименованных в хроникальном перечне, в 1949—1970 гг. Пушкинскому дому дарили рукописи следующие лица: М. П. Алексеев, И. Л. Андроников, Ю. А. Арбат, А. М. Астахова, С. М. и П. Н. Берковы, Н. П. Борисов, Ю. Е. Борщевский, В. С. Бухалев, М. М. Веснина, В. В. Виноградов, Б. М. Вишнев, Н. Е. Галашова, К. Г. Гаршина, А. И. Германович, А. Л. Гольдберг, И. А. Груздев, И. Б. Грушецкий, И. И. Гумницкий, Д. П. Гурьева, В. П. Елисеев, Д. А. Жуков, И. Н. Заборский, П. Г. Зашихин, А. Е. Зиновьева, А. Н. Зуев, Л. С. Китицына, Б. Л. Кожуховский, А. В. Кокорев, В. А. Колобанов, Л. С. Красовская, А. И. Кудряшов, Н. Ф. Курагин, П. В. Лапшин, М. И. Лебедев, В. В. Лукьянов, Я. С. Лурье, А. И. Мазунин, В. А. Мануйлов, С. П. Маричев, В. П. Маслова, Г. М. Мацибура, Н. А. Мезенцев, В. В. Митрофанова, Ф. Я. Мишуков, А. П. Могилянский, Е. А. Модзалевская, А. А. Морозов, Е. К. Нардова-Прохорова, К. А. Опякина, М. М. Орлова, Ф. В. Панкратьев, Л. И. Пименов, А. И. Попов, Н. И. Привалова, В. Г. Пуцко, В. В. Рейх-Папазян, В. Ф. Смолина, М. А. Спешева, Н. Г. Спиоров, И. Е. Спицын, В. М. Тетерятников, М. Н. Тихомиров, А. В. Трофимов, Д. П. Трофимов, А. А. Тунгусов, В. Филиппов, Г. Н. Филиппова, В. Н., Е. И. и П. Н. Хвальковские, В. П. Чайка, М. И. Чуванов, К. И. Шаныгина, Л. Е. Элиасов, Е. Г. Эткинд, Н. Б. Яновская и др.

Среди 5000 старинных рукописей Пушкинского дома есть немало замечательных раритетов. Кроме упомянутого сборника И. Н. Заволоко с автографами Аввакума и Епифания, можно назвать пергаменное Галицко-Волынское евангелие XIV в. с миниатюрой, изображающей апостола Иоанна с Прохором на Патмосе, один из двух дошедших до нас списков «Слова о погибели Русской земли», уникальную «Повесть о Сухане» и др. Однако не раритеты определяют лицо собрания.

Основной отличительный признак хранилища — сосредоточение в нем разнообразнейших материалов по истории и культуре Русского Севера. Собрание Пушкинского дома — своеобразная и ценнейшая крестьянская библиотека, в которой наряду с памятниками традиционного древнерусского репертуара много незаурядных произведений, созданных крестьянскими писателями на Печоре, в Карелии, на Пинеге. Здесь широко представлена продукция таких литературных центров, как Выго-Лексинское и Великопоженское общежитства, собраны сотни крестьянских

писем, выявлены остатки крестьянских библиотек, основанных еще в XVII в.

Другая характерная черта собрания — то обстоятельство, что оно продолжает стремительно расти. Искать рукописи становится все труднее, но это компенсируется за счет вовлечения новых районов и организации большего числа экспедиций. Пока собрание возглавляет В. И. Малышев, мы можем быть уверены, что поиски эти будут успешными.

ПУБЛИКАЦИИ

Д. С. Лихачев

КАНОН И МОЛИТВА
АНГЕЛУ ГРОЗНОМУ ВОЕВОДЕ
ПАРФЕНИЯ УРОДИВОГО (ИВАНА ГРОЗНОГО)

В 1878 г. в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» при Московском университете издатель этого журнала Андрей Попов поместил найденный им текст «Ответа царя Иоанна Васильевича Грозного» члену Общины Чешских и Моравских братьев Яну Роките. До того был известен только латинский перевод этого «Ответа», изданный в 1582 г. Иоанном Ласицким в сборнике «De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione...». Где нашел Андрей Попов свою рукопись, имелось ли в ней что-либо еще, принадлежащее перу царя Ивана Грозного, осталось неизвестным. Неизвестно и нынешнее место хранения рукописи. Андрей Попов отмечал в «Предуведомлении», что правописание рукописи «довольно небрежное, встречаются описки, недосмотры, — видно, что писец мало сознавал важность списываемого им». По словам Попова, рукопись «писана в конце XVI в., полууставом, в 4°».

В своем издании А. Попов, по-видимому, исправил, не оговорив, большинство замеченных им в списке «описок» и «недосмотров». Сейчас в его издании их сравнительно мало.

Списки «Ответа царя Иоанна Васильевича Яну Роките» встречаются крайне редко. Н. А. Казакова указала мне на список в сборнике ГПБ Погодинского собрания № 1597. Здесь после выписки о втором браке Василия III идет Речь Ивана IV к Максиму Греку. Эта речь к Максиму Греку на самом деле является «Ответом царя Иоанна Васильевича Яну Роките»: Максим Грек в заглавии назван ошибочно.¹

Через восемь лет после публикации А. Попова, в 1886 г., известный знаток древнерусской письменности архимандрит Леонид издал в «Памятниках древней письменности и искусства» «Послание к неизвестному против люторов. Творение Парфения Уродивого» по рукописи № 423 библиотеки Уварова, бывш. Царского (теперь — ГИМ).

¹ О сборнике Погодинского собр. № 1597, содержащем различные материалы о Максиме Греке, см. в статье: С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922.

Архимандрит Леонид предположил, что Парфений — суздалец и жил в первой половине XVI в., точнее до 1560 г.² Это свое предположение Леонид основывал на том, что произведение Парфения Уродивого — Канон Ангелу Грозному, о котором пойдет речь в дальнейшем, — помещен в одной рукописи Следованной псалтыри XVII в. «между канонами суздальским святым, творение „Григория инока“ Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря». Таким образом, основания, по которым Парфений был объявлен «суздальцем», жившим в первой половине XVI в., вполне эфемерны.

Возвращаясь к изданному архимандритом Леонидом «Посланию к неизвестному против люторов», следует обратить внимание на следующее. Архимандрит Леонид не заметил, что изданное им «Послание» заключает в основном тот же текст, что и «Ответ царя Иоанна Васильевича Грозного Яну Роките». Различие только в том, что в последнем отброшена заключительная часть и в названии всего сочинения, а также отдельных его частей убраны прямые и косвенные указания на авторство царя: «ответ государев», «второе мое слово», «3 слово мое», «4 убо мое слово» и пр.

На тождественность «Ответа» и «Послания» обратил внимание в 1911 г. А. И. Шляпкин, и он же на этом основании сделал предположение, что Парфений Уродивый — псевдоним Ивана Грозного. В своей статье «Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного» А. И. Шляпкин делает следующее предположение: «Позволяю кстати сообщить заметку о литературной деятельности и самого царя Ивана Васильевича, о которой у нас, кроме исследования И. Н. Жданова (Сочинения, т. I, стр. 81—170), нет специальной работы. В Памятниках древней письменности ОЛДП за 1886 г. напечатано было по рукописи Царского № 423 покойным архимандритом Леонидом (Кавелиным) „Послание к неизвестному против люторов — творение Парфения Уродивого“. При ближайшем знакомстве с ним я увидел, что это не что иное, как ответ царя Иоанна Васильевича Грозного Яну Роките (первые 12 слов Грозного). Парфению Уродивому принадлежит еще „Канон св. архангелу Михаилу, грозному воеводе, хранителю души и тела, всем человеком посылаемому от Вседержителя бога по вся души человеческие душу возвести к Господу, а тело земли предати. Ты же, человеке, не забывай смертного часа, по вся дни пой канон сей“, что уже отметил архимандрит Леонид (I. с. стр. 1). Отсюда можно сделать вывод, что Парфений Уродивый — псевдоним И. Грозного, иронически называвшего себя девственником (παρθένιος). Принадлежность

² Послание к неизвестному против люторов. Творение Парфения Уродивого. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886, стр. V—VI.

царю канона св. арх. Михаилу будет соответствовать авторству Грозного в послании-молитве к мощам Михаила Черниговского и боярина Федора и в стихирах Владимирской иконе Божией Матери, св. Петру митрополиту и Даниилу Переяславскому (архим. Леонид. Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна деспота Российского. Изд. ОЛДП, СПб., 1886; Жданов И. Н. Сочинения, т. I, стр. 83), уже несомненно ему принадлежащих».³

Конечно, одного совпадения текста «Ответа царя Яну Роките» с «Посланием неизвестному против люторов Парфения Уродивого» еще недостаточно, чтобы отождествить Ивана Грозного с Парфением, тем более что текст Парфения сокращен сравнительно с «Ответом царя». Поэтому следует рассмотреть и другие текстологические возможности: 1) Иван Грозный воспользовался текстом Парфения, дописав конец и вставив указания на свое авторство, 2) некий Парфений Уродивый (не царь Иван Васильевич) воспользовался «Ответом царя Яну Роките» и выдал царское сочинение за свое, несколько его сократив.

Первый вариант невозможен, так как в «Послании Парфения Уродивого» имеются характерные для Грозного полемические обороты: «А что писал еси о латынской церкви, и аз о том глаголати не хошу, понеже яко латына прелесть, тако и вы тьма...»;⁴ «А что еси писал о Люторе, како он во учении вашем будто ся справедливо рассказывает, и о том много обличихом выше сего, яко вся развращенна...»;⁵ «Яко же убо выше сего много о том писах ти...»;⁶ «и аз о том глаголати не хошу... и о том сами ведаете».⁷ Ср. в Послании Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь характерный для Грозного оборот: «А нам к вам больши того писати невозможно, да и писати нечего... Сами ведаете».⁸ В «Послании к неизвестному Парфения Уродивого» встречаются и такие обороты: «А что писал еси о посте, и ты лжешь, а не истинствуешь...».⁹ Ср. в Послании Грозного к Сигизмунду II: «А что писал еси... ино твое писанье много отстоит от истинны...».¹⁰ Многократно встречаются в «Послании к неизвестному» и обороты, начинающиеся со слов «Видиши ли, яко...».¹¹ Характерно также для Грозного издевательство над именем про-

³ См. сборник: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, стр. 554—555.

⁴ Послание к неизвестному..., стр. 26.

⁵ Там же, стр. 27.

⁶ Там же, стр. 35.

⁷ Там же, стр. 44.

⁸ Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 192.

⁹ Послание к неизвестному..., стр. 27.

¹⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 261.

¹¹ Послание к неизвестному..., стр. 11, 13, 17, 24, 25 и др.

тивника. Ср. в «Послании к неизвестному»: «во истину бо Лютор, иже лют глаголется»,¹² и в Послании Грозного к Полубенскому: «А пищешься Палемонова роду, ино то палаумова роду. . .».¹³ Наконец, Парфений, как и Грозный, прибегает и к простой брани: «Аще ли же разрушаеши, не токмо козлище еси, но и хищник, волк, и тать, разбойник».¹⁴

Кроме того, в одном случае в «Послании Парфения» осталось указание на царское происхождение автора. Парфений пишет от первого лица: «А что еси писал о русской вере, ино как бы прос(вя)тил прародителя нашего благочестиваго великаго князя Владимира, нареченнаго во святом крещении Василия».¹⁵ Это место одинаково читается и в «Послании Парфения» и в «Ответе царя». Из этого видно, что «Ответ царя» не мог быть переделан из «Послания Парфения».

Разберем теперь вторую из возможностей: некий Парфений Уродивый воспользовался «Ответом царя».

Однако здесь надо обратить внимание на то, что произведение Парфения не имеет никаких новых элементов. Это только сокращенный ответ Грозного Роките. Кто же из живых людей мог решиться на прямое присвоение текста Ивана Грозного? Ясно, что под именем Парфения Уродивого может скрываться только сам Иван Грозный. Однако встает вопрос: почему же понадобилось Грозному укрыться под придуманным именем Парфения Уродивого?¹⁶

Напрашивается желание искать ответ на этот вопрос в самом содержании отброшенной части. Что же это за часть? В ней Грозный обвиняет последователей Лютера в допущении многоженства. Грозный выступает с крайним раздражением против тех, кто женится после смерти жены. Ответ Яну Роките датируется 1570 г.¹⁷ К этому времени Грозный был уже женат три раза. В апреле же 1572 г. собрался церковный собор, разрешивший Грозному четвертый брак, но наложивший на царя епитимию и указавший на непозволительность кому-либо из подданных царя поступать по его примеру. В соборном определении от 29 апреля 1572 г. о четвертом браке царя Иоанна Васильевича сказано, что Иван на соборе «извещался и прощения просил, и бил челом и молил о прощении и о разрешении и обличении четвертого брака сочетания». Собор разрешил Ивану четвертый брак, но наложил

¹² Там же, стр. 2.

¹³ Послания Ивана Грозного, стр. 203.

¹⁴ Послание к неизвестному. . ., стр. 30.

¹⁵ Там же, стр. 25.

¹⁶ Именем знаменитого писателя (например, Иоанна Златоуста) в древней Руси иногда подписывались сочинения менее известных авторов, чтобы придать этим сочинениям больший авторитет. Однако никаких других писателей или святых с именем Парфения Уродивого мне неизвестно.

¹⁷ Ян Рокита был в Москве весной 1570 г. в свите польских послов Кротошевского и Тевлюта.

епитимию и указал, чтобы никто из «прочих человек от мирских царьского синглита и до простых» никак не дерзали на четвертый брак под угрозой «пригрозного» проклятия.¹⁸

Естественно, что в условиях этого церковного осуждения многоженства царя выступать самому царю против многоженства было неудобно.

Как известно, Грозный считал нужным распространять свои сочинения «во все его Российское царство».¹⁹ Поэтому «Ответ царя Яну Роките» Грозный также стал распространять, но убрал всю ту часть, где он выступал против многоженства, а сам себя насмешливо называл «Парфением», т. е. девственником. Впоследствии Грозный, отбросив все церковные запрещения, был женат по крайней мере еще два раза.

Литературный маскарад был вполне в духе Грозного. Вспомним его челобитные, которые заключались униженными самопрозваниями: «Иванец Васильев со своими детишками с Иванцем да с Федорцем челом бьет». Вспомним также его послания от имени бояр.²⁰

Под именем Парфения Уродивого Грозный написал еще Канон Ангелу Грозному воеводе. Канон этот довольно часто встречается в списках, отмечается в описаниях рукописей, но до сих пор не был издан и изучен. Принадлежность Ивану Грозному Канона Ангелу Грозному воеводе основывается не только на том, что он надписан тем же именем Парфения Уродивого, что и «Послание к неизвестному против люторов». Обращает на себя внимание характерность для Грозного стиля, отдельных выражений, тем и настроения.

Канон формально построен по традиционной схеме — 9 песнопений (ирмосов и тропарей). Темы песнопений указаны правильно. Как и полагается, Канон заканчивается славословием богоматери, но это только формально. На самом деле Канон посвящен всего одной теме — смерти. Ангел восхваляется только как ангел смерти. Настроение страха пронизывает Канон от начала и до конца. Сравнительно с известными стихирами Грозного Канон Ангелу Грозному воеводе отступает от традиционной формы. Канон подчеркивает страх, внушаемый ангелом: «грозный и смертоносный ангел», «страшный посланниче», «великий хитрец», «страшный воин», «святый ангеле огнеобразный» и т. д. О себе автор Канона говорит так: «злосмрадный», «окаянный», «и мене помилуй, грешнаго и окаяннаго», «душу мою, наполненную смрадом» и пр.

Наконец, имеется одно место в Каноне (только в двух списках — Пушкинского дома, Карел. собр., № 2, и Библиотеки

¹⁸ Акты археографической экспедиции, т. I. СПб., 1836, стр. 229—331.

¹⁹ Я. С. Лурье. Был ли Иван IV писателем? ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 507.

²⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 195, 239.

СССР им. Ленина, ф. 304, № 287), которое свидетельствует, что писавший — лицо весьма значительное: «О люди благочестия и вси племена земствия, егда видите мое смертное тело на земли повержено и воню греховною объято, — помолитесь ко ангелу смертоносному о мне...». Ясно, что здесь пишет необычный человек.

Правда, в Каноне имя молящегося всюду изъято и заменено на «имрек», но, как мы уже отмечали, изъяты указания на Грозного и в другом произведении Парфения Уродивого — «Послании неизвестному». Грозный ничего не писал от имени Парфения, он только скрывал под этим именем уже написанное. Что Грозный был автором церковных служб, это хорошо известно. Архимандрит Леонид в 1886 г. издал «Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна, деспота российского» (Памятники древней письменности, ОЛДП, LXIII). Эти стихиры вполне традиционны, поэтому нет ничего удивительного, что они надписаны именем царя. Напротив, Канон Ангелу Грозному воеводе написан в типичной для Грозного манере, выражает его интимные настроения — его ожидание и страх смерти, поэтому распространять их с именем царя было также неудобно. Известно, что Грозный пел церковные службы. Архимандрит Леонид упоминает, что в Никитском монастыре в Переяславле Залесском на южной стороне паперти собора в его время была плита белого камня с надписью об освящении собора в 1564 г. московским митрополитом Афанасием. В надписи, между прочим, было сказано: «Благочестивый государь... всенощное бдение слушал и первую статию сам царь чел и божественную литургию слушал, и красным пением с своею станицею, сам же государь пел на заутрени и на литургии».²¹

Из изложенного ясно, что Канон Ангелу Грозному воеводе, надписанный именем Парфения Уродивого, также принадлежит Грозному. Причем это новое произведение Грозного в еще большей мере укрепляет мысль, что имя Парфения придумано самим Грозным и скрывает те его произведения, которые ему по каким-либо соображениям не хотелось публично признавать своими.

В одном списке (БАН, 33.3.20) после Канона Парфения Уродивого следует текст Молитвы к Иисусу Христу и архангелу Михаилу. Эта Молитва не надписана именем Парфения, но с Каноном она составляет одно традиционное целое (каноны обычно заключались молитвами) и сходствует с ним по стилю и по теме. Грозный (вернее «Парфений») просит архангела Михаила изъять его из рук врагов, «запретить» всем, борющимся с ним

²¹ Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна, деспота российского. Сообщил арх. Леонид. СПб., 1886 (ГДП, ОЛДП, LXIII, стр. III.

врагам, просит спасти его «на распутиях, на реках, и в пустынях, в ратех, в царех, и в князех, в вельможах, и в людех, и во всякой власти, и от всякоя притчи, и от диявола». Он просит спасти его «от очию злых человек и от напрасныя смерти». И, наконец, что самое важное для атрибуции, обращается к своим святым покровителям. Кто же эти покровители? Это Иоанн Креститель — ангел Грозного (Иоанн Лествичник был ангелом его сына царевича — Ивана Ивановича), пророк Илья, Никола Чудотворец и Евпатий.

Позволю себе привести справку, полученную мною от известного искусствоведа и вещеведа — Т. В. Николаевой: «Что же касается Иоанна Предтечи, Николы и Никиты, то их изображения на вещах Ивана Грозного являются обычными. Вместе с ними изображаются еще Анастасия, царь Константин и царица Елена, Симеон Богоприимец и патроны сыновей Грозного — Иоанн Лествичник и Федор Стратилат. Вещи Ивана Грозного или членов его семьи с изображениями патрональных святых следующие:

1) Икона „Богоматерь Одигитрия“ 1560 г., в золотом окладе с черневыми изображениями святых на золотых дробницах (Иоанна Предтечи, Николы, Анастасии и др.). Хранится в Оружейной палате. См.: Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1954, стр. 186 и 194.

2) Икона „Спас Вседержитель“ XVI в., в серебряном чеканном окладе с гравированными дробницами. Изображены: Иоанн Предтеча, Владимир, Борис и Глеб и др. Хранится в Оружейной палате. Происходит из Покровского монастыря в Суздале. Издана у В. Г. Георгиевского: Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927; а также: Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1969, № 71.

3) Оклад Евангелия 1568 г., сделанный по образцу Евангелия Федора Кошки. На окладе помещены: Иоанн Предтеча в деисусе, Никита Переяславский, Владимир с Борисом и Глебом, Анастасия, Симеон Богоприимец, преподобный Сергей и Никола. См.: Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1969, № 65.

4) Икона „Кирилл Белозерский“. Сер. XVI в. Из собрания Троице-Сергиевой лавры (Загорский музей, инв. 8/4942). На чеканном серебряном окладе помещены гравированные изображения святых: Иоанн Лествичник, Ульяния, св. Василий (по видимому, Парийский), Анастасия. Точных данных о принадлежности этой иконы нет, но изображения святых связаны, несомненно, с семьей Грозного (только Ульяния — это имя не «лекарицы», как мы предполагали, а жены брата Ивана Грозного Юрия).

5) Икона „Никола Бородинский“. Сер. XVI в. Из собрания Троице-Сергиевой лавры (Загорский музей, инв. № 2719). На роскошном серебряном с золотыми дробницами окладе, выполнен-

ном чеканкой, чернью, сканью и эмалью, помещены на цате изображения Богоматери Знамения, Иоанна Предтечи и Николы, а на поле оклада, на киотчатых дробницах, гравировкой с чернью по золоту изображены: архангел Михаил, архангел Гавриил, Василий Великий, Анастасия, преподобный Иоанн, святой Мина, святая Ульяния. См.: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас снимков, ч. II. СПб., 1906, табл. ССХСVIII, рис. 559.

6) Икона „Никола“ с приписными святыми: Троица, мученик Георгий, мученик Дмитрий, апостол Петр, апостол Павел, Василий Великий, Иоанн Креститель, Федор Стратилат, мученица Ирина, Григорий Богослов, Тихон Чудотворец, Иоанн Златоуст, преподобная Федосия, мученик Никита, Мина, апостол Яков, Евдокия, преподобный Кирилл, Леонтий Ростовский, преподобный Андроник. 1592 г. Икона принадлежала царю Федору Иоанновичу и была, по-видимому, написана в Троице-Сергиевом монастыре (Загорский музей, инв. № 5605)».

Если Грозный принял имя Парфения Уродивого для «Послания неизвестному против люторов» после собора 1572 г., то надо думать, что и другое свое сочинение — Канон Ангелу Грозному воеводе — Иван Грозный написал под именем того же Парфения вскоре же. Вряд ли нужно предполагать, что Грозный писал Канон Ангелу Грозному в начале 80-х годов, когда раскаяние в совершенных убийствах и страх смерти достигли у него апогея. Временем написания Канона и Молитвы мог быть тот же 1572 или 1573 год. В 1571 и 1572 гг. Иван ходил на Новгород. Р. Т. Скрынников пишет: «После новгородского разгрома в земщине много толковали о том, что бог покарал Ивана неизлечимой болезнью». ²² В своем «Временнике» Иван Тимофеев пишет, что после похода на Новгород бог «болети неисцелно ему сотвори». ²³ В мае 1572 г. Грозный просил английского посла об убежище в Англии. К 1572 г. обычно относится и «Завещание» Грозного, также отражающее его страх смерти. ²⁴

Теперь перед нами самый интересный вопрос: кто тот Ангел Грозный Воевода, которому молится Грозный и которого он ожидает в свой смертный час?

Во всех описаниях рукописей, где упомянут Канон Ангелу Грозному воеводе, говорится, что это Архангел Михаил. И опи-

²² Р. Г. Скрынников. Опричный террор. Изд. ЛГУ, Л., 1969, стр. 161.

²³ Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. М.—Л., 1951, стр. 14.

²⁴ Грозный пишет в своем «Завещании», что тело его «изнеможе, боленует дух, струпи телесна и душевна умножишися, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мной поскорбит, и не бе, утешающих не обретох...» (Послания Ивана Грозного, стр. 524). Во вступительной части его завещания развернута потрясающая картина сомнений, самоуничтожения, раскаяния и тревожного ожидания смерти.

сывающие безусловно правы. Архангел Михаил — предводитель небесных сил. Он победитель сатаны. Он проводит человеческую душу через загробные мытарства.

В своем исследовании «Культе святого Михаила» О. А. Добиаш-Рождественская приводит материалы, устанавливающие представления об архангеле Михаиле как об ангеле смерти. Она пишет, что Михаил на Западе — «борец за душу, водитель душ, может быть, прямо смертный ангел».²⁵ К нему направлялись молитвы за усопших и ему часто посвящались кладбищенские церкви.

Причина, по которой Грозный обращается в Каноне к архангелу Михаилу в своем паническом страхе смерти, вполне ясна. Архангел Михаил — не только ангел смерти, приходящий за душою умершего и проводящий ее в «горный Иерусалим», — это также и тот ангел, во имя которого была построена царская усыпальница в Московском Кремле, где предстояло лечь и самому Иоанну Грозному, — Архангельский собор. Архангел Михаил действительно считается предводителем небесных сил, однако все же таки в Каноне он не назван по имени. По имени архангел Михаил назван только в Молитве. Важно, что в Послании Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, относящемся приблизительно к тому же времени, что и Канон и Молитва, — к 1573 г., имеется тот же мотив обращения к ангелу смерти. И опять-таки ангел смерти не называется по имени.

Говоря в своем Послании в Кирилло-Белозерский монастырь о последнем часе, предстоящем каждому человеку, Грозный восклицает: «Предстанет бо ти напрасно все пагубство, и люта, яко же буря, придет ангел немилостив, отводя с нуждею, влекий душу твою, связану грехми, часто обращающуюся к здешним и рыдающую без гласа...».²⁶

В тираде, обращенной в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь к ангелу смерти, есть те же типичные и для Канона мотивы: 1) ангел назван «немилостивым» (ср. в Каноне — «твоея нещадости»); 2) страх смерти («смутися сердце мое исхода ради, и страх смертный нападе на мя, боязнь и трепет Страшнаго судища прииде на мя...»); 3) боязнь умереть без покаяния («аще восхищен будеши прежде покаяния...»); 4) боязнь одиночества в час смерти («ей, поистине, ношь глубока тогда, и болезнь тяжка, и помагаяй несть»); 5) мотив долгого пути к небесному Иерусалиму («течение к Иерусалиму...»)²⁷.

Резюмируя свое историческое вступление к исследованию о святом Михаиле, О. А. Добиаш-Рождественская между прочим

²⁵ О. А. Добиаш-Рождественская. *Культе святого Михаила*. Пгр., 1917, стр. 361 (гектографированное издание).

²⁶ *Послания Ивана Грозного*, стр. 171.

²⁷ Там же, стр. 168 и 171 (совпадение мотивов в Каноне и в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь лишний раз доказывает принадлежность первого перу Грозного).

пишет: «Михаил, несомненно, светлое божество, борец за доброе начало. Но все-таки это борец карающий, грозный ангел. И его воинственность, и его связь с „древним змием“, по понятному психологическому уклону, отбрасывает зловещую тень на его светлый облик, дает ему характер христианского Сатаны».²⁸ А заключая всю книгу, О. А. Добиаш-Рождественская отмечает: «Он (Михаил, — Д. Л.) почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда он бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечет розгами, уносит смерчем, ударяет молнией. Это гневный бог и святой сатана. Его больше боятся и чтут, чем любят. Элемент добродушия почти отсутствует в его легенде».²⁹

Черты жестокости, воинственности, грозности необычайно сгущены в Каноне Парфения Уродивого и его Молитве. Многократно повторяется, что ангел — «грозный воевода», что «возхождение» его за душой умирающего «грозно». Грозный говорит о нем: «несть сильнее тебя и крепчайши во брани». Он просит «весело» взглянуть на него: «да не ужаснуса твоего зрака». Ангел у Грозного «смертоносный», «страшный воин», «грозный посланниче». Он говорит о нем как о воителе: «Скоро пленяеши и не замедлиши николе же. Всюду готов стоиши, и храбруеши, и зла не убоишися, ни стара отриеши, ни млада отступиши»; «Великий мудрый хитрец, никто же может твоя хитрости разумети, дабы скрылся от твоя нещадости». Грозный просит Ангела: «Мудрый ангеле и светлый, просвети ми мрачную мою душу своим светлым пришествием, да во свете теку во след тебе». Восхваляя Ангела Грозного воеводу, Грозный называет его «мудрым оружником и грозным полчеником и победителем вражиимь силам». В Молитве к архангелу Михаилу Грозный просит его: «Запрети всем врагом борющимся со мною. Сотвори их яко овец, и сокруши их яко прах пред лицом ветру»; он просит соблюсти его «от очию злых человек».

Если вспомнить, что Грозный, прежде чем обнародовать свой «ответ» Яну Роките под именем Парфения Уродивого, сильно урезал его конец и все-таки скрылся за псевдонимом, то не следует ли предполагать, что и здесь, в Каноне и Молитве Ангелу Грозному, была проделана так же вивисекция, и все-таки, в отличие от традиционных стихир, Грозный не решился обнародовать их под своим именем.

Не потому ли в Каноне Грозному воеводе нет имени Михаила, что черты жестокости «ангела грозного воеводы» необычайно сгущены в Каноне и Грозный признавал его не совсем христианский

²⁸ О. А. Добиаш-Рождественская. Культ святого Михаила, стр. 46.

²⁹ Там же, стр. 392.

характер. Как раз в это время Грозный выворачивал христианский культ наизнанку. В 1570 г. был умерщвлен митрополит Филипп. Поход Грозного на Новгород и Псков носил ярко выраженный антицерковный характер. Затворившись в паническом ужасе в Александрийской слободе³⁰ со своими опричниками, он переделался с ними в монашеское платье, но не стал монахом. В своем Послании в Кирилло-Белозерский монастырь он писал: «И мне мнится, окаянному, яко исполу есмь чернец...».

На свадьбе царской племянницы Марии Владимировны Стариковой в Новгороде гости плясали под напев символа веры св. Афанасия. Царь плясал со всеми и стбивал такт жезлом, которым впоследствии убил своего сына Ивана, по головам пляшущих молодых иноков.³¹

Пискаревский летописец сообщает об одном пире, на котором присутствующие «почали прохладжати и всяким глумлением глумитися: овии стихи пояше (под «стихами» разумеются молитвы, церковные песнопения, — Д. Л.), а овии песни воспевати».³²

Искажения и глумления над христианским культом были типичны для Грозного. Демонстративно выставляя свою ортодоксальность во всех официальных случаях, он вместе с тем был склонен к кощунству, к высмеиванию этого же культа, к различного рода нарушениям религиозных запретов.

Канон Ангелу Грозному воеводе и Молитва к архангелу Михаилу были вполне «серьезны», в них не было элементов глумления над религией, но тем не менее сам объект молитвы приобретал не «исполу» христианские, а «исполу» антихристианские черты и поэтому не мог быть назван по имени. Образ Ангела

³⁰ Исследователь опричнины Р. Г. Скрынников пишет: «По мере нарастания террора все большее значение в политической жизни государства приобретал новый важный элемент — всеобщий страх и подозрительность. Жертвою страха стал и сам Грозный. На протяжении всей опричнины он жил затворником в Слободе под надежной охраной и никуда не выезжал иначе, как в сопровождении многих сотен вооруженных до зубов преторианцев. Постоянно опасаясь заговоров и покушений, царь перестал доверять даже ближайшей родне и друзьям. Новые сподвижники Ивана старательно поддерживали в нем его подозрения. В пору кровавых оргий опричнины царь действует как человек, ослепленный страхом. Как заметил однажды Энгельс, эпоху террора нельзя отождествлять с господством людей, внушающих ужас. „Напротив того, это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершенные для собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх“» (Р. Г. Скрынников. Опричный террор, стр. 160; цитата из письма Ф. Энгельса к К. Марксу от 4 сентября 1870 г., см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 33, 1964, стр. 45).

³¹ А. Чумиков. Осада Ревеля. Чтения ОЛДП, 1891, кн. 2, отд. IV, стр. 32.

³² Пискаревский летописец. Подготовка текста, вводная статья, примечания и указатель О. А. Яковлевой. В кн.: Материалы по истории СССР, т. II. М., 1955, стр. 85.

Грозного воеводы соединился в сознании Ивана Грозного с образом тех «лютых ангелов», которые, по средневековым представлениям, ведали загробными мучениями грешников.³³ Больная совесть Грозного заставляла его думать о смерти и о загробных мучениях.

Текст Канона издается по небольшой рукописи XVII в.,³⁴ открывающей собой известный сборник № 2 из Карельского собрания Пушкинского дома, по которому В. И. Малышевым был издан новый текст «Моления Даниила Заточника».³⁵

Канон Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого нередко встречается в рукописях. Леонид указывает, например, следующие списки Троице-Сергиевой лавры: канонники №№ 280 (конца XVI—начала XVII в.), 284 (XVII в.), 287 (XVII в.), 293 (XVII в.) и др.³⁶ Нами для вариантов избраны тексты в сборнике канонов БАН 33.3.20 середины XVII в., в 16-ю долю, на лл. 213 об.—227 (обозначаем — А). По этому же списку издается текст Молитвы Иисусу Христу и архангелу Михаилу. Для вариантов избрана также рукопись канонника Архива Синода № 436 (610) (обозначаем — С). В. Н. Перетц относил этот список к концу XVI в. и снял с него копию, использованную нами с любезного согласия В. П. Адриановой-Перетц. В том же Архиве Синода Канон Ангелу Грозному имеется и в каноннике № 460 XVII в. Текст Канона и Молитвы публикуется по правилам, принятым в ТОДРА.

Канон (и последующий за ним кондак) заключает в себе отметки о песнопениях «Слава Отцу и Сыну...» и «И ныне и присно...». В списке Пушкинского дома эти отметки сделаны на полях рукописи. В нашем издании мы помещаем их в особом, верхнем этаже примечаний и отмечаем буквами. В других списках эти отметки внесены в строку.

³³ Ср. в сербском списке «Повести об Акире Премудром», изданном В. Ягичем: «Сину мои Анадане, — говорит Акир, — правдан' судие буди, да до старости почтен будеш и твое душа проиде от земле до небес и не примут е на вратех митарских люти ангели» (Prilozi k historiji književnosti naroda Hrvatskoga i srbskoga. Isdao V. Jagić. Zagreb, 1869, стр. 76). Источник указан мне Н. С. Демковой.

³⁴ Сохранившиеся части водяного знака — по-видимому, изображение орла в картуше.

³⁵ В. И. Малышев. Новый список Даниила Заточника. ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 193—200. Здесь же подробное описание сборника.

³⁶ См.: Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. II. М., 1878, стр. 54, 60, 66, 72 и 106.

л. 4 Канун¹ ангелу грозному, и² воеводе, и² хранителю всех человек,³ от Вседержителя бога посланному³ по вся душа человеческая.⁴ Ты же, человече, не забывай часа смертного: пой по вся дни канун⁵ сей творение⁶ Уродиваго Парфения.⁶

По утреннем пении глаголи:⁷ «Молитвами⁸ святых отец наших⁹ Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь»,⁹ «Царю¹⁰ Небесный», «Трисвятое» и по «Отче наш» — «Господи помилуй»¹², «Слава», «И ныне», «Приидите поклонимся». 3,¹¹ та же¹¹ псалом 50, «Помилуй мя боже», та же канун глас 6, песнь 1, ирмос «Яко по суху».¹² Запев: ¹³ «Святый ангеле, грозный воевода,¹⁴ моли бога о нас».¹⁵ ||

л. 4 об. Прежде¹⁶ страшнаго и грознаго¹⁶ твоего,¹⁷ ангеле,¹⁸ пришествия¹⁹ умоли²⁰ о мне грешнем²¹ о рабе твоём²¹ имрек. Возвести²² ми конец мой,²³ да покаюсь дел своих злых, да отрину от себе бремя греховное. Далече ми с²⁴ тобою путешествовати. Страшный и грозный ангеле, не устраши мене маломощнаго. Дай ми, ангеле, смиренное²⁵ свое пришествие и красное²⁶ хождение,²⁷ и велми ся тебе возрадую. Напой мя, ангеле, чашею спасения.^а

Святый ангеле, да мя напоиши чашею спасения и весело²⁸ теку во след твоему²⁹ хождению³⁰ и молюся — не остави мене сира.^б

Рождшия³¹ ти³² царя вышним силам, пресвятая³³ царица, л. 5 ты бо еси милостива, може||ши бо облечьши мое бремя³⁴ греховное, ташкое.³⁴

Песнь 3, ирмос «Несте³⁵ свята, яко же ты, ³⁶ Господи боже».³⁶

Святый ангеле Христов,³⁷ грозный воевода, помилуй мя грешнаго раба своего имрек. Егда придет время твоего прихода, свя-
тый ангеле, по мене грешнаго имрек разлучити мою душу от убо-
гаго³³ ми³⁹ телеси,⁴⁰ — ⁴¹ вниди с тихостию,⁴² да с радостию
усрящу тя честно.

^а На полях против последних слов: Слава. ^б На полях: И ныне.

1-1 Доб. святому С. 2-2 Нет АС. 3-3 посланному от бога вседержи-
теля А. 4 Доб. душу возвести ко господу, а тело земле отдать А; душу
бо возвести к богу, а тело персти отдать С. 5 Доб. ангелу грозному А.
6-6 Парфения Уродиваго С. 7 Доб. сиде С. 8 за молитв АС. 9-9 Нет
С. 10 Та же царю С. 11-11 Нет АС. 12 Доб. ходив ниль А; ходив С.
12-15 Нет С. 13 припев А. 14-15 помилуй мя грешнаго А. 16-16 гроз-
наго и страшнаго АС. 17 Далее ошибочно в ркп. при и в А. 18 Со
аггелы А; аггела С. 19 с пришествия С. 20 умолися С. 21 умилися С.
21-21 Нет АС. 22 С полуслова Возве в А начинается пропуск; возобно-
вляется текст — см. сноску 38. 23 Доб. имрек С. 24 В ркп. з С.
25 смирение С. 26 красно С. 27 вхождение С. 28 весел А. 29 твоею С.
30 вхождению С. 31 В ркп. рождения; рождшия С. 32 ты С. 33 пре-
чистая С. 34-34 тяжкое, греховное С. 35 несть С. 36-36 Нет С.
37 Нет С. 38 С полуслова гаго возобновляется А. 39 Нет С.
40 тела АС. 41 Нет С. 42 тихостью А.

Молю ти ся, святой ангеле, яви ми свой светлый зрак⁴³ и весело возри на мя окаянного, да не утешит мене приход твой святой,⁴⁴ да уготоваюсь⁴⁵ на сретение тебе честно.⁴⁶

Святой ангеле,⁴⁷ посланиче божий,⁴⁷ дажь⁴⁸ ми, || ангеле,⁴⁹ а. 5 об. час покаяться⁵⁰ согрешении⁵¹ и⁵² отринуты⁵³ от себе бремя тяжкое.⁵⁴ Далече ми теши во⁵⁵ след тебе.⁵

Святой ангеле,⁵⁶ не имам иного разве тебе заступника⁵⁷ скоро. Помилуй⁵⁸ грешного⁵⁹ раба своего⁵⁹ имрек и⁶⁰ приведи душу мою ко⁶¹ владычицы.⁶² Та бо есть милостива отпущати⁶³ грешным⁶⁴ согрешения.

Песнь 4, ирмос — «Христос мне».⁶⁵

Молю ти ся, страшный и грозный посланник⁶⁶ высшего царя, воевода, — весело⁶⁷ возриши⁶⁸ на мя окаянного, да не ужаснуся твоего зрака и весело с тобою путешествую.⁶⁹

Плачась и⁷⁰ вопию, воевода⁷¹ небесного царя.⁷¹ Грозно⁷² возхожде||ние⁷³ твое,⁷⁴ да не вскоре разтлеще⁷⁵ мене грешного, но⁷⁶ а. 6 весело и тихо напой мене⁷⁷ смертною чашею.⁷

От сердца⁷⁸ вопию ти,⁷⁸ грозный⁷⁹ воевода и⁷⁹ воине царя царствующим, несть⁸⁰ сильнее тебя⁸¹ и крепчайши⁸² во брани,⁸³ и⁸⁴ умиленна в смерти,⁸⁴ и пряма⁸⁵ во исправлении.⁸⁶ Исправи душу мою на путь вечен.⁸⁶

Госпоже⁸⁷ богородице, дево,⁸⁷ рожшия⁸⁸ царя небесного, смертоносного⁸⁹ часа⁹⁰ не минухся, избави душу раба своего имрек⁹¹ от сети ловящих.

Песнь 5, ирмос — «Божим».⁹²

О⁹³ сродницы⁹⁴ мои, егда видите мене от вас разлучена,⁹⁵ и зрак лица моего изменился,⁹⁶ и гробу предаюся, и⁹⁷ ко Су||дии⁹⁷ а. 6 об. влеком буду, —⁹⁸ и молитесь⁹⁸ о мне святому⁹⁹ ангелу,¹⁰⁰ да ведет II, 1 душу мою в место покойно.

^в На полях И ныне.

^г На полях Слава.

^д На полях И ныне.

⁴³ В С сначала написано приход вместо зрак, но зачеркнуто киноварью. ⁴⁴ светлый А. ⁴⁵ уготовлю А. ⁴⁶ Доб. слава АС. ⁴⁷⁻⁴⁷ божий посланный А; божий посланник С. ⁴⁸ дай АС. ⁴⁹ Нет АС. ⁵⁰ Доб. о А. ⁵¹ Доб. своим А. ⁵² Нет С. ⁵³⁻⁵⁴ Нет АС. ⁵⁴ Доб. греховное А. ⁵⁵ в С. ⁵⁶ Доб. Господень А. ⁵⁷ спутника АС. ⁵⁸ Доб. мя С. ⁵⁹⁻⁵⁹ Нет АС. ⁶⁰ Нет АС. ⁶¹ к С. ⁶² богородице А; богородицы С. ⁶³ отпущает А. ⁶⁴ грешником С. ⁶⁵ Доб. сила АС. ⁶⁶ посланный А. ⁶⁷ да весело АС. ⁶⁸ возри С. ⁶⁹ путешествую С. ⁷⁰ Нет АС. ⁷¹⁻⁷¹ царя небесного АС. ⁷² грозное А. ⁷³ хождение АС. ⁷⁴ Нет А. ⁷⁵ растай АС. ⁷⁶ Нет АС. ⁷⁷ мя АС. ⁷⁸⁻⁷⁸ вопиюще: О! С. ⁷⁹⁻⁷⁹ Нет АС. ⁸⁰ Доб. иного А. ⁸¹ тебе АС. ⁸² крепка А; крепкого С. ⁸³ бранех АС. ⁸⁴⁻⁸⁴ смыслена в мудрости А; смыслена в смерти С. ⁸⁵ права А. ⁸⁶⁻⁸⁶ управы путь мой А; исправи путь мой С. ⁸⁷⁻⁸⁷ дево богородице владычице АС. ⁸⁸ рождшая С. ⁸⁹ смертоносна А. ⁹⁰ ангела А. ⁹¹ Нет АС. ⁹² Доб. светом ти А; светом ти блаже С. ⁹³⁻⁹⁴ сродницы С. ⁹⁵ разлучаема А. ⁹⁶ изменился АС. ⁹⁷⁻⁹⁷ к суду С. ⁹⁸⁻⁹⁸ помолятся А; молитесь С. ⁹⁹ грозному А; нет С. ¹⁰⁰ аггела С.

II, 1 проводит А.

О друзи мои любезнии, егда видите мене от вас разлученна и земли предаема, — помолитесь о мне грешнем² ко святому ангелу, да проводит душу мою вся³ двадесят мытарств и измет⁴ от всех погубелей.⁵

Людие⁵ божи, благочестнии и⁶ вся⁷ племена земьстии,⁸ егда видите⁹ смертоное¹⁰ тело на земли повержено и военою объято¹¹ — помолитесь¹² ко¹³ ангелу смертоносному¹⁴ о мне,¹⁴ да ведет¹⁵ душу мою в тихое¹⁶ пристанище.^{ж, 17}

л. 7 Пресвятая дево¹⁸ богородице, владычице, ты веси немощь¹⁹ земных¹⁹ человек. Вскоре разоряетца естество || плоти нашей.²⁰ Ты,²¹ госпоже, буди нам²² заступница.

Песнь 6, ирмос — «Житейского».²³

От бога посланнаго²⁴ страшнаго²⁵ воина, царем, и князем, и архиереем,²⁶ и²⁷ всем людем²⁷ великое²⁸ изменение от суетнаго²⁹ века сего,²⁹ в напастех пребывающих и в скорбех тружających³⁰ сущи³¹ верных.^{ж, 32}

Святый ангеле,³³ от всех нас на земли живущих дань^{33а} свою примешь³⁴ от бога повеленную ти, егда приидеши³⁵ и носи в сокровище света.^н

л. 7 об. ³⁶ Святый ангеле, грозный посланниче, и мене избави от суетнаго жилища сего.^{ж, 37}

О царице владычице,³⁸ сирым питателница³⁹ и⁴⁰ обидимым⁴¹ заступнице и бедным⁴² помощница,⁴³ || болным надеяние⁴⁴ и всем⁴⁵ грешным оцщение, и мне грешному имрек буди ми⁴⁶ помощница⁴⁷ и помилуй мя.

Кондак,⁴⁸ глас 5.

Небеснаго царя воевода и предстатель престолу божию и творитель⁴⁹ воли господни и совершитель⁵⁰ заповедей⁵¹ его, не ли-

^е На полях Слава. ^ж На полях И ныне. ^з На полях Слава 2. ^и На полях Слава 1. ^к На полях И ныне.

² Нет АС. ³ Нет С. ⁴ Доб. и А; ю С. ⁵ О, людие С. ⁶ Нет С. ⁷ вси АС. ⁸ земная С. ⁹ види А. ¹⁰ Так в С; в ркп. смертоносное; мое А. ¹¹ Испр.; в ркп. обьяся; объято греховною АС. ¹² Доб. о мне А; молитесь о мне С. ¹³ Нет С. ¹⁴⁻¹⁴ Нет АС. ¹⁵ приведет С. ¹⁶ тихо АС. ¹⁴⁻¹⁷ В ркп. доб. невлаемо; в АС этого нет. ¹⁸⁻¹⁸ пречистая АС. ¹⁹ земнородных АС. ²⁰ наша АС. ²¹ ты же С. ²² мне АС. ²³ Доб. моря АС. ²⁴ В ркп. доб. и. ²⁵ Нет С. ²⁶ архиереем АС. ²⁷⁻²⁷ всякому дыханию АС. ²⁸ велико АС. ²⁹⁻²⁹ сего света А; сего века С. ³⁰ тружających АС. ³¹ сучных А; сущих С. ³² вечных А. ³³ Доб. посланный и мене избави от суетнаго жилища, Святый аггеле господень А; посланниче, и мене избави суетнаго жилища. Святый аггеле С. ^{33а} В ркп. да. ³⁴ приемлиши С. ³⁴⁻³⁵ Доб. по АС, в ркп. пропуск. ³⁶⁻³⁷ Нет АС. ³⁸ богородице С. ³⁹ питателнице АС. ⁴⁰ Нет АС. ⁴¹⁻⁴² В ркп. нет; доб. по АС. ⁴³⁻⁴⁴ В ркп. нет; доб. по А. ⁴⁵ Нет АС. ⁴⁶ Нет АС. ⁴⁷ помощник А; помощнице С. ⁴⁸ Доб. аггелу АС. ⁴⁹ Так в АС; в ркп. сотворитель. ⁵⁰ свершитель А. ⁵¹ заповедем А; заповеди С.

шиши⁵² ся славы⁵³ велелепныя⁵⁴ и прославишися, скоро пленяеши и не замедлиши николи же.⁵⁴ Всюду готов стоиши, и⁵⁵ храбреуши, и⁵⁶ зла не убоишися,⁵⁷ ни стара отриеши,⁵⁸ ни млада отступиши.⁵⁹ Вся имеши⁶⁰ и ведеши в место покойно. И мене помилуй грешнаго и окаяннаго⁶¹ имрек, да поем⁶² ти аллилуйя. ||

Песнь 7, ирмос — «Хладодавиц».⁶³

л. 8

Великий,⁶⁴ мудрый хитрец, никто же может твоя хитрости разумети, дабы скрылся от твоея нещадости. Святый ангеле, умилися о мне⁶⁵ грешнем и⁶⁵ окаяннем.

⁶⁶ Мудрый ангеле и светлый,⁶⁶ просвети ми⁶⁷ мрачную мою⁶⁸ душу своим светлым пришествием, да во свете теку во след тебе.

Святый ангеле,⁶⁹ радуюся душою⁷⁰ и⁷¹ трепещу⁷² рукою и показуя людям час разлучения⁷³ души моей грешней⁷⁴ от убогаго ми⁷⁵ телеси.⁷⁶ Святый ангеле,⁷⁷ помолися о мне грешнем. л. 77 ||

Пресвятая⁷⁸ богородице, владычице, помилуй⁷⁹ грешнаго в час разлучения. Святый ангеле, страшный посланниче, изми душу мою от сети ловащих. л. 8 об.

Песнь 8, ирмос — «Ис пламени».⁸⁰

Царю⁸¹ небесному,⁸² слава нетленному⁸³ и непроходимая⁸⁴ сотворшему⁸⁵ чины⁸⁶ ангелския,⁸⁷ такова⁸⁸ страшна и грозна⁸⁸ смертоносна⁸⁹ ангела. Хвалите, пойте и превозносите его во веки.

Царя небеснаго слуга и предстатель престолу божию,⁹⁰ святей ангеле, смерть принося нам⁹¹ измени⁹² нас добротою⁹³ зда||ния л. 9 твоего⁹⁴ и⁹⁵ приведи нас к свету светлейшему⁹⁶ судии. Хвалите,⁹⁷ пойте и превозносите его во веки.⁹⁸

Царю небесному, богу нашему угрождаеши,⁹⁹ славы не отпадаеши, и заповеди его не престопаеши, и¹⁰⁰ волю его твориши,

¹ На полях И пыне.

⁵² лиши А. ⁵³ В ркп. нет; доб. по АС. ⁵⁴⁻⁵⁴ В ркп. его и не замлеши никому же; испр. по А; в С скоро пленяеши, и не замедли николи же. ⁵⁵ Нет АС. ⁵⁶ Нет АС. ⁵⁷ боишися А. ⁵⁸ отрешаеши А; отрешаеши С. ⁵⁹ отступаеши А. ⁶⁰ поемлеши А; поимеши С. ⁶¹ Доб. раба твоего А; нет С. ⁶² пою АС. ⁶³ Хладодавцу убо пещь А; Хладодавицу убо пещь С. ⁶⁴ Доб. и АС. ⁶⁵⁻⁶⁵ Нет АС. ⁶⁶⁻⁶⁶ Мудр сын светлый и светилниче А; мудр сый светлый светилник С. ⁶⁷ Испр.; в ркп. на поле; в тексте мя. ⁶⁸ Нет АС. ⁶⁹ господень А. ⁷⁰ душою С. ⁷¹ Нет С. ⁷² трепещу А. ⁷³ Доб. моего А; своего С. ⁷⁴ грешной АС. ⁷⁵ Нет С. ⁷⁶ тела АС. ⁷⁷⁻⁷⁷ помози ми грешному АС. ⁷⁸ Пречистая С. ⁷⁹ Доб. мя АС. ⁸⁰ Доб. святым росу источи А; святым С. ⁸¹ царя АС. ⁸² небеснаго АС. ⁸³ нетленная АС. ⁸⁴ непроходима А. ⁸⁵ сотворша А. ⁸⁶ мучения А. ⁸⁷ архангельский стоя А; архангельский святая С. ⁸⁸⁻⁸⁸ грозна и страшна А. ⁸⁹ Так А; в ркп. смртосносна; в С смертносна. ⁹⁰ Отсюда пропуск в А до сноски III, б. ⁹¹ Доб. и С. ⁹² В ркп. измене; испр. по С. ⁹³ доброты С. ⁹⁴ сего С. ⁹⁵ Нет С. ⁹⁶ Доб. и праведному С. ⁹⁷ Доб. и С. ⁹⁸ веки Слава С. ⁹⁹ Доб. и С. ¹⁰⁰ Нет С.

и ^{111, 1} в любви пребываеши. Ангела ты свята хвалим, поем ² и превозносим его во веки.^м

Царице, владычице, рожшия ³ и ⁴ вышним силам и ⁵ земным бога и господя, ⁶ спасителя от находящихся ны бед, молися богу, ⁷ да помилует ⁸ ны в день судный. Господя пойте и превозносите его во веки. ||

л. 9 об. Песнь 9 ирмос — «Бога человеком».⁹

Осквернившие ¹⁰ душу злыми похотми и ¹¹ теплыми слезами не омывшие и ¹² милостынею не очистившие, страшного ¹³ посланника не поминающе, мы же ты, ангеле, ¹⁴ по достоянию ¹⁴ величаем.

Бога нам поведаеши, святей ангеле, и душу мою ¹⁵ окающую ис тела изимаеши, ¹⁵ и ¹⁶ плоть разтлиши ¹⁶ и гробу предаеши, молим ¹⁷ ти ся, святей ангеле, изми душу мою от сети ловящих, ¹⁸ ты величаем.^{н, 18}

От бога посланному, всех ангел пристрашен ¹⁹ еси, святей ангеле, не устраши мою душу убогую, наполнену злосмрадия, и ²⁰ очисти, ²¹ и ²² престоави ю ²² престолу божию непорочну. Ты величаем.^о

О богоматерь ²³ Пречистая, ²⁴ вся спасаеши и милуеши, такожде ²⁵ помилуй мене ²⁶ грешного и ²⁶ злосмрадного ²⁷ в час ²⁷ разлучения и в муку посланному.²⁸ Тогда же ми ²⁹ помози, ³⁰ и огня ³⁰ изхити мя ³¹ и от муки избави мя. Ты величаем.

³¹ Та же ³¹ «Достойно есть», ³² яко и ³² «Тресвятае», ³³ и по «Отче наш» тропарь глас 5.

л. 10 об. Небесных ³⁴ сил избранного ³⁵ воеводу, от бога посланного мудраго оружника и грозного полчанина ³⁶ и победи|теля вражийми ³⁷ силам, святого ³⁸ ангела, ³⁹ поюще, хвалим.⁴⁰ Смертию ⁴¹ нас назидает, ⁴² и ⁴³ от суеты мира избавляет, и на суд праведни ⁴⁴ ко Христу представляет, ⁴⁵ и от вечных мук избавляет.⁴⁶ ⁴⁷ «Слава», «И ныне».⁴⁷

^м На полях И ныне. ^н На полях Слава. ^о На полях И ныне.

^{111, 1} Нет С. ² Доб. же С. ³ рождши С. ⁴ Нет С. ⁵ Нет С. ⁶ Доб. и АС. ⁷ богородице С. ⁸ помилуе С. ⁹ не удобь видети. Бога человеком не удобь видети А; не удобь видети С. ¹⁰ Осквернившую А; Осквернивши С. ¹¹ Нет АС. ¹² Нет АС. ¹³ Далее в ркп. ангела а; *исключено согласно АС.* ¹⁴⁻¹⁴ Нет АС. ¹⁵⁻¹⁵ изимаеши ис тела А. ¹⁶⁻¹⁶ и тело разтлеваеши А; тело растлеваеши С. ¹⁷ молю АС. ¹⁸⁻¹⁸ Нет А. ¹⁹ пристрашен А; престрашен С. ²⁰ Нет С. ²¹ Доб. ю. А. ²²⁻²² представ А. ²³ В ркп. божая милости; *испр. по АС.* ²⁴ Доб. и святая А. ²⁵ тако же С. ²⁶⁻²⁶ Нет АС. ²⁷⁻²⁷ от враг А. ²⁸ посланного А. ²⁹ Доб. богородице АС. ³⁰⁻³⁰ В ркп. от огня; *испр. по АС.* ³¹ Нет АС. ³¹⁻³¹ Пъ сем. А. ³²⁻³² Нет АС. ³³ Тресвятое АС. ³⁴ От небесных АС. ³⁵ Доб. ты А. ³⁶ полчанина АС. ³⁷ вражиям С. ³⁸ святей А; свята С. ³⁹ ангеле А. ⁴⁰⁻⁴² смертного назидает А. ⁴¹ Смерть С. ⁴² назидает С. ⁴³ Нет С. ⁴⁴ праведныя А; праведный С; *в ркп. далее зачеркнуто* приво. ⁴⁵ В ркп. представляя; *испр. по АС.* ⁴⁶ Доб. ны да поем ему аллилуия АС. ⁴⁷⁻⁴⁷ Нет С.

Упование наше, богородице, крепкая помощнице скорбящим, и ⁴⁸ от смерти изимаеши и от муки избавляеши, ⁴⁹ комуждо по достоянию благодати ⁵⁰ даеши.⁵¹

Та же, и отпуст, «Чеснейшу херувим», «Слава», «И ныне», «Господи помилуй» 2, «Господи благослови».

Конечь всем благим. Слава свершителю богу. Аминь.

(ИРЛИ, собр. Карельское, № 2, лл. 4—10 об.).

МОЛИТВА
К ГОСПОДУ НАШЕМУ ИСУСУ ХРИСТУ,
КО СЯТОМУ АРХАГГЕЛУ МИХАЙЛУ

Господи Исусе Христе сыне Божий, великий царю безначальный и невидимый и несозданный, седяй на престоле со Отцем и со Святым Духом, приемля славу от небесных сил, послѣ архангела своего Михайла на помощь рабу своему имрек, изъяти мя из руки враг моих. О великий Михайле архангеле, демоном прогонителю! Господи Исусе Христе, излей миро, яко благ и человеколюбец, на раба твоего имрек, и запрети всем врагом борющимся со мною. Сотвори их яко овец, и сокруши их яко прах пред лицом ветру. О великий Михайле архангеле, шестокрилатых первый князь и воевода небесных сил, херувим и серафим, и всех аггел. О чудный архистратиже страшный Михайле архангеле, хранителю неизреченных таин, егда услышиши глас раба Божия имрек, призывающаго тя на помощь, Михайле архангеле, услыши и ускори на помощь мою и прожени от мене вся противныя нечистыя духи, силу святого твоего духа, молитвами святых апостол и святых пророк святых святитель и святых мученик и святых пустынник, святых безмездник и святых столпник, святых мучениц и всех святых праведник, угодивших от века Христу молитвами их — соблюди раба Божия в бедах и в скорбех и в печалех, на распутьях, на реках, и в пустынях, в ратех, в царех, и в князех, в вельможах, и в людех, и во всякой власти, и от всякой притчи, и от диявола. Господи, Исусе Христе, избави и великий Михайле архангеле, соблюди раба Божия имрек от очю злых человек и от напасныя смерти, и от всякого зла, молитвами Пресвятыя Владычица наша Богородица и приснодевы Мария и святого пророка и предтечи крестителя Господня Иоанна и святого пророка Или и святого отца нашего Николы Чюдотворца, и святых мученик Никиты и Еупатия, и всех святых Твоих молитвами, ныне и присно и во веки веком, аминь.

(БАН 33.3.20, лл. 227—231 об.).

⁴⁸ Нет АС. ⁴⁹ Доб. и А. ⁵⁰ благодать АС. ⁵¹ На этом кончается список С. В списке А доб. тя величаемъ. Далее в списке А следует «Молитва к господу нашему Иисусу Христу, ко святому архангелу Михайлу», по-видимому также принадлежащая Парфению Уродивому.

Л. А. Дмитриев

ОТРЫВОК СБОРНИКА ПОСЛОВИЦ XVII в.

В 1899 г. П. К. Симони издал сборник пословиц XVII в. «Повести или пословицы всенароднейшыя по алфавиту».¹ «Повести или пословицы всенароднейшыя...» (в дальнейшем условное наименование — Сборник) входят в состав рукописного сборника второй половины—конца XVII в. (ЦГАДА, собр. М. А. Оболенского (ф. 201), № 28). До настоящего времени изданный П. К. Симони текст был единственным известным нам списком пословиц XVII столетия. В предисловии к публикации текста П. К. Симони, перечисляя «неизвестно где ныне находящиеся рукописные сборники», указал еще один список пословиц этого времени. Под 1-м номером у него значится «принадлежавший А. И. Тургеневу в Париже сборник русских пословиц и поговорок, писанный скорописью конца XVII века, в 4 д. л. Начало его осталось у прежнего владельца, а „оторванная от сборника тетрадь с буквы Н до Х“ перешла в собственность И. М. Снегирева, и об этой части всего сборника есть заметка в „Русских народных пословицах и притчах“ И. М. Снегирева, М., 1848, стран. XL».² В указанном издании И. М. Снегирева в перечислении источников сказано, что был использован отрывок сборника А. И. Тургенева, но о том, что отрывок этот перешел в собственность издателя, т. е. самого И. М. Снегирева, ничего не говорится.³ Определить по изданию Снегирева, что представлял из себя сборник А. И. Тургенева, невозможно: издание Снегирева — компиляция, составленная из разнообразных источников, а в примечаниях к основному тексту, где указываются некоторые параллели и приводятся варианты пословиц, ссылки на тургеневский сборник встречаются лишь три раза.

Упомянутый П. Симони и использованный И. М. Снегиревым отрывок из тургеневского сборника есть основание отождествить

¹ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Вып. 1. СПб., 1899.

² Там же, стр. XI.

³ См.: Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848, стр. XL.

с отрывком сборника пословиц XVII в., недавно обнаруженным М. П. Султан-Шах в рукописном отделе Пушкинского дома в фонде А. И. Тургенева.⁴ В настоящее время эта рукопись переведена из фонда А. И. Тургенева в собрание древнерусских рукописей ИРЛИ (Отдельные поступления, оп. 23, № 137).

Рукопись представляет собой склеенные при реставрации две тетради: первая из 8 листов, вторая из 6,— всего 14 листов. Ранее обе тетради состояли из 8 листов каждая, в настоящее время во второй тетради не хватает двух листов, составлявших одну полосу: нет листа после первого листа второй тетради и листа перед последним листом этой тетради (между 9—10 и 13—14 лл. рукописи по теперешней пагинации). До реставрации углы рукописи были оторваны. По сохранности первый и последний листы отрывка от остальных не отличаются. Это говорит о том, что данный отрывок от основной части рукописи, в которую он входил, был отделен довольно поздно. Почерк — красивая, четкая скоропись конца XVII в. Начальные буквы каждой пословицы киноварные. Перед началом текстов на новую букву посередине листа киноварью же проставлена эта буква. Водяной знак бумаги — герб города Амстердама. Почерк (скоропись), время (конец XVII в.), размер (4°) рукописи совпадают с данными, сообщаемыми И. М. Снегиревым (в дальнейшем условное наименование этого текста — Отрывок). Несколько иначе обстоит дело с объемом текста. По словам И. М. Снегирева, в тетради А. И. Тургенева содержались пословицы с буквы Н до Х. В Отрывке текст также начинается с Н, но после Х следуют еще пословицы на От, Ц и Ч. Это несоответствие объясняется вероятнее всего тем, что в руках Снегирева или писца, снимавшего для него копию с Отрывка, находился Отрывок без последнего листа (первый и последний листы Отрывка были оторваны и присоединены ко всей рукописи позже, при реставрации), а на последнем листе и помещены тексты на буквы От, Ц, Ч.

Пословицы в Отрывке расположены по алфавиту начальной буквы первого слова, по каждой букве дается отдельная нумерация пословиц. Номера проставлены иной рукой, чем писана рукопись: более светлые чернила, характер написаний небрежный, цифры более крупные, чем буквы текста пословиц. В шести случаях (№№ 242, 320, 472, 473, 488, 573)⁵ порядковые номера стоят у пословиц, вписанных позже, иным почерком, чем остальные. Во всех шести примерах добавления сделаны в конце подборки пословиц на определенную букву. Возможно, что эти добавления сделаны тем, кто нумеровал пословицы Отрывка. Но Отрывок

⁴ Пользуясь случаем, чтобы поблагодарить М. П. Султан-Шах, обратившую мое внимание на эту рукопись.

⁵ Здесь и далее номера пословиц Отрывка даются не в соответствии с проставленными в рукописи, а по сплошной нумерации всех имеющихся в Отрывке пословиц.

пополнялся пословицами и в дальнейшем, новыми владельцами и читателями рукописи, после того как были пронумерованы первоначальные тексты и первые добавления. Преимущественно на верхнем и нижнем полях листов, изредка сбоку, иногда в просветах между окончанием пословиц на одну букву и началом на другую, где еще оставались незаполненные места, разными почерками XVII в. вносились новые добавления, уже не нумерованные. Таких непронумерованных дополнительных текстов 67.

Основной текст Отрывка (текст без пронумерованных и непронумерованных дополнений) по составу и последовательности расположения пословиц очень близок к тексту Сборника, но не является его точной копией. Некоторые из пословиц основного текста Отрывка отсутствуют в Сборнике (№№ 17, 24, 25, 29, 30, 467—471). В свою очередь ряд пословиц Сборника отсутствует в Отрывке (№№ 1830, 1847, 1873, 1881, 1949, 1953, 1964, 2009, 2021, 2022, 2058, 2078, 2080, 2115, 2133, 2149, 2152, 2154, 2157, 2206, 2217, 2347, 2412, 2420, 2423, 2455).⁶ Различия такого рода дают основание утверждать, что Отрывок и Сборник непосредственной связи друг с другом не имеют: пропуски и добавления по сравнению с общим для Отрывка и Сборника текстом в каждом случае носят самостоятельный характер. Кроме этих незначительных различий по составу, между основным текстом Отрывка и Сборником имеются и отдельные текстуальные расхождения.

В одних случаях это стилистические варианты:

Отрывок	Сборник
9. Никто не бывал, а у девки робя.	1801. Никто не бывал, а у девки дитя.
10. Наливай нагушу — зять будет.	1802. Наливай на гушу — зять приехал.
72. Обыскал себе Влас по нраву квас.	1858. Обыскал Влас по нраву квас.
426. Семейю примерять, одинова прирезать.	2197. Семейю примеряв, одинова отреж.
546. У сыра дуба, у сука привязана сука.	2352. У сыра дуба, у сука сука привязана сука.
613. Кто живет скуп — у тово сален пуп.	2415. Кто живет скуп — тому сален пуп.
684. Отщепилась треска от летарасли.	2535. Отщепилась розга от летарасли.

В других случаях различия в текстах носят характер описок, механических ошибок:

Отрывок	Сборник
12. На извот поросятм все полосаты.	1804. На извод поросятм все поросаты.

⁶ Здесь и далее номера пословиц Сборника даются по изданию Симони. Тексты, отсутствующие в Отрывке из-за механических дефектов (два утерянных листа), в этот перечень не включаются.

47. Опочил вор на рели, а мы
от него упрели.
104. Подлинная весть, что пе-
чево съестъ.
189. Подняв гвост, да на по-
гост.
221. Пошел по вяз, да и сам
увяз.
386. Сердит пес правова ждет
волка в лес.
519. Умной что глупой — всяк
ево боится.
540. Учатся асти, а в радости
и сама вырастет.

1833. Опочинь вор на рели, а мы
от нево упрели.
1888. Подлинная весть, что не-
чево есть.
1972. Подняв хвост, да на по-
гост.
2002. Пошел повязан, да и сам
увяз.
2164. Серьдит пес провожает
волк в лес.
2326. Умной что губной — всяк
ево боится.
2345. Учатся асти, а гордость и
сама вырастает.

Наконец, при бесспорной текстуальной близости пословиц в Отрывке и Сборнике между ними имеются такие разночтения, которые придают одинаковым на первый взгляд текстам различную смысловую окраску. Например:

Отрывок

159. Просил осетр дождя
в Волге лежа.
185. Правда гневна, да богу
люба.
218. Попала перепеча⁷ в печь.
348. Себе спал, себе и встал.
454. Сорок постел — не сорок
гостей.
462. Старой старик лутче семе-
рых молодых.
489. У бога дней много, а все
впереди.

Сборник

1941. Просил осетр дозжа в поле
лежа.
1968. Правда не гневна, да богу
люба.
1999. Попала перепеча в плеча.
2123. Себе спал, себе и видел.
2222. Сорок постель — не соромь
гостей.
2230. Старой друг лутче семерых
молодых.
2297. У бога дней много, а все
блиско.

Таков характер различий основного текста Отрывка и Сборника. Наряду с этими исконными различиями между текстами Сборника и Отрывка немало разночтений, возникших позже, во время самостоятельной литературной жизни Отрывка. В целом ряде случаев первоначальный текст пословиц в Отрывке переправляется, перерабатывается. Приведем примеры, сравнивая первоначальные и переработанные чтения Отрывка (с учетом текста Сборника):

Первоначальные чтения Отрывка

36. Овцы бы целы, а волки бы
сыти. (То же — № 1821
Сборника).
43. Около килы не мозгу
искать. (То же — № 1828
Сборника).

Переработанные чтения Отрывка

- Овцы бы были целы, а волки бы
сыти.
Около килы нечего мозгу искать.

⁷ «Перепеча ж. — род кулича, коровая, папушилка; *прм.* перепечъ ж. — все хлебное, печенье, собираемое попами с причтом по домам, после пасхи, при обходе с образами» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1955, стр. 73).

91. При корыстех познавается друг. (То же — № 1875 Сборника).
105. Прасол с мясом, а наша всегда без каши. (То же — № 1889 Сборника, только вместо «наша» — «наши»).
116. Попы постятся над мертвым, а клопы над живым. (То же — № 1901 Сборника, но вместо «постятся» — «паствятся»).
158. Пробить коса — сохнет роса. (То же — № 1940 Сборника).
187. По милости по царской и сам себе Пожарской. (То же — № 1970 Сборника).
269. Ризы черныя, яко цветы селныя. (То же — № 2052 Сборника).
408. Сад красен огородом, а лоза виноградом. (То же — № 2183 Сборника, но вместо «огородом» — «оградом»).
443. Семера на уме, коли лед на гумне.
522. Удасться молодец — не надобе и дубец.
564. Учен жену бьет, а дрочен матушку. (То же — № 2368 Сборника).
597. Холщовая рубашка — не нагота, а посконная каша — не голод. (То же — № 2400 Сборника).
615. Кто у нас обедает, тот про нас и ведает. (То же — № 2417 Сборника).
619. Кто во што гаразд, тот тем и промышляет. (То же — № 2422 Сборника).
668. Ходил чорт за облаками, да оборвался. (То же — № 2467 Сборника).
669. Хлеб-соль — конец обеда. (То же — № 2468 Сборника).

При напастех познавается друг.

Прасол с мясом, а каша с квасом.

Попы поют над мертвым, а камары над живым.

Пробить долго коса — сохнет роса.

По милости по царской и сам сын боярской.

Ризы черныя процветут, яко цветы селныя.

Сад красен плодом, а лоза виноградом.

Семера на уме, как нет на гумне. (То же — № 2215 Сборника).

Удасться голубец — не надобе дубец. (То же — № 2329 Сборника).

Учен жену бьет, а потворен матерь.

Холщовая рубашка — не нагота, а невейная крома — не голод.

Хто у нас обедает, тот про нас и ведает, а хто у нас не обедает, тот про нас и не ведает.

Хто во што гаразд, тот в то и играет.

Ходил бес высоко, да оборвался глубоко.

Хлеб-соль — совершенство обеда.

Составители, переписчики и читатели сборников пословиц и поговорок несомненно знали многие из встречавшихся им в сборниках текстов и в живом, устном обращении, и, по-видимому, именно

этим объясняется наложение новых и новых изменений в письменно зафиксированный текст. Иногда составитель Отрывка, пересматривая скопированный им текст, сам вносил в него изменения (часть правки сделана той же рукой, которой написан и основной текст). Чаще, однако, изменения в пословицы вносились новыми владельцами и читателями рукописи. Изменения основного текста носят такой же характер, как и различия между отдельными пословицами в Отрывке и Сборнике. Это преимущественно стилистические варианты, но иногда встречаются изменения и более существенные (так, например, переработки №№ 105 и 116 явно снижают социальную остроту пословиц; переработанный текст № 187 приобретает иной смысл, чем первоначальный. Об активном отношении читателей к тексту пословиц говорят и добавления новых пословиц, о чем кратко уже говорилось выше. Часть этих добавлений пополняет основной состав Отрывка пословицами, встречающимися и в Сборнике, но пропущенными составителем Отрывка (таковы №№ 102, 154, 207, 449, 450 и 452, соответствующие №№ 1892, 1955, 2017, 2174, 2156 и 2129 Сборника); большинство же дополнительных текстов соответствий в Сборнике не находит (№№ 1, 26—28, 52, 77, 78, 88, 127, 152—154, 179—181, 206, 207, 232, 233, 242, 281, 282, 307, 320, 323, 326, 331, 334—338, 363—366, 383, 392—396, 421—424, 451, 453, 472, 473, 478—480, 488, 504, 529, 530, 554, 555, 573, 601, 602, 627, 628, 653—656, 681, 693, 705). Об активном отношении и составителя Отрывка и его читателей к текстам пословиц свидетельствуют, наконец, и такие детали. В одном случае составитель Отрывка приводит рядом с пословицей в скобках ее смысловой вариант (№ 143: «По привету и ответ. (По бабе и брага)»), в другом это же делает какой-то читатель Отрывка (№ 60: «Одно дитя и то Фома. (Одно чадо и то чало)»). В шести случаях кем-то из читателей или владельцев Отрывка пословицы были зачеркнуты (сделано это было уже после того как в рукописи кто-то пронумеровал тексты). В двух случаях составитель Отрывка поставил у пословиц помету «Особая».

Из сопоставления изменений, внесенных в основной текст Отрывка, и добавлений к нему с текстом Сборника мы видим, что первоначальный основной текст Отрывка был ближе к Сборнику: изменения и добавления дают преимущественно иные варианты, чем в Сборнике, новые по сравнению со Сборником тексты. Архетип Сборника и Отрывка имел, по-видимому, довольно устойчивый, традиционный характер, но пословицы и поговорки были широко распространены в бытовой речи и поэтому в традиционный текст и при его переписке и в процессе его литературной жизни активно вторгались и новые варианты и новые тексты пословиц и поговорок.

В предисловии к изданию рукописных сборников пословиц, поговорок и загадок в серии «Памятники русского фольклора»

Б. Н. Путилов отмечает, что «особый интерес для фольклористов, историков литературы и культуры, широких читательских кругов представляют материалы, отражающие жизнь русской пословицы в конце XVII—начале XVIII века».⁸ Отрывок — второй из известных нам списков пословиц XVII в., и уже в этом заключается его ценность. Но, как мы могли убедиться выше, Отрывок не простое повторение части Сборника, а текст, имеющий важное значение и для уточнения нашего представления о литературной истории Сборника и как самостоятельный источник. Отрывок свидетельствует о существовании в конце XVII в. нескольких списков сборника «Повести или пословицы всенароднейшыя по алфавиту», восходящих к более раннему общему источнику. Разные списки, насколько мы можем судить по текстам Сборника и Отрывка, в целом повторяли свой источник, но вместе с тем переписчики и читатели вносили в тексты свои добавления, изменения, поправки. Отрывок расширяет наше представление о составе пословиц и поговорок в XVII—начале XVIII в.: мы встречаем в нем ряд новых вариантов к ранее опубликованным текстам этого времени; многие из дополнительных пословиц (см. №№ 26, 28, 52, 77, 78, 127, 153, 180, 181, 232, 233, 281, 323, 326, 331, 334—338, 363—365, 383, 392—394, 396, 422, 451, 472, 473, 478—480, 504, 529, 530, 554, 555, 573, 602, 627, 628, 653, 655, 656, 681, 693, 705) не встречаются ни в Сборнике, ни в остальных, опубликованных к настоящему времени, рукописных сборниках пословиц конца XVII—начала XVIII в.⁹

Текст Отрывка публикуется согласно правилам публикаций древнерусских текстов, принятым в ТОДРА. В подстрочных примечаниях отмечаются особенности рукописи и вносимые в текст исправления и добавления. В тексте все исправления и добавления обозначены курсивом. Тексты пословиц, вписанные в Отрывок иным почерком, чем основной (т. е. дополнительные пословицы), набраны в разрядку. Нумерация пословиц сплошная по всему Отрывку.

⁸ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 6 (далее: ППЗ).

⁹ Ср.: Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени. В кн.: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок..., стр. 173—216; Г. Г. Шаповалова. Псковский рукописный сборник начала XVIII века. В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. IV. М.—Л., 1959, стр. 305—330. Ср. также «Сборник пословиц бывш. Петровской галереи», «Собрание пословиц И. В. Пауса», «Сборник пословиц В. Н. Татищева» и «Сборник пословиц А. И. Богданова», опубликованные в кн.: ППЗ, стр. 23—118. Следует отметить, что в издании И. М. Снегирева (Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым, М., 1848), которому Отрывок был известен, многие из пословиц Отрывка (особенно из числа дополнительных текстов) отсутствуют.

1. Ни от камня плоду, ни от **Ф**офана л. 1
миоду.
Не смердьє дитя не дрогнет рука.
Неповинну рабу непристрашна ¹ смерть.
Нашла свинья свое порося.
5. Не много нагостил, да много накастил.
Не столь смешно, а на то жь нашло.
На напасть не напярсть.
Нихто не бывал, а пол песни пропали.
Нихто не бывал, а у девьки робя.
10. Наливай нагушу — зять будет.
Не называй килы бузырем, а боярских сеней
булдырем.
На извот поросятam все полосаты.
Нет такова дружка, как матушка.
Не отсохнет голова, будет и борода.
15. Невежа и бога гневает.
Не накормлен конь — кобыла, не пожалован
холоп — детина.
Не нашот кур зернышка, глотает и камешки.
Не дело в квашне бучит.
Не замай дерма, так не воняет.
20. Не диво то ж, что вошь в пироге, а у доброй
жены и по две живет.
Наша денга не щербата.
Назар один слизал.
Назвался груздем — лести в кузов.
Напуск медвежей, а спуск овечей.
25. Ндрав лутче человека бывает.
Нечево говорить коле...²
На грешнова Макара все шишки...³ л. 1 об.
Ноги забил, а брюха не набил.
Нага и боса, еще и без пояса.
30. Нечем чорту с..., и он кременьем
дристать.

О

Обидлив да завидлив не внидет в рай.
Овин горит — господину печаль творит.
Один и у каши не спор.
Охота не в лес послать.

¹ непристрашна надписано над зачеркнутым непричастна.
чания нет (часть текста выцвела и оборван угол листа).

² Окон-

³ Окон-

35. О куме не жить, а без кума ⁴ не быть.
 Овцы бы были ⁵ целы, а волки бы сыти.
 Обрадовался крохе, да ломоть потерял.
 О чом слеп плачиот, что рук ⁶ не видит.
 Одна кобыла и та шолудива.
40. Опоясан мешком, да бредет пешком.
 Охочой как хочот.
 Ори до тины, а ешь мякины.
 Около килы нечего мозгу искать.⁷
 Ошибено перье, а тетеря улетела.
45. Опален бобр не носи в торг.
 Один волк Ганяет овец полк.
 Опочил вор на рели, а мы от него упрели.
 Онанья плачот, а Маланья скачот.
 О том холоп не тужит, что долго служит.
50. Овечку⁸ стригут, а другая тово же
 глядит.
 Обед⁹ у девки — пока орех у белки.
 а. 2 Обличение нечестивому мозолю
 ему есть.
 Одна корова и та комола.
 Охота пуще неволи.
55. Один горюет, а два воюют.
 Обидливо в поле горох да репа, завидно
 в мире вдова да девка.
 Осердясь на блохи, да одеяло в печь.
 Орех розгрысть неболшая корысть.
 Оба два — ни в одном добра.
60. Одно дитя и то Фома. (Одно чадо
 и то чало).¹⁰
 Ожидаем света, а удрення отпета.
 Около болотца да в задния вородца.
 Оглянися назад — не горит ли посад.
 Основание бумага, а уток писмо.
65. Обед богу дать — вскоре исполнять.
 Обедав в гостях, позвать и к себе.
 Ощупал Фрол щуку середь Волги на дне.
 Огласила волка мирская голка.
 Обули Филю в чертовы лапти.
70. Окул бабу обул, да и Окула баба обула.
 Обошел мужь жонушку дубинным корешком.

⁴ кума переправлено из первоначального кумы. ⁵ были надписано над строкой иным почерком. ⁶ Над рук (слово не зачеркнуто) надписано иным почерком зги. ⁷ Переправлено из первоначального Около килы не мозгу искать. ⁸ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено под изд. Симони. ⁹ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони. ¹⁰ Скобки в рукописи.

- Обыскал себе Влас по нраву квас.
 Ожил Федос, забриотчи в овиос.
 Осмотря ремешка, да бежи не мешкав.
75. Опустя возжи, да бежи борже.
 Один попехнул, а другой и недохнул.
 Обился, что придорожной пенё.
 Одна голова смеется и плачет. л. 2 об.
 Одолела дворянина густая крашенина.
80. Осудари наши воля ваша: хоть на нас дрова
 возите, лишь не по многу кладите.
 Обычай не клетка — не переставить.
 Ожегся на молоке и на воду дует.
 Очи добры, толко ямы одни.
 Одному на всех не упакать.
85. Одно взять: либо дети водить, либо деньги
 копить.
 Орать пашню — купить и квашню.
 Основал нити шолком, а уток паутиною.
 Одна голова сто голов кормит.

П

- Правда избавляет от смерти.
90. Пророк не порок,¹¹ что он скажет, то так
 и будет.
 При напастех¹² познавается друг.
 Пешей конному не таварыщъ.
 По пашне и брашно.
 По Сенке и шапка.
95. Пришел посол нем, принес грамоту
 неписану.
 Прежде вопроса ответ мудро.
 Попугай не пугай, а что он слышит, то
 он и бредит.
 Пастух рад лету, а сир привету.
 Потоп¹³ караблю, а песок жаравлю.
100. Печать¹⁴ воцаная, а клетъ дощаная.
 Плавать¹⁵ по реке — в божьей руке.
 Покаместа солнце взойдет, а роса л. 3
 глаза выбьет.
 Подле пчолки в медок, а подле жучка
 в дермо.

¹¹ В рукописи Прок не порок; исправлено по изд. Симони. ¹² на-
 пастех переправлено из первоначального корыстех. ¹³ В рукописи слово
 неразборчиво; восстановлено по изд. Симони. ¹⁴ Начала нет (обо-
 рван угол листа); восстановлено по изд. Симони. ¹⁵ Начала нет
 (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.

- Подлинная весть, что нечево съестъ.
 105. Прасол с мясом, а каша с квасом.¹⁶
 Послышала ворона в зобу — полетела в лес.
 Плетью обуха не перебить.
 Похвала — мужу пагуба.
 Плоха волка и телята лижут.
110. Панратья дерут ис платья.
 Пьяному и море по колено.
 Под лежачь и вода не идет.
 Паучинной постав не овчинной кафтан.
 Пить быком, слыть мужиком.
115. Попам да клопам жить добро.
 Попы поют над мертвым, а камары над
 живым.¹⁷
 Поп кабы поп, да лиха попадья.
 Поп любит блин, а ел бы он один.
 Покиня шашни принимайся за пашню.
120. Подумав с подушкой, спрошаться и с
 подрушкой.
 Прав суд не остуда.
 Появится хода, коли придет беда.
 Падет на медведя жолудь и он рыкнет,
 а как целой дуб — и он ни микнет.¹⁸
 Первая песня зардевся спеть.
125. Пар костей не ломит.
 Привыкай коровка ко ржаной соломке.
 Прот и в кулички перепечка.
 Против избушки и клетку ставят.
 Поп да пиотух едчи поют и не едчи поют.
130. Пришло ченцу к одному концу.
 Полюбила Пигасья Фому, да не верит она
 никому.
 Продают тавар з бойством, а купят
 назойством.
 Пень при дорошке всякому повинен.
 Починил строй клетку, что и собаки
 лазят.
135. Пьян Тит псалмы твердить.
 Похваля продать, а хуля купить.
 По платью встречают, а по разуму
 провожают.
 Пир делать — пожитки ведать.
 Первую уловку на волю пушай.

¹⁶ *Переправлено из первоначального* Прасол с мясом, а наша всегда без каши. ¹⁷ *Переправлено из первоначального* Попы постятся над мертвым, а клопы над живым. ¹⁸ *ни микнет переправлено из первоначального* нишкнет.

140. Приехал не зван — поедь же не драң.
Первая смерть за поту места.¹⁹
Пришел пешь — давай езд.
По привету и ответ. (По бабе и брага).²⁰
Посла ни быют, ни бранят, только
дарят.²¹
145. После немочи повалки живут.
Плохо тому жить, у ково мать ворожить.
Пошел по канун, да и сам потонул.
Пошла в клеть по масло, ин в печи
погасло.
Пал не пропал, встал не устал.
150. Поиграл²² дед в сурну, да попал
в тюрьму.
Праведного²³ мужа не одолеет мужа.
Прострелена²⁴ ворона хотя
за море полети.
Понеделничати — уже не
бездельничати. л. 4
- Покорные головы и мечь не сечет.
155. Прелщается Фома, как убелится кума.
Принять жене мужа, а не корится ей мужу.
Принял волк козла, уподчивал скузла.²⁵
Пробить долго²⁶ коса — осохнет роса.
Просил осетр дождя в Волге лежа.
160. Просите — дастся, ищите — обрящете.
Прудит река — не будет греха.
Прыток без порток, бес коня в поле
скачот.
- Преет дед от многих бед.
Плачот Ероха не хлиобав гороха.
165. Прясть мочью, а красть ночью.
Платил долги,²⁷ а не минул Волги.
Пловет Фома по Волге, будет он не
вдолге.
- При рате железо дороже золота.
Починается бочка про доброва гостя.
170. По себе знает и нам лает.

¹⁹ Текст пословицы позже зачеркнут. ²⁰ Скобки в рукописи; рядом основным почерком приписано особая. ²¹ Переправлено из первоначального Посла ни быют, ни бранят, ни секут, лише жалуют. ²² Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони. ²³ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони. ²⁴ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по Сборнику пословиц А. И. Богданова (см.: ППЗ, стр. 108). ²⁵ скузла приписано рядом с зачеркнутым первоначальным безъла. ²⁶ долго надписано над строкой иным почерком. ²⁷ долги переправлено из первоначального денги.

Пьянова речь, а терезова мысль.
 Пьян поет — себя тешит.
 Пиво ковуру, а к носу понуро.
 Повадилса кувшин по воду ходить, на том ²⁸
 ему и голова положить.

175. Пьяницы царствия божия не наследят.
 Пить до дна — не видать добра.
 Потеряв яичко, играй жолвачком.
 Прежде невода рыбы не ловят.
 Пролив воду — не схапиш.
 По зверю и рана.
- л. 4 об. 181. По Фомке шапка, по чернице клабук.
 По шерсти собаке и имя дают.
 Пришла беда — не гадуй.
 При солнце тепло, а при государе добро.
185. Правда гневна, да богу любя.
 Почитай божественное честно.
 По милости по царской и сам сын
 боярской. ²⁹
- Печка дробит, а дорошка учит.
 Подняв гвост, да на погост.
190. Пытки не будет, а кнута не минут.
 По сытому брюху хоть обухом.
 Пошли ляхи на три шахи.
 Поперег ³⁰ кобылы мехом.
 Пьяному бещестье — до чарки вина.
195. Пьяному мнится — сам десят по пути.
 Пьяная баба — свиньям приваба. ³¹
 По нуже с мужем, коли гостя нет. ³²
 Пожалеть алтына — потерять полтина.
 Пить много ³³ пиво — сидеть криво.
200. По берду смотря не будет ли близ и он.
 Пожили в нуже, да нажили хуже.
 Праведен бог и в милости мног.
 Палить свинья — накормить семья.
 Пес не ³⁴ вскочит, как сука не захочет.
205. Потчуют ³⁵ куму блинками, а Фому
 пинками.

²⁸ на том переправлено из первоначального тут. ²⁹ сын боярской переправлено из первоначального себе Пожарской. ³⁰ Поперег переправлено из первоначального Поберег. ³¹ приваба переправлено из первоначального привада. ³² Текст пословицы позже зачеркнут. ³³ много надписано над строкой иным почерком. ³⁴ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони. ³⁵ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.

- Пропало*³⁶ у бабы триопало.
 После рати храбрых много. л. 5
 По одиошке протягай и ношки.
 Пиво добро, да мало ведро.
 210. Помолчи боле — поживешь доле.
 Пожилось Ермаку по два чирья на боку.
 Поп попа кует, только перстом мигает.
 Пить добро, а не пить и лутче тово.
 Пьян да умен — два угодыя в нем.
 215. Пропади корчага и з брагою.
 По гузну не бивши, по гузницу не набитца.
 Прикормил калачом, а не отбить будет
 и кирпичом.
 Попала перепеча в печь.
 Пошло было на хлебы, да соль своротила.
 220. Пошел по язык, да и свой потерял.
 Пошел по вяз, да и сам увяз.
 Плохо около костра щепы брать.
 Первых щенят за угол мечют.
 По нитке и клупка доходят.
 225. Подле воды омочится, подле огня
 ожетца.
 После дождика в четверг.
 Приданое на грядке, а увечье на руке.
 Плохо лежит, брюхо болит.
 Поп попа наказывал, а другой усом подергивал:
 я-де и сам те бакулы знаю.³⁷
 230. Петь собором, а есть по дворам.
 Прости колпак, а шапка и так.
 По кою не имею, лапти разбиваю.
 По речку рубеж. л. 5 об.
 Пьяной сказывает — решото денег, а проспитуца,
 ано и решета купить не на что.
 235. Пригнала нужда к поганой луже.
 Помилуй бог овина, а теплена велика.
 Пословицы твердит, голова засвербит.
 Пеню время и молитве час.
 По которой реке плыть, по той и славу творить.
 240. Пригож лук³⁸ стрелами, а обед пирогами.
 По земли широко, а до неба высоко.
 Паче слуха видение.

³⁶ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по Сборнику пословиц А. И. Богданова (см.: ППЗ, стр. 108). ³⁷ Окончания нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симоны. ³⁸ лук переправлено из первоначального обед.

- Рано татарам на Русь итѣти.
 Рабы госпоже, что мед на ноже.
245. Рыбу ловят — подле смерти ходят.
 Рыба — вода, а репа — земля, а ягоды — трава.
 Репка себе полюбила чеснок.
 Рак не рыба, нетопырь не птица, а пес не скот.
 Рожь да пшеница годом родится, а верен друг всегда пригодится.
250. Рысь сверху пестра, а лукавой человек изнутри.
 Ранняя птичка носок очищает, а поздняя глаза продирает.
 Рука руку моет, а обе хотят белы быть.
 Рыба рыбою сыта, а человек человеком.³⁹
 Резвой сам набежит, а на сминова бог нанесет.
255. Рад дурак,⁴⁰ что пирог велик.
 Рад бы в рай,⁴¹ да грехи не пустят.
- л. 6 Родился мал, а умер пьян.
 Рад бы сердцом, да душа не примет.
 Ретка с хреном, а репка с хлебом.
260. Ретивая лошадка недолго живиот.
 Роса мочит по зорям, а дождь по порам.
 Роса келью не пройдет, а дождь ея не пробьет.⁴²
 Рука руку чешет, а обе свербят.
 Рано вставая поп поет, а поздно ложася вдова плачиот.
265. Родился Карп в хоромах, а взроз он в коровах.
 Рад тать барану ввечеру и порану.
 Ретив веку не доживает.
 Риза черна преподобных честна.
 Ризы черныя процветут,⁴³ яко цвѣты селныя.
270. Римская лѣсть, мнимая чѣсть.
 Разбойник — живой покойник.
 Руном с овцы одевались отцы.
 Разные догатки завернут лопатки.

³⁹ Текст пословицы позже зачеркнут.
 (листа); восстановлено по изд. Симони.

⁴⁰ Начала нет (оборван угол листа);
⁴¹ Начала нет (оборван угол листа);
⁴² Текст пословицы позже зачеркнут.
⁴³ процветут надписано над строкой основным почерком.

275. Ржет конь к печали, ногою топаёт к
погонке.

Рабыня катается, что дыня.

Робил дед деревню, а баба горшок.

...ум свой по плеше... (?) ⁴⁴

Ранен — двоемыслен, а убит — ужь спит.

285. Рано солнце всходит, то ужь быть дождю.

Родивон поди вон, а Ватута сиди тута.

Росказал безгрешно, учинил поспешно.

Репка обидно, а девка завидно.

Рай помышлять — о душе промыслять.

295. Родится на смерть, а умрет на живот.

случается.

Ржет конь на бору, хочот он ко двору.

300. Ряб бело тело да в пирог залетело.

Розсыпал гость товар да запел, что комар.

Рука приложить и душа положить.

Рад скоморох⁴⁷ о своих домрах.

л. 7

да за крыло волокнут.

отплатится.

310. Римская вера что неуставная мера.

⁴⁴ Текст неразборчив. ⁴⁵ Над оставленным незачеркнутым раз-
 умом надписано иным почерком ямкишом. ⁴⁶ Переправлено из перво-
 начального Решетом воду мерять — потерять время. ⁴⁷ Начала нет (обор-
 ван угол листа); восстановлено по изд. Симоны.

- Родила мама, не приняла яма.⁴⁸
 Рабу господню не подобает свариться.
 Рад бы в рай, да грехи не пустят.
 Рад бы дал пирошка, да у сомова ни
 куска.
315. Рогошка рядная, что матушка родная.
 Ремесла за плечьми не носят, а с ним
 лутче.
 Рыба ищет, где глубже, а человек — где
 лутче.
- Родился наг, пропади и с платьем.
 Розиня розтыпе в рот заехал.
320. Рука руке вредитель, а нога
 ноге хранитель.

С

- Старых людей пословицы — не мимо дела.
 Свой ум — царь в голове.
 Страшен сон, да милостив бог.
 Своя голова дороже живота.
325. Свой своему поневоле друг.
 (Свой брат полоса мяса).⁴⁹
 Слово поспешен, скоро потешен.
 Считают бражники частыя праздники.
 Стрельба любит хвальбу.⁵⁰
330. Свадьба без див не бывает.
 (С бабою не жить — без ... не быть).⁵¹
 Сваты с правдою не ездят.
 Стояньем города не взять.
 Сам на себе портки дерет.
335. Сахаром во уста, виноградьем к
 сердцу.
 Сидиш ты с краю быть в...⁵²
 Спасибо кувшину, что розмыкал
 кручину.
- Спать долго — быть в долгу.⁵³
 Смирение — человеку ожерелие.⁵⁴
340. Сова о сове, а всяк о себе.
 Сорока лет сорома нет.
 Серцу веселящуся лице цветет.
 Солнце сияет на злыя и на благия.

⁴⁸ Переправлено из первоначального Родила мама, не зинула яма.
⁴⁹ Скобки в рукописи. ⁵⁰ хвальбу переправлено из первоначального похвальбу. ⁵¹ Скобки в рукописи; часть текста неразборчива.
⁵² Окончание выцвело. ⁵³ На поле около этой строки приписано зри долго. ⁵⁴ В рукописи ожерее, исправлено по изд. Симони.

- Суд царев — суд божий.
345. Слепец слепцом ведутся, оба в яму
впадут.
С сильным не борись, з богатым не
тяжись.
- Смерть мужу — покой.
Себе спал, себе и встал.
С разумом жить — лише тешиться.
350. Смерть страшат, а грех веки мучит.
Совет — свет, а несовет — тма.
Сухая лошка род дерот.
Сердитая собака — волку корысть.
С чюжова коня серед грязи долой.
355. Соловья басни не кормят.
Старой долг за нахотки место.
Собаку мокроком, а то ей и по зубум.
Сват-сват, а не сват ин доброй человек.
Смелство лутче багатырства.⁵⁵
360. Собою цены не уставить.
Скрыпучее⁵⁶ древо стоит, а здоровое
упадет.
Сила и⁵⁷ закон преступает.
...⁵⁸ сладка жених прислал, слаще
того сам привезет.
...⁵⁹ рука богу судить.
365. Строй скомороху не таварищ. л. 8
Светил бы мне месяц, а звезды
и около обойду.
Сени косые, а люди босые.
Стреляй в куст, а виноватого бог сыщет.
С угорелою головою в чад не мечися.
370. Снова и лошка красна.
Собака лает, а ветер носит.
Сеть мужу крепка — свои устне.
Се гражданом лишенный разумом.
Светилник есть телу око.
375. Сыт голоду не разумеет.
Сорока даром не щекочет.
Со лжи люди не мрут, а впредь веры не
имут.
С верою лучинка — о чом не свечка.

⁵⁵ багатырства переправлено из какого-то другого слова (багатства?)

⁵⁶ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.

⁵⁷ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.

⁵⁸ Начала нет (оборван угол листа). ⁵⁹ Начала нет (оборван угол листа).

- Сокол лебедя летая бьет, а ворона сидя
жабу рвет.
380. Скаска — складка, а песня — быть.
Сова спит, а куры видит.
Сиди криво, а суди прямо.
Страшные места бог переносит.
Спорынья в квашню, а тесто в шляпу.
385. Серце соколье, а смельство воронье.
Сердит пес провожает⁶⁰ волка в лес.
Силну мужу мечь не в нужу.
Сырость ветра приносит дождь.
Сито часто пироги чинит ретки.
390. Сахар сеют, а не веют, железо веют,
а не сеют.
Свинопас и рубашку пропас.
Сава большая слава.
С одного вола по две кожи не дерут.
Сидишь ты в середине...⁶¹
- л. 8 об. 395. Сколко волка ни корми, а он
к лесу глядит.
С похмелья з голоду розломило
голову.
Сколко воскресней, толко и новоселей.
Соп. Скрыбин. (Секой ты, Яким, потолкитько
ты мякин).⁶²
- Сито так, а решето даром.
400. Смечал чорт лес, да помешал ему бес.
Смотрит слеп в окошко — много ли в день
звезд.
Смутил чорт брак, а сам в буярак.
Стоит кум, збирая свой ум.
Сперва не прытко, а там и тише.
405. Собою жить — собою и слыть.
Сова смешит, а саван страшит.
Серцо кручинное, что сало ветчинное.
Сад красен плодом,⁶³ а лоза виноградом.
Стройно молодец ходит, женитца хочет.
410. Старова чорта да поднял бес.
Старую собаку не батком звать.
Старую погутку на новой лад.
Самолуб всякому не люб.
С соком пирожок matka бережат.

⁶⁰ В рукописи правова ждет; исправлено по изд. Симони. ⁶¹ Окончание выцвело. ⁶² Скобки в рукописи; на поле около этой строки приписано основным почерком особая. ⁶³ плодом переправлено из первоначального огородом.

415. Сон в кручине, что карабль в пучине.
 Сено семерых съело.
 Сметанку любить — коровку кормить.
 Спор не бывает, кто сам что видает.
 Со⁶⁴ ста дворов стадо коров.
420. Сукно⁶⁵ избирай цветом, а друга
 приветом.
 Семьею⁶⁶ горох молотят.
 ...то ему радеет, а брат брату...⁶⁷
 Слово доброе паче даяния многова. л. 9
 Свита чорна, да воля своя.
425. Свита черная, мысль горная.
 Семью примерять, одинова прирезать.
 Слово не стрела, а пуше и стрелы.
 Старые немощи трудно лечит.
 Сватонье — хвастонье.
430. Сыт понамарь и попу подает.
 Сеют начаяся, а веют надеяся.
 Скоморошья примета, что в пир без
 привета.
 Сыр да яйца да вина скляница.
 Скрипит, что руская телега.
435. Свое выкупая, печаль имут с радостию.
 Сказывать будет седчи да етчи.
 Смехи да хихи вводят в грехи.
 Свинья под заходом с своим обиходом.
 Спрошал бы гуся не зябут ли ноги.
440. Самъсон — сам сиом.
 Соли дед щти, а хлеба жди.
 Сахар значит лесть, а саван кажет
 смерть.
 Семера на уме как нет на гумне.⁶⁸
 Сеяй скупостию, пожнет скудостию.⁶⁹
445. Смердом слыть не хочется, а дворянином
 жить не можется.
 Сидеть у брашки смирененько, позовут
 и к пиву.
 Сурово зелье хрен да ретка.
 Сухарики сушат, на службу спешат.
 Славен бубен за горами, а к
 нам придет — что лукошко.

⁶⁴ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.

⁶⁵ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.

⁶⁶ Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по Сборнику пословиц бывш. Петровской галереи (см.: ППЗ, стр. 34). ⁶⁷ Начала нет (оборван угол листа); окончание неразборчиво.

⁶⁸ Переправлено из первоначального Семера на уме, коли лед на гумне. ⁶⁹ скудостию восстановлено по изд. Симони; в рукописи неразборчиво.

485. Тем же салом да по тем же ранам.
Ты за хрен, а хрен за тебя.
Теля умерло — хлеба прибыло.
Тужить по молодости,
что по волости.

У бога дней много, а все впереди.
490. У страха глаза велики.
У ково покрали, у нас—выняли.
У семи мамок дитя без глазу.
У всякова Павла своя правда.
У парня догатки, а у девки смысл.
495. У ково коня нет, тот ходи пешь.
Убогому робята, а богатому телята.
У пьянова басней не переслушать.
У одное овечки да семь пастухов.
У Фили пили да Филию же били.
500. У ково сердце гнило, а у нас изныло.
У друга пить воду лутче неприятельска меду.
У худа ума не болозе ногам.
У старова ужь не по-старому.
У п л ы л и м . . . п о в н е ш н е й в о д е .
505. Улита едет, коли то будет.
Ум добр, а два и лутче тово.
У всякова Фомки не без помхи.
Утро вечера мудренее.
Удасться—квас, а не удасться—кислые⁷¹
шти.
510. У тебя борода, а и я не робя.
У Николы две школы: азбуки учат да
кануны твердят.
У нашева князя по велик день мяса.
У горькова бартника и мед горек.
У Спаса не без запаса.
515. Ушми слушать, а усты кушать, а очам
дурам воли не давай.
Упится бедами, опохмелятся слезами.
У молотца не без золотица.
Умыкали бурка крутые горки.
Умной что глупой⁷²—всяк ево боится.

ШТИ.

49

520. Умноу брань, что глупому дрань.
 У ково прося пропало, у тово и в ушах
вижжит.
 Удасться голубец — не надобе дубец.⁷³
 У бога не решето дней.
 У Макара лишь возгрей пара.
525. Урвалас баба с печи, да хватай перепечи.
 У рака мочь в клешне, а у богатова
в мошне.
 У добра всегда ноги кривы.
 Удица крива, да рыбыца пряма.
 Ум говорит — посидим, а хмель гово-
 рит — попьем да пойдем, а безумье
 говорит — дождемся побой да вместе
пойдем домой.
- л. 11 530. У ходили телятко что ни микнуло.
 Умом наживают, а безумьем и старое
теряют.
 Удача кляча — лише скачи да кричи.
 Упал дед с печи, не выдаючи встречи.
 Убог камени не гложет, а богат золота
не глотаает.
535. Уда сребряна волочот со дна моря рыбу.
 Ударил лицом своим в грязь, хотя и князь.
 Ужом вится, гужом рватца.
 Умре Адам, быть там и нам.
 Упилась баба воды, да делает беды.
540. Учатся лсти, а в радости и сама вырастет.
 Убог рад киселю, а богатому и злато
в горло не идет.
 Узнала свинья свое поросю.
 Ум непостоянен, а человек окаянен.
 Узолок да памятка, то дела станетцо.
545. Убил бог лето мухами.
 У сыра дуба у сука привязана сука.
 У ково пропало, тому болши грех.
 Умноу на суд не ходит, а глупой с суда
не сходит.
 Упрямился умереть, надобе спереть.
550. У гола гол голик.
 У Яковца два ястряпца: один⁷⁴ овцы
ловит, а другой яловицы.
 Украл бы рышка, да лиха отрышка.
 Узок путь зимою, а жидок путь водою.
 У меня з сосед с кола... (?)⁷⁵

⁷³ Переправлено из первоначального Удасться молодец — не надобе и дубец. ⁷⁴ В рукописи удин. ⁷⁵ Текст неразборчив.

555. У хотенья живет терпенье.
 Умен, что Надеин Семен: на волынъку л. 11 об.
 насад променял.
 У притчи и на коне не уйти.
 У кольца⁷⁶ не сыщешь конца.
 Учи жену да детей без людей.
560. У вора заечье сердце: и спит и боится.
 Ум говорит — пора итти домой, а хмель
 говорит — дождемся побой да вместе и домой.
 У сивого коня воловая хода.
 Умывайся мылом, не поддавайся злыдням.
 Учен жену бьет, а потворен матерь.⁷⁷
565. У старца в келье чем бог послал.
 У бога всего много, все блиско.
 У бабы волосы долги, да ум короток.
 Успеть в красне и в хороше находится
 было бы в чем.
- Удалую ставить, а беглую не забывать.
570. У всякова молотца своя ухватка.
 Утопшей пить не просит.
 У людей и ножь не режет, а у него и
 шило бреет.
 Умерло теля — минулося племя.

Ф

- Филимон поет нефимон.
575. Фарба прелщает очи до вечныя ночи.
 Фараону мухи в великия муки.
 Фавор гора паче света была.
 Фоку твердит сорока.
 Философство хоть ужъжо на посольство.
580. Фатка бывал дятка, а ныне стал псарь. л. 12
 Фараон из кореты вон.
 Фома не купит ума.
 Фофан с толокном стоит под окном.
 Фетка горек, что ретка.
585. Фома — большая крома.
 Фоку да Якова и сорока знает.
 Фонарь да понамарь свечами пригожи.
 Фетку поносить, что ретки укусить.
 Февраль богат снегом, апрель — водою.
590. Федос любит принос.
 Фита неславна, а вещь она славна.

⁷⁶ В рукописи конца.
 жену бьет, а дrochen матушку.

⁷⁷ Переправлено из первоначального Учен

Храбрых в тюрьме, а мудрых на кабаке,
а глупых искать в попех.⁷⁸
Хвали⁷⁹ другу чюжую сторону, а сам в нее
ни по ногу.

Хто чем играет, тот тем и зашибется.
595. Хут мужь в могилу, а добрая жена по
дворам.

Хотя бы в Орде, только бы в добре.
Холщовая рубашка — не нагота, а не-
вейная крома⁸⁰ — не голод.

Ходит круг бочки, а руки в воронке.
Хто добр, тому и бобр, а хто не добр,
тому и выдры нет.

600. Хлеб-соль вместе, а рыба вдел.
Хлеба край, так и под елью рай.
Хорош ты сезем, с печи в ж... свезен.
л. 12 об. Хто не сиживал на коне, тот не бывал
и под конем.
Хто ожжется на молоке, тот и на воду
дует.

605. Хто ездит тихо, тот дале будет.
Хлеб сердце человеку укрепит, а вино
взвеселит.
Хваля книги не имемся, а хуля пиво не
лишимся.
Х коже ума не пришить и гвоздем ево не
прибить.

Хлопот полон рот, а перекусить нечево.
610. Хлеб да капуста лихова не попустит.
Хотя сосна середь поля стоит, да х тому
же бору шумит.
Хто дорогою не хаживал, тот добра коня
не жалует.

Хто живет скуп, у тово сален пуп.
Хто ково смога, тот тово и в рога.
615. Хто у нас обедает, тот про нас и ведает, а хто
у нас не обедает, тот про нас и не ведает.⁸¹
Худое пороса и в Петров пост озябают.
Хто ворожит — себе боложит.
Хто бабе не внук.

⁷⁸ А глупых искать в попех *позже зачеркнуто*. ⁷⁹ Хвали *переправ-*
лено из первоначального хвалит. ⁸⁰ Слова невейная крома *надписаны*
над зачеркнутыми первоначальными посконная каша. ⁸¹ а хто у нас
не обедает, тот про нас и не ведает *приписано позже*.

- Кто во што гаразд, тот в то и играет.⁸²
 620. Хошь чорта впряги⁸³ — ин не тянет.
 Ходит он ребром, не знается з гольем.
 Хорошо друг плавает, что и пупыря
 вспрядывают.
 Кто находит, тот и теряет.
 Хомут хут, дуга тонка, о всем тоска.
 625. Хотением побежден, огнем распален.
 Хотел бес Евву ногами затоптать, а уж
 ея и руками не достать.
 Хараша милушка, да без вьюшки.
 Хорошо жить попам, да дьякам,
 да пустым дуракам.
 Ходила лиса курят красть, да попала
 в пасть.
 630. Харитон свиньям притон.
 Хуля бога лишится многа.
 Хваля Бога не погибнет, а хуля не
 воскреснет.
 Хороша дорошка с волошкою.
 Харя трусит дехтем.
 635. Храбр побивает и своих избавляет.
 Храброму смерть пред очима.
 Хрептом гоняя недруга достал.
 Хижа своя лутче каменных чужих.
 Христос всио видит, кто ково обидит.
 640. Хозяин за таваром, а бог за накладом.
 Ходил Христос по земле, а человек по небу.
 Холм высок, а всио песок — без потков
 не взойдешь.
 Кто чему позавидит, тот тому и
 поработает.
 Хозовые сапоги на ольховые ношки.
 645. Кто чево ищет, тот то и обрящет.
 Холоп да жена да третьяя земля
 дворяном болна.
 Хорошо б на знакове и коровка купить.
 Хотел купить село, да взложил себе сило.
 Ходила баба моря зажигать, моря не
 зажгла, а ослоту явила.
 650. Хотя дитя криво, а отцу матери мило.
 Хлеб с солью не бранится.
 Ходит, что савраз без узды.

л. 13

⁸² в то и играет переправлено из первоначального тем и промыш-
 ляет. ⁸³ впряги переправлено из первоначального тяни.

- Хотел я говеть, ин стало брюхо
болеть.
- Хто слезам потачит, тот сам
век плачет.
655. Хто девицу розхулит, того
богородица и разсудит.
Хто вдову избидит, того бог
ненавидит.
- Ходит, что бык круг Савина огорода.
Холостой — простой, а женатой — рогатой,
вдовец — что зяблец.
- Хто в деле, тот и в ответе.
660. Хвастает тысящию, а тма в очах.
Хотя коровка избыть, а сериошки купить.
Хотя свита черна, толко воля своя.
Хто чем промышляет, то и вымышляет.
665. Хлебал мужь ушку, да потерял душку.
Ходя по могилам, махать будет кадилом.
Ходить по льду — покользнутся.
Хотелось винца, да страх дубца.
Ходил бес высоко, да оборвался
глубоко.⁸⁴
- Хлеб-соль совершенство⁸⁵ обеда.
670. Хотелось постричься, да вздумалось⁸⁶
жениться.
- Худ не добр свой, не бей ево при мне.
Хвост Фоме залупили, да ... прилепили.
Хвощь — деревенской овощь.
- Харитон с Москвы прибежал с вестьми.
675. Хата ослопьем богата.
Хто пировать, а мы горевать.
Хорошо попам да поповичам: дураками их
зовут да пирогами им дают.
- Хваля другу невесту, а сам к ней⁸⁷
к месту.
- Холопей ответ — бутто ничево нет.^{87а}
680. Хорошо ожерелье на тульское дело — в три
молота стегано.
- Хто холост долко ходит, тот здоро-
вея бывает.
- а. 14 От чиста сердца чисто зрят очи.
Отшетилъся так спиною, как великою мздою.

⁸⁴ Переправлено из первоначального Ходил чорт за облаками, да оборвался. ⁸⁵ совершенство переправлено из первоначального конец. ⁸⁶ вздумалось переправлено из первоначального захотелся. ⁸⁷ Слова к ней вписаны позже. ^{87а} нет переправлено из первоначального есть.

- Отщепилас треска от леторасли.
 685. Отческой сын и з гляденья сыт.
 Отсыпался спиною, что рожею.
 От берегу отстал, а г другому не
 пристал.
 От добра добра не ищут.
 От искры сыр бор загорается.
 690. Отсеки ту руку прочь, которая себе
 добра не хочот.
 От чево родилъся, тем и победилъся.
 От худые птицы худые и песни.
 От козла ни молока, ни шерсти.

Ц

- Царя не всяк видит, а всяк за нево
 бога молит.
 695. Царево сердце в руке божии.
 Царю служить, о домех не тужит.
 Цвет в поле, человек в воле.
 Цена устави, а село преставит.
 Целба пьяному — спать довольно.
 700. Цена блуднице печонаго хлеба.
 Цветное платье в большое место несет.
 Цветное платье на плеча, а добрая
 мысль к сердцу.
 Цата славна, шестая часть копейки.
 Цветет старость сединою, а овощь ему —
 смерть.
 705. Царь Давыд не велел тужить, велел
 деньги заимовать да долг платить.
 Целение грешнику — покаяние верное. л. 14 об.
 Целбоносное зелие дарование велие.
 Целба пьянице на столе в склянице.
 Царь птицам орел, да боится сокола.
 710. Царь лев зверям не ложен и верен.
 Царь турьской противник русской.⁸⁸
 Царьствует ум головою.
 Царевы слуги не жалеют ноги.
 Царю предстояти себе зазирати.
 715. Царь благими воеводы смиряет мира⁸⁹
 незгоды.
 Цело стадо пастырю радость.
 Цветии апостоли, процветоша в тернии.

⁸⁸ Текст пословицы позже зачеркнут, черкнуто.

⁸⁹ Слово мира позже за-

- Цминтарь видя — вздохнуть.
Целовал ворон курьку до последнева
перышка.
720. Целование татарское — назад руки да
здрав буди.
Цюци да вяци, то твои⁹⁰ и речи.
Цвяк на пол четвертак.⁹¹

Ч

- Человек яко трава: дние его яко сень
преходят.
Что не родится, то и не умрет.
725. Честна милостыня во время скудости.
Человек убог — что конь без ног.
Чорта крести, а он в воду лезет.

⁹⁰ твой переправлено из первоначального мои.

⁹¹ четвертак пере-

правлено из первоначального цетвертак.

А. И. Копанев

ПИНЕЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ XVII в.

Публикуемый памятник мы называем Пинежским летописцем не только потому, что он найден в 1969 г. на Пинеге,¹ но и потому, что он создан был, вероятно, здесь же в середине XVII в.

Рукопись, в которой находится Пинежский летописец, представляет собой сборник XVII в., написанный разными почерками и включающий, кроме летописца, Хождение игумена Даниила (лл. 1—4, 7—9, 30—34), Хождение Трифона Коробейникова (лл. 123 об.—170 об.) и мелкие литературные произведения: покаяние (л. 5), плач Адама о рае (л. 5 об.), краткие выписки по истории России (лл. 6 об., 6), слово о немилостивых князях (лл. 34 об.—35), слово о наказании чаду (лл. 35 об.—36). На лл. 36 об. и 123 соответственно две записи, относящиеся к Пинеге: 1) о грозе 28 июля 1667 г. и 2) о размере государственных платежей с волости Марьиной горы в 1661 г. Листы летописца, перебитые при переплете в начальной части, должны идти в следующем порядке: 39—39 об., 37—38 об., 10—29 об., 40—122 об.

Если сопоставить порядок размещения материалов в сборнике с почерками, которыми написан он, то мы можем получить некоторые данные об изготовлении рукописи. Оказывается, основная часть рукописи, с л. 40 и до л. 170 об., написана одним почерком, который отличается от почерков (трех) первых 39 листов и двух последних. Создается впечатление, что листы, написанные основным почерком, добавлены к рукописи. Это впечатление подкрепляется записью, начинающейся с л. 40 (т. е. первого листа основного почерка), которая гласит: «170 году марта в 20 день продал Нехорошко сыну Федору, а взял восемь алтын». Выходит, 20 марта 1662 г. рукопись сменила владельца, перешла от отца к сыну. Так как записи о продаже пишутся обычно с первого

¹ Рукопись была обнаружена в июле 1969 г. Археографической экспедицией Ленинградского университета под руководством Н. С. Демковой и передана в качестве дара Пушкинскому дому 76-летним Михаилом Артемьевичем Куниковым, жителем дер. Засурье Сурского сельсовета Пинежского района Архангельской области. Сейчас она находится в Пинежском собрании Отдела древнерусских рукописей Пушкинского дома под № 440.

листа продаваемой рукописи, то можно полагать, что 20 марта был продан не весь теперешний сборник, а лишь часть его — листы 40—170, содержащие летописец без начала и Хождение Трифона Коробейникова. Время написания рукописи основного почерка устанавливается вполне определенно по записи о платежах, падавших на волость Марьину гору «на нынешней на 169 год» (т. е. на 1661 г.), сделанной основным почерком и помещенной на л. 123.² Для писца рукописи годом «нынешним» был 1661 г., а следовательно, этот год и есть год написания основной части нашего сборника. Заметим, что писцом рукописи был, несомненно, пинежанин, возможно житель волости Марьиной горы, судя по его интересу к этой волости.

Добавочные листы сборника³ были изготовлены, видимо, новыми владельцами рукописи: Федором, который упомянут в цитированной записи 1662 г., или его сыновьями. Пребывание сборника (в настоящем его виде) в этой семье подтверждается записью на л. 36 (вероятно, конца XVII в.), которая гласит: «Сея книга Антонка да Стенки Федоровых детей Поповых Кеврольского стана». Стефанко Федоров как владелец рукописи назван также и в записи на л. 29 об. Итак, из приведенных записей можно заключить, что по крайней мере три поколения пинежской семьи Поповых имели отношение к сборнику.⁴ При деде Нехорошко рукопись была изготовлена, а его сын или внук озаботились, как сказано выше, восстановлением утраченных листов и внесением дополнений. На чем же мы основываемся, предполагая это? Во-первых, на том, что сборник, перейдя от Нехорошко к сыну, был обогащен очень интересной записью о грозе, пронесшейся над Пинегой 28 июля 1667 г., и, во-вторых, на сходстве почерка этой записи о грозе с почерком некоторых дополнительных листов с текстом летописца. Достоверность записи о грозе не вызывает сомнений, хотя бы потому, что «день недельный» (т. е. воскресенье), когда была гроза, действительно падает в 1667 г. на 28 июля.⁵ Существует на Пинеге и селение Кушко-

² Приводим ее полностью: «Выписка с книг, что доведется с волости Марьины горы государевых данных и оброчных денег на нынешней на 169 год и в прошлые годы данных и оброчных денег 32 рубли 28 алтын пол 4 деньги. За стрелецкие хлебные запасы 26 рублей 20 алтын пол 6 деньги. На окуп полонеником 7 алтын 2 деньги. За конскую пошлину 12 алтын. За лавельскую пустоту рубль 5 алтын 4 деньги».

³ На добавочные листы была использована другая бумага. Если в рукописи основного почерка одна филигрань — шут искаженного рисунка, то на добавочных листах этой филигрانی совершенно нет; судя по сохранившимся частям их, филигрانی здесь другие.

⁴ В. И. Малышев считает библиотеку крестьян Поповых интереснейшим явлением истории культуры Севера; по его сообщению, в Пинежском собрании хранится более 40 рукописей, принадлежащих этой семье.

⁵ Пасха в 1667 г. приходилась на 7 апреля.

палы,⁶ упомянутое в записи.⁷ Запись о таком событии, как гроза, могла быть занесена на листы сборника сразу же после его совершения, т. е. в том же 1667 г., и, конечно, она могла быть занесена только владельцами сборника. Исходя, следовательно, из этой записи, мы вправе говорить, что в семье Поповых не только хранили рукописи, но и дополняли их. Как видим, летописец дополнял описаниями местных событий. Но запись о грозе дает возможность выяснить и происхождение дополнительных листов. Сходство почерка, которым сделана запись, с почерком ряда дополнительных листов показывает, что они были написаны также владельцами рукописи — Поповыми. Несомненно, что этот вывод может быть распространен и на те дополнительные листы, которые написаны другими почерками.

Итак, дополнительные листы могли быть написаны между 1661 г., годом изготовления основной рукописи, и 1667 г., годом записи о грозе. Хронологическая близость создания обеих частей сборника подчеркивается еще тем обстоятельством, что среди добавочных листов имеются два листа, написанные основным почерком (лл. 5—6). При этом на одном из листов (л. 6 об.) написан конспект нашего летописца — хронология отдельных событий от крещения Руси в 6496 г. до восшествия на престол царя Михаила Федоровича. Среди событий указан поход пинежан в Мангазею. Отметим, что наличие такого краткого конспекта, сделанного писцом основной рукописи, может быть ради заучивания основных исторических дат, говорит о широких интересах семьи Поповых. Эти два листка, уцелевшие из начальной части рукописи, были позднее произвольно приплетены к рукописи среди дополнительных листов.

Так, на наш взгляд, возникли те дополнительные листы, которые находятся в начале нашего сборника в сбитом порядке. Интересующий нас текст летописца из-за спутанных листов перебивается текстами других памятников, но легко восстанавливается.⁸ На дополнительных листах его текст, начинаясь сказанием об Андрее Первозванном, доводится до правления Ярослава и оканчивается на л. 29 об. на полуслове — сообщением о приходе

⁶ См.: Список населенных мест Российской империи. Архангельская губерния. СПб., 1861, стр. 58.

⁷ Приводим эту запись полностью: «Лета 7175-го июля в 28 день, в день недельный, после полудни божим судом гром и молния и дождю многу бывшу, яко струя по улицам быстрина течет, всякие льяшки полны воды. И убило человека в Кушкопалы именем Деонисия, рекомый Григорьев. Сошлось две тучи со востоку да со запада, аки нош, как дождь шел. А хлеб был в ядре, прозвиры того дни новые, а на другой день жать стали по всем дням».

⁸ На дополнительных листах с текстом летописца имеется буквенная пагинация с «а» до «ка» (т. е. с 1 по 21), но произведена она была уже после переплета рукописи, о чем можно заключить по обратным отпечаткам букв нумерации на противоположных листах.

к князю Антония: «и приде к нему вели». Продолжение слова читаем уже на л. 40, т. е. на первом листе основной рукописи летописца. Такая тесная спайка текста на дополнительных листах с текстом основной рукописи показывает, с какой точностью стремились Поповы восстановить начальную часть летописца.

Что же послужило им источником для восстановления? На этот вопрос мы также, кажется, имеем ответ. Дело в том, что в Государственном Историческом музее (под шифром — Муз. № 3996) хранится еще один сборник, в котором находится летописец, аналогичный нашему летописцу. Летописец в этом сборнике (лл. 160—273) начинается с того же сказания об апостоле Андрее, что и наш, в нем находятся те же литературные повести, что и в нашем. Для нас существенно также и то, что сборник происходит с Пинеги и, вероятно, принадлежал той же семье Поповых. Это подтверждается записями на сборнике ГИМ; одна, XIX в., гласит: «Сия книга глаголемая Пинеской округи, Карпогорской волости, Черногорского селения крестьянина Афанасия Тораканова»; вторая, XVII в.: «Сия книга глаголемая Марьи Нехорошего дочери, Овравомской жене Тораканова».⁹ Из приведенных записей мы видим, что сборник в XIX в. находился на Пинеге в Карпогорской волости у одного из Торокановых, попал же он в эту семью, согласно другой записи, еще в XVII в. в качестве владения Марии, дочери «Нехорошего», вышедшей замуж за Авраамия Тороканова. Вряд ли можно сомневаться, что отец Марьи и Нехорошко, продавший нашу рукопись в 1662 г., одно и то же лицо. Об этом говорит и имя, и хронологическое и географическое совпадение обеих записей. Следовательно, у Нехорошко кроме сына Федора была еще дочь Мария, которая также получила от отца рукопись. В ней оказался тот же летописец, что и в рукописи Федора.

Мы полагаем, что Федор, получив от отца летописец с утраченными первыми листами, восстановил их на основе рукописи своей сестры. Это предположение может быть обосновано следующими соображениями. При сличении нашего летописца во всем объеме с летописцем в сборнике ГИМ очевидно, что они представляют две редакции. Однако текст, находящийся на вставных листах нашего сборника, почти полностью совпадает с текстом первых листов сборника ГИМ. Писец вставных листов или дословно следует за текстом, или иногда сокращает его. Впрочем, сокращения, как правило, небольшие (опускается, например, слово «река» при названии ее, сокращаются повторения, без которых текст не теряет ясности, и т. д.); лишь в рассказе о крещении Руси сокращения более значительны — опущены повествование о низвержении идолов в Киеве, о строительстве церквей и монастырей и общая похвала Владимиру, но цельность рассказа при этом сохраняется.

⁹ В книге М. А. Салминой «Повести о начале Москвы» (изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 83) первая запись цитируется неточно.

Искажения текста (например, в рассказе о кресте, который якобы Ольга поставила в церкви Софии) редки. Все сказанное позволяет предполагать, что рукопись ГИМ была в руках писца при изготовлении дополнительных листов нашего сборника. Правда, в тексте летописца, находящемся на вставных листах, есть небольшие добавления (похвала апостолу Андрею, перечень русских епископий), которые взяты писцом из какого-то другого источника, так как их нет в сборнике ГИМ, но такие добавления немногочисленны. Чтобы закончить вопрос о дополнительных листках, отметим, что один или два первых листа утрачены; этим объясняется, что текст летописца в нашем сборнике начинается с полуфразы.¹⁰

Выше мы отметили, что имеющиеся в нашем распоряжении два списка летописца¹¹ представляют собой две редакции его. Попытаемся указать главные отличия этих редакций и их последовательность. Главные отличия состоят в следующем: летописец в сборнике ГИМ доводится до 1583 г., в нашем сборнике — до 1613 г.; в сборнике ГИМ, как правило, известия излагаются более подробно, чем в нашем; литературные повести, включенные в наш летописец и в сборник ГИМ (сказания о начале Москвы и о завоевании Сибири Ермаком), относятся к разным редакциям.¹² Приме-

¹⁰ Приводим здесь начальный текст летописца по рукописи ГИМ: «Егда же повеле господь бог своим учеником и апостолом просвещати во вся языки, во тьме неведения сядишим, и крестити их во имя отца и сына и святого духа по всем странам от коней и до коней землям: овем же восточныя концам, овем же западныя и северныя страны проходить и южныя страны, исполняюще заповеди божия. Тогда же святой апостол Андрей, один сый от двюю на десять числа полка ученик Христовых, брат Петра, верховного апостола, от Ерусалима в Синопию приде, и от Синопии в Херсон, и от Херсона приде в Корсунь град и слышав, яко есть устье Днепрское и льзе есть оттуду отити в Рим, и восхоте поити святыи».

¹¹ Д. Н. Алышиц, публикация повесть о купце Белоулине (см. его статью «Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина»: ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 255—271), указал еще 2 списка летописца, на наш взгляд аналогичных нашему, от которых сохранились отрывки. Первый отрывок — 16 листов, в 8°, конца XVII—начала XVIII в. (ГПБ, КП. 1958. 217), на которых кроме повести о купце Белоулине читаются рассказ о завоевании Сибири и начальная часть сказания Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря, причем все три памятника почти полностью совпадают с соответствующим текстом нашего летописца. Второй отрывок — тетрадь, в 4°, XVIII в., вшитая в сборник XVII в. (ГПБ, Q. XVII. 252), в которой находятся «Сказание о начале Москвы» (опубликовано М. А. Салминой), рассказ о казнях в Новгороде и в Вологде, повесть о купце Белоулине и другие тексты, с небольшими различиями совпадающие с текстом нашего летописца. Если учесть, что оба отрывка извлечены из каких-то целых рукописей (на первом отрывке сохранилась даже старая нумерация — лл. 74, 86, 89), то можно предполагать о наличии в этих рукописях полных списков нашего летописца. Примечательно, что обе рукописи, как и наша, связаны с Севером. Отрывок в 16 листов поступил из Пустозерска, а на сборнике Q. XVII. 252 имеются записи читателей из Керети, Ковды, Архангельска, т. е. из областей Поморья.

¹² «Сказание о начале Москвы» по сборнику ГИМ опубликовано М. А. Салминой (М. А. Салмина. Повести о начале Москвы,

чательной чертой летописца в нашем сборнике является наличие в нем известий о событиях на Русском Севере, и еще уже — в районе Пинеги. Так, под 1532/33 г. помещено краткое житие Артемия Веркольского, святого Пинежского края (л. 59 об.); под 1596/97 г. говорится о первой разведке Мангазеи усть-цылемцем Долгушиным, каким-то литовским пленником и пинежанином Смирным,¹³ причем летописец уточняет, что Смирный был льявельцем, т. е. происходил из определенной местности Пинеги (л. 76 об.). Говоря о тяжелом 1601 годе, летописец подчеркивает особенности природных условий в Поморье: «а в Поморье безмерным мразом во всю вселенную <хлеб> иззябл» (л. 82). Даже уникальное сообщение летописца об издании Судебника 1550 г. (ни в одной летописи этого известия нет) сформулировано в нашей рукописи применительно к условиям Севера. Царь якобы повелел по нему судить всяким судьям, в том числе «земским судьям». Земские же судьи впервые были введены именно на Пинеге (в трех волостях) и именно на Пинегу был послан список Судебника.¹⁴ Характерно, что в сборнике ГИМ известие об издании Судебника 1550 г. совсем не упоминает земских судей.¹⁵ В соответствии с вводной частью к Судебнику 1550 г. здесь говорится, что суд на местах вершили наместники, волостели и тиуны. В нашей рукописи все эти должностные лица опущены и названы лишь земские судьи. Совершенно очевидно, что текст в нашем сборнике является результатом переработки текста записи, сохраненного в рукописи ГИМ.

Указанные различия двух редакций летописца решают, на наш взгляд, вопрос о соотношении их. Бесспорно, что редакция летописца в сборнике ГИМ является первоначальной, редакция нашего сборника — второй. Составитель второй редакции сократил первую

стр. 199—212). «Сказание» в редакции нашего сборника напечатано там же по трем спискам, два из которых находятся в Праге, один в ГПБ (Q. XVII. 252). М. А. Салмина назвала эту редакцию третьим видом «Сказания» (там же, стр. 231—236).

¹³ Это известие встречается только здесь. В исторической литературе, в том числе и в новейшей книге М. И. Белова (М. И. Белов. Мангазея. Л., 1969), говорится лишь об экспедиции Федора Дьякова в Мангазею и на Енисей в 1598—1601 гг. Между тем достоверность сообщения нашего летописца об экспедиции Долгушина 1596—1597 гг. подтверждается грамотой 1599 г., в которой поморцы, пинежане и мезенцы, просили у царя «о повольной торговле» на Мангазее (Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией, т. II. СПб., 1841, стр. 43). Такая просьба могла возникнуть у торговых людей лишь после той первой разведки Мангазеи, о которой говорит летописец.

¹⁴ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 313—316, 327—329.

¹⁵ Приведем эту запись целиком: «В лета 7058-го году царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси своею з братью и с князи и з бояры и с вельможи московскими и всеа России уложил судебник, како судити бояром, и околничем, и дворянским, и казначеем, и дьяком великим, и судиям приказным людям, и по городом наместником, и по волостем волостелителем и тиуном и всяким судьям» (лл. 257 об.—258).

редакцию, продолжил летописец еще на 30 лет, используя для этого произведение патриарха Иова о царе Федоре, легендарные сказания о Борисе Годунове и Сказание Авраамия Палицына, включил в летописец значительный местный материал и перередактировал некоторые записи в духе местных двинских условий (запись о Судебнике).

Отражение в летописце исторических событий, происходивших на Двине, позволяет предположить, что составителем летописца был двинянин. Основательность такого заключения подчеркивается также последними словами летописца, которые мог написать лишь двинянин. Только двинянин мог привести в торжественной тираде об освобождении Москвы в 1612 г. и о всеобщем молении имени воеводы князя Федора Андреевича Татеева и дьяка Путилы Григорьева, управлявших совместно Двиной в 1612 г.¹⁶ Указанная летописцем синхронность общерусского события с фактом из местной истории 1612 г. выдает составителя как местного жителя. Возможно, что заключительная часть летописца составлена на основе текста богомольной грамоты, которая обычно по поводу побед русских войск посылалась в уезды на имя воевод и дьяков. Списки с таких грамот посылались по церквам, где ее и мог разыскать составитель.

Провинциализм составителя отразился в его манере ссылаться на памятники столичного происхождения. Например, рассказ о воцарении Бориса он начинает словами: «Уложена книга о Борисе в царствующем граде Москве, как Борис воцарился» (л. 79). Мы видим, что произведение патриарха Иова летописец знает, но знает как далекое московское произведение. Одной из особенностей летописца является почти постоянная неточность в датах. Хронологические представления автора сбивчивы, некоторые события благодаря его датировке переносятся на десятилетия и даже на столетия. В этом факте отразился непрофессионализм составителя летописца.

Что же представляет собой летописец, два списка которого в XVII в. бытовали на Пинеге?

М. А. Салмина, изучавшая летописец первоначальной редакции в связи с тем, что в него включено «Сказание о начале Москвы», так суммировала свои и М. В. Щепкиной наблюдения (М. А. Салмина пользовалась рукописным описанием сборника М. В. Щепкиной).¹⁷ Летописец производит впечатление неофициального, он может быть отнесен к типу краткой степенной книги. Мате-

¹⁶ А. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, стр. 64. В писцовой книге Двинского уезда писца Вельяминова 1622—1623 гг. упомянута правая грамота 121-го года на земли Николо-Корельского монастыря «воеводы кн. Федора Татова да дьяка Путилы Григорьева» (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11, л. 318 об.).

¹⁷ М. А. Салмина. Повести о начале Москвы, стр. 83—84.

риал расположен в нем по княжениям, причем в каждом периоде называются духовные лица, описываются кратко их действия. Так, при Ярославе Мудром назван Антоний Печерский, при Калите — митрополит Петр, при Дмитрие Донском — митрополит Алексей. При рассказе о святых часто указываются даты их смерти. В летописце включается несколько баснословных историй: о зачатии Москвы, о взятии Смоленска Иваном Грозным,¹⁸ о казнях Ивана Грозного в Вологде, о расправе Ивана Грозного над изменниками, повинными якобы в смерти сына Ивана, и т. д. В летописце, как указывает М. А. Салмина, встречается много просторечных слов, имеются обороты фольклорного происхождения. Принимая полностью высказанную характеристику, со своей стороны добавим, что во второй редакции стиль автора особенно отличается простотой и ясностью, повествование имеет вид рассказов на исторические темы. Перелагая свои источники (Житие царя Федора, Сказание Авраамия Палицына и др.), составитель избегает славянизмов и отвлеченностей. Правда, иногда конспективность изложения затрудняет понимание текста.

М. А. Салмина, исследуя III вид «Сказания о начале Москвы» (в этой редакции «Сказание» включено в наш летописец), пришла к выводу, что этот вид «писался составителем на память» и не является «результатом переделки письменного текста произведения»: «Рассказ как бы передается своими словами».¹⁹ Такая литературная манера — передавать источник своими словами — характерна не только для составителя III вида «Сказания», но и для всего летописца второй редакции, в который данное сказание (III вид) включено. Это единство приемов работы над летописцем и над «Сказанием» позволяет предполагать, что сам III вид «Сказания» возник вместе с этой редакцией летописца.

Составитель летописца второй редакции помимо летописца первоначальной редакции использовал еще новые источники: это, во-первых, отмеченные выше «Житие» царя Федора, составленное патриархом Иовом, и «Сказание Авраамия Палицына» (лл. 79, 104 и 104 об.); во-вторых, местные сказания — о пинежских святых, о походах пинежан. Баснословные истории составитель брал из своего основного источника и, как показывает «Сказание о начале Москвы», умело их переиначивал. Отдельные известия брались из церковных книг: устава, прологов, служебных книг.

Идейные позиции автора монархические. Он, например, не осмеливается сказать об убийстве Грозным своего сына, а обвиняет в его смерти неких «изменников». С помощью вымышленного рассказа о посещении Иваном Грозным Бориса Годунова он пытается последнего изобразить благородным исполнителем воли Грозного

¹⁸ Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным напечатана М. А. Салминой по трем спискам, в том числе и по нашему, в издании: ТОДРЛ, т. XXV, изд. «Наука», М.—Л., 1969, стр. 192—195.

¹⁹ М. А. Салмина. Повести о начале Москвы, стр. 117.

и тогда, когда тот выступает соправителем царя Федора, и тогда, когда тот становится сам царем. Не проявились ли в этом царистские настроения составителя нашего летописца?

Все сказанное о характере публикуемого летописца позволяет предположить, что он возник в простонародной среде в Двинской области, скорей всего на Пинеге. Составителем его мог быть кто-либо из семьи Поповых. — семьи, как мы видели, грамотной, может быть, имевшей в своем составе служителей приходской церкви, что объясняет происхождение их фамилии. Можно даже предположить, что составителем его был тот Нехорошко, который расстался с рукописью в 1662 г. Не является ли наша рукопись летописца оригиналом творчества деревенского историка, создавшего в 1661 г. новую редакцию существовавшего ранее летописного текста?

Текст Пинежского летописца печатается по указанному нами списку.

ПИНЕЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

^а... Андрей по реце в Рим. Из Варяг в Греки, и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Во^акло^ати, и по Волоти внити в Ильмерь езеро великое, Нево же. Ис того езера втечет устие в море Варяжское. И по тому морю внити и до Рима, и от Рима преити по тому же в град Константи^анину, и от Константина града в Понт море, в него же течет Днепр река. || Днепр же тече из Вохонского лесу, и потече на полудни. И Двина из того же лесу потече на полунощи и вниде в море Варяжское. Ис того же лесу потечет Волга на восток, изтече седмюдесят устий в море Фалинское. Тем же из Руси может изыти в Болгары и в Хвалисы и на восток дойти в жерби Симов. По Двине же в Варяги, из Варяг до Рима, || до племени Хамова. Днепр же потечет в Понтское море тремя устий, еже море словет Руское. По тому морю учил свя^атый Андрей, и оттуду прииде в Рим. И прииде устие Днепрское, и поиде по Днепру горе. По смотрению божию прииде, и ста под горами на брезе, иде же есь град Киев. И заутра встав, рече учеником своим, сущим с ним: || «Видити ли горы сия? Яко на сих горах сияет благодать бо^ажия; имат град велик быти здесь, и церкви многи хошет бог воздвигнути, и святым крещением просветити сию землю». И здшед на гору сию, и благослови, и помолися богу, и постави крест. И оттуду иде к Новгороду, та же в Рим, в Пелионе же острове распят бысть за Христа от Анфипата. || Чтем же вся вопием ему: радуйся, свя^атый апостоле Андрей, освятивший землю нашу, <нрзб.>авши нам святое крещение, иже мы прияхом от свя^атого Владимир^а, радуйся расеявый учения вселенную всю, радуйся, ученик Христов и учителю наш, и не престаи за ны молясь с Богородицею и с апосто^алы, сих мо^альбами вся

^а На верхнем поле листа в виде колоннитула О Андрее.

л. 38 об. люди || от тьмы свободивши, моля о нас, предстоя престолу Христову, да избудем от злых. Точию же Руская земля помрачашася тьмою идолобесия и скверными делы до конца осквернена. И много время проиде.

И по вознесении на небеса сына божия в тысяща лето достиже, л. 10 от создания миру || лета 6456-го, не терпя своего создания зрети погибающа, святая поклоняемая и неразделимая троица и светом богоразумия просвети самодержавца и владыки господя нашего Иисуса Христа всему создателя. И доиде лет блаженныя Ольги, родом Плескова, жена Игоря, князя всея Руския земли, || л. 10 об. седяше в Киеве, нача княжить сын Святослав. И вси не ведяше бога истиннаго, кумиром жруще, служаще дияволу. Блаженная же Ольга мудра бысь паче всех, видя человеческий род погибающ прельщением в неверствии и слыша о вере греческой, верующая л. 11 во Христа, и иде Ольга в Констянтин град, || ⁶ и уведe веру Христову, и возрадовася, и крестися от патриарха Фотия. И научи ю вере Христове, и благослови ю в женах руских, и нарече имя ей в крещении Елена. И даст ей патриарх крест и прозвитера, и поиде во свою землю, и той крест постави в олтари святыя Софен л. 11 об. на де||сной стране. Блаженная Ольга обходяще Рускую землю, дани и оброки легки уставляюще, кумиры скрушающе. Пожеве Ольга по крещении лет 75 и нача болети. Призва сына своего Святослава и заповеда погresti землю равно, ни требования, ни л. 12 години || делати, но посла злато к патриарху Царяграда на воспоминание души своей. Преставися Ольга в лето 6475 июля в 11 день.

Последи же внук ея Владимир, сын Святославъ, внук Игорев, правнук Рюриков, по отце своем князе Святославе от племени л. 12 об. варяжска, бысть воин страшен, первое || ко идолом и кумиром тщащся и обладающа крепко городом Киевом и Новым городом, и Полтенском, и Ростовом, и всею Рускою землею, исполнися храбрости своя множество и жертвы творя кумиром, да егда возхоте бог избрати люди новыя и благодать святаго духа возбнув, л. 13 яко от стна люта. И посла по градом и стра||нам на взыскание, како где веруют. Послании же приидоша к нему и сказа ему: «Были по всем странам и по немецким землям, и нигде же не обратоша таковы веры, како во Цариграде веруют. И ведоша нас в церковь, и не вемы, на небеси стояли или на земли, и не можем тоя веры 13 об. забыти, и хошем тамо итти». || Боляра рекоша Владимиру: «Аще бы не добр закон был, то не прияла бы его Ольга, баба твоя». Владимир же рече: «Воля господня да будет». И возлюбил ту веру, аки свещу на свещнице. И минули лето, и рече: «Понду в землю ту и поплению грады их». И собра войска много по всей л. 14 земли, и шед под Корсунь град ратью. Корсуне же ра||товася

⁶ На верхнем поле листа в виде колоннитула Елены.

с ним, и не можаху града взяти, крепок бе. И рече им Владимир: «Аще не здадитесь, то стоять 3 лета имат неотступно и с нужею возьму вас». Корсуня же не устрашишася грозы его и не здашася. Владимир же стоя под градом 6 месец. Бе же в Корсуне муж именем Анастас, и написав на стреле и стрелив в полки ко || Владимиру. Они же взяв стрелу, и написано сиде на стреле: а. 14 об. «Во граде сем кладези от восточныя страны во град по трубам сведены, копав и переими их, той град возьмешь». Владимир же рече: «Аще тако збудется, то крещуся». И переняли воду у градных людей, людие изнемогоша во граде водою и предашася. Владимир же засе град || и обладаша всеми во граде. И посла Володимер весники во Царьград ко царяма Василию и Константину, а. 15 сиа писа: «Се град ваш славный Корсунь взях и слышу, яко имате вы у себя сестру деву, дайте за меня женою. Аще не дадите, то аз такоже вашему граду сотворю, яко же Корсуню». || Цари же Василей и Константин не устрашися прещения его, и написа ему: а. 15 об. «Нам недостойт христьяном за поганых давати, аще крестишися, то получиши, и вяще сего царство небесное». И отпусти посланных к нему. Послании пришед, сказаша ему и даша писания от царей. Владимир же воздохнув и рече: «Жив господь бог на небеси». И скоро посла во || Царьград ко царьма и написа, дабы пришед со царицею и крести мя, аз крещуся и верую в бога вашего и чту. Царие же посла сестру свою деву Анну, и с нею воеводы и прозвитеры. И пришед в Корсунь, и в то время разболеся Володимер, обема очима не виде. И рече ко царицы Анны: «Что сотворю, како ми поможешь от болезни сия?». Царица же || рече а. 16 об. ему: «Аще крестишися, не токмо болезни избудеши, но и царство небесное получиши». Владимир же рече: «Крещуся всем сердцем». Царица же Анна утверди его креститися и веровати во Христа. Епископ же корсуньский с прозвитери и попы царицыными нача крестити во церкви святого Иякова, и нарекоша имя ему во святом крещении Василий. И бысть чудо велие: || егда Владимир а. 17 вшед во святую купель, епископ возложи руку на него, и абие прозре обема очима, яко николи же болели, и бысть здрав весь телом и просвещен святым крещением. И радовашеся душею и телом, славя бога, и многия радости исполнися. И прият Владимир крещение в лета 6496. И боляра многи крестишася, и многи церкви постави в Корсуні || на горе святого Василия. И поим царицу Анну законом браком, и взя мужа Анастасея, что из града а. 17 об. писал на стреле, а город Корсунь отда царьма Василию и Константину, а сам поиде ко Киеву граду. И взя с собою первого митрополита Леона греченина, а с ним 4 епископы. И крести всю Рускую землю, а идолы вся сокруши. И повеле Владимир вопити || во всем граде Киеве и в градах и селех наутрии на берегу Почайки а. 18

¹¹ На верхнем поле листа в виде колоннитула О Владимире.

реки крестится всякому человеку от стара и до мала, мужеска полу и женьска. Аще кто не придет, то противен будет мне и злую казнь примет. И наутреи снидесе весь народ Киева и околных сел, мужи и жены со младенцы. Архиепископи и прозвители ^{л. 18 об.} 'нарече || Почайку реку купель, и мног народ в реке купахуся, мужеский пол и женский, инии стояху до пояса, а инии до главы и бродяху, священницы по берегу хожаху и молитвы глаголюще, а дьяконы кадаху. И оттоле наречеса град Киев. Владимир же возрадовася и возрев на небо, глаголюще: ^{л. 19} «Боже, сотворивый небо и землю, при||зри, господи, на новокрещенныя люди; утверди их, господи, во православие, а мне помози, господи, на супостаты».

Имеяше Владимир 12 сынов у себя от разных жен: 1 — старейший сын Вышеслав, 2 — Изяслав, 3 — Святополк. Сего Святополка мати бысть черницею, розотреже ю роди брат Володимиров ^{л. 19 об.} Ярополк красоты ради ея, зачат Святополка. || Владимир же поган некрещен уби брата Ярополка и поня женою ту старицу непразну сущу, и родися Святополк. Князь же Володимир наряди воевод своих, и посла во всю Рускую землю попы и дьяконы, и повеле всем людем крестится и церкви ставити. 1 митрополит ^{л. 20} в Киеве Леон и тех 4-х епископов, иже приидоша || из Грек с Леоном митрополитом, и раздели их каждо по своим градом архиепископию нарече, в Белезере граде 1 епископ греченин бысть, потом другого епископа греченина в Чернигов посла, 3<го> в Волыньскую землю посла, 4-го Федора в Ростове с мучеником з Борисом, и сей бысть первый епископ в Ростове. И крести всю ^{л. 20 об.} Ростов||скую землю, и Суздальскую, и Залескую. И те 4 епископы первоначальницы нарицаются. И распространяешся множицею православная вера христьянская. И оттоле начаша ставити по иным градом епископы, в Новград, и в Полтеск, и в Волыньскую землю. Яко же и апостольская проповедь от кого прежде была ^{л. 21} и евангелие божественная пропове||ди крещение от кого прияли, то суть первопрестолницы Ярослав Прав Суд, сын великаго Владимира, постави 1 епископа в Новеграде Иоакима волошанина. Тогда же посади сына своего старейшаго Владимир в Новеграде и постави 2 епископа в Новград. Той же Владимир созда церковь святых Богородицы, и крестися вся вся Руская земля святым ^{л. 21 об.} крещением. Посажая детей своих || по влаstem, посади окаяннаго Святополка княжением в Турове, Ярослава же в Новеграде, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, а родись от Анны княгини в святом крещении, Изяслав Польтеске, Святослав Деревлянех, Всеволода в Володимире, Мстислава Тмуторокане, Станислава в Смоленске, Судислава Плескове. А сам Владимир ^{л. 22} в Киеве, созда церковь || ^г каменну Софею премудрость Божию

^г На листах 22—24 на верхнем поле в виде колонтитиула О Владимире.

50 верхов, и учреди предивну и прекрастну, и беседу себе учреди на углу церкви придела в лето 6521. И призва Владимир к себе Бориса, бе бо ему милее всех детей, и на другой год пришла весть ко Владимиру, яко идут печенеги на Русь войною. И собрал князь || войска своего много, а сам разболевся, и посла воеводою с войском сына своего Бориса и с ним воеводы. Борис же поиде по Днепру реки в носадех. А князь Владимир преставись в лето 6524 июля в 15 день предасть дух. И положено тело его в пределе, юже сам созда. И плакаша людие о нем, бояра яко отца, людие || заступнику, сироты яко помощника, нищии и вдовицы яко печалника и кормителя. Святополк же приехав своею силою и сяде в Киеве по отцы своем, исполни беззакония и рече: «Погублю братию свою и буду властелец во всей Руской земли». И шед нощию к Вышегороду, и созва бояр своих, именем || Еловича, Пушку, Талца, Ляшка, и рече им: «Шедше убите брата моего Бориса, и будете у мене приятели». Они же обещашася тако убить Бориса. Борис же шед не обрете печенег и возвратися назад, и ста на Алте реки, а не ведая Борис на себя убойц. И приидоша посланнии бояра убийцы злии, и избодоша || копии Бориса, и еще дышущу и возложиша его на коня, и не доехав Вышегорода и докончаша мечи. И предаст Борис душу свою и прият венец от Христа бога месяца июля в 24 день. Тело же его положиша Вышегороде у святого Василия. Убиен Борис, во святом крещении Роман, Святополк посла боярина Горасела з дружиною ко || ^а граду Мурому на убийство брата Глеба. И рцете Глебу: «Поди вборзе, яко отец Владимир болит и ждет тебе». Глеб же вборзе со дружиною своею седе на конь и поехав ко граду Киеву, а не ведая убийства. И как на Волги спаде с коня, изломи ногу, и назад пошел от Смоленца по Днепру реки. И как будет усть || Смядыни реки, и стретоша его погании убицы з боярином Горяселом, и приближися носав к лодии Глебови, и повеле Горясел убить Глеба и нача скакать со оружием. Повар же Глебов, именем Торчан, взял нож и закла государя своего Глеба, и преставися в лето 6525 сентября в 5 день в понедельник. Тело его повергоша усть Смядыни реки || меж двема колодома. Бог же показа смолянном явися столп огнен и огонь пресветел, искры испущающе до небеси. И шед людие со кресты собором, и взяша тело Глебово честно, и принесоша во Смоленец град, и положиша во церкви. Дондеже победи Ярослав Святополка и седе в Киеве, и принесе тело Вышегород и поло||жиша з Борисом в церкви. И даст им господь бог чудотворныя дары: человеком болезни целити, князем руским во бранех на поганых помогать. Поганополк наполни злыя мысли: «Избию братию свою и буду един во вси Руской земли». И взя войска и поиде убить брата

^д На верхнем поле листа в виде колонтитула Убиение Глебово.
^е На верхнем поле листки в виде колонтитула Борис и Глеб

л. 26 об. своего Святослава. И побеже Святослав || ^ж из града в Угры. И постиже его Святополк на горе Угорстей, и уби его Святослава. И доиде же весть в Великий Новгород князю Ярославу: «Отец твой умер, а Святополк заседе в Киеве и побиша братию Бориса и Глеба, и Святослава». И разжалився по братии своей, и
 л. 27 созва новгородцов и рече им: «Братия моя, отец || мой умре, а Святополк седе и поби братию свою. Поидем на Поганого Полка, помогите мне отмстить братну кровь». Новгородцы же не хотяху, бе бо сам Ярослав с новгородцы разожен, и Ярослав помяну апостольское слово: «Братие, бога бойтеся, а царя чтите, власть бо от бога учинена». И рекоша новгородцы: «Княже Ярославе, || можем тебе помощи и поработати». Ярослав же рад бысть и собра вои: варяг 6000, а прочего воя 30 тысяч, и поиде на Святополка по Непру реки на Алту реку и ста, иде же убиен бысть Борис. И плачася по брате своем Романе и Давыде, и помолися Ярослав и рече: «Братия моя милая, аще есть телом далече, но молитвами своими || помогите ми на братубийца». И поиде противу друг друга воиском, и покры поле Лядское множеством воиска день пяток. И прииде Святополк с печенеги, и ступишася обои, и бысть сеча велика и кровь по удолини течаху, аки быстрина, и бився 3-ж, и бысть гром велик и молния страшна
 л. 28 об. от оружия блеща || хуся. И мнози видяще ангели божии, помогающе князю Ярославу на окаяннаго. Святополк же побеже под град Киев, а Ярослав гна за ним и сечаху в тыл силу его. Окаянный же Святополк побеже мимо Киев град на Берестово. И нападе на него бес, и разслаби, яко и на коне сести не lze, и
 л. 29 не соша его на || носилках. И бе же никим гоним, и пробеге Лядскую землю, и прибеже в пустыню меж Чахи и Ляхи, и ту испроверже окаянный живот свой сконча в лето 6526 году марта в 22 день. И бысть пропасть велика, и до сего дни изходит смрад
 л. 29 об. зол на увещание человеком. || И седе Ярослав в Киеве, и прииде
 л. 40 к нему вели || кий Антоний от града Любча, и пострижеся во Святей горе. И походи в Киеве по горам и по местом, и прииде на Берестовое место и обрете пещеру малу, преж ископа Ларион митрополит и ту живя. И преставись великий князь Ярославль в Киеве при Антонии лета 6532. Прия власть в Киеве сын его
 л. 40 об. Изославль, и благословение прият от Антония. || И прославися Антоний в Руси, и собрася к нему 12 мних, и постави им игумена Варлама. Феодосий от предел Иеросалимских от града Васильева от веси Каподокиския, отца Проерса, матери Евлогия, 13 лет, шед к кузнецу, оковася железы. Мати ж его излома железы, и пошел во Иеросалим, матери ж его постиже и связана приведе в дом свой. || ^з Он же втай уиде во Антиохию к Семиону Столпнику и пострижеся. И пришед к Киеву преподобному Анто-

^ж На верхнем поле листа в виде колоннитула Убиение Святослава.

^з На листах 41—45 на верхнем поле в виде колоннитула Летописец.

нию к пещеры и благословись от него. Мати ж его прииде к пещери, хотя силно взять, и божиею благодатию и сама пострижеся. Феодосий бысь игуменом и созда церкви мнози. Антоний живя в пещери, не выходя 40 лет, и преставись лета 6542. Феодосий живя || по Антонии, моляся богу, и во Святой недели по Пасце собра братию на трапезу и возвести им исход души своея, и нарече им игумена Стефана, и преставись лета 6586 во 2 суб<оту> по Пасце мая в 3 день. Святый Исаия ростовский, родом от земли Рускыя от области Киевскыя, пришед к Феодосию пострижеся в Кееве. Великий князь Изослав проси у Феодосия || Исаия в Дмитриев монастырь игуменом, из монастыря шед в Ростов и бысь архиепископ Ростову, и преставись, поживе немного, лета 6594. Святый Леонтий ростовский, рождение Костянтина града, прииде в Ростов и бысь епископ Ростову. А преж изгна епископи из града Феодор и Ларион, зане ж людие неверия наполнишася. Леонтий же укрепися божиею благодатию и научи люди || веровати во Христа, и преставись лета 6608. Великий князь Андрей, великаго князя внук Георгия, повеле в Ростове создать церковь камену и рвы копать, и обретоша множество мертвых телес, и обретоша мощи святого Исаия, и основана бысь мала церковь. И боле начаша копати, и обретоша гроб покрыт двема доскама, и обретоша святого Леонтия. Лета 6655 преставись || Антоний великий в Великом Новеграде, родом Римскаго царства, из Риму приплоче на камени в Великий Новград. По преставлении обретоша мощи его по 4-сотих летех. Лета 6659 преставись святый архиепископ Никита новгородский. Лета 6677 знамение богородицы в Великом Новеграде, при князе Романе приходили имать Новаграда рускые князи. Лета 6617 преставись святый архи|епископ Аркадий, преж быв нищ, и бысь мних в монастыри Георгиевском и изгнан бысь. И пришед из Руси князь Изославль в Великий Новград и взя его. И пославлен бысь архиепископом, и преставись. Лета 6627 преставись святый архиепископ Иван новгородский. Лета 6094-го ма<я> в 17 день князь Михайло черниговский бысь в разслаблении, и везоша его к преподобному Никиты столпнику, версты 3 || не довезоша, и ту стрете бысь образом Никитиным, и Никита посла жезл свой и тем беса отгони и на том месте поставить повеле крест. Лета 6705 преставись преподобный Никита столпник переславский, родом Костянтина града. Лета 705 преставись князь Феодор ярославский. И поня себе женою сестру великаго князя Всеволода, и преселись в Ярославль. || Лета 747 убиен бысь Михайло черниговский и з болярином Феодором от Батыя. Лета 6708 Батый царь нечестивый победы князя Юрья Всеволодовича. Лета 6747 Батый плени всю Рускую землю и побил на Руси людей полтретьяста тысяч. Того ж году преставись Авраамий ростовский. В Ростове князь Борис, а в Володимере князь Володимер, под тою ж || областю и Ростов град.

Лета 6771 князь Александр Невский, во иноцех Алексей, во граде Володимере. Княжение в Володимере князь Данило, а брата отсла в Суздоль Бориса. Лета 6788 преставись святыи Еуфимий суздольский, а поживе 88 лет, а родом Нижнего Новгорода.

Лета 6786 Москве зачатъе. Хто то знал, что Москве царством быть и государством || слыть. Тут были села Красные Кучка боярина Ивановича, а у него было два сына, красотою хорошее не было их во всей Руской земли. И звездах их князь Борис Александрович суздольской, и проси их к себе во двор у Кучка боярина Ивановича: «А толки не дашь своих дву сынов ко мне, аз на тебя войною пойду, тебя поплению и села || твои пожгу». И расплачася Кучко боярин Иванович о дву сынов своих, и не смел противен быти против князя Бориса, и отдал сынов своих князю Борису суздольскому. И два сыны Кучковы полюбилися, 1 постави себе в столники, а 2 в чашники. И Борисова княгиня Марья прелстася на красоту их хорошую, и зжилася с ними любовию || постелничной. И здумали оне с княгинею извести князя Бориса суздольского, и почали изводить в хоромех своих ночью порою летнею. И ушел ранен из двора от них князь Борис суздольской, побежал к брату своему князю Данилу Александровичю ко граду Володимеру. И будет он у Оки реки, ажно ездит в стружку перевозчик || по Оки реки, и князь Борис спроси перевозу. И перевозчик говорит: «Лихи вы суздольцы, оманчины, сулите, а не даваете перевозного». И князь Борис с руки своей перстень подаст перевозчику. И перевозчик, взяв перстень на весле, и отпехнулся дале на Оку реку, и не перевез его за Оку реку. И князь Борис пошел зле Оку реку, и нашел трубец мертвого у || топшаго, и влез в трубец опочинуту, что не знаячи пути без дороги ко граду Володимеру. И княгинина его с Кучковыми детьми, своими любовники, почали тужить добре, что ушел от них ранен князь Борис, и будет де он з братом своим князем Данилом володимерским и казнят нас казнью смертною. И княгиня сказывает: «Езд де у || нас во дворе пес выжлец, а сказал мне князь Борис, как поехал на войну на побоище, и закажал: „Толки де буду убит на побоищи и сыскать и познать в мертвом трубу ниhto на может меня мертвого, и спусти того пса, и он доидет и сыщет и познает меня мертвого“». И Кучковы 2 сыны емлют того пса и сами садятся на добрые кони, и спущают того пса дорогою ко граду Володимеру. И пес бежал дорогою до Оки реки, и в сторону з дороги скочил, и оне вслед едут за ним борзо. И добежал пес до струпца мертвого, и забил голову в трубец, а сам для тесноты не вме-

¹¹ На листах 45 об.—51 на верхнем поле в виде колоннитула Зачатие Москвы.

щается, и почал радоватися государю своему, князю Бо-
 рису, а вони хвостом машучи. Тут два сына Кучковы князя
 Бориса || вборзе его злой смерти предали, а тело его кинули л. 49
 в Оку реку. И недолго время доиде весть в Володимер град ко
 князю Данилу Александровичю, что княгиня с Кучковыми
 детьми извели брата его князя Бориса суздолского, и жались
 розплачяся князь Данило по брате своем Борисе, и собра
 войска своего много во граде и в поместиях володимер-
 ских, || и скоро войною пошел на Суздоль град и на Кучка боя- л. 49 об.
 рина Ивановича. И суздолцы нисколько не ратовались, борзо
 предалися князю Данилу, что спознями княгиня Марья и 2 сына
 Кучковы, предали злой смерти, извели князя Бориса суздол-
 ского. И два сына Кучковы побежали ко отцу своему в села
 Красные. И князь Данило, поймав княгиню Марью || Борисову, л. 50
 и повеле повесити над градные врата и розтрелять из луков
 стрелы калеными, из рушниц пулки свинцовыми. И взя с собою
 в подмог суздолской силы три тысящи, и пошел войною на Кучка
 боярина Ивановича. И Кучко боярин не возмог противитися ни
 малешей нопротив Данила, и вборзе поимал Кучка боярина и л. 50 об.
 дву сынов его и предаст || их злой смерти без милости. И князь
 Данило почи ночь до утра в Кучковых Красных селех, и наутро
 встает на всхожем солнце и входит в светлицы высокия и
 в теремы красныя, и смотрит на села Кучковы Красныя по обе
 стороны Москвы реки и за Неглиную в поле чистое и роздолие л. 51
 великое. И добре князю Данилу села Красные пригляну||лися и
 полюбилися, и не пошел князь Данило в Володимер град во
 свою вотчину, и почал жить в тех селах Красных Кучка боярина
 Ивановича. А в Володимер град послал сына своего Ивана Да-
 ниловича княжить с собою заединое. А Суздоль град привел под
 свою ж область Московскую, и иные околные города собою л. 51 об.
 к нему приклонишася, слыша сла||ву его и грозу его великую, и
 до людей доброту милостиву и нищелюбиву и к богу богомоливу.
 И оттоле прославися Москва град. И поживе Данило на Москве
 12 лет, утверждая веру Христову. В лето 6098 преставись князь
 Данило, остави Москву град со всеми рускими грады и приго- л. 52
 родки сыну своему Ивану. И прииде из Воло||димера на Москву
 и прия княжение и утвержая веру Христову. И в то время
 прииде к нему Петр митрополит из Киева града, родом Царя-
 града.* И виде Петр князя Ивана благоверна и благочестива и
 богобоязна, во всем благоприятна и поборника по вере Хри-
 стове, и благослови его, и рекоша: «Буди ты великий и благо- л. 52 об.
 верный князь Иван Данилович владимерский, || и московский,
 и всеа Руси укреплен божиею благодатию». И пророчествова^а

* На поле помета Родом Воынской земли а не царьградец
 помета Пророчество Петра митрополита.

* На поле

тогда Петр митрополит: «Будет твой град Москва царствующий град Великое Росийское государство, и колена твоего будет рука высока, и обладает по божии воли многими грады и ордами и царствы, и разпространится наипаче всех царств до скончания веку сего». И повеле князь на Москве создати церковь во имя Благовещение святей богородицы. Князь же Иван по благословению его вскоре церковь созда, и город укреплял, и рускыя князи и грады под свою область Московскую приводя. И оттоле пишется величество: великий князь владимерский, и московский, и всея Руси.

л. 53
л. 53 об. Лета 6796 архиепископ || Игнатий ростовский при Петре митрополите. В Переславле князь Михайло да сын его Дмитрей, да брат его Александр.

Лета 6834 преставись Петр митрополит в день недельный, а гроб своима рукама устрои. Лета 6827 преподобнии отцы Антоний и Иван и Еустафий пострадаша за Христа при Олги нечестивом цари. Лета 6859 || преставись великий князь Иван Данилович и остави на Москве княжением сын его Иван Иванович. При том князи Иване прииде к Москве Алексей из Чернигова града. Князь же моляше Алексея взять сан соборныя церкви. И шед Алексей в Костянтин град, поставлен бысть митрополитом, и прииде поживе в Киеве митрополитом. И великий

л. 54 об. князь || Иван призва его из Киева и моли его послом итти в Орду ко царю Бердебеку нечестивому. Бердебек царь избил в Орде 12 братии своих, бе бо немилостив и злый, хотя итти на Русь войною. Алексей митрополит шед в Орду к нечестивому царю, и много Алексей глагола ему встречныя речи, укрепляясь

л. 55 от него божиею помощию, не бояся его злые ярости. || Царь же Бердебен всяко искушая его, и не могши препрети в посольстве царскою мудростию и словесы со злою яростию, и зва Алексея к себе хлеба ясть к столу царскому. И принесе на стол ествы царскыя, и принесе пред него на блюде кобылью голову скотиную. Алексей же огради глову крестом Христовым знамением и

л. 55 об. дуну изо уст своих || духом святым, и явися глава на блюде шуки рыбы свежия. Царь же виде чудо бывшее, страхом одержим и бысть трепетен, и не почал искушати нечистотое и скверною, и по столе прося от него прощения и роту дав не ходить войною на Русь, и ударив его честными дарами царскими, и отпусти его из Орды на Русь, и проводи до пути честно и здраво || итти на Русь, и оттоле злый гнев царя Бердебеня не ходит на Русь. И прииде Алексей к Москве, и московский великий князь Иван Иванович стретил его со всем собором радостно и прослави бога и пречистую его мать.

л. 56 об. Лета 6064 Алексей митрополит шед в Нижней Новград по реки Волги и крести князя Бориса и весь град и Нижний Новград, и подведе под Москву || ю ж область, и созда церковь пречистыя богородицы Благовещенье.

Лета 6072 преставись великий князь Иван Иванович. Остася княжением на Москве сын его Дмитрий. Лета 6074 прииде посол из Орды от нечестиваго царя Амурата Бердебековича, чтобы послал Алексея митрополита в Орду и исцелил бы царицу Амурата царя, слепа бе 3 лета сущи, а в любви бе царю. А слыша ||
преж царь Амурат от отца своего царя Бердебена бывшее л. 57
чудо про Алексея, как был у него в Орде. Алексей поиде и исцели царицу. В лето 6885 преставись Алексей митрополит московский и всея Руси.

Лета 6885 побоище бысть князю Дмитрею Ивановичю да брату его Володимеру Андреевичю на Дону на Куликове поли з безбожным и кочевным царем Мамаем.

Лета 6900 || преставись святой Сергий преподобный Радонежский. Отец у него Козьма, мати Марья. Лета 6902 великий князь Дмитрий московский и всея Руси преставись. Остави княжением сын его Василий. Лета 6903 прииде на Москву град чудотворная икона пречистая богородица, ю же написа Лука евангелист, из Володимера града при князи Василии Дмитриевиче, митрополи||те Киприяне от нахождения безбожнаго царя л. 58
Темир Аксака от восточныя страны на Русь войною, и возвратись с Разани. Лета 6904 преставись святой Стефан Великопермский. Лета 6907 преставись архиепископ Пафнутий ростовский. Князь Дмитрий Юрьевич Бегун: 2 бежа от агарян с Москве в Великий Новгород, и возврати его Михайло Клопский, а 3 || прибежа л. 58 об.
преставись в Новгороде. Князь Костянтин Дмитриевич изгнан из своя вотчины с Москвы, и прииде в Великий Новгород и преставись. Лета 6935 преставись Кирило Белозерский игумен, а жив Кирило 90 лет, а имя преж ему Козьма. Лета 6955 преставись Михайло Клопской, и пророчествова великому князю Василию: родится сын Тимофей и наричют Иван имя ему, || и возмет л. 59
Великий Новгород под свою область. И збытся пророчество по 40 лет. 6957 июня в 15 день при державе Руския земли великаго князя Василия Васильевича и сына его Ивана Васильевича, митрополите Фотии киевском, при архиепископе Евфимии Великаго Новграда и Пскова родися Александр Сверхский, поживе || 85 лет, преставись. Лета 7041 родися святой праведный л. 59 об.
Артемий, юж бе на Пинеги верколский чудотворец, отец у него Козьма рекомый Малый, мати Полинария. И бысть Артемий 12 лет, и делая у отца труды своими землю оря и боронити нача, и божиим судом взойде туча и гром страшный, и молния и гром гряну страшный, Артемий же || ужасеся от того страш- л. 60
наго грома и предасть душу свою господеву. Тело ж его положено на песте месте одаль церкви, иж бе под сосной, и мощи его святыя обретены по преставлении его 33 летех. Лета 7085 обретение честных мощей святаго преподобнаго страстотерпца Артемия верколского чудотворца, и принесени быша ко церкви святого Николы. || Бог же дарова ему чудотворныя дары, бол- л. 60 об.

ныя и недужныя исцеляти, от трясавиц избавляти, нечистыя духи от человек и от скот отгонити и бесы прогонять.

Лета 7058 царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси своею братьею и з бояры уложили Судебник, как судить бояром, и дьяком, и казначеем, и дворецким, и земским судьям. ||

л. 61 "Лета 7059 царь и великий князь Иван Васильевич своею братьею, и з бояры, и со владыки уложили степень, как пред царем по местом князем, и боаром, и митрополитом, и архимаритом, и игуменом, и всяким властем болшим.

Лета 7079 мая 26 день приходил на Русь крымский царь с крымскими царевичи, и с мурзами, и с ширихинскими князи, и с казанским || улусом, и с меншими ногаи Идим з детьми, и Бока мурза с татары и с казаки, и Золотой орды, и запольские ногаи, и Измаиловы дети Урус и Чимон, и Камдан, и Тумодан Кучюр мурза, и Шимшин шестью браты и с мурзами, и с кочевными тотары, и со всеми крымскими и ногайскими мурзами через крестное целованье, и Москву град пожгли в 3 часа. ||

л. 62 Лета 7083 при цари Иване Васильевиче всея Руси приходил безбожной царь крымский Дивлет Кирия на Русь воевать. Иже бе на Молодех и виде некто инок Антоний стояше среди ноши на молитве два юноши пресветлы, познавлем Борис и Глеб, и зовяше из гробов с собою Александра Невского. И сшед 3 их,

л. 62 об. и зовяше с собою сродников || великих князей Андреа, и Всеволода, и Георгия, и Ярослава. И востаха из гробов и пришед в Ростов град и глаголаше: «Идем к сроднику нашему Петру царевичю, и той с нами идет с нами к сроднику нашему царю Ивану, и победим поганых». И поехаша вси на белых конех, и тех святых пособием погании полцы устрашишася и побегоша, и

л. 63 вознесся рука || царя Ивана. Лета 7084 царь Иван Васильевич всеа Руси взял Казанское царство, и царя Симеона с царицею и царевы воеводы поймали и привезли к Москве.

Лета 7085 царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси имал Колывань город. А Колывань город вельми крепок и немцы в нем войною удалы люди, и приступ к городу тяжек, с одну сторону || море, а з горнюю болота, жерла непроходимые места. И ночью подмостили болота мосты и под град болшей снаряд подкатали и у города стену пробили, и в большие ворота московское войско во град почали скакать по 2-сти и по 3-ста, и в городе их немцы посекут, и трупом завалили городовую стену. И наутро востаха, и та стена || закреплена крепче и прежнего, и не мога города взять, прочь царь отшел.

л. 64 Лета 7086 царь Иван Васильевич всеа Руси с Москвы послы Захария Угорского да Ждан Квашнин в Сысоевское царство у царя Максимьяна. А в посольстве извещали: царь московской взял Латынские и Лифлянской земли 26 городов одним выходом,

^л На верхнем поле листа в виде колоннитула О царе Иване.

а стреча не бывала. И сысорской || царь крестьянскии прослави а. 64 об.
 бога и похвали государя царя, и пророчествова царь сысорский
 про Московское государство: «Будет де и вашей земли на Мо-
 скве сметение лет 10 и болши, и земля де ваша разпространится
 велми царьми и царствы многими обладают, а которые города
 иманы у вашего царя недолговечны» — молвыл послом: «Попа-
 метуйте мое || "слово сысорскаго царя, что говорил збудется а. 65
 в вашей земли». И послов ударив великими дары и отпусти
 честно, а царю послал скипетр царства Римского державы непо-
 бедимыя и диядиму и перфиру, и дары великия, и со умилением
 писа. Того ж году на осень под Колугою городом воевод госу-
 даревых побили и снаряд отполонили. Лета 7087 царь Иван Ва-
 сильевич || з детьми своими, царевичи Иваном и Федором, и з а. 65 об.
 бояры и стрельцы прииде в Великий Новгород и положи свой
 царский гнев на новгородцов, и владыку новгородскаго повеле
 в медведно обшить и собаками стравить. А вельможу Федора
 Сыркова на плахи казнить, городовых и посадских людей,
 жилцов и всяких чинов мужей и жен повеле на ужище || по 10 и а. 66
 по 20, и по 30 вязать и на живой мост на Волхову реку влачить,
 сыну отца своего, дочери матерь, брату брата повеле палицею
 бить и з мосту в Волхову реку бросать, и многое множество нов-
 городцов показни. И прииде во Псков град казнить, и возврати
 его Никула Кочанов уродивый, говоря царю встречные речи.
 Царь же против его не смея || гнева нанести, ведая его мужа а. 66 об.
 праведна. И поиде царь к Москве с войском. А казнил новгород-
 цов подмовкою изменничью. Того ж году на Вологде город каменной
 повеле царь делать, и прииде сам на Вологду на Велик день
 Христов, и вологжане в недоумении после заутрени не ходили
 ко царю с яицы здравствовать, и царь на них прогне-
 вая || о том, и царским биричем ходя прокликать у всех церк- а. 67
 вей и в базаре после обедни вологжаном, князем, и бояром, и
 рядовичам, и княгиням, и боярыням, и гостиным женам, от
 церкви в дома не ходя и платья не сложа с собою, в коем к церк-
 вям пришли, сносить сваи дубовые в ров, что были готовлены
 на подошвы ставить в городовую стену. А в свое место || никому а. 67 об.
 слуги не подменить, ни стороного не наветь. И по Велице дни
 на той же недели казнил вологжан тако ж, как в Новгороде.
 Лета 7091 мор был в зиме о Афонасьеве дни и Кирила алек-
 сандриских во всю вселеную. Лета 7091 царь и великий князь
 Иван Васильевич погребе сына своего царевича Ивана Ивано-
 вича. Преставись царевич Иван подмовкою злых изменни-
 ков. || Лета 7092 царь и великий князь Иван Васильевич всея а. 68
 Руси мудрым своим прозорством позна, что сыну его смерть
 учинилась от злых изменников, и на другой недели по Пасце

■ На листах 65, 68, 71, 76 на верхнем поле в виде колоннитула
 Царь Иван.

Христове во вторник наутрие восташа вси людие на Московском государстве, ажно на пожарище уготовлены 300 плах, 300 топов в плахах, 300 палачей стоят у плах. И московские князи,

- л. 68 об. и || бояра, и гости, и всякаго чину люди страхом одержими быша трепетни, что есть от царя вина на царство, видяще, что на казень уготовано, и бысь в скорби велице и слезы точаще людие, и не смеюще друг ко другу приклониться и слова изреши страха ради царева и глаголаху: «Господи, помилуй». И на 3 часу дни из царских хоромов выехал сам царь в черном платии
- л. 69 и || на черном кони своими стрелцы и холопы, и стрелцы, и со псари, и повеле палачем имать 100 князей, 100 боар, 100 гостей болших именем по розписи и на плахи клонить. И людие московстии быша в велицей погибели, не ведуще за кою вину и схватиша. Преж гостиной сотни 7 гостей на плахах сказниша,
- л. 69 об. 8 именем Харитона Белоулина взяв, || и не возмогоша склонити, собою велик, черн власы, страшен образом и крычюще ко царю стречны глаголы: «Почто еси неповину нашу кровь излиешь!». И з грубостию глагола, и псари поскочиша пособить палачам, и отсекоша ему главу, глава ж спряну от них и язык легшюще спрядывает от земля, струп же восташа на ноги и нача трястися
- л. 70 страшно, и збивая с ног его палачи, || и никакого ж возмогоша стронить. Царь же усумневся и страхом одержим, и погна своими холопы и со всеми стрелцы и псари за Неглиную во свои царьские хоромы. Палачи ж стоя недвижуще никого без повеления царева. И немного время на 6 часу от царских хоромов гонит скорый гонец и кличет зычно голосом, шапкою машучи: «Государь бо пожалова». || Палачи ж розпустиша поиманных всех князей и боар, и гостей и плахи спряташа, и разыдошася вси во своя дома, славяща бога. Труп ж той трясущеся весь день и на 2-м часе ночи падоша. Наутрее ж мертвых телеса спряташа по повелению цареву.
- л. 70 об.

Лета 7095 царь и великий князь Иван Васильевич взя Смоленец град у короля литовского. А стоя || под Смоленцом 3 годы, зане ж крепок бе, и много царь той казны истоци и войска падоша. И шла из града пушка и сшибло маковицу у церкви Спаского монастыря, и пала маковица зле шатерь царев, едва в шатре царя маковицею не убило. И царь не повеле в той церкви служить до скончания. И на третьей год из Твери града архиепископ Евфимий || посла ко царю под Смоленец замок и ключ, а писа: «Буди здрав, царю, со Смоленцом городом, замыкай замком, отмыкай ключем Смоленец град». И царь гнева наполнился: «Калугир посмекает мне, что под городом стою много время». Посла по него немилостива гонца: «В чем владыку застигнешь, в том без милости взяв пред себя поставить и на казнь

л. 72 предать». || И погна гонец. И 3 дня град Смоленец бог поручил царю Ивану, и збытсся пророчество тверскаго владыки. Гонец же владыку привезе во единой келейной свите и без пояса и боса.

Царь же благословися у него, прося прощения, и пожалова, и удари его царскими дарами, и отпусти его честно, и проводи до пути.

Лета 7096 при благоверном и храбром цари и великом князе || Иване Васильевиче всея Руси полкие люди, атаманы казачьи Ермак Тимофеев да Арган Андриев своею дружиною с казаки бысть на Волги реки, изменили государю, у понизовских городов усть Самары реки государева посла погромили и казну царскую пограбили, и царь на них положи свой гнев. И посла гонцы в Нижней Новгород и во вся || понизовские и поволские города к воеводам, и повеле их казаков поимать, привести, сковав без милости, к Москве, поставить пред собою царя. И казаки Ермак и Яргак с Волги ступиша в Великую Пермь, и в Перми на Чюсовой у Строгановых взяв запасу хлебного и оружия, и прибрав к себе волних казаков служивых людей, и ступиша на верх || Туры реки сибирския. И по Туре тотарские острожки и юрты изгоном поплениша и тотар посекоша, и поделаша струги легкия и щиты, и поплыша вниз по Туре и Аркиш реку под Сибирское царство, под Тобольский город, и Тоболски за щитом взяша, и многое множество тотар побиша и посекоша. И сибирский царь Кучюм || своими царевичи бегству даша в полские дальние дебри меж озера в непроходимыя места. Атаманы ж и казаки Тобольский город засели и окрестныя тотарския улусы и юрты тотар побиша, а иных под свою область под царскую руку Московского государства покориша и Тобольский град утвердиша. И послаша к Москве послов своих 10 || казаков, и послаша ко царю дары честныя, черныя и бурнастныя лисицы сибирския. И писаша на собою повинную отписку с великим уничижением: «Благоверный и благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, твои холопишка атаманишков казачьих и с казаками наши головы на плахи под твой царь||ской меч и саблю, что мы пред богом согрешили, воровскы на Волги твою царскую казну пограбили». А другую отписку писали к царю к Москве: «Божиею милостию и помощию и заступлением пречистыя богородицы и молением московских чудотворец, и твоим царским величеством и счастьем, и храбростию, и грозою на твое царское имя и величество бог || покори Сибирское царство, взяли и Тобольский город засели, и тотар много побили, а иных тотар под твою царскую руку покорили. Буди, государь, здрав и многолетен на Сибирском царствии и дай нам своего крепкого воеводу и служивых людей». И казачьи послы пришли к Москве и пред государя царя повинную отписку и другую отписку положили. || Взятие Сибирскаго царства. Государь царь и великий князь Иван Васильевич прослави бога и возвеличи похвалою атаманов и казаков. И сам царь рекоша: «Храбрии атаманы казачьи Ермак Тимофеевич да Арган Андреевич, своею храброю дружиною и с войским казачьим буди на вас божия

милость и мое царское величество Российского государства».

л. 76 об. И оттоле утвердись || Сибирское царство под Московскую область и до сего дни.

Лета 7105 году Юрье Долгушин устьцылемец да пан литовской полоненик, да Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазея проводали Надым реку, а на другой год Таз реку. А воевода 1<й> в Мунгазеи Мирон Шоховской.

Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси
л. 77 жаловал холопа || своего Бориса Федоровича Годунова, шурина сына своего царевича Феодора Ивановича всеа Руси, и как Борис болен был, тогда царь Иван Васильевич по своему жалованью приезжал к нему, и с ним холопы его были. И говорил царь Борису: «Борис, не ты болен, сын мой Федор болен, и богом даная моя дщи невестка Ирина болна, и аз болен».
л. 77 об. И про||стре свою царскую длань и указал на свои персты 3, глаголя Борису: «Борис, как те 3 перста моей длани видиши, так сын мой Федор и богом данная дщи Ирина да и ты, Борис, нашего царского величества вместе, как есть сын мой, а не холоп». На Борисе царское милосердие и милость учинил по-
л. 78 прежнему. Егда ж восхотевше богу преставись, || во он безконечный век от жития сего, тогда повеле к себе приняти духовному своему архимариту Феодосию, хотя ему исповедати поведание пречистых таин, покаяться, и на то время был Борис предстоя у него у царского одра, и духовник Борису глаголя: «Вон выступи тайного ради исповедания». И царь Иван не повеле
л. 78 об. Борису вон || итти, повеле предстояти у одра, глаголя: «Тебе душа моя обнажена вся при последнем издыхании духовнаго архимарита свидетеля поставляю». И слез очи свои наполняя, глаголя Борису: «Тебе предаю душу мою, и сына своего Феодора, и дщерь свою невестку Ирину, и все царство наше великаго государства. Ты ж соблюди яко зеницу ока. Аще ли не
л. 79 соблюдешь || их, воздаси о них ответ пред богом на сем свете и в будущем веце».

Уложена книга о Борисе в царствующем граде Москве, как царь Борис воцарился лета 106 февраля в 17 день первым Иовом патриархом московским и всеа Руси. В лето 7097 царю и великому князю Ивану Васильевичу дошедшу конца преставися. Сего ж царский скипетр восприемник бысть сын его царевич великий князь || Федор Иванович всеа Руси. И той бо не радя
л. 79 об. о земном царствии мимоходящем, но всегда ища, како бы небесное царствие получитьи, в славе ж вознесся брат царицы Ирины Борис Годунов. Брата ж царя Федора царевича Дмитрия Ивановича не единоматерня отдели на Углич, вельмож же московских советом, с материю пребывати. Сему ж Дмитрию царевичу в лето || 7099 память его крови неповинныя во всей Руси. Егда же заклан бысть той незлобивый агнец Дмитрий Иванович, тогда весь град Углич возметися и, взявше убийц Данилка Би-

туковского, Вавилка Кочанова и самого Михаила Битуковского, смерти предаша. Борис же за тех убийц углечан боле 2 сот человек погуби, овех в Сибирь сосла, иных же || в темницах лютою смертию погуби. Матерь же царицу Марию неволею пострещи повеле, 10 лет в скорби пребысь. Отца же ея Феодора Нагово со всем родом его в нужные места розосла и смертию скончася. л. 80 об.

Лета 7106 блаженному царю Федору Ивановичю пренив-
шуся земное царство на небесное, преставись. В лето 7107 по-
ставляется царем Борис Федорович, венчаему и благословляему
Борису рукою патриарха Иова, во время святыя литургия стоя
под тою рукою. А Федорово племя нача не любити смущения
ради, мало по малу нача смерти на них поучати и великому боя-
рину Никиты Романовичю приступи и сверже от себе, а Федора
Никитича со всюю братию много им безчестия и зла нанесе
им, || а 4-х смерти предаде, Александра и Василья, Льва и Ми-
хайла. Феодора большого Никитича неволею иночествовати устрои,
Иван же токмо 1 остася, а Феодор Иларион во многих томле-
ниях. По умертвии Бориса возведен бысь на престол великаго
чюдотворца Леонтия в Ростов, как извек, Никитич. В лето °
7109, в ключе слово Ф, луна 3. В то время гневом || божим
омрачи бог небо облаки и дождь пролияся на земли, и залило
хлеб на нивах и траву, а в Поморие безмерным мразом во всю
вселеную иззябл. Царь же Борис в то лето многу милостину
творяще к нищим, и от многих градов и стран нищии збирахусь
славы ради царевы и милостыни. По страном и по градом, счи-
таючи по повелению цареву, || гладною смертию изомроша и
погребоша в 3-х скуделницах 127 000 толико во единой Москве.
Тогда бысь в царствующем граде Москве боле 4 сот церквей,
а всех тех неведомо, колко погребоша, гладною смертию изомроша
а еже во всех градах и странах, никто ж исповедати может.
Царь же Борис гордости и злаго ума наполнися, погорде
во || своей земли сына и дщерь свою браку совокупити, от иных
язык любляше и к ним о сватовстве посла. От Дадския земли
царевича привед, хотя дщерь свою дать за него. Тако ж сыну
невесту изволи от Татарских царств привести ис Хвалися. Тамо
много от праведных зле погибоша от кумык и от черкас гор-
ских в непроходимых нужных местех || подле море Хвалынское,
мысля от востока невестою, от запада ж зетем примирити к себе
и царство крепить и утвердити. И та мысль у царя Бориса не
збытсья. Слава ж в мире царь Борис пославляет царя в Каси-
мове, поддавляет ему князей ногайских, Арус истороканских,
укрепляя того врага поборника себе и чадом || своим. В лето
7113 некто чернец, именем Григорий рода Отрепевых, юн еще
собю навык чернокнижию и прочим злым, отшед от Росий-
ского государства, вселися в пределы королевства Польскаго, л. 81 об.

° На поле помета Безкокос.

тамо живя и составляя ложная писания и посылая повсюду, поведую, жива царевича Дмитрия себя нарицаа. Сам же от места
 л. 84 об. до места преходя || и крыяшеса и мяташесь двою царствы всеми людьми мудростию своею и дьяволским навождением. И за то его прельщение яшася крепко сиверских и полских градов жители, вечныя холопы московския, друг от друга вси таж и град от града. Четвертая часть всея вселенныя Европию в 2 лета посланми своими прельсти, також || и рымский и всему западу возвести и знатна отечества являше и польскому крау третьему Жигкаменту все наместную за него повелеша строити. И приложися он к вечным врагом христианским, к латынским учеником, и обещахася вся Росия привести к стриеви антихристову под благословение, а хто не почнет веровати ему, тех всех предать
 л. 85 об. смерти, || аще бы не господь обличил и сверг его. Слышав же царь Борис, что идет царевич Дмитрей с войском к Москве, и собра царь Борис войска и посла с ними воеводу, сродича своего, Якова Годунова. И стретил на рубежу, и прелстися Яков Годунов со всем войском предался Розтриги и целовав крест со всем войском, и писа к Москве к царю Борису: «Воистину
 л. 86 идет царевич || Дмитрей Иванович». И царь Борис впадеся в печаль и кручину великую и недоумеюще, что содеяти, и впредь войска копити и никако ж противитися, что обыде страх его божим гневом. И еще Гриша Отрепьев не дошед до Москвы, и Борис с царства свержен бысь, и с его подручники. А рода Борисова Годуновых на Москве бысь 72 двора, и единого дни || в 3 часы всех их разориша и дворы их разграбиша, и животы их разнесоша, и жилища их до основания разориша, и людей их посекоша, а иных в темницах засадиша. И ни из единого двора никако же не попротивишася нисколько, ни врат у двора покрепиша, божим гневом ослабеша обыде грода их и вси руки ослабеша. Патриарха
 л. 87. Иова ухватиша во всем || святительском сану, начинаючи божественую литоргию, и помчали из церкви непутем влачим позорно, аки злаго некоего. Да с ним схватиша Матфея Годунова и помча безчестно, и неведомо где им смерть без вести учиниша. Остася от них Стефан Годунов 1, и той скрыся в тайных местех. Сын же царя Бориса Феодор с материю своею сами злой смерти от лютого || зелия предася. А царь Борис Григорьевым умышлением злою смертию посчен бысь в лето 7113, и его подручники Борисовы и з домы своими разсеяни быша. Той же чернец Гриша Отрепьев по его Борисове смерти того ж лета на царство восходит, нарицаа себя Дмитрия царевича, и от многих
 л. 88 знаем, что Гриша Отрепьев чернец. И хотяше у||"крепитися на Российском государстве на Москве царем, и собра к Москве весь род царевича Дмитрия убиенаго, которых Борис царь розвозил,

¹¹ На листах 88—90, 92 на верхнем поле в виде колоннитула О Ростриги.

всех собра и тех привед прелщеньми, последи же и дарми
 прельсти ж. И мать царевича Дмитрия иноку Марфу, бывшая
 жена царя Ивана Васильевича, нарицает того врага сына своего
 суща царевича Дмитрия. И галичана вси обли||чаху его, и мати л. 88 об.
 его, Богданова жена, Отрепьева вдова Варвара и с сыном своим,
 Григорьевым братом, и з дедею Смирным Отрепевым також об-
 личаху, что не Дмитрей царевич. И деда его в Сибирь сослан
 и много примим озлобления и муки. И за то мученицы явишася.
 Тогда дворенин Петр Торгинева да Федор колачник без боязни
 того обличаху, и по || многих муках главы отсекоша им среди л. 89
 Москвы. Той же Федор ведом к посечению, вопияше всему на-
 роду: «Се прияли есте образ антихристов и поклонитесь по-
 сланому от сотоны, тогда разумеете, егда вси от него погибнете».
 Москвичи ж ругахуся ему и по делом суд тому быст, глаголюще.
 Також и Петру казень ни во что ж вмениша и изказни их вборзе. ||
 И вскоре по них князь Василей Иванович Шуйской на плаху л. 89 об.
 осудися за его ж обличение, его ж усрамишася, поляки у Роз-
 триги едва упросиша от посечения. А панов литовских в войске
 с Розтригою: князь Костянтин Вишневецкой, да 4 брата Тик-
 шеевичи, да пан Талинской, да пан Велимонской, пан Козо-
 нов||ской, пан Костовской, и иных 20 панов. А рохмистров: Сума, л. 90
 Будило, Стрела и иных 30. Да полские и литовские люди, и
 иных земен люди, желныри подолские, бусары жемоцкие, февлане
 мозовецкие, черкасы Запольские земли, тотара и Сиверской
 земли. Потом же советом его злым с патриархом Игнатием поко-
 ришася вси ми||трополиты, архтепископы и епископы, архимариты л. 90 об.
 и игумены и весь первоначальный чин, князи и бояра со всеми на-
 чальствующими приложиша руки и послы избраша и послаша
 в королевство у пана Сердомирского дщери тому Розтриги в жену.
 Воистину свидетельствующе о нем в писаниих, что праведно сын
 царя Ивана || Васильевича Дмитрей. А вси знающе его, что л. 91
 Гриша чернец, паче ж Пафнотий митрополит крутиский, при нем
 в Чюдове монастыри на крыласе стоал, и у патриарха Иева боле
 года во дворе был, служа писмом, и за его еретическое воровство
 от него збежал в Литву. Яко ж все Росийское государство в без-
 разумие вдашася и возлюбиха || лесь и лукавство. Окаяный Роз- л. 91 об.
 трига сам усуетова с паном Сердомирским, как был в Польши
 в дому Сердомирского, рекся взять дщерь Маринку. И привел
 с собою на брак беззаконных пиршествник 6000 избраного войска
 и взяти быша вси дома великия на панов не токмо у простых,
 но и у властей и вельмож, и у нарицаемых лож||ных родителей л. 92
 его у Нагих, и насилие бысть велико и еретичество. Розтрига ж
 хожаше в войске великом, спереди и ззати хожашу с протазаны,
 алиберды со оружием, бояся того, что над царем Борисом содеяся.
 Казаки и холопы не смеюще ничего глаголати, а хто Розтригою
 промолвит, тот без вести погинет. Мнози ж погибаша, а инии ||
 во учиненый ад вечный гроб. Вскоре ж тогда проклятый папа л. 92 об.

римский с листом посылает по прежнему злему умышлению по-
требити как вера христианская. Он же окаянный вскоре решашеся
такое сотворити и венчася с Маринкою в дому божии, и насиль-
ством много девственных душ оскверниша женска полу и

- л. 93 мужска, и инок добро||образных. Сему ж беззаконию не терпя,
велможа дьяк Тимофей Осипов, муж благочестив, приим пост
и молитву со слезами и причастие святое, и пришед в полату ца-
реву, пред всеми Розтригу обличит: «Воистину ты еси Гриша Роз-
трига, а не царев сын Дмитрий, греху раб и еретик». Розтрига ж
л. 93 об. не терпя обличения, осрамотевся и в той час смерти || предасть
Тимофея, и бысть мученик. Той же Розтрига посылает крымскому
царю з дары безчестны, зделав шубу от кож свиных, и в писании
являя себе приготавлишеся со всею Польшею страною грядуще
к расхищению твоего царствия и жилища римскаго. И повеле
Росии всей и от поляк многих итти на Азов град и на твое
л. 94 Рим||ское царство, и на все жилища татарские, немедленно послав
нарядно много избраного, наряд пушечной по Дону плавную,
а по суку полскими проходы повеле рати итти. Проиде ж вест
и до Костентинаполя о сем, и готови быша турцы ко пролитию
крови христианских, хотя тем погубити российских крестьян. Гос-
л. 94 об. подь же его злый совет разори и дело || его не проиде. Враг же
той Розтрига умысли с еретики посети всякого чину, князей и
боар московских, и велмож, и по простых людей нача умышлять
каким образом, и хотяше игру зделать за враты Стретенскими
к Напрудному на поле и стрелять из снаряду, и всех побить.
Лютый же той совет Розтригин преж 2 дний людие открыв ||
л. 95 уведали, и в 10 день сам окаянный скончася, а преж сам советова
на 35 лет жития себе, но врази его не предаша много лет жить
ему, в той день повелением божиим вси восташа на него москoв-
стии народи и предаша его Розтригу лютой смерти, и много про-
лих с его Розтригою крови. И по убиинии Розтригине в 4 день
л. 95 об. малыми некими от царских || полат излюблен был царем князь
Василей Иванович Шуской, и возведен бысть в царский дом, ни-
ким же от велмож не пререкован, ни от прочего народу.
И устроися Россия на 2, овии убо любяще его, а инии ненавидяще.
Сивера тогда помысли, что от царя Ивана Васильевича розгром
был Новугороду, також и нам будет от того царя Василия, и
л. 96 вскоре отлага||ются от державы Московския, занеж много зла
доспели в Росии, егда возводяще Розтригу на царство Росийское
начаялися одоление вконец на Россию и приложились к Польскому
кравлевству в работу. Царь же Василие много молив сиверян и пи-
сал к ним митрополитом Пафнотием крутискым, и со архимариты,
и игумены, и с прочим народом, что на них зла не привезти. ||
л. 96 об. В то же время от царя Василия посланы боара, и воеводы, и

^р На листах 96 и 103 на верхнем поле в виде колонтитула О Цари
Васильи.

множество крепких воин под Колугою, и много голов положиша
и со стыдом отступиша. Посем же сам царь шед с войским Васи-
лей на Тулу воевать град и потоплением водным взят, и оттоле
начальствующих злодеев: ложного царевича Петрушку, холопа сви-
яжского стрелецкого головы Григорья Елагина, || наридающего л. 97
его сына царя Феодора Ивановича, Ивана Болотникова, холопа ж
князя Андрея Андреевича Телятевского, заводица всей беды,
поимали. Те ж злодеи того не устрашились и вскоре призва к себе
на помощь полских и литовских людей, прежним обычаем наре-
коша ложного царя Дмитрия от Сиверских град попова сына
Матюшку Веревкина. И тако брани и войны || боле 3 лет, и л. 97 об.
множество бьсь во всех странах божиим поущением и от предел
востока, полских градов, Крыму и Рязанская земля, и Пустая
Ржава, и Луки Великия, и Великий Новгород, и Псков, и Иван-
город. И ничим же задержав был одолеша врази православных
крестьян, дошедше царствующаго града Москвы, обидше круг
Москвы. И разделишася московскыи || людие надвое, умышляюще л. 98
каждо в себе, глаголюще: «Аще будет взята Москва, то тамо отцы
и братья наша, и дети, и род, и друзии нас соблюдут. Аще ли
мы одолеем, то мы их тако ж соблюдем». И того ради и инии из-
какаху из Москвы вон в табары, а инии остана в Москве. Пол-
скыи ж и литовскыи люди, и воры, и казаки тех переметчиков
московских людей || ни в чем им не вероваху и ругахуся над ними, л. 98 об.
аки волцы над сими овцами играюще и их искушающе и иных
вместо щитов от меча от сабли оружия поставляюще, за себя
и быша им стена крепка изменником от оружия и смерти. И смею-
щесь поляки и литва их безумию, что они сами из доброй воли
к ним прискакаху на злую смерть. И || одолеша поляки и литва л. 99
окрест Москвы Ростов и Венигород и к Волги — Переслав и Ка-
шин и Твердь, и Тушин, и многие города, и пригородки, и села
пожже, и кровь крестьянскую пролия. Руских же изменников и пе-
реметчиков в полцех у себя поляки и литва ни во что ж почитаху,
а себя от них измени блудяху, егда ж корысть делити что добычи,
то все || лутчее поляки имаху силою отнимаху, а они изменницы л. 99 об.
не могуше себе пособить, и полон красных жен, и девиц, и юнош
не токмо у худых, но и у начальствующих у болших отъимаху и
не могуше от руки их изхитити роду своего, и жен, и детей, и
братию, и сестры, но великою ценою откупают и то по великой
дружбе и смеющесь поляки им цену взяша, || а их не отдают и л. 100
другую цену возмут. А когда отдают, и на путь заедут со ору-
жием и опять в полон отъимут. Таков божий гнев наиде. А иныя
жены и девицы своим искуповаху ис полону, а иныя от своих к по-
ляком отбежаху, хотяще с ними жить, а иныя на мужей своих
поляков к смерти поучаху, руских изменников камено сердце видя
над собою таковое безмерие и по||гибель и не покаываясь. Царем же л. 100 об
играху, яко детищем, всяк выше меры жалованья хотяще, мнози ж
целоваху крест и ко врагом прилагахуся и в Тушино отъезжаху

и тамо целоваше и жалованье у врага имаху, и опять к Москве отъезжаху, и паки у царя Василия болше прежнего честь и дары принимаху, и опять к королю отъезжаху, и много тако мятущеся.

а. 101 Царь же Василие, видя таковое смущение, много повинных казня, с ними ж в 2 неповинных, и не могый обратити добрым и великим жалованием и честными дары, и злою казенью смертною, видя многи руския грады разоряемы и много крестьянския крови проливаемо божиим гневом гоними, 1 сто гонит и 2 двигнут тмы.

а. 101 об. Тогда ж || отъеха ногойскому князю Урус сын его князь Петр и отвержеся веры крестьянския и велику честь от себе отверже, жену свою покинул и со отцем своим с нагайскими тотары и много зла содела по всем украиным городам. Також и Борисом поставленный касимовской царь тушинскому ложному царю приложися и с полскими людьми и з || рускими изменики везде ратоваху. И тогда во всех церквах скот свой затворяху и псов во олтарех питаху, и священные ризы драху и на ноги обуваху, и февроны покрываху, и священные ризы блудницы одеваху пияху и плясаху, и святыя церкви и монастыри огню предаша, и крестьянскую кровь пролиаша, и в плен ведоша мужской пол и женский и архиерескы. ||

а. 102 об. Но и от первопрестолник наместника Леонтия чудотворца и прочии по нем, святой ростовский митрополит Филарет разумен в делех и словесен, тверд в вере Христове. И сего убо митрополита Филарета исторже силою от церкви и ведуще его путем боса, токмо во единой свите, и ругахуся ему, облекоша в ризы язычскыя и покрыша || главу тотарскою шапкою, и нозе обуша в сандалиа женская. И приведену бывшу ко Лжехристу поляком, и хотят ко своей прелести принудить, и нарицают его патриарха, и облачают священными ризами и златым поясом, и златым посохом почествуют, и служить тому, яко ж и прочим святителем даруют. Филарет же разумен, ни на десно, ни на шую очи не отведе,

а. 103 об. но бысть тверд в вере || Христове. Они ж злодеи блюдуше того крепкими стражи, никако ж ни словесы, ни очима помагающе. Тако ж и тверский архиепископ Феоктист обезчестивше многих муках и к Москве на пути смерти предаша, от православных взято тело обнажены кости. Тако ж и суздальского архиепископа во изгнании скочася. Епископа ж коломенскаго к пушки привязавше, под грады возяще, сим страшаще. И многих имали освященнаго чина тех вер отвергоша, мнози мняще погибелнаго конца и нужи великия не можаху терпети. И злии изменицы з башен гродных на землю метаху, а иных з берегов крутых во глубину рек с каменiem верзаху, а иных развязавша из луков и из санопалов стреляху, и иным же голени || на полы преломиша, иных же чада восхитивше пред очима родителей на огни пряскаху, а иных от сосцу матерну отторгаху о землю и о пороги и о камень и о углы убиваху, а иных, на копьях и на сабли воткнувше, перед родителями ношаху. А красных жен и девиц на мног блуд взимаху и многими осквернени нечисты умираху, мнози ж и сами из||резахуся смерти

а. 105

приимаху, дабы не оскверниться от поганных, и инии ж з берегов
 высоких мест метажу, негде крытися, а младенцов плачущих за-
 давяху, дабы для них самим не погинуть, и порты затыкаху и
 обрящаху мертвы. Яко пустыницы со зверми в пещерах живуще,
 и никому ж ни с кем невозможно отбегати, аще не обещаеши ино-
 чествовать, но дождь || и снег и студ нагим телом терпяше л. 105 об.
 беззаконных оскверняеми зле. Тако ж и братия за сестер своих
 нерушимого ради действия красоты скончехахуся. Мнози ж и хо-
 лопи ругающеся господам своим, привязавше мужа, или сына, или
 брата пред очима их студ содевающе не 10 человек, но двоицею,
 да иж и до пролития крови, не щадя ж и не невозрастных юнок ||
 и милостину нагих отпускаше прощать, а крови текуще и вла- л. 106
 сом одраным, а никто ж избавит их. Святыя ж и честныя инокины
 разтерзаеми бываху и по станом влачими, оскверняеми блудом,
 и даваху им мяса ясти в постныя дни, и святыя иконы и царския
 двери постилаху под скверныя постели, и блуд содевающе, и не-
 чисты сядяше и зернию играше, и всякими || бесовскими игры, л. 106 об.
 иконы колюще и вариво и печиво строяще, и из судов церковных
 пияху и ядаху, и мясо на диоскорех и в потирех и разбивающе
 на свою потребу, и на конскую в узды. И пелены шитыми покрыва-
 ху кони и надеваху вместо приволок, как на бой поезжаху, и
 поясы священики по блюдным недром поясаху, и хорюгови цер- л. 107
 ковныя вместо знамен || ношаху. Сия ж вся попустившу богу за
 беззакония наша, да не надеемся на красоту, ни на влажение дра-
 гое святых икон, добро убо и приятно богови украшение честных
 икон, не от лихоимства, и не от неправды, и не от посулов, ни
 от гордости, ни от прочаго злаго имания.

Сказание, что содеяся в дому Живоначальныя троицы, заступ-
 лением пречистыя богородицы и великих || чудотворцов Сергия л. 107 об.
 и Никона избавлена бысть обитель от полских и литовских людей
 и русских измеников, келаря Аврамия Палицына.

Царь Василей Иванович в осаде и полза граду Москве от
 обители Сергия чудотворца, и к морю Студеному от Великаго Но-
 ваграда, и Вологды, и по Двине реки до моря, и на восток вся
 Сибирская земля, и от Казани вси || — все во обитель чудотворца л. 108
 притекаху. В той лавре архимариту Иасафу, келарю Аврамию и
 прочим братиям и монастырским слугам, и от градов мнози при-
 текоша во обитель чудотворца бежаху, и всех монастырь при-
 имаху, а воинствующих людей всех от трапезы питаху. Царь же
 Василей посла в Датскую землю и в Аглинскую и в Свитскую
 о обиде на полского || короля, прося помощи. Король Арды-Кар- л. 108 об.
 лус посылает на помощь врагу Александру литовскому, и пленя-
 яще землю Рязанскую и Володимирскую и Нижгорскую, и грады
 огню пожже от Володимера до Переславля, и поиде к Сергиеву
 монастырю, и удаляются к стенам дому чудотворца. И первое зло
 показа начальни посад Климентиев || и окрест ту жилища огнем л. 109
 пожже и крестьян посече и кровь пролия. И советует Вор с Лит-

вою, как разорить дом пречистыя Троицы. И собравшуся сотонину сонмищу, отвергше уста своя, аки псы советуют, беззаконная глаголют царю Дмитрию: «Доколе стужают и досажают твоему благородству грако воронове, вогнездившеся во гроб каменной и до||

л. 109 об. пакосят нам, на путех вестников наших имают, от лес исходят, что звери лютые смерти предают и грады розговаривают крепко не покорятися твоему величеству, и служити учат царю Шубину, и всяко писание наказывают и посылают по градом и противитися велят, а сказывают — сохранят нас всегда молитвы Сергия чудотворца || и Никона, а сами сядят, аки во гнезде укрепились, как их разорить. И ты сам, царю, знаешь, что от самых царских полат мнози тут почернишася живут, а не разорить их, всегда нам пако- сти чинят и ждут к себе на помощь Михаила Скопу с черными пси, свйскими немцы, и Федора Шелеметева с низовскими людьми, и соберутся вси. А тот монастырь || занят у них крепко и могут нам победу злу доспеть, а ныне нам вели имать, толки не повинятся, и разорим прахом жилища их». А хвалится Сопега взять монастырь с поручники: Петр Сопега, пан Александр. В лето 7117 при цари Василье сентября 23 день пришед под Троицкой монастырь гет- ман Петр Сопега и пан Александр с польскими и литов||скими людьми по московской дороги. И на Климентове поли осадные люди конные и пешие бой велик сотвориша и литовских людей побиша, а сами здрави возвратишася. Литовский ж людие сие ви- девше, воскрыча нелепыми гласы, спешно и сурово обходя со всех стран монастырь. Архимарит же Асаф собором и народом вниде в церковь живоначалныя Троицы, || и ко образу богородицы и чудотворцу Сергию молящеся со слезами о избавлении града и люди, обитель и слободы огню предаша, да не будет брато жи- лище. Сопега ж и Лисовской, разсмотряше мест, иде ж стати, и разделивше, и начаша строите себе станы, и поставиша 2 острога

л. 111 об. и крепости сотвориша, и пути вся заняли, ни в дом, || ни из дому чудотворца. Осадные ж воеводы князь Григорей Борисович Дол- горуков да Алексей Голохвастов и соборные старцы приговорили, что укрепить город осадю и всех людей привести ко кресту, и головам быть старцем и дворяном. И раздели стены и ворота, и снаряд устроити по башням, и в подошевных боях всяк каждо ведает и хранит свою стену, на || браную потребу устроят и с приступными людьми бьются со стены, а на иную службу не исходят, а на выласку и в прибавку людей устроят особ. Праз- нику ж светло празднуему Сергию чудотворцу, и околных много прибегоша, и теснота бысь в монастыри, несъ места порозна, и че- ловецкы мнози без покрова сущи. И наста осень и зима, || будет потреб не имуще всем изнемогующим. Жены чада ражающе пред всеми человеки, а срамотою негде крытись. И всяко богатство не брегомо и татьми не крадомо, всяк смерти прося со слезами и плача. Видеша знамение священо инок Пимин на память Сергия чудо- творца стоя на молитве, и се оконцем келии свет восия, яко по-

жар, и мнев, яко врази зажгоша || монастырь, и на рундук вышел, а. 113 об.
 над церковию святых Троицы над главой столп огнен стояше до
 небеси. Пимин же велми ужасеся страшному видению и возва
 братию, Иосифа диякона, и Серапиона, и старцов. Они ж, ви-
 девше, чюдишася тому знамению. И помале столп огненный свисся
 и вниде оконцем в церковь. И всенощному славословию бывшу,
 и молебны совершивше, и собращася множество народа и советом а. 114
 начальник и всех людей, и крестное цалование бысть, что сидеть
 в осаде без измени: в первые воевода князь Григорей Долгоруков
 да Алексей Голохвастов, и дворяны, и дети боярские, и слуги
 монастырские, и старцы, и все воинство. Оттоле бысть во граде
 братолюбие, все со усердием ратовахусь без измени. И литовския ||
 людие уставиши сторожи около монастыря не бысть проходу, а. 114 об.
 и мысля как взять монастырь, град ниско стены, ласкотою и грозою
 у воевод и у народа просим, аще не здадутся, и мы подкопом без
 крови возьмем. И послаша во град сына боарскаго Безсона Руго-
 тина с листом архимариту з братию от великаго гетмана Петра
 Павловича Сопеги во град || Троицкой Сергиев монастырь, и а. 115
 воеводам Григорью Долгорукову, и всем людем. «Пишем к вам,
 милуючи и жалуючи вас, покоритесь царю Дмитрию и здайте град,
 и пожаловани будет от царя. А не здадите, то не на то пришли,
 что не взять. А то ведаете, что города ваши взяты и Москва
 в осаде. Мы вам добром пишем, и сами себя помилуйте, не про-
 лейте крови своя. Аще не злдаите, то злою смертию умрете, а. 115 об.
 а монастырь ваш до основания разорим, аще статус божий Иасаф
 помни жалованье царя Ивана Васильевича, а ты все забыл.
 А князю Василью Шубину доброхотствуещи и учите войску про-
 тивитись, царя позорите, и царицу Марину Юрьеву, и нас.
 Мы тебе пишем царским словом, запрети попом, чтобы не учили
 во||йска не покорятся царю Дмитрию, но моли за него бога. А нам а. 116
 град здайте без крови». Архимарит же Иасаф з братиею, и вое-
 воды, и все войско, видевше лукавую их прелесть, и помолишася
 богу о избавлении града, писав против отписку к поляком и из-
 менником. Воеводы приговорили со архиепископом и со всеми
 старцы писали к Сопеги: «Знаем ваше || проклятое державство, а. 116 об.
 прельщаете стадо Христово православных крестьян 10 лет. Хре-
 стьянское дитя посмеется вашему безумию и совету, что к нам пи-
 шите. Мы приемше письмо оплевање, кая полза оставить нам веру
 истинную и лжу прияти и вовеки мучитися покоритися Вор и ла-
 тыням, хуже вы жидов». Видевше отписку, что не покоряются, ||
 и повеле Сопега ко граду приступать со всех стран. И мана- а. 117
 стырсти людие бьющеся крепко. Сопега ж повеле туры прика-
 тить и наряд поставить: 1) за пруду, 2) на московской дороги,
 3) на Терентьевской рощи, 4) на Крутой горе, 5) на Красной
 горы, и всех 10, и вал высок засыпать, и по тому валу конные и
 пешие хожашу и бьюще 6 недель из верховых железных || ядр, и а. 117 об.
 монастырь неврежен бысть. И воеводы из града вышли с войском,

и слуга Оска Селевин забыл бога, утече в литовские полки. Литва ж злые ярости наполнися и побили и ранили стрельцов и казаков, и голову стрелецкого Василия Брухова, и в монастыри пострегли, со исповеданием душа предаша. Пономарь Елинарх сидя

а. 118 почил, и был сон ему, и шед к нему || чудотворец Сергей: скажи воеводам и всем людем, к пивному двору приступ будет тяжек, и оне бы не ослабели, билися крепко. И вышел святой, кропяше водою святою. С недели на понедельник. 3 час ночи литва со всех стран приступиша, и взял дрова и смолу и береста и зелие и зажгоша острог у пивного двора. И от того огня осветиша полцы

а. 118 об. поганных и из-за туров || много литвы побиша под стеною блиско. И видеша литва, по стенам града собором ходят со кресты много людей, и побегоша в табары. И на Княжни поли рохмиста Брушевского поимали и роту побили, и пан с пытки сказал, подлино подкопы ведут, под кое место, того не знает, и хвалится етман

а. 119 взять замок Сергиев монастырь и огнем выжещи, а мнихов муками казнить, людей погубить, || а не взяв прочь не ити. И не дают воды черпать, и бысь жажа велика, и повеле слуги Власу Корсакову ров копать вон града. Литва ж прискочивши, почали побивать, и из города много литвы побиша и живых поймаша, и на пытках пыташа о думех их и числа. Они ж сказаха: «Етман град

а. 119 об. взять надеется подкопы и приступы. Октября 12 день подкопы повели под кое место, того не ведает». А панов с Сопегою: пан || Костянтин Вишевской, да 4 брата Тикшеевичи, пан Талинской, пан Велимонской, пан Козоновской, и иных 20 панов. А рохмистов: Сума, Будило с тремя, и иных 30. А войска людей польские и литовские, желныри подолские, гусары русские, прусские, жемоские, мозовецкие и литовские, и многих розних городов, тотарова и

а. 120 черкасы волские, казаки донские, азтороканские, || сиверские, и всего войска 1000 тысяч, кроме черни и поляков. Сопега ж 3 дубы вместо свив и концы оковав, и на колесех под град подкатив. И 300 панов в ворота ударит, и не возмогоша врат проломить. И ис подошвного бою много литвы побиша. И та их мудрость себе на пагубу, и побежаша в табары. Воевода ж и вси

а. 120 об. людие хваля бога. В лето 7118 || заводчик разанец Захария Ляпунов да Петр Засекин да князь Афонасей Турдеев с товарищи царя Василья Ивановича пострегли и свезли в Литву з братиею его, князя Дмитрия да князя Ивана Пуговку со всеми властью, и отдали королю, а просиша у короля королевича Владислава царем к Москве. Лета 7119 мая в 3 день в Нижнем Новгороде ||

а. 121 видися человеку, именем Григорию, проповедати пост: 3 дни и 3 ночи ни пить, ни ясть детям и младенцем, от человека и до скота, и воздвигнути пост, и храм на Москве Василия блаженного, и принести образ пречистыя Владимирской, и в том храму молитися, и будет Московское государство очищено от литовских насилия, и подасть господь царя благочестива, и утвердится ||

а. 121 об. Московское царство. И по тому пророчеству во всей России от-

ворили пост, и подал бог свою милость, московский людие литовских людей побили, и подал господь бог на Москве государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси, воцарися во 121 году, а преставись 123 год. Лета 7119 году Московского государства стольник и воевода князь Дмитрей || Тимофеевич Трубецкой с войском прииде от Колуги, да князь Дмитрей Михайлович Пожарской от Нижнаго Новгорода прииде с войском. И совокупишася оба заединое под Московское государство со всем своим войском, прося у бога милости и у пречистые помощи, помня князь Дмитрей Иванович обет свой, что за пречистый дом умереть, августа 8 день со всеми ратными пришли под Москву, || и ратных людей постави, и литовских людей осадили, и по станом своим крепости поделали, августа 25 день гетмана Хоткиевича с полскими и литовскими людьми, и Наливайка с черкасы побили и во град запасы не пропустили, и языки у них переимали, и Москву град очистили от поганных. И князю Федору Андреевичю и дьяку Путилу, и всей земли, и всем крестьяном молить бога, и пречистыя Богородица, и всем святым.

(ИРЛИ, Пинежское собр., № 440).

Н. Ю. Бубнов

НЕИЗВЕСТНАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ
ДЪЯКОНА ИГНАТИЯ СОЛОВЕЦКОГО
ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Летом 1965 г. археографическая экспедиция Библиотеки Академии наук СССР привезла из Каргопольского района Архангельской области рукописный старообрядческий сборник середины XVIII в.¹ В этом сборнике особое внимание привлекает сочинение, находящееся на лл. 421—434 об., под заглавием «Выписано от челобитных вкратце инока Игнатия». Челобитная написана от имени «соловецких остоальцев» к царю² и представляет литературное описание взятия царскими войсками Соловецкого монастыря в 1676 г. и казней его защитников.

Сочинение это науке не известно, чего, однако, нельзя сказать о сюжете. Широко известно художественное описание осады и взятия Соловецкого монастыря в знаменитой повести Семена Денисова — «История о отцах и страдальцах соловецких», написанной в 30-х годах XVIII в. Сопоставление текстов нашей челобит-

¹ См.: Н. Ю. Бубнов и А. И. Копанев. Отчет об археографической экспедиции Библиотеки АН СССР 1965 г. В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. М.—Л., 1966, стр. 199—205. Шифр рукописи: БАН, Каргопольское собр., № 20. Рукопись была найдена в деревне Кучепалда, известной по происшедшему там в XVII в. самосожжению старообрядцев. Написана рукопись одним почерком, полууставом, на 435 лл. в 8°, переплет отсутствует. В составе сборника более 30 статей. В их числе сказание об иконе и похвальные слова богородице, жития Артемия Веркольского и Иринарха Ростовского, выписки из жития великого князя Михаила Черниговского и боярина его Федора, выписки из Хронографа и Степенной книги о Смутном времени, сочинения протопопа Аввакума («Послание к Маремьяне Федоровне», «Послание к некоему брату», «Свидетельство о жертве», отрывки из «Книги бесед» и др.), Повесть о патриархе Никоне, выписки из Поморских ответов и сочинений Андрея Денисова, «Обыскание о Пилате» (о крещении Пилата) с «опровержением» этого сочинения, выписки о самосожжениях в Каргополе и на Мезени, выписки из «Книги Василия Великого о убивающих самих себя» с добавлением статьи в защиту самосожжений, подбор выписок о восточных и римских мучениках, челобитная инока Игнатия и послание Федосеевцев (Игнатия Трофимовича и др.) на Выг с вопросами о написании титла на кресте, написанное в 1745 г. Наличие последнего сочинения, наряду с филигранями на бумаге рукописи, позволили нам датировать ее серединой XVIII в.

² Имя царя в челобитной не названо.

ной и «Истории» С. Денисова свидетельствует о том, что последний был знаком с челобитной Игнатия.

Важной особенностью Каргопольского списка челобитной является то, что в нем непосредственно за «челобитной вкратце» помещено сочинение, известное в науке как «Книга дьякона Игнатия о титле на кресте».³ Это заставило нас предположить наличие связи между обоими сочинениями дьякона Игнатия и просмотреть все известные списки его сочинения о титле на кресте. Наиболее интересным и важным из них оказался список, находящийся в сборнике Института русской литературы (Усть-Цилемское собр., № 19).⁴ В этом списке сочинение о титле на кресте объединено с отрывком, условно названным нами «Об Адаме нынешнем». Оба эти текста, как мы попытаемся доказать, являются частью вышеназванной челобитной соловецкого дьякона. Причем тексты, содержащиеся в Усть-Цилемском списке, позволяют восстановить значительную часть челобитной, отсутствующую в Каргопольском списке.

Предметом нашего исследования в данной статье являются вопросы об авторе челобитной, о времени и цели ее написания, о ее адресате, а также о ее исторических и литературных источниках. В поисках ответов на эти вопросы мы пользовались и другими списками сочинения Игнатия Соловецкого.

1

Литературное творчество видного деятеля старообрядческого движения в Поморье, проповедника и писателя второй половины XVII в., соловецкого дьякона Игнатия изучено очень мало. Специальные работы о нем отсутствуют. До сих пор известны были два сочинения этого автора: челобитная к царю Алексею Михайловичу, написанная Игнатием еще в период его жизни в Соловецком монастыре, т. е. до 1667 г., и сочинение о правильном написании титла на кресте Христовом, неизвестно когда написанное.⁵

³ См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, стр. 016 и LXXXI.

⁴ См.: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 72—77. В этом сборнике текст о титле на кресте находится в части рукописи, датируемой первой третью XVIII в. (лл. 131—138).

⁵ Оба эти сочинения изданы П. С. Смирновым в кн.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке, Приложение, стр. 016 и 045. Сохранилось также известие, что некий «соловецкого монастыря старец Игнатей... слагал и писал» житие Анны Кашинской, которое в 1652 г. было увезено из Соловецкого монастыря его заказчиком — пономарем Никифором из г. Кашина и выдано последним за собственное сочинение, якобы написанное совместно с братом, кашинским священником Василием. См. об этом: Н. Никольский. Сочинения соловецкого инокера Герасима Фирсова по неизданным текстам. ПДПИ, № 188, СПб., 1916, стр. XXVIII—XXIX. См. также книгу: Житие благоверной княгини Анны Кашинской по сино-

Оба эти сочинения содержат изложение особого учения дьякона Игнатия о титуле на кресте, т. е. трактуют догматический вопрос, относящийся к сфере внутренних разногласий старообрядческой общины. На фоне этих деловых, написанных сухих стилем сочинений новонайденная челобитная выделяется образным, необыкновенно эмоциональным языком, свидетельствующим о незаурядном писательском таланте ее автора.

Соловецкий черный дьякон Игнатий впервые упоминается в источниках начиная с 1666 г., когда он принял активное участие в политической борьбе, разгоревшейся в стенах Соловецкого монастыря накануне знаменитого соловецкого мятежа 1667—1676 гг. Однако в конце 1666 г. или в начале следующего 1667 г., т. е. еще до «запора» подвергшегося осаде царскими войсками Соловецкого монастыря, Игнатий с группой соловецких монахов покинул монастырь. С этого момента главным его занятием становится пропаганда идей старообрядчества и собственного учения о написании титула на кресте Христовом. Около 10 лет Игнатий скрывался от преследований властей — сначала в Каргополе, потом в Курженской обители и в выгорецких скитах, часто переходил с места на место, повсюду вербуя себе учеников и последователей. С целью установления связей с другими центрами старообрядчества он в эти годы посетил Псков, Пошехонье, встречался и вел переписку со многими своими единомышленниками: протопопом Аввакумом, игуменом Досифеем, иноком Корнилием и др. Но наибольшей известностью пользовался он в Поморье, где фактически возглавлял старообрядческое движение.

В условиях все усиливавшихся гонений на приверженцев старой веры слабеют надежды вождей старообрядчества на победу над «никонианами» и на завоевание ключевых позиций в церкви и в государстве. Многие из них не видят возможностей для существования старообрядческой общины при враждебном отношении к ней государственной власти. Среди старообрядцев все шире распространяются эсхатологические настроения — ожидание близкого конца мира и наступления царства антихриста, вера в возможность «спасения» лишь «на том свете». Именно так, по всей видимости, эволюционировали взгляды и дьякона Игнатия. Обладая энергичной, деятельной натурой, Игнатий не признавал тактики выжидания и компромиссов с властями. Все его сочинения пронизаны страстностью, непримиримостью и в то же время безысходностью. Известно, что дьякон Игнатий был активным сторонником и распространителем учения об антихристе в толковании Космы Косого и поддерживал мнение последнего о том, что «ныне-де на Москве царствует Титин», т. е. «преисподний

дальней рукописи XVII-го века. Б. м., б. г., стр. I—IV (предисловие Ан. Титова). Вопрос об авторской принадлежности жития Анны Кашинской Игнатию Соловецкому еще подлежит выяснению.

бес», который «воцарился» там с 1666 г.⁶ Всерьез на помощь такого царя мятежный дьякон не надеялся.

В связи с этим не кажется удивительным, что Игнатий стал виднейшим проповедником самосожжений. Учение о самосожжении как лучшем и верном средстве спасения души и прямом пути к богу в условиях наступающего, по учению старообрядцев, конца света явилось отражением того тупика, в котором находилось в 70—80-х годах XVII в. старообрядческое движение. Успешное распространение этого учения началось в обстановке углубления социального кризиса в стране в эти годы. После поражения народных масс в Крестьянской войне 1668—1671 гг. центр тяжести народного протеста заметно переместился в сферу религиозно-мистических исканий, что выразилось в массовом разрыве крестьян и посадского населения с официальной церковью. Старообрядческая пропаганда усиливала этот разрыв, уводя людей в область религиозных споров, исканий нравственного идеала, привлекая их обещаниями загробной райской жизни в награду за мученичество.

В Поморье самосожжения приняли особенно массовый характер. Только в двух крупнейших самосожжениях в Палеостровском монастыре, в 1687 и 1688 гг., погибло более четырех тысяч человек. Многолюдное прежде Заонежье после этих опустошительных «гарей» буквально обезлюдело. В палеостровской «гари» 1687 г., организованной дьяконом Игнатием, погиб и он сам, заслужив в среде своих последователей славу мученика палеостровского.

Большую известность дьякон Игнатий получил и как распространитель особого учения — «о правильном написании титлы на кресте Христове». Сущность этого учения сводилась к защите написания титла «І. Х. Ц. С.» («Исус Христос Царь Славы») и отрицанию «еретического» написания титла «І. Н. Ц. І.» («Исус Назарянин Царь Иудейский»). Учение о титле Игнатий начал проповедывать еще в бытность свою в Соловецком монастыре, где им была написана челобитная царю Алексею Михайловичу, посвященная защите «правильного» написания титла на кресте. Известно, была ли эта челобитная послана царю или же она создавалась лишь в агитационных целях. Определенно известно лишь, что учение о титле уже тогда находило последователей среди монахов Соловецкого монастыря. Так, монах Фаддей Кожевник «множество святых старинных крестов с положенною на них титлою... со единомысленники своими, обретающаяся на острове Соловецком, посече и пожже».⁷ Не исключено, что проповедь учения

⁶ П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке, стр. 35; Евфросин. Оразительное писание о новоизбранном пути самобийственных смертей. Изд. Х. Лопарева. СПб., 1895 (ОЛДП, № 96), стр. 26.

⁷ П. Строев. Замечания для истории церковного пения в России. Приложение III. Предисловие к Ирмологу Соловецкого монастыря, составленному в 1678 году при архимандрите Макарии. ЧОИДР, М., 1846, № 3, отд. 1, стр. 37.

о титле оказала определенное влияние на борьбу политических группировок в монастыре накануне и во время его осады. Путешествуя по стране, Игнатий продолжал распространять учение о титле, проявляя при этом крайний фанатизм. Во время посещения Пошехонья, например, он «к дворянину Федору на двор взошел и на крыльце увидел распятие с титлою («еретическою»); верняся назадъ и не поклоняся кресту пошел и: недостойтъ, рекль, с сими человеки молитися и ясти...».⁸

2

Наиболее обстоятельно дьякон Игнатий изложил учение о титле в сочинении, известном под названием «Дьякона Игнатия книга о титле на кресте».⁹ Об этом сочинении впервые упомянул инок Евфросин в 1691 г., который писал об Игнатии: «книгам был читатель, и охочъ и досуж, а мудрованейше иное имел, и бог знает какое: титлу на кресте не принимал и велику книгу на то собрал».¹⁰ Из последующих столетних споров в среде старообрядцев из-за титла видно, что сочинение Игнатия широко «обносилось во христианех».¹¹

П. С. Смирнов, впервые издавший это сочинение Игнатия по единственному известному ему списку Румянцевского музея,¹² назвал его «книгой» вслед за иноком Евфросином. В самой рукописи сочинение озаглавлено: «Писание священнодиакона соловецкаго Игнатия, прежде бывшаго отца и страдальца, обличительно о написании титлы І. Н. Ц. І. на кресте Христове». В. Г. Дружинин в своей библиографии сочинений старообрядческих писателей не сообщил никаких дополнительных сведений об этом сочинении Игнатия, хотя и обнаружил в своем рукописном собрании в одном из сборников XVIII в. сильно сокращенный текст его под заглавием «Из челобитной Игнатия, старца палеостровскаго».¹³ Введенный в заблуждение заголовком, исследователь не узнал сочинения, сочтя найденный им текст за выдержку из особой, неизвестной челобитной дьякона Игнатия.¹⁴ Между тем в этом сборнике имеются лишь выписки из сочинения Игнатия о титле на кресте. Заголовок же, в котором эти выписки названы челобитной старца Игнатия, свидетельствует о том, что все сочинение о титле на кресте первоначально было частью челобитной дьякона Игна-

⁸ Евфросин. Оразительное писаніе... стр. 26.

⁹ П. С. Смирнов. Внутренніе вопросы в расколе в XVII веке, стр. 016 и LXXXI.

¹⁰ Евфросин. Оразительное писаніе... стр. 25—26.

¹¹ А. И. Бычков. Каталог собранія славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова, вып. 2. СПб., 1893, стр. 143, 212, 245.

¹² ГБЛ., Музейное собр., № 761, лл. 1—7 об.

¹³ БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 118 (149), лл. 114 об.—118.

¹⁴ В. Г. Дружинин. Писанія русскихъ старообрядцев. СПб., 1912, стр. 176, № 3.

тия, адресованной, как мы увидим ниже, царю Федору Алексеевичу.

К такому выводу мы пришли в результате наблюдений над различными списками сочинения о титле на кресте и других текстов, относимых нами к рассматриваемой челобитной. Эти наблюдения дали нам возможность получить более верное представление как о всем сочинении соловецкого дьякона в целом, так и о взаимоотношениях отдельных его частей.

Помимо текста, изданного П. С. Смирновым, мы пользовались списком ИРЛИ,¹⁵ а также списками БАН, которых оказалось всего 4, в том числе один новонайденный Каргопольский и три других из собрания В. Г. Дружинина. На один из них обратил внимание сам Дружинин (собр. Дружинина, № 118 (149)). Другой список (собр. Дружинина, № 605), датируемый второй половиной XVIII в., особенно интересен, так как содержит текст сочинения Игнатия в более полном виде, чем все остальные списки, включая изданный П. С. Смирновым. Правда, и этот список имеет пропуски текста, хотя, по-видимому, не очень обширные. В нем сочинение озаглавлено: «О надписании титлы; от челобитной Игнатия старца, Соловецкого монастыря бывшего дьякона и еклисиарха». Третий список из собрания В. Г. Дружинина (№ 232, относящийся к XVIII в.) содержит сильно сокращенный текст, озаглавленный: «Из челобитной преподобнейшаго Игнатия отца. О титле Пилатовой».

Мы видим, что в трех списках собрания В. Г. Дружинина сочинение о титле рассматривается переписчиками как часть некоей челобитной, написанной старцем Игнатием Соловецким. Более того, один из этих списков (№ 605) содержит приписку, находящуюся в конце текста сочинения о титле и поясняющую, из какой именно челобитной извлечен этот текст: «Сия челобитна списана от старца Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу в лето 7185 году октября в 5 день» (л. 19). Приписка эта очень важна для нас и потому, что она содержит точную дату написания челобитной, а также имя ее адресата — царя Федора.

Итак, сочинение о титле на кресте — часть обширной челобитной Федору Алексеевичу, написанной в год его восшествия на московский престол. Какое же место занимает догматический текст о титле на кресте Христовом в полном авторском тексте челобитной? Естественно, что текст этот, не обладающий признаками эпистолярного жанра, не мог находиться в начале челобитной. Он мог быть только продолжением текста, включавшего «челобитье» в собственном понимании этого термина. Доказательства этому мы находим в содержании самого сочинения о титле. Начнем со списка, изданного П. С. Смирновым по рукописи Румянцевского

¹⁵ В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники..., стр. 75 (сборная рукопись № 19, л. 131).

собрания № 761. Здесь сочинению предпослано небольшое авторское обращение, начинающееся словами: «Плачь, Рахиль, возстени, возстени, духовный Вифлиеме, небеснаго доме хлеба!..». В этом небольшом обращении автор обличает «осквернителей» и «разорителей» истинной христианской церкви: «Ныне вопиет наша святая Соловецкая обитель мною, многогрешным чернецем, прежних постриженником и последним остальцем!», — восклицает он. Однако это авторское обращение слабо связано с последующим текстом о титле. В рукописи Дружининского собрания № 605 сочинению о титле также предшествует рассматриваемый отрывок, но здесь заглавие сочинения помещено между ним и последующим текстом о титле, что свидетельствует о сознательном разделении слабо связанных между собой по смыслу частей сочинения. В списке ИРЛИ (Усть-Цилемское собр., № 19) тот же отрывок вообще вынесен в конец сочинения и следует после сокращенного текста о титле; в этом списке отрывок заканчивается молитвой, отсутствующей в других списках. Наконец, в Каргопольском сборнике, содержащем вновь найденную часть челобитной дьякона Игнатия, рассматриваемый отрывок занимает свое первоначальное место в авторском тексте челобитной, а именно завершает ее первую часть (обращение к царю и рассказ о соловецких страдальцах). После этого отделенная словом «ниже» следует вторая часть челобитной — сочинение о титле на кресте, представленное в этом списке в сокращенном виде. Таким образом, Каргопольский сборник содержит единственный список челобитной, где обе части этого обширного сочинения объединены (точнее сказать, еще не разъединены), что может служить подтверждением нашего предположения о первоначальной общности рассматриваемых текстов.

Из наблюдений над всеми шестью списками, содержащими тексты из челобитной дьякона Игнатия, уже можно заключить, что читателей-старообрядцев XVIII в. интересовала главным образом вторая часть челобитной, с текстом, трактующим важный для них догматический вопрос о правильном написании титла на кресте. Но и эту часть челобитной переписчики стремились по возможности сократить. Что же касается первой части челобитной Игнатия, то ее слабая распространенность в списках объясняется, по-видимому, появлением в 30-х годах XVIII в. «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Это сочинение постепенно вытеснило из читательского обихода челобитную Игнатия, заключавшую в себе, по выражению самого автора, лишь «похвалу вкратце» казненным соловецким монахам.

Публикуемая нами первая часть челобитной дьякона Игнатия начинается с обращения к царю от имени «бедных остальцев соловецких», т. е. бывших соловецких монахов, оставшихся в живых

после осады монастыря и казней 1676 г. Себя автор челобитной считает выразителем воли и желаний этих людей, вместе с которыми он, по его мнению, представляет перед богом и людьми всю поруганную Соловецкую обитель.

Царь, к которому обращается автор, по имени в челобитной не назван. Перед читателем возникают как бы образы двух разных царей. Под царем, который «люто и яро» на соловецких иноков «возъярися и, аки люты зверь, неукротимо возлютися», за что «от жития сего посекаемь бывает безвременно», по-видимому, подразумевается уже умерший царь Алексей Михайлович. Другой царь, к которому обращается автор («к своему царю самодержцу, к Вам прибегаем»), — вероятно, недавно взошедший на трон царь Федор Алексеевич. Абстрактность этого образа в челобитной, а также сама ее форма, идущая вразрез с традиционной, ставит перед нами вопрос: посылалась ли в действительности эта челобитная к царю и предназначалась ли она автором вообще к такой посылке? Представляется более вероятным, что обращение к царю с челобитной — всего лишь пример использования Игнатием эпистолярной формы для более успешного распространения в народе своего антиправительственного сочинения.

Что же просит Игнатий у царя для оставшихся в живых соловецких иноков? Прежде всего «обороны» от «еретических челоовек», которые «бедных страшливых горчаков нудят к своему злому еретическому умыслу приступити», т. е. принуждают принять «новую веру». Игнатий ищет у царя «расправу разсудну» и «покров крепок», на которые он и стоящие за ним лица имеют все основания претендовать как верные подданные. Игнатий обращается к царю как к главе светской власти с жалобой на власти церковные. Он просит царской милости к «бедным, скитающимся в тесноте нужно» соловецким выходцам, вынужденным «от всяких теснот нужных погибель примати», ждущих «з благою надеждою последнего смертнаго часа» и тем не менее выполняющих свой духовный долг — пропаганду «кротко изливаемого» книжного учения, от которого в народе уже созрели «воспитанные плоды».

От обращения к царю автор челобитной переходит к обращению-молитве к святым отцам соловецким, «новым исповедникам», с просьбой ходатайствовать от его имени перед богом: «Умолите его, света, — просит Игнатий, — прошение горкое да исполнит, да преложит цареву сердце на кротость и святую обитель от растъленных человек очистит да предаст бедным остальцам без прещения и страха». «Аще тако милость от него (бога, — Н. Б.) испросите богато, — продолжает автор, — то не отрекуся... тогда вашего страдания подвиги похвалити и украсить»: Это обет Игнатия на будущее. Весь последующий текст, представляющий собой описание страданий и подвигов соловецких иноков, рассматривается автором лишь как «похвала вкратце». Для более обстоятельного сочинения о «соловецких страдальцах» ему, по его словам, не хва-

тает «и времени и места». Игнатий просит у бога помощи, а у «соловецких страдальцев» снисходительного отношения к его труду: «не имате мене, нужника горкова, тяжестно презрети, но милость свою и щедроты имате, яко отцы к сыну». Автор подчеркивает, что именно на его долю выпала трудная и почетная задача выступить в защиту поруганной Соловецкой обители, хотя он и недостойн этой чести: «начну грубую свою сию некрасотою словес к вам простирати, аще бы вы при животе своем меня и отгнасте за мое суровство». Последняя оговорка автора бросает свет на обстоятельства, при которых он покинул Соловецкий монастырь. Между тем, по легенде, сочиненной Игнатием впоследствии, он покинул монастырь добровольно, послушавшись «проречения» юродивого Гурия.

В начале своей деятельности в Поморье Игнатий выступал как простой проповедник, как изгнанный из монастыря и лишенный дьяконского звания монах. Трагическая гибель большинства соловецких иноков превратила дьякона-расстригу из изгнанника в духовного преемника и наследника соловецких мучеников. Если челобитную к царю Алексею Михайловичу писал простой соловецкий дьякон, то автором челобитной к царю Федору Алексеевичу является уже человек, широко известный в народе, «последний остаец соловецкий», выступающий как защитник идей и традиций Соловецкого монастыря. Стремлением Игнатия использовать свое новое положение для пропаганды собственного учения о титле на кресте можно объяснить объединение им в одном сочинении — челобитной — столь разнородных по содержанию текстов.

Содержание челобитной дает нам возможность проверить дату ее написания — 5 октября 1676 г., которая названа в приведенной нами ранее приписке к рукописи собрания В. Г. Дружинина № 605. Крайние даты написания челобитной определяются без затруднений, это период между 29 января 1676 г. (день смерти царя Алексея Михайловича) и 27 апреля 1682 г. (день смерти царя Федора Алексеевича). Кроме того, в челобитной имеется фраза: «святой обители нашей его (т. е. царя Алексея Михайловича, — *Н. Б.*) неразумное яростию и гневом лютым и до сего времени запустение». Как следует из документов, в июне 1676 г. в монастырь приехал новый архимандрит Макарий с 20 человеками братии. К осени того же года общее количество монахов на Соловках (включая прежних постриженников, оставленных там на жительство) не превышало 60 человек. Этих людей не хватало для ведения многочисленных монастырских служб. Архимандрит Макарий в ноябре 1676 г. писал патриарху: «...всяких монастырских промыслов запустить нельзя и не хочется; а послать, государь, некого, и в монастыре, государь, людей с нуждою...».¹⁶ Следовательно,

¹⁶ Материалы для истории раскола, т. 3. Изд. Н. Субботина. М., 1878, № LXIV, стр. 444.

у автора челобитной имелись основания говорить о «запустении» Соловков именно в 1676 г., так как в последующие годы монастырь постепенно оправился от понесенных им потерь и убытков.

Только одно место в тексте челобитной ставит под сомнение достоверность имеющейся в приписке даты, а именно «знание» ее автором факта смерти воеводы Мещеринова. Источники не сообщают нам точной даты смерти этого воеводы, известно лишь, что он умер вскоре после взятия монастыря. Но еще в марте 1677 г. Мещеринов допрашивался в Новгородском приказе. Попробуем обратиться к тексту челобитной. Соловецкие инок перед казнью, обращаясь к «слуге мучителеву» (воеводе Мещеринову), пророчат скорую смерть «большаку», т. е. царю: «нас отпускай скорее, да и большак за нами тотчас будет». «Тако же и в наша лета ныне сотворися», — добавляет автор и далее продолжает: «и едино еще слово сие прорекоша: — паси же ся и сам ты, мучитель, за нами вскоре. — Последнее пророческое слово изрекоша, с ним же бывающим тако». Два одинаковых пророчества, — не слишком ли это много? Нам представляется, что пророчество о смерти воеводы, так же как и сообщение о его исполнении, — результат искажения авторского текста одним из позднейших переписчиков, пожелавшим, чтобы в челобитной было отражено важное для старообрядцев происшествие — смерть ненавистного им воеводы, осмысленная ими как неотвратимая небесная кара человеку, совершившему святотатство. Стилистика отрывка также позволяет согласиться с предположением о его позднейшей вставке в текст челобитной.

Рассмотрим третью, заключительную часть челобитной Игнатия, которую нам сохранил Усть-Цилемский сборник № 19. Содержание текстов, относимых нами к челобитной, и их порядок расположения в сборнике таковы: сочинение о титуле на кресте в сокращенном виде под заголовком «О титуле», отрывок под заголовком «О кресте и о крыже», отрывок о «нынешнем Адаме», преступившем Христову заповедь, и небольшой отрывок с авторским обращением, который мы определили ранее как завершающий первую часть челобитной (этот отрывок есть в нескольких списках, однако молитва, которой он заканчивается, имеется только здесь).

Наиболее интересным из перечисленных текстов является публикуемый нами отрывок, названный условно «О Адаме нынешнем». Сочинение об Адаме продолжает сюжет первой части челобитной. В нем рассказывается о царе Алексее Михайловиче и его роли в трагическом для автора событии — взятии Соловецкого монастыря. Царь выведен здесь под именем «нынешнего Адама», судьба которого сравнивается с судьбой Адама библейского, нарушившего заповедь бога. Этот Адам-царь «Соловецкую обитель неблагоприятно восхоте разорити... дабы истинное благочестие первое до конца потребити и испепелити и такову себе честь своим самовластием и самолюбием приобрете». Совершив столь жесто-

кое и богопротивное дело, Адам-царь не раскаялся в содеянном: «У нашего же Адама покаяния не бысть нигде же и прощения со смирением не приносил, но величава и прегордо отверже от себе божию милость и высокоумием вознесесе и лицемерно благочестием покрыся и ни мала добра являет...». Как и библейского Адама, «Адама нынешнего» тотчас же постигает «господня кара»: «Егда бо святую обитель в запустения поле положиша, абие вскоре жития сего Адам отлучен бывает, яко да немедленно увидит, что ему принесе самовластие, самолюбие и преслушания и каковый труд телу и души сокрушение приобрете».

В сочинении об Адаме много места уделено личности автора челобитной — дьякону Игнатию. Как и в первой части челобитной, здесь звучит мотив одиночества автора после трагической гибели соловецких старцев: «Отцы твоя скитатися единого оставиша и братия твоя в вечную радость отидоша и дети твоя в будущую жизнь превариша». Постепенно повествование переходит в полное лиризма авторское отступление, где Игнатий называет себя юношей с языком «косным и гугнивым», который «нудится закон полагати». Униженно ругая себя и свое «писание», автор стремится оправдать публичное выступление гибелью соловецких старцев. «Дерзай, невежда, умолче бо мудрость, — восклицает он, — дождь бо ныне в наставшее нужное и многоблезненное время учением истинным книжным преста словесне землю напоити». Игнатий выступает лишь «по нужи, яко старцы неблагоприятно умолкоша молчанием вечным».

Заканчивается сочинение об Адаме отрывком, в котором со ссылками на Апокалипсис Иоанна говорится об ожидании конца мира для всей вселенной «умножения ради еретичества злаго». В нем содержится призыв к верующим не «приятти искушения» молиться с еретиками и с «богословия начальником», под которым, по-видимому, подразумевается патриарх Иоаким. Обращением к богу от имени всех верующих накануне «второго пришествия» и грядущего «страшного суда» завершается челобитная.

4

Попробуем взглянуть на челобитную Игнатия как на исторический источник и сопоставить содержащиеся в ней сведения со свидетельствами современных официальных документов.

В челобитной говорится, что царь Алексей Михайлович «Соловецкую обитель неблагоприятно восхоте разорити и собрать... богоборну и злочестиву, немеца и поляков, истинных латынцев и врагов кресту Христову...». В приведенной фразе примечательно утверждение автора о том, что рать, осаждавшая монастырь, состояла из людей «латинского» вероисповедания, иностранцев: немцев и поляков. Вспомним, что челобитная начинается с обращения к царю, в котором особо подчеркивается верность «соловецких

дстальцев» православному царству: «Мы же, бедные, — пишет Игнатий, — вины... своей перед царем своим самодержцем никаких вины не знаем, ни же крымскому, ни турецкому, ни к литовскому, ни к немецкому, ни к коим иноверцам не прибегаем и вестями о управе и жалобами не пересылаемся...». Налицо сознательное противопоставление поведения верных и твердых в отеческой вере соловецких выходцев еретическим действиям покойного царя. Возникает вопрос: имеет ли утверждение Игнатия об участии иностранцев в осаде монастыря историческую основу? Обратимся к документам.¹⁷ Просмотр дел, относящихся к последнему этапу соловецкой осады, показывает, что войско воеводы Ивана Мещеринова, осаждавшее монастырь, находилось под командой иностранных офицеров, «новокрещеных иноземцев» рейтарского строя, присланных Иноземным приказом из Москвы. Это были майор Келин, ротмистр Гаврила Буш (умевший писать только по-немецки), поручики Василий Гутковский и Федор Стахорский. Как видим, высказывание дьякона Игнатия о немцах и поляках как главных участниках осады не лишено оснований. Конечно, привлечение иностранных специалистов объяснялось главным образом необходимостью обучения «ратных людей пехотному строю» и для руководства осадными работами. При этом правительство, видимо, учитывало большую надежность «новокрещеных иноземцев» при выполнении столь «деликатной» службы, как осада мятежного монастыря.

Осадив монастырь, «богоборная и злочестивая рать» воеводы Мещеринова стреляет из пушек и «изо всякого оружия» «сурово и безчеловечно... по святым церквам и по святым и честным и животворящим крестам, на церквах святых стоящим, и по святым образам Спасовым и Богородичным». В этом высказывании автор обвиняет осаждавших в сознательном святотатстве и осквернении святынь. О том, что подобное обвинение выдвигалось в действительности, свидетельствует отписка воеводы Мещеринова к царю после взятия монастыря, в которой воевода находит нужным оправдаться: «а в монастыре соборная церковь и чудотворныя раки преподобных отец Зосимы и Саватая и Гермона, соловецких чудотворцев, от гранатных стрельбы и от ядер все в целости и ничим нерушимы».¹⁸

Наконец, осаждавшие врываются в монастырь и после короткой схватки овладевают им. Монахи в надежде на милосердие устраивают победителям торжественную встречу: «Отцы бо мои изыдоша в сретение им со святыми и честными образми, при-

¹⁷ См.: Материалы для истории раскола, т. 3, № LXIII; Дополнения к актам историческим, т. 5. СПб., 1853, № 67, документы XXVI, XXVIII, XXXVII; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. 4. СПб., 1836, № 215, стр. 293—301; ЧОИДР, М., 1883, т. IV, Смес., стр. 1—92.

¹⁸ Материалы для истории раскола, т. 3, № LVIII, стр. 354—355.

имающе [воеводу], яко истиннаго своего серъдоболя, радостно и усердно. Он, проклятый, разгордевся на божий образ, повеле образы поотмати отец моих безчестно и руганно, их же, исповедников, сурово и гордо смерти предавати». Документы не сообщают, имела ли место в действительности описанная встреча. По поводу же присвоения воеводой Мещериновым икон и другого монастырского имущества имеется следственное дело.¹⁹ 2 октября 1676 г. при обыске лады Мещеринова было найдено 18 икон.²⁰ В ходе следствия выяснилось, что часть из них (а именно 12) были взяты из соборной церкви келарем и другими монахами и подносились воеводе в дар по праздникам.²¹

Большое место в челобитной отведено описанию казней соловецких «сидельцев» после взятия монастыря. Здесь подробно описываются способы казней и мужественное поведение приговоренных к смерти. Действительно, расправа с непокорными монахами была жестокой. Это видно из документов. Так, 15 февраля 1676 г. воевода Мещеринов доносил царю: «В нынешнем... во 184 году, генваря в 22 день... великого государя ратными людьми Соловецкий монастырь взяли и воров и изменников побили, а иных на бою ранили, и из тех раненных людей 28 человек казнены смертию, чтоб на то смотря иным неповадно было воровать...».²² Монах Феоктист, предательски впустивший осаждавшее войско в монастырь, в своей челобитной царю от 20 июля 1676 г. еще подробнее сообщает об учиненной в монастыре расправе: «ратные люди в город Соловецкого монастыря вошли... и церковных мятежников... побили, а иных пущих воров воевода Иван Мещеринов перевешал, а многих чернцов, выволоча за монастырь на губу, заморозил...».²³

Описание казней соловецких монахов автор челобитной заканчивает указанием на дату этого события: «мучение же святых страстотерпец, новых исповедников соловецких, иже пострадаша в лето 7184, месяца генваря в 20 день, в субботу мясопустную, коликъства же их 300 и множае, инии же глаголют пять сот».²⁴ Большой интерес представляет указание на количество «пострадавших» в Соловецком монастыре, хотя, судя по форме выражения, автор в данном случае и не претендует на точность. Известно, что общее количество осажденных в монастыре доходило до 500 человек.²⁵ По словам выходцев из монастыря, к сентябрю 1674 г. там

¹⁹ Там же, т. 3, № LXIII, стр. 383—440.

²⁰ Там же, стр. 437.

²¹ Там же, стр. 386—388.

²² Там же, т. 3, № LVIII, стр. 354.

²³ Там же, стр. 411.

²⁴ В приведенной дате имеется ошибка: монастырь был взят не 20-го, а 22 января 1676 г.; последняя дата действительно приходится на субботу мясопустной недели.

²⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией, т. IV. СПб., 1842, № 248, стр. 533.

«померло от цинги» и «от пушечных и мушкетных стрелбы побито» 33 человека.²⁶ Однако, по-видимому, в последний год активной осады монастыря погибло значительно больше осажденных. Известно, что к моменту взятия монастыря многие из его защитников были больны цингой и потому не могли принимать участия в обороне.²⁷ Поэтому, на наш взгляд, определение Игнатием общего количества погибших в монастыре во время осады монахов и бельцов в 300 человек вовсе не лишено оснований.

Таким образом, мы видим, что конкретные факты, содержащиеся в челобитной, подтверждаются документальными данными. Имеющиеся в сочинении элементы художественного вымысла, вроде пророчества соловецких старцев о смерти царя-отступника, а также авторские отступления лишь дополняют исторический рассказ, придавая ему остро полемическую и агитационную направленность.

Соловецкий дьякон Игнатий был не единственным, кто живо откликнулся на трагические события 1676 г. в Соловецком монастыре. Не обошел молчанием эти события и глава старообрядческой общины протопоп Аввакум, находившийся в то время в пустозерской темнице. В своем послании в Поморье²⁸ Аввакум ярко описал раскаяние умирающего царя Алексея Михайловича, который перед смертью якобы взывал к соловецким старцам: «господие мои, отцы соловецкие, старцы, отродите ми да покаюся воровства своего, яко незаконно содеял... и вашу Соловецкую обитель под меч подклонил, до пяти сот братии и болши. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил...».²⁹ Удивительна близость этого описания к фактическому материалу челобитной Игнатия. Но есть здесь и существенные отличия. По-разному трактуют писатели образ царя Алексея Михайловича. Аввакум, подобно Игнатию, рассматривает смерть царя как скорую небесную кару за перемену веры и насилие над Соловецким монастырем. Но в рассказ об этом событии Аввакум включает дополнительные подробности: свидетельство «никониян-самовидцев». По Аввакуму, умирающий царь не только раскаялся в своем «воровстве» против христианской веры, но и отдал приказ осаждавшему войску отступить от Соловецкого монастыря.

Не обошел своим вниманием героическую тему соловецкой осады и другой старообрядческий писатель, соузник Аввакума по

²⁶ Материалы для истории раскола, т. 3, № LV, стр. 330.

²⁷ Там же, т. 3, № LXIII, стр. 429.

²⁸ Послание Аввакума под названием «Совет святым отцам преподобным» издано в кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, стр. 249—256. Можно предполагать, что это послание Аввакум адресовал дьякону Игнатию Соловецкому и его «клевертам» — Пимену, Герману и Иосифу.

²⁹ Житие протопопа Аввакума... стр. 255.

пустозерской ссылке — дьякон Федор Иванов.³⁰ Однажды во время молитвы Федору в видении явились соловецкие чудотворцы Зосима и Савватий. В другой раз он слышал трехкратный выстрел, «яко из великия самая пушки над Соловецким монастырем». Федор много размышлял над смыслом этих знамений, но «не разумех в то время». «И по сем мину пять месяцев, — пишет далее Федор, — и обитель взята бысть и разорена от врагов, и сидящих в ней мнози отцы и братия оружием избиени быша и заклани, яко агньцы, овии же повешены за ребра, овии же во льду мразом заморожены, иныя же инако казнены и замучены от царева воинства». Сначала, как пишет Федор, он возроптал на бога за то, что тот не вынял его молитвам за соловецких сидельцев. Но потом от сосланных в Пустозерск соловецких «трудников» стало известно, «яко велико нестроение и крамола стала быть тамо междоусобная, и того ради предал господь их в руки врагам, да ових величал, а ових смирил и наказал».³¹ В последней части своего послания дьякон Федор приводит многочисленные исторические примеры еретичества и отступления от веры различных исторических деятелей. К их числу автор причисляет и царя Алексея Михайловича, который, «прельщенный от Никона еретика и отступника... присылал войско свое под Соловецкий монастырь». Перед смертью царь раскаялся в совершенном и послал гонца к войску с приказом отступить от монастыря. Но раскаяние запоздало. «В то время самая болезни его взят бысть монастырь и разорен, и братия вся, иноцы и белцы, побieni быша и разными муками и необычными замучены, и Никанор, преподобный архимандрит и многолетний старец, иже и отец бе ему, царю Алексею, и той замучен ту разными муками во едином чаше от стрелецкого головы Ивана Мещерского (так!), сатанина угодника... Царь же потом скоро скончася недобре...».³² Так пустозерские писатели-соузники Аввакум и Федор дополнили сочинение Игнатия о соловецкой трагедии собственной легендой о заблудшем и раскаявшемся царе.

Как мы уже упоминали в начале статьи, между челобитной дьякона Игнатия Соловецкого и «Историей о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова существует тесная связь. Челобитная является одним из главных историко-литературных источников, использованных Семеном Денисовым в его «Истории», написанной на Выге в 30-х годах XVIII в. Денисов почерпнул из сочинения Игнатия не только конкретно-исторические сведения, например указание на количество пострадавших в Соловецком монастыре или описание казней соловецких иноков, но и использовал

³⁰ «Послание к сыну Максиму и прочим сродникам и братьям по вере» дьякона Федора Иванова, написанное в конце 1678 или в начале 1679 г., издано в кн.: Материалы для истории раскола, т. 6, стр. 90—250.

³¹ Там же, стр. 93—94.

³² Там же, стр. 220.

художественные средства и образы челобитной Игнатия. Некоторые фразы и выражения в «Истории» буквально цитируют челобитную. Между тем автор «Истории» в предисловии к труду лишь глухо упоминает о своих литературных предшественниках, сообщая, что «Историю» он «от различных писателей собрахом...».

К сожалению, рамки статьи не дают возможности подвергнуть анализу «Историю» Семена Денисова в свете находки важнейшего источника его труда. Такой анализ помог бы критически оценить приемы и манеру работы с историческими источниками этого крупного старообрядческого литератора и историка первой половины XVIII в., тем более что «История о соловецких страдальцах» являлась на протяжении двух веков одним из наиболее популярных в народе старообрядческих сочинений.

Мы публикуем первую часть челобитной дьякона Игнатия Соловецкого по рукописи БАН, Каргопольское собр., № 20 (условно обозначена К). Конец первой части со слов «Плачи, плачи, Рахили...» печатается по рукописи ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 19 с разночтениями по Каргопольскому списку (К). По Усть-Цилемской рукописи печатается и третья часть челобитной под условным названием «Об Адаме нынешнем».

ВЫПИСАНО ОТ ЧЕЛОБИТНЫЯ ВЪКРАТЦЕ ИНОКА ИГНАТЬЯ

Похвално же в доброй воле к покаянню прибегати. Мы же, л. 421
бедныя, вины благословныя своей пред царем своим самодерж-
цем || никаковы вины не знаем, ни же крымскому, ни турецкому, л. 421 об.
ни к литовскому, ни к немецкому, ни к коим иноверцам не
прибегаем и вестьми о управе и жалобами не пересылаемся и ни-
когого же злохитрства над царством вашим ни помыслити нам
невозможно. К своему царю самодержцу к вам прибегаем, о вся-
ких своих нуждах возвешаем, помышляя обрести пристанище
тихое и покров крепок, и в скорбех настоящих и напастех ищем
обрести расправу разсудну. || Единова просим и молим у него — л. 422
благаго дара получить. Како святии отцы угодивши молитвами
и постом и хранением заповедей к богу, и святии началницы
наши, преподобнии и богоноснии святыя Соловецкыя обители
чюдотворцы, сами святыя апостольския заповеди и учения седми
святых вселенских соборов и 9-ти поместных хранили и житием
своим чистым украшали и богу угодили. И после себя заповеди
святыя и общежительныя чины и уставы нам, приходящим в их
святую обитель жити, детям своим, предали, и обещавающимся
их заповеди и чины || и уставы общежительныя хранили нена- л. 422 об.
рушно своим благоразсудным житием заповедали, и заповедали
ниже преступити, ниже вредити. Ныне злые дияволи сосуди,
тлетворнии еретичеством человецы, святые апостольския и оте-
ческие заповеди святых отец, седми вселенских соборов и девяти

поместных сами все преступили и отвергли и под клятвы^а их вечно подпали, и отвергли. И христов закон святой евангельский, преданный святой соборной и апостольской восточной и востока
л. 423 востоком || Христа непорочно, весь разрушили, и чины общежительныя во святых обителях до коньца исказили, и нас, бедных страшливых горчаков, нудят к своему злomu еретическому умыслу приступить и во всем последовати неразумно, душевныя своя пагубы не смотря. И о сем мы, бедныя, от своего самодержца просим и молим обороны, чтобы от растленных сладострастием всяким и мятежных злым еретичеством богоборных^б человек, разоряющих святых апостольския и отеческия заповеди
л. 423 об. седми вселенских соборов и девяти поместных, || и общежительных чины и уставы велел очистити и оборонити, а укас монастырьскова и церьковнова чина и устава не велел вредити.

Царь же мимо преступников^в и разорителей закону Христову и общежителному чину и мимо мятежников злоторных и развратников еретичеством на духовных, и врагов креста Христова, люто и яро на нас, бедных, възъярися и, аки люты зверь, неукротимо възлютися. И аки свирепый зверь лев сыродец, возрев жестосердно и страшно, [еретичество злое иве], || — о беды сея наша лютыя! — помогая и укрепляя еретичество злое и вечную пагубу утвержая правлением своєю мучительския власти и наказанием неукротимых мук и томленьми казни же, последнею же огнем всеядцем и иными смертьми различными, чтобы общежителной чин во обители нашей, церковной устав и святых отец заповеди повелевает разоряти и преступити и до конца истребити, новыя же уставы и чины и предания унужает творити. И сие суровое и жестокое дело гневно начинает и яряся
л. 424 совершает, и своему царству вечное || безчестие и укор сим делом сотворяет, паче же и от жития сего посекаемъ бывает безвременно. Святой обители нашей его неразумное яростию и гневом лютым и до сего времени запустение. Страждущим терпеливно и нам, бедным, скитающимся в тесноте нужно, люто, убо есть и воистинно люто, земли духовной горкое безплодие страдати, и духовным плодом мечную и нужну от всяких теснот нужных погибель примати.

Воспитанныя уже плоды от кротко изливаемого, не точию вседневнога, но всечастнаго во святой церкви книжнаго учения,
л. 425 и беспрестанныя || изъустныя и умныя молитвы на человеческия сердца сходящаго дождя. И показанием в совершенную старость в добродетелех век свой изъживши и з благою надеждою последнего смертнаго часа в веселии ожидающим, и к небесным житицам вечнаго веселия в радости приближающимся, от старости многолетныя и от многих трудов и в скорбех не могуще ни руку,

^а Испр.; в ркп. клявы.
в ркп. преступков.

^б Испр.; в ркп. богорных.

^в Испр.;

ни ногу двинути, от житейских же настоящего сего века в разуме памяти ни малы имущим и абие постиже лютая и безгодная свирепая || жатва. И аки от суровы тучи, подобно низпадшу граду от оружнова стреляния, лому и мечнова сурова и безчеловечней посечения. Ох, ох, увы, увы и горе, горе! Отцы мои светы пожаты быша яко доброзрелая пшеница суровою жатвою, ругательно и безчестно, еже и в человеческия слуха прияти нестерпимо. Овых на крюках железных за ребра повешающе, умучаху люте, они же, аки незлобивыя агньцы противу стригущим стояще, кротко отвещеваху к слуге мучителеву || злочестива судища, глаголюще тихо, показующе рукою своею к своим ребром, повелевающе палачу ребра своя прорезовати боле и шире. Иных за руце повешаху и тако сконьчеваху, овых за нозе, овых на полы пресекаше, а тамо же мертвого тела составы повешаху. Новое распятие претерпевает мой содетель от новых жидов рабы своими, новыми исповедниками. Но, о отцы святии, истиннии мои венечницы, ослабите ми страстному, ныне дерзнул страдания ваша и вечную почесть || вашу украсить, да нужно мне, бедному, и времени и места. Прибегаю же к вам и моление от сердца простираю, предстаните ми со дерзновением к престолу страшного и святого владыка, за него же и страдания подвиг восприясте, умолите его, света, милостиваго нашего владыку, человеколюбца, да подаст милость свою богато и премного и делание мое сие да сотворит совершенно и прошение горкое да исполнит, да предложит цареву сердцу на кротость и святую обитель от растленных человек очистит да предаст бедным нам остальцам || без прещения и страха. Аще тако милость от него испросите богато, то не отрекуся, не отрекуся страдания тогда вашего страдания подвиги похвалити и украсить. Ныне же вкратце подвиги ваша похваляю, яко не сподобихся и малою похвалою сею всех вас подвиги похвалити. И отселе начну грубую свою сию некрасотословес к вам простирати, аще бы вы при животе своем мене и отгнали за мое суровство, но вечную богу моему и вашим отеческим щедротам, яко не имате мене, нужника горкова, тяжестно презрети, но милость свою и щедроты имате, || яко отцы к сыну. л. 425 об.

Аз же тако начну повесть объявляти: болных же отцов святых, которые лежали в болницах на одрах неисходно многолетно в скорбех и от великаго труда ни двинути ся могуще, и тех двоих, спинами вместо связавше и за нозе вервьми, тако влечеху на лютом мразе на море на лед. А овы, иердани просекше не насквозь до воды, но аки на богоявление в день на водоосвящение бывает. Абие злочестивии, новое богоявление || сотвори и водосвящение злочестивым мучительством своим проклятым святое совершаху и от еретическия своея и богоотступническа скверны воду очищаху, наполнивше иердань связанных спинами вместо болных отцев. Абие воду во иердань пропускаху и тако л. 426 об.

отцы во иердани ново крещахуся, на мразе конец житию приимаху. Иным к коньскому хвосту привязавше ногами и тако влачаху сконьчевахуся, и иных же иными муками различными и

л. 428 об. пытками мучаще, до смерти || умучаху. У моих же отец и в старости крепких, храбровавших пребывающе молитву, во устех едина исусова молитва. Видище таковое суровое и безчеловечное гордое и беззаконное дело у злочестивых отступников благочестия сконьчеваемо беззаконно, отцы бо мои изыдоша в сретение им со святыми и честными образми, принимающе, яко истинного своего серъдоболя, радостно и усердно. Он, проклятый, разгордевся на божий образ, повеле образы поотмати отец моих безчестно и руганно, их же, исповедъ||ников, сурово и гордо смерти предавати. Отцы же мои едино лише последнее слово провещавше, прощение подаша, прощающесе. «Домой скорее, — пророческии рекоша, — нас отпускаяй скорее, да и большак за нами тотчас будет». Яко же Илия патриарх иерусалимский со святым патриархомъ антиохийским о Анастасе царе греческом прорекоша,^г тако же и в наша лета ныне сотворися. И едино еще слово сие прорекоша: «Паси же ся и сам ты, мучитель, за нами вскоре». Последнее пророческое слово изрекоша, с ним же бывающим тако. И тако суровой жатве || совершающейся, свирепой ратной туче пушечнова стреляннова града, небесному ратаеви свирепая вечная великая радость со всеми святыми силами небесными и со всеми святыми от века угодившими, и в небесныя житницы собирая доброплодием созрелую пшеницу, а не яко же в земней страде о погибели жатвы ратаеви, труды дряхло все, аки при мертвех приседяще над житы. О них же не исполни съвоих житниц жнй, яже кротки, дождь воспитал есть, и пожал свирепу жнй,

л. 430 рук съвоих не исполни и благословения от мимоходящи||х^л нищих, еже подают ратаем подаения ради милостыни, не сподобися получи. Но видение умиленно и плачу достойно: земля пострижена и обругана, своя красота не имущи. Моя же духовная земля, аще видимо и пострижена и безсчета обругана, но убо в великом веселии собрана. Собра небесныя ратаи в свои вечныя небесныя житницы созрелая пшеничныя сторичныя доброплодием класы и радостно со всеми святыми небесными силами и со всеми святыми пир сотворяет. Видимой же земли люто есть съвою || первую доброту отложить, еже божественный Иоиль плачет: земля растленна и глада муки. Аще кто ин зло страдал тако, люто же есть, воистинну люто, свою первую доброту отложить, земли обетованной доховной, и едину земному запустению страдати вышнему малым чим единому, аще точно и не тучну, новому граду, подобну духовным доброплодием мало вышнему Иерусалиму. Аще и сеящем доброе семя на селе своем,

^г На поле: В житии святого Савы Освященного. ^л Испр.; в ркп. мимоходях.

ратаеви моему радость имущи о собрании в вечныя и небесныя житница доброплодных жатвы, посылающе жателей в насто||ящее время и пожинающе созрелыя на доброй земли мягкой учения святого, семенам падшим, добродетельными класы. Но убо кроме добрых семен и духовныя работы доброплодныя мягкая земля не может быти. Да не возрастет и укоренится волчец лютаго ласкосердства, страстей подстрекатель, и терние от еретик, и лидина волком на пристань, но паче да умягчается смирением и поучением духовным и житием честным непрестанно. Обитель же наша святая во власти человек растленных, подобных бесом мятежным, не терпит быти, да не како || расподит волчец и лядиноу еретичества злаго и терние, убо дающее душу умножением греховным и растлением жития злаго. л. 437

Мучение же святых страстотерпец, новых исповедников соловецких, иже пострадаша в лето 7184, месяца генваря в 20 день в субботу мясопустную, коликѣства же их 300 и множае, инии же глаголют пять сот.^е

Плачи, плачи, Рахили,¹ востени² духовный Вифлиом,³ небеснаго⁴ дом хлеба. Возопии,⁵ возопии⁶ в горести болезней своих ко владущему тварию всею ко господу богу, окровавленная горькою кровию духовная мати наша, огражденная и укрепленная телеси святыми страдальческими и мученическими,⁷ священническими и иноческими и юношескими, испещренная кровию неповинною. Возвыси, возвыси глас свой жалобы⁸ и умиления и⁹ молитву¹⁰ воздыхания к¹¹ сядущему на престоле херувимством, святая наша пречистая, нескверная и непорочная, апостольская восточная, истиннаго востока востоком, опаленная и пожженная яростию и прещением¹² повеления царева¹² христианская соборная церковь.¹³ Воздохни, воздохни от самых внутренних глубин своих скорбных и возгласи обличением своим¹⁴ непрестанным на сквернителей своих мерзких и на разорителей свирепых, окровавленный неповинною кровию престол владычень, и нас, бедных, заступи молитвою¹⁵ своею. л. 137 об.

Ныне вопиет наша святая Соловецкая обитель мною, многогрешником,¹⁶ чернцом, прежних постриженников последним остальцом. л. 138

О господи, господи, всяя твари владыка, сяди на престоле херувимством,* услыши, услыши мою грубую сию приносимую тебе молитву: о всемилостивый и всеильный и всещедрый господи, господи создатель наш и владыка всей твари, Исусе Хри-

^е Далее по списку ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 19 (с разночтениями по К). * Здесь кончается список К.

¹ Нет К. ² Доб. возстени К. ³ Вифлеоме К. ⁴ небесный К.
⁵ возопи К. ⁶ возопи К. ⁷ Доб. и К. ⁸ жалобный К. ⁹ Нет К.
¹⁰ Доб. и К. ¹¹ Нет К. ¹²⁻¹³ повелением царевым К. ¹³ церкви К.
¹⁴ Нет К. ¹⁵ милостию К. ¹⁶ многогрешным К.

сте, сыне божий, едиnorodный и присносущный и пресущный и единосущный, составная премудрость и сила и отчее слово со отцем своим безначальным и с пресвятым и благим и животворящим истинным духом, помилуй нас и умилосердися на нас, бедных, страшливых горчаков последнеродных, подаждь богатыя своя щедроты, преклони прещения своего на нас язвы и безмерныя ярости и гнев попускаемый на милость, иного бо прибежища и утешения кроме тебе не имеем.³

ОБ АДАМЕ НЫНЕШНЕМ

л. 133 об. ... "Но абие к вечеру дневнова благочестие света и к западу праведнаго Христа, немерцающаго солнца, к приспеянию страшнаго его пришествия втораго, в полунощи же темново еретическаво мрака и многих напастных, от севера воставших, нестерпимых, мятежных и бурных развратных ветров, и воздвигшихся облаков злочестия тяжких и помрачивших солнечный свет — святую евангельскую благочестивую во Христа веру — и множественный аер людский от студенца бездны изшедшим еретическим
л. 134 дымом, и всякие мерзости пустыя, злые, || умножением мысленных кругов лукавых, изшедших из погибели ада, всякова богомерзскаго богоборства и виденных в видении коней и сидящих на них, имущих свирепство своего нрава, яко жестокие железные и огненные и акифяньныя и жупелные брони.

Владыко же всяя твари яко гром возгласи страшения своего прещения гласом ко скрывшемуся Адаму, преступившему заповедь евангельскую святую [ниже]* к сидящему в раи благочестия святаго, посреде христианскаго едема: — Адаме, Адаме, где бе, в котором веселии и безпечалия радости сотворен бысть? Во благочестивой и немятежной истинной, тихой, святой евангельской правды. Едину заповедь тебе положиху, еже заповедь не преступити и к разумному древу, к закону святому, после семаго святаго вселенскаго собора переправлявати не дерзнути.

И абие воспоминает к нынешнему Адаму премудро и прехитро, многотерпеливыми || истинными за святыи благочестными

³ Далее в рукописи Усть-Цилемское собр., № 19 следует не публикуемая здесь 2-я часть челобитной, включающая тексты „О титле на кресте Христове“ и небольшой отрывок „О кресте и о крыже“ (см. выше, стр. 101—102). * Здесь начинается третья часть челобитной: „Об Адаме нынешнем“, публикуемая по рукописи ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 19. * Это слово в скобках повторено еще несколько раз: на л. 134 после слов: „Едема“, „правды“, „положиху“, „дерзнути“; на л. 134 об. после слова „страдальцами“; на л. 135 после слов: „Богородичным“, „стрелянием“, „муки“; на л. 135 об. после слов: „пременен“, „являет“, „содевает“; на л. 136 после слов: „приобрете“, „дождевное“; на л. 137 после слов: „молим господа бога“.

евангельский законы страдальцами глаголет: — смирися поне ныне и принеси покаяние — и нигде же бысть смирения и покаяния, но пребысть жесток и сопротивословен. Лукавому же змиеву свистанию и ключу студенца и бездны порабощен и подручен и послужен. Когда же богу ответ воздает укорен и хулен, и возже пред собою ярости пламы и по себе устави пустоты поле. И устрои рать ко благочестивому христианству многоятежну и незаконну и богоборну и жестосерду, прикровенну благочестия именем. И попусти самовластным быти, мысленным кругом исходящим из погибели ада еретичества злаго, умноженным яко мшицам, от ключа студенца бездны, надхненного от самого сатаны со всем собором еретическим и бесовским. Христианству же бысть жесток и тяжек и яростию свирепства зверообразен, || яко и святую пресловущую и горнему Иеросалиму ликованием а. 135 духовным подобную Соловецкую обитель неблагодарно восхоте разорити. И собра рать противу свягата непорочнаго агньца Христа пречиста, богоборну и злочестиву, немец и поляков, истинных латынцов и врагов кресту Христову, проклятых от святых седми вселенских соборов и девяти поместных.

И тако возборся противу самого владущаго тварию всею и содетельем своим человеколюбом сурово и безчеловечно всяким богоборством, по святым церквам и по святым и честным и животворящим крестам на церквах святых стоящим и по святым образом Спасовым и Богородичным ис пушек и изо всякаго оружия стрелянием. И на всех иже верных и благочестивых христиан наложи свирепые и жестокие муки. И возложи свой тяжестный, прещения зверского образ, дабы истинное благочестие первое до конца потребити и испепелити, и такову себе честь своим || самовластием и самолюбием приобрете. а. 135 об.

Но Адаме, прадеде наш, что твориши нелепая супротив слова, что на высоту испущаеши укороения глаголы? Умоли покаянием всея твари и своего владыку, укроти гнев его смирением и молитвами, милостив бо есть господь владыка и скоропреложен к щедротам и к человеческому покаянию скоро пременен.

У нашего же Адама покаяния не бысть нигде же, и прощения со смирением не приносил, но величаво и прегордо отверже от себе божью милость и высокоумием вознесся и лицемерно благочестием покрыся и ни мала добра являет, не все собою, но множае и подвластными своими.

Что же владыка наш и творец всея твари прехитро умышляет, како премудро устрояет и содевает? Образом сицевым осуждает Адама земною страдою, повелевает возделати землю, изгоняет из рай||ския породы и настоящего жития смертью безвременно и а. 136 ненадежно пресекает и отпускает к суду неведомому и неумытному прехитро.

Егда бо святую обитель в запустения поле положиша, абие вскоре жития сего Адам отлучен бывает, яко да немедленно уви-

дит, что ему принесет самовластие, самолюбие и преслушания и каковый труд телу и души сокрушение приобретет.

Что заградися море, поток же нудится воду пролияти, почто солнце скрыся, малый же отблеск свет являет, почто юность нудится закон полагати, понеже седины в будущую жизнь преидоша, почто невежда дерзает, яко умолче мудрость, почто малыя росы капля нудится землю напояти, преста бо напоение дождевое. Дерзай, дерзай, юноше, отверзи уста своя ненаученные и грубые и унуди язык свой косной и гугнивой, закону молчания работающ, не бо разорити похвалный, целомудрию || любезный чин господу тщишися. Но лепо ти есть глаголати по нужи, яко старцы неблагодарно умолкоша молчанием вечным. Отцы твоя скитатися единого оставиша и братия твои в вечную радость отидоша и дети твоя в будущую жизнь превариша. Отрини, отрочате, молчание, изливай малую воду, поточе, яко устием течение в пространное море, дай свет свой, малый отблеск, что в прославление сотворен еси Христу великому солнцу. Предлагай законы, утружденная юность, отчаяние Каиново отвергши, седины бо твои скрышася в землю. Дерзай, невежда, умолче бо мудрость, изливай своя мокроты влагу, малыя росы капля, дождь бо ныне в наставшее нужное и многоболезненное время учением истинным книжным преста словесне землю напояти. Приступи дерзновенно, юноше, ко владущему тварию всею. ||

Трепещем же и мы страхом велиим на всю вселенную, не пришедшую виденныя казни и раны Иванном Богословом, от первого горя препущаемыя до трубы шестыя, скончаваемыя на третьемъ горе ангела седмаго Лавуდიкийския церкви. Очищения огненнаго купле, сотворяя сребро раздеженно в шестой печати на седьмой скончанну. Последняя ангелы и трубы второго горя.

Припадаем и молим господа бога: да не како высокосердия ради нашего и непокорства и ненависти друг к другу, и умножения ради еретичества злаго и всякия скверныя мерзости растленныя, лютейши сих всех настоящих ран наших, снидет с небеси ярости серпа божия гнева. Его же сокровища неведомы у себя держат, ими же да не будет нам искушение прияти. От них же и богословия начальнику, в своем откровении тайн последних во многих местех во Апокалипсисе, молится избавлен быти. От них же и нас да охранит господь бог его молитвами святыми.

А. М. Панченко

ДЕКЛАМАЦИЯ СИЛЬВЕСТРА МЕДВЕДЕВА НА ТЕМУ СТРАСТЕЙ ХРИСТОВЫХ

Вопрос о стихотворной декламации не является вопросом сугубо академическим. Теоретическое значение этой проблемы было доказано еще в 90-х годах прошлого столетия Э. Сиверсом, основателем школы «слуховой филологии», который считал неправомерными в изучении стиха методы традиционной «зрительной филологии».

«Письменная передача... — писал Э. Сиверс, — может служить только жалким суррогатом для живого слова. Чтобы действовать вполне, застывшее в письменной форме стихотворение должно быть вновь вызвано к жизни путем устной интерпретации, путем произнесения... Ведь ритм и мелодия также существенны для стиха произносимого, как и для пения: они сообщают стиху особый характер... В наивной обыденной речи связь между формой и содержанием такова, что содержимое занимает первое место, а формальная сторона — второе, так что и ритмико-мелодическая форма произносимого имеет вид безыскусственной, произвольной прибавки к желаемому содержанию. Дело меняется, когда речь ставит себе высшие цели».¹

В принципе стихотворное произведение всегда произносится — либо вслух (при декламации), либо «про себя» (при чтении), в последнем случае с помощью особой, чаще всего стихийной и для самого читателя незаметной, мысленной операции. Б. М. Эйхенбаум очень удачно сравнил эту операцию с чтением партитуры.² Если мы хотим последовательно выдержать исторический принцип, мы обязаны проследить, какие изменения в «мелодии» синтактических произведений произошли за те триста лет, которые протекли от момента их создания до современного прочтения.

В XVII в. изреченное поэтическое слово звучало несравненно чаще, чем теперь, и, следовательно, играло несравнимо большую

¹ Цитирую в переводе Б. М. Эйхенбаума в его известной работе «Мелодика русского лирического стиха», см.: Б. М. Эйхенбаум. О поэзии. Л., 1969, стр. 334.

² Там же, стр. 335.

роль. В наши дни чтение «про себя», «чтение партитуры» — самое привычное дело, гораздо более привычное, чем слушание стихов. Между поэтом и потребителем появилось регулярное звено, посредник — книга. Тогда же преобладало живое общение.

Разумеется, я не собираюсь преуменьшать значение текста, печатного или рукописного, и для силлабического стиховорства XVII в. Однако в классический его период стихи, по-видимому, обращались более всего в устной форме. Между прочим, Симеон Полоцкий, подготавливая к печати свои стихотворные сборники и сочиняя к ним предисловия, обязательно упоминал о чтении вслух: «...на память изученная внегда провещаются, временно благодящая суть слухи и сердца слышащих» (о виршах «Вертограда многоцветного»).³ Он писал в предисловии к «Псалтыри рифмотворной»:

Тужде аз рифмы тщахся преложити,
не дабы тако в церкви чтенней быти,
Но еже в домех часто ю читати
или сладкими гласы воспевати
Во славу богу, — ибо услаждает
рифм слух и сердце: чести понуждает.⁴

Сравни с этим предисловие к «Рифмологиону»:

Да даст же господь здраву ти читати,
яже потщахся зде аз написати
И юным твоим в науку даяти,
да возумеют чинно глаголати...⁵

Для «чинного глаголанья юных» предназначались и поэтические разделы обоих «Букварей» Кариона Истомина, потому что тогдашняя метода обучения предписывала многократное повторение текста вслух для заучивания на память.

Среди силлабических жанров был жанр декламации (*declamatio*), занимавший промежуточное место между драмой и собственно поэзией. Первые произведения, с которыми Симеон Полоцкий выступал перед царем Алексеем Михайловичем, были именно декламации (1656, 1660 гг.)⁶ — наиболее простая разновидность этого жанра, когда связанные общей темой монологи произносились поочередно «отроками» — в данном случае учениками Полоцкой Богоявленской школы.⁷ В московский период Симеон Полоцкий усердно работал в этом жанре; многие его дек-

³ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953, стр. 208.

⁴ Там же, стр. 215.

⁵ Там же, стр. 219.

⁶ См.: Н. И. Прашкович. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий»). ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1963, стр. 29—38.

⁷ См.: В. И. Резанов. К вопросу о старинной драме. Теория школьных декламаций по рукописным поэтикам. ИОРЯС, 1913, № 1, стр. 11, 17.

ламации, вошедшие в «Рифмологион», снабжены пометами о произнесении их в столице и в царских пригородных селах Коломенском и Измайловском. Примеру Симеона следовали и другие стихотворцы. После «Сказания о страстях ... Иисуса Христа», которое датировано мною 1681 г. и атрибутировано Сильвестру Медведеву,⁸ идет запись: «Сии вершии посланы к великому государю в вечер с Лаврином... и розделены на 12 человек, а имены певчим писаны на тетради на страницах».⁹ К 1682 г. относятся «Диалоги о премудрости воплощения сына божия», поднесенные царевне Софье Лукой Голосовым.¹⁰ Как и «Сказание» Сильвестра Медведева, эти рождественские вирши были распределены между двенадцатью отроками.

Иногда и при слишком общем характере авторских помет, собственноручных или писцовых, можно с некоторой долей вероятности воссоздать обстановку, в которой произносились стихотворения другого популярного жанра — «приветства». На поле рядом с заглавием «Стихов в похвалу Евдокии» (из того же цикла и того же года, что и «Сказание о страстях») читается приписка: «Говорен у великого государя в Верху марта в 1 де^кнь».¹¹ Эту похвалу Сильвестр Медведев составил к именинам царевны Евдокии Алексеевны, которой 1 марта 1681 г. исполнилось 12 лет. Вот описание именинного обеда 1655 г. в честь ее старшей, умершей в младенчестве сестры, тоже Евдокии, принадлежащее перу Павла Алеппского: «Евдокия ... родилась 1 марта, когда бывает память св. Евдокии; но как этот день приходился на первой неделе великого поста, то царь совершил его празднование сегодня (по указанию Павла Алеппского — 20 февраля, во второй сырной недели, — А. П.), по принятому у них каждогодно обыкновению».¹² По случаю празднования служили оба патриарха, московский и антиохийский, в дворцовой церкви, затем был царский стол, — «в той же палате, где и в первый раз. Происходило то же, что и в тот день»¹³ (т. е. 12 февраля, когда Макарий Антиохийский представлялся царю и Никону). Тогда на царской трапезе Павла Алеппского особенно поразило следующее: «После того как оба патриарха прочли застольную молитву, явился один из маленьких дьяконов (анагностов) и, поставив посредине аналой с большою книгой, начал читать очень громким голосом житие св. Алексия, коего память

⁸ А. М. Панченко. Придворные вирши 80-х годов XVII столетия. ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 66—68.

⁹ ИРЛИ, Пинежское собр., № 113, л. 596.

¹⁰ Опубликовано в кн.: И. А. Шляпкии. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. ПДП, вып. СХХVIII, СПб., 1898, стр. 41—68.

¹¹ ИРЛИ, Пинежское собр., № 113, л. 602 об.

¹² Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Перевод с арабского Г. Муркоса. Выпуск третий (Москва). М., 1898, стр. 44.

¹³ Там же, стр. 45.

празднуется в этот день, и читал с начала трапезы до конца ея, по монастырскому уставу, так что мы были крайне удивлены...».¹⁴ Следовательно, за парадным обедом в честь Евдокии могло читаться житие ее тезоименитой святой, и в принципе не исключено, что в другую эпоху, уже знакомую с придворным стихотворством, произносились «Стиси краегласнии в похвалу преподобных мученицы Евдокии», в которых было использовано это житие. Я не настаиваю на том, что именно так разыгрывался рассматриваемый эпизод: в 1681 г. царевнины именины снова пришлось на великий пост (на понедельник второй недели), и поскольку запись не говорит о передвижке праздника, как было в 1655 г., то и торжественный обед в этот раз состояться не мог. Великий пост наложил на празднование свой отпечаток. Для меня важно предположить, что аналогичные торжества сопровождались публичным чтением «приветств». Это предположение может быть подтверждено собственноручными записями Кариона Истомина. В декабре 1692 г. патриарх Адриан освятил Рождественскую церковь в Новом Иерусалиме. На этом торжестве присутствовали, в частности, царевна Татьяна Михайловна и Карион. Последний ради такого случая сочинил несколько стихотворений, сохранившихся в его черновых бумагах. Первое — это «Благородней великой государыне царевне и великой княжне Татиане Михайловне поздравление похвальное, еже бысть 7201 лета, месяца декабря в 13 день в Воскресенском монастыре, на освящении церкви, яже в трапезе»^{14а} (Карион восхвалял царевну за пожертвования на монастырь и на церковь; напомню, что Татьянин день приходится на 12 января — значит, панегирик не имел отношения к именинам). Того же 13 декабря, о котором в старинных месяцесловах писали: «отселе возврат солнцу со зимы на лето, день прибывает, ночь же умаляется», Истомин читал другое приветствие («...стихи на освящение храма ... иже пред трапезою в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима, глаголашася пред святейшим патриархом тамо в трапезе»).^{14б} В нем воздавалось должное всем строителям храма, в том числе Адриану, и снова царевне, которая вообще очень любила Новый Иерусалим, а также Никону, там погребенному, как основателю обители. Вторая запись прямо говорит о том, что стихотворение произносилось не в новоосвященной церкви, а в монастырской трапезной.

Итак, стихи «на случай» произносились и на светских праздниках, и на церковных, и в «Верху», в царских палатах, и в церкви. О последнем, например, прямо говорит заглавие одного из произведений Симеона Полоцкого: «Стихи краесогласныя на

¹⁴ Там же, стр. 26—27.

^{14а} ГИМ, Чудовское собр., № 99/301, л. 226.

^{14б} Там же, л. 230.

Рождество Христово, глаголемыи в церкви во славу Христа бога».¹⁵ С. А. Щеглова убедительно датировала это стихотворение московским периодом жизни Симеона Полоцкого (до 1676 г. — года смерти царя Алексея), заметив, что католическая практика допускала храмовые декламации и что этот обычай был зафиксирован в поэтиках: «указание Симеона Полоцкого, что декламация должна говориться в церкви, находит соответствие в поэтике, где читаем, что в провинции сохранены ежемесячные декламации, а „также декламация у алтаря во время процессии на праздник тела Христова и в пятницу утренняя и вечерняя декламация у гроба Господня“,¹⁶ то есть в церкви».¹⁷ Из работы С. А. Щегловой следует, что перед монологами каждой пары «отроков» (декламация Симеона была разделена между 8 парами) пелся какой-то из рождественских ирмосов, «начальные слова которого и приводятся в декламации. С этих-то слов и начинается обычно речь первого из каждой пары отроков, развивающая далее, иногда в сходных выражениях, мысль, высказанную в начале ирмоса».¹⁸ Вообще декламации на церковные праздники полны заимствований, иногда близких текстуально, из соответствующих песнопений. Это в полной мере относится и к рождественским виршам Луки Голосова.

Для нашей темы интересно выяснить, что представляли собой «отроки»-декламаторы. В Москве у Симеона Полоцкого не было под рукой богоявленских школяров, а великовозрастные подьячие Приказа тайных дел, слушавшие курс в Заиконоспасской школе, вряд ли подходили под разряд «отроков». Впрочем, если даже сделать такое маловероятное допущение, то необходимо вспомнить, что Заиконоспасское училище Симеона действовало считанные годы и он не мог набирать оттуда декламаторов постоянно. Затруднение решает помета на «Сказании о страстях ... Иисуса Христа» Сильвестра Медведева: этот текст произносили певчие; певчим же был и упомянутый в помете Лаврин (Лаврентий Кузьмин Бурмистров, вместе с Медведевым схваченный в Бизюкове монастыре и потом сосланный в Сибирь). Так как «Сказание» Медведева и рождественские вирши Луки Голосова близки по времени написания, то можно быть уверенным, что певчие первого и «отроки» второго — люди одной профессии. Это, вне всякого сомнения, «малые певцы», или «недоростки», детские голоса церковного хора.¹⁹

¹⁵ См.: С. А. Щеглова. Декламация Симеона Полоцкого. В кн.: Сборник статей в честь... А. И. Соболевского. Под ред. В. Н. Перетца. Л., 1928, стр. 5—9.

¹⁶ В. И. Резанов. К вопросу о старинной драме, стр. 5. (Прим. С. А. Щегловой).

¹⁷ С. А. Щеглова. Декламация Симеона Полоцкого, стр. 8.

¹⁸ Там же, стр. 5.

¹⁹ См.: Н. Д. Успенский. Древнерусское певческое искусство. М., 1965, стр. 159—160.

Я хочу подчеркнуть следующее: силлабические стихотворения звучали в храмах, в декламациях использовались праздничные песнопения, отдельные монологи чередовались с ирмосами, то и другое исполнялось певчими церковного хора. Естественно предположить, что при такой близости к литургии манера силлабического чтения (по крайней мере в некоторых жанрах) если не вполне, то в каких-то аспектах совпадала с литургическим чтением. Поэтому необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать последнее. Здесь мы можем опереться на свидетельства внимательного наблюдателя Павла Алеппского и на другие источники, в частности на церковные уставы, на литургическую практику современных беспоповских старообрядческих согласий, на некоторые грамматические пособия XVII—XVIII вв. и, наконец, на лингвистические и историко-музыкальные исследования.

Начну с записок Павла Алеппского: «Чтец, хотя бы это был маленький мальчик, читает Апостол не иначе, как весьма речисто, и заканчивает его очень протяжно и громким голосом нараспев».²⁰ «Патриарх (Никон, — А. П.) начал первый стих Евангелия, которое есть сегодняшнее евангелие о Страшном Суде из благовестия евангелиста Матфия, (и читал) стих за стихом протяжно и нараспев, в особенности перед точкой, пока не кончили Евангелия, прочтя одиннадцать стихов. Остановка делалась не больше как через семь, восемь слов, с чрезвычайным растягиванием и нараспев. Патриарху отвечал архидиакон, повторяя стих за стихом очень протяжно до конца».²¹ «Для чтения Евангелия архидиакон вышел на амвон, а патриарх (Никон, — А. П.) стал у престола. Читали поочередно стих за стихом с протяжным распевом».²²

Общепризнано, что в древнерусской церковной практике существовала устойчивая и строгая традиция литургического произношения. Об этом говорят предписания московских церковных уставов исполнителю: «...начинает ... тихим гласом и легким косно и во услышание всем»;²³ «подобает же ему пети кротким и тихим гласом, косно и во услышание всем».²⁴ «„Косное“, или, что то же, медленное чтение, пение „тихим гласом и легким“, то есть без усилий и повышений голоса, — это не что иное, как псалмодия с ее ровным, спокойным движением звуков на одной высоте в медиуме человеческого голоса, с замедлением и незначительным понижением этих звуков в окончаниях отдельных

²⁰ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... Выпуск второй (от Днестра до Москвы). М., 1897, стр. 163.

²¹ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... Выпуск третий (Москва). М., 1898, стр. 42.

²² Там же, стр. 202.

²³ Устав церковный. М., 1601, л. 37.

²⁴ Устав, или Око церковное. М., 1633, л. 21.

фраз».²⁵ Псалмодическая манера чтения до наших дней влияет на богослужебную практику православной церкви. Однако сейчас эта манера сильно деформирована и поэтому не может служить материалом для нашей темы. Напротив, старообрядцы-беспоповцы сохранили древнюю систему литургического произношения, подробно описанную в прекрасной работе Б. А. Успенского.²⁶ Это описание я привлекаю в качестве аналога к свидетельствам XVII в.

Пока отмечу следующие моменты: мелодико-интонационный рисунок читаемого текста зависит от «погласицы», причем, как указывает Б. А. Успенский, для различных категорий текста имеются свои «погласицы» (особые для Евангелия, статей, паремий и т. д.). При чтении безударные гласные звуки не редуцируются, в частности нет «аканья», причем этот принцип выдерживается чрезвычайно строго. В связи с этим «можно отметить вообще отсутствие ощутимого различия в произношении гласных под ударением и в безударной позиции, как это свойственно современному русскому произношению, — следствием чего является особый просодический рисунок церковнославянского чтения, заключающийся прежде всего в более равномерном слоогобразовании, чем в живой русской речи, и меньшем значении силового ударения».²⁷

Сказанное выше касается чтения церковных прозаических текстов. Вправе ли мы утверждать, что те же принципы лежат в основе декламационных норм силлабического стихотворства? Это очень сложный вопрос, при решении которого должно помнить, что силлабика XVII в. претерпела коренные метрические изменения и что, следовательно, в различных поэтических школах могли быть и различные декламационные нормы. Вообще же мысль об историческом чередовании двух враждебных тенденций произнесения стихов была высказана в стиховедении давно, в частности Ю. Н. Тыняновым, ссылавшимся на Меймана, который формулировал ее так: «Поэтической декламацией владеют две тенденции, которые то борются друг с другом, то, объединяясь, согласуются, то каждая сама по себе берет на себя созда-

²⁵ Н. Д. Успенский. Древнерусское певческое искусство. М., 1965, стр. 155.

²⁶ Б. А. Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения. (Из истории литургического произношения в России). М., 1968. Эта система — по преимуществу система чтения, а не пения. Ее древность доказывается, между прочим, тем, что она «является в принципе общей для различных беспоповщинских согласий: федосеевского, филипповского, поморского. Система произношения в различных общинах, в том числе географически друг от друга весьма удаленных и не сообщающихся друг с другом, характеризуется в общем значительным единообразием, которое — что особенно показательно — охватывает не только принятую систему чтения графически запечатленного текста, но даже и случаи отступления произношения от написания» (там же, стр. 23).

²⁷ Там же, стр. 44.

ние ритмического впечатления. Я назову их тактирующей тенденцией (*taktierende Tendenz*) и фразирующей (группирующей) тенденцией (*gruppierende, phrasierende Tendenz*). В первой проявляется собственно ритмическая потребность (*Bedürfnis*), установка на условия ритмического порядка наших последовательно протекающих переживаний, на равенство временных промежутков между главными ритмическими моментами. Во второй выступает самостоятельный интерес к содержанию. А так как характер движения представлений не допускает полной схематизации своего протекания, то осмысленная декламация принуждает нас к постоянному уничтожению ритмического принципа.²⁸

От классического периода русской силлабики до нас дошли некоторые свидетельства, которые позволяют утверждать, что тогда господствовала «тактирующая тенденция». Я нашел эти свидетельства в произведениях Кариона Истомина. Он, во-первых, уподоблял стихи молитвенному возглашению:

При сем приношу тебе, богознанней
дщери царе, деве избранней,
Стихотворное молитвено звание,
вашей светлости во почитание...²⁹

Конечно, этот фрагмент можно интерпретировать семантически (если, по Данте и Петрарке, богословие — это поэзия, обращенная к богу, то и обратное умозаключение имеет смысл). Однако другое высказывание поэта прямо относится к акустике:

Се величеству твоему вещая,
главу худейш аз к стопам приклоняя,
Во слушание склони ми ушеса,
молю господска, блага ти очеса:
Изволи милость сотворити мнейшу
рабу вашему монаху худейшу,
Не положите своего ми гневу,
послушающе немаго напеву.

Катахреза (вернее, оксиморон) «немой напев» возникла оттого, что это стихотворение Карион поднес Софье, которой предстояло «читать партитуру». Этот оксиморон свидетельствует, что были какие-то особые декламационные нормы и что эти нормы существовали в рамках «тактирующей тенденции»; отсюда также можно заключить, что в чтении преобладала «на-

²⁸ Цитирую по кн.: Ю. Н. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965, стр. 40—41. Выше Ю. Н. Тынянов сопоставляет попеременное господство той и другой тенденций с «сопровождающими явлениями» литературного быта и говорит о «необычайном развитии декламации за последнее десятилетие» (это писано в 1924 г.) в Германии и России.

²⁹ См.: С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII-го столетия. СПб., 1902, стр. 176. Ср. выражение «из рифм молебн» в стихах о Сергии Радонежском (там же, стр. 187).

певная» интонация, по-видимому близкая к литургической псалмодии.

Ниже я публикую стихотворение, относящееся к жанру декламации. Оно извлечено мною из того цикла, который я частично уже опубликовал в 1965 г. (Пинежское собр., № 113). В этой же публикации см. описание рукописи и атрибуцию цикла Сильвестру Медведеву.³⁰

СКАЗАНИЕ О СТРАСТЕХ ГОСПОДА БОГА
И СПАСА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА,
КАКО ПРЕТЕРПѢ БЕЗВИННО СОЗДАТЕЛЬ ВСѢХ^а
ОТ БЕЗЗАКОННЫХЪ ЖИДОВЪ ПОРУГАНІЕ И КРЕСТ И СМЕРТЬ,
РАДИ ГРѢХЪ И БЕЗЗАКОНІЙ НАШИХЪ^б

л. 584

Кто ся не дивит и не ужасает,
от своих очес слез не изливает?
Солнце бо наше како измѣнися,
радость во слезы, день в ночь преложися!
Белый дождь слезны очи заливает,
дух от печали внутрь нас исчезает,
Вся темный облак плачевно заводит,
камень — не сердце,^в аще слез не родит.
Творец бо за тварь си что содѣвает,
зри, какову к ней любовь являет!
Ради бо ея душу полагает,
свобождь от ада, — в небо водворяет;
Юже любовь нам подаждь, Христе, знати,
волю ти творя, выну прославляти,
О страдании ти днесь глаголати,
благоволи нам помощь твою дати.
Новый Израиль, от бога избранный,
прииди и виждь страх и трепет несказанный!
Во Иерусалимѣ от всѣх старцев, судей,
архиреев и жидовских людей,
Днесь на всей земли, богом сотворенный,
всему прясно миру проявленный,
В первых на творца совѣт сотвориша,
яже у раба зла она купиша.
Иуды сребренник за инь тридесѣт даху
и, како ѣ взяти, совѣт восприяху;
Его же злаго с вои посылают,
Иисуса им яти завѣщают.
Иуда, прияв вои, иде искати,
во вертоградѣ Христа обрѣтати,
Иже за кедрским потоком стояше, —
Иисус бо в нем часто пребываше;
И во оный час тамо пребывая,
колѣна своя ко отцу преклоняя,
В молитвѣхъ отцу и богу глаголя:
«Отче, да будет твоя во мнѣ воля!».
Сице в молитвѣхъ Христос утрудися,

л. 584 об.

^а На поле доб. ради грѣх. ^б На поле доб. на виршу. ^в Может быть, нужно читать каменные сердца, но в ркп. слова разделены четко.

³⁰ А. М. Панченко. Придворные вирши 80-х годов XVII столетия.

лице бо кровавым потом все покрыся.
 Вѣдя Иисус вся на нь грядущая
 и от Иуды быти имущая,
 Благоизволи с мѣста поступати,
 на вольную страсть воем отдати.
 И, мало с мѣста поступивше,
 воем, ищущим его, возопивше:
 «Кого со свѣщами здѣ в нощи ищите
 и з дреколинем избобрѣтаете?»
 Иисуса же рекоша искати,
 он благоволи «Аз есмь» глаголати.
 Егда Христовы уста се рекоша,
 воины воспать на землю падоша.
 Иисус паки рек: «Кого ищите
 и сице крѣпце избобрѣтаете?»
 Вои же его рекоша искати,
 той благоволи «Аз есмь» глаголати.
 Тогда Иуда творца си лобзаше,
 с вои лестию без милости яше.
 Злии же вои Иисуса взяху,
 ужем прекрѣпко того увязаху,
 Аки зли волцы начаша терзати,
 на агнца кротка зубы скрежетати.
 Страх велий они ему твориша,
 безмилостивнѣ Иисуса биша,
 Святыя руцѣ прекрѣпко связаху,
 яко злодѣя, связана влечаху.
 Праведный агнец смиренно терпяше,
 ни едина вопрек слова глаголаше.
 Апостоли же вси отлучишася,
 развѣ Петра, и скрышася,
 Иисуса же вели одинока.
 и, до кедрскаго достиже потока,
 От воев тамо на землю падеся,
 лице его в нем о камень претресея.
 Воины его абие подыша,
 во двор Анны, мстя Канафы, взяша.
 Егда введоша во двор злаго Анны
 Христа, давши им избыльно манны,
 Анна на мѣсте прегордо сѣдяше,
 на Иисуса яростно взираше.
 Иисус пред ним умилиѣ стояше,
 а на изводство дѣлесе смотряше.
 Обаче пред ним, зѣло преляростным,
 человеком злым, весма нежалостным,
 В ланиту рабом тако заушися,
 яко тѣлесе крѣпости лишися,
 На землю пред ним, псом скверным, упадє;
 к Канафѣ он от него ся веде.
 Иже восхоте совѣт сотворити,
 еже едина за всѣх уморити.
 Един той за нас умирает
 и всѣх нас вечны смерти освобождает.
 Егда же во двор к нему приведесе
 и к Канафѣ и старцом владесе,
 Они же сердцы ся возвеселиша,
 в немилость ему вси ся обратиша.
 Начаша старцы ему ся ругати,
 свидѣтельства на нь неправды слагати.

О, колико ти бысть поношения
 от них, злотворцев, и укорения!
 Кто то возможет все изглаголати
 ли писанию подробну предати?
 Свѣтлое лице его заплеваша,
 друзии платом очи закрываша;
 Нѣцни его в ланиту бияху,
 прорицания слышати хотяху:
 «Прорцы, прорцы нам, Христе Иисусе,
 сый покровенный от нас в убрусь,
 От предстоящих кто тя ударяет?».
 Тебѣ ся, царю, иудеи ругают.
 Многия страсти ту сотворишася,
 жиды же в дома вси возвратишася.
 Иисуса^г в темницу ведоша,
 с верха лѣствицы в ону низвергоша,
 В ню же толико лють поразися,
 яко весь вельми о землю разбися.
 Пречистѣ нозѣ в кладу заклепаху,
 милости ему никия же даху.
 Много бяше в ней ему стенания,
 а жидом в ту ночь о муцѣ тѣдания,
 Во еже бы ѿ жестокии мучити,
 предъ всѣм народом пресрамно явити.
 Во ону же зимнѣ^ж а ночь презѣльно бяше,
 весна теплоты уступаше,
 Зане весна нам радости страдает:
 Христос от жидов ругаем бывает.
 У Каиафы в дворѣ огонь горяше,
 им же вои ся тогда согрѣваше.
 Христов ученик Петр от них назвася,
 тѣм же от него клятва дася,
 Яко господѣ Христа си не знает;
 Другий от воин его обличает,
 Яко: «Со Христом ты во вертоградѣ видѣх»,
 Петр же ему рек, яко: «Ту с ним не бѣх».
 Абие же петел вокричаше,
 Петр, из двора шед, много слез лияше.
 Во утрий же день совѣт сотворяху,
 немилостию сердца их горяху:
 Иисуса,^е всѣх господѣ, убити,
 на древо в понос его пригвоздити.
 О всезлии, что се содѣваете,
 себе в вѣчный огонь уготовляете!
 Совѣща ѿ Пилату предати,
 о смерти его крѣпцѣ всѣм прошати;
 Из темницы ѿ связана ведоша,
 к Пилату и их множество внидоша.
 Мнози словеса ту на нь глаголаху,
 аки злодѣя пред ним поношаху;
 Поношения неправды терпяше
 Христос и ничто же вопреки глаголаше.
 Пилат не смерти ѿ достойна быти
 познавает, но весма свободити,

л. 586 об.

л. 587

^г В ркп. Исуса (первое „и“ стерто). ^ж В ркп. зимну. ^е В ркп. Исуса (первое „и“ стерто).

Но слышати то жиды не хотяху,
 смерти достойна его нарицаху.
 Услышав Пилат з Галилеи быти
 его, не хотѣ господи судити.
 Ко Ироду его скоро отсылает
 и о всем ему дѣле изъясляет,
 Он же восприят господи радостно,
 о многих вещех вопрошает гласно.
 Христос, предстоя ему, все молчаше,
 яко безгласен не отвѣщеваше.
 Четвертовласник Ирод поругася,
 с вои своими ему насмѣяся,
 Повелѣ в ризу свѣтлую одѣти,
 дабы из него людем смѣх явити.
 ж От Ирода воспятъ веден к Пилату
 иным путем чрез 600 стоп в полату, ж.
 Воспятъ к Пилату его посылает,
 над ним в судѣ власть ему поручает.
 Егда же его в путь вои ведяху,
 заушаху и зѣльнѣ бияху,
 Дабы вси града жители то знали,
 ему аки бы злому ся смѣяли.
 В дом ко Пилату приведеся,
 во претор от них, всезлѣйших, дадеся.
 Егда Пилату о сем извѣстиша,
 что Иисуса ^з в претор посадиша, —
 Абие Пилат жидов созывает,
 из претора с ним изшед, возглашает:
 «На мужа сего что порицаете
 и вину кую в нем изъясляете?»
 Они же злодѣя его нарицают,
 смерти достойна быти извѣщают.
 К ним же вѣщает Пилат: «Вы имите
 и по закону вашему судите».
 Они же рѣша: «Нѣсть нам убивати,
 лѣтъ точию вам винных предавати».
 Во претор Пилат паки сам вступает,
 Иисуса ^н вопрошает:
 «Ты ли еси царь — рцы ми — Иудейский
 и вождь избранный славный Израильский?»
 Иисус ^к рече: «Се ты мнѣ глаголеш,
 сам убо мене так быть истинствуеш».
 Архиереи же на нѣ клеветаша
 и старцы присно вси лож соплеташа.
 Он вся ни во что сия вмѣняет,
 яко безгласна себе всѣм являет.
 Пилат безгласству его удивися,
 по нѣколицѣ над ним умилися,
 Ищет, како бы его свободити,
 и нача к жидом ясно вопити:
 «Аз не повинна его знаю быти,
 хощу убо вам царя свободити».

л. 587 об.

^{ж-ж} В ркп. *двустышие имеет такой вид*: От Ирода воспятъ к Пилату веден в полату | иным путем чрез 600 стоп. *Полагаю, что это не внесенная в текст глосса, потому что во фразе ровно 22 слога.* ^з В ркп. Иисуса (первое „и“ стерто). ^н В ркп. Иисуса (первое „и“ стерто). ^к В ркп. Иисус (первое „и“ стерто).

Народи крѣпце гласы восклицаша,^л
 токмо кесаря себѣ нарицаша,
 Иисуса же вси отрицахуся,
 на вящий зѣло глас подвизахуся:
 «Возми, возми и распни, Пилате!
 Кесарю будеш друг и всей полатѣ». Видѣх (так!) се Пилат, что не успѣвает,
 но паче в жидѣх зла молва бывает, —
 В умывальницѣ воду принимает,
 сквернии руцѣ свои умывает.
 Рек: «Аз не винен сего праведнаго
 крови, в смерть сию от вас преданнаго». Они же рѣша: «Кровь та на нас буди
^ми на всѣх ^н дѣтех наших в вѣк пребуди!». Тѣм Пилат нача Иисуса бити,
 Варавву велѣ от уз свободити.
 О, что се страшно и чюдно явися,
 яко владыка к мукам осудися!
 Разбойника же от мук свободждает,
 архиереом господя вручает;
 Жидовский же род превозвеселися,^о —
 желание их яко исполнися.
 Игемоновым воином вручают,
 мучити его зѣло поучают.
 Воини в народ Христа изведоша
 и при всѣх ризы с него совлекоша,
 К столпу ѿ зли привязаху
 и ^п без милости презѣльно бияху.
 Тако ѿ вои проклятии биша,
 даже и кожу от тѣла отбиша,
 Едва при костех и тѣло держася,
 и от знаемых ни единым познася.
 О, колико ту Иисус стengahе
 и от лютых ран болѣзни терпяше!
 Но ни от кого помощ ^р подадеся,
 токмо отрѣшен от столпа, — падеся.
 Таже принужден в ризы ся облачати,
 пред ними, злыми, ему предстояти;
 Хламидою ѿ одѣта явиша,
 на высоцѣ же мѣсте посадиша,
 На нем же они ему ся ругают
 и вѣнец тернов на главу возлагают.
 Но от терния ости ^с проницаху,
 главу до мозгу люто ^т пробиваху.
 Трость в десницу его ему даша,
 тѣм они ему явѣ ругаша.
 На свои пред ним колѣна падаху,
 ему, господу, тако ся ругаху:
 «Радуйся нынѣ, царю Иудейский,
 рекий, яко Спас еси Израильский!». Начаша в лице царское плевати,
 многу хулу на нь в народ глаголати,
 Таже, взявше трость, во главу Христа биша
 и ни малыя милости явиша.

л. 588

л. 588 об.

^л В ркп. восклицаше. ^{м-н} В ркп. и на нас и на всѣх. ^о В ркп.
 пре надписано над строкой. ^п В ркп. приписано другими чернилами.
^р В ркп. надписано над строкой. ^с В ркп. исправлено на усти.
^т В ркп. надписано над строкой.

И тако Христа крѣпце биша, биша,
 яко доброты всея ѿ лишиша.
 Красное лице причерно явися,
 уста, очеса, весь зрак измѣнися,
 Завѣтъ язык живота вѣщательна,
 присно всѣм благо нам глаголателный,
 Глаголати у от труда престае,
 паче и вся плоть нас дѣля страдаше.
 Власы кровию главы смочишася,
 лице, все тѣло очервленишася,
 Яко нигдѣ же цѣлу мѣсту быти,
 еже бы крови множества не точити.
 Увѣдѣв же се род жидов злозливый (так!),
 в милость нимало он ся преклонивый,
 Яко Иисус тако умучися,
 даже красота его погубися.
 Во двор к Пилату его поведоша,
 и, в он егда с ним жидове внидоша,
 Скоро из окна Пилат изнидае,
 Иисуса же в крови усмотряет.
 Зѣло он Пилат над ним умилися
 и немилости жидов удивися,
 Старцем всѣм в окно его являет,
 злых нудеев о нем упрощает,
 Дабы невинна смерти свободили;
 иудеи же зѣло возопили:
 «Пилате, возми, возми и ѱ вели распяти Ф
 дерзнувша царем себе назвати!».
 Видѣв се Пилат, что не успѣвает,
 но паче в жидѣх зла молва бывает,
 К Гавватѣ мѣсту нача поступати,
 идѣ же Христа на смерть осуждати.
 И егда убо в мѣсто оно прииде,
 в народ глас свой прясно возведе:
 «Назарянина, развращающаго
 люди, Иисуса, ся противящаго
 Кесарю како, — рекут нудеи
 и невинному цареви злодѣи, x — .
 Архiereи, оного возмите,
 на лобѣм мѣсте днесъ распните!».
 Егда же Пилат на крест ѱ осудил есть,
 спекулятором его злым вручил есть,
 Они убо крест на рамена его
 тѣла избита пречистаго всего
 Претяжкий егда зли возложиша,
 велию тягость к мукам преложиша.
 И единому ему, пресвятому,
 нести, господу благому,
 До того мѣста, идѣже пропяти,
 на пути с него не хотѣша сняти.
 Иисус скорбми приизнемогает
 и во пути с ним много упадает.
 Таже с оного крест тягостный сняша,
 Кириною ѿ нести завѣщаша.
 Вероника же к нему приступи,
 лентион Христу Иисусу вручи,

ѱ-ф В ркп. распяти вели.

x В ркп. злодею.

ц В ркп. на крестѣ.

Дабы с лица кровь ему отирати
 и от милости ю не отрѣвати.
 Оттолѣ мало спаситель поступи,
 обращя к женам плачущим, возопи:
 «О жены, о мнѣ вы да не плачите,
 но о себѣ и о чадѣх плачите!».

Егда же Христа со крестом ведяху,
 тогда злодѣя два вокруг его бяху,
 Иже и окрест ѿ распяты быша,
 един в рай, второй в муку улочиша.⁴

Егда же убо на мѣсто лобное,
 всему народу зрѣти удобное,
 Иисуса Христа они приведоша,
 злотворцы на крест его возведоша.
 Первые руцѣ его прибавяют,
 на крестном древѣ зѣло вытягают,
 Даже можно бысть вся составы зрѣти,
 от страха всѣми сердцахми болѣти.
 Таже честныя нозѣ пригвоздиша,
 землю кровию его омочиша.
 На землю скоро с крестом ударяют
 и вся прежняя раны отворяют.
 О, колико ту ему было страсти,
 егда господу с крестом бѣше пасти!

Все сие Иисус нас дѣла приемлет,
 падающих нас любезно подемлет.
 Воини убо ризы раздѣлиша,
 Пилату вину на Крестѣ возложиша.
 Гречески, римски писано, еврейски:
 «Иисус Назорей, царь Иудейский».
 Совѣтъ еврейский Пилату ропташе:
 «Вскую сице над Христом пишаше!».
 Он же жидом злобным сице отвѣщаше:
 «Что писах — писах, нѣсть то ш дѣло ваше ш».

Егда Иисус бысть на крестѣ воздвиженный, —
 разбойником крест той утвержденный,
 Глас милосердный ко отцу изрицает,
 своим убийцам милости прошает:
 «Отче любезный, ко всѣм милосердный!
 Отпусти вины за нрав их злосердый,
 Зане не вѣдят, что мнѣ сотворят,
 и так безумно мнѣ ся поругают».

О, милостивый мой любезный боже,
 кто твою милость выславити может?
 Вонстинну всю тварь преудивляеш
 и нас от страстей страстми свободжаеш.
 Но и второй глас к матери вѣщает,
 Иоанна ей сыном нарицает,

л. 590

л. 590 об.

⁴ В ркп. дальше прозаическая вставка: Егда от дома Пилатова поступи Иисус 143 стопы, и ту приступи пресвятая богородица рыдаючи и глаголющи: «Увы мнѣ сыне мой, увь сладчайшее чадо!». Оттуду поступи до распутя, идѣ же с него крест сняша, 61 стопу; а оттолѣ егда поступи 191 стопу, ту срѣте его Вероника и даде ему лентион, да утрет им приистое свое лице. Паки же оттуду (так!) поступи до распутя 710 и женам глагола плачущим: «Мене не плачите, и проч(ее)». Оттуду до мѣста, идѣ же распят бысть, поступи 167 стоп. Всѣх же стоп от дому Пилатова даже до мѣста, идѣ же распяша Христа, 1272 стопы. На поле сноски: Из гистории Иерусалимской глава 114, 117, путь крестный. ^{ш-ш} В ркп. цѣловаше.

Марию ему материю быти,
 да во всѣм числѣ возлюбит служить.
 На крестѣ убо его повѣшена,
 доброты плоти и славы лишенна,
 Архiereи окрест обхождаху,
 главы своими на него киваху:
 «Аще сын еси божий, — со креста сними,
 пред еврейский наш сонм свободно прийди!
 Будем мы тебѣ тогда вѣровати,
 аще можеша чюдо показати:
 Соломонову церковь разориши
 и тремя денми паки сооружиши.
 Но како иных ты хотѣл спасати?
 Се — не можеша себе с креста сняти».
 Много же они хульных слов вѣщаху
 и ни едины им то запрещаху.
 От разбойника едина хулился,
 второй над оным зѣло умилися,
 Хулившему бо о том запрещает,
 Христу господу молбу предлагает,
 Дабы Иисус имѣл помяненна
 в царствии своем, и от грѣхъ прощенна.
 Прощает Христос и рай обѣщает,
 егда сицев глас от уст испушает:
 «Се аминь, аминь аз тебѣ глаголю,
 днесь примеша в рай моем волю!».
 Четвертое же слово изречеса,
 от Христа жидом во уши внесеса,
 Еже на крестѣ пити возжадаша;
 они оцет и желчь ему даша.
 Пятое слово Иисус прояви:
 «Боже, боже мой, вскую мя остави!».
 Шестое слово сие услышася:
 «Вся писанная усовершишася!».
 Тварь, на своего создателя зряще,
 прегорко зѣло невино стѣняще,
 На гласы она жидом испускала,
 но паче гласа в вещех показала.
 Чювственное бо солнце измѣнися,
 в необычную темность преложиися,
 Луна одѣся в кровавую ризу
 и преустраши плѣжущия (так!) низу.
 Что се есть странно и чюдно явися?
 Яко внезапно свѣтъ тмою покрыся.
 Тма и мрак от часа шестаго быста
 до девятого, в он же возопиаста
 Устнѣ Христовы: «Отче мой небесный,
 дух предаю ти, сын твой ъ прелюбезный!».
 Седмыи то есть, послѣднее слово,
 абие мертво тѣло бысть Христово.
 Тогда ужасно чюдо сотворися,
 ибо всей твари живот умертвися,
 Естество всяко страхом трепетася.
 Жесток жидовский род не убояся
 Творца своего лють умертвити,
 благодѣтеля со злодѣи вмѣннити.

Ах, каков велий страх бысть несказанный,
 от безсловесных тварей показанный.
 Нача от неба, от земли трус быти
 и без гласа вещь^м самими вопити,
 И церковная раздрася запона,
 сотворенная от синет виснона (так!),
 Вдвое чудесно от края вышняго,
 раздрася даже до нижняго.
 Вѣтры и бури ходити начаша
 и страшно вещи в ничто обрашаша.
 От оснований земля потрясися,
 многих камений твердость распадеся.
 Гроби умерших себе отверзоша,
 и многих святых плоти воскресоша.
 Сотник же Логвин и иже стрежаху,
 вси дивитися бывшим не можаху:
 От труда, страха так ся ужасает
 сотник, яко же сице возглашает:
 «Воистинну сей есть сын бога жива,
 страда от сонма жидовска вселжива!».
 Таже от воин един приступает,
 в ребра Иисуса Христа прободает,
 Из них же кровь и вода излися,
 вѣрно пьющим во спасение дася.
 Како же мати, зря сие, терзася,
 болѣзненными стрѣлы пронзася!
 Како душа не изступи тѣла
 от такового ужаснаго дѣла!
 Како же составы не разступишася,
 иже от творца совокупишася?
 Егда гвоздие в руцѣх проницаху, —
 тоя же сердце копие пронзашу,
 И безчестие удесе всякаго
 Иисус Христа-свѣта пресладкаго, —
 болѣзнями тоя душу уязвляше
 и от очию слезы извождаше.
 Сие ей вмѣсто стрѣл бысть вонзение,
 предстоящих ту злых досаждение
 И приходящих же посмѣвания,
 поношающих на нь глаголанія,
 Равно убийству вси слагающеся,^б
 Христу и богу наругающеся.
 Тогда дѣвая, прелють стонавши
 и отшествія иудей дождавши,
 Ко кресту скоро, чистая, приступаше,
 пречестнѣйших ног язвы обемлюще.
 На язвы и кровь дѣвая взираше,
 горкая слезы точащи, вѣщаше:
 «Иисусе мой прелюбезный,
 прелюбезный же весма и царь небесный!
 Сия ли тебѣ за низсхождение,
 сия ли же тебѣ за благодѣяние,
 От злосердых раб Христу воздаяния,
 от злолѣтѣйших воздарования?
 О дерзнутія людей беззаконных!
 О суда на тя от неперподобных!

л. 592

л. 592 об.

^м В ркп. конец слова стерт.

^б В ркп. слагающеся.

л. 593

Осужденни тебѣ осудиша,
и неповинна винни укорша,
В мѣсто великихъ благъ ти умыслиша,
въ благодарный мѣсто се воздаша.
За мертвыхъ вставшихъ тебѣ укоряютъ,
смертию страшно умерщвляютъ.³
За очесами людей просвѣщенныхъ,
и отъ различныхъ недуговъ свободенныхъ, —
Тѣлесны твоя очеса смѣжиша,
пресладкаго ми свѣта обнажиша.
О чадѣ мое, мнѣ прелюбезное,
радование земныхъ небесное!
Како понесу твои терпѣнныя
и невинное злое мучение?». —
Таже Марія, Иосифу зряше,
къ нему, чистая, тогда глаголаше:
«О Иосифе! Тѣлесе просити
Иисусова, и въ землю сокрыти
Тѣшися къ Пилату, дерзай то творити,
себе безсмертну славу улучити.
Аще подобно человеку страдалъ,^ю
но землю, яко богъ, всю поколебалъ,
Ибо тварь сея страсти бояся,
въ естествѣ своемъ вся поколебася». —
Иосифъ убо скоро се сотвори,
тѣло со креста онъ сняти испроси.
Тогда Марія сама ту служаще,^я
со креста тѣло Иисуса снимаше,
Язвы чистая удесъ лобзаше,
тѣло слезами обмываше.
Снемше же съ креста, положиша въ гробъ,
отъ Иосифа устроенномъ новѣ.
Всѣхъ Маринныхъ подробну стенанийъ
написати нехѣть есть, и страданийъ.
Никто бо тако возможе слезити
и умильные слова износити,
Како Марія по сынѣ слезила
и умильные слова износила.
Иногда «сыне мой, сыне!» зовяше,
«чадо, чадо, свѣте мой!» вопияше: Па
«Увы мнѣ, увы, сирѣй здѣ оставшей,
выну при тебѣ мнѣ жити желавшей!». —
Овогда на тварь всяку възглаголаше,
умильныя гласы издаваше:
«О ерархїи трие небесни
и слуги богу присно неслестни!
Сие странное чюдѣ созерцайте,
творца своего нынѣ познавайте.
Серафими, вы близъ него стоите,
отъ страха лица сего сокрываете;
Херувими, вы^б мудрость его зрите,
купно со мною о ономъ слезите;
Престоли, на васъ богъ сей почиваетъ,
жиды распятъ днесь плотию бываетъ;

³ В ркп. умерщвляютъ.

Па В ркп. зовяше.

^ю В ркп. страда.

^я В ркп. служаще.

^б В ркп. далее начато близъ него стои (взято
въ скобки и отмечено двумя крестиками).

Господства, мира работы свободны,
 в начальный зрѣти свѣтъ творца удобны^в;
 Силы, зрители свѣта силотворна,
 дѣлатели в людех дѣла чюдотворна;
 Власти, имате силу властотворну,
 всехитростну и о всѣх чюдотворну;
 Начала, славы зрители чюдимой,
 от всѣх сладости той непостижимой;
 Архангели же, тайнам служебнии
 и над аггелы вы учиненнии;
 Ангели, вы сил небес скончание —
 зрите днесь мое сына стенание.
 О всехитрое бога творение
 и^г его всечюдно строение!
 Всей премудрости творца созерцайте,
 жалостныя же пѣсни воспѣвайте:
 Небеса, звѣзды и вся семь планеты,
 времена суть вся вѣков и вся лѣты,
 Горы и холми, древа чюдных зданий,
 о земле, твердость вѣчных оснований,
 Море, рѣки и все устроение —
 зрите Христово днесь умерщвление!^д
 От тѣх, их же имѣл прелюбезных,
 и прославился им в дѣлах чюдесных;
 От тѣх, которых Египта избавил,
 в землю, точашу мед, млеко, наставил;
 От оных, им же море раздѣлился,
 без всяка бѣдства прейти сотворися;
 Им же из горких вод сладки творяше,
 манною с неба, крастельми питаше;
 Кѣм из камене вода изтекаше
 и в пустыни от змий ся храняше.
 О Иисусе,^е животе сладчайший,^ж
 мира всего вседражайший!
 О чадо мое любимое! Вижду^з
 тя и скорбь в себѣ превелику зижду,
 Яко не могу мертва тя аз зрѣти,
 матерним моим сердцем не болѣти.
 О Иисусе, сыне мой прелюбезный
 и во благих дѣлах чюдесный!
 Что ино^и имам днесь аз сотворяти?
 Точию себе скорбию снѣдати,
 Сердцем о тѣбе, сыне мой, стонати,
 слезы из очей моих изливати.
 И како убо аз не возрыдаю,
 егда умерша тебе созерцаю?^с
 Тѣм же ты, дево пресвятая, молим,
 со слезами вси милости твоей просим.
 Молим тя, дево, чрез слезы драгия,
 излиты в страсти твоя премногия,
 Молим: упроси у сына твоего,
 *Иисуса Христа, бога нашего,^а

л. 594

л. 594 об.

^в В ркп. удобный (й выносное). ^г В ркп. далее повторено всехитрое.
^д В ркп. умершвление. ^{е-ж} В ркп. сладчайший животе. ^з В ркп. вожду.
^и В ркп. исправлено вместо первоначально оно (может быть, в оригинале было ано?). ^{и-х} В ркп. Христа нашего бога (стих был пропущен и потом вписан мелким почерком вслед за предыдущим).

л. 595

Царю нашему Феодору ^м дати
цѣлость здравия, и в нем пребывати
Многая лѣта, во всяком здравии,
в радости же и веселии.
И никогда же ему скорбну быти,
но во здравии сыну ти служити
И тебѣ, мати, небесной царицѣ,
православныхъ всѣхъ скорой помощнице.
О пречистая непостыжная мати,
преисполнена ^и еси благодати!
Молим тя: сына упроси твоего
Христа, нашего бога любезнаго, —
Царю нашему здраву пребывати,
вся супостаты своя побѣждати.
И кто-либо враг ему сотворится, —
абие мечем его да смирится,
Слава его миръ весь да исполняет,
идѣ же либо свѣтъ солнца сияет.
Яко свѣтила от солнца свѣтъ берутъ,
такъ от него честь вси да принимаютъ;
Потщися ему, Мариа, воздати,
радость во царствѣ его содѣяти,
Замыслы враговъ вскоре разрѣшати,
царства прѣделы славно разширяти, —
Подаждь твоему благовѣрну рабу,
а нам от сына ти данному дару —
Хулящихъ Христа и тя — побѣждати,
сына твоего гроб от турковъ взяти,
Ибо онъ весма ѿ зрѣти желает,
тѣмъ же здѣ создавъ ѿ преукрашает.
Дажь ему здраво многолѣтствовати,^о
всякимъ богатствомъ преизобилувати,
Дажь съ царицею в веселии жити,
дни благи числити.
Посли убо имъ, дѣво, благоплодство,
даруй в мирѣ семъ миръ и благоденство.
Дажь Наталии царицѣ
жития свѣтлость, яко же денницѣ.
Дажь Иоанну, царя славна сыну,
здро, блаженно пребывати выну.
Подаждь и Петру, от царя рожденну,
многолѣтствие быти умноженну.
Свѣтлымъ царевнамъ даруй многа лѣта,
да ты сына славятъ, миру свѣта.
И весь домъ царскій изволь соблюдать,
что кому в пользу, то всещедро дати.
Пастыря Руси изволь соблюдать
здроа многа лѣтъ в твоей благодати.
Архидіекийскій ликъ, чинъ весь священный
в милости твоей да будетъ храненный.
Князи, бояре да благословиши,
рускія вои сама укрепиши
На враги турки, на скифы поганы.
Защити отъ нихъ весма христианы!
Причту церковну во покровъ ты буди,
храни иноки ^и мирскія люди.

л. 595 об.

^м В ркп. Петру. ^и В ркп. преисполнени. ^о В ркп. многолѣтствовати.
^и На поле вариант монахи.

Да вси благодать твою величают,
заступление выну прославляют.
Молим тя, дѣво, чрез слезы драгия,
излиты во страсти твоя премногия,
Молим: упроси у сына твоего
присно всѣм жити в благодати его,
Страсти же его в памяти имѣти,
сице нас ради страдавшему ꙗꙋ пѣти:
Поклоняемся страstem твоимъ, Христе,
яви славное твое воскресение!

л. 596

ꙋ В ркп. доб. сие.

Т. Ф. Волкова

ВНОВЬ НАЙДЕННАЯ ПОВЕСТЬ XVII в. О МЕЗЕНСКОЙ ИКОНЕ ТРОИЦЫ

Среди разнообразных по теме, содержанию и форме произведений древнерусской литературы, и литературы XVII в. в частности, особое место занимают сказания о чудотворных иконах. Они составляют довольно значительную по количеству группу произведений, повествующих о чудесном явлении икон, о знамениях и чудесах, с ними связанных.

Конечно, далеко не все из этих повестей представляют большой литературный интерес. Однако среди них встречаются произведения, в которых сквозь литературные штампы и схемы просвечивают живая наблюдательность автора, его индивидуальное лицо и, что особенно важно, интерес к человеку, к его повседневной обывденной жизни. Все это неразрывно связывает данную группу повестей с проблематикой литературы XVII в. Поэтому исследование сказаний о чудотворных иконах может дать материал для изучения той литературной традиции, на почве которой создавалась русская повесть XVII в.

Однако в настоящее время этот жанр древнерусской литературы является одним из наименее изученных. Из работ последнего времени следует назвать диссертацию Е. К. Ромодановской,¹ в которой сказания об иконах рассматриваются наряду с другими произведениями, представляющими местную сибирскую литературу XVII в.

Определяя жанр сказания об иконах, следует в первую очередь указать на генетическую связь данной группы повестей с другим распространенным жанром древнерусской литературы — агиографической повестью. По сути дела, повесть о чудотворной иконе — это рассказ о житии иконы и ее подвигах.

Следует также отметить связь сказаний об иконах с жанром видений, широко распространенным в XVII в. Отдельные наблюдения, сделанные на материале литературы видений,² пол-

¹ Е. К. Ромодановская. Русская литература в Сибири в первой половине XVII в. Истоки русской сибирской литературы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1968.

² Н. И. Прокофьев. Символично-аллегорическая образность в литературе начала XVII в. Ученые записки Московского гос. пед. института, т. 248, Вопросы русской литературы, 1966, стр. 29—44.

ностью подтверждаются при анализе сказаний об иконах, в которых большую роль играют зрительно-слуховые символы (ослепительное свечение воздуха, огненные столпы, таинственный звон невидимых колоколов). Как и в видениях, в повестях об иконах часто присутствует словесный портрет героини повествования — чудотворной иконы. Иногда автор ограничивается лишь кратким замечанием: «чудесна вельми». Но в некоторых повестях внешность иконы описывается со всеми подробностями: «На ней же бе писан образ пречистыя Богородицы честнаго ея Одигитрия, на левой руке младенца держит, да за младенцем на той же стороне приписан угодник их великий Никола Чудотворец... А та чудотворная икона собою невелика, воротная, письмо старинное».³

Повести об иконах тесно соприкасаются с группой сказаний об основании монастырей, так как факт явления чудотворной иконы часто являлся побудительной причиной для основания нового монастыря.

И, наконец, непосредственное отношение к сказаниям об иконах имеют повести, рассказывающие о явлениях «честного животворящего креста господня». По сути дела, это лишь две разновидности одной и той же группы сказаний, тем более что в отдельных случаях икона и крест «являют себя» совместно в одном и том же месте.

Все вышесказанное говорит о том, что жанровые границы сказаний об иконах весьма расплывчаты и подвижны, что механически выделять их из литературного окружения, из литературной стихии чудес и видений, по-видимому, нельзя. Тем не менее есть в сказаниях об иконах нечто, что объединяет их в особую группу, — некий внутренний каркас, пускай подвижный, но довольно определенный и вполне законченный.

Как правило, сказания о чудотворных иконах имеют трехчастную композицию. Первая часть представляет собой нечто вроде торжественного вступления, в котором автор неизменно выражает сомнение в своих литературных способностях, а в подтверждение значительности избранной темы обычно излагается новозаветная история, иногда с привлечением цитат из Ветхого завета. Вторая часть обычно представляет собой описание тех обстоятельств, при которых произошло явление чудотворного образа. Третья часть повествует о чудесах, которые начинаются после установления иконы в церкви села, где она была обнаружена, либо в церкви, построенной на месте явления иконы.

В разных списках одного и того же сказания число чудес колеблется. Большая часть этих чудес связана с исцелением больных и бесноватых. Однако встречаются и сюжеты, где в своеобразном освещении предстают перед нами реальные исто-

³ Сказание об иконе Оковецкой божьей матери. Русский архив, М., 1881, кн. II, стр. 8—9.

рические события, черты повседневной жизни крестьянства, его взаимоотношения с местными властями и духовенством и т. д.

Насыщенность данных повестей повторениями и традиционными мотивами заставляет с особым интересом относиться к тем из них, в которых каноны и схемы отходят на задний план, отсняемые оригинальным и живым рассказом. Такие сказания, сохраняя основные особенности жанра, несколько выходят за его рамки. И это смещение, пусть небольшое, всегда вносит живую струю в неподвижную, заданную структуру жанра. К числу таких произведений с полным правом можно отнести повесть о явлении чудотворной иконы Троицы на Мезени.⁴

О своеобразии ее говорит уже название повести: и среди опубликованных текстов сказаний, и среди рукописей не удалось обнаружить повести, где в роли чудотворной иконы выступала бы икона Троицы. Обычно «являлись» иконы Богородицы, Спаса и различных чудотворцев, особенно Николы.

Повесть о мезенской иконе Троицы имеет традиционное риторическое вступление, излагающее символ веры. Либо в рассматриваемой рукописи, либо в ее источнике имеется дефект: отсутствует часть текста — окончание вступления и начало второй части произведения, собственно рассказа о явлении иконы.

Вторая часть повести отличается простотой, бесхитростностью повествования и одновременно вниманием к мелочам и точностью в описании времени и места происходящего события. Мы узнаем, что 1 февраля рано утром трое крестьян на своих возах проезжали мимо села Шеймогора. Из-за отсутствия начала рассказа в рукописи мы не знаем года, когда происходит действие, который, возможно, был указан в начале, судя по склонности автора точно отмечать даты. Мы также не знаем, откуда выехали эти крестьяне, но из последующего повествования узнаем, что они возвращаются домой, в село Лампожно. Один из этих крестьян (по имени Симеон) обнаруживает на краю дороги икону — «образ в меди изваян». Эта маленькая подробность показательна как отражение реалий повествования и свидетельствует о возникновении рассматриваемой повести в демократической среде. Как правило, в сказаниях об иконах фигурируют обычные «писаные» деревянные иконы. Но в демократической среде городских низов и среди крестьянства в XVII в.

⁴ «Повесть о явлении чудотворного образа святыя единосущныя неразделимыя Троицы в пределах области Мезенския в веси, нарицаемой Лампожно» — ИРЛИ, Пинежское собр., № 300. Входит в состав сборника XVII в. (последняя четверть), полуустав, в 4-ку, 123 л.; переплет — доски, покрытые кожей. Состав: Повесть о явлении и чудесах образа святой Троицы на Лампожне (лл. 1—10), чудеса от иконы Богородицы в Черногорском монастыре на Пинеге (лл. 10—20), службы Козьме и Дамиану, Михаилу архистратигу, св. Клименту, св. Петру, служба в праздник Знамения иконы Богородицы в Новгороде, служба в праздник великомученика Иакова (лл. 20—122).

наибольшее распространение получили медные литые иконы, более дешевые и, следовательно, более доступные. Обычно меднолитые иконы были невелики по размеру. Такую икону было удобно взять в дорогу, что, по-видимому, и делали крестьяне, которым время от времени приходилось уезжать из дому по различным хозяйственным нуждам. В основе чуда таким образом может лежать вполне реальное событие: владелец маленькой медной иконы, едучи в санях по дороге, мог легко выронить ее на снег у обочины, где ее и нашел герой нашей повести. Обыденность, реалистичность рассказа подчеркивается описанием обретения Симеоном иконы. Он поступил с найденной иконой весьма прозаически: положил ее к себе на воз, даже не посмотрев, что на ней изображено («Приим же его [образ] и положи в воз свой, чие же воображение на нем, — не зряше»).

Но данное событие — чудо, и автор удачно подчеркивает это в своем, казалось бы, чисто реалистическом повествовании. Он вносит в рассказ дополнительные детали, сообщая, что накануне ночью шел сильный снег и дорога перед Симеоном и его попутчиками была не тронута ничьими следами («В ту же ночь паде снег вельми, и никто же бо в ту ночь шествова прежде их путем тем»). Следовательно, простой смертный икону, найденную Симеоном, обронить не мог, и появление ее может быть объяснено только чудом.

Не остаются без соответствующего объяснения и странное равнодушие Симеона к находке и довольно небрежное с ней обращение. После слов: «чие же воображение на нем, — не зряше» — автор добавляет: «не учен бо бе писанию, паче же и поселянин». Таким образом, извинившись за своего необразованного героя, автор продолжает рассказ о дальнейшем пути Симеона и судьбе найденной им иконы. В следующем селе, которое встречается Симеону на пути, — в Кулойском посаде, он решает все-таки выяснить, что собой представляет найденная им икона, и обращается за советом к Меркурию, «человеку некоему искусну», от которого узнает, что образ сей «имеет воображение святых единосушных неразделимых Троицы». И опять автор делает характерное добавление, описывая икону: «еще же и чуден вельми». Эту тему чуда он будет упорно проводить сквозь реальный бытовой план повествования до самого конца повести.

Приведу еще один пример из текста сказания. Вернувшись в Лампожню, Симеон, исполняя волю иконы, чудесным образом открывшуюся его жене, отнес икону в церковь св. Георгия, находившуюся в этом же селе. Священник Иоанн, приняв от Симеона икону, поставил ее в церкви «на месте свещи пред образом святого Георгия и нача молебная совершати». В соответствии с авторской трактовкой честь стоять перед образом святого, именем которого названа церковь, по-видимому, показалась иконе недостаточной: «Оле, чудо! Внезапу божиею силою поколебася

свѣща та, на ней же стояше чудесный образ. Святая же та икона ниспаде на помост церковный». После того как она была водружена священником на прежнее место, повторилось то же самое. И только когда вконец испуганный иерей догадался установить ее «над великими враты святаго олтаря», икона перестала «гневаться» и осталась на месте.

Так объясняет поведение иконы автор повести. Однако в самом описании происшедших в церкви событий помимо воли автора заключено реальное объяснение чуда. Дело в том, что в церкви перед иконами часто ставились большие подсвечники, в центре которых помещалась толстая, так называемая ослонная свеча в окружении мелких свечей, которые ставили прихожане. Такая свеча имела довольно большой диаметр. На нее-то в углубление, образующееся при плавлении воска, священник и поставил небольшую медную иконку. Тут же перед этим непрочным сооружением иерей начал совершать молебен. Учитывая все это, не приходится удивляться, что икона недолго продержалась в таком довольно неустойчивом положении. Естественно, что прясло над церковными вратами явилось более подходящим местом для помещения иконы. Принимая во внимание этот реальный план повести, ее ярко выраженный бытовой колорит, можно вполне отчетливо представить, как создавалось это сказание. Позволим себе небольшую реконструкцию действительных событий, которые легли в ее основу.

Неграмотный крестьянин, возвращаясь из обычной деловой поездки домой, подбирает на дороге небольшую медную иконку, оброненную до него, вероятно, таким же «не зело богатым» человеком. Возвратившись домой, он забывает о своей находке, оставив ее в санях. Но икону обнаруживают жена Симеона Мамельфа и дочь его Акилина. Они относят ее местному священнику и, возможно по его просьбе, оставляют ее при церкви.

Известно, что вопрос о канонизации местных святых и местных чудотворных икон в XVII в. стоял очень остро. Каждая провинциальная епархия стремилась добиться законного признания своих местных святых, что удавалось далеко не всегда и не сразу. Многие местные чудотворцы и чудотворные иконы так и остались известными и почитаемыми только в пределах своей области. О них мы узнаем из местных сказаний, подобных сказанию о мезенской иконе Троицы. Авторами их чаще всего, по-видимому, были местные священники, стремившиеся прославить свою церковь, поднять ее престиж, привлечь к ней внимание вышестоящих духовных властей. Такова, очевидно, была и история появления сказания о мезенской иконе. То, что в роли чудотворной иконы оказалась икона Троицы, — факт, по-видимому, совершенно случайный: таким же образом могла быть потеряна любая другая икона из тех, что распространены были тогда среди местного населения.

Наибольший интерес в повести представляют моменты, проливающие свет на характер героини сказания — чудотворной иконы, ибо она, действуя в повести как самостоятельный персонаж, как живое лицо, наделена автором и соответствующим характером. Не желая оставаться пассивной, икона изъявляет то одно, то другое желание, о которых сообщается устами дочери Симеона Акилины. Среди них есть и традиционные (требование отправиться вместе с иконой в церковь соседнего села на молебен), и совершенно оригинальные. Так, в конце повести Акилина, сообщая волю иконы, говорит: «...повелено есть вам, да несете чюдотворный образ живоначальныя Троицы на реку, сущую ту, и да измыете святую ту икону на реце той с великим благоговением и страхом». Этот, казалось бы, необычный эпизод повести тоже имеет реально-религиозную основу. Очевидно, объяснение странному требованию иконы следует искать в распространенном на Руси церковном обряде водоосвящения (или водосвятия). Учитывая дату, указанную в повести, — 24 апреля, — можно установить, что в данном случае речь, по-видимому, идет о празднике преполовления пасхи, одном из трех христианских праздников, традиционно включающих торжественный обряд водоосвящения.

Текст публикуемой ниже повести о мезенской иконе Троицы, к сожалению, не окончен. И хотя повесть далека от литературного совершенства, это скромное произведение дает представление о местной литературной традиции.

ПОВЕСТЬ О ЯВЛЕНИИ ЧУДОТВОРНАГО ОБРАЗА СВЯТЫЯ ЕДИНОСУЩНЫЯ НЕРАЗДЕЛИМЫЯ ТРОИЦЫ В ПРЕДЕЛЕХ ОБЛАСТИ МЕЗЕНСКИЯ В ВЕСИ, НАРИЦАЕМЕЙ ЛАМПОЖНЯ

Радости день и веселия, яко знамение радости, явися, хваления и исповедания лик, яко пречестный образ неразделимаго божества предста, оле пречестныя иконы явлению, на неи же неописанный существом троицы вообраз^а. . . || ею же беси отгоняются и мир просвещается. И кто убо не притичет узрети честное видение, кто не вождедеет лобызати троичный образ. Приидете, соберитесь, вся племена и языцы и всяк возраст, всяк сан и всяк житель, владыи под областью, понеже благодетелно торжество. И како убо о явлении сего не достойт све^б мнит бо ми ся е чувство иму. || Никакоже отвращающе благая благодости, а. ² но и окалянные грехи очищающи и порочнаго сквернам избавляющи, и что возглаголю, кто убо о сем по достоянию восхвалити возможет от земных, но паче мало нечто коснемся повести поведати о явлении сея пречестныя иконы, о неи же нам ныне слово предлежит, понеже убо пресущественныи и пребожествен-

^а Далее текст испорчен. ^б В ркп. так.

- л. 2 об. ный и прѣбзначальныи божиин отчѣ состав, || иже словом уст своих всю тварь от небытия, еже быти, сотвори и человека по образу своему и по подобию. И падша сего не презрев, но возва его законом и пророки наказа. Последи же умилосердися сын слово отчее, милостию бога отца и сам сниде на землю и воплотися от святаго духа и Марии, святыя богородицы. И пожив в человецех, знаменми и чюдесы и различными силами велич-
- л. 3 ство своя || силы божества показуя нам и вся строя на спасение роду человеческому и егда убо мертвеное наше примм существо и живоносную силу воскресения яви нам и потом на небо плоть обоженную вознес и выше небесных сил, начал и властей и господств и всякого имени именующагося спосадив одесную престола величества бога отца на небесех. И оттоле вся соборныя
- л. 3 об. и апостольския церкви || на основании пророчесте и апостольсте созданы от основавшаго их даже до небесныя тверди и еждения на пресвятых ученицех и апостолах господа нашего Исуса Христа, но сведением пресущественныя и живоначальныя троицы освящающеса и совокуплением святаго духа огненосными языки воедино составивше нераздельно. Вся же многообразная и многобожная языческая вера разсыпаса и вся скверна всяческих потребися ||
- л. 4 ...им путем своим и близу быша веси некоея, нарицаемей Шеймогора, в некий день заутра рано, яко же глаголют февраля месяца в 1 день. В ту же ночь паде снег велий и никто же бо в ту ночь шествова прежде их путем тем. И тако им шествующим Иван убо и Козьма прежде едуще на возех своих, не видяще ничтоже, Симеон же, последуя по них и виде о страну пути
- л. 4 об. верху || снега образ в меди изваян лежащъ, примм же его и положи в воз свои. Чие же воображение на нем, — не зряше, простоты ради своя, неучен бо бе писанию, пачеже и поселянин. Приехавшим же им в весь, нарицаемую Кулойской посад, и начаша витати ту. Предпомянутый Симеон показа обретенный той образ человеку некоему искусну, именем Меркурью, вопрошая:
- л. 5 «Чие есть || воображение на нем?». Он же отвещав ему: «Се убо, брате, образ сей имать воображение святыя единосущныя неразделимыя троицы, еще же и чюден вельми». Он же поведает ему, како обрете его на пути. Приехавшу же в дом своим и нача вечеряти в дому своем. Бе же у него дощи девица именем Акилина. И абие во время вечери некая сила божия похити ю и безгласна бысть. Также || и супругу его Мамельфу порази. И нача вопити к мужу своему, яко имаши у себе на возиле образ святыя троицы. Он же пристрашен бысть и, тек, внесе той обретенный образ в хижу свою. Она же паки нача вопити: «Не угодно убо сему святому образу в нашей хижы быти, но и повелено есть поставити его во церкви святаго мученика Георгия и тамо пред ним молеб-
- л. 6 ная совершити». || Он же, слышав се, и, внесе его со многим страхом, несе его во церковь святаго Георгия и поведает иерею церкви

тоя именем Иоанну все приключившееся в дому его о обретении образа. Священник Иванн приим от него образ и постави его во церкви на месте свещи пред образом святого Георгия и нача молебная совершати пред ним. Оле, чудо! Внезапу божиею силою поколебася свеща та || на ней же стояше чудесный образ. Святая же та икона ниспаде на помост церковный. Священник же с причетники своими со страхом подъемше ту, на том же месте поставиша. И абие та свеща паки восколебася и образ ниспаде. Страха же многа наполнишася вси. Иереи же с великим говением и со страхом подъем чудесный той образ, постави его над великими враты святого || олтаря и нача прочее молебная совершати. И пребысть неподвижим. Приведоша же Иоану прежде реченную жену Мамельфу и со дщерию ея девицею Акилиною, страждущих к молебному пению. Егда же начат священник чести святое евангелие, оле чудо тогда: матери недуг преста, и дщери безгласие разрешися, и обе вскоре исцеление получиша. И начат девица поведати пред всеми ясно, || яко повелено есть вам, да идете с честными кресты и со иконами ко церкви к великому чудотворцу Николе Заакурью три поприща и в весь, нарицаемую Окладникову слободку, ко церкви пресвятыя владычицы нашея богородицы честнаго и славнаго его рождества 15 поприщъ и да совершите тамо молебное пение. Они же совершиша тако: подъемше святыя иконы и кресты и со всем народом идо||ша тамо. Бе же год зимы и мраз лют в то время. Бе бо весь та отстояние имущи от места того 15 поприщъ, и божиею благодатию шествующе, ни един от них не пострада ничтоже от великаго того мраза, но, аки в лете, идуще молящеся святей троицы. И тамо дошедше и молебная совершивше, паки возвратишася восвояси. И по явлении того чудеснаго образа вся благая стране || той подавахуся, но и от прежде помянутого належащаго великаго глада и в та лета елицы людие стрны тоя не могуше ту пребысть, разыдошася по различным странам Российскаго царствия, тии вси изомроша от глаза по различным странам, а елицы осташа в той стране, ни един от них не умре гладною смертию милостию святыя троицы, аще и велию нужду подъяша от глада. || В то же лето по явлении того чудеснаго образа месяца апреля в 24 день прииде та же преди помянутая девица Акилина, поведающе иерею церкви тоя и всем людем, живущим в веси той, яко повелено есть вам, да несете чудотворный образ живоначальная троицы на реку, сущую ту, и да измыете святую ту икону на реце той с великим благоговением и страхом и || тою освященною водою да покропите всю церковь и святыя иконы. Оставшее же от воды тоя да кропите болящих и различными недуги одержимых, и никако же на землю да уканет святая та вода, аще же небрежением уканет, и то место да измыется. На реку на праздник же пренесения мощей великаго чудотворца Николы да совершает все христианство канон и ...

л. 6 об.

л. 7

л. 7 об.

л. 8

л. 8 об.

л. 9

л. 9 об.

О. П. Лихачева

ОСОБАЯ РЕДАКЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПОВЕСТИ «СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ»

В Новом Усть-Цилемском собрании Пушкинского дома под № 170 хранится рукописный сборник, в состав которого входит древнерусская переводная повесть «Стефанит и Ихниллат». «Стефанит и Ихниллат» — это басенный цикл, составленный в Индии, через арабскую и греческую версии и южнославянский перевод попавший на Русь и широко распространившийся там.¹ Памятник состоит из восьми частей, соответствующих восьми книгам греческого подлинника. В первой части рассказывается о двух шакалах — Стефаните и Ихниллате (по их именам названо все произведение): история о дружбе льва и быка, которых познакомил, а потом из зависти поссорил коварный Ихниллат, несмотря на советы благоразумного Стефанита. Вторая часть повествует о суде над Ихниллатом, спровоцировавшим убийство быка. В повествование о всех этих событиях введено четырнадцать нравоучительных басен, которые действующие лица рассказывают друг другу. В конце второй части Стефанит и Ихниллат погибают, но памятник на этом не кончается: далее идет еще несколько басен, посвященных различным нравственным проблемам — дружбе, вражде, коварству, мудрости правителя и т. п.

Композиционная нечеткость памятника вызывала естественное недоумение у древнерусских книжников, результатом чего могли явиться переделки, например сокращение памятника в пределах одного сюжета. Примером такого рода переделки является Троицкий список XV в.,² в котором отброшены шесть частей памятника, не связанные со Стефанитом и Ихниллатом. Однако сама структура памятника — включение в него вставных басен — делает естественным существование в пределах этого цикла басен, не связанных с образами Стефанита и Ихниллата, хотя, конечно, гибель главных, «титulyных» героев в середине повести может казаться странным приемом. С другой стороны, басни, входящие

¹ Стефанит и Ихниллат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. Изд. «Наука», Л., 1969 (серия «Литературные памятники»). (Далее: Стефанит и Ихниллат).

² Стефанит и Ихниллат, стр. 45—62 и 182—284.

в цикл, в достаточной степени самостоятельны и могут быть по желанию редактора выброшены из памятника без ущерба для сюжета, как это наблюдается в Троицком списке. А если возможно и даже логично отбросить басни, находящиеся после конца основной сюжетной линии, то, видимо, также естественно и логично изъять вставные басни, прерывающие повествование. Вот это самое и сделано в рукописи, о которой идет речь. Составитель взял первую часть памятника — до суда над Ихнилатом — и, выбросив из нее все вставные басни, превратил ее в «Притчу о лве и телце и о Ихнилате», а другие басни поместил в конце как равноправные составные части. Но, по-видимому, не интерес к сюжету и не желание исправить композиционную нечеткость памятника толкнули составителя этой редакции на такую переделку. Если посмотреть состав сборника в целом и обратить внимание на предпосланное ему оглавление, то мы заметим следующее: составитель сборника собрал несколько произведений учительного характера, разбил каждое из них на отдельные части (притчи, слова, сказания и т. п.) и все эти мелкие произведения, входящие в состав разных памятников, объединил общей нумерацией в один учительный сборник. Та же судьба постигла повесть «Стефанит и Ихнилат». Составитель сборника воспринял ее не как единое целое, а как ряд самостоятельных притч. Любопытно, что памятник он воспринимал как учительное произведение, которое могло быть объединено с чудесами святителя Николая и Цветником.

Рукопись была найдена В. И. Малышевым в 1934 г. и подарена В. П. Адриановой-Перетц. В составе собрания В. Н. Перетца она поступила в Пушкинский дом (номер этой рукописи в собрании Перетца — 455), а при составлении Нового Усть-Цилемского собрания включена в его состав как усть-цилемская по происхождению. Рукопись связывается с именем И. С. Мяндина (1823—1896), известного усть-цилемского книжника, писца, редактора и реставратора старообрядческих рукописей. Его рукой, по определению В. И. Малышева, написаны первые листы рукописи и оглавление. По-видимому, И. С. Мяндин составил сборник: собрал и переплел вместе несколько старообрядческих рукописей, дописал недостающие листы и оглавление.³

Итак, рукопись представляет собой конволют, состоящий из рукописей XVII—XIX вв., всего 258 листов в восьмерку. Рукописи, вошедшие в состав конволюта, написаны полууставом разными почерками. Заголовки и инициалы выделены киноварью. Рукописи дефектные, некоторые листы утрачены, некоторые сильно порваны. Утраты восполняются листами, дописанными

³ В вышеупомянутой книге «Стефанит и Ихнилат» (стр. 191) автор настоящей работы ошибочно назвал И. С. Мяндина писцом усть-цилемского списка. Таким образом, и датировка рукописи является там ошибочной.

в XIX в. В связи с малым форматом рукописи нет никакой возможности датировать ее по филиграням — на большинстве листов филиграней нет, на некоторых видны маленькие кусочки водяного знака Pro Patria позднего варианта. Поэтому основную датировку приходится производить по почеркам.⁴

Первый аллигат — рукопись XVIII в. «Житие и чудеса Николая архиепископа Мирликийского». Памятник сохранился не полностью. Начало рукописи утрачено, несколько листов дописано в XIX в. И. С. Мяндиным под заголовком «Житие Николы архиепископа Мирликийского»; далее идут: «Повесть о чуде о Агрикове сыне Василии», повесть о погребении Николая Чудотворца, повесть и похвала о пренесении мощей, сказание о трех мужех, чудеса об утопшем детище, о трех воеводах и об избавлении корабля от потопы, повесть о преставлении Николая Чудотворца и похвала ему. Второй аллигат — сборник слов и поучений, цветник, рукопись XVIII в. Третий аллигат — «Стефанит и Ихниллат», написан двумя разновременными почерками XVIII в. Четвертый аллигат — книга «Сын церковный», датируемая XVII в. Конец этой рукописи дописан в XIX в. Первый, второй и четвертый аллигаты, по определению В. И. Малышева, написаны великовоженскими почерками, третий — выгскими.

До сих пор мы имели лишь косвенные свидетельства о популярности «Стефанита и Ихниллата» в старообрядческой среде, такие, например, как находки рукописей у старообрядцев (назовем найденную в 1964 г. на Пинеге рукопись XVII в., находящуюся сейчас в Пинежском собрании Пушкинского дома под № 196). Интересное свидетельство есть и у автора литературного пересказа «Стефанита и Ихниллата» — известного русского писателя А. М. Ремизова.⁵ В своей книге он рассказывает, что узнал эту повесть от своего товарища, ссыльного, который вырос в старообрядческой семье и с детства сохранил в памяти эту повесть. И вот мы встречаем «Стефанита и Ихниллата» в составе рукописи, созданной в старообрядческой среде.

Третий аллигат, т. е. «Стефанит и Ихниллат» (лл. 125—188), в свою очередь состоит из двух частей, написанных разными почерками. Первая часть (лл. 125—156 об.) — это сильно сокращенная первая книга памятника: текст кончается раскаянием льва, убившего тельца, и заключается авторской сентенцией о лукавом человеке, ссорящем любящих друзей. Далее следует введенная составителем данного списка притча о «старой бабе», поссорившей любящих супругов по бесовскому наущению и за это ввергнутой в преисподнюю. После притчи следует долгое

⁴ При определении почерков мы получили неоценимую консультацию В. И. Малышева.

⁵ А. М. Ремизов. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж, 1950. См. об этой книге: Я. С. Лурье. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихниллат». Русская литература, 1966, № 4, стр. 176—179.

рассуждение о лстивых и лукавых.⁶ В отличие от обычных списков «Стефанита и Ихнилата» в данной редакции рассказывается только об одном звере — Ихнилате, а его друг два раза лишь упоминается без имени. Притчи, которые Стефанит и Ихнилат рассказывают друг другу, а также льву и тельцу, из текста выброшены. Однако места, откуда изъяты притчи, отмечены определенными значками. Притчи же помещены во второй части и имеют соответственно те же значки. Значки эти проставлены позже написания обеих частей. Вторая часть включает в себя притчи, изъятые из первой (пропущены притча о пифике и притча о лисице), а также некоторые притчи из II и IV—VI книг. II книга — «Суд над Ихнилатом» — опущена, кроме притч о враче, о двух женах и о лжесвидетеле, III книга (притча о гавране и мыши) и VII книга (притча о снах индийского царя) также отсутствуют. В конце второй части прибавлена не относящаяся к «Стефаниту и Ихнилату» «притча о утробе человечи».

При сравнении с почерками известных писателей-старообрядцев⁷ мы установили, что вторая часть написана рукой известного выговского деятеля XVIII в. Мануила Петрова (1691—1758). Следовательно, можно считать временем написания рукописи середину, а то и первую половину XVIII в.

Итак, над составлением этой редакции работали два человека. Первый — Мануил Петров. Он выписал несколько притч из имеющегося в его распоряжении «Стефанита и Ихнилата». Для заголовков и инициалов он оставил место. Сами же притчи были переписаны без изменения. Потом другой писец написал первую часть в виде одной из учительных притч, а во вторую часть вписал заголовки. При этом заготовки он составил самостоятельно, они оказались гораздо обширнее тех, которые, по-видимому, были в протографе, с которого списывал писец второй части; в некоторых случаях они сильно заползают на поля. Они расширились за счет того, что редактор ввел в них сформулированную им мораль басни, свое понимание смысла притчи. Он стремится акцентировать главную мысль притчи, вынося ее в заголовок. Например, к названию притчи о зайце и льве прибавлен такой «подзаголовок»: «яко хитрость не токмо себе полезна, но и другим». Но он не всегда точно акцентирует, не всегда правильно понимает основное. Так, притчу о лжесвиде-

⁶ Этот текст занимает в рукописи лл. 152 об.—156 об. На полях имеется глосса со ссылкой на 28-ю главу ветхозаветной Книги Иисуса сына Сирахова («Сир 28»). Действительно, в тексте содержится несколько цитат из Книги Иисуса Сирахова: «человек яр разжизает свар...» (Иисус Сирахов, 28, стих 10); «шепотника и двоязычника подобает кляти...» (Иисус Сирахов, 28, стих 16), «язва ранная струпы творит...» (Иисус Сирахов, 28, стих 21); ср.: Геннадиевская Библия, л. 468 об. Приношу свою глубокую благодарность М. М. Елизаровой за ценную консультацию.

⁷ В. Г. Дружинин. Несколько автографов писателей-старообрядцев. Пгр., 1915 (изд. ОЛДП, № 134), табл. XIII.

телѣ онъ называетъ «притчей о вожделеющихъ чужихъ женъ и яко лжесвидѣтели погибаютъ напрасно», хотя въ этой притчѣ обличается не вожделение, а лжесвидѣтельство.

Текст памятника, сохранившійся въ данной переработкѣ, восходитъ къ погодинской подгруппѣ рукописей (согласно нашей классификаціи рукописей) и ближе всего онъ къ рукописи Д (ГПБ, собрание Духовной академіи, № 157, XVII в.). Въ рукописи Д даже форма имени главнаго героя, въ отличіе отъ другихъ рукописей, та же, что и въ Усть-Цилемской рукописи, — Исхнилъ. По-видимому, подъ рукой Мануила Петрова былъ соответствующій списокъ. Посмотримъ каталогъ Выголексинской бібліотеки.⁸ Действительно, тамъ въ отделе свѣтскихъ рукописей (стр. 22) подъ № 8 числится «Сказаніе о притчахъ Антиоха Великаго, другіе же мнѣша Іоанна Дамаскина» (XVIII в., 240 лл.). Намъ известны три рукописи «Стефанита и Ихнилата» подъ такимъ названіемъ. Они составляютъ въ нашей классификаціи Вяземскую подгруппу Толстовской версии. Мы считаемъ, что одна изъ этихъ рукописей — рукопись ГПБ, собрание поступленій 1958 г., № 194 (въ нашей схемѣ: Пс), XVIII в., 240 лл., — это и есть рукопись № 8 изъ Выголексинской бібліотеки. Другая рукопись — В (собрание Вяземскаго, Q 38) — написана тѣмъ же почеркомъ. По-видимому, можно обе рукописи, какъ и всю эту подгруппу, возводить къ выговскимъ книжникамъ. Характерны для этой подгруппы постоянное измененіе языка повѣсти, упрощеніе его, ликвидація гречизмовъ, непонятныхъ мѣст, стремленіе приблизить повѣсть къ читателю именно ея повѣствовательной стороной. Что же касается Погодинской подгруппы, куда относится рукопись Д, съ которой мы сравниваемъ нашу Усть-Цилемскую рукопись, то въ этой подгруппѣ, напротивъ, усилена дидактическая сторона, внесены новыя интерполяціи нравоучительнаго характера, основною же текстъ болѣе или менѣе архаиченъ. Редакторъ былъ правъ, выбравъ именно такую редакцію для своей цѣли — составленія учительнаго сборника.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что выговскіе книжники неоднократно подвергали памятникъ обработкѣ, при этомъ въ разныхъ планахъ. Въ Вяземской подгруппѣ сохранялась и усиливалась беллетристичность памятника; въ Усть-Цилемской рукописи онъ почти полностью переводится въ разрядъ учительныхъ произведеній.

л. 125 Притча о Лвѣ и Телцѣ и о Исхнилѣ, и како
лстивый и лукавый человекъ между други
имеющуюся любовь во вражду приводитъ

Некій купецъ идяше некогда на куплю во инъ некоторый градъ,
имяше же съ собою кола двома телцема влекома. И прилучися

⁸ Е. В. Барсовъ. Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской бібліотекѣ. СПб., 1874.

единому Телцу в тине увязнути. Купец же устремися на него со своими, возведоша его от тины и нужды ради юже подъят Телец он влеком из тины изнеможе, никакo же || могий ходити, недо- а. 125 об.
умением одержимъ бе и, тихо походив семо и овамо, обрете поле некое травоносно и водно, питаяся в нем. Не по мнозе же времени зело отолсте и утучне, начат рогами землю рыти и велми рыкати.

Пребываше же близ оного места некий царь Лев. Бяху же у него зверие различных родов, лвове и медведи, волцы же и лисицы, и инии мнози. В них же бе и Исхнилат, аще и || мал а. 126
зело, обаче лукав баше и много разумея вешем постазания. Лев же царь их бе вознослив и горд, мудростию же скуден. Слышав же Телче рыкание и убояся зело, и не хотяше боязнь свою явити сущим под ним, сего ради стояше на едином месте не преходя.

Исхнилат же, видеv сие, рече в себе: «Чесо ради зрим Лва непреходна и яко померзша, и по обычаю своему никому же не насилующа? || Хошу его искусити, аще имать некое сомнение, и негли того ради обрящу в нему присвоение. Зрю бо ѝ ужасна а. 126 об.
и всюду недоумеющася вкупе со всеми своими воины, и мню, яко получю достояние и честь некую от него». И шед ко Лву, поклонися ему. Лев же вопроси его: «Где пребыл еси толикое время?». Исхнилат же рече: «Неотступно приседя царским вратом и надеяся потребен быти в некоей рабо||те приидох. Знаю бо, а. 127
яко многажды в неких вещех потребни бывают и скудоумнии мужие и малии множицею в великих вещех ползуют».

И яко же услыша Лев таковая словеси, рече ко своим: «Благоразумный и словесный мужъ многажды не познавается до беседования его, яко же и огонь сокровенный в кремне, егда в свет изыдет, тогда пламень творит». Разумев же Исхнилат, яко угодно есть || Лву, и рече: «О царю, подобает рабом царевым беседовати царю вся подобная и полезная, и потом вос- а. 127 об.
приимати от него достойную почестъ. Достойт убо владыкам не презирати меньшая, иже под ними. И малый убо не мал, егда в великих ползует. Подобает убо властелину не точию добродетельныя явленно почитати, но и достойныя словесныя мужи, и не точию своими доволну быти, но и чужих присвояти и издаеча при||зывати». Сия и иная многая глаголющу Исхнилату, ужасен а. 128
быв Лев и глагола к предстоящим: «Не подобает властелину презарати разумныя мужы, аще и от дальния части суть, но комуждо достойную часть даяти, аще и негодуют нещии». Видев убо Исхнилат Лвово к себе любезное присвоение, начат беседовати к нему со дерзновением многим и некогда наедине глагола ему: «Что се, царю, яко во || мнозе времени пребываеши неподвижим и не преходя на иное место по своему обычаю?». Восхоте а. 128 об.
убо Лев сомнение свое и страх утайти от него, но приключися внегда беседоваху услышати рыкание Телче, и пристрашен

бысть зело и рече: «Боюся сего велегласнаго зверя, да некогда противу гласа и тело его будет, а противу тела и сила, а сопротиву силы и мудрость; темже, аще тако будет, бежим отсюду». ||

л. 129 Исхнилат, восприм слово, рече: «Не бойся, о царю, излихия главы велегласия сего зверя, праздна бо суть, аще и велми слышатся. Глаголется бо, яко лисица некогда алчущи и пищи ищущи обрете некую вещь, зовому тимпан, на древе висящъ, от колебания же ветра глас испущающъ. Сие видевши и слышащи лисица бояся приблизитися к нему, обаче гладом побеждаема, всею

л. 129 об. силою прискочивши, растерза || его абие и рече: „Оле, како худейшая телеса величайша и велегласна являются“. Таково убо и мы, о царю, ныне страждем такового зверя гласом прелщаеми. Хощеши ли, убо да иду к нему и видею, каков есть, и возвращуся скоро». Посла его Лев, зане угодно явися ему. Оному пошедшу, много раскаявся Лев, глаголя: «Что се сотворих, еже вверих Исхнилату всю свою тайну. Не подобает убо властелину

л. 130 вверяти || своя тайная словеса, ему же несть когда признание сотворил или его же чим обидел, или несуту человеку и лукаву, и прочим таковым. Ибо Исхнилат мудр сый и лукав по всему, яко же от многих слышах и пред враты моими прежде повержен бе, и сего ради не мню, яко верно поработает ми. Или обрет онаго зверя болша мене силою, присвоится к нему и возвестит

л. 130 об. ему вся моя тайная словеса и не||можение мое». И таковая помышляюще Лву, явися един Исхнилат грядый. И радостен быв Лев зело, и рече пришедшу Исхнилату: «Что сотворил еси?». Он же рече: «Видех, о царю, велегласнаго онаго зверя, яко Телецъ есть, и приближихся к нему, и беседовах, и никое же повреждение ми бысть от него». Лев же рече: «Да мниши ли, яко немощен есть, зане ничим тебе не повредил есть. И великии бо

л. 131 ветр и бу||ря малая древеса не повреждает, высокая же сломив искореневает». Исхнилат же рече: «Да не мнится тебе, о царю, яко таковое животное сильнейше есть тебе. Аще бо хощеши, ныне представлю его пред тобою, и в послушании и под областью твоею будет». Возрадовася убо Лев о сих, повеле сотворити еже обещаея вскоре. Шед же Исхнилат к Телцу и дерзостне рече ему: «Лев посла мя к тебе привести тя к нему. А||ще

л. 131 об. бо потщишися поити к нему, простыню получиши, зане доселе укоснел еси срести его, яко же и вси. Аще ли не ускориши, скажу ему яже о тебе, да како последи расквесиши». Телецъ же рече: «Кто есть Лев, пославый тя ко мне и где пребывает?». Исхнилат же рече: «Царь есть зверем и на сем месте пребывает. Иди убо скоро и последуй ми, аз же доведу и представлю ему

л. 132 тя». Телецъ же, убояся словес его, последова ему до Лва. || Лев же, видев Телца, возлюбил его и усердно прият его, и вопрошаше его о всем. Он же возвести ему вся яже о себе. Потом обещаея ему Лев во всем благотворити и возложи на него всяку область, и паче всех возлюбил и почте его. Видев же Исхнилат сие и по-

завидев чести его и, не могый терпети, завистию одержим, объяви сие некоему другу своему, глаголя: «Не дивилися ли сему, еже содеях на себе, || полезная бо Лвови сотвори, а себе чести и приближения лиших. Приведох ему Телца, он же паче мене возлюбил его и изящнее мене сотвори и почте его». Той же рече ему: «И что хощещи сотворити?». Он же рече: «Хощу паки в первое достояние дойти и настати, и не обретаю пути инаго подобна сему, токмо Телца убить. Се бо, яко же мною и от добре смыслящих, мне полезно есть, обаче же и Лвови». Той же || рече: «И како возможещи повредить Лва, не веде тебе никое злое пребывающее, не радив о Телчем к нему присвоении». Исхнилат же рече: «Вестъ Лев, его же возлюби, а о прочих не радит». Той же паки рече: «Престани, како бо возможещи повредить Лва, много суща от тебе сильнейша и мнози други имуща и послушники». Исхнилат же рече: «Не взирай на мое немощие и смирение, не бывает бо победа силою и мощию, но мудростию и || разумом и добрым советом велеумных мужей. Мнози бо и от сильных немощными победишася. Яко же вран велика змия повлушав добраго совета друга своего, кроме труда победив избавися от него. И яко же жаравль лукавствовав, мнози рыбы погуби, последи сам от ежа смертно удушен бысть, погибе. Дерзаю убо и верую многим вещем, еже тако быти. Иногда бо и заяц лва низложил есть». Потом той же || друг и советник рече ему: «Аще разумеши, яко неприятен есть Лву Телец и можещи погубить его, то начни делом, ибо и аз, и инии мнози от нас Телчияго ради присвоения презрени быша. Аще ли не можещи сие сотворити, отстани такового начинания».

Во един убо от дней вниде Исхнилат ко Лву печален сый и скорби исполнен. И вопроси его Лев о скорби и рече: «Еда нечто прилучися ново?». Он же рече: «Прилучися вещь неполезная некая тебе же и || мне. Но беседует кто кому, и аще видит и понимает, яко благоприятна суть словеса его, тогда благоразумнее со усердием беседует ему. Но аще ты, царю, о них же глаголю и слашати не хощещи, последи добре познаеши известную и истинную службу мою и надеюся, яко истинни глаголи мои явят ти ся. Моя бо душа по тебе есть до смерти и нужно ми есть полезная и неудобная не утаити от тебе. Тем же свидетельствую и глаголю истину, яко слышах и уведех || от некоего достоверна свидетеля, яко Телец неким сущим твоим рече и беседова с ними таковая: „Искусил Лва и разумех известно мужество и разум его, и обретох его во всем неполезна“. И от сицевых словес познавай, царю, безстудие его, яко толико возлюбив, превознес еси его паче всех, и равночестна того себе сотворил еси. Он же не токмо тая глаголет о тебе, но и на убийство твое готовится и непрестанно сему поучается, и помышляет власть || и богатство твое похитити. Подобаеши убо такового исправляти, в смертную его язву вложить, донде же хотения своего не со-

вершит, и сему бывшу вси в тишине пребудем. Лучше бо есть не впадшу в злая или впадшу не лениться, нежели в беде сущу не промыслиати о своем избавлении и погибнути. И се есть подобно некоторым трем рыбам». Лев же рече: «Помню и разумею притчу сию, но мнится ми, яко несть лести в Телце никоея же и никое же зло || пострадал есть от мене». Исхнилат же рече: «Зане несть ему зла от тебе, того ради на тя толикаго лукавства поучился есть. Яко толико возлюбив вознесл еси его, яко ни на един степень взирати ему, точию на твое достоинство. И се разумевай, царю, яко не приемляй от своих приятель слова приятельскаго подобен есть болному, иже полезная былия врачебная горчины ради отвращающу и не хотящу пити». Лев же рече:

л. 136 об. «Благоумне глаголеши. Но аще и свирепа || вменим быти Телца, аще и враг ми будет, но не возможет повредить мя, траву бо яст, а не мясо». Исхнилат же рече: «Да не прелщаешия таковым помыслом. Глаголется бо, яко аще кто тя учредит, не вверяй ему своя тайны, дондеже видиши веру его и друголюбие, да не подобно постраждеши, еже пострада корида». Лев же таковым словесем веровав, рече: «И что убо о сих подобает творити, глаголи ми». Исхнилат же рече: «Гнилый || зуб инако не исцелится, аще не извечется, и злый яд блеванием прогонится». Лев же рече: «Отселе реку ему, да идет, амо же хошет, и тако избавлюся поношения и печали, ничто же зла воздав ему противу службы его, еже ко мне». Исхнилат же ведый сие, яко аще побеседует Телец со Лвом, уразумеется лесь его, того ради рече ко Лву:

л. 137 об. «Мнится ми, яко не полезно есть тако быти. Аще убо ра||зумеет Телец, яко ненавижим тобою, на противление и на брань уготовится. Мудрии бо царие яве мучат согрешающаго яве, тайно же мучат тайно согрешающаго». Лев же рече: «Егда царь по клевете нанесет кому муку, а не истинною и судом, себе паче бесчестит зело и срам велий и ненависть от людей будет ему». Исхнилат же рече: «Егда придет к тебе Телец, готов буди и

л. 138 «разсмотриай. Первые || ибо по очию его разумеши, яко злосоветник есть, узриши бо изменение лица его и трепетание удов его, а на десно и налево колебающася и рогама зело машуща, аки бости хотяща, и тогда веруеши истинным быти глаголом моим». Лев же рече: «Аще таковая знамения вижду на нем, тога верую глаголом твоим». Восхоте же Исхнилат ити тайно

л. 138 об. к Телцу и воздвигнути его на Лва, но помысли, яко || аще без повеления Лвова беседует с Телцем, и услышав Лев таковая, уразумеет лесь его, того ради глагола ко Лву: «Аще повелиши ми, о царю, пойду к Телцу и вижду^а его, совесть бо его не утаится от мене, от беседы бо его имам разумети». И повеле ему Лев поити.

^а Испр.; в ркп. вежду, сверху приписано другим почерком и,

И шед Исхнилат к Телцу, и вниде к нему дряхл и скорбен. Телец же с радостью прием его и вопроси его, глаголя: «Что бысть вина, еже толико время || не проходит к нам?». Исхнилат же рече: «Кое добро есть, еже не владети собою, но ходити вслед господина не истинна и не тверда в вере». Телец же рече: «Еда прилучися вещь некая новая». Исхнилат же рече: «И кто может от сеча на войне убежати, или кто влаstem работая или приступая без вреда будет? Подобни суть властвующие блудным, иже многим примешаются. Но веси дружбу и любовь нашу, юже имехом посреде нас. И како бых аз || повинен к тебе, зане ты ко Лву приведох, того ради нужду имам благоразумне беседовати к тебе. Рече бо мне некто от верных ми истинных, яко Лев беседа ко своим ему, яко хошу Телца снести, зане одевеле и отолсте. И се слышав, приидох сказати тебе совет его, яко да промыслиши о себе». Яко убо слышав Телец таковая словеса и разуме вся, и помысли на мнозе, и рече: «Что сотворих зло Лву и боляром его, || яко таковая мыслят о мне? Но мню, яко некто позавиде присвоению моему ко Лву и нечто ложно изрекоша на мя, лукавии бо и завистливи чловецы никогда убо добра и о добрых не беседуют». Исхнилат же рече: «Несть ти ни от кого зла, токмо от Лва, всегда бо той есть нелюбовен и нетверд в вере и неразумив, первие сладок, а потом горек». Телец же рече: «Добре рекл еси, вкусих бо сладости его первие и доспех ныне до горкаго яда, || пострадах бо ныне, яко пчелы, сядящи на нимфеов цвет, и яко мухи, входящи во уши елэфантовы, удушени бывають». Исхнилат же рече: «Остави многая иная и нынешняя смотрай и избирай совет, да избавишися от смерти». Телец же рече: «Вем аз, яко же волк и лисица и гавран сотвориша велбуду, боюся, да не и аз тая же постражду от слуг Лвовых. Аще бо и Лев погубити мя не хочет, но свои ему поучат его на таковое дело, || капля бо часто каплющая изваяет камень, тем же уготовлюся на противление его». Исхнилат же рече: «Не подобает никому же о своем спасении не радети, но прежде хитростию и потом в брань уготовитися. Мудрый бо муж не покоряется, донде же низложит врага своего. Послушай убо мене, полезная ти советующа, иже бо полезная от друга своего не приемляй словеса постраждет, яко же и желва, тако збудется тому, иже не совершает обещаннаго хранити». || Телец же рече: «Да како безстыдно начну о Лвоу погибели?». Исхнилат же рече: «Аще видиши на Лве знамения таковая, веруй моим словесем; сиречь очи дивии и кровавы и устремление неудержанно и колебание часто опаши его, тогда разумеи, яко на ты готовится. А что ти глаголю о таковых делех, то и тебе надобно ведати и чтоб не вон износилось из тебе ко иным таковыя глаголы наши, но да и тебе будет крепко || и мне добро и тебе глаголати впредь».

Се же им беседующим между себе, таже вниде Телец ко Лву и виде его образом изменена и знамения вся виде на нем, яко же рече ему Исхнилат. И наполнився ярости Телец, и рече: «Лучше есть во гнезде змиеве жити, нежели у властелина неблагосердна». А сие рек, на противление Лву ста. Видев же Лев таковая знамения на Телце, яже рече ему прежде Исхнилат, приплетется || с ним на брань. И убив Лев тако Телца по смущению Исхнилатову.

Бяше же ту друг Исхнилатов, и призвав его к себе, и рече ему: «Виждь лестви и злобу, юже сшил еси, и кончину смотри. Лва⁶ бо посрамил еси, Телца же погубил еси напрасно и единомыслие нашея дружбы разрушил еси. Не веси ли, яко мудрый советник не оставляет царя на брань устремлятися, аще где

миром мощно упокоению быти, паче же уставити вражду, || аще и врази немошни суть, мудрость бо паче брани многосильная побеждает. Аз же отнеле видех твою гордость и лукавство и разумно познах, яко не имаши добра сотворити никому же. Ничто же бо ино погубляет владелца, точию еже послушати и приимати словеса от таковых, яков же еси ты, и таковой уподобися силигиню чисту, внутрь же согнившу, и егда преломит и кто, тогда явится нечистота его, яко же еси ты. Украшаются || бо словеса разумом, а разум правдою, правда же тихостию. И ты убо никому же восхотел еси присвоитися у Лва, но царство со множеством людей составляется, безумно бо есть, еже временно кого любити и радоватися погибели дружней, а себе ползы искати. Совета не блага ничто же пакостнейше и еще же к сим вем, яко, зане ти таковая глаголю, тяжек являюся. Рече бо премудрый: не обличай безумна, да не возненавидит тебе, но блюди, да не || постраждежи, яко же лукавый пифик. Прелстив препростаго, всегда бо такова лукавому и лстивому человеку бывает кончина. Аз бо всегда твоего языка бояхся, яко же зуб змиевых. Добре бо рече некто: бегай лукава мужа, аще и сродник ти ближний есть. Подобно бо ты ныне сотворил еси оному купцу, у него же положи другий в залог железо за сто сребреник. Тако и ты посрамиши, зане всегда ложная словеса плетеши, но злыи от таковых || словес ничто же приобретает, точию да всегда зовется зол. Горкий бо плод аще и множицею помажется медом, но не прелагает своя горчины в сладость. Похвално бо есть всякому человеку, еже с мудрыми любитися и беседовати с ними, а от лукавых же и лстивых отбегати. Яко же бо ветер вземлет смрад и носит повсюду и посмражает всех, тако же и с лукавым человеком кто беседуй, посмражается от речей его. Тем же и еще мнит ми ся, яко || тяжек ти являюся, зане ты тако наказую, ибо злии ненавидят безлюбивых

⁶ Испр.; в ркп. лво.

и от развращенных блазии удобь погибают, аще и всю мудрость мирскую кто свесть».

Сия же тако им беседующим между себе. Слышав же сия между ими которания Лев и раскаявся о убии Телца. Исхнилат же шед ко Лву и виде его дряхла суца, и рече ему: «О царю, почто раскаялся еси о убии Телца. Не веси ли, яко гнилый перст аще смердит неким сме||ртоносием и того ради напрасно отсекается, да не все тело от него обимется струпом и погибнет, и кто убо пощадит единого перста за все тело свое». Слышав же се Лев от Исхнилата и утешився, верова лстивым словесем его. Тако убо злый и лукавый человек аще себе примесит посреде друзей, имеющих любовь и дружбу, во вражду и мятеж претворяет любовь их, яко же сотвори некогда некая старая баба. ||

л. 145 об.

Глаголется бо, яко некая баба стара иде путем своим, обрете юношу сеща зело прискорбна и держаща в руках мех сребра. Вопросы же его она: «Чесо ради прискорбен седиши, о юноше?». Он же рече: «Сотвори мне оный человек, имя рек ему, много зла. Аз же за то хотел бых ему воздати и не домышляю чим. И хотел бых поне вражду сотворити между им и женою его, но и того не могу сотворити. И аще бы кто мог се || сотворити, все сие сребро вдал бых». Видевши же баба сребро, возжела его и глагола юноши тому: «Аз могу се сотворити не в долзе времени, но не солги ми отдати сребро сие». Юноша же клялся ей, да приидет по совершении того на оно же и примет от него сребро оно. Потом шедши жена она в дом человека того и познася с ним и со женою его, и вверися им зело. И помалу нача жене шептати во уши, глаголя: «Веси||ли, яко мужь твой не истинную, но лицемерную и притворную любовь имеет к тебе. Аз бо видех деву некую, приходящу к нему на скверное дело, он же даде мзду, одежду некую». И шедши, сама купи некую одежду по повелению некоего соседа того человека, живущаго близ его, сущей у него дщери. Та же некогда пришедши к мужю, рече ему: «Вчерашняго дне аз бех у службы божия и видех жену твою совещавшуся с неким || клириком на скверное дело и место назнаменовавшим, в не же хотят соитися». Прилучися же оной жене видети реченную девицу и ризу на ней узрети, юже рече оная баба, яко мужь ея даде ей, и велми о том опечалися. Баба же, видевши ю печалну суцу, рече мужю ея: «Виждь, яко жена твоя печаль имать о клирике оном, увеси же сие, егда сядеши вечеряти с нею». Егда же седоша вечеряти, жена она помяну ону девицу, ей же даде мужь ея одежду, впаде наипаче в печаль || и седяше за трапезою ничто же вкусивши. Видев же мужь ея, помысли истинну быти реченное о клирике, и того ради жена его печална и вкусити ничто же хошет. И оттоле бысть между ими друг о друге зазор и сомнение и вражда, и к другу к другу ненависть и неверие в любви. И тако им пребывающим неколико времеи и друг на друга гневающимся. Посем пришедши оная баба глагола жене: «Вижду мужа твоего

л. 146

л. 146 об.

л. 147

л. 147 об.

л. 148

- л. 148 об. всегда гневающаяся на тя || и не могу прочее терпети печали и слез твоих видети, но аще послушаеши мене, то аз могу ти се сотворити, да будете паки жити в том же прежнем благосоветии. Зная бо аз такого человека, который может сие сотворити, и некогда, жалея вас, спросих его о сем. Он же мне сказа, дабы могла у мужа своего своими руками тайно браны его устриши^в ножом и оныя
- л. 149 власы в пищи да подаси мужю своему. || И егда сие сотвориши, будет оную блудницу имети в ненависти, тебя ж зело любити будет». Жена же желающи, дабы мужь ея имел к ней совершенную любовь, положи во уме своем, еже то делом сотворити и искаше подобна времени к тому, яко да на ложу егда уснет мужь ея, тогда отай хотяше сотворити. Она же баба прииде тайно к мужю ея, глаголющи ему: «Сохрани себе, о добрый мужю, от жены своя, да не смертно что от нея || постраждеши. Достоверно и известно вем, яко жена твоя согласилася со онем клириком и хочет тя убить. И аще не имеши мне веры, то сея ноши, аще будеши имети себя во осторожности, познаеши, яко истину глаголю ти». Егда же наста ночь и возлегоша на одре своем по обычаю, жена же взявши нож с собою тайно, помышляючи да уснувшу мужю ея урежет власов браны его. Мужь лестно сотворися вскоре
- л. 150 уснути || крепким сном и яко спаше и храпляше. Жена же, не разумеючи лсти тоя и мнящи, яко воистину спит муж ея, взявши в руку нож, другую же рукою приемши за брану мужа своего и хотящи резати власы браны его. Мужь же, внезапно аки от сна пробужден, напрасно ухвати руку ея, в ней же держаше нож, и начат вопити велиим гласом: «О горе мне окаянному от губительницы сея жены моя, како мя хочет напрасно предати ||
- л. 150 об. горкой смерти». И абие возбудились домашнии, и принесоша свещи, и стекошася соседи и призвани быша сродники, и бысть молва и смущение немало и ропот, и кричание велие. Мужь на жену ярости исполнился, хотяше судиям предати ю, да истязана будет и да скажет истинну всю, кое ради вины умыслила сотворити таковое богопротивное и незаконное дело. Сродником же и
- л. 151 соседом сопротивляющимся ему и не дающим || сего сотворити. Жена же стояше плачущися горки и рыдаючи, не ведущи, что сотворити и чим избавитися от напасти тоя. И егда по многом роптании и кричании и молве известившися о первом непорочном и честном и беззасорном своем житии, вспомянуша оную бабу, часто приходящую в дом ея, и вся ея советы и глаголения к ним в разум приемше, разумеюще лость быти и лукавство. И по-
- л. 151 об. искавши, не обрето||ша ю в дому своем. Видевши она же баба окаянная такую молву и смущение, абие тече скоро на оно место, на нем же виде юношу сидяща и сребра мешец держаща, восхоте ему возвестити вся бывшая и мзду обещанную взяти за то. И пришедши на место, абие явися ей юноша той, яко же и прежде, и

^в В ркп. испр. на полях резати.

начат благодарити и хвалити ю, глаголя: «Воистинну превзошла еси ты в злобе и лукавстве и наше бесовское существо. Аз бо ||
 аще и бес есмь по естеству своему и всякого лукавства исполнен, а. 152
 аще и многое попечение имех и тридесять лет уже имам, на всяк
 день смущах и прелщах всяким образом, да вложу в гнев мужа
 того сего или во огорчение жену его, и не возмогох сего сотворити.
 Ты же не во многи дни сие все сотворити возмогла еси. Во-
 истинну много в лукавстве превосходиши нашу вещь и более не
 подобает || тебе прочее на земли со человеки^г жити». И абие а. 152 об.
 восхитив напрасно, и сведе ю в преисподняя адъская сокровища
 восприяти достойную мзду противу лукавства ея и лстиваго языка.

Видиши, колико может лукаваго человека лстивый язык и
 лукавая словеса и яко лукавый человек превосходит в злобе самыя
 лукавыя бесы. Добре пророк к богу моляся вопиет, глаголя:
 «Изми мя, господи, от человека лукава и от мужа неправедна
 избави мя». || И премудрый глаголет: ^а человек законопреступен а. 153
 искушает други и наводит их на пути неблагии. И паки: человек
 строптив распаляет зло и зарю лестну вознещает има и раз-
 лучает други. И паки: ин: ^б человек яр разжизает свар и муж
 грешник возмает други и посреде мирных вложит клевету. Тем же
 и наводит, глаголя: шепотника и двоязычника подобает кляти,
 многи бо мирны суща погу||би, язык третии многи потрясал и а. 153 об.
 разлучи я от языка во языки и грады тверды разори, и домы
 велможам разврати, язык третии и жены добря изгна и лиши я от
 трудов их. Послушай его не имать обрести покоя, не имать усе-
 литися без молвы, язва бичная струпы творит, язва же язычная
 сокрушает кости. Мнози падоша острием меча, но не яко падшии
 языком. Блажен, иже укрывается от него, иже никогда же || придет а. 154
 в ярости его и иже не возвлек ига его и узами его не связан бысть.
 Иго бо его иго железно, и узы его узы медяны, и смерть его
 смерть люта, и паче лучше есть ад не обладает благоверными и
 в пламени его не згорят. Оставльшии господа впадутся в онь и на
 них возгорится и не угаснет. Послана будет на ня, яко лев и яко
 пардус погубит я. Виджь и огради стяжание свое тернием, сребро
 свое и злато свое стяжи || и словесем своим сотвори иго и меру, а. 154 об.
 и устом своим сотвори дверь и завору. Внимай: егда како по-
 ползнешиси им, не падися прямо ловящему. Дивитися же подо-
 бает и пророку молящуся, како бо не помолися избавитися от бе-
 сов или лвов, но от человека лукава, являя убо, яко горшее че-
 ловечеы суть лукавыя бесов и лвов. Изми мя, господи, от человека
 лукава, не от зверя, зверие бо яве злобу свою показывают, чело-
 вецы же лукавыя крывают || лукавство свое во образе кротости. а. 155
 Яко же змия Евву токмо прелсти, Каин же Авеля брата своего

^г В ркп. первоначально было человети, затем испр. на левом поле.

^а В ркп. на полях глосса к этому месту прит. 16. ^б В ркп. на полях глосса к этому месту Сир. 28.

не прелсти извед на поле, но и уби его ту. Дающии лстивая чародейства многажды медом помазывают чашю, горестъ со сладостию смещающе. Тако и лукавыя человецы сласть словес во устех носят, горести же образы в сердцы держат, на языцех мед носят, а в разуме леть куют, иныя из внутрь являющесе, а ины внутрь потаяющесе. Изми мя, господи, от человека лукава, не от бесов, беси бо крестным знаменем прогоними бывают, человек же лукавый самому богу противится. Павел бо бесы словом изгоняше. Александра же Ковача злобы победити не можаше, тем же и глаголаше: Александр Ковачъ многа ми зла сотвори. Изми мя, господи, от человека лукава, таковой бо лсти плетет, лицемерству

л. 155 об. а в разуме леть куют, иныя из внутрь являющесе, а ины внутрь потаяющесе. Изми мя, господи, от человека лукава, не от бесов, беси бо крестным знаменем прогоними бывают, человек же лукавый самому богу противится. Павел бо бесы словом изгоняше. Александра же Ковача злобы победити не можаше, тем же и глаголаше: Александр Ковачъ многа ми зла сотвори. Изми мя, господи, от человека лукава, таковой бо лсти плетет, лицемерству

л. 156 поучается, зависть в сердцы кует. || Изми мя, господи, от человека лукава и от мужа неправедна избави мя. Не просто же молим усты точию бога,* но и дела благими достойне уготовимся на услышание молитвы, тако бо молящимся нам богу услышани будем и не точию измет и избавит ны господь от человека лукава и от мужа неправедна, но и от невидимых враг наших избавит и со благими земными сподобит вечных его благих. Изряднее же

л. 156 об. а любовь друг ко || другу нелестну, но истинну сохраним и свое приобретение ближняго преспеяние бываемо помыслим и всем подражаем бога по силе человецы, бог бо любви есть и именуется, ему же слава и держава, отцу и сыну и святому духу. Аминь. ||

л. 157 Притча о вране и о змии и яко удобнее
мудростию враги побеждати

Глаголется бо, яко вран некий вогнездяшеся в некоем древе в горе и от некоего змия на всяко время обидим пребываше и птенца его снedaше. И яко убо множицею таковое змий творяше, и шед вран к некоему другу своему зверю и рече ему: «Хошу тебе советника себе имети, не веси ли бо ныне каковая стражду от змия некоего, и мнит ми ся полезно быти тому, яко некогда змий уснет, мне же бы приблизитися к нему и очи ему извертети, и тако ему против спона сотворити». Зверь же рече ко врану: «Не добре сие тако совето||вал еси, но промысли хитрость ину, ею же оного погубиши, а сам же ты невередим пребудеши, да не подобно постражеши, такоже, яко же жаравль некий».

л. 157 об. а

Притча о жаравле и о еже и рыбах,
и яко малии хитростию великих бед избывають

Глаголет бо ся, яко жаравль некий при некоем блате пребывавая, бе же то блато зело исполнено рыб всяких, он же от них питаяся. Егда же жаравль той состаре и на лов не возможе подвизатися и гладом одержим бысть по многи дни, и стужи си о том велми, и поиде в некую гору. И походя по горе мало, и об-

* В ркп. это слово стоит в прямых скобках.

Притча о лве и зайце
и яко хитрость не токмо себе полезна,
но и другим

Глаголет бо ся, яко лев некий обитоваше на некоем поле, иже бе поле то велми изобилно, травоносно и водно, и звери в нем мнози и различни живуще. Лев же от тех зверей на поле насыщаяся довольно изобилием, зверие же тии живущии ту вси страхом ужасаеми ото лва, и собрашася вси во едино место и совет ||
л. 160 об. сотвориша между собою, и реша к себе, яко: «Да идем вси вкупе ко лву и рцем ему: „О царю Лве, помилуй ны, мы бо тебе трудов избавим и болезней, себе же бес печали сотворим, ты убо со многим трудом и потом единого от нас ловиши на кийждо день, мы же паки боящеся твоего ловления трепетни вси пребываем, но достоин убо нам, яко да на всякий день украшаем твою трапезу кроме трудов твоих приводом ти коегождо от нас“». Се же слышав от них лев, и угоден ему явися совет их, и повеле им тако творити, яко же обещашася ему. И тако зверие проводиша дни мно-
л. 161 гия, жребии творяще друг другу, и на коегождо || их жребий будет, посылаху его ко лву на пищу. И яко убо жребий доиде до зайца, рече же заец к ловцом и прочим зверем: «Послушайте мене, о ловцы, избавлю вас всех от тяготы сея, иже страждем ото лва сего». Они же реша ему: «Что хоцещи, сотвори». Он же рече: «Рцете ведущему мя нескоро вести ко лву. Еда же близ будем у лва, да скрываются ведущии мя в сокровенно место, аз да отвечаю един лву». Они же тако сотвориша, еже им заец сказа. И шед заец медленным хождением к нему, яко же бы лву разъяритися голодом, и се заец един явися ко лву и глагола ему лев: «Почто доселе укоснел еси, а не яко же и прочии скоро ко мне приходяху?». Заец же || рече: «Друга своего зайца влекох к тебе и некий лев на пути срет мя и похити его. Аз же много ему пригласих и засвидетельствоваху яко лвово есть, а не послуша мя, не отпусти зайца к тебе. Аще хоцещи, ведую тя к нему и еже хоцещи, то и сотвори лву тому». Лев же разъярися рече зацу: «Последую ти, где есть пойдем». И поведе его заец в некий кладязь глубок зело, в нем же вода пресветлая, и сотвори его приникнути в кладязь, а заец с ним же приниче и рече ему: «Видиши ли лва, иже похити твоего зайца? Сей же заец твой у него есть». И показав ему свою заечью в воду и || лвову его. Се же видев лев образ свой
л. 162 и заечей в воде и || мнев, яко суще так есть, и ввержеся во кладязь. И тако утопе и скончася.

Притча о трех рыбах и яко нерадящии
и невнимающии себе абие погибают

Глаголет бо ся, яко в некоем блатце близ реки суще пребываху ту три рыбы. От них же едина баше мудра зело, другая же мало-мудра, третья же никакко имыи никоея мудрости. Прилучи же ся

в некий день мимо то блатцо итти двум рыбарем и совещастан
 друг ко другу, яко да егда возвратятся и уловят рыбы оне³ во
 блате. Мудрая же убо рыба, егда услышав от рыбарей таковое
 слово, и избежа из блата и преиде в реку. Прочии же две рыбы
 не радяще о своем спасении, || оставше в блате. Рыбарие же при- л. 162 об.
 шедше, заградивше блато от реки со утверждением. Се же видевши
 средоумная рыба и раскаяся, како небреже избежа из блата, и
 рече к себе: «Такова есть нерадящих кончина, которая убо есть
 ныне хитрость моему спасению, но аще ныне и пойду, всеу пот-
 щуся, обаче елико ми есть тебе мощно, да хитростию си полезная
 сотворю». Тако же сотвори себе, яко мертву, и та мертвая носима
 бе по воде вверх чревом, ей же рыбари веру емше, и изимаша ю
 своими руками, и положи ся меж блата и реки на земли, сами же
 паки на лов устремишася. И абие вскочи средоумная рыба она от
 земли и вержеся в реку, и тако спасена || бысть от сети ловя- л. 163
 щих ю. Третья же безумная рыба, не имея нимало мудрости, много
 бегавши по блату семо и овамо, и не успе си ничто же и нужно
 уловлена бысть от ловцов.

Притча о кориде и о блохе
 и яко тихо и разсмотрительно
 вещи свои управляющии предъупреждают,
 "не тако же лишают"

Корида бо некая в теле некоего велможи бысть и в мало время
 крышеся некако и пиющи кровь из него и тихо ползающи неви-
 дима баше. И во едину от ношей прииде гостя к ней блоха, яже
 напрасно без разума уязви зело спящаго мужа оного велможу и
 пробуди его, и вскоре воста с постели своя муж той и разыскав,
 обрете кориду и уби ю напрасно, || блоха же скоро отскочи и из- л. 163 об.
 бавлена бысть и неврежена.

Притча о лве и волке, лисице и гавране
 и велбуде и о зависти врагов

Глаголет бо ся, яко лев некий пребываше в некоем месте,
 иде же путь некий есть близ жилища его. Бухя же тамо три жи-
 вотна, любяще друг друга велми зело: волк, и лисица, и гавран.
 Некия же купцы мимо шедше путем места оного, оставиша на
 пути велбуда, а сами отъидоша. Велбуд же пришед ко лву, сказа
 ему яже о себе. Лев же рече ему: «Аще любиши со мною быти,
 не отпущаю тя от себе, но пребуди убо со мною в беспечалии во
 вся дни живота своего, покоя и пищи со мною наслажаяся». ||
 И пребысть со лвом велбуд немало время, и во един от дний изыде л. 164

³ В ркп. *испр. на полях на оны.* ^{н-н} В ркп. *край надписи обрзан при переплете, сохранились только буквы: не та... , же л... , шаю...*

лев на лов и сретеса с елефантом,^к и сразишася побежен бысть лев и едва возвратися ранен и оструplen и окровавлен и лежа, болезнию зело велми отягчен, ниже ловити могил что на пищу себе, но ни поити не можаше, и оскуде ему пища. Околнии же его не имяху что ясти. Поразмысли же о сем лев и рече им, яко: «Мнит ми ся о вас, бежати хочете отсюду». И рекоша ему: «Мы о себе ныне орудия не имамы, всяко убо нужную пищу приобретаем, но о тебе скорбим, аще како быхом возмогли ти обрести ползу некую, то со усердием содеяли быхом». Он же рече к ним: «Не утаит ми ся ваше усердие, разыдите ми ся || убо отсюду, да обрящете пищу себе же и мне». Они же отшедше мало негде и совещаща друг ко другу, глаголюще: «Что нам обещно с велбудом сим травоядцем и инородным, но аще ны есть тогове сотворим лву снести его». Лисица же рече: «Не мощно нам есть сего сотворити и изрещи о сем лву яве, имат бо лев обещание к нему». Гавран же рече: «Пребудите zde на месте сем и оставите мя ко лву итти одинаго». И тако поиде. И яко видев его лев идуща к себе, и рече к нему: «Что пришел еси? или еда нечто ново прилучися?». Он же рече: «Како хочет нам добро быти со иноплеменным сим велбудом, но аще хочещи, послушай нас». Лев же ни слышати хотя, прогневався || рече: «Оле дерзости и свирепства! Не веси ли, яко обещание имам с велбудом и согласия любезна. Не подобает бо ти таковыя беседы глаголати ко мне, не мощно ми есть сего сотворити. От писания бо навыков: не скор буди в суд и во ответ осужения. Соломану бо глаголющу: не скор буди во словесех. Апостол же рече: не прежде времени судите. Аз готов есмь тебе и всякому дати ответ моего усердия. Приложим двери усердия к слухом во благо время отверзати божиим глаголом и без года затворяти ко влекущим вредным песнем. Управим око, да не испадем напрасно в похоть». Гавран же рече: «Добре судил еси, о царю, но едина душа за весь дом предается и дом весь о граде, || и град о стране всей, и страна вся о царе. Мы убо ныне скорбим о тебе лишения ради брашен и тщимся всяко, да быхом ти обрели ползу и избыли быхом поношения». И сия рек гавран возвратися ко своей дружине и сказа им вся, елика слыша ото лва и елико ко лву беседова. Они же слышав сие ото лва и смысливше такову вещь, яко да вси вкупе с велбудом приступят ко лву и комуждо обещати себе дати лвови во снадение, и егда един речет о себе обещание, похваляя себе, тогда другии да отвещает похуляя, глаголя, яко: «не си ты на пищу потребен», дондеже слово и до велбуда доидет. Се же умысливше и придоша ко лву, имуще а. 166 с собою и велбуда. || И первые убо гавран рече: «Зрю тя, о царю, немощию зело отягчена и несытием посрамлена. Многа же быша благодеяния твоя на мне, но не имам ти что противу воздати, точию себе сын, но бес помышления снеждь мя». Инии же реша:

^к Испр.; в ркп. елефантовом.

«Престани блядети, мал бо еси телом и худ». Лисица же рече: «Аз бо, царю, доволна ти пища буду днесъ». Волк же рече: «Престани убо ты, смрадно бо есть твое тело и на пищу не потребно. Паче же аз на пищу цареви угоден есмь и готов». Гавран же и лисица вкупе отвещеваху: «Аще кто будет и песия мяса вкусил, таковый и твоя может вкусити, аще и вкусит, то в недуг чревный впасти имать». Мняше же и велбуд, яко и о нем то же возглаголют, || и рече велбуд: «Аще и вси не потребни суть, но аз плоти а. 166 об. много имам и на пищу сладок есть цареви лву». Они же вси вкупе отрекоша: «Истину рекл еси, о велбуде». И нападше на него, и разтергоша ѿ напрасно.

Притча о дву норцах и о желве
и яко обещания своего не сохраняющии погибают

Глаголет бо ся, яко в некоем источнище пребываху два норца и желва с ними и любяху друг друга зело. Некогда же по мнозех днех оскуде вода от источника и живши си норцы и восхотеша бежати от места оного. И рече им желва: «Вам убо печали несть о оскудении воды, вем бо, яко летающе крылы || своими обрести а. 167 имате воду. Но мне, окайней, горе, зане не вем, где заполсти ми, но молюся убо вам, да возьмите и мене с собою и пренесите амо же хотите». Норцы же рекоша к ней: «Аще не прежде обещаешься нам, яко да не проглаголеши, дондеже пренесем тя, то имаши поити с нами». Она же клятвою обещася има, яко не проглаголати ей на пути, дондеже несут ю. Они же вземше древо прямо и повелеша ей ухапитися за древо в половине меж их. И егда желва ухапится посреди древа, норцы же за край того же древа емше и воздвигоша на воздух с собою желву. Случи же ся неким человеком путем онем мимо итти, возревше же горѣ и видеша желву посреди норцов || висящу, удивившася, глаголюще между собою: а. 167 об. «Видите чюдо и знамение, желва убо посреди двою норцу на воздухе летит». Желва же, слышавши се, отверзе уста своя проглаголати противу беседе их, и яко отверзе уста своя, и тако паде на землю и сокрушися. Тако бо збывается таковым, иже кто не совершает обещания своего.

Притча о дву пифицех
и яко свидетельствующй ложно погибает

Глаголет бо ся, яко два пифицы некотории в некоей горе пребываху в зимно время и при студеной. Един же бе прост, а другой лукав зело, иместа || между себе дружбу превелию. И во а. 168 един же от дний ходящим им по полю вкупе и прилучися им обрести на некоем месте сокровище злато. И вынемше его оттуду и скрыша в землю в ѡное место, и совещаша си между себе: егда нам требе будет колико возможно, толико возьмем от злата, а про-

чье в земли оставим на сохранение, и егда требуем, тогда взимаем по малу, дондеже и все изнурим. И сим убо образом на долго время дружба их пребысть. И един же убо лукав сый, а другой препрост, и верова же препростый он лукаваго совету. И скрыша злато оно под дубом неким || велим и погребше, возвратишася во своя си. По днех же неких изыде отай лукавый препростаго и прекраде злато все. И по времени некоем рече препростый к лукавому: «Идем и аще ны годе есть, возьмем часть некую от злата, еже в земли имамы». И шедше оба и раскопавше землю и ничто же обретоша. Начат же убо лукавый власы своя терзати и в перси бити и неутешно вопити на препростаго: «Яко ты сокровенное злато взял еси». Препростый же тмами клятв того утвержая, яко ничто же тако сотворих. Конечнее же к некоему судии того приведе. || Судия же к лукавому рече: «Аще на друга своего тако оклеветаеши, даждь ми поличие ему». Лукавый же рече: «Дуб сам свидетельствует истинну, аще бо и безгласен есть». Судия же слышав се и подивися о реченных. О клятва лукавая и слово блядения безделно сия глаголется еллински емагрия, сиречь гортанное бешение. И шед лукавый ко отцу своему и сказа ему яже о себе и умоли его, да внидет в дуб и да проглаголет из дуба, яко препростый есть взял сокровище. Отец же его рече: «Аз убо сие сотворю, но блюди, да не в своих сетех ят будеши». И в том часе отец его шед и вниде в дуб, бяше бо дуб он дупленат. || Судии же пришедшу и вопросившу дуба. И глас изыде из дуба, яко препростый взял есть сокровище. Се же услышав судия и разумев лукавство, и повеле дуб он запалити огнем. И абие разгореся огонь и възыде дым на крытаго оногo, и напрасно возопи и извлечен бысть от дуплины дуба и леств исповеда, и зело мучен бысть и с сыном своим, и отъяша у них злато. Тако бо повеле судия быти, и возвратиша все злато препростому. Такова убо есть лукаваго и льстиваго человека кончина.

Притча о купце, положшем в залог железо у соседа,
и о лживом запрении ||

Глаголет бо ся, яко купец некий хоте поити на куплю и положи залог у некоего человека железа на сто сребрянник. И егда возвратися от купли и прииде к нему, у него же бяше положил залог, и рече к нему: «Друже, даждь ми железо, еже положих ти залог». Он же рече: «В некоем куте дому моего погребох твое железо и изъядоша его мышеве, и не жалиси потому, понеже здрав пришел еси, но прииди к нам днесь да обедаем вкупе и порадуемся о твоём приходе». Он же послуша шед и обедова у него, и по обеде изыде, хотя поити в дом свой и сrete сына человека того, ему же бе предал железо, и ят его, || отведе в дом свой и скрыв его в кущи, и возвратися сам на торжище, и обрете человека того, вопрошающа всех человек о сыну своем. И той рече к нему:

«Аще сына своего ищещи, аз бо видех его на воздухе носима от орла». Он же возопи всем и рече: «Видесте ли орла человека когда носяща по высоте». Купец же рече: «Истинно видех, иде же мышеве железо ядят, тамо и орли человек восхищают на высоту». Сей же позна бывшее и возврати купцу железо все, елико быше приял от него на соблюдение, а сына своего взял.

Притча о слепом врачѣ,
яко неведением уморяют человеки
и сами такоже постраждут ||

Глаголет бо ся, яко врачъ некий иде в некий град. При- л. 171
лучи же ся дщери властелина града того в недуг впасти. И повеле некий врачъ премудр, но слеп, яко да былием уврачуют болящую ону. И пришед убо странный той врачъ разсудити врачбу о былии оном, еже завеща слепый врачъ, и неведением ино былие неподобно раствори и даст девицы пити. Она же, испивши такового былия, во чреве болезненный недуг зело принимаше паче прежняго и нужно умре. Родителя же ея принудиша и врача того же зелия испити. Он же пив и смертная пострадавше. Слышите и вы вси такожде же и той постражет, иже беседует несправедно и творит лстивно яже и не вестъ. ||

Притча о поношающих чужей наготѣ, л. 171 об.
а своей не видящих

Глаголет бо ся, яко некия две жены с мужем от плена избегши и нази хождаху. Едина же от них некия рубы обретше и свой студ покрываше возвращися и рече к другой: «Не стыдиши ли ся, окаянная, сице бесчинующе и нага ходяща всем человеком на позор». А сама точию малыми рубищи срамоту свою прикрывши. Рече же мужъ он к поношающей оной жене: «Не блюдеши ли, безумная, свою наготу, но на чужую наготу поносиши».

Притча о вожделевших чужих жен
и яко лжесвидетели погибают напрасно ||

Глаголет бо ся, яко некий крагуяр вожделе жену господина л. 172
своего, еже леши с нею. Она же не обращашеся к нему. Прогневав же ся крагуяр и улови в некий день две птицы, именем сою, и научи едину глаголати перским языком, яко видех госпожу свою со вратарем падшуся, а другую научи глаголати, яко не глаголю ничто же. И во един убо от дний прилучися господину его с персы беседовати и слышаша соя, яко господин ея беседует перским языком, и полюбиша их беседу, тако ^а же соя и слово исповедаша

^а Испр.; в ркп. токо.

л. 172 об.

господину своему, яко: «Жена твоя, а моя госпожа, со вратарем падшися». Крагуяр же вне стоя и рече: «И аз свидетельствую, яко тако дело есть оно видех». || Господин же его разъярися и хотя жену свою убити. Она ж яже о крагуяре сказа мужу своему, яко леств на ню сшил есть того ради, яко не послуша его на скверное дело. И глагола жена, яко иные беседы не имут сои, кроме сего блядиваго слова, иже научи их крагуяр. Персяне же вопрошиша сои о иных неких речех, и обретоша их, яко ино ничто же не ведят беседы, точию лукавое оно и ложное слово. Пришед же ко крагуяру госпожа его и рече: «Не боиши ли ся бога, яко на мя таковая жлсвидетельствуеши? Тако ли есть было дело, еже ты изглагола сам и сой научи глаголати?». Он же рече: «Тако есть было дело». И сия рекшу ему напрасно и узна господин его леств в нем, и вскочи скоро и изверте крагуяру очи за жлсвидетельствы его. ||

л. 173

Притча о гавранех и о выплех
и о совете противу врагов и о мудром соведнице
и яко лучше есть мудрому терпети тесноту
у врагов, нежели поношение

л. 173 об.

л. 174

Глаголет бо ся, яко в некоей горе бяше древо некое превелико и высоко зело, на нем же гавране пребываху тысяща их, им же бе старей гавран един. Бяху же близ того места выплеве тысяща же и их, имеяху же и тии единого выпля старейшину себе, имяху же всегда вражду с гавраны. Единою же нощию нападоша выплеве на гавраны и многих от них убиша, другия же раниша. Заутра же гавраном царь собра своя гавраны прочая и собор сотвори, и рече: «Видите ли колико выплеве нам содеяша и како || наше силу победиша, и колицем перия исторгоша? И се есть горшее и укорно нам, еже дерзнути на них и преобидети нас имут и колика есть нам срамота тогда будет? Разсмотрите убо ныне последнее, да не постражем горше первых». Бяху же убо у царя того советник пять. От них же один первый рече: «И ничто же ино спасет нас, точию еже бежати от места своего во ино место и оставити здешнее наше пребывание, зане же не можем противитися сим врагом нашим». Другий же рече: «Не полезно есть тако быти, яко же рекл еси, еже от единой победы смириться и отечество наше оставити и в чужей земли жити и быти, но уготовимся на брань и в мужество о||блещемся, и аще когда врази наши нападут на нас и мы сразимся с ними, и аще победим их, богу благодать воздадим о том, или аще паки победят нас, то по реченному, яко же земля испещренна различными цвѣты, и тако и мы узрим на себе кровавы раны и без срама первый свой совет совершим». Третий же рече: «Не добре, о царю, оба сии глаголют, но подобает нам добре уведати, аще хотят врази наши любитися с нами, и сотворим мирныя почести и дары пошлем к ним, и сего

ради беспечно житие поживем. Присно бо и инии мнози царие пекутся о своей земли златом соблюдают ю, сиречь не пламенем пламень подобает гасити, но водою, тако и врагов || подобает дарми а. 174 об. утولاتи вражду их». Четвертый же рече: «Не добре и ты совет даеши, но лутчи есть в тесноте и в беде жити, нежели толико врагом не противитися и им подложитися, понеже бо мы болши есть их и честнейши. Но аще и дары принесем им, и не доволни бо они будут о сих, но излише нас начнут ратовати, яко же бо малая или великая честь не суть дар во очию безумнаго. Страшливый бо воин устрашается трубы, назнаменующия брань. Глаголет бо ся, яко мудрый который царь прежде брани врагов своих украшает дарми, и, аще ли чрез дар ополчается на него, то не уклоняется к ним, но смирение и терпение имеет с мудростию и на брань || тщится со всяцем оружием. Тако и нам по сему подобает с ними а. 175 творити сопротивление». Пятый же рече: «Не мощно есть противитися, сильнейши бо они суть нас, иже бо кто на бошая сопротивляется, той себе вредит, безумнии бо всегда врагов своих зле^м наричют, а страшливи бо на брань не исходят. Аз же всегда, и ныне и прежде врага боюся, ибо не подобает мудрому мужу враг своих не бояться, аще бо и далече пребывает, во всякой бо вещи ястие и питие и богатество ищется, а в брани ни о чем же мыслит кто, точию о души своей кождо». Царь же рече: «Аще брани не повелеваешь быти, что ино повелеваешь быти?». Он же рече: «Подобает убо, о царю, || от своих ти советник имети разумныя мужа, а. 175 об. понеже убо добрый совет болши есть тмы воин, ибо воспоминает смотренія полезная, яко же бо мудрый муж познавает вражию немощь и силу и мудрым своим советом и начинанием низлагает их. Понеже и ты, царю, советника мя поставил еси себе, и аз хошу ти наедине беседовати, а не пред народом не беседую ти». И поиде царь с холастиком, сиречь со уединенным, особь, и рече ему уединенный: «Сего наш закон не советует, сему нас господь не научил есть, яко не творити с ними брани и дань им даяти, и в повиновении у них быти. Великоумный бо мужь избирает паче славную смерть, нежели без||честно житие. Смотри убо, о царю, а. 176 о сих, яже в мысли своей аз имам и хошу беседовати тебе наедине, елико слышал есмь от древних мужь глаголемая». И сия от него слышав царь, и воста и беседова с ним наедине. И вопросы его, о них же имать к нему беседовати. Он же отвеща и рече: «Начало вражды, яже имамы с выпли, се есть убо, яко некогда собрася весь род птицам и избраху себе выпля царя и поставиша его еже царствовати над ними. И ту же у птиц прилучися гавран некий и рече им: „Почто вы остависте чесные птицы и не постависте от них на царство, но избрасте смрадную сию птицу, яже и душевную доброту погуби и безумна есть, и не мудра, и гневлива, и непоставна, и льстива, || и еще же горшие всех“. Сия же от а. 176 об.

^м В ркп. приписано над строкой другим почерком.

гаврана слышавше весь птичий³ род, и низложиша выплеву власть. И яко низложен бысть выпль и рече к гаврану: „Не вем, о гавране, и не помних, яко бы тебе когда зло нечто сотворих, яко ты таковое воздаяние показал еси на мне. Но познай по сему, аще секирою усечено будет не ис корене, то паки срастается, тако же и по сему язва стрелная исцелевается и заглаживается, когда в тело уязвлена бывает, но язычная стрела не исцелна есть никогда, понеже бо касается посреди сердца самого, ибо огонь погашает вода и язва всякая уврачевается былием врачевным, а злобный⁴ огонь присно животен есть, иже ся || есть всеял посреди нас и вас, о гавране. Дуб бо великий никогда же искореняем и подвижем“. Сия же речь выпль и отъиде, ярости наполнен сый. Гавран же раскаяся и опечалися зело. И оттоле и до ныне пребывает вражда посреди нас». Царь же рече: «Разумех о сих, прочее убо рцы ми о предлагающих, что подобает убо ныне творити нам противу их». Он же отвещав: «Еже о рати не prestaю ти глаголю, ни же повелеваю быти сему, яко не быти брани, но инако никакo не может что успешно быти о сем, токмо хитростию некоею. Понеже бо хитрость может паче успети рати великие и брани. Судих убо аз о сем, яко полезно сему быти, яко да прогневается на мя величество || твое, всем бо зрящым, и повели бити мя немилостивно пред всеми. яко окровавити ми ся от множества ран. Та же и перия моя извлекут и опаш, и да повержен буду близ древа сего. И егда сие на мне будет, и тогда ты отъиди отсюду со всеми своими вкупе, мене же остави лежати zde». И сотвори над ним царь тако, и отъиде оттуду со всеми своими вкупе, дивясь премудрости и многим клюкам и лукавству его. И се нощию тою выплеве к тому древу дошедше и не обретоша же ту никого же, точию того единого убиенного гаврана лежаща, и сказаша о нем царю своему. Он же приблизився к нему и вопроси его: «Откуда еси». Гавран же рече: «Аз есмь онсица». Царь же рече: «Где суть прочии гаврани?». || Гавран же рече: «Не свем, како убо могу в таковых бедах разумети оных тайны». Царь же рече: «Поистинне сый есть первый советник гавраном. Вопросите убо его, коея ради вины таковая лютая пострадал есть». Гавран же рече к нему: «Мое злое советование таковым злым приплете мя. Егда убо побеждени быша от вас гаврани, совет сотвориша и кождо елико их уразуме советоваше. Аз же дерзнух о вас и рекох, яко сильнейшия суть гавран выплеве и благородни, того ради не подобает нам им противитися, но мир искати и дани им дати, и аще примут дары и смирятся с нами, богу слава о том. И слышавше сия гаврани от мене, и восташа || на мя, и мнеша, яко о вашей пользе беседу ю им таковая, и ярости наполнившеся и таковым осуждением мене осудиша и сицевым злым предаша мя, и за то пострадах от них». Сия слышав от гаврана царь выплем и рече к некоему от первых советник своих: «Что подобает о нем творити?». Он же отвеща первый: «Скоро да убиен будет, понеже бо убийство его пособие

нам велие будет и избавим бо ся от лукавства и хитрости его, еже всегда хитрит о нас. Малою бо скважнею пламень входит и потом разыдется и вся растлевет и погубляет, малый бо перст когда от змия ухаплен бывает, то вскоре отсечен бывает, да не все тело вскоре погубится. Яко же и сей нас хочет искусити злехитрием своим. || Глаголет бо ся, яко же бо кто достизает спасения, той прежде о себе не радит, аще и велиа скорби ключится ему понести, вся бо терпит, дондеже желаемое получит. А иже бес труда хочет спасение приобрести, то никакже сего постигнет таковой. Тако и сей гавран убитый, искушая нас скорби на себе подъя лестию, яко же бо волк кожею овчею покрыт есть, а слова и мысли его яко огонь суть поядают зело препростая сущая овца. Вижду бо его, яко огонь горящее древо испепеливает тем же образом и сей нас хочет низложити. Велика бо слову сила не разумеющим прелести». Другий же некто от первых советник царевых рече: «Не подобает того убить, писано бо есть, яко трость || сломленная с корене паки никогда сломляется вторицею, дондеже а. 179 об. положим суд его на земли, паче же праведно есть миловати и щедрити его, зане таковыя пострада беды и заушения таковыя подъя, и подобает убо того хранить, еже бо питати враги своя велиа есть похвала». И повеле убо царь с честию и говением пребывати у себе гаврану. Первый же советник он, иже убить того повелевыи, рече: «Понеже того ныне не убисте, но да будет крепче в сохранении блудом и пребывает у нас яко враг» назираем. Аз бо его вем, яко сей гавран лют есть зело и лъстив, и мнит ми ся, яко прельщения ради zde пришел есть к нам, яко же бо змия питающего ю погубляет, || тако и сей нас. Вопросы бо некто некоего от ведети могущих, чесо ради провиде бог неким падениям тем дарованными и чудесы украси. Он же рече, яко да и прочая духовная утвердит и самовластное покажет и безъответны падшая на суде сотворит. О царю, восхощай и опасуй слух и очи, тем бо вся стрелы греховныя входят». И начат гавран исперва с выпли беседовати наедине и с ними любитися. Во един же убо от дний рече к ним гавран: «Слышах бо от древних мужь глаголющее, яко аще кто себе во огонь немилостивно ввержет, то скоро от бога милость примет. Хощу бо и аз таковое сотворити и умолиши бога скоро и милость, яко да предложится естество || мое на выпльское а. 180 об. видение, яко да сотворю с вами брань вкупе на гавраны и воздам им таковая, яже они на мне содеяша немилостивно». Бяху же ту и той выпль, иже на убиение его советоваше, и рече ему: «Подобна суть сия твоя словеса питию, исполнену смертнаго яда. Аще бо не сожжем тебе огнем, то не можем естество твое предложить на выпльское». Пребысть же убо гавран с выпли немало время и смотря начинания их вся, и отолсте и утучне, и возрастоша ему перия вся, яко же и прежде бе. И некогда время получно обрет и убежа от них к прежним своим гавраном и рече: «Радуйся,

* Испр.; в ркп. врачъ.

л. 181 о царю, се бо ти желание свое соверших, || уже бо все выплеве в некоем месте скрышася. Востанем убо ныне вся гавраны и поидем к выплем, взявше каждо нас сучия, елико можем понести, и положим на устиях язвины и огонь подложим, и крылы роздомем, яко быти пламени воздушно, и сим образом ови внутри вси дымом удувлени будут выплеве, ови же исходяще опалени будут». И сотвориша гавраны тако и до конца враги своя погубиша. И возвратися гавраном царь во своя си обители победоносец нарицая я, и рече к гаврану оному: «Како терпел еси выплем беседования их неподобная?». Гавран же рече: «Мудроумный бо мужь, аще в беды впадает, то покарется и худым, донде же совершит желанное свое». || Царь же рече: «Скажи ми, разум выплев каков есть?». Гавран же рече: «Не видех ни единого выпля разумна, точию рекша на мое убиение советовавшего. Прочии же бяху далече от премудрости. Подобае убо царем тайны своя соблюдать и не оставити чуждая некоего к писанием его приникнути или к воде, из нея же хочет мыться, или к постели, или ко одежи, или ко оружию и ко ястию и питию. Несть бо мощно^о кому никогда з гордостию враги своя победити, малую убо победу составляет, горделивый же советники своя творит безумныя, неудобне когда от погибели таковыи спасается. Аз же смирихся и покорихся врагом, яко да получю такое исправление, яко же змий, подложивыйся жабе». ||

л. 182 Притча о змеи, подложившимся жабам^п
и яко немощи ради телесней подобает
скорби терпети, нежели голодом таяти

Глаголет бо ся, яко змий некий заматорев состаревся и не возможе ничто же ловити на пищу, и недоумевшася в себе, и поползав, и доиде блата некоего исполнена жаб, иде же первые ловяше, и показася уныл и скорбен зело и себе тамо близ простре. Жаба же некая рече к нему: «Почто скорбиши, о змию?». Он же рече: «И как да не скорбя буду? Преже бо от сего блата пищу си взимах,^р ныне же проклят мя некто отступник, не могу ловити, уже бо хошу, да буду яко конь яздяный царю вашему». И се слышав жабам царь и прият его, яздыше на нем || и даваше на нем пищу на всяк день по две жабы. Тако и аз таковыя работы ради скорбно время зле пострадах.

Притча о пифице и о желве и подруги ея,
яко и любящи и сластолюбие в беды впадают
и дружася со лъстивыми погибают напрасно

Глаголет бо ся, яко пифицы нецыи царя у себе имуще, составившася зело и заматоревша многими леты и старости его ради

^о Испр.; в ркп. мощно. ^п В ркп. первоначально было змии, потом зачеркнуто и испр. ^р В ркп. далее ошибочно повторено ныне же взимах.

изгнаша от царския власти. Он же всяким недоумением одержим быв прииде к некоей смоковнице, стоящей при брезе морstem и пребывающе у нея, и ядяше от плода ея. || Во един же от дний л. 183 ядущу ему смокви и паде из руки его едина смоква и ю же приимши дивия желва и изъяде, и удивися желва, питающихся смоквами. Онем же пифик посмеяся, и оттуду не престаяше желва питающихся смоквами. Она же сладку пищу обретиши и дом свой забы, и сего ради подруг ея малодушествоваше зело и искаше притчу, како бы пифика погубил и подруга своего возмет. И единою убо отшедши желва в дом свой и скорбна друга своего обретиши, и рече к нему: «Почто вижу тя скорбна и дряхла и болна суща?». Он же рече: «В болезнь люту впал есмь и несть ми исцеления обрести, аще не получю сердце пификово». Она же недоумевашеся о сей || речи и помышляше в себе, яко ино сердце не имам обрести, л. 183 об. точию гостя своего. И еже и преступление быти разумевши, дивяшеся помышлени и недоумевашеся, что сотворити. И пришед к пифику пригласи его. Он же вопросы ея о коснении. Желва же отвеща: «Ни о чесом же укусах, точию зане срамляюся тебе и не имам достойна воздаяния о благодеянии твоём воздати тебе». Пифик же рече: «Не помышляй таковая, несть бо аз таков, еже от своих любовных искати воздаяние, паче же ты ми благодетельница была еси, таковыми бедами одержима изгнана сущи утешающи мя». Желва же рече: «Хочю еще утвердити любовь посреди нас сущи, утверждают бо ся тремя || вещьми, сиречь еже л. 184 в дом в дружнии вхождение и сродником зрением и посещение, иже вкупе пребывание». Пифик же рече: «Тако составляется любви, о друшко, иже в слабости жития своего живущи». Желва же рече: «Истинну рекл еси, достоин бо другом совершенную любовь и сердечную от своих друзей искати, а иже за некия ради житейских потреб любовь составляти на нетвердом основании зиждем, понеже бо не подобает от любовных ино ничто искати, точию сердца проста и веры правы и истинны. Телец же, аще и без млека матерь свою ссет прогневается, яко прогнану быти от нея. Аз же хощу, яко да приидеши в дом мой, живу же аз во острове травноносем, яко тмами исполнено благих плодов, их же око человека нерадива || плотно по Павлу: ни ухо лениваго не слыша, ни на л. 184 об. сердце человеку унылу не възде, яже уготова бог любящим его. И славу мою узриши по писанному: внидите, друзи, в радость господя своего. Аз бо на рамо свое взявши, отнесу тя». И верова пифик възде на желву и ношашеся по пучине морстей от нея. И яко быша посреди пучины и тако косно плаваше, ста помышляющи, како погубити пифика. Видев же пифик коснение желвино и уразуме лести, и глаголаше в себе: «Еда на мя нечто зло умысли желва». И тако рече: «Вижу тя, о друшко желва, в попечении в размышлении и боюся тебе о том, и повеждь ми, любезная, что убо есть попечение твое и косное плавание, како не повеси ми такову другу верну ти сущу, вопрошаю || ты убо о сем, л. 185

да повеси ми истинну». Желва же отвеща, рече: «Печаль ми есть велика зело, яко дошед в дом мой и не обрящеши вся достойная, яко же хочу аз, на одре бо лежит подруг мой». Пифик же рече: «Не пещыся о сем, ничто же бо ползует печаль, но пещыся паки о врачебных былиях». Желва же рече: «Глаголют врачевстии отроцы, яко пификово сердце может исцелити болезнь его». И се слышав пифик свою погибель и в себе рыдаше, глаголя: «Оле моего безумия, яко несмь сего узнал паче стару ми сушу, в таковых злых мене вложи и преблазни сия желва, иже бо в малых теснотах и в скудости пребывания беспечно житие живет, желая же чести не без скорби бывает». Та же и к желве рече: || «Вскую, о любимая, не сказа ми таковое слово прежде, даже не изыдох из дому моего, яко да и сердце свое с собою взял бых. Закон бо есть нам сицев: да еда к любовному идет, то сердце свое дома оставляет для тоя ради вины, дабы нечто лукаво у друга сеядши не помыслити». И сия слышавши желва вспять возвратися и пловаше радуящися и донесе пифика на брег. Он же на сушу наступив тошно и на смоковницу възде, желва же доле стоя и вопияше: «Сниди скоро, друже, яко да поидем». Пифик же отвеща и рече: «Аще сниду, до конца сердце свое не приобращу».

л. 185 об.

Притча о человеце и о жене его и яко не подобает впредь ничто же мыслити, || яко мыслящи и напредь напрасно впадают в злополучение

л. 186

Глаголет бо ся, яко мужь некий вкупе с своею женою наедине живяше, кроме людей. И в некий день рече к ней: «Жено, благоднажен есмь, яко мужеский пол отроча родится нам и со усердием поработает нам, егда возрастет, и смотри каково имя наречем ему». Она же рече: «Престани, мужу, блядети, подобен бо еси оному мужу, пролившему мед и масло.

Глаголет бо ся, яко мужь некий от убогих имеяше у себе в неких сосудах мед и масло, иде же бе в ложищи своем. И во едину убо от ношей помышляя в себе и глагола: „Хочу масло сие и мед продати на пенязи и тем куплю си десять коз и || тии родят ми толико же козлищ за пять месяц, и пятьми леты составлю их осмерицею пядесят. И яко тии у мене умножатся, и продам я и куплю пять волов крат пядерицею пядьсот, и сими посею нивы, и от того плода житнаго и от прочих плодов пребогат буду велми и домы си воздвигну четверокровны и трикровны и златоверхи и рабы раличные испущлю, и жене припрягуся, и родит ми отрока и нареку имя ему Пангел, сиречь все добре, и накажу его всему, яко же подобает ми. Аще ли нерадяща его вижду и сим жезлом бью его сие“. И взем прилежащи ему жезл и внезапно удари им по сосудо в них же бе мед и масло, и разби их напрасно и пролияся мед и масло по браде его». || Та же роди отрока жена его,

л. 187

и по неких днѣх рече жена к мужу своему: «Приседи мало зде у отрока сего, дондеже шедше возвращуся». И отъиде жена его. И позван же бысть от властелина мужъ ея и поиде и остави дѣтище едино. И приключися абие пресмыкаться змии на дѣтища, и видевши жена брата его невестка змию, и скочивше и зубы иссяче змию и уби ю и руками своима растерза ю и окровавился змииною кровию. Пришед же паки мужъ он и видев невестку окровавлену змииною кровию и мняше, яко отрока се его убила есть и не стерпе дондеже видит отрока, и удари сию по главе немилостивно и умре от того. Вшед же во храмину и обрете отрока цѣла и змия содроблена, и зело раскаяся плакася горко. ||

Притча о утробѣ человѣчи и о удох
и яко богатыхъ имение нищимъ на пользу есть

л. 187 об.

Человекъ бо некий рече притчу сию сице. Некогда прилучися совокупистася утроба со всеми уды телесными и досаждаху чреву и глаголаша очима: «Сотворимъ руце и нозе ходити и делати». Языкъ же и устне реша: «Елико мыслитъ сердце мы провещеваемъ сия». Уши же реша: «Елико бесѣдуютъ человецы нами все слышимъ, услышавъ же умъ и внимаетъ вся». Руце же реша: «Нами делаетъ человекъ пишу свою». Нози же реша: «Мы трудимся, носимъ все тело на себѣ, всемъ удомъ гиблющимся. Ты же, чрево, ничто же делаешь и несть пользы отъ тебе никоея ни во единой вещи, но работаемъ || вся а. 188 тебе, яко же госпоже своей царицы». Отвѣща же чрево ко всемъ удомъ и рече: «Елико глаголете истинну, рекосте и еще годѣ вамъ есть не служите ми и не питайте мене». Удове же уставивша чрево оставити и не питати ѣ. И сице не дающимъ удомъ чреву ясти и изнемогоша руце и нозе и вси удове и ослабѣша весма и быша безделни и недвижими. И тогда уведавше удове, яко еже снѣдаетъ чрево, всемъ имъ есть на ползу и на крепость. И отъ сея повести уведавше вси людие, яко имение богатыхъ на ползу нищимъ суть, еще бо множится имение богатыхъ, не озлобляются нищии голодомъ, и еще бо богатии не имеютъ ничто же у себѣ, то во время нужда не могутъ нищимъ по||мощи сотворити и хотятъ вси погибнути голодомъ а. 188 об. и жаждѣю.

Н. С. Демкова, Л. В. Ярошенко

МАЛОИЗВЕСТНОЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ
СОЧИНЕНИЕ СЕРЕДИНЫ XVIII в.
«ИСТОРИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТЕЦ
ФИЛИППА И ТЕРЕНТИЯ»

Во время работы археографической экспедиции Ленинградского университета на Пинеге в июле 1969 г. нами была найдена небольшая тетрадь весьма посредственной сохранности без переплета, писанная плохим полууставом XIX в., который на Пинеге называют «домашним письмом». Тетрадь была найдена в классических для практической археографии условиях — на повети нежилого старинного дома в дер. Шотова Гора (под Карпогорами), в груде мусора и вещей, уже отживших свой век, среди корзин, медных колокольчиков, подсвечников, веретен, старой обуви. Владелица дома А. А. Щепоткина любезно разрешила нам взять эту рукопись «для науки», как и две других, уже совсем размокших от многолетней сырости, убедившись в их очевидной бесполезности для домашнего хозяйства.

Содержанием тетради А. А. Щепоткиной оказалась «История пострадавших отец Филиппа и Терентия»¹ — редкое старообрядческое сочинение, принадлежащее перу одного из последователей известного выговского старца Филиппа, который отказался молиться за царя, основал особое филипповское согласие в старообрядчестве и кончил жизнь самосожжением 14 октября 1742 г.

«История» посвящена рассказу о возникновении разногласий между старцем Филиппом и руководителями Выга, о преследованиях Филиппа и «злодействе» выговцев; она описывает, наконец, и самую «огненную» смерть Филиппа в часовне, окруженной со всех сторон «монастырскими» и командой солдат, которых выговцы, по рассказу автора, привели с собой из Олонца. Живость описаний, публицистичность замысла, связь текста с устной речевой стихией, наконец, малое количество сохранившихся источни-

¹ Рукопись хранится в Отделе рукописей ИРЛИ АН СССР, Пинежское собр., № 414. Рукопись представляет собой отдельную тетрадь третьей четверти XIX в., в 8°, состоящую из 12 лл. «История» занимает лл. 2—8 об.; лл. 9—10 чистые, на л. 10 об. хозяйственная запись 1867 г. На лл. 11—12 читается окончание «Истории» (с повторением части текста); по-видимому, это остатки текста, послужившего черновиком для лл. 7 об.—8 об. Бумага тетради двух сортов: лл. 1—4 и лл. 11—12 — старая бумага, на которой начали писать рукопись, лл. 5—10 об. — новая бумага с текстом, заменившим предшествующий (см. ниже издание текста).

ков — исторических и литературных — о начале филипповского согласия и событиях 1742 г. на Выге делают это сочинение весьма интересным памятником старообрядческой литературы середины XVIII в., противостоящим идеологической и литературной позиции Выга.

Текст этой «Истории» мало известен (указание на него отсутствует в работе В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев»), но, как оказывается, он уже был издан в 1884 г. в журнале «Братское слово» по другому, также пинежскому списку из Веркольского монастыря.²

Фактической основой повествования являются действительные события выговской истории. Выговская обитель в конце 30-х—начале 40-х годов XVIII в. переживала трудное время. В результате доноса, что выговцы не молятся за царя и являются «супротивниками» его власти, началось многолетнее (с 1737 по 1744 г.) расследование деятельности Выговской общины особой правительственной комиссией. Желая спасти общину, выговский собор принимает молитву за царя: «И по совету общему написали по нынешнему обыкновению тропарь „Спаси, господи, люди твоя“, как ныне говорят, — рассказывает современник, — и положили в часовню в часословы для приезда и осмотру в монастыри и по скитам на бору, и инде, чтоб поминать, как говорити...».³ «Но принятие молитвы за царя стоило им отпадения некоторой части своих единомышленников, которые признали молитву за неправового царя противоречащей уставу и которые под руководством инока Филиппа в 1737 г. отделились от них и ушли вместе с ним... поселились на р. Умбе и основали там топозерские скиты».⁴

² Братское слово, М., 1884, № 10, стр. 534—539. При издании текста в журнале сообщалось следующее: «Печатаемая история о Филиппе заимствована из одного раскольнического сборника, ныне принадлежащего библиотеке Веркольского монастыря; список ее мы получили от отца И. Леготова». Веркольский список весьма близок по тексту к списку, найденному нами на Пинеге, но здесь иногда используется правильная, «книжная» речь (вместо «стал хвостать лестовкой» читаем «стал бить»), есть пояснения («Жил в ригачи, то есть в овине»), правильно передаются имена выговских деятелей. Здесь много перестановок, есть пропуски. Вопрос о первоначальности текста пока не может быть решен. Местонахождение веркольского списка неизвестно. По-видимому, факты, описанные в «Истории», были знакомы М. М. Пришвину: рассказывая о возникновении филипповского согласия («третий толк — филипповцев — возник в то время, когда выговцы под давлением правительства принуждены были признать молитву за царя»), он использует деталь, сообщаемую «Историей» («Филипп... бросил кадило и вышел из часовни»); см.: М. Пришвин. Скрытники. В кн.: М. Пришвин. Очерки, т. II. СПб., 1913, стр. 279.

³ Цитирую по кн.: П. Г. Любимиров. Выговское общежитие. М.—Саратов, 1924, стр. 60.

⁴ В. Г. Дружинин. Очерк старообрядческой колонизации Севера. В кн.: Очерки по истории колонизации Севера, вып. I. Пгр., 1922, стр. 176.

Выговские «большаки» предпринимали много усилий, чтобы вернуть Филиппа и его последователей в лоно общины. Известно специальное «слово» Семена Денисова, отправленное на Умбу: «Велие и горчайшее есть зло и не оплаканное душевредство единых церкве чадом... на части разделятися».⁵ Но все это было напрасным.

Выговские историки склонны были объяснять это разделение «личным столкновением честолюбивого Филиппа с избранным в киновиархи Семеном Денисовым».⁶ Однако причины раскола были гораздо глубже. Уход Филиппа из общины выражал глубокое принципиальное неприятие политики выговских «отцов», их тактики приспособления «к миру» и его законам, тактики компромисса. Современный историк старообрядчества так определяет социальную базу этих противоречий: «Поморщина превратилась в умеренное беспоповское направление, отражавшее интересы купцов и промышленников Севера»; «для крестьянской части поморщины примирение выговцев с „миром“ было не чем иным, как поклонением „зверю“ (т. е. антихристу). Крестьяне обвинили выговцев в том, что они „зверевы указы паче Евангелия облобызали, помалу начали в миру проживати и свое благочестие забывать; дома и фабрики созидали, а христиан, яко разбойников, суду предавали“. Отколовшаяся от поморцев часть беспоповцев образовала филипповский толк, соответствующий интересам прежде всего патриархальной прослойки крестьянства (преимущественно черносошного крестьянства Севера), мало связанного с рынком и ведущего натуральное хозяйство».⁷ Выговские источники отмечают популярность учения Филиппа среди «нищих» и «бездомовных» людей («и не по многим времени начаша собиратися к нему самые нищие, бездомовные, крыющиеся от начальства»)⁸.

Результаты острых противоречий Филиппа с Выгом не замедлили сказаться на судьбе ревнителя принципа. Розыск «незаписанных» раскольников, уклоняющихся от податей, который шел с «жестоким пристрастием», привел расследователей в скиты на р. Умбу. Не желая попасть в руки солдат, пришедших за ними, Филипп и вся «братия», числом около 70, сожгли себя в часовне.

«История пострадавших отец Филиппа и Терентия» написана ревностным почитателем Филиппа и по существу представляет собой тяжелое обвинение Выгу и его «большакам» в «злодей-

⁵ Списки «слов» указаны в кн.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 138—139.

⁶ П. Г. Любимов. Выговское общежитие, стр. 94.

⁷ В. Ф. Миловидов. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969, стр. 25, 27.

⁸ См. «Известие о Филиппе старце»: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 526 (557), л. 251.

стве» и даже в смерти «святого старца». В «Истории» настойчиво повторяется мысль о причастности выговцев к гибели Филиппа. Преследования Филиппа, по словам автора «Истории», начались вскоре после того, как он отказался молиться за царя; сам киновиарх Семен Денисов бил «святотлепного старца» по щекам, заковал «в железа», из которых Филипп освободил только внезапно появившийся доброжелатель — новгородский купец Мошников. После ухода Филиппа из обители и роста его популярности среди жителей «суземка» «монастырские» пытаются выманить его из скита («ово ласканием, ово страхом») «да посадить», причем некоторые из них откровенно заявляют о необходимости «заморить» Филиппа, «чтобы имя его не поминалось и не обличал бы». Когда же выманить Филиппа не удалось, они направились к нему сами, взяв в Олонце «каманду», а в Шуньге понятых «не волею»; шли они в скит к Филиппу с твердым намерением сжечь его: «Тогда Мануйло Петрович стал своим единомысленникам говорить: „Если что старец станет давать денег — сто рублей или триста, — отнюдь не берите, но токмо сожгите его“». Злодейские умыслы Мануила Петрова вполне раскрываются и в следующей сцене, которая воспринимается как сцена подготовки расправы над старцем Филиппом: «Пришли в Надежин скит ночью, взяли огня и смолья, и пошли ношию. И не дошедше до отца Филиппа за поприще, и приказал Мануил Петрович⁹ всем нарубить колья для уразин: „Кто на дороге попадет или побегит, то бейте до смерти, не упущайте времени“». Хотя эти слова и действия «монастырских» и так не оставляют сомнения в их дальнейших намерениях, автор ставит последние точки над «и»: перебежчик из лагеря преследователей, некто Василий, сочувствующий Филиппу, «возвещает» ему, «горько заплакав»: «идут к тебе и совсем окончатъ тебя».

Тенденциозность описаний «Истории» так велика, что не вполне ясными остаются самые обстоятельства смерти Филиппа. Из глухого сообщения «Истории» («В то время скоро запустили огня под цесовню...») можно понять, что огонь «запустили» снаружи солдаты; такое восприятие тем более вероятно, что «посланной афицер» прямо об этом говорит: «Сожгли старца святого...».

Тенденциозность «Истории» становится еще более очевидной, если сравнить ее с выговской версией рассказа о гибели старца Филиппа. Выговская версия рассказа о событиях 1742 г. известна нам по пяти спискам XIX в., где она имеет следующие заглавия: «Известие о Филиппе старце, от которого и согласие

⁹ Имя Мануила Петрова упоминается в этой ситуации только в данном списке, в веркольском — имени нет, читается безличное: «приказали». (Прим. наше, — Н. Д., Л. Я.).

Филипово имянуется» или «Повесть о отце и старце Филиппе».¹⁰ «Известие» рассказывает о следующих обстоятельствах дела. «А Каммисия не записных в староверство и протчих, укрывающихся от начальства, не толико что по указу и по данной инструкции от Синоду исполняше, но и свыше указу и инструкции поступаше, всяким коварством, всякаго попа и церковника, и мужика и женщин с великим испытанием в допросах не единократно держаще и с пристрастием пытаху, где, кто их прихода или семейства живяше, и вязахуся для своей корысти за всякое слово и дело, и таковым злодейством своим не токмо что монастырю или скитским обывателем, но и Шунским и протчих волостей христианом многия и несказанныя беды нанесоша. Того ради некто из шунжан по научению дияволу подаде на письме находящемуся в Каммисии подъячему, что скитской староста целой скит людей, человек до ста утаил, в подушной двойной платеж не записал, и просил оной подъячей у старосты на выкуп сея скаски денег пять рублей. Староста же отрекся, что у нас утаенных несть ни единого человека, сам же послал известие к старцу Филиппу, по прилучившемуся его согласия человеку, что они обнесены в Коммисию, чтоб послал пять рублей денег выкупить скаску, и как-нибудь не можем ли сие дело молчанию предати.

И оны денег не послали, и подъячей объявил сию скаску в Коммисию. И егда иермонах Игнатий сие узнавши, призвал к себе скитскаго старосту и выборных жесточайшими словесы и с ругательством несказанным нача спрашивать про старца Филиппа. Они же всячески отрицалися, что не имеется в нашем ведомстве таковых людей, и мы его не знаем, и никогда тамо не бывали. Иермонах же, не смотря ни на каковыя их отговорки, в скорейшем времени учинил определение и указ написал, и посылку нарядил, порутчика и капрала, и четырех салдат, и понятых ис Шунги десять человек, да дьячка въместо подъячего, и старосте скитскому приказал дать понятых десять человек и вожу. И тако с жесточайшим приказанием отпусти их, чтоб как можно, поймавши всех, привести в Каммисию. И егда сии начальники и салдаты с понятыми дошедше Филиппа старца жилища, тогда по приказанию порутчика и капрала вдруг свирепым образом нападше, начаша сещи врата и окна, кричаще во весь голос: „Отпирайте ворота, мы к вам в гости пришли!“. И егда сие услышавше в затворе бывшии, един из них сотвори молитву Иисову трижды, благословения прося зажещи, и к третьей молитве

¹⁰ См. рукописи: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 526 (557), лл. 237—260 об.; ГПБ, Q. I. 1086, лл. 92—110 (рукопись из скита на Топ-озере); ГБА, собр. Н. С. Тихонравова (ф. 299), № 299, лл. 108—129; Гос. Публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР, собр. М. Н. Тихомирова, № 315, лл. 1—22 об.; ГБА, собр. Е. В. Барсова (ф. 17), № 239, лл. 1—24.

отдан бысть аминь, и рече: „Бог благословит“. И тако в мегновении она, едва не вся храмина огнем воспалися, бе бо ветха, и внутри и на потолке разжог и премножество припасено было. И тако отец Филипп скончася и иже с ним числом всех мужеска и женска полу до семидесяти человек или до семидесяти дву, в лето 7251, октября 14».¹¹

Как видим, «Известие» сообщает целый ряд новых, по сравнению с «Историей», данных, весьма ценных для воссоздания действительной картины: о доносе, написанном с целью выманить деньги у старообрядцев, об отказе Филиппа «откупиться», о реакции властей на донос и др. Подробно описывает выговский автор самосожжение Филиппа и «братии», заранее приготовивших для себя много «разжог». «Известие» также не лишено тенденциозности в изложении событий: наряду с сообщением многих подробностей оно избегает упоминать имена каких-либо выговских деятелей, сопровождавших воинскую команду в скит Филиппа, дипломатично умалчивает о роли Мануила Петрова, и т. д.

Сопоставление данных обоих текстов — «Истории» и «Известия» создает очень яркую картину острой борьбы внутри Выговской общины. Оба памятника одновременно являются и конкретным выражением этой борьбы, ибо и тот и другой представляют взволнованный отклик на события конца 30—40-х годов. В тексте «Истории» нет точных указаний на время ее создания, но самый тон и подробности повествования, тенденциозность автора в описании отдельных сцен, воссоздание реплик и разговоров героев, искренность, отсутствие холодной риторики свидетельствуют о том, что «История» была написана довольно скоро после событий 1742 г. Однако автор ее уже знает о гибели старца Терентия, ближайшего последователя Филиппа, сторевавшего в 1747 г.,¹² так как заглавие повести упоминает о «страдании» Терентия («История пострадавших отец Филиппа и Терентия»), хотя в самом тексте рассказ о Терентии отсутствует (он упоминается лишь один раз при описании начала гонений на старца Филиппа).

Выговское «Известие о Филиппе старце» в рукописях не имеет имени автора. В известном тексте «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова эти события не описаны.¹³ Однако по стилю и характеру изложения (особенно в основной,

¹¹ БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 526 (557), лл. 253 об.—255 об.

¹² Выговский летописец сообщал: «1747 года. По клеветы Ивана Батлионскаго спрашивали указом в Синод стариков и Терентия старца на Умбы, он же с собранием огнем скончася» (Старопоморский летописец. Краткое летосчисление настоящего века Выгорецкаго общежителства. М., 1913, л. 4).

¹³ Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.

повествовательной части) «Известие» напоминает «Историю Выговской пустыни» Филиппова. Несомненно также, что существует связь — тематическая и отчасти стилистическая — между «Известием» и той «Повестью о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг.», которую опубликовал В. И. Малышев, высказавший предположение о принадлежности ее Ивану Филиппову.¹⁴

Указание на то, что в «Истории Выговской пустыни» был рассказ о старце Филиппе, мы находим в сочинении новейшего старообрядческого историка М. И. Залесского: «Выговская старообрядческая пустынь и самодержавие. Исторические очерки. 1700—1900 гг.». Описывая самосожжение 1742 г. с подробностями, совпадающими с нашим «Известием», М. И. Залеский указывает свой источник — «Историю» Ивана Филиппова.¹⁵ Действительно, в позднем старообрядческом издании (Саратов, 1913), воспроизводящем «Историю Выговской пустыни» по поморской рукописи XVIII в., есть подробный рассказ о старце Филиппе и этой гари («Глава 115. О отце старце Филиппе, с прочими за благочестие скончавшимися огнем от создания мира 7151 году, во октябре месяце», лл. 167—173 об.). Кроме того, нам удалось обнаружить такой текст «Истории» (в поморской рукописи первой четверти XIX в. — ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 1130), где имеется и этот рассказ о Филиппе (лл. 642 об. — 652 об.), и «Повесть о самосожжении в Мезенском уезде 1743—1744 гг.» (лл. 690—702), которую В. И. Малышев определил как весьма близкую сочинениям Ивана Филиппова.¹⁶

Текст главы из этой «Истории Выговской пустыни» не идентичен «Известию», он много подробнее его, несравненно более терпим в отношении к Филиппу, и, по-видимому, именно он явился источником «Известия».¹⁷

¹⁴ В. И. Малышев. Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг. В кн.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 168—191.

¹⁵ Рукопись БАН, Каргопольское собр., № 91, 1966 г., лл. 26—29.

¹⁶ Нам известен еще один список такой «полной» «Истории Выговской пустыни» — ГПБ, Q. I. 1063, конца XVIII—начала XIX в. («История» Филиппа занимает здесь лл. 454—463); по-видимому, можно найти и другие списки. Эти материалы показывают совершенно насущную необходимость археографического и текстологического исследования «Истории», которую до сих пор мы знаем по случайным спискам.

¹⁷ Атрибутировать «Известие» в настоящее время можно лишь предположительно. В одной из рукописей «Известия», найденных нами в самое последнее время, есть такая помета: «В рукописи Щапова в конце этой статьи рукой писца прибавлено: „из многих наречий и обстоятельств замечательно, что сию Историю написал Тимофей Андреев, Лексинского монастыря начальник, поморский писатель и не малый историк, за что много обязано староверство благодарить навсегда“» (ГБЛ, ф. 17 (собр. Барсова), № 239, л. 24—24 об.). Действительно, в указателе В. Г. Дружинина упоминается

Много общего есть в этом рассказе из «Истории Выговской пустыни» и с «Историей» о старце Филиппе. В рукописной «Истории Выговской пустыни» проводник «каманды» по имени Василий «поколотился у окна»; в «Истории» о старце Филиппе посланный командой «Василей» «пришел ко отцу Филиппу ночью под окно, молитву сотворил, поколотился у старца Филиппа». Оказывается, что наставления Мануила Петрова нарубить колья «для уразин» и «бить до смерти» в «Истории» о старце Филиппе полностью соотносятся с инструкциями «порутчика» «каманде» в «Истории Выговской пустыни»: «И пришед близ жилища отца Филиппа, остановилися, и порутчик приказал понятым всякому высечь дубину сырую березовую, понеже оружия малое число: одна фузея да три бердыша и два копышка. И начальники — порутчик и капрал — еще укрепляху своих салдат и понятых, чтоб не ослабно притти, и кого можно, чтоб живых захватывать... не дать воли разбежаться и горети... Аще ли станут противитися — бить дубьем и на смерть колоты и стрелять».¹⁸

Текст «Истории» о старце Филиппе в одном случае даже не понятен без подробностей «Истории Выговской пустыни»: наказ Мануила Петрова своим «единомысленникам» не брать у Филиппа деньги в повести никак не мотивирован, в «Истории» же Выговской пустыни (и в «Известии») сообщается о деньгах, которыми Филипп должен откупиться, чтобы остановить розыск укрывающихся в скитах раскольников. Кажется, что сочинение неизвестного последователя старца Филиппа полемически направлено против рассказа в «Истории Выговской пустыни», постоянно имеет его в виду, ему возражает. Дальнейшее окончательное изучение взаимоотношения всех трех текстов и сопоставление их с официальными документами о «гари» 1742 г. сможет уточнить их связь и время создания «Истории» о Филиппе.

Полемическое задание во многом определило особенности повествовательной манеры автора «Истории» о Филиппе. Он претендует на достоверность сообщаемых им известий, отсюда стремление к документальности повествования; он точно фиксирует даты и временную протяженность событий. Так, повесть отмечает датой («7231 лето», т. е. 1732 г.) начало великой «распри» Филиппа с выговскими «большаками»;¹⁹ тропарь «за

сочинение Тимофея Андреева «История о начальнике или основателе Филипповской церкви монахе Филиппе и его расколе с Поморскою церковью» (В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, стр. 52, № 14) без указания на рукописи его, со ссылкой только на каталог Павла Любопытного (№ 576). Сохранился еще один текст, направленный против филипповцев и также связанный с именем Т. Андреева, — это его автограф «Видения Дмитрия, Выговския обители стража» (там же, стр. 163).

¹⁸ ГБЛ, ф. 310, № 1130, л. 645—645 об.

¹⁹ Вопрос о допустимости молитвы за царя неоднократно обсуждался в Выговском общежитии; известно сочинение Андрея Денисова 1722 г.

царя» в обители, как сообщается здесь, стали говорить «с Божьего слова осенного», но смута продолжалась до праздника воздвижения, когда «запели „Спаси, господи“ прямо за благочестивого царя». Вzbунтовавшийся против решения «большаков» Филипп («Тогда старец Филип, святой благолепный муж, бросил кадило о пол, сам закричал, что пала вера христианская, и сам побежал ис часовни вон, едва его настигли на крылцы и затащили в келью») «сидел в железах три дни», а бежав из обители, «жил год в риги». Один из его обидчиков, Филипп Курпанов, который бил отца Филиппа, после этого «год не ставал с постели», и т. д.

В повести называются имена участников событий, по большей части хорошо известные в истории Выга: «старица-большуха» Марина (Марина Прокопьевна по веркольскому списку),²⁰ Семен Денисов, Мануил Петров, Захар Нефедьев²¹ (так в веркольском списке, в списке же ИРЛИ ошибочно «Нефеев»), Филипп Курпанов, купец Мошников из Новгорода, некто Василий, сочувствующий Филиппу. Со знанием дела автор использует в повести топонимику Выга и его окрестностей («Надеждин скит», «Сергиев скит», «Шуньга»), указывает точные расстояния («за поприще» не дошли до скита Филиппа), и т. д. Ту же атмосферу документальности и историзма повествования создают реплики и разговоры действующих лиц, воспроизводимые автором как знатоком происшедших событий. «История», таким образом, несомненно тяготеет к жанру исторических записок.

Но «записка» эта весьма «неухищренная». Ей присущи отрывочность повествования и даже несвязность, что, по-видимому, не связано с порчей текста (см., например, диалог Филиппа и Терентия). Простота описания иногда доходит в ней до примитивизма: «Когда на крыласе стала старица говорить тропарь

о возможности именовать «государя-императора» «благочестивым»; оно снова переписывается и, видимо, обсуждается в сентябре 1742 г. (см.: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 118 (149), лл. 86—92); специальные соборные постановления были приняты на Выге в 1731 г. (о молитве за Петра II) и в 1737 г. (о молитве за Анну Иоанновну).

²⁰ В «Известии» также упоминается факт столкновения Филиппа со старицей, но имя ее не называется: собор 1737 г. обвиняет Филиппа в том, что он «старицу не попустил замолитвовать» (лл. 246 об.—247). «Старица Марина» подробно характеризуется в «Истории» Ивана Филиппова: она «еще в первых letech прииде с великою верою и ревностию и усердием» на Выг, «лет близ тридцати во обители труждалася», «чины монастырские велми храняше» (см.: Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862, стр. 359). Возможно, что она была автором одного из плачей на смерть Андрея Денисова: в собрании В. Г. Дружинина был «стих печальный», в заглавии которого было помечено: «поет постница Марина в печали» (В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, стр. 131, № 202); современный шифр рукописи этого стиха нам неизвестен.

²¹ Под соборным выговским постановлением 1737 г. есть подпись Захара Мефодьева (БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 526 (557), л. 248).

прямо за благочестиваго, тогда отец наш благочестивый муж Филипп не даде ей говорить такаваго тропаря. Тогда старица-болшуха, имя ей Марина, перво зачала говорить с Богослова осеннаго. Тогда отец Филип не дал говорить ... стал хвостать лестовкой. Тогда большуха закричала: „Не твое дело, калугер, что нам даже болшаки велели говорить, но токмо не говорили...“.

Рафинированную литературу Выга иногда рассматривают как создание «*мужицкой школы писателей*».²² С несравнимо большим основанием это определение следует применить к изучаемой повести, напоминающей иногда крестьянские письма.

В этой «неухищренности», непритязательности, необработанности повествования есть, однако, и своя прелесть — сохраняющийся яркий речевой колорит, ритм и интонация разговорной речи (ср., например, крик старух, услышавших стук топоров: «Батушко, батюшко, уже попадают в часовню!»; или, например, такой текст: «И которой бил отца Филипа тут же, имя ему Филип Курпанов, и он же вскоре поехал с Лексы; как он скоро за ворота выехал, так его лошадь с себя шибла и волокла его даже что чуть не до Сергиева скита, но токмо еле жива оставила: рот ему своротило, и придрало всего, и приломало, и после того год не ставал с постели, кто поворотит, то и поворотится...»).

«История» находится на стыке устного рассказа и письменной литературы, поэтому и возможны были такие переделки в ее тексте, что возникали новые, как бы различно рассказанные варианты ее окончания (ср. печатаемый ниже текст на лл. 8 об. и 11—12). Связь «Истории» с устной речевой стихией проявляется и в том, что в тексте ее как бы случайно возникают фольклорные рифмы: «И стала к нему братия збиратися, един по-единому умножатися», «Чадое Симione, дерзаеши, яко Христа распинаеши», «То скоро Мошников на Семена закричал: „За что светолеппное старца сковал“», и т. д.

Однако автор «Истории» знаком и с книжной традицией: он описывает страдания, «страсть» «святого благолеппного старца» Филиппа, и поэтому в его сочинении ощущается житийный колорит.

Агиографический план изображения влечет за собой устойчивые образы и ассоциации, этикетные ситуации и формулы. Избиение Филиппа Семеном Денисовым вызывает воспоминание о распятии Христа (старец даже «руки простер» картинно, чтобы усилить это сходство); обидчики старца — некто Филип Курпанов и Захар Нефедьев — гибнут после нанесения ему обиды, причем гибнут неблагоприятной смертью; голос старца Филиппа уподоблен автором грому («яко гром грянул»); «братия», собрав-

²² См.: П. Г. Любомиров. Выговское общежителство. М.—Саратов, 1924, стр. 77.

шаяся вокруг старца Филиппа, едина в своих помыслах и поэтому всегда говорит «едиными усты»; некий Василий, передающий весть Филиппу, сравнивается с «орлом высокопарным». Поучение, с которым обращается Филипп перед смертью к «братиям и сестрам», запертым с ним в часовне, уснащено ссылками на Евангелие, «слова» Ефрема Сирина и Ипполита, папы Римского. И тем больший контраст возникает в описании между медлительным и торжественным поучением «от божественного писания» и действиями пришедших в скит: «в то время напали, яко разбойники», «зачели часовню рубить в шесть топоров». Смерть старца Филиппа сопровождается «чудесными» знаками: «посланной афицер» увидел, «что отец Филипп стоит во пламени под окном невредим и ризы его целы»; словами этого офицера, как бы со стороны, автор подводит итог истории Филиппа: «Сожгли старца святого, воистину святой старец, что огнем не горит».

«История» и должна была, по-видимому, стать житием святого — основателя нового филипповского согласия. Но это житие было далеким от канона, житийная традиция отразилась в нем лишь в виде отдельных этикетных моментов, примечательной же особенностью текста является его «историзм», ориентация автора на конкретность и документальность повествования.

Литературная необработанность текста повести о Филиппе, связь ее с конкретным историческим моментом, острая публицистическая направленность делают ее весьма примечательным литературным явлением, интересным фактом крестьянской литературы Русского Севера.

Кроме текста «Истории», найденной нами на Пинежс, в рукописных собраниях обнаружили еще и другие списки, и сейчас уже известно 9 списков «Истории», причем 5 из них северного происхождения.

1. ИРЛИ, Пинежское собр., № 49, лл. 1—10 об., конец XVIII в. (отдельная тетрадь в 8°, 10 лл., без переплета, полуустав). Список дефектный, без начала и конца. (Далее — П₄₉).

2. БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 361 (409), лл. 1—6, конец XVIII в. (отдельная тетрадь в 4°, 6 лл., без переплета, скоропись, филигрانی: литеры «БОФЕБ» и даты «1793», «1795»). (Далее — Д₁).

3. БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 823 (780), лл. 1—7 об., конец XVIII—начало XIX в. (разрозненные листы в 4°, без переплета, полуустав, филиграней нет). Список дефектный, без начала. (Далее — Д₂).

4. ИРЛИ, собр. И. С. Маслова, № 15, последняя тетрадь в сборнике-конволюте (пагинация отсутствует), первая четверть XIX в. (рукопись в 4°, скоропись). (Далее — М).

5. ИРЛИ, Пинежское собр., № 414, лл. 2—8 об. и лл. 11—12, третья четверть XIX в. (отдельная тетрадь в 8°, 12 лл., без переплета, поздний неграмотный полуустав). (Далее — П₄₁₄; текст его издается ниже).

6. Гос. публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР (Новосибирск), собр. М. Н. Тихомирова, № 464, лл. 77—86, вторая половина XIX в. (сборник в 8°, 86 лл., без переплета, плохой полуустав). (Далее — Т).

7. ИРЛИ, Мезенское собр., № 24, лл. 134—139 об., конец XIX—начало XX в. (старообрядческий сборник в 4°, 173 лл., поздний полуустав, переплет — доски в сатине). (Далее — Мз).

8. БАН, Каргопольское собр., № 87, лл. 27 об.—32 об., конец XIX—начало XX в. (сборник в 8°, 32 лл., без переплета, плохой полуустав). Список дефектный, не имеет конца. (Далее — К).

9. Печатный текст веркольского списка («Братское слово», 1884, № 10, стр. 534—539). (Далее — В).

Только два списка из девяти (Т и К) имеют полностью соотносимый текст, семь других списков дают обилие перестановок, замен, пропусков и дополнительных речений, иногда стилистических вариантов. В рукописной традиции «Истории» очень сильным было влияние устной речи, пересказа, поэтому весьма трудно установить жесткие связи между списками. Главное отличие текста, позволяющее разделить списки на две группы, — это смысловая и композиционная перестройка эпизода с вестниками, приходящими к Филиппу в скит.

В группе А (списки Т и Мз; в К этот текст отсутствует) только первый вестник (Василий), решивший предупредить Филиппа об опасности, остается у него. Далее в тексте следуют увещания Филиппа «братии» и описание быстрого марша солдат к скиту. Другой вестник, безымянный лазутчик, посланный командой, возвращается назад с сообщением «о вышереченном Василии», т. е. о том, что Филипп уже предупрежден.

В группе Б (П₄₉, Д₁, М, П₄₁₄, В) личность первого вестника как бы раздваивается: второй вестник-лазутчик также называется Василием (только в М—Иона), также остается в скиту и обращается к Филиппу со словами первого вестника (в первой группе), прося у него благословения «пить ту же чашу». Описание марша команды здесь непосредственно предшествует увещаниям Филиппа и осаде скита.

Какой же текст соответствует архетипу «Истории»?

Дело проясняет список Д₂ (близок Мз), хотя сам и дефектный: изображение последовательности событий здесь полностью соответствует группе Б, но, как и в группе А, лишь первый вестник, добровольный, остается в скиту. Таким образом, можно думать, что изменение текста в группе Б является поздним, что здесь произошло дальнейшее усиление тенденциозности «Истории».

Список Д₂ сохранил и строгую фиксацию конца повести с дополнительной исторической справкой: «Тогда начаша о таковом страхе бояться вси. Конец сей повести. Сие бысть в лето 7250, в Заонежие (в рукописи «взхонежие»), на Умбе реце, от Лексы 20, а от болшаго монастыря 40 попришь. И было по имяном 57, а без имян сколько было неизвестно».

Любопытно (и это может свидетельствовать о первоначальности текста Д₂), что далее в этом списке идут выписки из книг, хранившихся в «Сергиевом монастыре», и цитируется «Книга бесед» протопopa Аввакума: «Святой страдалец протопop Аввакум в беседах своих пишет: „Крест Христов...“» (текст обрывается).

В группе Б наибольший интерес представляет список П₄₁₄, сохраняющий множество разговорных речений и оборотов. Только здесь мы читаем, что Филипп старицу «стал хвостать лэстовкой» (в других списках «стал бить»), только здесь есть реплика Семена Денисова («Подем к старцу Филиппу») и др. Этот список и более тенденциозен: только здесь приказ «нарубить колья» исходит от Мануила Петрова (во всех других списках сказано безразлично: «приказали»).

Ниже публикуется текст этого списка (П₄₁₄).

л. 2

|| ИСТОРИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТЕЦ ФИЛИППА И ТЕРЕНТИЯ

В^а 7231 лето, доказательство, когда тропарь прислали в монастырь говорить^б за царя и повелели за православнаго молить, тогда отец наш, благолепный муж, божиим промыслом не благословя таковаго тропаря говорить, что не по древнему преданию святых отец неблагочестиваго благочестивым нарицают. Тогда между собою учинилась великая распря, во время утренняго пения, что прежде того не бывало. Когда на крыласе стала старица л. 2 об. говорить тропарь прямо || за благочестиваго, тогда отец наш, благочестивый муж Филипп, не даде говорить таковаго тропаря. Тогда старица-болшуха, имя ей^в Марина, перво зачела говорить с Богослова осеннаго. Тогда отец Филипп не дал говорить, псаломщику^г стал хвостать лестовкой. Тогда болшуха закричала: «Не твое дело, калугер, что нам даже болшаки велели говорить, но токмо не говорили». И продолжалось^а даже до Воздвижения честнаго и животворящаго креста господня, тогда запели «Спаси, господи» прямо за благочестиваго царя. Тогда старец Филип, святой благолепный муж, бросил кадило о пол, сам закричал, что пала вера христианская, и сам побежал ис часовни вон, едва

^а В ркп. нет, стоит буква а. ^б Исправлено, в ркп. говорит. ^в Исправлено, в ркп. е. ^г Исправлено, в ркп. псаломщику. ^д Исправлено, в ркп. продолжалось.

его настигли на крыльцы и затащили в келью. И после того Семен || Денисов з другими прочими совет сотворили: «Подем к старцу Филипу». И пришли к старцу Филипу. Семен Денисов стал светолепного старца^е по щекам бить. Тогда старец Филип рече: «Чадо Симионе, дерзаеши, яко Христа распинаеши».* Старец Филип руки простер свои. Тогда били его крепко. Тогда отец Терентий еще был белцем и тогда по отце Филипе великую ревность имел и говорил: «Отче, как будет?». Отец Филип рече ему: «Чадо, молчи, что мне будет, ты буди мне после проповедник,^з топере молчи». Тогда старец светолепный муж Филип дерзостне говорил: «Что я крешу и каю, скажите прямо на миня, и тропарь не принимаю,^н и отвечать буду кроме вас сам».

И которой бил отца Филипа тут же, имя ему Филип Курпанов, и он же вскоре поехал с Лексы; как || он скоро за ворота выехал, так его лошадь с себя шибла и волокла его даже что чуть не^к до Сергиева скита, но токмо еле жива оставила: рот ему своротило, и придрало всего, и приломало, и после того год не ставал с постели, кто поворотит, то и поворотится, и так зле свой живот скончал.

А отец Филипп сидел в железах три дни, и приехал и на то время с Новаграда купец, прозванием Мошников,^а в монастырь на Лексу; услышал, что Филип скован сидит, то скоро Мошников на Семена закричал: «За что светолепного старца сковал?». И сам Мошников пошел, железа збил со старца Филипа и вывел из монастыря вон в Надеждин скит. Жил там отец Филип год в риги. ||

И стала к нему братия збиратися,^м един по единому умножати^{а. 4}, и поставили келью, и жил недолго на том месте, и усмотрел место за мхами, и поставил пять келей, и стали к нему братия множитися. И настроил келей много, то стали из монастыря к нему ходить, отца Филипа уговаривать — ово ласканием, ово страхом, — и того страха отец Филип ниже убоясь, но токмо от святого писания предводит, с тем и поидут.

Многokrатно приходили, что с тем выманить да посадить, а иные говорят: «Станем кормить», а другие говорили, что заморим его, чтобы имя его не поминалось и не обличал^н бы; но божиим судом такового дела не допусти бог: когда и подается отец Филип итти, тогда братья^о || яко едиными усти говорили: «Отче, не ходи», яко святым духом научены. И то видя таковую его крепость во отце Филипе, ей, не могут его выманить, однако

^е Исправлено, в ркп. край листа истерся. ^ж Исправлено, в ркп. край листа истерся.

^и Исправлено, в ркп. край листа обсыпался, слога приписан позже.

^к В ркп. буквы расплылись, возможно прочтение но. ^х В ркп. первая буква и переправлена из буквы е.

^м Более поздним почерком над словом поставлен ъ: зъбиратися. ^н Исправлено, в ркп. облича. ^о Исправлено, в ркп. братья.

придумали сами к нему и собрались именно: Захар^п Нефеев, Мануил Петрович, инья прочие, и стали советовать, яко на злодея, или яко на разбойника, или как жиды на Христа.

Когда совет сотворили, того дня Захара^р Нефеева раздуло яко скотину, не удобь сказати человеку, в той день, яко злодей, пропал горькою смертию, и в часовни отпеть не могли, понеже что утроба его лопнула, то пошло из него злосмраднаго^с духу, что в часовни народу быть стало невозможно, недопевши^с вынесли вон в могильную яму, и тут многие люди^т || прочь отбежали, не терпя такового злосмраднаго духа.

И того оне, окаянныя, ниже страха и ужаса не убоялися: сходили в Олонец сами безо всякого понуждения и команду взяли, в Шуньги понятых неволю,^у яко на разбойника какого, а многия в то время не хотеша на таковое злодейство итти, то тех били, яко едва не до смерти; тогда многие разбежались и горьким плачем и рыданием^ф плакали, что на благолепнаго святаго старца вооружилися, окаянныя,^х яко на злодея.

И тогда собралися они в монастырь человек седмидесят и пошли ко отцу Филиппу. Тогда Мануило Петрович стал своим единомысленникам говорить: «Если что старец станет давать денег — сто рублей или триста, — отнють^н не берите, || но токмо сожгите его, чтобы праху не было его».

И в то время тут стоял человек, именем Василей, того же монастыря, слышал таковое богоотступное его наказание безчеловечное, етот Василей, не терпя такового^т зломысленнаго наречения, етот Василей побегал ко отцу Филипу, яко орел высокопарный,^ш чтобы оне, окаянныя, не пришли *внезапу*.^ш

Умыслиша, дабы кто отцу Филиппу не возвестил, пришли в Надежин скит ночью, възяли огня и смолья, и пошли ношью. ||
^{л. 6} И не дошедши до отца Филиппа за поприще, и приказал Мануил^о Петрович всем нарубить колья для уразин: «Кто на дороги попадет или побезит, то бейте^ю до смерти, не упущайте времени».

И тогда стали^а посылать единого осмотреть, что у них твояритца. И пошел к старцу посмотра ради, имя ему Василей, пришел ко отцу Филиппу ночью под окно, молитву сотворил, поколотился у старца Филиппа, а сам горко заплакал: «Прости^п, а мя, грешнаго, — согрешил, не того ради я к тебе пришел, что

^п Исправлено, в ркп. Зарар. ^р В ркп. Зарара исправлено на Захара. ^с Исправлено, в ркп. злосмрадный. ^т В ркп. многие люди повторено два раза — в конце этого листа и начале следующего. ^у Исправлено, в ркп. неволю. ^ф Исправлено, в ркп. край листа истерся. ^х Исправлено, край листа обсыпался. ^н Исправлено, в ркп. отнють. ^ш Исправлено, в ркп. татаваго. ^ш Исправлено, в ркп. высокопарный. ^ш Исправлено, в ркп. невзапу. ^ю Исправлено, в ркп. Мануил. ^ю Исправлено, в ркп. бете. ^а Исправлено, в ркп. стаи. ^п, ^а Исправлено, в ркп. прсти.

тебя гонить, возвестить тебе, что идут к тебе и совсем окончать тебя».

Тогда отвечал ему Филипп: «Бог тебя простит, чадо, в сем веке и в будущем. Мы уже на то дело давно готовы». То он пошел, своим возвестил о вышереченном || Василии-вестнике; когда он пришел ко отцу Филиппу и сказал все подробно, яже сам тут был, что и от такового страха едва жив прибежал, стал просить: «Отче, благослови и мене тую же чашу пить вместе с вами, да не изыду от вас вон». Тогда рече ему отец Филипп: «Господь тебя благословит, чадо, но пребуди с нами до скончания».

л. 6 об.

И от того часа отец наш, благолепный муж Филипп, нача братию збирати в часовню, уготовляя себе и братию к смертному часу, ожидая суда божия, но токмо приказал двери все запереть,^б и заповедав братиям и сестрам молиться богу со слезами, чтобы бог избавил горкия муки страшного и нестерпимаго тар-тара и тмы крошешных и огня негасимаго: «не бойтесь крамолы здешняя и клеветания от врагов неприязненных, понеже ратует ими диявол, не дает покою верным своим || рабом. Ефрем в^в а. 7 слове своем 105: „Когда воцаритца прескверный змий, покоя не даде на земли верным своим рабом христовым не в горах и не верьтепах, ни в пропастях земных“. Неуже не весте, братия моя, сего злаго змия наставшаго^г времени? Рече святей Иполит в своем слове: „Когда востанет царство на царство,^д и царь на царя, и князь на князя, сын на отца, и жена на мужа, муж на жену, тогда злое будет время“. Иоан Златоуст в Маргарите речет: „Побежат церкви божия в горы, и в вертепы, и в пропасти земныя“. Толк:^е „церкви божия — сущия христианы, тогда антихристово время будет“. Не то ли уже, братия моя, оказалось самое дело? Господь сам своими пречистыми устами рече: ^ж „Аще кто душу свою убьет мене ради и евангелия,^з той спасет ю, то уже, братия, || не бойтесь,^и не убойтися сего нападения“».

л. 7 об.

В то время увещавая светолепный и боголепный отец^к наш Филипп братию свою, укрепляя божественным писанием, и в то время напали, яко разбойники, поколотилися у отца Филиппа у окна,^а а другие, не дожидая^м старцова ответа, зачели часовню рубить в шесть топоров и стали двери прорубать, то старухи закричали: «Батушко (так!), батюшко, уже попадают в часовню!». Тогда отец Филипп преподал благословение детям своим, последнее прощение положили, начал (так!), и стали класть конечное начало, тогда все умолкнули, и положиша начало,

^б Исправлено, в ркп. запереть. ^в В ркп. нет. ^г Исправлено, в ркп. настало под титулом. ^д Исправлено, в ркп. рство под титулом. ^е В ркп. тол под титулом. ^ж В ркп. нет. ^з Исправлено, в ркп. евангелия. ^и Исправлено, в ркп. ботеся. ^к Исправлено, в ркп. от отец. ^л Исправлено, в ркп. а ужна. ^м В ркп. буква о переправлена из ы,

и тогда "отец Филипп" поклонися братии^о до земли и рек, яко
л. 8 гром грянул: «Простите мя, || отци и братия, в сем веце и в бу-
дущем». Тогда братия, яко единеми усты, вопияху: «Господь бог
тебя простит, честный отче». И начаша вси по единому прощатце:
«Прости^п мя, отче честный». Тогда учинилася плачь прощенная.

Стали салдаты, кто у них поп спрашивать, кто ли есть. Тогда
манастырския сказали, что попа нет, а есть у них простой ста-
рец.

В то время скоро запустили огня под цесовню, тогда загоре-
лось часовня. Тогда ни единой из них не скричал и не зрел,
яко вси прежде огня умерли, легким сном заснули. Тогда мана-
стырския^р почали грабить, кому что попадет. Где отец Филипп
стоит, то окно было одним ставнем не крепко заперто, скоро
прогорело. Не точию солгать что, другия видели и молчат. ||
л. 8 об. Увидел посланной афицер, что отец Филип стоит во пламени
под окном невредим и ризы его целы, и стоял до тех пор, пока
не опал потолок. Тогда закричал афицер на салдат и мужиков:
«Отнюдь^с ничего не троньте, понеже сожгли старца святого, во-
истинну святой старец, что огнем не горит». А которая с Фили-
пом^т горели, как поклонилися, так все рядом и ляжат... ||

(ИРЛИ, Пинежское собр., № 414, лл. 2—8 об.).

ЧЕРНОВОЙ ТЕКСТ ОКОНЧАНИЯ «ИСТОРИИ»

л. 11 ...|| до земли, яко гром грянул: «Просите мя, отцы и братия,
в сем веце и в будущем». Тогда братия яко единеми усты во-
пияху: «Господь бог тебя простит, честный отче». И начаша все
по единому прощатися: «Прости мя, отче честный». Тогда учи-
нилася плачь прощенная. Стали салдаты спрашивать, кто у них
поп. Тогда манастырския сказали, нет у них попа, есть простой
старец. В то время скоро запустили огня и загорелись келии.
Тогда не единой^а из них не скрычал и не зрел из них, яко
прежде огня все умерли, легким^б сном заснули. Тогда манастыр-
ския почели грабить, кому что попадет. Где отец Филипп стоял, ||
л. 11 об. то окно было некрепко заперто одним ставнем, то скоро прогорело.
Некто увидал и сказал прочим, что и другия тоже^в видели.^г Уви-
дел поставленный афицер, что стоит отец Филип во пламени под
окном невредим, и ризи его целы, и стоял до тех пор, пока не опал
потолок. Тогда закричал афицер на салдатов и мужиков: «От-
нюдь нечего не троньте, понеже святого старца сожгли, воистинну

^{н-п} Исправлено, в ркп. отцу Филиппу. ^о Начиная с этого места
весь текст повторяется ниже еще раз.

^р Исправлено, в ркп. манастырския.

^с Исправлено, в ркп. отнюдь.

^т Исправлено, в ркп. Вилипом. ^а Исправлено, в ркп. едино.

^б Исправлено, в ркп. лежим. ^в Далее оставлено чистое место для одного
слова. ^г В ркп. далее другия.

святой старецъ, что огнем ||^л не горит». А которыя с Филипом^е л. 12
горели, как поклонилися рядом, но^ж все яко уснули, не един
от себя ни руки, ни ноги прочь не откинули. По згорении отца
Филиппа нападе на них страх великий, яко земли колебати.
Тогда начаша о такомъ ти страсе дивитися, вси богу молитися
со слезами. Богу нашему слава и ныне и присно и во веки веком.
Аминь». ²³ ||

^л Перед этой строчкой 5 строчек оставлено чистыми. ^е Исправлено, в ркп. Вилипом. ^ж Исправлено, в ркп. нъ.

²³ Только что изданное «Описание Рукописного отдела БАН СССР» указывает еще один список «Истории» в рукописи БАН 21. 9. 19, лл. 180—188 (список начала XIX в., относится к группе Б) и его публикацию в книге В. И. Срезневского «Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае» (СПб., 1913, стр. 466—469), оставшуюся нам неизвестной. См.: Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 3 (Исторические сборники XVIII—XIX вв.), Л., 1971, стр. 106.

Р. П. Дмитриева

ОСОБАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

В. Ф. Ржигой было установлено четыре редакции Повести о Петре и Февронии. Та редакция Повести, о которой пойдет речь в настоящей статье, до последнего времени не была известна. Дадим ей условное название — Особая редакция. Первым и пока единственным опубликованным исследованием этой редакции являются тезисы доклада С. К. Росовецкого, прочитанного им на научной студенческой конференции.¹ Текст Повести Особой редакции до настоящего времени не публиковался.

Повесть о Петре и Февронии в этой редакции известна по единственному списку, хранящемуся в Пушкинском доме в Причудском собрании № 4. Рукопись эта была приобретена во время экспедиции 1961 г. в эстонское Причудье, в месте бывших старообрядческих поселений, существовавших с Петровского времени.² Рукопись представляет собой старообрядческий сборник XVIII в., написана она разными почерками мелким полууставом, в 8-ку, на 283 листах.

Содержание сборника разнообразное: в него включены «слова», сказания и повести из патериков, Лимониса, Пролога, Старчества, жития святых, апокрифические произведения, выписки из Толковой Палей, статьи исторического содержания. Перечислим наиболее интересные из них: «О приходе царя Иоанна Васильевича в Новъгород и о пленении его», Послание Филофея Василию Ивановичу о Москве — третьем Риме, «Послание к царю Алексею Михайловичу христианское», «Книга глаголемая космографии, сложена от древних философ, преведена с римскаго языка, предисловие», апокрифы «Во святой и великий четвертог слово святого блаженнаго Евсевия и о шествии Иоанна Предотечи во ад» и «Видение Макария Египтянина». Повесть о Петре и Февронии находится в начале рукописи на лл. 8—20 об.

¹ С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора. В кн.: Тезисы докладов XXI студенческой конференции. Филология и история. Вильнюс, 1968, стр. 31—32.

² Ju. K. Begunov. Auf der Suche nach altrussischen Handschriften bei den Altgläubigen am estnischen Ufer des Peipussees. Zeitschrift für Slawistik, Bd. XIV, H. 4, Berlin, 1969, S. 514.

Эта редакция Повести по своему характеру переделки оригинала отличается от остальных редакций. Вторая, третья и четвертая редакции сохраняют в основном текст первоначальной редакции, редакторы их делают только большие или меньшие добавления с целью подчеркнуть и усилить ту или иную мысль. В Особой редакции новых фактов и добавлений нет. В ней сохранены все элементы рассказа первой редакции, но по преимуществу они переданы в несколько сокращенном виде. В целом это самостоятельное переложение содержания Повести, взятого по первой редакции, под определенным углом зрения пересказчика и в его собственной манере изложения. Текстуальной близости между первой редакцией и Особой значительно меньше, чем между первой редакцией и другими переделками оригинала Повести. Прямых текстуальных заимствований из оригинала в Особой редакции почти нет, встречаются только отдельные фразы, преимущественно в диалогах.

Прежде чем говорить о литературной манере и характере изложения текста Особой редакции, следует остановиться на вопросе о зависимости Особой редакции от первой, о ее вторичности. В упомянутой выше публикации С. К. Росовецкого проводится мысль о том, что текст Повести о Петре и Февронии по списку Причудского собрания № 4 является первоначальной редакцией и что некоторые фольклорные мотивы, использованные в Повести, ближе здесь народному творчеству, чем в первой редакции.³

Доказать зависимость текста Особой редакции от первой сравнительно легко. Остановимся на начале Повести, где рассказывается о посещении змеем жены князя Павла и о борьбе князя Петра со змеем. В зависимости этого сюжета от фольклорной основы никто не сомневается. Но как передан рассказ в первой редакции и как в Особой? Для большей ясности и наглядности приведем начало эпизода по той и другой редакциям:

Первая редакция

В нем же бе самодръжствуи благоверный князь, яко же поведаху, именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человеку диавол всели неприязненного летящаго змиа к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты яко же быше и естеством, приходящим же людям являшеся, яко же князь сам седяше з женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша. Жена же

Особая редакция

Бяше же у брата его (Петра, — Р. Д.) Павла жена прекрасна. Обое житием своим чисто живый, заповеди господня соблюдающа и всеми добродетelmi украющеся. Таже позавидев им диавол лукавый доброду их начинанию и совокупися с Павловою женою. И нача бес часто приходити во образе Павлове. От того же часа одолею враг насилем. И бысть жене той

³ С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора, стр. 31.

сего не таяше, но поведаше велия скорбь от него и болезнь.
князю мужеву своему вся ключь- И вся поведи мужу своему.
шася ей. Змий же неприязный
осиле над нею.⁴

Вместо сказочного огненного змея, обольстителя и насильника, каким он предстает в рассказе первой редакции, в Особой редакции выступает «дьявол» или «бес», обычный отрицательный персонаж житийных произведений. Вторичность текста Особой редакции определяется некоторой непоследовательностью ее в изложении содержания. С начала эпизода и почти до самого конца его в Особой редакции речь идет о дьяволе или о бесе. Этот дьявол лишен каких-либо конкретных индивидуальных черт. Иногда он называется врагом. И только после того как Петр ударил мечом этого дьявола, в тексте сказано: «И абие явися змий и укану кров вражия на блаженнаго Петра».

Если исходить только из текста Особой редакции, упоминание змея в последнем предложении является неожиданным. Читатель должен недоумевать, почему же дьявол после смерти приобрел облик змея. К этому читатель не подготовлен ни предыдущим изложением, ни разъяснением в конце эпизода. Недоумение легко снимается, если обратиться к тексту первой редакции, где с самого начала эпизода речь идет о змее, который мог принимать различные облики, а после смерти явился в своем настоящем виде. Редактор Особой редакции, внося изменения в оригинальный текст, допустил оплошность: в начале рассказа он не упомянул, что дьявол имел облик змея.⁵ Свидетельством того, что в оригинале речь шла именно о борьбе со змеем, является упоминание о подвиге Петра в похвале, помещенной в конце Повести («Радуйся, Петре, яко дана ти есть благодать от бога убити летящаго свирепаго змия») и в церковной службе («Петра благочестиваго възхвалим, иже прегордаго змия поправшаго»)⁶. Похвала без изменений сохранена в Особой редакции. Это лишний раз подтверждает, что Особая редакция является перделкой, а не оригиналом.

О том, что Особая редакция пересказывает первую, говорит также характер известий о брате Февронии. Редактор Особой редакции в этом эпизоде, как и в других случаях, передает со-

⁴ Здесь и далее текст Повести о Петре и Февронии первой редакции цитируется по изданию: М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии. (Тексты). ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 225—247.

⁵ Отметим, что и С. К. Росовецкий допускает подобного рода ошибку. Говоря о большей близости Особой редакции фольклорным мотивам, он рассматривает эпизод соблазнения женщины змеем. Эта связь действительно легко прослеживается в тексте первой редакции, но если обратиться к тексту Особой редакции, то фольклорные мотивы в ней можно установить только через посредство первой редакции. С. К. Росовецкий собственно и оперирует данными, взятыми по первой редакции.

⁶ ЦГИАЛ, собр. Синода, № 3907, л. 315.

держание в более кратком виде, чем это изложено в оригинале. Разговор Февронии со слугой князя Петра сохранился, но он значительно сокращен. На вопрос слуги о брате Февронии отвечает загадкой: «А брат мой в наве зрети». Эта фраза близка тексту первой редакции: «Брат же мой иде чрез ноги в наве зрети». Разъяснение загадки в Особой редакции Феврония дает следующее: «А брат же на борзи лазит и зрит ясно на землю, кабы не упасть». Смысл разгадки в этом ответе остается неясным, так как здесь нет разъяснения, зачем брату Февронии понадобилось лазить на деревья. Это обусловлено тем, что редактор Особой редакции, дав свой вариант загадки об отце Февронии, как о хлебопашце, опустил из ее ответа фразу о том, что ее отец и брат являются бортниками («отец мой и брат древолазцы суть, в лесе бо мед от древня вземлют»).

Таким образом, вторичность Особой редакции и зависимость ее от первой редакции очевидны. Высказанное С. К. Росовецким мнение о том, что текст списка Причудского собрания № 4 представляет собой первоначальную редакцию Повести о Петре и Февронии, от которой ведут свою историю остальные редакции, является ошибочным. Решаемый им в зависимости от этой гипотезы вопрос о взаимоотношении разных редакций Повести с фольклорными источниками также требует уточнения.⁷

О времени создания Особой редакции трудно сказать что-либо определенное. Единственный список ее относится к XVIII в.⁸ По всей видимости, эта переделка Повести была сделана поздно, не ранее конца XVII—начала XVIII в. Дело в том, что в тексте Особой редакции встречается такое позднее словосочетание, как «госпоже прекрасная девица».

Решение вопроса, поднятого С. К. Росовецким, о зависимости Особой редакции от фольклорных мотивов связано с выяснением природы и характера переделки, проведенной редактором Особой редакции. Как убедимся ниже, редактор этого варианта Повести о Петре и Февронии поставил задачу пересказать содержание ее, приблизив стиль изложения к жанру жития. Сопоставив между собой тексты первой редакции Повести и Особой редакции, нетрудно убедиться, насколько текст оригинала Повести не трафаретен и далек от традиции житийного жанра и насколько пересказ его в Особой редакции приближен к житийной манере изложения. Это в известной степени привело к некоторому изменению содержания Повести. Излагая содержание Повести в житийной манере, редактор Особой редакции — хотел он того или нет — значительно притушил конкретность и конфликтность

⁷ С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора, стр. 31—32.

⁸ С. К. Росовецкий датирует его XVII в., см.: С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора, стр. 31.

рассказа, которые свойственны оригиналу. Особенно это коснулось тех частей Повести, где оригинал ее использует народно-сказочную основу.

Автор переделки стремился вернуть произведение к тому классическому стилю житийной литературы, который существовал на Руси с древнейших времен. Эта переделка Повести не связана с какими-либо новыми идейными или литературными тенденциями и течениями, а наоборот, редактор ее стремится сохранить старые традиции, выработанные для житийного жанра. Наряду с быстрым развитием литературы нового времени в XVIII в. продолжала существовать и средневековая система жанров, нередко связанная со старообрядческой средой.⁹ Вероятнее всего, что и рассматриваемый вариант Повести о Петре и Февронии был написан в старообрядческой среде. Это одна из консервативных переделок Повести.

Чтобы мысль была ясна, следует сравнить этот вариант переделки с четвертой редакцией, которая тоже была составлена в XVIII в. Редактор ее не был особенно смелым и решительным, он внес в текст только небольшие добавления и распространения с целью подчеркнуть свои демократические симпатии. Он с теплотой говорит о Февронии, о ее стараниях помочь бедным и обездоленным, ему импонирует ее крестьянское происхождение. В. Ф. Ржига связывает появление этой редакции с общим усилением демократических тенденций в литературе последней трети XVIII в.¹⁰ Задача, поставленная редактором Особой редакции, была совсем иной. Он относился к содержанию как к житию святых, поэтому и пересказ его построен с соблюдением канонов житийного стиля. Цель эта была им достигнута.

Последнее наглядно подтверждается сопоставлением Повести по Особой редакции с текстом проложной статьи, посвященной Петру и Февронии, которая была написана в XVI в. Они очень близки между собой по стилю изложения и по характеру содержания. Точнее сказать, редактор Особой редакции привносит в свой рассказ те общие для житий биографические сведения о святых, которые составляют содержание проложной статьи. Однако текстуальных совпадений между Особой редакцией и проложной статьей нет. Это говорит о том, что редактор Особой редакции не имел перед собой текста Пролога. Близость между Прологом и Особой редакцией объясняется стремлением составителя Особой редакции передать содержание произведения в традиционно житийном стиле. Для примера приведем начало того и другого произведения. В Прологе читается: «Сей благо-

⁹ Д. С. Лихачев. Семнадцатый век в русской литературе. В кн.: XVIII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 327.

¹⁰ В. Ф. Ржига. «Повесть о Петре и Февронии» в русской литературе конца XVIII в. ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 429—431.

честивый князь Петр родился от благочестиву родителю и святу и наказан бысть в добре исповедании и целомудрии во граде Муроме и праведно власть свою правя».¹¹ Повесть в Особой редакции также начинается с традиционного житийного зачина о детских годах святого: «Сей бе благородный и благочестивый великий князь Петр родился от благочестну родителю в Муроме граде и воспитан бысть от нею в добре наказании, в страхе божии, посте и молитве и всех добродетели прилежав».¹² В оригинале Повести этого текста нет. Автор первоначальной редакции в ходе изложения событий о посещении жены князя Павла змеем впервые вскользь упоминает о князе Петре: «Имеяше же у себе приснаго брата, князя именем Петра». О Февронии в Прологе сказано, что она «от благочестиву корене родися и добре научена бысть благочестию».¹³ В Особой редакции также отмечено, что она была «от христиану родителю». О правлении Петра в Муроме редактор Особой редакции говорит пространно и теми фразами, которыми обычно характеризуются добродетели житийных героев.¹⁴ И здесь он очень близок проложной статье и по содержанию, и по стилю изложения.¹⁵

В отличие от проложной статьи, которая не передает конкретных фактов из жизни Петра и Февронии, составитель Особой редакции добросовестно перелагает содержание Повести. И во всех случаях, где только возможны параллели с житийными си-

¹¹ ГПБ, собр. Титова, № 536, л. 85 об.

¹² Ср. соответствующие тексты в житиях, написанных Пахомием Сербом: 1) «Се преподобный отец наш Никонъ рождение и воспитание имяше град Юрьев зовом. Сын родителю христиану нача же благоверну и благочестием сияюще. От юна же възраста и от младых ногтей изволи богу работати»; 2) «Се убо преподобный отец наш Кирил родился от благочестиву и крестяну родителю... Устраивъшу же отроку и божественному писанию извыкъшу и прочее растушу ему въ всяком благоговействе и чистоте и просвещенном разуме» (В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. LXV, V).

¹³ ГПБ, собр. Титова, № 536, л. 86.

¹⁴ «И доехаше Мурома града и начаста жити вкупе во благочестии, посте и молитве, и ко святым церквам ходити, многу милостыню к нищим творяще господу ради. По мале же времени преставися Павел, брат его. И бысть по брате своем князем Муроме граде, добре строяше державство свое, обидимыя избавляя от силных, печальных утешая, нищия милуя и во всем благоугоден бысть к богу и человеком» (ИРЛИ, Причудское собр., лл. 14 об.—15). В первоначальном варианте в этом месте сказано кратко: «Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста в всяком благочестии, ничто же от божних заповедей оставляюще» (М. О. Скрипица. Повесть о Петре и Февронии (тексты), стр. 236).

¹⁵ «И тако оба свята и праведна беста и любяста целомудрия и чистоту, и баста милостива и праведна и кротка и обидимыя изимаста из руки обидящих. И иноческий и священнический чин добре любяста и милостыню подаваста им. Тако же нищия миловаста вельми и посту и воздержанию прилежаста, и паки по премногу Христу угодивша во всем добрыми делы своими, желающа по господню словеси кротких землю наследити и покой праведных обрести» (ГПБ, собр. Титова, № 536, л. 86).

туациями, автор пересказа прибегает к приемам житийного стиля. В рассказ о приобретении князем Петром агрикова меча автор переработки ввел стилистические формулировки, которые обычно употребляются в житийных текстах с описанием явлений святых. Вместо краткого упоминания в оригинале о том, что Петр, как обычно, пришел в церковь Воздвижения помолиться, Особая редакция в житийной манере передает страстное обращение святого к богу: «И паки вниде благоверный во святую церковь, тепле припадая к божественному образом господним, со слезами молящися богови на мног час». И в конце эпизода редактор включил подходящие этой ситуации фразы («И не видим бысть от него», «возда хвалу богу»).¹⁶

Сцена исцеления Петра в Особой редакции тоже передана ближе к житийному жанру, с использованием фразеологии, употреблявшейся в описании чудес об исцелении. Так более пространно и более близко к житийным стилистическим приемам сказано в Особой редакции о поисках к исцелению Петра: «Брат же его Павел со женою своею по вся дни велми о нем плачущеся, видевше его в велицей сей язвы. Многих врачей приводяще в дом свой целбу творяще. И ничто же помогающе. Уже бо да полу имени своего издающе врачем, никоея же ползы обретше во граде».¹⁷ Имеющиеся в этом эпизоде диалоги в Особой редакции несколько подсокращены, но стилизацию под житие в них было трудно провести, поэтому здесь она отсутствует. В конце же эпизода редактор Особой редакции опять пользуется приемами стиля жития, связав содержание Повести с определенной житийной ситуацией. Князь Петр нарушил данное Февронии слово и должен был к ней обратиться вторично. Автор оригинала Повести смотрел на отношения между Петром и Февронией как на обычные отношения между людьми и отметил то неловкое положение, в какое попал князь Петр («И паки възвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же приспе в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания»). В Особой редакции этот заключительный момент с исцелением приближен к житийной ситуации, когда исцеляемый сомневается в способности чудотворе-

¹⁶ Для сравнения можно привести пример из жития игумена Никона в чуде об исцелении купца Симеона Антонова. После молитвы Симеона к Сергию Радонежскому ему явились Сергей и Никон и благословили его. Кончается описание чуда следующим образом: «И абие оба невидимы быста. Симеону же възбнувшу от видения, разуме яко болезнь отъяша от него святый, и здравие ему дароваша. Встав же в той час сотвори поклон, въздая благодарение богови и угодникам его преподобным отцем и чудотворцем» (В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания, стр. LXXX).

¹⁷ Ср. в Житии Варлаама Хутынского в чуде о слепом: «Тако много время бяше претыкаася, и сетуа, и плача свою слепоту, многа же и врачемъ издаа, никоея ползы обреташе» (Великие Миниеи-Четии, ноябрь, СПб., 1897, столб. 208).

ния святого. Так, в Житии Кирилла Белозерского есть рассказ о том, как Кирилл тушил пожар в монастыре при помощи креста и молитвы. Видевший это один мирянин посмеялся над святым и в результате навлек на себя божий гнев. Рассказ заканчивается словами: «Познав же мирянин той свое согрешение за еже святому поноси и сего ради пострада и начат съ слезами молити святаго и прося от него прощения».¹⁸ Такими же показаны в Особой редакции отношения между князем Петром и Февронией: «Таже князь Петр проразуме свое прегрешение к мудрей девицы, плакася горко греха своего. И скоро отъеде ко блаженной Февронии. И припаде к ней с великим молением и слово воздаст истинное». И о полном выздоровлении князя Петра Особая редакция сообщает в типично житийном стиле, свойственном чудесам, посвященным исцелению: «Премудрая же Феврония, виде его теплую любов к себе, вскоре исцеление дарова князю Петру и здрава сотвори, яко же прежде. И воздав хвалу господеву».¹⁹ Первоначальная редакция в данном случае ограничивается фразой: «Он же вьскоре исцеление получив».

Рассказывая далее о совместной жизни Петра и Февронии, редактор Особой редакции на протяжении всего текста вставляет формулировки, подобающие описанию жизни святых. Говорит ли он о деятельности и поведении Петра или касается поступков Февронии, во всех случаях он старается включить определения, свойственные житийному жанру. В эпизоде изгнания Петра и Февронии из Мурома составитель Особой редакции кроткое поведение Петра определил житийной формулой об унижении святого: «Петр же вся терпя понос и унижение господа ради». Автор же первоначального текста обмолвился об этом несколько иначе: «...бе ему обычай ни о чесом же ярости имея».

Уход в монастырь и преставление Петра и Февронии тоже переданы в Особой редакции в форме, более близкой житийному стилю, чем это было дано в оригинале.²⁰ Здесь опять много об-

¹⁸ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания, стр. XXIX.

¹⁹ Для сравнения можно привести пример из Жития Кирилла Белозерского: «Точию воды священиы от святаго принесенной вкусив и от нея по всему телу покротився, исцеление получи и бысть здрав молитвами преподобнаго Кирила» (В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания, стр. XXXIII). Подобный же текст можно найти в Житии Варлаама Хутынского: «...и яко позна свое исцеление, и абие радости исполнився, исцеления дар ясно всемъ исповедаше, и тако отъиде в дом свой здрав... слава и благодаря бога и угодишка его святого Варлаама» (Великие Мини-Четии, ноябрь, стлб. 208—209).

²⁰ В Особой редакции использованы формулы, обычные при описании ухода из мирской жизни: «во всем на бога уповающе и възненавидеста мира сего красоты, во всем угодиша богу», «и възлюбиста ангельское житие и отидоша каждо во свой монастырь», «и препроводивше дни своя в посте и молитве, во всяком воздержании».

щего между Особой редакцией и проложной статьей о Петре и Февронии.

Редактор Особой редакции сохраняет принятый принцип изложения до последнего эпизода Повести — о соединении Петра и Февронии после смерти в одном гробу. Сообщив о том, как трижды святых пытались похоронить в разных гробах и в конце концов оставили тела их в общем гробу, редактор не очень удачно включил несколько фраз, обычно употреблявшихся при описании погребения. В результате получилось так, что он как бы вновь вернулся к началу рассказа о погребении. Этот добавленный традиционный текст, употреблявшийся при описании погребения святых, опять очень близок соответствующему месту проложной статьи.²¹

Редактор Особой редакции, строя свой самостоятельный пересказ Повести, был связан двумя обстоятельствами, о чем уже говорилось выше. С одной стороны, он хотел несколько короче передать содержание уже имевшегося текста, с другой — стремился передать его в стилистической манере жития. Он помнит, что главные его герои — святые, поэтому он не только дополняет рассказ обычными для жития биографическими сведениями, но и каждый эпизод повести стремится приурочить к определенной житийной ситуации. В первоначальной редакции отношения между князем Петром и крестьянской девушкой Февронией определены жизненными обстоятельствами, поступки их мотивированы и человеческими чувствами, и их социальным положением. В пересказе они поступают так, как должны поступать святые. В результате этого князь Петр оказывается в двойственном положении. Он главный герой жития, но в то же время в эпизоде его излечения роль святой отведена Февронии, и князю Петру приходится выступать в роли не только простого смертного, но смертного, допустившего проступок, — он нарушает данное Февронии слово. Эта двойственность положения Петра лишний раз говорит о том, что Особая редакция представляет собой один из вариантов переделки Повести о Петре и Февронии, — переделки, выполненной в стилистической манере жития.

Из изложенного ясно, что эта редакция не может быть ближе к народно-сказочным сюжетам; наоборот, она дальше, чем первая редакция, отходит от фольклорной основы. Автором перера-

²¹ В Особой редакции читается: «И прославиша бога и препроводив честно со псалмы и песньми и пении духовными со многими слезами. Бысть плач велий, яко гром ею ради. И положиша честная их тела во едином гробе в церкви соборней Рожества святей богородицы». Ср. в Прологе: «По сем плакахуся боляре и вельможи блаженного яко отца, граждане яко заступника и оборонителя, нищие же и вдовицы и алчущии яко питателя и наказателя. И тако святых весь град проводивше честно и положиша честныя ею мощи в том же граде Муроме в церкви в едином гробе» (ГПБ, собр. Титова, № 536, л. 86—86 об.).

ботки является книжный человек, хорошо знающий стиль житийного жанра. Особенно наглядно видно отступление от фольклорной основы и приближение изложения к житийному жанру на примере эпизода борьбы со змеем. Рассказ в Особой редакции построен на использовании житийной ситуации искушения бесом. В Особой редакции речь идет собственно не о сказочном огненном летающем змее, соблазняющем женщин, а о дьяволе, который позавидовал «доброму начинанию» князя Павла и его жены. Терминология в этом эпизоде выдержана в стиле жития: дьявол иногда называется бесом, иногда — врагом. В пересказе в соответствии с традицией житийного изложения подчеркнуто, что избавление от искушения дьявола бывает только по воле бога.²² Заканчивается эпизод обычной житийной формулировкой о победе над дьяволом: «и обличив диявола и усекнув главу его». И лишь одна фраза в последнем предложении («и абие явился змий») напоминает о народно-сказочной основе этого рассказа.

Однако в этом варианте Повести имеется единственное добавление, которое на первый взгляд можно связывать с влиянием устно-народного творчества. Именно на это добавление обратил внимание С. К. Росовецкий и на основании только его одного сделал выводы о большой близости текста Особой редакции народному источнику и о первичности этого текста по сравнению с первой редакцией.²³ Добавление включено в число иносказательных изречений Февронии о ее родственниках. В первой редакции она произносит две загадки — первая о родителях, вторая о брате. В Особой редакции Феврония на вопросы юноши отвечает тремя загадками: первая относится к отцу, вторая — к матери, третья — к брату. Вторая и третья загадки повторяют содержание загадок первой редакции в несколько сокращенном виде. Первая же загадка, посвященная отцу, является оригинальным текстом Особой редакции. В ней говорится следующее: «Отец мой с малым изыде великая собирати». Разъяснение этой своей загадки Феврония дает такое: «Отец мой изыде на нивы сеяти, и послет бог много всякого обилия». Была ли эта загадка в первоначальном тексте Повести или вставлена в произведение составителем Особой редакции?

М. О. Скрипиль, выясняя сказочный прототип Повести о Петре и Февронии, относительно разговора мудрой девы о родителях и брате пришел к выводу, что первая загадка Повести объединяет две загадки сказочного сюжета (о матери и об отце).

²² В Особой редакции читается: «Таже милосердый бог, милуяи рабы своя, избавляя от диявола искушение, не хотя человеком погибели, но изволи всех спасти от напрасныя смерти, вскоре человеколюбие свое милостивое подает рабом своим боящимся его».

²³ С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора, стр. 32.

По всей видимости, сказочный прототип, как полагал М. О. Скрипиль, имел отдельную загадку об отце, ответом на которую было: «отец поехал сеять».²⁴ Текстом этой загадки, наиболее близким к сказочному прототипу Повести, по мнению М. О. Скрипиля, является запись в сказке по изданию Н. Е. Ончукова № 212: «Где у тебя отец? — В поле взад да вперед ходит».²⁵ По содержанию этот сказочный текст действительно близок дополненной загадке в Особой редакции. Тем не менее это еще не значит, что в данном случае Особая редакция передает чтение оригинала Повести о Петре и Февронии. И в то же время наблюдения М. О. Скрипиля о сказочном прототипе Повести остаются в силе.

Дело в том, что автор Повести, имея источником такой вариант сказки, не обязательно должен был рабопенно все заимствовать из сказки. Он свободно использовал материал сказки для передачи своих мыслей. И в авторском тексте Повести о Петре и Февронии едва ли иначе были даны загадки—ответы Февронии, чем они дошли до нас по тексту Первой редакции. Сам автор Повести не включил в свой текст трех загадок, объединив вместе упоминание об отце и матери. Весь текст этой части Повести в первой редакции четкий и ясный, как точен и логичен весь диалог в целом; соблюдается полное соответствие между вопросами и ответами. Здесь нет следов изменения текста. Вопросы и ответы определены логикой повествования, они не связаны формулами устносказочной традиции. Юноша спрашивает Февронию: «Где есть человек мужеска полу, иже зде живет?». Ответ Февронии определен этим вопросом, она объясняет, почему нет мужчин в доме: «Отец и матери моя поидоша в заем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави зрети». Далее она сообщает, что ее отец и брат древолазцы (бортники). Это упоминание противоречило бы содержанию загадки о том, что отец Февронии занимается хлебопашеством. Таким образом, надо признать, что автор Повести, отталкиваясь от сказочного сюжета, не следовал полностью его схеме. Он не включил в свой текст загадки о хлебопашестве.

Отмеченная выше нечеткость текста Особой редакции о брате Февронии как раз говорит о том, что редактор этой редакции, включив загадку о хлебопашестве, естественно должен был опустить в своем тексте слова Февронии о том, что ее отец и брат бортники. Из-за этого в тексте появилась неясность: непонятно, зачем брат Февронии лазит по деревьям.

Тем не менее необходимо остановиться на вопросе происхождения дополнительного текста Особой редакции, посвященного

²⁴ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 152.

²⁵ Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, № 212.

хлебопашеству. Составитель Особой редакции диалог между Февронией и слугой князя Петра о родственниках Февронии делает более коротким и упрощенным, чем в первой редакции. Но в то же время композиция его полностью соответствует тексту сказки, которую М. О. Скрипиль считал наиболее близкой к источнику Повести о Петре и Февронии.²⁶

По всей видимости, эта часть Повести в Особой редакции пересказана под влиянием сказочного сюжета. Новым в содержании Повести по сравнению с оригиналом является только добавление загадки о хлебопашестве. Русские сказки это иносказание мудрой девы передают по-разному.²⁷ Однако стилистическая манера этой загадки в Особой редакции не имеет соответствия с народными сказками. Раньше всего заметим, что текст Повести здесь недостаточно точно сформулирован. В самой загадке речь идет о сборе урожая, а в ответе говорится о сеянии. Эти нечеткие формулировки свидетельствуют о том, что текст загадки — ответа не традиционный, а скорее является творчеством редактора.

В пользу этого говорит еще одно обстоятельство. Взяв тему хлебопашества из народной сказки, редактор и здесь остался верен своей стилистической манере. Его загадка о хлебопашестве по своему стилю стоит значительно ближе церковно-учительной литературе, чем фольклорным формулам, употребляемым в сказках или загадках.²⁸ Приемы метафорического сравнения с земледельческой тематикой, традиционные в учительной литературе,²⁹ редактор Особой редакции использует уже для передачи

²⁶ В сказке читаем: «— Где у тебя отец? — В поле, взад да вперед ходит. — А мать? — Взямы плакать ушла. — А братья? — Промеж ног смотреть». Ответы на эти загадки будут следующие: «Отец пашет. Братья промеж ног дрова рубят. Мать взямы плакать ушла — ушла плакать по родителям, когда она умрет, по ней дети плакать будут» (Н. Е. Ончуков. Северные сказки, № 212). Ср. текст в Особой редакции: «Отец мой с малым изыде великая собирать. Мати же моя изыде в заем плакати. А брат мой в наве зрети». Объяснения загадкам: «Отец мой изыде на нивы сеяти, и послет бог много всякого обилия. Мати же моя изыде по мертвом плакати, тоже и по ней будет. А брат же на борзи лазит и зрит ясно на землю, кабы не упасть».

²⁷ Приведем некоторые примеры. См. у Н. Е. Ончукова (Северные сказки, № 217): «А где у тебя папаша? — А на поли взад-нет ходит» (ответом является: отец пашет). У А. М. Смирнова (Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. 1. Пгр., 1917, № 18): «— Где у тебя отец? — Ушли старым молодое обманывать» (ответ: сеять, — зерно старое, а вырастет молодое). В «Сказах и сказках Беломорья и Пинежья» (Архангельск, 1941, стр. 113—114): «— Де отец? — Отец говорит в воду ушел» (ответ: рыбу ловить).

²⁸ Для сравнения можно привести, например, такие загадки: 1) «В землю горсткой, а из земли пудовкой», 2) «В землю бросаем, не жалеем, на тот год разбогатеем» (Загадки. Изд. подготовила В. В. Митрофанова. М.—Л., 1968, стр. 73).

²⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 66—68.

реального явления, связанного с землепашеством. Само содержание загадки — ответа Февронии близко знаменитой евангельской притче о пшенице («Другая же падоша на земли доброй, и даюху плод, ово убо сто, ово же шестьдесят, ово же тридцать», — Евангелие от Матфея, глава XIII). Лексика и словосочетания в этой загадке совпадают с фразеологией, употреблявшейся обычно в метафорических выражениях о плодородии в учительной литературе.³⁰

Таким образом, у нас нет оснований говорить о большой близости Особой редакции фольклорной основе. Напротив, составитель ее в своем пересказе, стараясь сохранить содержание произведения, но в то же время передать его в традиции житийного стиля, в значительной степени отошел от народно-сказочных мотивов, которые четко прослеживаются в оригинале Повести.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

л. 8 Месяца июня в 25 день житие святого и благоверного великого князя Петра и его благоверныя княгини Февронии, муромских новых чудотворцев. Благослови отче.

Сей бе благородный и благочестивый великий князь Петр родися от благочестну родителю в Муроме граде и воспитан бысть от нею в добре наказании, в страхе божии, посте и молитве и всех добродетели прилежав. Часто хоужаше святыи по святым церквам, молящися богowi о своем спасении, милостыню и любов много к нищим творяще || господа ради.

Имеяше бо себе старейшаго единокровнаго брата именем Павла, княжение имеяше в преславном граде Муроме. Бяше же у брата его Павла жена прекрасна. Обое житием своим чисто живый, заповеди господня соблюдающа и всеми добродетелми украшающися. Таже^а позавидев им диявол лукавый доброму их начинанию и совокупися с Павловою женою. И нача бес часто приходити во образе Павлове.^б От того же часа одоле ю враг насилем. И бысть жене той || велия скорбь от него и болезнь. И вся поведати мужу своему.

^а Это слово в ркп. написано два раза. ^б В ркп. добавлено приходити.

³⁰ Для наглядности можно взять примеры из сочинений таких знаменитых русских писателей, как Серапион Владимирский или протопоп Аввакум: 1) «Всегда сею в ниву сердце ваших семя божественное, николи же вижду прозябша и плод породивша» (Е. Петухов. Серапион Владимирский проповедник XIII века. СПб., 1888, приложение, стр. 5); 2) «Зане сеянное в них семя словеси божия от церковнаго древлеотеческаго предания на ниве сердца их подавлено в них терпением печалей века» (Книга бесед протопопа Аввакума. Беседа седьмая «о старолюбцах и новолюбцах». В кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. Л., 1927, стлб. 314 (РИБ, т. XXXIX).

И виде ю Павел, муж ея, в толище скорби погибающею, и скорбяще по ней зело. И абие поведа брату своему князю Петру приключившуся напасть жене своей. И велми обоя сожалистася по ней, како погубити врага. И по сем повеле Петр брату своему вопросити жену свою^в у беса:^г «От чево будет тебе смерть?». Она же с лестию вопросила его о смерти. Диявол же поведа ей смерть свою, глагола ей: «Будет ми погибель от Петрова плеча и от агрикова меча. || Кроме того ничто же не вредит». Она же скоро поведа мужеви своему все по ряду. Павел же поведа брату своему^а Петру вражю погибель. Петр же, слышав от него тацы глаголы, о сем зело оскорбе, како может быти дело сие. Таже милосердый бог, милуяи рабы своя, избавляя от диявола искушение, не хотя человеком погибели, но изволи всех спасти от напрасныя смерти, вскоре человеколюбие свое милостивое подает рабом своим, боящимся его.

Изыде же Петр в некое время благополучно вне||града в девич монастырь Возьдвижение честнаго креста господня помолился. И паки вниде благоверный во святую церков, тепле припадая к божественному образом господним, со слезами молящеся богови на мног час. Таже преста ему юноша прекрасен зело от бога посланный и глагола Петру: «Хощеши ли, княже, аз ти победу покажу на врага?». И абие взял его за руку и веде его во святыи олтарь. И показа ему в раселине стены агриков меч и рек ему: «Сим мечем победиши врага». И не видим бысть от него. Петр же о сем || возда хвалу богу и абие взял меч в раселине и отиде в дом с радостию великою. л. 10 об.

Прииде же брат его Павел и вся козни дияволи сказа ему, како воображается всячески. И увери Петра: «О любезный мой брате, аще и в мой зрак узриши его, не ими веры сему, но победи его». Таже Петр вшед в дом его и узре врага сидяща со женою братнею во образе яко Павел, брат его. И не усумневся нимало и въскочив тамо во храмину и обличив диявола и усекнув главу его. И абие явися змий, и укану кров || вражия на блаженнаго Петра. л. 11

И от того часа начат тело его гнити, едва дыхание в нем оста от лютыя тоя болезни. Брат же его Павел со женою своею по вся дни велми о нем плачущеся, видевше его в велицей сей язвы. Многих врачей приводяще в дом свой целбу творяще. И ничто же помогающе. Уже бо да полу имения своего издаваше врачем, никоея же ползы обретше во граде.

Посем же отроки его взявше по всем градом поехали целбы взыскующи, но нигде же обретающе. И приехали в пределы Резанския || земли, иде же бяше блаженная Феврония от християну родителю. л. 11 об.

^{в-г} В ркп. подписано над строкой.

^а Испр.: в ркп. сему.

И се един от отрок уклонися весь некую. И вшед в дом Феврониин премудрыя и видев ю едину сядящу в срачищи единой ткущи платно. И абие узре девица, и глагола ему премудрая Феврония: «О человеце, нелепо есть дому быти без ушню их и храму^е безо очию, не бы тако просто семо пришел еси». Отрок же удивися разуму ея. И глагола отрок: «Рцы ми, госпоже прекрасная девица, что есть уши и очи?». Она же ему рече: «Очи есть —

л. 12 аще бы рабыня была, далече || бы ты узрела и поведала бы мне. А уши есть — аще бы пес был, то бы пролаел бы. Толико просто не пришел бы ко мне». Таже вопросив ю отца ея и о матери и о брате. Она же рече ему: «Отец мой с малым изыде великая собирати. Мати же моя изыде в заем плакати. А брат мой в наве зрети». Моли же ю отрок: «Рцы ми, госпоже, сия словеса мудрыя». Она же рече ему: «Отец мой изыде на нивы сеяти, и послет бог много всякого обилия. Мати же моя изыде по мертвом плакати — тоже и по ней будет. А брат же || на борзи лазит и зрит ясно на землю, кабы не упасть». И прочая беседоваше. И глагола ей юноша: «Вижу ты мудру сущу, девице. Како, госпоже, имя твое есть?». Она же рече ему: «Имя мое есть Феврония». И глагола ему: «Рцы ми, юноше, кто твой господинь есть?». Он же рече ей: «Раб есмь муромского князя Петра». И поведа ей вся, како избави сноху свою от лютаго врага и о болезни его. Таже рече ему Феврония: «Иди, рцы господину своему, аще поймет мене за ся, то избавлю его злыя болезни». И паки юноша поклонися ей до земля и отиде от нея.

л. 13 И пришед || поведа князю своему Петру мудрости ея беседу и о исцелении. Петр же слышав сия от юноши глаголы и обещася взяти ю за ся. И посла к ней юношу. Юноша же шед поведа ей все от князя Петра. Она же вда ему в сосуде кисляти мало и повеле его всего измазати, толко едино место оставити не помазанно. Абие же Петр вниде в баину мытися. И всего измазавши его и бысть вес здрав, благодаривше бога.

И хотя ю в мудрости искусити девицу. Посла к ней повесмо лну со отроком, глаголя: «Рцы ей, да ми сотворит в сей час срачицу || и порты, елико в бани изъмыюся». Отрок же шед, вда ей повесмо лну и заповеда ей вся — сотворити срачицу и порты в сий час. Она же рече ему: «Иди, рцы господину своему: аз в сий час лен чешу и готовлю». И вдаст ему поленье мало и рек: «Да сотворит стативу в сем поленье». Отрок же пришел поведа князю Петру вся, еже рече ему блаженная. Князь же удивися премудрости ея и отсла к ней юношу, глаголя: «Как мощно сотворити сия^ж в мале^з древе толикое строение?». Она же

л. 14 ему ответы вда: «Како и ты, княже, искушаеши мя || во едином повесме срачицу и порты сотвори во едином часе».

^е Испр., в ркп. раму. ^{ж-з} Испр.; в ркп. неясно написано, первые буквы зачеркнуты, осталось только ле.

Паки же Петр получи здравие и солга клятве своей и не понят ю за ся нищеты ради ея. И отиде во град свой весь здрав с радостию велиею.

И мало ему пребывшу во здравии своем. И начат ему от того места непомazanного тело его гнити. Таже князь Петр проразуме свое прегрешение к мудрей девицы, плакася горко греха своего. И скоро оде ко блаженей Февронии. И припаде к ней с великим молением и слово воздаст истинное. Премудрая же Феврония, || виде его теплую любов к себе, вскоре исцеление дарова князю Петру и здрава сотвори, яко же прежде. И воздав хвалу господеву. И понят ю за ся благоверный князь Петр. л. 14 об.

И доехаше Мурома града и начаста жити вкупе во благочестии, посте и молитве, и ко святым церквам ходити, многу милостию к нищим творяще господа ради.

По мале же времени преставися Павел, брат его. И бысть по брате своем князем Муроме граде, добре строяше державство свое, обидемя избавляя от сильных, печальных утешая, нишия || милуя и во всем благоугоден бысть к богу и человеком. л. 15

Таже бояре завистию на нь начаста поносить Петра, глаголюще ему: «Что ради понял еси за ся нищелюбицу? Не хожем ю над собою имети госпожею, ни жены наша. Тебе бо вси любим, благородный княже, а сию же отпусти, амо же хошет. Како хлеб яст и собирает укрупше в руку свою, яко убогая раба». Петр же хотя ю искусити. Един начат с нею ясти. И виде ю тако творяще и глагола ей: «Что дееши?». И разгнув руку ея. Изыде от нея благоухание. И удивися чистоте ея и к тому не смеяше || искушати ю ни в чем же, но велми любляше ю душею. И сердечною любов прилагающе друг ко другу, еже не разлучатися има до исхода душа своя. л. 15 об.

Боляре же ему много о ней яко пси возбраняюще: «Отпусти ю, амо же хошет». Петр же вся терпя понос и уничижение господа ради. Слышав же сия Феврония злый их совет и глагола им: «Молю вы, братие, и прошу у вас единого дадите ми, аз ваю волю сотворю». Они же с клятвою ей обещастаня, что дади. Она же рече им: «Дадите ми единого любимаго Петра, а имение наше все в руку || вашу будет». Они же не волию, клятве ради своя, со мною печалию вдаста ей князя Петра. л. 16

Таже Петр волею своею оставя княжение свое. С Феврониею же седша в насады на Оку реку и отидоша в путь свой со благодарением.

Егда плывущим же им по реке Оке, тогда бысть в насаде Февронии же некто гребец, имея и жену у себе. Часто на святую Февронию взираша красоты ради лица ея. И вниде ему блудный помысл в сердце его. Премудрая же Феврония провиде в нем злый помысл и глагола ему: «Что помышляеши, человече, злая?». || И повеле ему: «Почерпи сея страны воды, испей». Он же сотвори стране той и со другой стране той же творяще. л. 16 об.

И рече ему святая: «Какова есть вода ти?». Он же рече к ней: «Единака, госпоже, есть». И поучив его на мног час: «Не прельщайся, чадо, чужей жене. Добро ти будет доволен своею женою, едино естество есть».

Таже възлез же на брег. Рабы же их начаша потребная брашна творити, древие секуще на огнь възлагающе. Блаженная же Феврония хожаше с Петром по берегу, обоимающе усеченная дрeвеса рукама своима. || И молитвою своею во едину нощь вся та дрeвеса возрастоша, яко же прежде бысть. И паки вси видевше чюдо сие, удивившася.

По сих же бысть велие сметение в Муроме граде: друг друга побивающе княжение ради. Таже постигают скоро гражане благоверного князя Петра и Февронию. И тепле припадающе на нозе им и молиша их на мног час с великими с плачем и рыданием и глаголюще: «О благоверный княже Петре и Февроние, покажите свое великое милосердие, возвратитесь во свое отечество, утолите кров напрасную!». || И паки возвратишесь" во свое отечество во град Муром. И прияша их гражане с великою честию. Благородная же двоице и всечестная не восхотеста ничтоже врагом своим мсти. Всегда добро творяще им преизлиха, но во всем на бога уповающе и възненавидеста мира сего красоты, во всем угодиша богу.

И сотвориста себе гроб един с преградаю. И отвещастася и по смерти своей телесем ею неразлучным быти. И възлюбиста ангелское житие и отидоша каждо во свой монастырь. И прият л. 18 Петр ангельский образ || и наречен бысть во иноцех Давид. Феврония же наречено бысть Ефросения. И препроводивше дни своя в посте и молитве, во всяком воздержании.

И начат преподобная завесу шити в церковь соборную святей Богородицы честнаго ея рожества в лицах святых. И мало ей не dokonчавши. Таже присылает к ней Давид: «Госпоже моя сестро! Хошу отити жития сего тленнаго, но жду тебе». Она же отрек к нему: «Пожди, брате, мало, яко да вошью воздух во святую церковь». Паки присылает к ней вѣторое, тоже слово л. 18 об. рек: «Уже бо я тя мало жду». И посла || к ней в третье: «Госпоже моя сестро Ефросение! Мир тебе и благословение. Уже бо тя не жду, уже бо хошу предъставитися». Она же остави дело свое, недошивши риз и лиц святых, и вотъше иглу свою и нитку приверте. И посла к нему, рек: «Иди, рцы ему — и аз иду с тобою в сий час». И обое став пред богом молястася на мног час и вкупе обое во един час честно душа своя в руке господеву месяца июня в 25 день на память святых преподобных мучениц Февронии.

л. 19 Таже благороднии людие стекошася положиша || князя Петра во своем гробе в церкви соборней святей Богородицы,

" Испр.; в ркп. возвратитесь.

а Феврония Воздвижения креста господня вне града в девичей монастыри. Таже на утрия пришедша в соборную церковь святых Богородицы множество людей, епископ же и игумены и весь освещенный собор и видевше святую во едином гробе лежаща с преградою и в недоумении быша. И покушахуся трижды телеса их пологати во свой гроб.^к Святыи же телеса их трижды обреташеся во едином гробе. И к тому не смеяше граждане дерзати. || И прославиша бога и препроводив честно со псалмы а. 19 об. и песньми и пении духовными со многими слезами. Бысть плач велий, яко гром ею ради. И положиша честная их телеса во едином гробе в церкви соборней Рождества святых богородицы. И прославиша бога о бывающих чудесех святая и во гласех радование воспевающе пение глаголюще.

Радуйтася двоице честная и прекрасный плод добродетели благородный княже Петре и Февроние! Радуйся Петре, яко дана ти есть благодать от бога убить летящаго^а свирепаго змия! || Радуйся Февроние, яко в женстве главе святых мужей и премудрости имела еси! Радуйся Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося доблестvene скорби претерпел еси! Радуйся Феврония, яко прияла еси от бога благодать в девстве своем недуги целити! Радуйся Петре, яко самодержавства своего волею отступих не оставити супруги своея! Радуйся дивная Февроние, яко твоим благословением во едину нош малое древие велико возрасте и изнесоша ветвие и листвие! Радуйтася честная главо и божественая || двоице! О благоверный княже Петре и Феврония, милости сокровище неоскудное еже получите живот вечный на небесех, вы бо есте воистину граду своему слава, всему миру радости. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь. а. 20 об.

(ИРЛИ, Причудское собр., № 4).

^к В ркп. ошибочно добавлено святая же телеса их пологати во свой гроб. ^а Испр.; в ркп. летящаго.

Г. В. Маркелов

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ XVIII в.
О СВАТОВСТВЕ КУПЕЧЕСКОЙ ДОЧЕРИ

В июле 1969 г. в хранилище древнерусских рукописей Пушкинского дома поступила рукопись с фрагментом стихотворного произведения о сватовстве купеческой дочери. Ее в числе других рукописей прислал в дар институту В. И. Стирманов — известный пинежский собиратель старины, основатель народного краеведческого музея в пос. Пинега. К нему рукопись поступила из семейного архива крестьян Спиридовых (дер. Шеймогоры). В этом родовом архиве хранились также документы делового содержания 1722—1872 гг., два списка «Повести об Акире Премудром», апокриф «Иерусалимский свиток» в списках XVIII в. и другие произведения древнерусской литературы. По-видимому, это остатки некогда большой крестьянской библиотеки. Они свидетельствуют о сравнительно высоком культурном уровне крестьян-шеймогорцев. Из поколения в поколение передавались рукописные сборники нравоучительного, сатирического и просто развлекательного содержания.

Рукопись «Повести о сватовстве купеческой дочери»¹ представляет собой тетрадь конца XVIII в. (бумага с филигранью 1783 г.), в 8-ку, на 4 листах, писана скорописью с выносными буквами, обложка не сохранилась, начало текста утрачено, конец не дописан. На рукописи имеются очень неразборчивые записи, в том числе роспись какого-то канцеляриста и владельческая запись: «Сия книга Федора Спирина». Текст местами дефектен, некоторые слова разобрать не представилось возможным.

Хотя список произведения, к сожалению, не полон, дошедший до нас текст позволяет реконструировать содержание утраченной части следующим образом. Молодой горожанин, вероятно из купеческого сословия, но обнищавший, плутоватый, каким-то образом добывает деньги — много мелких серебряных монет. Дошедшая часть списка начинается с рассказа молодца, как он просил у старика соседа мерку — четверик, чтобы измерить свое серебро. Старик сначала отказывается, зная, что у просителя и денег нет, да и сам четверик он может пропить.

¹ ИРЛИ, р. IV, Пинежское собр., № 446.

Наконец, достав четверик, герой насыпает его доверху серебром. В щелях мерки застревают копейки, которые достает старик, разломав четверик. Неожиданно обогатившийся герой похвастается некоей старухе. Та обещает найти ему достойную невесту и отправляется в соседний город сватать дочь богатого купца Сусанну. И вот сваха расхваливает жениха перед отцом невесты и его гостями. Заканчивается текст тем, что купец затрудняется дать свахе ответ и просит у гостей совета по сему щекотливому делу.

Перед нами произведение, написанное характерным раешным рифмованным фразовиком со смежной рифмовкой.² Рифмы в большинстве точные и очень небольшой процент (ох—мог) вольных. В рифмах встречаются ассонансы (щелях—досках, мелки—копейки), переносы ударения (с верхом—серебром, девица—красавица). Собственно на внешней, формальной организации стихов кончается сходство с раешником. Функционально это другой жанр, что видно из художественных приемов автора. Хотя он и приводит здесь прямую речь и молодца, и старика, и свахи с купцом, но не в виде реплик или монологов интермедий, а как в эпическом повествовании. Следовательно, мы можем в данном случае определить рукопись как бытовую новеллу в стихах XVIII в. Написана она была, конечно, не для профессионального исполнения. «Сватовство» читали или произносили наизусть в очень узкой среде, для отдыха, для забавы.

Возможно, текст «Сватовства» — автограф. Автор по каким-то причинам не дописал его при переписке. А в одном месте зачеркнул неудачную строчку («Только ты уберись»), заменив более подходящей («Только ты нарядись и чище уберись»). Вероятно, тетрадь со списком входила в книгу, где был весь текст.

В тексте есть слова свахи: «В городе славном, нашем у равном». «Наш» — это город старухи и молодца. Вероятно, автор, как и его герои, горожанин. Он был близок к купеческой среде, знал ее интересы, ее характерные особенности, находился на том же культурном уровне. «Сватовство купеческой дочери» мог написать, например, приказчик у поморского купца или канцелярист.³ Одним словом, средние городские сословия могли породить произведения так называемой «низовой литературы» вроде нашего «Сватовства».⁴

² При публикации смежная рифмовка оставлена внутри строки, что соответствует тексту оригинала.

³ См. роспись канцеляриста после текста «Сватовства», хотя и сделанную другой рукой.

⁴ Проблемы предстоящего изучения «низовой литературы» XVIII в. поставлены в книге: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963. См. также статью: П. Н. Берков. К вопросу об изучении массовой литературы XVIII в. Известия АН СССР, Отделение общественных наук, № 3, М.—Л., 1936, стр. 459—471.

Филиграни бумаги, особенности почерка, лексика «Сватовства купеческой дочери» позволяют отнести произведение к 80-м годам XVIII в.

Язык «Сватовства» малолитературен. Однако автор позволяет себе лишь в двух-трех случаях вульгаризмы («напромах», «не уходил» в смысле «не пропил», «не потерял»). Диалектные особенности указывают на северное происхождение текста. Это такие слова, как «разболокла» (сняла, разделась), «коты» (род валяной обуви), «вожоватый» (обходительный, уважаемый). Наконец упомянуто «поморское богатство» («Кораблей по пяти могли привести с товаром заморским и богатством поморским»). Таким образом, происхождение рукописи связано с северными районами, вероятнее всего с поморским купеческим центром.

Анонимному автору повести был хорошо известен фольклор. Например, эпизод с прилипшими ко дну четверика монетами неоднократно встречается в русских бытовых сказках. Автор уверенно пользовался раешным стихом, причем большинство рифм — пусть самых простых, глагольных, — точные. Описывая, например, как рассердился старик, автор использует грубоватый народный юмор. Его герой балагурит, посмеивается, прихвастывает. А старуха, видимо, успешно справляется со сватовством своего, «в новом чине», племянника. Темы и приемы устного народного творчества любопытно сочетаются в «Сватовстве» с элементами любовно-авантюрных повестей XVIII в. (неожиданное богатство, старуха-помощница, путешествие за невестой и др.). Для стиля повести характерны натуралистические подробности.

Тщательное и подробное изучение произведений «низовой литературы» XVIII в., произведений, к которым принадлежит и наше «Сватовство купеческой дочери», поможет вскрыть суть взаимосвязей фольклора с новой литературой XVIII в.

Ниже следует текст «Повести о сватовстве купеческой дочери», который печатается по правилам, принятым в ТОДРА.

л. 1

... Просить четверика у одного старика.
Оной вопрос предлагает и отвечать заставляет:
«На что я тебе дам, понеже знаю сам,
Что жита не имеешь и мерить не разумеешь,
И истинно такого не имеешь другого.
Для чего б его просить и мне досадить?
Я тебя опасаюсь и далее убираюсь,
Чтоб его не уходил и на вино не променил,
Тогда будет сожалеть, но уж негде взеть».
Таковое слово прибавило ума вново.
Стал вымышлять, чтоб четверик достать.
Речь к ему обращал и истинну доказал:
«Пожалуй дет,^а ближний сосед,
Не жито им, но денгам моим

^а Так в ркп.

Дать измеренье и точно исчисленье». л. 1 об.
 Тогда старик збесился,
 На меня было бросился,
 Плянуть хотел, но слин не имел.
 Вместо того из рта своего
 Не в свою охоту возымел хрыпоту,
 Кашлем давился и от меня удалился.
 Домашним говорил, надо мною шутил:
 «Отдайте сему, нецелому уму,
 Глупому детине, хвастуну сиротине!
 Пусть уверит, денги измерит».
 Тогда его взял, домой побежал,
 Мерил, как можно, однако неосторожно —
 Не уприметил извне щели на дне,
 И за обручами не увидал очами.
 Насыпал с верхом четверик серебром,
 Денги мелки, серебряны копейки,
 <нрзб.> деда, ближняго соседа.
 Окончив дело, побежал смело,
 Дабы не удержать, старику обратно отдать.
 Не рассмотрел второпях, что налуло в краях
 Денег моих приятных, дорогих.
 Ушедши домой, хватился собой,
 Сказал в горе: «Ох!»,
 Да возвратить их не мог. л. 2
 Сей старик был умом не дик.
 Увидал, что в щелях <нрзб.> и досках
 Денег много, поступил с има строго.
 Почал рассекать, по доскам разбирать,
 Изломал его в прах и бросил напромах.
 Денгами обогатилсе, моему богатству подивилсе.
 С того стал богат, дворянину брат.
 Вот, бабушка моя, таков-то есть я!
 «Да и подлинно ты, хотя на ногах не мудры коты,
 Богат и славен, тысящникам равен.
 А еще не знала, что <нрзб.>
 Теперь веру иму, дивлюся твоему уму!».
 «Так надобно женится, с женою повеселится,
 Да где же возму по богатству моему?
 Не знаш ли где-нибудь помощницу <нрзб.>..?».
 «Постой-ко мало! На разум мне пало:
 В етом деле, неподалеку отселе,
 В городе славном, нашему равном,
 Есть купец, изрядной молодец,
 Корабли отпускает и товары закупает. л. 2 об.
 Его нет богате и с людьми вожавате.
 У его дочь изрядна и весма нарядна,
 Сусаной зовут, женихи многие тут.
 Могу услужить, к нему сходить;
 Начну дело, посватаюсь смело.
 Даст ли он или выгонит вон?
 Тебя похвалю и богатство объявлю,⁶
 Только ты нарядись и чище уберись,
 Выступи бравее, ходи хоробрее,
 Как позовут и за тобою пошлют».
 Времени немало потом миновало.
 Всякая сваха — не бела рубаха,

⁶ В ркп. далее зачеркнуто: Только ты уберись.

л. 3

До купца доходит и в горницу дверь находит.
Ноги переволокла, <нрзб.> одежду разбоклала,
Учтиво крест кладет и поклоны ведет.
Случились тут гости, играли в кости.
Старуха поклоны, где стоят иконы,
Хозяину и гостям и всем по частям,
Ударяет челом во весь его дом.
Все огледелись, тут кои имелись.
Стает подле печь, начинает свою речь:
«Здравствуй, господин! Знакомец мой един,
Купец знаменитой и чести отменитой.
Имя ваше забываю и отчества не знаю,
И гости почтенны, от всех возлюбленны.
Не позазрите слову, я речь скажу нову.
Мой приход до вас в сей особливой час,
Начать смело велико дело.
У нас в волосте, в великой чaste
Выехало издалека два человека.
Один женат — мне по роду брат,
Другой не женат — молодец вожоват,
Племянник мне есть, заслужил велику честь.
За морем жили, торги они водили,
Приехали ныне в новом чине.
Кораблей по пяти могли привести
С товаром заморским и богатством поморским.
Всех одолжили, кои богато жили,
И видит весь свет, что славнее их нет,
Кантору содержат, всех денег не издержат.
Меня послали, тебе знать дали,
Дабы с тобой, свет дорогой,
Вместе торговать и корабли отпускать.
Желают в сей год завести с тобой род.
У тебя есть девица, самая красавица,
Любима тобою и всею страной,
А у нас жених, почтеннее всех.
Так можно за нас отдать ей в сей час.
Невесту показать и за женихом наказать,
Друг друга увидят и красоте позавидят,
Тогда согласятся друг с другом не расстанутся.
Я знаю сама, что наш полон ума,
И о вашей слыхала, разумной называла.
Так, милый мой свет, пожалуй мне ответ:
Хочешь ли дать или отказать?»
Чтоб я знала и жениху наказала,
Нас люди чтут и другую знатну дадут».
Увидя сию новость, пришел хозяин в робость,
И хозяйка ужаснулась, на старуху огленулась.
Гости вместе стали и зарассуждали.
Хозяин говорит и на ей умильно зрит:
«В нынешний год к добру ли твой приход?
Речи твои разумею, но ответа дать не умею.
Гости дорогие! Вложите мысли благие»...

л. 3 об.

л. 4

Н. Ф. Дробленкова
НЕИЗВЕСТНЫЙ ВАРИАНТ
СТИХА О ПОТОПЕ

В декабре 1969 г. чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц передала в рукописное собрание Пушкинского дома сборник духовных стихов с пространным, до сих пор не встречавшимся вариантом стиха о потопе. Рукопись ИРЛИ, р. IV, оп. 13 (собрание В. Н. Перетца), № 667 — конволют из двух разноформатных тетрадей, в 8-ку, полууставом разных почерков, на 40 лл., без переплета. Первая тетрадь — сборник духовных стихов на бумаге 1840-х годов, вторая (лл. 27—40) содержит только «Стих о потопе Ноя праведнаго» (далее список А) и писана на бумаге конца XVIII — начала XIX в. Подобный, пространный вариант стиха о потопе не известен ни В. Варенцову,¹ ни П. Бессонову,² ни Т. С. Рождественскому,³ ни Я. А. Богатенко.⁴ Опубликованные ими стихи по сравнению с новым вариантом производят впечатление отрывков, так как обычно начинаются строками «Потоп страшен умножался...», которые читаются в середине текста пространного варианта. Судя по обилию списков, краткие варианты были весьма популярны. Мелодия их стиха, как отмечает Я. А. Богатенко, «находится почти во всех современных старообрядческих сборниках стихов».⁵

Список полного варианта стиха о потопе также оказался не единственным. В одном только рукописном собрании ИРЛИ среди

¹ В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1860, стр. 200—201 (стих переиздан Т. С. Рождественским под № 65).

² П. Бессонов. Калики переходящие, вып. 4. М., 1863, стр. 69, №№ 528—530.

³ Т. С. Рождественский. Памятники старообрядческой поэзии. Записки Московского археологического института, т. VI, М., 1910, стр. 100—103, №№ 64—65.

⁴ Текст духовных стихов, исполняемых старообрядческим любительским хором (при братстве св. креста) на чтении Я. А. Богатенко «Старообрядческие духовные стихи, „псалмы“ и „канти“» 21 ноября 1911 г. в Большой аудитории Политехнического музея в Москве. [Б.м., б.г.], стр. 8—9 (№ 10).

⁵ Там же, стр. 8.

стихов о потопе, перечисленных в указателе В. И. Малышева⁶ и машинописном дополнении к его работе,⁷ нами обнаружено еще 5 списков этого варианта.

1. ИРЛИ, р. IV, оп. 10 (Мезенское собр.), № 142. Сборник духовных стихов начала XX в. (бумага ф-ки наследников Сумкина, № 6), полуустав, в 8-ку, 111 лл., в картонном переплете; тексты стиха на лл. 66—72 — список М₁.

2. ИРЛИ, р. IV, оп. 10 (Мезенское собр.), № 44. Сборник духовных стихов начала XX в. (бумага ф-ки наследников Сумкина, № 6), полуустав, в 8-ку, 23 лл., тетрадь без переплета; текст стиха на лл. 12—18 — список М₂.

3. ИРЛИ, р. IV, оп. 7 (Карельское собр.), № 511. Сборник духовных стихов конца XIX в., полуустав, в 8-ку, 45 лл., без переплета, начало и отдельные листы в середине утрачены; текст стиха на лл. 18 об.—24 об. — список К₁.

4. В этом же сборнике на л. 38—38 об. отрывок стиха, кончая 33-й строкой — список К₂.

5. ИРЛИ, р. IV, оп. 7 (Карельское собр.), № 214. Сборник старообрядческих стихов начала XX в., полуустав, в 8-ку, 9 лл., тетрадь без обложки; текст стиха на лл. 1—7 — список К₃.

Еще Т. С. Рождественский, характеризуя сокращенные варианты стиха о потопе, отмечал, что они «мало имеют в себе типично старообрядческих положений и примыкают по содержанию и форме к псалмам и кантам слепцов и других калек».⁸ Подобно большинству кантов, полный вариант стиха представляет собой стихотворное переложение прозаического произведения на ту же тему; таким образом для него послужило сказание о Ное Мефодия Патарского. Полный вариант стиха (начинающийся от Адама и первородного людского греха) использует все основные мотивы сказания Мефодия Патарского, и прежде всего легенду о жене Ноя, которая с помощью хмеля выведывает у ставшего болтливым мужа тайну постройки ковчега.⁹ В других переложениях библейских текстов о Ноевом потопе (например, в Палее Толковой,¹⁰ у Аввакума и др.) этого эпизода нет. В кратких вариантах стиха (и это также свидетельствует об их более позднем происхождении) не только отсутствует начальная часть с мотивом о жене Ноя,

⁶ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965.

⁷ Ограничиваемся обзором списков, хранящихся в собрании ИРЛИ; за недостатком места не имеем возможности перечислить просмотренные нами в этом собрании списки кратких вариантов стиха.

⁸ Т. С. Рождественский. Памятники старообрядческой поэзии, стр. 97.

⁹ А. Н. Пыпин. Ложные и отреченные книги русской старины. СПб., 1862 (Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелева-Безбородко, вып. 3), стр. 17—18.

¹⁰ Палее толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892, стр. 101—112.

но и опущены отдельные эпизоды сказания Мефодия Патарского в конце стиха, сильно сокращенном и переработанном, и заметно стирается зависимость от текста сказания (так горы «Аравитцкие» переправлены, вслед за библейскими текстами, в горы «Араратские»). Следует отметить, что отдельные слова и словосочетания в стихе (которые не встречаются у Мефодия Патарского) совпадают с выражениями Аввакума в его сочинении «О сотворении мира, грехопадении первого человека и о потопе».¹¹ Например, у Аввакума — «погибе с шумом водяным» (стр. 679), в стихе — «ковчег шумом носило и водой», «шум с водой сразился» (строки 197—198, 200); другие совпадения (строки 76—78, 281) близки также и текстам Палеи Толковой.¹² Однако знал ли Аввакум текст стиха или у этих текстов была обратная зависимость, судить не беремся. Начало полного варианта стиха о потопе (наказание людского рода за первородный грех) тематически близко еще одному памятнику XVII в. — «Повести о Горе-Злочастии». Все эти выше изложенные наблюдения позволяют высказать предположение, что кант о потопе, по-видимому, был создан в конце XVII—начале XVIII в.

В полном варианте стиха переходы от одной темы к другой осуществляются с помощью фраз повторяющейся конструкции («Потоп болше умножался...», «Потоп Ноев продолжался...») и специальной оговорки из двух строк (строки 118—123), изобличающей в создателе человека, искушенного в книжных речениях. Это облегчило подвижность текста стиха, пропуски в нем и, наконец, отсечение первой части в месте этой «спайки» из двух строк.

Проверку временем в стихе (длительное бытование в виде кратких вариантов) выдержало основное описание разбушевавшейся морской стихии, всемирного потопы. Тематически и ритмически данному стиху близок другой, не менее известный — «Буря море раздымает...» (ср. строки 103—108 публикуемого стиха и ритмы стихов (по слогам): 8—8—8—8—4 и 8—8—4—4). В связи с этим любопытно привести изложенное в работе Н. Ф. Сумцова наблюдение исследователей (Гумбольта, Ревилля), уже неоднократно отмечавших, что «предания о потопе получали благоприятное развитие и местные приурочения в странах низменных, подвергавшихся наводнению, или в странах приморских, где сильные бури или землетрясения настолько усиливали прибой морских волн, что население опасалось погибнуть под ними».¹³ Не беремся оконча-

¹¹ Протопоп Аввакум. О сотворении мира, грехопадении первого человека и о потопе. В кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. XXXIX), стр. 651—684.

¹² Н. С. Сарафанова. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума. ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 332.

¹³ Н. Ф. Сумцов. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888, стр. 43.

тельно судить о месте возникновения стиха о потопе, однако, по-видимому, не случайно и то, что большинство списков канта принадлежит северным поморским районам, Заонежью, хранится в Мезенском, Карельском, Новгородско-Псковском, Верхне-Печорском и Причудском собраниях ИРЛИ. Предположению о возможном северном происхождении стиха не противоречит и слово «приветляна» (см. строку 50 по списку M_1 полного варианта стиха), производные которого встречаются не только в среднерусских, но и в северных, поморских говорах.¹⁴

Списки полного варианта стиха о потопе распадаются на две группы: $AM_1M_2K_2$ и K_1K_3 . Список M_2 — почти дословная копия M_1 , а список K_3 — копия списка K_1 . Для изучения истории текста особенно интересны списки K_1K_3 : в них стих разделен на две части (в K_1 виньеткой, в K_3 прописной буквой); данные списки регистрируют факт самостоятельного существования обеих этих частей. Вторая часть, которая начинается после строки 123 словами «Потоп страшен умножался...», ближе к текстам сокращенного варианта. Однако вряд ли списки K_1K_3 — отражение начальной истории сложения единого цикла стихов о потопе. Скорее всего, они представляют позднюю попытку реставрировать утраченный полный текст стиха. Вторая часть стиха в списках K_1K_3 сильно изменена и сокращена (нет строк 148—150, 172—174, 178—186, 202—221), в конце стиха утрачены некоторые отголоски сказания Мефодия Патарского (нет упоминания о горах «Аравитцких» и о возведении «столпа»). В то же время во второй части стиха повторно введена строфа, которая уже имеется в первой части (строки 22—24), где наличие ее вполне оправдано (сочинитель следовал за текстом Мефодия Патарского). Именно в таком же измененном виде, в каком эта строфа повторена во второй части списков K_1K_3 , она встречается и в ряде других сокращенных вариантов стиха (например, в кратком варианте стиха в той же рукописи, где находится и список M_1 — см. л. 100—100 об.). Совершенно очевидно, что данная строфа — след, оставшийся от первой части стиха полного варианта.

Список А, так же как и близкие ему списки M_1M_2 , представляет собой всего лишь позднюю неисправную копию. В нем, например, в отличие от всех остальных списков и в нарушение логики не на месте находятся строки 112—114, а после строки 220 пропущена

¹⁴ В областных словарях зарегистрировано только слово «ветля́ный (ой)», то же что и «ве́тлый» — приветливый, ласковый, милый, общительный, разговорчивый, веселый (Псковская, Смоленская, Калининская, Калужская области и др., Латвийская ССР); «ветля́ный» — приветливый на словах (Олонецкая обл.), общительный (Пермская, Тобольская, Вятская области); «ветляно́й» — покладистый (Архангельская обл.). См.: Словарь русских народных говоров, вып. 4. Ред. Ф. П. Сороколетов. Главн. ред. Ф. П. Филин. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 195—196. За консультацию по этому вопросу признательна А. П. Евгеньевой.

целая строка, которая читается в списках M_1M_2 . Введение и исправление строки 220 по спискам M_1M_2 затруднено, так как в них самих отсутствует вся предшествующая строфа. Списки M_1 и M_2 в ряде случаев дают более исправные (или исправленные?) рифмы (например, в строках 246—247, 205—206, 225—227 и др.). Однако, несмотря на ряд исправлений, которые пришлось внести в текст списка А, принимаем его за основной список как наиболее древний. Разночтения к нему подведены по всем известным нам спискам полного варианта стиха — $M_1M_2K_1K_2K_3$ собрания ИРЛИ.

Не претендуем на завершенность своих выводов: основная цель данной заметки — обратить внимание исследователей на неизвестный ранее пространный вариант стиха о потопе. Вопрос о том, как, когда, где и кем был сложен стих и в каком отношении к тексту пространного варианта находятся популярные краткие варианты стиха, окончательно можно будет решить, лишь изучив полностью рукописную традицию всех текстов стиха о потопе.

СТИХ О ПОТОПЕ¹ НОЯ ПРАВЕДНАГО²

л. 27

От начала было века,
От первого человека,
От Адама. (2)

Человек Адам неложен
5 ³И в ⁴законе непреложен,
Весма верен. (2)

У Адама жена Евва,
Точно как || прекрасна⁵ дева,
Вместе⁶ жили. (2)

л. 27 об.

10 От Адама было⁷ долго
Народилос людей много,
Умножалось.⁸ (2)

Оне жили, все грешили,
Все законы преступили,
15 ⁹Грех¹⁰ творили.¹¹ (2)

¹²Увидал бог согрешенье,¹³
¹⁴Всех законов¹⁵ преступленье,¹⁶
Истребляя их.¹⁷ (2)

Истребляет¹⁸ скоты || звери,¹⁹
20 Чтобы²⁰ люди взошли²¹ в веру,²²
Не грешили.²³ (2)

л. 28

¹⁻² праведного Ноя $M_1M_2K_2$; нет K_1K_3 . ³⁻⁴ Он K_1K_3 . ⁵ прекрасная $K_1K_2K_3$. ⁶ В раю K_1K_3 . ⁷ прошло K_1K_3 . ⁸ Умножилось $M_1M_2K_2$. ⁹⁻¹¹ Самовольно K_1K_3 . ¹⁰ Грехи $M_1M_2K_2$. ¹²⁻¹⁷ Попустил бог погубити, всю вселенную потопити, / Беззаконных, беззаконных K_1K_3 . ¹³ согрешение M_2K_2 . ¹⁴⁻¹⁵ Всем законом $M_1M_2K_2$. ¹⁶ преступление M_2K_2 . ¹⁸⁻¹⁹ скот и звери K_3 . ²⁰⁻²² вышли люди к веру K_3 . ²¹ взошли K_1 . ²³ грешились K_1 .

Не всех творец истребляет,
²⁴ Спасти коих ²⁵ умышляет
 Для расплodu. ²⁶ (2)

25 Истребляет их водою,
 Весма зелною ²⁷ морскою
 И дождевнoй. ²⁸ (2)

Захотел бог спасти Ноя ²⁹
 От потопа водьянова: ³⁰
 30 Он ³¹ был ³² верен. (2) ||

Говорил бог святым духом,
 Ной услышал своим ухом
 О потопе. ³³ (2)

Научает господь Ноя
 35 От потопа водьянова
 Ковчег строить. (2)

Широк, долог, превысоко: ³⁴
 Вам ³⁵ спастися от потопа
 Со семьею. (2)

40 Ковчег строит, поспешает,
 Все господь бог помогает,
³⁶ Чтoб скоряя. ³⁷ (2) ||

Ной же строит, умышляет,
 Ничего жена не знает
 45 О ковчеге. (2)

Захотелось ей узнать, ³⁸
 Чтo Ной ходит созидати, ³⁹
 Чтo за судно. (2)

Напоила Ноя пьяна,
 50 Сотворила приветляна, ^а, ⁴⁰
 Рассказал все: (2)

«Хожу, строю ⁴¹ я ковчежец, ⁴²
 От беды ⁴³ всегда избежец, ⁴⁴
 Ото всякой. (2) ||

^а Испр. по M_1 ; в ркл. прелитвяна.

²⁴⁻²⁵ Коих спасти $M_1M_2K_1K_2K_3$. ²⁶ расплodu M_1M_2 ; расплodu $K_1K_2K_3$.
²⁷ земною $M_2K_1K_3$. ²⁸ дождевою K_1K_3 . ²⁹ моя M_2 . ³⁰ водьяноя K_1 .
³¹ Ной K_1K_3 . ³² бысть M_1 . ³³ ковчеге $M_1M_2K_2$ (здесь кончается список K_2).
³⁴ превысокой $M_1M_2K_3$. ³⁵ Нам M_1M_2 ; там K_1K_3 . ³⁶⁻³⁷ Чтoбы спа-
 стися K_1K_3 . ³⁸ узнать M_1M_2 . ³⁹ созидать M_1 ; созидает M_2 . ⁴⁰ прит-
 ляна M_2 ; умом слаба K_1K_3 . ⁴¹ строить K_3 . ⁴² ковчег M_1M_2 ; ковчеге
 K_1K_3 . ⁴³⁻⁴⁴ нам для убегa K_1K_3 . ⁴⁴ избежем M_1M_2 .

- 55 Господь ⁴⁵хощет сотворяти,
За грехи их ⁴⁶истребляти ⁴⁷
⁴⁸Скот ⁴⁹и люди. ⁵⁰(2)

л. 29 об.

- А мне бог о том сказует,
Своим перстом указывает ⁵¹
60 О ковчеге». (2)

Строил Ной ковчег прекрепко.
Навещал его нередко
Сам господь бог. (2)

- ⁵²Строил Ной ⁵³божией судбой, ⁵⁴
65 Осмолил всюду ⁵⁵смолой ⁵⁶
Верх ⁵⁷и низу. ⁵⁸(2) ||

Сотворил ⁵⁹ковчегу кровлю,
⁶⁰Весма крепку ⁶¹и трекровну,
Осмолив ⁶²ю. ⁶³(2)

л. 30

- 70 Порешил ⁶⁴Ной ковчег строить,
Ни хотел ⁶⁵он ⁶⁶ни с кем ⁶⁷спорить,
⁶⁸В ковчег входит. ⁶⁹(2) 6

- Не один Ной в ⁷⁰ковчег входит, ⁷¹
Все семейство ⁷²свое ⁷³въводит
75 Тут ⁷⁴спастися. ⁷⁵(2)

Собирал ⁷⁶всю ⁷⁷живо||тину:
Зверей, птиц, гадов, скотину. ⁷⁸
Всех попарну. (2)

л. 30 об.

- А ⁷⁹оставшия осталис, ⁸⁰
80 Все с народом истребляис
От потопа. (2)

В Набрал Ной хлеба довольно,
Чтобы не было уморно ⁸¹
Всем в ковчеге. ⁸²(2) г

- 85 Зотворил ковчегу двери, ⁸³
Сохранял ⁸⁴семью и ⁸⁵звери,
⁸⁶Скот ⁸⁷и птицы. ⁸⁸(2)

⁶ Испр.; в ркп. цифра отсутствует; ниже восстановление цифр не огоривается (выделены курсивом). ^{в-г} Испр. по спискам $M_1M_2K_1K_3$, в которых строки 82—84 читаются в данном месте; вписке А они ошибочно читаются после строки 114.

⁴⁵ сотворити $M_1M_2K_1K_3$. ⁴⁶ всех K_1K_3 . ⁴⁷ истребити $M_1M_2K_1K_3$.
48—50 Скоты-звери K_1K_3 . ⁴⁹ Скоты M_1M_2 . ⁵¹ показывает $M_1M_2K_1K_3$.
52—53 Ной строил K_1K_3 . ⁵³⁻⁵⁴ божью судбою $M_1M_2K_1$; божие судбою и K_3 .
55 трижды K_1K_3 . ⁵⁶ смолою $M_1M_2K_1K_3$. ⁵⁶⁻⁵⁸ Сверху и низу M_1M_2 .
57 Сверху K_1K_3 . ⁵⁹ Строил Ной K_1K_3 . ⁶⁰⁻⁶³ И осмолил трижды смолою /
Весьма крепку. (2) K_1K_3 . ⁶¹⁻⁶² трижды / Осмолил M_1M_2 . ⁶⁴ Повершил
 K_1K_3 . ⁶⁵⁻⁶⁷ ни с кем он M_1M_2 . ⁶⁸ Нет K_3 . ⁶⁸⁻⁶⁹ Ковчег ходит K_1K_3 .
70 Нет K_1K_3 . ⁷¹ ходит K_1K_3 . ⁷²⁻⁷⁴ своей водит, / Чтоб K_1 . ⁷³⁻⁷⁴ водит, /
Чтобы K_3 . ⁷⁵ спасется M_1M_2 . ⁷⁶ Собирает $M_1M_2K_1K_3$. ⁷⁷⁻⁷⁸ животну, /
Скоты, зверей, птиц, гады K_1 ; животну, / Скоты, звери, птицы, гады K_3 .
⁷⁹⁻⁸⁰ оставшия и осталия K_1 ; оставшия и осталия K_3 . ⁸¹ годно K_1K_3 .
⁸¹⁻⁸² В сем ковчеге K_3 ; Сем ковчеге K_1 . ⁸³ дведи M_2 .
⁸⁴ Сохраняет K_1K_3 . ⁸⁵ Нет K_1K_3 . ⁸⁶⁻⁸⁸ Скоты и птицы M_1 ; Скоты, птицы K_1K_3 .
⁸⁷ Скоты M_2 .

Видит бог, что Ноя нету.
⁸⁹ Влез в ⁹⁰ ковчег, не видит ^л свету,
 90 Сохраняя ⁹¹ их. ⁹² (2) ||

л. 31

⁹³ С семьей ⁹⁴ Ноя сохраняет,
 А других всех истребляет
⁹⁵ За грехи их. ⁹⁵ (2)

⁹⁶ Все пучины открывает,
 95 Снизу воду выпускает ⁹⁷
 Всю ⁹⁸ на землю. (2)

С небес ⁹⁹ хляби отворяет, ¹⁰⁰
 Превеликой дождь пускает ^{11, 1}
 Безпрестанно. (2)

100 Позволяет бог морями,
 Чтобы хлынули волнами
 На || всю землю. (2)

л. 31 об.

С моря волны поднялися,
 С небес дожди пролилися
 105 В одьно место. (2)

Лил дождь на землю нимало,
 С моря волны поднялися ²
 Сильным ветром. (2)

Вся вода совокупилаь,
 110 Все народи возмутилиь,
 Видев воды. ³ (2)

л. 32

Назвал бог ⁴ беду утопом,
 Ето Но||евым потопом,
⁵ Потоп Ноев. ⁶ (2)

115 Ето Ной что сотворяет,
 Ему ⁷ бог что позволяет ⁸
 Все за правду. (2)

Мы ⁹ на преднее ¹⁰ возвратимся
¹¹ И, как ¹² солнце, покатымся
 120 ¹³ Над землею. ¹⁴ (2)

л. 32 об.

Мы всю истинну || ¹⁵ покажем
 И еще о том посажем, ¹⁶
 Что там было. (2)

^л Испр. по $M_1M_2K_1K_3$; в ркп. види.

⁸⁹⁻⁹⁰ Вшел K_1K_3 . ⁹¹ Сохраняя M_2 ; Сохраняяй. (2) K_1K_3 . ⁹² Нет
 K_1K_3 . ⁹³⁻⁹⁴ Семейю $M_1M_2K_1K_3$. ⁹⁵⁻⁹⁵ Казнию смертно K_1 ; Казнию смерт-
 ной K_3 . ^{96-II, 6} Нет строк 94—114 K_1K_3 . ⁹⁷ выпускает M_1M_2 . ⁹⁸ Все
 M_1M_2 . ⁹⁹⁻¹⁰⁰ хлябии отворились M_1M_2 . ^{11, 1} спускает M_1M_2 . ² под-
 нимались M_1M_2 . ³ воду M_1M_2 . ⁴ Нет M_1M_2 . ⁵⁻⁶ Казнию смерт-
 ной M_1M_2 . ⁶ Далее в А строки 82—84. ⁷⁻⁸ господь помогает K_1K_3 .
⁹ Умом K_1K_3 . ¹⁰ прежде $M_1M_2K_3$; прежня K_1 . ¹¹⁻¹² Аки $M_1M_2K_1K_3$.
¹³⁻¹⁴ На их землю. (2) K_1K_3 . ¹⁵⁻¹⁶ посажам / И о том еще сосажам K_1 ;
 посажам / И о том еще расажам K_3 .

Потоп больше¹⁷ умножался;
125 Народ видя¹⁸ испужался,
И¹⁹ гнев²⁰ идет. (2)

Видев²¹ воды многи, люты,
Побежали в²² горы круты,
Там спастись.²³ (2)

130 Дебри водой²⁴ наполнялись,
Вси животны²⁵ выбирались
На верхи²⁶ гор.²⁷ (2) ||

Лютост в²⁸ кротосьть преложили,²⁹
Един³⁰ друг друга³¹ не вредили³²
135 Лев с³³ овцею. (2)

Страхом сильным³⁴ укрепилис,
Усьта их не отворилис
В³⁵ бытность тамо. (2)

Вси смотрили очевидно,
140 Как земъли³⁶ стало невидно,
³⁷И³⁸ вода все.³⁹ (2)

Малы холми покрывалис,
Смерти горкой || предавалис
⁴⁰Зверей⁴¹ род.⁴² (2)

145 Крик великий поднимали,
⁴³Когда⁴⁴ в воде⁴⁵ утопали⁴⁶
В⁴⁷ злой⁴⁸ той час. (2)

⁴⁹Птицы воздух наполняли,
Безпрестанно вси летали:
150 Сести негде.⁵⁰ (2)

Кверху гласы испущали,⁵¹
Когда дух свой прекращали⁵²
⁵³В смертной той час.⁵⁴ (2) ||

Все⁵⁵ их силы прекратилис,⁵⁶
155 Сами в⁵⁷ воду повалилис⁵⁸
В той потоп.⁵⁹ (2)

Кои плавали водами,
Тех покрыло всех волнами
И⁶⁰ водой той.⁶¹ (2)

¹⁷ страшен K_1K_3 . ¹⁸ видеv M_1M_2 . ¹⁹ Нет $M_1M_2K_1K_3$. ²⁰ Гнефы K_1 ; Гнеф K_3 . ²¹ Видят K_1K_3 . ²² Нет K_1K_3 . ²³ спасится $M_1M_2K_1K_3$.
²⁴ воды M_1M_2 . ²⁵ животны K_1K_3 . ²⁶ верх $M_1M_2K_1K_3$. ²⁷ горы K_1K_3 .
²⁸ и K_1K_3 . ²⁹ перменялись K_1 ; перъменили K_3 . ³⁰ И M_1M_2 . ³⁰⁻³¹ дру-
гаго K_3 . ³⁰⁻³² другаго не вредило K_1 . ³³ со K_3 . ³⁴ силом K_1 .
³⁵ Нет K_1K_3 . ³⁶ землю M_1M_2 . ³⁷⁻³⁹ Все войдй. (2) K_1K_3 . ³⁸ Нет M_1M_2 .
⁴⁰⁻⁴² Род зверевой. (2) K_1K_3 . ⁴¹ И зверин M_1M_2 . ⁴³⁻⁴⁶ Бога в помощь
призывали M_1M_2 . ⁴⁴⁻⁴⁵ воду K_1K_3 . ⁴⁷ Нет K_1K_3 . ⁴⁸ Позднее исправ-
лено карандашом горкий M_2 . ⁴⁹⁻⁵⁰ Нет K_1K_3 . ⁵¹ воспушали K_1K_3 .
⁵² спущали K_1 ; испущали K_3 . ⁵³⁻⁵⁴ Ползы нету. (2) K_1K_3 . ⁵⁵ Си K_1 .
⁵⁶ прекратили K_1 . ⁵⁷ Нет K_1K_3 . ⁵⁸ утопали K_1K_3 . ⁵⁸⁻⁵⁹ В потоп
той M_1M_2 ; В горкий той час. (2) K_1K_3 . ⁶⁰ Нет K_3 . ⁶¹ Доб. строки:
Не всех творец истребляет, / Неких в ковчег затворяет, / Хранит преди. (2)
 K_1K_3 .

160 Человек смотрел на звери,
⁶²Отворились ⁶³смерти ⁶⁴двери
 За грех ⁶⁵их. ⁶⁶(2)

л. 34 об.

Друг со другом обнималис,
 В ⁶⁷час последний разлу||чалис
 165 ⁶⁸Со слезами. ⁶⁹(2)

Отец с ⁷⁰сыном тут прощалис, ⁷¹
 Мать ⁷²со дщерию ⁷³разлучалис
 В ⁷⁴горкой той час. (2)

Въдруг увидели очами: ⁷⁵
 170 Ковчег Ноев с ⁷⁶сыновьями
⁷⁷Носим тамо. ⁷⁸(2)

⁷⁹Тогда было им завидно, ⁸⁰
 Ковчег Ноев ⁸¹ими видно ⁸²
 Сохранялся. ⁸³(2)

л. 35

175 Болше им досадно ⁸⁴было,
 По водам || долго носило
⁸⁵Пагубой той. ⁸⁶(2)

⁸⁷Горко плакавши, смотривши,
 Ко творцу руки воздевши
 180 За грех ⁸⁸свой. (2)

Оне плакали-рыдали,
 Слезно к богу причитали:
 «Нас помилуй!». (2)

От создателя им нету
 185 Милосердова ⁸⁹ответу
 За грех ⁹⁰их. ⁹¹(2)

л. 35 об.

Вода ⁹²горы ⁹³все покрыла, ⁹⁴
 Род ⁹⁵людей || всех истребила ⁹⁶
 И ⁹⁷зверей всех. ⁹⁸(2)

190 ⁹⁹Потоп Ноев продолжался,
 Ной в ковчеге сохранялся,
 Скот ¹⁰⁰и звери. III, ¹(2)

⁶²⁻⁶⁴ Отворил смертныя M_1M_2 . ⁶³ Как открылись K_1K_3 . ⁶⁵ грехи $M_1M_2K_1K_3$. ⁶⁶ Доб. строки: Горько плакали, смотрели, / Руки сверху вси спостерли, / Творцу и всех. (2) K_1 ; Горько плакали, смотрели, / Руки кверху вси простерли / Творцу всех их. (2) K_3 . ⁶⁷ Нет K_1K_3 . ⁶⁸⁻⁶⁹ Муж женою. (2) K_1 ; Муж с женою. (2) K_3 . ⁷⁰ Нет K_1K_3 . ⁷¹ прощали M_1 . ⁷²⁻⁷³ з дочьрю K_1K_3 . ⁷⁴ Нет K_1K_3 . ⁷⁵ волнами K_1K_3 . ⁷⁶ Нет K_1K_3 . ⁷⁷⁻⁷⁸ Там спастися K_1K_3 . ⁷⁹⁻⁸³ Нет строк 172—174 K_1K_3 . ⁸⁰ Доб. карандашом как M_2 . ⁸¹⁻⁸² им не видно M_1M_2 . ⁸⁴ досадность K_1 . ⁸⁴⁻⁸⁶ стало, / Сердце злобою их востало / Пагубною. (2) K_1K_3 . ⁸⁵⁻⁸⁶ В горкой той час. (2) M_1M_2 . ⁸⁷⁻⁹¹ Нет строк 178—186 K_1K_3 . ⁸⁸ грехи M_1M_2 . ⁸⁹ Милосерднаго M_1 ; Милосердаго M_2 . ⁹⁰ грехи M_1M_2 . ⁹² Воды K_1K_3 . ⁹³⁻⁹⁴ вси покрылось K_1K_3 . ⁹⁵ Нет M_1M_2 . ⁹⁶ истребило K_1K_3 . ⁹⁶⁻⁹⁸ Род зверевой. (2) K_1K_3 . ⁹⁷⁻⁹⁸ зверин род. (2) M_2 . ⁹⁸ род M_1 . ^{99-III,1} Ной ковчеге сохраняет, / Пока потоп продолжался, / Звери с нимы. (2) K_1 ; Ной ковчеге сохранялся, / Пока потоп продолжался, / Звери с ними. (2) K_3 . ¹⁰⁰ Скоты M_1M_2 .

Ной печалился немало,
²Как ³ковчег с ним ⁴подънимало
 195 Водой той.⁵ (2)

Страх великий наводило,
 Как ⁶ко⁷вчег шумом носило
⁷И водой ⁸той.⁹ (2)

л. 36

¹⁰В страхе сильном находились,¹¹
 200 Когда шум ¹²с водой сразился,¹³
 Ной с ¹⁴семьею.¹⁵ (2)

Видит бог: по всему свету
 Человека негде нету,
 Кроме Ноя. (2)

205 Ной в ковчеге сохранялся,¹⁶
 Вода в землю убиралась,
 Горы видно. (2)

Видит бог народ || преслабый,
¹⁷Затворяет небес ¹⁸хляби.

л. 36 об.

210 Перестал ¹⁹дождь. (2)

Бог всю землю осушает,
 Воду в море всю впускает ²⁰
 И в пучины.²¹ (2)

Ной по утру очень рано
 215 Послал ис ковчег врана
 Смотрить землю. (2)

²⁻⁴ Когда ковчег K_1K_3 . ³⁻⁴ ковчежец M_1M_2 . ⁵ тою K_1K_3 . ⁶ Когда K_1K_3 . ⁷⁻⁹ По водами. (2) K_1K_3 . ⁸ волной M_1M_2 . ¹⁰⁻¹¹ Страхе смерт-
 ной находился K_1K_3 . ¹² шумом K_1K_3 . ¹³ сразились M_1M_2 . ¹⁴ Нет
 M_2K_3 . ¹⁵ Далее в списках K_1K_3 строки 202—221 отсутствуют, а со
 строки 221 до конца текст дается в сильной переработке и сокра-
 щении (ниже текст публикуется по наиболее исправному списку K_3):

Черным враном извещался,
 Вран ковчегу не возвращался:
 Земли нету. (2)

На земли суша явилась,
 Вода-потоп землю сокрылась,
 Суша бысти. (2)

Голубица вылетала,
 День в гуляница провожала:
 С вестию нету. (2)

Ной весь сый день сыновьями
 Хвалу богу возсылали
 Радостию. (2)

День ко вечеру приклонялся,
 Голубица возвращалась,
 С радостию. (2)

На земли суша явилась,
 Дверь ковчег отворилась,
 Вышел Ной. (2)

Сучец с древа знаменита,
 От других древ отменита, ||
 Масличная. (2)

За ним зверья выбирались,
 По земли вси расселялись
 Птицам роды. (2)

¹⁶ сохранялись M_1M_2 . ¹⁷⁻¹⁸ Затворил небесныя M_1M_2 . ¹⁹ И престал
 M_1M_2 . ²⁰ зпущает M_1 ; зспущает M_2 . ²¹ пучину M_1M_2 .

²² Вран всю землю осматрѣет,
Приказ Ноев исполняет,
Что сказать.²³ (2) ||

л. 37

220 Усмотрил ²⁴ вран ²⁵ труп пловущий, с. ²⁶
²⁷ Стал клевати.²⁸ (2)

Клевал ворон, насыщался
И в ковчег не возвращался
Сказать Ною. (2)

225 Не дождавшис ²⁹ Ной врана
Возвращенья к ковчегу,³⁰
Был печален. (2)

Посылал Ной голубицу
Смотреть землю, как девицу,
230 ³¹ Все ли ³² видно. (2) ||

л. 37 об.

Голубица все летала,
Негде места не сыскала,
Чтобы сести. (2)

Заманил Ной голубицу
235 В свой ковчег и во светлицу
До просухи. (2)

Продлил Ной еще седмицу,
Послал на свет голубицу,
Видно ли горы. (2)

240 Голубица все летала,
Сучец масличен сыскала,
Несет к Ною. (2) ||

л. 38

Увидал Ной голубицу,
Принимал, точно царицу,
245 ³³ В свое ³⁴ руки. (2)

Становился ковчег Ноев
На горах на Аравитских,³⁵
Обмелел тут. (2)

Еще Ной продлил неделю,
250 Выходил он со семьею,
Скот ³⁶ и звери. (2)

После етова утопу,³⁷
Всенародного потопу ³⁸
Жили долго. (2)

^o Далее в ркп. отсутствует строка.

²²⁻²³ Нет строк 217—219 M_1M_2 . ²⁴ Увидал M_1M_2 . ²⁵⁻²⁶ мертвый труп M_1M_2 . ²⁶ Доб. Не исправил свой завет M_1M_2 . ²⁷⁻²⁸ Сел клевать M_1M_2 . ²⁹⁻³⁰ врана Ной / Возвращения в ковчег свой M_1M_2 . ³¹⁻³² Всеми M_1 . ³³⁻³⁴ Во свои M_1M_2 . ³⁵ Аравитских (испр. поздними чернилами, в ркп. было Аравитских) вскоре M_1 ; Аравитских вскоре M_2 . ³⁶ Скоты M_1M_2 . ³⁷ утопа M_1M_2 . ³⁸ потопа M_1M_2 .

255 Оне жили весма до||лго,
Расплодилось³⁹ людей много,
Умышляли.⁴⁰ (2)

л. 38 об.

Умышляли, соглашали,
Стоп великий поставляли
260 Вверх до облаков.⁴¹ (2)

Они строили, крепили,
На столп⁴² влесьти все хотели
От потопа. (2)

Оне строить порешили,
265 Всяк себя на столп тащили, ||
Вобралис все. (2)

л. 39

Увидал бог их неверие,⁴³
Возложил⁴⁴ на иноверие⁴⁵
И разсеял их. (2)

270 Разсеял бог в⁴⁶ страны разны,
Назвал их людьми⁴⁷ кажных⁴⁸
Всяким родом. (2)

Православным християном,
И жидами, и татаром,
275⁴⁹ Всех по званью.⁵⁰ (2) ||

л. 39 об.

Ныне⁵¹ в мире укрепимся,⁵²
Все от Ноя расплодимся⁵³
И живем все. (2)

Дал им бог ж^ж крепку поруку,³
280 Свидетеля⁵⁴ им в руку —
Дугу в небе. (2)

Вам потопу⁵⁵ ужь не будет,
В дожди в небе дуга будет
Вам свидетель. (2) ||

285 Народ был тому уверен,
Что свидетель очень верен,
⁵⁶ Очень верен.⁵⁷ (2)

л. 40

Столп же строили которы,
Тогда стали жить в покое
290 На земли все.⁵⁸ (2)

(ИРЛИ, р. IV, оп. 13
(собр. В. Н. Перетца),
№ 667, лл. 27—40).

ж-в Испр. по M_1M_2 , в ркп. крепкую руку.

³⁹ Наплодилось M_1M_2 . ⁴⁰ Умножилось M_1M_2 . ⁴¹ облак M_1M_2 . ⁴² стол M_1 . ⁴³ неверье M_1M_2 . ⁴⁴⁻⁴⁵ на них зловерье M_1 ; на них зловерие M_2 . ⁴⁶ во M_1M_2 . ⁴⁷ Доб. в скобках разны M_1 ; доб. разны M_2 . ⁴⁸ каждым M_1M_2 . ⁴⁹⁻⁵⁰ Всем по званию M_1 ; Всем по знанию M_2 . ⁵¹ И ныне M_1M_2 . ⁵² укрепились M_1M_2 . ⁵³ расплодились M_1M_2 . ⁵⁴ И свидетеля M_1M_2 . ⁵⁵ потопа M_1M_2 . ⁵⁶⁻⁵⁷ Не сумнились M_1M_2 . ⁵⁸ той. Конец. M_1M_2 .

О. В. Творогов

ТРОЯНСКАЯ ИСТОРИЯ В ПЕРЕРАБОТКАХ УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ КНИЖНИКОВ

Изучая книжную культуру Низовой Печоры, В. И. Малышев обратил внимание на интересный факт создания в конце XIX—начале XX в. новых редакций (точнее переделок) древнерусских литературных памятников. В значительной степени это явление было связано с деятельностью видного усть-цилемского книжника Ивана Степановича Мяндина (1823—1894 гг.). По предположению В. И. Малышева, этот «очень начитанный и грамотный человек, имевший большое собрание рукописей и старопечатных книг», «может быть, одним из первых положил начало переработкам старинных произведений на низовой Печоре». И. С. Мяндин «сокращал длинноты, упрощал стиль и язык», в некоторых случаях «вносил местные печорские особенности в произведения». ¹

Исследователи уже обращались к изучению усть-цилемских переделок, публиковали их. ² Ниже рассматриваются две усть-цилемские переделки Троянской истории, одна из которых находится в сборнике, писанном рукой И. С. Мяндина и, как попытаемся показать далее, отредактированном им. Это сборник № 66 третьей четверти XIX в. ³ Троянская история озаглавлена «История греческая о древних мужех, прославившихся в бранех. О брани греческой и троянской». Текст ее приводится ниже, в приложении к статье.

Другой список Троянской истории в составе того же усть-цилемского собрания находится в сборнике № 267 начала XX в.,

¹ В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 14.

² См.: В. И. Малышев. Усть-цилемская обработка повести о царевне Персике. В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 326—337; Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова. «Повесть о убогом человеке, како от диавола произведен царем» и ее усть-цилемская обработка. ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 252—258. Усть-цилемская переработка «Повести о Басарге» опубликована Л. А. Дмитриевым в кн.: М. О. Скрипиль. Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле. Л., 1969, стр. 214—216.

³ Описание сборника см.: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., стр. 112—115.

на лл. 289—324 об.⁴ Повесть озаглавлена «О брани греческой и троянской».

Оба текста бесспорно связаны друг с другом, хотя и опосредствованно. Эта связь в какой-то мере отражена уже в сходстве состава обоих сборников. В сборнике № 66 помещено «Историческое описание о сотворении мира», затем повесть «О брани греческой и троянской», «Сказание о Александре Макидонском...», «Повесть о царе Константине и матери его Елены», «Краткая российская история...», «О судии праведном и о царе Иустине» и т. д. В сборник № 267 входят хронографическая компиляция от сотворения мира, Александрия, «О брани греческой и троянской», «О царе Константине и матери его Елены», «Повесть о судии праведном», «О великом царстве Российском, откуда начася...» и т. д.

Сравнение повестей о Троянской войне в обоих сборниках приводит к выводу, что текст повести в сборнике № 267 (называем его Анонимной редакцией и обозначаем далее А) и текст повести в переработке Мяндина (обозначаем М) восходят к общему архетипу (Ар) — компилятивной переработке двух версий Троянской истории: «Троянской истории» Гвидо де Колумна и главы «О златом руне волшебного овна» Хронографа редакции 1617 г., являющейся переделкой одной из глав Хроники Мартина Бельского.⁵ Эти два источника Ар обозначаем соответственно Г и Б.

На происхождение А и М из одного источника указывает наличие ряда общих эпизодов и деталей, отсутствующих в иных версиях Троянской истории. Например: 1) в А и М золотое руно охраняется драконами, в Б и Г — драконом и двумя огнедышащими волами; 2) девушка, спасенная Геркулесом в М или Язоном в А, носит имя Поликсены; в Б и Г Поликсена — дочь Приама, возлюбленная Ахилла, а девушка, спасенная Геркулесом (Б) или плененная им (Г), — сестра Приама, Гесиона; 3) в А и М спасение Поликсены происходит после овладения золотым руном; в Б Геркулес спасает Гесиону на пути аргонавтов в Колхиду; в Г этот эпизод вообще отсутствует; 4) в А и М Приам во время первого разрушения Трои еще юноша, в Б о возрасте Приама ничего не говорится, в Г же сообщается, что он во время падения Трои вместе с женой и сыновьями осаждал вражеский город; 5) в А и М Парис похищает Елену на острове, где находится храм Аполлона; в Б говорится о «молбище Венеры», в Г — о храме Афродиты; 6) в А и М Париса убивает сын Ахиллеса Пирр, в Г Париса убивает Аякс, в Б — Филокрит, и т. д.

⁴ Описание сборника см.: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 604.

⁵ См. об этом: Троянские сказания. Л., 1972 (серия «Литературные памятники»), стр. 159—160.

На общий источник А и М указывают также — хотя и немногочисленные на общем фоне — текстуальные совпадения. Например:

М

Приблизившись к девушки,
он (Геркулес, — О. Т.) заметил
много человеческих голов и ко-
стей вскрай етого озера (л. 118).

Только сын его (царя Трои, —
О. Т.) Приям был ранее отправ-
лен в соседнее царство
(л. 122 об.).

И храбростью своею и се-
мерых сынов его многима стра-
нами завоевал, а друзии и сами
охотно отдавались в подданниче-
ство (л. 123).

А

Близ же того места лежаху
полаю поле костей человеческих
(л. 292).

Во время брани с греками
царь Трои заранее посла сына
своего Прияма к другу своему, да
сохранит его и воспитает...
(л. 295 об.).

И ему родишася сынов
6 прекрасны и храб^ры зе^ло,
и той покори себе многи страны,
а друзии же мнози искаша
дружбы его, добровольно вдашася
под его державу (л. 296 об.).

Приведенные примеры тем более показательны, что все они относятся к эпизодам или деталям, отсутствующим в иных версиях Троянской истории.⁶

Итак, А и М восходят к общему источнику Ар, контаминировавшему две версии Троянской истории (например, рассказ о спасении Гесионы Геркулесом имеется только в версии Б, а рассказ о захвате Трои с помощью воинов, спрятанных в чреве медного коня, — только в версии Г), дополнившему рассказ рядом новых эпизодов и изменившему некоторые сюжетные детали.

При этом Ар был единственным источником версий А и М. Правда, есть случаи, когда версии А и М имеют свои индивидуальные совпадения с версиями Б и Г.⁷ Однако предположение, что версии А и М, помимо основного источника Ар, обращались еще и к версиям Б и Г, маловероятно. Совершенно исключена зависимость версии А от М и наоборот. Единственно возможным кажется предположение, что Ар, общий источник А и М, содержал наиболее пространный и наиболее близкий к «каноническим» версиям Б (в рассказе о походе аргонавтов) и Г (в остальной части повествования) рассказ, который в сокращенном, измененном, а кое в чем и дополненном виде дошел до нас в версиях А и М.

По отдельным чертам сюжета можно установить, что версия Г,

⁶ Можно предположить, что рассказ о воспитании Приама в соседнем царстве навеян рассказом версии Б, согласно которой Приам отдал своего сына Полидора «на сохранение» царю Полиместру.

⁷ Так, только в М говорится о посещении Геркулесом царства, где «прежде были Озон и Мидия»; рассказываемая далее их история напоминает историю Фрикса и Елены (Теллы), содержащуюся лишь в версии Б. С другой стороны, в версии М близко к Г излагается история гибели Троила, тогда как в А говорится, что Троила убил Мемнон — союзник троянцев! В описании же спасения Поликсены или совещания Приама с сыновьями ближе к версии Б и Г оказывается, напротив, версия А.

т. е. «Троянская история» Гвидо де Колумна, была известна составителю версии Ар не в своей Краткой редакции, распространенной в списках XVII—начала XVIII в., а либо в Древнейшей (полной), либо — и скорее всего — в редакции, легшей в основу издания 1709 г.⁸ Эта редакция была широко распространена: во-первых за изданием 1709 г. последовало еще 9,⁹ а во-вторых, уже начиная с первой четверти XVIII в. создаются многочисленные списки-копии печатных изданий.

Сложнее ответить на вопрос о времени создания и локализации переделок Троянской истории, являющихся предметом нашего рассмотрения. Версии А и М почти наверняка можно считать созданными усть-цилемскими книжниками — об этом говорит близость их текстов; оба сборника скорее всего восходят непосредственно, без промежуточных звеньев к сборнику, содержавшему версию Ар. Об этом же свидетельствует сходство состава сборников №№ 66 и 267. Возможно, в том же районе был создан и сборник, содержащий версию Ар. Переделка Троянской истории — явление отнюдь не исключительное для книжников Севера; сборники №№ 66 и 267 содержат также переделки Сербской Александрии, переделки ряда библейских сказаний; напомним о называвшихся выше усть-цилемских вариантах Повести о Басарге, Повести о царевне Персике и др.

В сборнике № 66 проявилась характерная манера, особый стиль одного из усть-цилемских редакторов. На фоне повествования, выдержанного в языковой и стилистической манере древнерусской книжности, в версии М выделяется рассказ об избавлении Поликсены. В версии Б, где имеется этот сюжетный мотив (напомним, что там речь идет о спасении Гесионы), мы читаем: «И Аркулес, ту шествующе, обрете на брегу моря деву красну зело, ей же руже и нозе связани суть. Вопрошаема же рече: „Аз есмь дщи Лаомедонта, царя Троянскаво, имянем Ексеона. Вина же моему связанию сие бысть: Ламедонт, отец мой, обещал сотворити капище Нефтуну, морскому богу, и не поставил. И за то на него Нефту разгневался и велел выходить из моря великому змию и поедати люди. И по том отец мой молися Аполлону богу. И Аполлон рече: Аще дадут от царских детей на снадение змию, то укротится Нефтунов гнев. И сего ради меташа жребия на царския дети. И паде жребий на мене, и связавше ми руже и нозе,

⁸ «Историа в ней же пишет о разорении града Трои Фригийскаго царства... Налечатана же славенски повелением царскаго величества в Типографии Московской лета господня 1709-го в месяце июнии».

⁹ Издания 1712, 1717, 1745, 1760, 1765, 1775, 1785, 1791 и 1817 гг. См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725. М.—Л., 1955, стр. 89; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800. Т. I, А—И. М., 1962, стр. 203; Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1828, стр. 233; В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. III. СПб., 1904, стр. 102—103; ч. V. СПб., 1906, стр. 105.

положиша zde на снeдeниe змию“. Еркулес же сия слышав, дождав змия и убил его. А девицу, развязав, ко отъцу ея Ламедонту предаст. Трояне же зело подивилися Еркulesове храбрости, многими дары одариша его и Ексену царевну в жену дати обещаша. Он же рече: „Дондеже возвращуся от пути своего, тогда брак сотворю и дары приму“». ¹⁰

В усть-цилемских переделках этот эпизод значительно распространен и расцвечен подробностями. Особенно это касается версии М. Именно здесь мы находим черты «галантерейного», как говорили во времена Пушкина, стиля, резко отличающегося от стиля остальной части повествования, например: «Сии последние слова так впечатлелись в сердце юного Еркулеса, что он не мог отказаться от таких приятных слов молодой и прекрасной девушки»; «и сама девушка ощутила к храброму незнакомцу горячую любовь»; «... только отложили брак до обратного пути. Тут условие было заключено на выгодных со обеих сторон пунктах» и т. д. ¹¹ В А рассказ о спасении Поликсены ближе к версии Б. Там, в частности, нет упоминания о любви Поликсены и ее спасителя, а говорится лишь, что «царь... и вси людие сретоша храброго юношу, и велию честь воздаша ему... И обещаша ту царскую дщерь вдати ему в жены, бе бо зело лепа». ¹²

Любопытно, что в находящейся в том же сборнике № 66 переделке Сербской Александрии также есть дополнения, отсутствующие в переделке той же Александрии в сборнике № 267. В сборнике № 66 рассказывается (в противоречии не только с «каноническим» текстом Александрии, но и с предшествующим текстом самой усть-цилемской переработки) о любви Александра Македонского к дочери индийского царя Пора Поликсене (!). Язык этого эпизода напоминает нам язык рассказа о любви Геркулеса и Поликсены: «Потом шествующу ему к полатам царицы, тут невольно привлекла Александра одна знаменитая новость: дщерь царя Пора Поликсена на надгробной церемонии, егда провожаху царя Пора, вместо плача она играла на инструментах с зело сладким и умильным отголоском песней со всяким телодвижением... Кроме зело прекрасного телосложения она имсла весьма привлекательные и умильные взоры и нежные члены белизны неизглаголанной». ¹³ Приведем и еще один фрагмент, на этот раз из переделки библейского рассказа об Иосифе Прекрасном. Переделка эта имеется также в сборнике № 267, но лишь в сборнике № 66 рас-

¹⁰ Цитируем по списку Хронографа редакции 1617 г., рукопись БАН, собр. Арханг. С. № 139, л. 98—98 об.

¹¹ Ср. также в предшествующем рассказе о захвате золотого руна: «Несмотря на эти страшные известия, Еркулес избрал удобное время и отправился в Колхиду»; «Само собою разумеется, что златое руно было похищено».

¹² ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 267, л. 293 об.

¹³ ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66, лл. 171 об.—172.

сказывается, что Иосиф противился любовным домогательствам жены Пентефрия, движимый не высоким благочестием и целомудрием, а чувством верности к своей невесте Селиме (!), и приводятся отсутствующие в библейском рассказе подробности искушения юноши. Стиль этих вставок напоминает стиль рассказов о Геркулесе и Поликсене или об Александре и дочери Пора в том же сборнике: «Во един от дний прииде ко Иякову девица, именем Селима, зело млада и прекрасна», «Селима взаимно любяше Иосифа, яко же и он»;¹⁴ жена Пентефрия (здесь она носит имя Далуки; ср. версию М, где Кассандра называется Далидой) говорит Иосифу: «О милый Иосифе! Чесо ради гнушаешися мене, госпожи своея, возлюбившия тебе сердечно? Почто убегаеши и не повеселишися со мною, почто не идеши в мои объятия, яко же и се бози наши любящеся». С этими словами Далука «показа на Венеру обнаженную, держащую Марса во объятиях своих», и «показа Иосифу все прелестныя и нежныя члены»,¹⁵ и т. д. Тематическая близость дополнений и общий стиль, им присущий, указывают на то, что все эти дополнения в разных статьях сборника № 66 сделаны одним лицом.¹⁶ Если учесть, что сборник этот писан рукой И. С. Мяндина, то можно предположить, что дополнения принадлежат именно ему. В этом случае окажется, что основной текст переделок принадлежит иному лицу, что существовала целая школа книжников, занимавшихся пересказом и переделкой древнерусских текстов. Сборник № 267 относится к началу XX в., т. е. моложе сборника И. С. Мяндина и, как показано выше, восходит не к сборнику № 66, а непосредственно к тексту Ар. У редактора версии А также есть свой индивидуальный «почерк»: его переделка находится под влиянием народной сказки, былины. Поэтому Язон сражается у него «заповедным мечом» и добывает руно с помощью перстня-талисмана; «змий», явившийся за Поликсеной, губит своих противников «звизданием» (свистом); Пирр скачет по полю боя на своем «вороном жеребце».

Итак, изучение усть-цилемских переделок и новых редакций древнерусских литературных памятников позволяет проследить, как же воспринималась литература древней Руси на крестьянском Севере прошлого века. Наличие в Рукописном собрании Пушкинского дома строго локализованных коллекций рукописей позволяет сделать выводы более объективными, наиболее детально проследить этот процесс.

¹⁴ Там же, л. 30—30 об.

¹⁵ Там же, лл. 34 об.—35 об.

¹⁶ Можно привести и еще один пример: в версии М упоминается, что Геркулес находит в царстве, где «прежде были Озон и Мидия», развалины и «пирамиды каменные». В Александрии в том же сборнике № 66 также есть отсутствующее в сборнике № 267 упоминание о «пирамидах каменных» «древних философ и богов еллинских».

ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКАЯ О ДРЕВНИХ МУЖЕХ,
ПРОСЛАВИВШИХСЯ В БРАНЯХ.
О БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ

Во времена царей израильских бысть во еллинех некий славен воин, именем Еркулес. Сей некогда услыша, яко в стране Колхиде объявился золотое руно, охраняемое двумя лютыми драконами, которое многия из сильнейших || воинов покушались похитить. И за ету дерзость платили жизнью, ибо страшныя драконы их умерщвляли внезапно, так что им не было времени увидеть, где оное сокровище и хранится. Несмотря на эти страшныя известия Еркулес избрал удобное время и отправился в Колхиду на кораблях со своими воинами, взял с собою и потребное количество запаса для истребления чудовищ. ||

Он был щасливее других воинов, потому что, как только пристал к берегу и сел на коня, и мимоездом с одного взмаху одного из страшных драконов пересек на полы. В ту же минуту и другой принял такую же участь от его острого меча. Само собою разумеется, что златое руно было похищено и перенесено в карабли, которыя и отправил во свое отечество.

Сам же Еркулес поехал на своем || коне искать новыя славы, новыя опасности [и на возврат],^а так как поехал еще впредь и увидел вскрай одного большого озера стоящу зело прекрасную девушку в одежди, обшитой золотом, и плачем своим оглашающъ воздух. Так храбрый Еркулес (!) был тронут жалостию к девушки; особенно его привлекло любопытство узнать, чего ради такая добродородная девушка и прекрасная одна стоит на пустом месте, || и не бежит к родным. Приблизившись к девушки, он заметил много человеческих голов и костей вскрай етаго озера. И вдале виден густой дым. При виде незнакомца девушка сначала испугавшись, потом ободрилась и плачь оставила. Тогда Еркулес спросил девушку, откуда она и какого роду и для чего стоит при етом езере и плачет. Девушка же, видя, что етот воин желает

узнать, начала сначала так: || «Отец мой есть царь великия Трои, многолюден зело. И за грехи наши разгневались наши боги за то, что однажды отец мой хотел принести однаго детища им в жертву и не исполнил обещание. Послали на наш град страшнаго чудовища, триглавнаго змия, которой ежедневно выходил из етого озера и пожирал людей и скота. А потому отец мой положил намерение вдати меня в жертву змию, дабы боги умиловистилися ||

и не погубили бы наш город напрасно». Сия и ина многа сказа, и абие вскрыча девица: «Отиди скорее, человече! Змий идет и погубит нас обоих». Еркулес же отступи мало и сrete чудовищнаго змия и порази ему мечем во главы и за один взмах отсек все

^а Эти слова заключены в скобки в рукописи; палочка после „т“ — вероятно, часть недописанной буквы, может быть буквы „н“.

три главы. Хобот же взвися и едва не ударив на коня его. Сие видевши, девушка зело возрадовалась и нача звати новаго храбреца во град Трои, ко отцу своему, || глаголя: «Храбрый юноше! а. 119 об. Удостой наш град своим приходом, ибо отец мой за щастие почтет видеть тебя во своей полате и за твою услугу не пожалеет и то, чего будет тебе приятно». Сии последний слова так впечатлелись в сердце юнаго Еркулеса, что он не мог отказать от таких приятных слов молодой прекрасной девушки. Тогда^б во граде Трои все от мала и до велика находились в большом сетовании и слезах, || даже и сам царь Трои был немало печален о единственной дочери своей. И внезапно их печаль и слезы обратились в радость, когда увидели царевну, идущу веселу, и некоего воина, едуща на кони. Все бросились встречу им и по распросам узнали все происшествие. Несказанно обрадовался весь народ, даже и сам^в царь приказал воина позвать к себе в полаты. И по многом угощении и дары одарили юнаго Еркулеса. Только ему одно || желание не выполнялось по словам девушки, которую он так а. 120 об. полюбил, что лучше бы лишился всех драгоценных даров, а еи одну бы взял себе в супружество. Ето желание было замечено и самим царем, даже и сама девушка ощутила к храброму незнакомцу горячую любовь,^г а потому Еркулес начал подтверждать слова, говоренныя девушкой. Царь же и девушка были согласны, только отложили брак до обратного пути. Тут условие было заключено || на выгодных со обоих сторон пунктах. И храбрый Еркулес простился со своей невестой и с названным тестем и отправился в путь. а. 121

Долго странствовал герой Еркулес по странам мало известным. Наконец прибыл и в то царство, где прежде были Озон и Мидия, которых мачеха по ненависти выгнала и направила им путь через море по учиненному ей волшебством клубу. Только заказала им назад не оглядываться, но^а Мидия заказ не исполнила, || а потому и потонула в море. Брат же ея дошел до берега а. 121 об. Колхиды. Тут из волшебного клуба учинилось золотое руно, которое Еркулес похитил прежде. В царстве том он ничего заметного не нашел, кроме развалин и парамад каменных. Оттуда возвратился во свою землю и на пути он узнал, что жители етого царства за неверие и зависть превращены в парамады.

Достигнув Еркулес царства Троянского с надеждою взяти || свое обещание. Но как же он удивился, когда вместо честнаго а. 122 приема ему были входы везде заперты, и грозная вооруженная стража из многочисленных воинов грозили Еркулеса убийством. Тут наш храбрец долго не думал, как помочь етому делу, вскоре отступил от города и отправился во свое отечество и там вооружил

^б Над строкой надписано тем же почерком егда. ^в Надписано над строкой тем же почерком. ^г Написано на поле тем же почерком со знаком вставки. ^а Надписано над строкой тем же почерком.

многочисленные и храбрые еллины для отмщения вероломным троянцам.

л. 122 об. Нечаянно напали греки на Трою, || так что им не было времени взяться за оружие. Тут Еркулес излил всю злобу свою, всех в городе предал огню и мечу, не оставил в живых и отца Поликсены, так называлась эта прекрасная девушка. Только сын его Приям был ранее отправлен в соседнее царство. Но Поликсена была пленена со многими девушками и богатством. Тогда-то Еркулес отправился во свое отечество с корыстию многою и женился на Поликсене. ||

л. 123 Егда же Приям, сын троянского царя, возмужал и женился на хошенькой (!) царевны Еккубы и породил храбрых сыновей. Тогда возвратился на свой престол отца своего, паки обнови и востави на первую степень. И храбростию своею и семерых сынов его^е многими странами завоевал, а друзии и сами охотно отдавались в подданничество. Только царь Приям неоднократно помышлял о отмщении грекам за нанесенные им обиды и пленение сестры.

л. 123 об И про || того ради в один день собрал всех своих сынов и бояр знаменитых и прочих к себе в полату и по многом разглагольствии спросил их и отмщении (!) обиды греком. На что умнии отвращаху и не хотяху начинати брани, малоумнии же и скодоумнии советоваху лучше отмстити греком, особенно 3-й сын царев, Парис, сказа какое-то сонное мечтание, велящее итти в Грецию и оттуда привести прекрасную жену. На что сестра его, именем Далида, || прибежа в собрание, рече: «Не отправляй, отче царю, Париса в Грецию. Наживем беду велику, что неволею лишимся царства». На эти речи умные девушки нимало не хотели послушать.

л. 124 И || прибже в собрание, рече: «Не отправляй, отче царю, Париса в Грецию. Наживем беду велику, что неволею лишимся царства». На эти речи умные девушки нимало не хотели послушать.

л. 124 об. Скоро отправился Парис на кораблях в Грецию с войском и на пути приста к одному знаменитому греческому* острову, на котором стоял Аполонов кумир, давал ответы о будущем, кто его спрашивал с большим усердием. Того ради и Парис хотя узнати, || благополучно ли он совершит путь в Грецию, и Аполонову истукану принес богатейшия дары. Сам же показася собравшемуся народу первым красавцем, во мноценных (!) одеждах, а потому греческой народ не смотрели на своего истукана так, как на Париса. Сего ради слава об нем протекла во многия царства греческия. Доиде в слух^з сие" и до царицы Елены, супруги царя Менелая, которая во дни своя красотою сияла, аки некая богиня. л. 125 Та претворившись, || якобы исполнити обет на остров той, и скоро отправилась на корабли. И яко бысть на острове, узре Парис

^е Надписано над строкой тем же почерком. ^ж В рукописи паринескому; слог парин написан карандашом на месте стертых букв; первоначально читалось, видимо, греческому. ^з В рукописи слово стерто и дописано карандашом; сохранились буквы с . . . и. " Надписано над строкой тем же почерком.

царицу, абие возгорется на ню любовию. И сего ради положи во уме, еже бы како нощию похитити и отвести в Трою.

Наставши же нощи, повеле Парис позвати ю к себе на ужин в корабль. Царица же Елена, не зная умышления его, иде в простоте сердца в Парисов корабль со своими служащими, коих и упоиша. И егда быша вси в безчюевсии, || тогда служащих отвели на берег, а кораблям Парис приказал плыти обратно в царство Троянское. Егда же царица Елена, ощутив себя везомую в чужое царство, начат плакати неутешно, чего ради Парис утешив ю, глаголя: «Не плачь, прекраснейшая Елено, ты едеш в царство такое, которое славнее и сильнее твоего. Будеши мне любезная супруга. И тебя станут почитати не точию простой народ, но и цари и князи». Сие услыша царица Елена, мало утешився. || Егда же присташа ко граду Трои, бысть им великолепная встреча. Даже и сам царь проздрави Елену, и прочии вси радости исполнишася. Но старший сын царев и сестра его предвидели от сего великое нестроение, чего ради отказались и в праздновании брака Парисова с Еленою и в прочем увеселении. л. 125 об.

Вскоре после отплытия кораблей Парисовых дошло известие и к царю Менелаю о похищении супруги. Сие егда услыша, впаде в печаль неутешную. || Потом мало утешився от печали, посылает грамоты ко всем царем и князем греческим и молит их отмстити за жену, особенно брата своего Агамнона и других родственников. Все цари и князи гречестии совокупились во едино ополчение, яко быти всему воинству их до пяти сот тысяч и кораблей более двух тысяч. л. 126 об.

Однако на пути они спрашивали Нептунов кумир, на что он жерцу своему так сказал: «Греки хотя и много своих || воинов потеряют, но с великим трудом победят и разорят Трою». Сие слышавше, цари и князи гречестии идоша с великим тщанием со многочисленным воинством, над коим избран воеводою царь Агамнон. л. 127

Егда же ощутивше трояне нашествие греческое, абие ополчидася против неприятелей во множестве сильных храбрецов, не точию не даша греком приблизитися ко граду Трои, но едва снидоша на брег греки со оружием, || царев больший сын Гектор, как крылатый орел, на своем бранном коне напал на греков, коих без милости сечаше и конем попираше, дондеже ночь наста и брань разруши. Греки же в той день много потерпеша поражений. Аще бы не подоспели прочии корабли и войско, то велия бы учинилась утрата^к воином греческим.^л л. 127 об.

В протчия же дни трояне паки вышли на брань, воевода же^м у них Гектор, кои и нападоша на греков так сильно, что греки, не могуще || исправитися, вспять обращахуся и падаху, инии же л. 128

^{к-л} Исправлено в рукописи тем же почерком; первоначально читалось воинским. ^м Следующее слово (бе?) смазано.

и своею волею предавахуся, пока не подоспе греческий воевода Агемнон. Тогда брань пошла на другую сторону, и гониша троян до врат градских. И ночь наступи.

а. 128 об. И тако трояне едва не предаша града. Наутрие же все сыновья царьстии выступиша из града: Гектор, Деифеб, Парис и Троил и прочии, сотвориша со греки жесточайшую брань, ибо и греки кроме воеводы имуще || храбрых царей и князей, то есть Мемнона, Менелая, Пира и Аххилеса и других. Но Гектор тогда уби многих греческих вождей, тако же и греки многих убивающе, дондеже ночь разлучаше их от брани. И аще не бы положено между ими перемерие, то много бы греки и трояне лишились воинов.

а. 129 В етом перемерии греческий витязь Аххилес во время бытности во граде Трои [не за] ^н увидел одну из царских дочерей, зело прекрасную, пожелал || взять еи в замужество, чего ради обещался все греческое войско отвести от брани, аще ему будет ему жена. Аххилес же для получения царевны хотя пред греческими царьми и многи ходатайствовал, но ничего не успел, ибо не все были согласны. А потому он отказался и от брани.

а. 129 об. По перемерии же паки греки и трояне сотвориша жестокую брань. И на етой брани много было убито со обоих сторон царей и князей. И аще бы || не подоспела ночь, то бы все греческое воинство потерпело поражение. Наутрие же много молиша Аххилеса, да изыдет на брань. Он же отречеса, точию даде своих воинов. На етой кровопролитной брани убиен бысть царев сын Деифеб и царь Мемнон греческий. И трояне гониша греков да (!) шатра Аххилесова, и ночь разлучи брань.

а. 130 На другой день сам Гектор выехал на греков и тако их убивая, яко ни един не може гонзуги его меча. || Се же виде Аххилес, яко много гибнет греческое войско, сам вооружается (!) и выеждает противо Гектора, но Гектор его поражает с коня, сам же устремися на греки. Аххилес же повеле своим воином, да обступят Гектора, дабы ему было возможно, да от руки его убьется Гектор. И абие узре Аххилес Гектора, обстоима воинами, и направи копие и пронзе. И тако умре храбрый Гектор, убивый а. 130 об. более двадцати греческих царей || и князей.

Се же яко услышавше во граде Трои, велий плачь сотвориша не точию сродницы, но и страннии, зане храбр бе зело. Такожде жена его, и дети, царь и царица, и вси вельможи. На другой день предаша тело Гекторово земли с рыданием многим.

а. 131 И абие предводителем выеха Парис и сразився с Менелаем, и узреша друг друга, начаша ругатися за Елену. Но Парис порази Менелая мечем, но не вреди его, точию рани его мало. Менелай же хоте || ударити мечем, и промахнувся и паде с коня. Парис же остави Менелая и нападе на греки, сеча и топча ногами конскими. И в той день многое грек побито. И ночь наста.

^н Слова заключены в скобки в рукописи.

В другой же день Трои́л, сын царев, яко крылат орел зело скоро нападе на греки. Се же виде́в, Аххилес абие сразився с Трои́лом, но Трои́л сверже его с коня, сам же устремися на греков, сечаше немилостивно. Тогда Аххилес, виде много побиваемых греков, || повеле своим воином обступити Трои́ла, и нападе на него, а. 131 об. и уби его мечем, а тело Трои́лово привяза коню за хвост и влаче. Се же виде́вше, трояне зело смутишася и, пришедше, отняша тело его. Сего ради Парис совеща́ся со своими призвати Аххилеса во град, яко бы сотворити брак с сестрою его.

Аххилес же верова словесем их и поиде во град^о и вниде^п в капище Аполон^{ово}, еже бы како вскоре совокупитися браку с прелестною царевною. || И абие нападе на него Парис с войны своими с мечем и уби Аххилеса. И тако умре храбрый Аххилес. И тело его повергше на площадь градскую на поругание. Се же слышавше, цари гречестии зело опечалишася и послаша к царю Прияму с молением, еже бы даровати тело Аххилесово. Царь же Трои́и повеле взяти в полки гречестии. И тако взяша греки и погребоша с рыданием многим. И послаша в царство, иде же живяше сын его || Пиор, сего призвавше в полки греческия, да отмстит а. 132 об. за смерть отца своего.

И яко лев устремися на троян, вышедших на брань после двухмесечнаго перемерия. И абие нападе на Париса, побивающаго греков, и порази его мечем. И тако умре. И абие восхитиша трояне и несоша во град. Се же виде́вше, троянстии жены и Елена зело восплакашася и сотвориша рыдание три дни. В четвертый же день || паки изшедше из града.^р Греки же,^с нападше на троян, во множестве же их убивающе и конскими ногами уязвляху, зане же воеводы и вожди храбрии оскудеша. Несть бо храбраго Гектора, чюднаго Трои́ла и сильнаго Деифеба и Париса, всех бо сокруши мечь греческий. а. 133

Се слышавши амазонская царица Петанзалия, яко царство Троянское лишися прежняго величества и силы, и побиени быша царстии храбрии сынове греками, || паче же зело любяше Гектора за храбрость его, и яко услыша убиена его^т от Аххилеса, абие устремися со своими девицами от своея страны во град Трои́ю на помощь к царю Прияму на отмщение за сыны его. И бе у нея девиц до 3000, зело храбры на бранех, вооружены бяху стройно, изучени бо бяху ратному делу мали зело, ибо^у одевающе^ф на ся^х броня, и шлем, украшающе^у главы, и груди их доспехи меди аравитския блещашеся, || яко злато. Егда же со враги быющеся и, а. 134 дабы не мешало им держати копие и мечь, подвязываху правыя сосца своя, а левыя оставляху, особенно те, у которых сосца великия.

^{о-п} Надписано над строкой тем же почерком. ^{р-с} Надписано над строкой тем же почерком. ^т Написано на поле тем же почерком. ^у Надписано над строкой тем же почерком. ^{ф-х} Надписано над строкой тем же почерком.

Таковое ополчение егда ощути Приям царь, зело возрадовася и благодаря царицу за ея мужество. И егда уготовишася на брань, царь Приям сам изыде противу греков. И сразишася, и бысть сеча зело велика. Царица же Петанлазия нападе на || греки, зело храбро сечаше их, такожде и девицы ея сечаху греков. В той день и Приям царь много храбровав за сыны своя на греки. Того ради в той день много побито греческого войска. Видив же Пирр, яко жены, охрабрившеся, сечаху греки зело, абие устремися на них и нача их разделяти мечем своим на полы. Егда же ощути Петен-
л. 134 об. залия царица Пирра, зело убивающа девицы, кои от меча его падаху яко снопия, || прискочи к нему и внезапно сверже его с коня, но не рани. Пирр же абие взыде на коня и удари царицу мечем, и раздели ю на полы тако, яко мертву ю сотвори. Тогда вси трояне в бегство обратишася и запершися во граде, ибо греки устремишася на троян, зело сечаху их. Царь же Приям едва утече. И абие ночь наступи, и брань преста.

На другой день изыдоша трояне на брань, но не тако, яко же
л. 135 об. прежде с храбрыми военачальники, || унылы и несмелы, ибо со греки уже последнюю брань сотвориша. И абие скоро разыдошася. Наутрие же созва царь советники своя, Антенора и Енею, и нача советовати, дабы мир сотворити со греки. Антенор же и Енея при-
советоваша, еже бы заплатити греком за все, и вдати и Елену и прочих. Сие слышав, младший сын царев воспротивися тому, и тако разыдошася со гневом.

Тогда Антенор и Енея таи нощию совещавшеся со греки, ||
л. 136 еже бы нощию пустити во граде и ничтоже за утрати не взы-
скивати, точию 40 000 гривен злата и от грек в знак дара — мед-
наго тощого коня, в которого всадити 40 воинов. И тако сотвориша греки, и трояне принесоша злато и вовлекоша коня во град. Греки же вседше в корабли и отидоша от берегов Трои. Трояне же зело возвеселишася о отшествии греков и концу брани. И тако вси окрестнии цари и князи отидоша от Трои с малыми весьма воины. ||

Егда вси трояне возлегоша и заспавше в нощи, и тогда от-
л. 136 об. верзше двери и давшие знамение греком затворении. Тогда греки, увидевше сие, абие приидоша Трои и вышедше на берег. Затво-
рении же избивше стражу и отверзоша врата граду, и все грече-
ское воинство внидоша во град, и абие устремишася на троян, огнем и мечем сотвориша велие убийство. Страшно бо в ту ночь
л. 137 содеяся, ибо в темноте ночней жители не зная, || что творити: муж-
ие бо бежаху из домов своих, жены с грудными младенцы течаху не весть куда и впадаху в руки неприятелей, девушки прелестныя не можаху утечи от блудных юношей, кои на всяком месте на-
силоваху им.

И бе град Троя великая велиим страхом и зельным плачем объята бысть. Царь же Приям скрыся в храме Апполоновом. Се же увесть Пирр, вниде с воины и уби его. Царица же Еккуба

со дщерию Поликсеною бежа и встрече || Енея и Антенора. л. 137 об.
И рече им с рыданием: «О злии предатели града нашего! Что сотвористе ныне, яко царя погубисте и люди вся! Мы же не вемы, где скрытися от рук неприятелей. То хотя се едино сотворите ныне добро: укрыйте нас от грек, да не поругаются дщери моей». Антенор и Енея сжалишася к царицыну воплю и сведоша в место, идеже никто же вестъ.

Егда же грецы довольно насытиша месть свою над пленными трояны и обогатеша || имением их и златом и драгими одеяниями, л. 138
и всяк себе присвоиша из прекрасных троянок в жены. А Мелалай царь Елену приведе в свой стан, Адромину, жену Гекторову, Пир, Аххилесов сын, взя себе,^н а едину от дщерей царевых, зело прекрасную и младу собою, вдаша в дар Агамнону царю за верную его службу. Сего ради Паламон царь зело вознегодова, и мнози пристаха к тому цари и князи, прочии же на стороне Агамнове. Ту же бысть и царь || Уликс, который своим красноречием паки утоли несогласие. Точию Пирр сказал к царям: «Мне сие не зело велико, что царю Агамнону дариша царвеною, но се меня интересуе, яко Поликсена, прельстившая и погубившая отца моего, скрывшись доселе, и не приемлет праведнаго наказания». Тогда вси цари гречестии приступиша к Антенору и Енею, да откроют Поликсену царвну. И яко не могоша отпретися, абие приведоша к ним. Тогда взял Пирр || царвну Поликсену и веде л. 139
ю на гроб отца своего Аххилеса. И ту отсече ей главу. Мати же ея, царица Еккуба, слыша сие, и яко ощути умершу дщерь, нача бегати и скакати на всех, и тако ей скачущу простовласу и открытою грудью и сосцема висящими в беспорядке, сю же всяк со смехом провождаше от себя с сильными побоями, дондеже пад и умре. Цари же гречестии Антенора и Енся осудиша на вечное заточение в иныя страны, зачто скрывал (!) || Поликсену. л. 139 об.

Прочее же цари и князи гречестии в свои царства отправишася, и на пути мнози погибоша, друзии же пришедше во свои царства и видевше, яко жены их с другими совокупишася, абие брань воздвигоша. А других отгнавшие от своих царств по клеветы недругов. Мали зело благополучно возвратишася, те, кои правдою и любовию украсиша себе и чистою совестью.

И тако скончася брань греческая и троянская.

(ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66).

^н Написано на поле тем же почерком,

Г. М. Прохоров

ШУТОЧНОЕ СТИХОТВОРНОЕ «ПРОШЕНИЕ»

Предлагаемое вниманию читателя «Всеслезное прошение» представляет собой народно-литературную шутку в форме послания крестьян к помещику. Поверенный крестьянин Артюшка Артюшкин Кукин от своего и «прочих владельцев женского звания» имени просит «инарал-прапорщика» Савелия Пафнутьевича Шерешперова-Шереусова не присылать к ним на будущий год двух лихих «междовых мерщиков», землемеров, взяточников и бабников — Ласточкина и Мокеича.

Несмотря на свою относительную молодость — «Прощение» создано, по-видимому, где-то около середины XIX в., — эта литературная шутка опирается на очень старые традиции: сатирические прошения к начальству насчитывают в русской литературе много веков. Напомню шутовские челобитные XVII—XVIII вв. и — как оставшуюся далеко позади вершину — «Моление» к князю Даниила Заточника (XII в.). В полном соответствии с формальными требованиями этой традиции текстовая ткань «Всеслезного прошения» декорирована ритмическим узором: это крайне свободный, разговорно-балагурный, прибауточный стих с приблизительной глагольной рифмой, иногда «растворяющейся» в прозу. Традиционно и то, что смех здесь обращен больше всего на себя, на горемычных «владельцев женского звания» — жалобщиков. Легко представить себе, что деревенский остро слов, шутник и балагур, который «за словом в карман не полезет», развлекал этим «Прощением» своих соседей-крестьян.

Список «Всеслезного прошения», хранящийся в архиве Пушкинского дома (единственный известный), помещается на двух ветхих, протершихся на сгибах, большого формата листах толстой желтоватой бумаги третьей четверти XIX в.; он написан коричневыми чернилами, крупным, довольно корявым почерком, рукой не очень грамотного человека. Текст «Прощения» не просто списан, но также выправлен: на втором листе зачеркнуты слова «вертеться перед ним» и вместо них вставлено «на век горевать». Исправление это может, конечно, быть завершающей стадией авторской правки, но более вероятно, что это — редакция переписчика. Перед

нами по-настоящему народное, не огражденное от вариаций и переделок, открытое для сотворчества переписчиков и исполнителей произведение.

ОТ ПОВЕРЕННОГО ИНАРАЛ-ПРАПОРЩИКА
САВЕЛЬЯ ПАФНУТЬЕВИЧА ШЕРЕШПЕРОВА-ШЕРЕУСОВА
КРЕСТЬЯНИНА ЕГО АРТЮШКИ АРТЮШКИНА КУКИНА
И ПРОЧИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЖЕНСКОГО ЗВАНИЯ
ВСЕСЛЕЗНОЕ ПРОШЕНИЕ

Прошлою весною присланы были от вашего высокородия в земляную, лесную и водяную дачу нашу два междовых мерщика, один-то старший Ласточкин прозывается, а другой-то младший Мокеечем называется. И учили они нашу дачу межевать и нас, грешных, горемычных, обижать; что раз цепь проволокут, то к ним куренка несут, два раза проволокут — барана за рога ведут, а как три проволокут, то теленка повлекут, а он бедный упирается, мычит и бодает(ся) — не хочется на обед к нечестивым попасть. А где они, вышереченные Ласточкин и Мокеечь, астролюцию поставят, там на нас, горемычных, по десятку яиц с дому пошлины надбавят; о молоке же, хлебе, крупе и рыбе не говори — всего подавай, а платы ничего не ожидай. Ну, просто в разор разорили, спасибо, что осени хватили и во свояси поспешили, а то уже на наших коровушек и бычков зубы острили.

Ну да это-то все ничего, ваше высокородие, черт с ними, чтобы им насквозь прошло. Главное вот в чем дело: больно они в другом нас обижали — баб и девок на роботу наряжали; и это ничего, да очень веселыми домой отпускали, верно чем-нибудь хорошо угощали, а они, окоянные, разлакомились, роботы побросали, у них дневали и ночевали. А Мокеечь так ухитрился, что разными хитростями и к соседкам боярашням подбился; раз лекарем притворился — у безногих ноги правил и на ноги ставил. А междовал, просто беда, никому спуска не давал, у барышни-старушки последнюю пустошонку попалам разрезал и всю отрезать добирался, да, верно, бога побоялся, а у другой посреди пустошки столб поставил и на век горевать^а заставил.

А потому всеслезно прошу ваше высокородие на будущий год их не посылать, чтоб нас не обижать, а то как им быть придется. то плохо нам доведется: последнего быка (своло)кут и всех нас с ума сведут, а в особенности бабам, девкам и боярашням такого хода зададут, что они просто-запросто как черви пропадут.

^а на век горевать написано выше зачеркнутых слов вертеться перед ним.

Ю. К. Бегунов

СТИХ-РАЕШНИК О ЧАЕ

Среди многочисленных уставных статей, часто переписываемых в XIX—XX вв. русскими старообрядцами, имели хождения правила, запрещающие пить чай и кофе, курить и нюхать табак, стричь бороду, танцевать, играть в азартные игры, в том числе в карты, шахматы и «костырьские игры», и т. п. Вот некоторые из них, переписанные во второй половине XIX в. рукой писца из русской деревни Малые Кольки, расположенной в Эстонии на западном берегу Чудского озера: «Книга Иоанна Назарея, глава 1-я, лист семидесятый. Аще кто дерзает пити чай, той отчаеся сам самого господа бога и да будет предан трети анафемству. Аще кто дерзнет пити кофей, но и в том человеки будет ков и лукавство и не будет самого господа бога в сердцы его, той человек десятицею предан будет анафемству.

Книга Феодора Валсамона, глава 1-я, лист 100. Слово к православным христианом. Аще кто от православных христиан дерзает курить табак, той от святых апостол и святых отец да будет проклет».¹

К этим правилам примыкает старообрядческий стих-раешник о чае, сочиненный в середине XIX в. и переписанный красногорским наставником А. И. Жбановым в 1886 г. Приводим его текст по рукописи Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Причудское собрание, № 15, лл. 20 об.—25, с разночтениями по рукописи 1878 г. из собрания И. А. Смирнова, № 16, лл. 33—38 об., также хранящейся в Пушкинском доме.

Публикуемый нами по рукописи Пушкинского дома текст дается в современной орфографии; восстановленные нами чтения даются в квадратных скобках. Разделение текста на строки наше. Акцентировка дается по рукописи.

¹ ИРЛИ, Причудское собр., № 23, вторая половина XIX в., л. 32—32 об. Подобные же правила читаются в конце Тихотского сборника второй половины XIX в. из собрания Таллинского исторического музея (ф. 237, оп. 2, № 55), в Двинском сборнике конца XIX в. (ИРЛИ, Причудское собр., № 29, л. 151—151 об.). Запрещение пить чай и кофе содержится в 10-й статье Федосеевских правил, принятых в 1868 г. на соборе в Речино: «Чаю и кофию вовси не пить, а подобно обратиться на предки, что наши отцы съжили, век не пили, и мы можем его зделать» (ИРЛИ, Причудское собр., № 68, л. 5 об.; № 124, л. 46).

«РАЗГОВОР НЕКОЕГО ЧЮЖЕСТРАНЦА,
РОДОМ ИЗ КИТАЙСКОГО ЦАРСТВА,
ПО ИМЕНИ НАЗЫВАЮТ ЕГО ЧАЕМ»

л. 20 об.

О чём говорит Чай,
тò чтй,¹ читатель, замечай.
И расскажи, как следует бить,
кому² должно меня пить.
Я из Китая прислан господам,
а не для простых мужиков с бородам.
В таком случае господа испивают
и меня уважают.
Протчии же хотя³ употребляют,
но многия их укоряют
и с большой клятвою пить меня запрещают.
Я от Писания представляют,
кто где чаем угощается,
тот человек⁴ царствия небеснаго отлучается.
А я слышал и лук которых⁵ люди ядят,
то и тех || от царствия небеснаго отлучить хотят.
В таком случае кому же и верить,
потому что привыкли нынче⁶ всё лицемёрить.
Кто что употребляет,
тот то⁷ и уверяет.
Вот и меня кто испивает,⁸
тот и похваляет,
А кто не испивает,
тот вовсе проклиняет.
В прочем я правду скажу, что дёется в нынешнем свете:
почти все законники в фальшивом предмете.
При публики станут богу молиться,
то как можно стараются понижее поклониться.
А если никто не видит,
то как бы⁹ скорее отмолятся
и⁹ на деньги устремится,
¹⁰ то куморов протяжают.¹⁰
А если никто не видит,
то без сомнения || и вельблюдов¹¹ пожирают.
А¹² иногда о некоторых делах и говорить стыдятся.
А под случай придёт время,¹³ то и сделать не боятся.
Сластолюбие, как думают, что¹⁴ не грех,
а онó пленило собою почти что¹⁵ всех,
не только простых людей, но четцов и певцов,
да и¹⁶ самых духовных честных¹⁶ отцов.
Я в Прологе читал, что и¹⁷ жареную пищу на сковороде очень
грешно употреблять,
да на ёто,¹⁸ не кто, не кто, не кто не думает и взирать.
Рыбу с луком и¹⁹ маслом жарят и ядят,
а на грех вовсе не глядят.

л. 21

л. 21 об.

а-а Заголовок киноварный.

¹ Нем. ² Доб. меня. ³ Доб. и ⁴ Нем. ⁵ который. ⁶ нынча.
⁷ тое. ⁸ испивают. ⁹⁻⁹ Нем. ¹⁰⁻¹⁰ При публики то право комаров
процежают. ¹¹ вельбудов. ¹² Нем. ¹³ Нем. ¹⁴ Нем. ¹⁵ Доб. и.
¹⁶⁻¹⁶ самых честных духовных. ¹⁷ Нем. ¹⁸ евто. ¹⁹ Доб. с.

Другія в́рят²⁰ гусѣнка
или заж́рят поросѣнка.
Мно́гия же пеку́т блины,
да е́ще и не одне́:
горбо́выя,²¹ || грѣ́чнвыя,²² и овся́ныя²³ и та́кже пше́нчныя.²³
Разны́ми пи́щими²⁴ чре́ву угожда́ют,
да в то́м и грех́а не заклю́чают.
Токмо́ о́днаго́ меня́, чюжестра́нца, о́днаго́,²⁵ руга́ют
и пи́ть стро́го запреща́ют.
Призна́тся е́ще и ви́но со мно́ю вме́сте²⁶ заодно́ страда́ют.²⁶
Хотя́²⁷ ко́торыя лю́ди его́²⁷ и в ме́ру²⁸ употребле́ют,
но и те́х пия́ницами полага́ют.²⁹
Ны́нешния³⁰ возде́ржники то́ полага́ют,
что́ пия́ницы то́лько³¹ от ви́на и быва́ют.
А́ тогò не вообража́ют,
о че́м³² и кни́гами³² утвержда́ют:
что́ пия́ницы не от о́дно́го ви́на быва́ют,
но от мно́гих небогую́дных де́л быва́ют.³³
Пия́ницами зову́тся,
в ко́их и са́ми найдут́ся ны́нешнии возде́рж || ники.
Во́т и³⁴ тепе́рь про́шу, про́шу³⁵ поиска́ть,
в че́м Писа́ние изво́лит обжа́снять.
Пия́ницы. пе́рвыя,³⁶ быва́ют от ви́на,
да то́кмо те́,³⁷ ко́торыя лю́ди³⁷ напива́ются да́ньяна.³⁸
В ко́торыя³⁹ от пресыще́ния пи́щи разнóй.
Тре́трши⁴⁰ от бесе́ды разнóй.
Чете́ртыи, ко́торыя⁴¹ с ма́лыми грех́ами люде́й осужда́ют,
а себ́я с вели́кими оправда́ют.
Пя́тыи мно́го насыща́ющими быва́ют,
„во́т ё́то — апо́стол“, — утвержда́ют.⁴²
Ше́стыи же⁴³ — вся́каго сластолю́бия.
Да пра́вда, что́⁴⁴ сребролю́бие,
то́ и пия́нство — весе́ма опа́сное мыта́рство.
А́ особи́но⁴⁵ в ны́нешнем вре́мени никто́ не мо́жет похва́лится,
что́ не подума́ет соблазнить́ся.
Но ка́к по пра́вде сказа́ть все́ || жела́ют,
ка́к бы́ де́нег⁴⁶ накопи́ть побольше́.⁴⁶
Не то́кмо что́ моло́дыя,
но и ста́рыя,⁴⁷ се́дыя,
не то́кмо купцы́,
но и духо́вныя отцы́.
Друго́й сокрови́щет и неве́сть кому́ собира́ет,
а́ приде́т сме́ртный ча́с — все́ оста́вит.⁴⁸
Да та́к про́сто не оста́вит,
а во́змет, да в зе́млю за́правит,
что́бы капита́л его́ не пользо́вал нико́му.⁴⁹
Писано́ ё́сть, что́ капита́л грѣ́х собира́ть,
но, несмот́ря на ё́то, все́ собира́ют.
А́ ну́жду и бе́дность вели́ким перо́м вы́щитыва́ют.⁵⁰

л. 22

л. 22 об.

л. 23

20 сварят. 21 Доб. и. 22 пшенишныя. 23-23 Нет. 24 пища́ми.
25 Нет. 26-26 страдает заодно. 27-27 которыи. 28 Доб. его. 29 считают.
30 Нынешнии. 31 токмо. 32-32 и книги. 33 Нет. 34 Нет. 35 Нет.
36 первыи. 37-37 которыи. 38 допьяна. 39-39 Вторый. 40 Третий.
41 которыи. 42 утверждает. 43 Нет. 44-44 А седмыи самыи злыи от
сребралюбия, да правда, что. 45 особенно. 46-46 побольше собрать.
47 Доб. и. 48 оставляет. 49 никого. 50 считають.

Богатый,⁵¹ *хотя* и невѣжа, но завсегда⁵¹ в почтении.
 А бѣдный же⁵² и разумный то⁵³ бывает в презрении.
 Когда богатый говорит,
 то вся комната молчит, ||
 хотя и неправду говорит,⁵⁴
 и⁵⁵ все говорят: „да, справедливо“.⁵⁶
 Бѣдный⁵⁷ же, хотя и⁵⁸ правду станет⁵⁹ говорить,
 тогда⁶⁰ говорят: „неправда,⁶¹ может⁶² быть“.
 Вот, любезный читатель, замечай,
 что говорит Чай.

л. 23 об.

Да в прѣтчем всем⁶³ расскажешь, что нынче⁶⁴ творят
 люди,⁶⁵ „а все это нечестно“, — говорят.

Мало ли во всем⁶⁶ свете примѣров,
 безстрашных лицемеров.

А как станут им правду говорить,
 то не изволят и любить.

Признаться, не мое бы дело о⁶⁷ этом разсуждать,
 да что же когда не умолчать.

⁶⁸ Другой что ⁶⁸ болтает,
 а о чем и сам не знает,
 а один ⁶⁹ невѣжа ⁷⁰ подслышит,⁷¹
 да и в закон запишут.

Бездѣлицу || какую-нибудь ученят,
 и в важном в деле узнать ⁷² хотят.

„Меня пить — ужасной грѣх“, — говорят,
 а другое что начудят,
 то все за смѣх становят.

Но и мало ли что нагрѣзят,
 да с клеветливым языком к тому же и подлѣзут.

Ну так что же, пусть страдают,
 а на том свете все узнают.

А ⁷³ молодѣя девѣцѣ должны ⁷⁴ жить ⁷⁵ как ⁷⁶ в кѣтки птицы,
 а нынче девѣцѣ
 живут как лисѣцѣ,

в прѣтчем эта рѣчь не на всех,
 а которые ⁷⁷ заслуживают таковое ⁷⁸ званіе, только на тѣх.

Вот в числѣ и ⁷⁹ старух
 много есть и клеветух.

Да и бывають старѣя, седѣя,
 словно парни молодѣя.

Другія || бегут на вечеринку,
 гдѣ бы им ⁸⁰ увидѣть Катеринку.

⁸¹ И старѣя другія ⁸¹ на бесѣду так несѣтся,
 даже ⁸² у егò ⁸² седѣя борода трясѣтся.

А парни молодѣя, нѣкоторые, много ⁸³ вина
 пьют ⁸³ и смòтрят, куда пошла чужая женà,
 да, впрѣчем, и духовныя отцы,
 то ⁸⁴ есть молотцы.

Другія не о ⁸⁵ чем не воздыхают,
 только ⁸⁶ о пирогах разсуждают.

л. 24

л. 24 об.

51-51 неведжа навсегда. 52 Нем. 53 Нем. 54 Нем. 55 а.
 56 Нем. 57 Бедной. 58 Доб. и. 59 начнет. 60 Нем. 61 не. 62 Доб.
 так. 63 всели. 64 нынча. 65 Нем. 66 Нем. 67 об. 68-68 Дру-
 гое чадо. 69 Нем. 70 неведжы. 71 послышут. 72 и знать не.
 73 Нем. 74 должно. 75 жить. 76 Доб. как. 77 которы. 78 та-
 кое. 79 Нем. 80 Нем. 81-81 Нем. 82-82 Нем. 83-83 пьют вина.
 84 тоже. 85 об. 86 токмо.

Я в Писании могу объяснить,⁸⁷
 что серебр⁸⁸ и злато⁸⁸ грех собирать,
 а всё об ётам знают,
 а зачём же его⁸⁹ собирают?
 Потому и замечают,
 что ето не лутчие Чаю.
 А⁹⁰ в протчем не хвалюся и⁹¹ я, думая,
 едва ли и тот в рай попадет,
 кто и меня с сахарем пьет,
 ёто нужно ра || зсудить,
 кто может сластолюбием богу угодить.
 Пусть кто как⁹² хочет,
 тот⁹³ так и судит,
 но ето некогда не будет:
 Чтобы кто на сем свете пировал,
 а в⁹⁴ будущем свете⁹⁵ в рай ликовал.
 Нет, господу⁹⁶ нужно⁹⁷ не так угодить,
 потому что в царство небесное нужно прискорбнем путем
 ходить.⁹⁷
 А⁹⁸ сластолюбцы,⁹⁹ которые широким путем ходить желают,
 то¹⁰⁰ тии в царство небесное не попадают,¹⁰⁰
 Затем, читатель, и II,¹ прощай,
 но только² помни, что тебе говорил Чай.
 Конец.³

(ИРЛИ, Причудское собр., № 15, лл. 20 об. — 25).

⁸⁷ доказать. ⁸⁸⁻⁸⁸ Нет. ⁸⁹ Нет. ⁹⁰ Нет. ⁹¹ Нет. ⁹² Нет.
⁹³ Нет. ⁹⁴ на. ⁹⁵ Нет. ⁹⁶ господа. ⁹⁷⁻⁹⁷ есть царствие небесное
 приобрести. ⁹⁸ Нет. ⁹⁹ Доб. и. ¹⁰⁰⁻¹⁰⁰ те царствия небесного не
 получают. II,¹ Нет. ² токмо. ³ Доб. разговорам чужестранца. Хоша
 сие писание нам не дает отраду, а нужно его принять за правду.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

А. И. Копанев

СПИСОК ПОКАЯННОГО СТИХА XV в.

В богатом собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома имеется несколько сборников покаянных стихов XVII—XIX вв., которые свидетельствуют о многовековой традиции переписки и чтения в народе стихов, возникших на идеологической основе христианства.¹

Самый ранний сборник такого содержания относится к началу XVII в.,² большинство же списков — к XVII и XVIII вв.³ В науке высказано мнение, что некоторые стихи сборника созданы в XVI в., а иные и в более раннюю пору. В данной заметке мы хотели бы обратить внимание на список стиха о смертном часе XV в., включаемого во все сборники покаянных стихов полного состава.

Текст стиха написан на небольшом листке (13,5 × 15 см), вложенном в рукопись Стихиряря XVI в., приобретенную в 1968 г. одной из археографических экспедиций Библиотеки АН СССР (см. вклейку между стр. 312 и 313).

Вот как читается этот стих в нашей рукописи:

Окаянный и убогий человеце,
Век твой кончается и конец приближается,
А суд страшный готовится.
Горе тебе, убогая душе,
Солнце тебе есть на заходе,
А дене при вечере,
И секира при корени.
Душе, душе, почто тлеющими печешься?
Душе, вострепещи, како ти явитися создателю своему,
И како ти пити смертную чашу,

¹ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 36, 59, 77, 112, 138, 177.

² Впервые сборник покаянных стихов описан был П. Д. Бессоновым в 1863 г., см.: П. Д. Бессонов. Калики переходные. Сборник стихов и исследование, ч. II, вып. 6. М., 1863, стр. IX—XV.

³ В. И. Малышев в одной своей статье отметил, что «сборник дошел до нас от XVII—XVIII вв. в большом количестве списков» (В. И. Малышев. Стих «покаянный» о «люте» времени и «поганных» нашествиях. ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 371), а в другой указал ряд сборников в разных хранилищах (В. И. Малышев. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии». ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 143).

И како ти терпети смрадныя ефиопы
И веченыя муки!
Ото неяже Христе молитвами
Рожешая тя избави душа наша.

Как и в последующей рукописной традиции, текст стиха писан на крюках 5-го гласа.

Какие же могут быть приведены доказательства для отнесения нашего рукописного листка к XV в.?

В какой-то мере о древности листка свидетельствует его местонахождение: он обнаружен в рукописи Стихираря,⁴ датируемого по филиграмм 30—40-ми годами XVI в.⁵ Запись по листам,⁶ сделанная рукой архимандрита Архангельского монастыря в г. Великом Устюге Васьяна Вахнеева (до 1568 г. по Строеву⁷), подтверждает, кажется, датировку рукописи, установленную по филиграмм. Наш листок обнаружен в конце этой рукописи, как последний, свободно лежащий листок. Конечно, трудно сказать точно, когда листок попал в данную рукопись, однако можно предположить, что это произошло во время ее изготовления.⁸ Основанием для такого предположения является то, что верхняя строчка записи на правом поле листка оказалась наполовину срезанной, видимо, при переплете рукописи. Что листок был вложен именно в эту рукопись, вполне объяснимо: Стихирарь имеет тот же нотный характер письма, что и листок. До того как листок вложен был в рукопись, он какое-то время обращался отдельно и был сложен вчетверо, о чем свидетельствуют два горизонтальных сгиба и один вертикальный.

Листок изготовлен вне связи с рукописью Стихираря. Это очевидно из следующего: 1) почерк письма листка не сходится ни с одним из почерков, которыми написан Стихирарь; 2) расстояние

⁴ В настоящее время рукопись находится в Устюжском собрании БАН СССР (№ 70). Форматом в четверку, она насчитывает 769 листов. Переплет «в пятку», с обрезом на уровне с краями деревянных крышек, на коже геометрический орнамент. Состав: л. 1 — «Отчасти исповедание от жития преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина», л. 4 — «Охтай», л. 116 — «Ирмолой», л. 227 — «Стихораль месячной», л. 615 об. — «Стихораль постной», л. 693 — «Начало святых страстей Христа», л. 761 — названия нотных знаков, л. 762 — «Канон за умерших», л. 769 — наш листок.

⁵ В рукописи встречаются следующие филиграммы: 1) кувшинчик с лилей на брюшке, соответствует № 12759 (1537—1544 гг.) у Брике; 2) кувшинчик с двумя поясками на брюшке, соответствует № 12661 (1537 г.) у Брике; 3) козлик, соответствует № 2857 (1531—1532 гг.) у Брике; 4) рука с короной над пальцами, соответствует № 11331 (1552 г.) у Брике; 5) кувшинчик с буквами, соответствует № 12767 (1544 г.) у Брике.

⁶ Приводим ее полностью: «Сия книга глаголемая Стихараль. Дал книгу Стихараль архимандрит Васьян Вахнеев Архангельскаго монастыря вкладу в дом Ведению пречистой архистратига Михаила и руку приложил».

⁷ П. Строев. Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 740.

⁸ Следы клея на левом краю листка свидетельствуют о том, что некогда листок был приклеен.

между строк на листке почти в 2 раза больше, чем в рукописи; 3) филигрань, имеющаяся на бумаге листка, не встречается ни одного раза в рукописи Стихиаря, т. е. бумага листка другая, чем в рукописи; 4) по размеру листок меньше формата рукописи (короче на 6 см), это скорее столбец, какой употребляется не в книжной, а деловой письменности.

Итак листок не одновременен с рукописью; более того, некоторые особенности его позволяют предполагать, что он написан значительно ранее рукописи Стихиаря. Филигрань на листке неполная, имеется лишь крест, обвитый мощными кольцами змеи, но нетрудно догадаться, что это часть филигрании «бычья голова», которая по альбому Брике может быть отнесена к 1474—1512 гг.⁹ Следовательно, по филигрании написание листка можно отнести к концу XV или самому началу XVI в. Такая широкая датировка может быть уточнена с помощью записи, которую сделал на поле листка какой-то неизвестный читатель нашего стиха. Эта запись гласит: «Множество содеянными зол помышляю окоянный и трепещу страшная, яко окоянный ... по велицей милости твоей. Окояние убогий человеце, век твой кончается и конец приближается. Се бил челом великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси в ѿщенно место Якова Иванова сына». Эта запись драгоценна не только тем, что в ней звучит взволнованный отклик древнего читателя на стих, запавший в душу его (недаром он цитирует его) и вызвавший раскаяние, но и тем, что в ней говорится о вполне житейском деле этого читателя — челобитии его великому князю Ивану Васильевичу за какого-то истца («ищею», как он назван в приписке¹⁰) по имени Якова Иванова сына. Указание на великого князя Ивана Васильевича может иметь датирующее значение. Если принять этого князя за Ивана III, то выйдет, что автор приписки и читатель стиха жил в конце XV или в самом начале XVI в. (Иван III умер в 1505 г.); если же речь идет о Иване IV (тоже Васильевиче), то дата отодвигается до 1547 г., когда Иван IV стал царем. Принять последнее предположение вряд ли возможно, так как этому противоречила бы несомненная дата листка, устанавливаемая по филигрании. При принятии первого предположения никакого противоречия нет: и годы княжения Ивана III и дата листка по филиграммам совпадают. А если это так, то и стих, написанный на листке несомненно раньше цитированной записи, может быть отнесен к концу XV в. или к самому началу XVI в. Мы считаем более вероятной первую дату, т. е. конец XV в.

Палеографические наблюдения дают дополнительный материал для датировки листка XV в. Это, во-первых, относительно круп-

⁹ Брике, №№ 15366—15402.

¹⁰ В Судебнике 1497 г. термин «ищея» употреблен в статьях 3, 26, 36, 38, 67, 68 (Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 20, 22, 24, 28, 29).

ный шрифт текста на листке (в XVI в. буквы в певческих рукописях мелкие), во-вторых, простая нотация знамен, в основном длинно-прямолинейных, и, наконец, отсутствие тонких и толстых черт в знаменах, что свойственно для нотного письма XV в.¹¹

Запись позволяет характеризовать и социальное лицо читателя нашего стиха. Это, вероятно, тот стряпчий, который назван в статье 68 Судебника 1497 г. («и окольничьему и диаку воспросити исцев, ищещи и ответчиков, кто за ними стряпчей»¹²) как помощник сторон в суде. Автор приписки и был таким помощником со стороны истца, подав за него челобитную в княжеский суд. Он столичный стряпчий, так как подал челобитную в суд центральный. Итак, стих обращался в чиновной среде Москвы. Это может быть подкреплено еще одним соображением. Дело в том, что на обороте нашего листка в его верхней части читается оборванное на полуслове обычное начало великокняжеских жалованных грамот: «Се яз князь великий Иван Васильевич всея Руси пож...».¹³ Создается впечатление, что на листке сначала хотели написать жалованную грамоту, но бросили это намерение после первой строчки, может быть потому, что увидели несоразмерность листка — столбца с текстом, обычно обширным, великокняжеской грамоты. Такую грамоту, конечно, могли писать лишь в правительственном учреждении. Неиспользованный листок потом был употреблен для записи покаянного стиха (грамоту, несомненно, не стали бы писать на занятом с одной стороны столбце бумаги), который и попал в руки нашего стряпчего. Итак, переписчика и читателя, а может быть, и создателя приведенного покаянного стиха нужно искать в приказной среде Москвы XV в.

Нет необходимости говорить об источниках публикуемого стиха. Грустный лиризм и меланхолизм, обусловленные величием темы ожидаемой смерти, выливались, в соответствии с идеологией эпохи, в готовые формы христианского богослужения и проповеднического наставления и утешения.¹⁴ Но стих — не молитва к богу, а сказ о мятущейся душе человека, о его чувствах и переживаниях. Поэтому стихи, подобные нашему, ходили в списках в народе задолго до того, как они были собраны в специальный сборник стихов «покаянных, слезных и умильных». В. И. Малышев отметил,

¹¹ С. Смоленский. О древнерусских певческих нотациях. Историко-палеографический очерк. Памятники древней письменности и искусства, № 145, изд. ОЛДП, 1901, стр. 62—63 (образцы №№ 15, 16); М. В. Бражников. Архивная обработка певческих рукописей. Вопросы архивоведения, 1965, № 1, стр. 53 (образец V).

¹² Судебники XV—XVI веков, стр. 29.

¹³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1952, №№ 462, 463 и др.

¹⁴ В. И. Малышев указал, что стихи покаянные «в своем большинстве основаны на богослужебных книгах (Октоих, Минея, Златоуст и т. д.)». (В. И. Малышев. Стих «покаянный» о «лоте» времени и «поганных» нашествии, стр. 371).

что этот «чрезвычайно интересный сборник стихов», заменивший мирскую поэзию для определенных кругов тогдашнего общества, «до сих пор не исследован; не известны время его возникновения, состав, источники, не решен окончательно вопрос об авторстве».¹⁵ Конечно, основываясь на одном из стихотворений, нельзя решить поставленные вопросы, однако наличие стиха (в списке XV в.), включенного в сборник, дает представление о его источниках. Положение П. Д. Бессонова, что в сборнике объединены и стихи, взятые составителем из предшествующей традиции, получило новое подтверждение. Вывод В. Н. Перетца о принадлежности некоторых стихов в сборниках к эпохе до Смутного времени, может быть ко времени Ивана Грозного, также подтверждается.¹⁶ В сборник включены стихи куда более далекого периода — времени Ивана III.

В заключение отметим одну текстологическую особенность — это устойчивость текста покаянного стиха. Сравнивая наш ранний текст с текстом этого же стиха в одном из сборников XVII в. (БАН СССР, собр. Дружинина, № 239, лл. 16 и 17), мы обнаруживаем лишь одно разночтение: последние слова стиха в сборнике читались как «и спаси душа наша». Однако писец знал и то окончание стиха, которое имеется в нашем листке. Он это отметил следующим образом: «Ин конец: избави душа наша» (л. 17).

Итак, в каких-то списках стих читался в XVII в. точно так же, как и 200 лет назад — в XV в.

Я. С. Лурье

УСТАВ КОРНИЛИЯ КОМЕЛЬСКОГО В СБОРНИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

В сборнике ИРЛИ, собрания В. Н. Перетца, № 29 среди ряда житий русских святых и примыкающих к житийной литературе повестей (повесть о Темир-Аксаке и о Петре царевиче Ордынском) помещен памятник, озаглавленный «О жительстве от божественных писаний избранна, о устроении преданных нам образ от святых отец в спасение душам и писанием вдан сущим о Христе братьям моим в обители Преславных богородица честнаго ея Введения, в ней же жительствуем» (л. 427). Из этого заголовка памятника можно установить только, что перед нами устав, составленный при основании какого-то монастыря Введения богородицы. В книге «Древнерусские рукописи Пушкинского дома» В. И. Малышев предположил поэтому, что текст

¹⁵ В. И. Малышев. Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганных» нашествиях, стр. 371—372.

¹⁶ В. П. Перетц. К истории древнерусской лирики (стихи умиленные). Slavia, т. XI, 1932, кн. 3—4, стр. 476.

в сборнике Перетца № 29 — это «Устав московского Новинского введенского богородична монастыря, что в Воробьеве».¹ Монастырь Введения Пречистые на Воробьеве был действительно в первой половине XVI в. новым монастырем² и мог нуждаться в уставе. Но текст памятника содержит и другой ключ к его происхождению. В одной из последних его статей, направленной против «пианственного пития» в монастыре, автор неожиданно обращается к читателю и называет свое имя: «Вся же, яже в писании сем написах недостойный моею рукою, аз, инок грешный Корнилие, и предах господе братии моей, в месте сем постригшимся и приходящим всем живущим с нами и сущим по ошествию моем, хощу, да и живу ми сущю и по смерти моей, теко творима да будутъ» (л. 447). Перед нами Устав Корнилия, предназначенный для основанного им монастыря Введения богородицы, именуемого обычно в литературе (по местности, где он возник, — недалеко от Вологды) Комельским монастырем.

Устав Корнилия Комельского был известен археографам уже во всяком случае с начала XIX в.; в 1812 г он был издан,³ однако списки, положенные в основу издания, не указаны. Известно несколько рукописей Устава Корнилия: 1) ГПБ, Софийское собр., № 439 (старый № 757); писана в 7097 (1589) г. в Корнилиевом монастыре иноком Нафанаилом (запись на л. 216), содержит наряду с Уставом (лл. 25—79) также Житие Корнилия (лл. 80—182 об.); 2) ГБЛ, собр. Ундольского, № 329, XVII в.; 3) ГБЛ, собр. Ундольского, № 369, XVII в.⁴

Сборник В. Н. Перетца, по-видимому, самый древний из дошедших до нас списков памятника. Он писан разными почерками на бумаге первой половины XVI в. (водяные знаки: единорог — ср.: Н. П. Лихачев, №№ 1538, 1539 (1527 г.) и 1806, 1807 (1557 г.); монограмма «РС» (или «РМС») — ср.: Н. П. Лихачев, №№ 1583, 1584 (1531 г.); рука в рукавчике, над пальцами

¹ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 84.

² Ср.: ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 269; т. VIII, 1859, стр. 295.

³ История российской иерархии, собранная Амвросием (Орнатским), ч. IV. М., 1812, стр. 661—704. В библиографической литературе указывается еще, что в 1812 г. Устав был издан отдельно (ср.: П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 181). Однако в библиотеках Ленинграда этого издания нет; нам неизвестно, было ли это особое издание или отгиск из «Истории российской иерархии».

⁴ В «Обзоре» Филарета (Филарет [Гумилевский]). Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е. СПб., 1884, стр. 140—141) упоминается еще одна рукопись Устава Корнилия — Вологодской архиерейской ризницы Кириллова Новоезерского монастыря (в 4-ку, XVII в.). В. О. Ключевский считал Нафанаила (писца и автора приписки в рукописи Соф. собр., № 439, известной историку по более поздней копии) составителем жития Корнилия (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 303—304); если это так, то житие в рукописи Соф. собр., № 439 представляет собой автограф.

крестовидная розетка — ср.: Н. П. Лихачев, №№ 1444 (1514 г.), 1460 (1514 г.), 1534 (1527 г.)). Заслуживает внимания состав сборника. Большинство святых, жития которых помещены в нем, связаны с Русским Севером (Павел Обнорский, Дмитрий Прилуцкий, Дионисий Глушицкий, Кирилл Белозерский, Исая, Леонтий, Исидор и Авраамий Ростовские); все они в начале XVI в. были удостоены общерусского или местного почитания.⁵ Вполне естественно предположить поэтому, что окружение Устава Корнилия в этом сборнике не случайно, что сборник восходит к авторскому тексту из Корнильева монастыря. Новый список Устава Корнилия должен, как нам представляется, вновь привлечь внимание к этому любопытному памятнику, еще не бывшему предметом специального исследования, но достаточно важному для истории русской общественной мысли конца XV—первой половины XVI в.

Уже Амвросий, публикуя в своей «Истории российской иерархии» Устав Корнилия, отметил в примечании, что некоторые места из предисловия к нему «заимствованы из предисловия Устава преподобного Нила Сорского».⁶ Действительно, начало «Предисловия» к Уставу Корнилия (лл. 427—429) совпадает с началом известного «Предания о жительстве святых отец» Нила (от первых слов «Благовещением и вседействием господа...» до слов «яко да не повинны будем с заповедей преступлением и слова божия инако сказанию»)⁷. Однако на этом использование «Предания» Нила заканчивается, и составитель непосредственно, без всякого соединительного текста, начинает цитировать другой памятник. Новая цитата так удачно примыкает к предыдущей, что читатель, не знающий источника, мог подумать, что перед ним — продолжение предшествующего текста: «И паки боюся и трепещу божественного писания, глаголющаго: истязан будет настоятель о всех, иже под ним сущих...». А между тем перед нами заимствование из совсем другого автора — Иосифа Волоцкого. Начиная с приведенного текста компилятор цитирует пространную редакцию монастырского Устава Иосифа, включенного в его «Духовную грамоту».⁸ Напоминая о своей

⁵ Это относится и к святым, жившим в XV в. Ср.: Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 73, 82, 84—85.

⁶ История российской иерархии..., ч. IV, стр. 662.

⁷ Нила Сорского Предание и Устав. Со вступительной статьей М. С. Борковской-Майковой. СПб., 1912 (ПДПИ, CLXXIX), стр. 1—4. Корнилий заимствовал первый абзац Предания (до слов «от нашел лености прившедших» — там же, стр. 2), опустив следующее далее у Нила исповедание веры («В начале же подобно умыслих положить о вере... и еретики вси чюжи нам да будут» — там же, стр. 3—4), и несколько видоизменил начало третьего абзаца (л. 428; ср. там же, стр. 3—4).

⁸ Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием, сентябрь, дни 1—15. СПб., 1868, столб. 499—566 (далее ссылки на это

старости и болезнях, волоколамский игумен пишет: «Сего ради боюся и трепещу; слышах бо божественнаа писания, глаголюща: истязан имат быти от всех настоятель, иже под ним сущих...». «Духовной грамоте» Иосифа Корнилий следует и в дальнейшем тексте своего «Предсловия» (лл. 429—431), отступая от него только к концу вводной части. Последние слова его «Предсловия» несколько отличаются от последних слов введения Иосифа. «Сего ради поне отныне попещемся о господних заповедях и о отечских законоположениях и о еже zde написанных нами преданиях по свидетельству божественных писаний и по завещанию великаго Василия, яже суть сиа...», — читаем мы у Корнилия (л. 431). В «Духовной грамоте» Иосифа говорится о «евангельских заповедех и отечских писаниях» и нет ссылки на Василия Великого; на словах «по свидетельству божественных писаний, яже суть сиа» (стлб. 501) введение к «Духовной грамоте» заканчивается и затем следует оглавление помещенного далее устава. В «Предсловии» к процитированным словам еще добавлено: «Прежде всего подобает инокам обще живущим не имети своего а ни в чем, но повиноватися настоящему и дрѣжати послушание с смиреніем и не имети особнаго стяжания ничто же и трудитися телесне, аще мощни суть, и готовым быти в всяку службу, паче ж юнным, и вся узаконеная в монастыри благообразно и по чину творити тѣательно, елика сила». Нам не удалось найти этого текста ни у Иосифа Волоцкого, ни в сочинениях о монашестве того автора, на которого ссылается «Предсловіе», — у Василия Великого (Кесарийского), одного из наиболее авторитетных для древней Руси византийских церковных писателей.⁹

Следующие далее в нашем памятнике правила монашеской жизни также в значительной степени следуют Уставу Иосифа Волоцкого, хотя передают его с сокращениями. Так, статья 1 Устава Корнилия «О церковном благочинии и о соборной молитве» в целом ряде мест соответствует первой главе пространной редакции Устава Иосифа (ср. л. 431—431 об. и стлб. 504—505; л. 433 и стлб. 509, 511, 513); статья 2 «О благоговейнстве и благочинии трапезном и о пищи и о питии» — начальной части второго слова той же редакции (ср. лл. 433 об. — 435 и стлб. 513—516); статья 4 «О еже не подобает кому ясти и пити кроме трапезы без благословения» — средней части того же

издание даются в тексте в скобках). О том, что Устав Корнилия «во многом напоминает пространную редакцию Устава Иосифа Волоцкого и отчасти Устав Ефросина Псковского», писал И. У. Будовниц (И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966, стр. 284), но он не производил текстуального сличения этих памятников, имея в виду, очевидно, лишь их общее содержание.

⁹ Ср., например, постнические слова Василия Великого в сборнике 1482 г., принадлежавшем князю Андрею Углицкому: Собрание рукописей Пушкинского дома, р. IV, оп. 17 (Пинежское собр.), № 32, лл. 31—304 об.

слова (ср. л. 436—436 об. и стлб. 516—517). Статья 5 Устава Корнилия «О одеждах и обушах и о прочих вещех» в начале и затем еще в одном месте совпадает с третьей главой Устава Иосифа в пространной редакции (ср. лл. 437 об.—438 и стлб. 520; л. 438 об. и стлб. 524—525); отрывки из той же третьей главы содержатся и в статье 7 Устава Корнилия «О еже не имети особаго стяжания никому ничего» (ср. лл. 439—440 об. и стлб. 522—524); одно место в статье 7 Устава Корнилия (л. 439 об.) напоминает краткую, более раннюю редакцию Устава Иосифа.¹⁰ Третья глава пространной редакции Устава Иосифа отразилась еще в одной статье Устава Корнилия—в статье 8 «О еже не взимати никому же ничто же нигде же без благословения игумена и каларева» (ср. лл. 440 об.—441 об. и стлб. 526—527). В остальных статьях Устава Корнилия (3, 6, 9—15) нам не удалось найти прямых заимствований из Устава Иосифа (хотя тематика иногда совпадает, например в статье 13 Устава Корнилия «О еже не быти питию пианственному» и в слове Иосифа «Яко не подобает в обители питию быти, от него же пианство бывает»).

¹¹ Что же представляет собой Устав Корнилия, когда этот памятник был написан и какие явления русской общественной мысли нашли в нем отражение? Время составления Устава Корнилия может быть установлено лишь на основании косвенных данных. Корнилий устроил свою «храмину» в Комельском лесу еще в 1497 г., но подлинное основание Комельского монастыря следует относить, очевидно, к 1515—1517 гг., когда Корнилий воздвиг «превелику» церковь Богородицы, начал «келейное здание» и устроил «четвероюголен образ монастырю».

¹⁰ Как и Иосиф в краткой редакции, Корнилий заявляет, что «иж в иночский святой образ одеяни и в монастырех общих живуще, ниже слово глаголати длъжни суть вещь кую любо: мое, собинное, или твое, или сего, или оного... не подобает сна обща жития нарицати, но разбойническаа съборища» (ср.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 308; в пространной редакции Устава Иосифа соответствующего места нет). Однако мы не можем утверждать, что в этом случае Корнилий обращался к краткой редакции Устава Иосифа. Соответствующий текст озаглавлен у Корнилия «От старчества»; он имеет некоторые существенные отличия от текста Иосифа («плевелосеятели», сохраняющие личную собственность, у Корнилия именуются «глаголемии пекуле»). Возможно поэтому, что и Иосиф в краткой редакции и Корнилий обращались к некоему предшествующему поучению «от старчества».

¹¹ В Уставе Корнилия статья эта носит более конкретный характер и имеет целью предостеречь иноков на случай, если «кто от великих или всяк христолюбец придет в монастырь и восхошет какое питье, еже имать пианство, во утешение быти братиям» (лл. 446 об.—447); в Уставе Иосифа речь идет о греховности пьянства вообще (стлб. 542—543).

¹² Житие Корнилия—ГПБ, Соф. собр., № 439, лл. 88 об. и 94 об.—95 об. Ср.: И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв., стр. 282—284.

нилия во всяком случае составлен не ранее «Духовной грамоты» Иосифа, на которую он опирается, а эта последняя была написана перед смертью волоцкого игумена в 1515 г.¹³ Сам Корнилий, прося братию соблюдать заветы Устава после его смерти («по ошествии моем»), также рассматривал свое сочинение как завещание. Естественней всего поэтому относить его Устав ко времени, близкому к 1537 г. — дате смерти Корнилия.

Такая датировка Устава Корнилия делает особенно интересным его двойственное происхождение — соединение вводной части «Предания» Нила Сорского с широкими заимствованиями из Устава Иосифа Волоцкого. Нам уже приходилось отмечать, что, вопреки мнению историков церкви, противопоставлявших «критическое», «нравственно-либеральное» направление Нила «консервативно-формальному» направлению Иосифа, между обоими церковными деятелями XV в. было немало точек соприкосновения; Иосиф Волоцкий использовал одно из посланий Нила в своих противоеретических сочинениях; ученики Иосифа переписывали сочинения сорского старца для библиотеки Волоколамского монастыря.¹⁴ Но все эти факты относятся к концу XV — началу XVI в. Устав же Корнилия был написан в более позднее время. В этот период между иосифлянами и нестяжателями уже началась ожесточенная борьба (она отразилась, в частности, в «Духовной грамоте» Иосифа); в ходе полемики с Иосифом Волоцким глава нестяжателей Вассиан Патрикеев охотно противопоставлял волоколамскому игумену «своего старца» — Нила Сорского. Какова же была позиция Корнилия Комельского в этом споре? Житие Корнилия не дает ясного ответа на этот вопрос. Автор жития, описывая Корнилия как деятельного игумена основанного им общежительного монастыря, вместе с тем настаивает на том, что сам Корнилий все время стремился «безмолвствовать» — в самом монастыре или в пустыне; Н. Коноплев склонен был поэтому связывать Корнилия с нестяжателями.¹⁵ Однако И. У. Будовниц справедливо отметил, что известия о стремлении Корнилия к «безмолвию» и о том, что он с неохотой принимал земельные пожалования от великого князя, представляют собой характерный житийный штамп. Вопреки этим утверждениям сам автор жития рассказывал, как Корнилий «умолил» Василия III дать ему «земли мало с лесом», и великий князь дал ему землю, включая «деревни и починьки и со всяцем угодием».¹⁶ Ко времени смерти Корнилия монастырь владел

¹³ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М. — Л., 1960, стр. 452—454.

¹⁴ Там же, стр. 312—315.

¹⁵ Н. Коноплев. Святые Вологодского края. ЧОИДР, 1895, кн. IV, отд. IV, стр. 101.

¹⁶ ГПБ, Соф. собр., № 439, л. 128—128 об.

12 деревнями в Вологодском уезде и столькими же деревнями в Белозерском уезде.¹⁷

Связь Корнилия с единомышленниками Иосифа Волоцкого, «воинствующими церковниками», несомненна. В течение нескольких лет Корнилий, как рассказывает его житие, пребывал при дворе одного из вождей «воинствующих церковников» — архиепископа Геннадия Новгородского; именно от Геннадия он получил сан священника.¹⁸ О близости к иосифлянству свидетельствует и Устав Корнилия — не только там, где он прямо совпадает с Уставом Иосифа, но и в других, оригинальных местах. Весьма характерны для Устава Корнилия тенденции, проявившиеся именно в пространной редакции Устава Иосифа, — принципы иерархической субординации, строгого и точно регламентированного подчинения администрации монастыря.¹⁹ Особое внимание к этой теме обнаруживается и в заголовках отдельных статей Устава Корнилия («О еже не подобает кому ясти и пити... без благословения», «О еже не взимати ... без благословения игумена и келарева», «О еже не подобает из монастыря ... безсловесно исходити»), и во всех текстах, добавленных Корнилием к своим источникам. «Благословение настоящего» или повеление келаря требуется и при любом отступлении от повседневного распорядка жизни: при получении какой-либо пищи и питья вне общей трапезы (лл. 435 об. — 436), при обмене вещами с другим монахом (л. 440 об.), при выходе из монастыря (лл. 442 и 443 об.). Опоздав почему-либо на молитву, инок должен просить прощения у игумена (л. 432); получив грамоту, «поминок или какову вещь, малу или велику», он должен показать ее настоятелю (л. 440 об.); «исповедати ... настоящему» необходимо не только о своих грехах, но и о чужом «согрешении» (л. 444 об.). «Настоятель благочинне да уставляет» (л. 443 об.), «всяка вещь без благословения проклята есть» (л. 446 об.) — эта основная тема Устава Корнилия вполне соответствует духу иосифлянства XVI в.

Если, составляя свой иосифлянский Устав, Корнилий мог предпослать ему введение, основанное на «Предании» Нила Сорского, то это свидетельствует о том, что церковные деятели XVI в. относились к провозвестнику нестяжательства гораздо «историчнее», чем ученые XIX в. Они могли резко осуждать «величавого» и «высокошявого» Вассиана Патрикеева, но вовсе не склонны были переносить свое отношение к Вассиану на его учителя Нила. Основатель Сорской обители был для них прежде всего одним из тех защитников и теоретиков монашества, кото-

¹⁷ И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв., стр. 285—289.

¹⁸ ГПБ, Соф. собр., № 439, лл. 86 об.—87 об.

¹⁹ Ср.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в., стр. 451—452.

рые выступили в XV в. против «еретической бури», представителем той плеяды основателей монастырей, к которой принадлежал и Корнилий Комельский.

Н. А. Казакова

К ИЗУЧЕНИЮ ВКЛАДНЫХ КНИГ

Тонкий знаток русских источников XV—XVII вв. С. Б. Веселовский писал о вкладных книгах: «Кроме множества ценных сведений о вотчинном служилом и монастырском землевладении вкладные книги дают ценнейший материал для истории быта (описание, иногда очень подробное, вещей) и для истории экономической (очень часто указаны цены вотчин, вещей, хлеба, скота и т. п.). В том случае, когда до нас дошли данные на вотчины, вкладные книги не дают ничего нового, но так как большая часть монастырских актов пропала, то вкладные книги являются ценным возмещением утраты актов».¹ К сказанному С. Б. Веселовским можно добавить, что вкладные книги содержат целый ряд сведений, важных и для истории древнерусского искусства.

Однако, несмотря на всю значимость вкладных книг как исторического источника, они до сих пор сравнительно мало привлекали внимание источниковедов и археографов. Изданы вкладные книги лишь небольшого числа монастырей: Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Нижегородского Печерского, Антониева-Сийского, Ростовского Борисоглебского, Брянского Свенского, Махрищского.² Еще хуже обстоит с изучением вкладных книг. Они почти не подвергались специальному источниковедческому исследованию. Помимо нескольких замечаний С. Б. Веселовского об особенностях вкладных книг как исторического источника, включенных в главу «Историография. Обзор источников» его названного выше исследования,³ можно назвать лишь одну работу, в которой ставятся вопросы источниковедческого порядка: это статья Л. И. Ивиной «Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря».⁴

В связи с такой скудостью литературы до настоящего времени остаются неясными многие вопросы в истории вкладных книг, в частности вопросы об их происхождении, формуляре и струк-

¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 30.

² Библиографию изданий см.: А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 65, прим. 2—4 и стр. 66, прим. 1—5.

³ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 30—32.

⁴ Л. И. Ивина. Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, сб. 2. Л., 1969, стр. 229—240.

туре. Автор настоящей статьи на основе сравнительного изучения Синодика и вкладной книги Волоколамского монастыря надеется сделать наблюдения, которые, быть может, будут не бесполезными для решения этих вопросов.

Неизданный Синодик Волоколамского монастыря, хранящийся в Рукописном отделении Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом),⁵ датируется концом XV—началом XVI в.⁶ По своему содержанию он делится на три части. Первую часть составляет «Помянник», содержащий список лиц, чьи имена были внесены в Синодик для поминания (лл. 3—39). Вторая часть представляет собой, если следовать терминологии исследователя синодиков Е. В. Петухова, «Предисловие», включающее литературный материал на тему о заупокойных молитвах и загробной жизни (лл. 40—66 об.).⁷ Третью часть Синодика, специально интересующую нас, занимают тексты, озаглавленные «Поминаниями» (лл. 67 об.—77 об.). Эти заголовки не вполне соответствуют содержанию текстов, так как они представляют собой не поминания в собственном смысле слова, а записи вкладов и условий поминаний. Записям вкладов предпослано небольшое введение, в котором указывается цель записей: сохранить имена тех, кто внесен в монастырское поминание, и память об их «благодетениях» — вкладах (лл. 66 об.—67 об.).

Вклады в подавляющем большинстве случаев были денежные: из имеющихся в Синодике 37 записей вкладов (три из них вычеркнуты) денежные фигурируют в 22 случаях (размер вкладов колебался от 30 до 150 рублей). В 10 записях названы земельные вклады — села, деревни. Порою вкладчики жертвовали монастырю различные ценные вещи (книги, колокол, соболью шубу), среди которых встречались произведения искусства; так, в одной из записей в качестве вклада упоминаются иконы письма Андрея Рублева (л. 73).⁸ Иногда вкладом служил овеществленный труд, если он представлял особую ценность для монастыря. Например, Феодосий «иконник», сын знаменитого Дионисия, был

⁵ ИРЛИ, ф. РIV, оп. 23, № 52. Синодик как источник по истории идеологии исследуется в работе: Н. А. Казакова. Синодик Волоколамского монастыря — памятник идеологии раннего иосифлянства. В кн.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 342—354.

⁶ Начало Синодика было написано Иосифом Волоцким в 1479 г. (л. 3). Последняя из поддающихся датировке записей вкладов, имеющихся в Синодике, — запись вклада Клементия Скамейникова (л. 77) — относится к 1514—1515 гг. (см. ниже, стр. 262).

⁷ По наблюдениям Е. В. Петухова, «Предисловие» в большинстве случаев помещается, согласно своему названию, перед «Помянником», но иногда оно следует за ним (Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1898, стр. 88). Последнее имеет место и в нашем случае.

⁸ Подробнее об этом см.: Н. А. Казакова. Сведения об иконах Андрея Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI в. ТОДРА. т. XV. М.—Л., 1958, стр. 310—311.

внесен в повседневное поминание за то, что он «церковь подписывал да купил деревню су» (л. 72 об.).

Записи вкладов сделаны по определенному формуляру, употреблявшемуся в двух вариантах — кратком и пространным. Краткий вариант: «(Имя рек вкладчика, иногда и его родственников). Поминали, доколе монастырь Пречистые стоить, ис повседневнаго поминания не выгладити. А дал на то (наименование вклада)» (см., например, л. 72). Распространенный вариант: «(Имя рек вкладчика, иногда и его родственников). Сих поминали, доколе манастирь Пречистые стоит, ис повседневнаго поминания не выгладити. Да быти по них корму (дата). А дал на то (имя рек) манастирю Пречистые (наименование вклада)» (см., например, л. 69). В ряде случаев в обоих вариантах формуляра встречается добавление — указание на дальнейшую судьбу вклада: отмечается, что на деньги вкладчика были куплены село, деревня или же производилось строительство в монастыре; указывается, что село, деревня, данные вкладчиком, были обменены на другие населенные пункты, и т. п. Отклонения от приведенных вариантов формуляра встречаются редко и они очень незначительны.

Записи земельных вкладов можно датировать путем сопоставления их с грамотами Волоколамского монастыря на соответствующие земли. Датировка дает следующую картину: № 1, вклады удельных князей волоцких (лл. 67 об. — 68 об.), 1480—1504 гг.;⁹ № 4, вклад князя А. А. Голенина (л. 69—69 об.), 1508—1515 гг.;¹⁰ № 8, вклад Андрея Невежина (лл. 71 об. — 72), 1508—1515 гг.;¹¹ № 9, вклад князя П. Н. Оболенского (л. 72), до 1507 г.;¹² № 10, вклад Василия Баламутова (л. 72), до 1511 г.;¹³ № 20, вклад В. А. Челяднина (л. 74 об.), до 1515—1516 гг.;¹⁴ № 22, вклад Ивана Синицына (л. 75—75 об.), 1511—1512 гг.;¹⁵ № 28, вклад Игнатия Глазатого (л. 76 об.), 1512—1513 гг.;¹⁶ № 30, вклад Якова Ракитина (л. 76 об.), до 1510 г.;¹⁷ № 34, вклад Кlementия Скамейникова (л. 77), 1514—1515 гг.¹⁸ Как мы видим, в расположении записей земельных вкладов преобладает хронологический принцип, хотя от него имеют место отступления.¹⁹ Это дает основание для предположения о том, что

⁹ Ср.: Акты феодального землевладения и хозяйства, т. II. М., 1956, №№ 14, 17, 18, 33 (далее: АФЭХ).

¹⁰ Ср.: там же, № 41.

¹¹ Ср.: там же, № 42.

¹² Ср.: там же, № 38.

¹³ Ср.: там же, № 49.

¹⁴ Ср.: там же, № 65.

¹⁵ Ср.: там же, №№ 51, 52.

¹⁶ Ср.: там же, № 57.

¹⁷ Ср.: там же, № 27.

¹⁸ Ср.: там же, № 59.

¹⁹ Нарушают этот принцип и две имеющиеся в Синодике датированные записи: № 11, поминание кн. Ивана Звенигородского, запись произведена

в записях других, неземельных вкладов также имела место, вероятно, тенденция к хронологическому порядку, соблюдавшаяся, однако, не строго.

Но наряду с указанной тенденцией в расположении записей вкладов в Волоколамском синодике наблюдается и другая — выделение записей вкладов в группы в зависимости от положения вкладчика на социальной лестнице. Так, на первом месте сгруппированы записи поминаний-вкладов удельных князей волоцких, — не только князя Бориса Васильевича, его жены Ульяны и сына Ивана Борисовича, относящиеся к 1480—1504 гг., но и князя Федора Борисовича (лл. 67 об. — 68),²⁰ вклад которого следует датировать, по-видимому, более поздним временем. Интересно, что запись поминания князя Федора Борисовича (№ 34, л. 77 об.) первоначально была сделана в Синодике после записи поминания и вклада Клементия Скамейникова, датируемого 1514—1515 гг., но затем поминание Федора Борисовича было вписано вслед за записью поминаний-вкладов Бориса Васильевича Волоцкого, его жены Ульяны и их сына Ивана Борисовича. Таким образом, налицо зарождение социального принципа группировки записей вкладов (правда, пока этот принцип касался только волоцких князей, на земле которых находился Волоколамский монастырь).

От наблюдений над записями вкладов в Синодике Волоколамского монастыря перейдем к вкладной книге монастыря.

Вкладная книга начинается с введения, в котором указывается: «Главы книги сия — дачи благоверного и христолюбиваго государя великаго князя Василия Ивановича всея Руси... по себе и по своему роду и по своих прародителях... И дачи богом венчанного царя государя великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержца по своих родителях, и христолюбивых князей и бояр и всех православных христиан дачи в вечной поминок по себе и по своих родителех... Сих же память пребывает в веки, их же имена написаны в книгах сих».²¹ Если сопоставить это введение с уже упомянутым введением к записям вкладов в Синодике Волоколамского монастыря, то можно провести аналогию: в обоих введениях формулируется одна и та же цель последующих за ним записей — сохранить имена вкладчиков и память об их вкладах.

в 1503 г. (л. 72 об.), и № 15, поминание Василья Махню, запись произведена в 1504 г. (л. 73).

²⁰ В Синодике имеется только начало записи поминания Федора Борисовича Волоцкого, включающее указание на поминание его и на «корм»; указание на вклад отсутствует; оно имеется во вкладной книге (Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. В кн.: А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву, вып. V. М., 1906, № 8).

²¹ А. А. Титов. Рукописи славянские и русские... стр. 1.

Вкладная книга Волоколамского монастыря была составлена, как это следует из введения, в царствование Ивана IV; последняя датированная запись, встречающаяся в книге, относится к 1567 г.²²

Из 37 записей вкладов, находящихся в Синодике, в состав вкладной книги вошло 30 записей; если же учесть, что из 7 не вошедших во вкладную книгу записей три были вычеркнуты в самом Синодике, то окажется, что во вкладную книгу не вошли из Синодика только 4 записи.²³ В подавляющем большинстве случаев записи вкладов во вкладной книге, аналогичные записям в Синодике, повторяют последние текстуально. Отклонения встречаются двух типов. В первом случае вместо формулы «а как преставится, поминати», встречающейся иногда в Синодике, во вкладной книге читается просто «поминати».²⁴ Это изменение было вызвано тем, что записи вкладов в Синодике делались часто при жизни вкладчиков, во вкладную же книгу записи о вкладах конца XV—начала XVI в. вносились, когда вкладчиков давно не было в живых. Второе отклонение от текстуального совпадения между записями вкладов в Синодике и во вкладной книге заключалось в добавлении в последних указаний на дальнейшую судьбу вкладов.²⁵ Текстуальное совпадение между записями вкладов в Синодике и во вкладной книге свидетельствует о том, что формуляр вкладной книги повторял формуляр записей вкладов Синодика. Отметим, что и более поздние записи вкладной книги сделаны по формуляру, очень близкому к установленному нами для записей вкладов в Синодике и аналогичных им записей вкладной книги.

Датировка земельных вкладов, произведенная нами для начальной части вкладной книги (включающей, в частности, записи, входящие в состав Синодика), дает следующую картину: № 1, вклад вел. кн. Василия Ивановича, не датируется;²⁶ № 2, вклад кн. А. И. Городецкого, не датируется; № 4, вклад вел. кн. Ивана Васильевича, 1562 г.;²⁷ №№ 6, 7, вклады удельных волоцких князей, 1494—1504 гг.;²⁸ № 8, вклад кн. Федора Борисовича

²² Там же, № 340.

²³ Не вошли записи вкладов Тимофея Рокитина (л. 69), неизвестного вкладчика, внесшего иконы Андрея Рублева (л. 73), Досифея, «братанича» Иосифа (л. 73) и Тимофея Стремоухова (л. 77). Вычеркнуты в Синодике записи с именами князя Василия Звенигородского (л. 72 об.), Василия Махню (л. 73), Дмитрия Ловчего (л. 76 об.—77).

²⁴ Ср., например, запись вклада Феодосия иконника в Синодике (л. 72 об.) и во вкладной книге (№ 38).

²⁵ Ср., например, запись вклада Ивана Давыдова в Синодике (л. 76 об.) и во вкладной книге (№ 41).

²⁶ Здесь и далее датировка не дается нами в тех случаях, когда не сохранились данные грамоты.

²⁷ Вклад датирован во вкладной книге.

²⁸ Ср.: АФЗХ, т. II, №№ 18, 33.

Волоцкого, не датируется; № 10, вклад удельного князя Дмитрия Ивановича Угличского, 1522 г.;²⁹ № 11, вклад удельного князя Юрия Ивановича Дмитровского, 1510 г.;³⁰ № 17, вклад кн. П. И. Оболенского, до 1507 г.;³¹ № 20, вклад кн. А. А. Голенина, 1508—1515 гг.;³² № 21, вклад В. А. Челяднина, 1515—1516 гг.;³³ № 23, вклад Арсения Невежина, 1508—1515 гг.;³⁴ № 24, вклад Василия Баламутова, до 1511 г.;³⁵ № 30, вклад Клементия Скамейникова, 1514—1515 гг.;³⁶ № 31, вклад Игнатия Глазатого, 1512—1513 гг.;³⁷ № 33, вклад Дмитрия Хворостинина, 1507—1515 гг.;³⁸ № 35, вклад кн. Дмитрия Небогатого, не датируется; № 45, вклад Евпраксии Чиркиной, не датируется; № 47, вклад Игнатия Ракитина, до 1510 г.;³⁹ № 50, вклад Иоанна Синицына, 1511—1512 гг.;⁴⁰ № 53, вклад Савы Клокачева, 1516—1522 гг.⁴¹

Эта картина позволяет сделать следующие выводы о структуре вкладной книги. Порядок расположения записей вкладов в ней определялся в известной мере социальным принципом. Он сказывается в выдвигании на первое место записей вкладов великих князей (№№ 1, 4; между ними вклинилась только запись вклада кн. А. И. Городецкого, № 2); на второе место выделяются записи вкладов удельных князей (№№ 6—11). И только за этими записями начинаются записи вкладов остальных лиц, расположенные более или менее в хронологическом порядке. Таким образом, в структуре вкладной книги Волоколамского монастыря прослеживаются те же две тенденции, что и в Синодике: группировка записей, с одной стороны, по социальному признаку, а с другой — по хронологическому принципу. Отметим, что в более поздних вкладных книгах социальный принцип получает большее развитие. Так, С. Б. Веселовский, характеризуя вкладную книгу Троицкого Сергиева монастыря редакции 1673 г., указывает, что она была разделена на следующие главы: первая глава — вклады царей и великих князей, вторая — вклады митрополитов, патриархов, владык, князей, бояр и всяких служилых людей; далее идут главы, содержащие записи вкладов дьяков разных приказов, монастырских властей, торговых гостей

²⁹ Ср.: там же, № 87.

³⁰ Ср.: там же, №№ 46, 47.

³¹ Ср.: там же, № 38.

³² Ср.: там же, № 41.

³³ Ср.: там же, № 65.

³⁴ Ср.: там же, № 42.

³⁵ Ср.: там же, № 49.

³⁶ Ср.: там же, № 59.

³⁷ Ср.: там же, № 57.

³⁸ Ср.: там же, № 40.

³⁹ Ср.: там же, № 27.

⁴⁰ Ср.: там же, №№ 51, 52.

⁴¹ Ср.: там же, № 75.

и т. д., а затем, постепенно спускаясь по социальной лестнице, записи вкладов троицких слуг, крестьян, бобылей, стрельцов и пушкарей.⁴² Во вкладной же книге Волоколамского монастыря, так же как и в Синодике, социальный принцип находился еще в стадии своего становления.

Произведенный нами сравнительный анализ третьей части Синодика, содержащей записи вкладов, и вкладной книги Волоколамского монастыря показывает, что оба памятника по своему назначению, формуляру и структуре были аналогичны; аналогичными являются, как мы уже указывали, по своему содержанию и введения, имеющиеся в обоих памятниках. Все это позволяет сделать вывод о том, что третья часть Синодика представляет собой по существу древнейшую вкладную книгу Волоколамского монастыря. Единственное ее отличие от вкладной книги середины XVI в. заключалось в том, что последняя оформилась в качестве отдельной книги, первая же существовала в составе другого памятника — Синодика.

Этот вывод дает, как нам кажется, основание высказать некоторые соображения по вопросу о происхождении вкладных книг. Существует мнение, что возникновение вкладных книг относится к середине XVI в. Так, Л. И. Ивина, изучившая вкладную книгу Симонова монастыря, считает, что начало составления ее следует отнести ко времени Грозного. Толчком к оформлению в монастыре книги явилось, по ее мнению, постановление Стоглавого собора, которым предписывалось монастырям на основании поступивших вкладов «на помин души» определять «кормы» братии, а имена вкладчиков записывать в синодики.⁴³ Мы полагаем, что названное постановление действительно могло послужить толчком к упорядочению ведения вкладных книг, и в частности к оформлению их в виде отдельных книг. Само же возникновение вкладных книг, как определенной разновидности монастырской документации, обладающей своими структурными и дипломатическими признаками, относится к более раннему времени. Только искать эти древнейшие вкладные книги следует в составе синодиков — памятников, которые, так же как и вкладные книги, были связаны с заупокойным культом.

⁴² С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 31.

⁴³ Л. И. Ивина. Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря, стр. 231; Стоглав. СПб., 1863, стр. 230—231.

ВНОВЬ ОБНАРУЖЕННЫЙ СПИСОК УСТЮЖСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Во введении к изданию Устюжской летописи, предпринятому в 1950 г. Ленинградским отделением Института истории,¹ в числе известных науке списков этой летописи был упомянут список, принадлежавший еще в конце XIX в. Л. Мацевичу, знатоку и собирателю древних документов. Однако к изданию Устюжской летописи список Мацевича привлечен не был; рукописный сборник, заключавший его, считался утерянным.

В настоящее время рукопись Мацевича хранится в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР. Ее подарил Институту пражский ученый А. В. Флоровский.²

Сборник Мацевича, заключающий в себе список Устюжской летописи, значится под шифром: Отдельные поступления, оп. 23, № 134, без переплета;³ писан на 270 листах, в 4^о,⁴ скорописью нескольких почерков конца XVII в., на бумаге с водяными знаками шута (напоминающими №№ 1978 и 2022 у Хивуда)⁵ и герба г. Амстердама. На л. 6 об. и 270 об. находятся две записи, сделанные почерком Мацевича: «Принадлежит Льву Степан. Мацевичу» (л. 6 об.) и «Принадлежит Льву Мацевичу. Куплена в Одессе у букиниста в июле 1894 г.» (л. 270 об.).

Список Устюжской летописи находится в сборнике на лл. 1—159. Кроме того, в состав сборника входят летописные записи (л. 159), сделанные в XVII в., Степенная книга⁶ (л. 188), сочи-

¹ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950 (Академия наук СССР. Ленинградское отделение Института истории).

² См.: В. И. Малышев. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. Русская литература, 1969, № 2, стр. 124. Существует описание рукописи Мацевича, сделанное А. В. Флоровским, см.: А. В. Флоровский. Из материалов для истории русского летописания (Мацевичев список Архангелогородской летописи). Научные труды Русского народного университета в Праге, т. IV, Прага, 1931, стр. 83—95.

³ При Мацевиче переплет рукописи еще существовал (см.: Л. Мацевич. Рукописный сборник 17 века со списком Архангелогородского летописца. В кн.: Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества, т. I, вып. 1, М., 1898, табл. 32.

⁴ У Мацевича указано ошибочно в 8^о.

⁵ Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia or collection of works and documents illustrating the history of paper. General editor E. J. Labarre, t. I. Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries by Edward Heawood. The Paper Publications Societi. Hilversum (Holland), 1950.

⁶ На лл. 188—208 и 218—253 сборника находятся отдельные выписки из Степенной книги с нарушением хронологической последовательности источника. Такое впечатление, что текст был переписан с рукописи, листы которой были перепутаны.

нения Ивана Пересветова,⁷ подборка статей из патристической и учительной литературы (отдельные главы из «Вопросов и ответов Афанасия к князю Антиоху» — л. 253, Толкование священнического чина Василия Кесарийского — л. 258, Притча о святом Варлааме и Иоасафе первой редакции⁸ — л. 267, Слово об Иоанне Златоустом⁹ — л. 269 и пр.) и др. Последний лист сборника, л. 270 об., содержит записи XVII в., связанные с Устюгом Великим.¹⁰

Список Мацевича Устюжской летописи писан несколькими почерками конца XVII в. Подобно изданным спискам он начинается известием 6360 (852) г., однако в отличие от изданных текстов он оканчивается более поздней датой — 7128 (1620) г. Под этим годом сообщается о возведении на патриаршество митрополита Филарета и о том, что «погоре Устюг Великий».¹¹ Эту особенность списка отметил еще Мацевич, опубликовавший все его дополнительные известия с 7105 по 7128 г. включительно.¹² Непосредственно к Устюжской летописи (л. 159) примыкают известия другого летописца, начинающегося также записью 6360 (852) г.¹³

В сборнике нарушен порядок следования листов; очевидно, это произошло при переплетении рукописи. Поэтому текст летописи под 6479 г. после л. 14 об. следует читать далее на л. 23.¹⁴

⁷ С середины л. 208 по л. 218 в некотором сокращении и переложении идут сочинения Пересветова: «Сказание о книгах», «Сказание о Магмете-салтане», «Первое предсказание философов и докторов».

⁸ См.: О. В. Творогов. Притчи Варлаама в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома. ТОДРА, т. XXIV, М.—Л., 1970, стр. 381.

⁹ Ср.: Великие Минеи Чети, ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899, столб. 887.

¹⁰ «Преставление святого праведного Прокопия Устюжского чудотворца в лета 6811 года»; «В лето 7176-го году заложена бысть церковь каменная на Устюге Великом Прокопия Праведного, а освещена в лето 7177-го году сентября в день...»; «В лето 7161-го году заложена бысть церковь каменная соборная Успения пресвятыя богородицы на Устюге Великом».

¹¹ Последняя дата, под которой известия списка Мацевича еще сходятся с известиями изданных списков, — 7025 г. (в списках ЛОИИ, колл. 115, № 148 и ГИМ, собр. Синодальное, № 965 это 7024 (1516) г.). После 7024 г. в изданных списках следуют записи под 7038, 7039, 7040, 7042, 7055 (дата приведена дважды), 7061, 7062, 7060 (так!), 7065, 7068, 7069, 7070, 7079, 7080, 7090, 7092, 7106 (1598) гг. В списке же Мацевича после 7025 г. сразу следует запись 7092 г., где, так же как и в изданных списках, сообщается о смерти Ивана Грозного и восшествии на царство князя Федора Ивановича, но в иных выражениях. Тут же в списке Мацевича сообщается и дата смерти Федора Ивановича (называется ошибочно 7104 (1596) г.). Далее в списке Мацевича следуют известия, полностью отсутствующие в изданных списках: под 7105 г. (о восшествии на престол Бориса Годунова), 7113 г. (о Гришке Отрепьеве и восшествии на престол Василия Шуйского), 7117, 7121, 7127 гг. (о стоянии Владислава Литовского под Троицким монастырем и заключении царем Михаилом Федоровичем мира с ним), 7128 (1620) г.

¹² Л. Мацевич. Рукописный сборник..., столб. 37—38.

¹³ Летописец включает в себя родословец.

¹⁴ На нижнем поле л. 22 об. имеется запись: «зри впереди».

Известия последующих лет — 6480—6494 — расположены на лл. 23 об.—30 об. Затем следует вновь возвращаться к лл. 15—22 об.,¹⁵ где читаются заключительные известия под 6494 г. и известия 6495—6523 гг. Продолжение известий 6523 г. читается начиная с л. 31. Имеется нарушение и в самом тексте списка: так, отрывок, начинающийся со слов «и повеле Олг дань даять» и кончающийся словами «коня своего сухую кость лобзают, по-нежь», повторен в рукописи дважды (лл. 5 об.—7 об.).

Что касается текста летописи по списку Мацеевича, то он, соответствуя в основном тексту остальных изданных списков,¹⁶ в то же время является новым вариантом Устюжской летописи. В списке, как писал еще Мацеевич, «есть некоторые отмены... сравнительно с печатным текстом в показании годов, имен, вообще в выражениях и т. п.».¹⁷ Но, отмечал он далее, «наибольшей особенностью» списка является «желание сокращать изложение событий» Устюжской летописи.¹⁸ Стремление к сокращению известий прослеживается в списке на всем его протяжении, в меньшей степени в первой его половине и в большей — во второй. Эти сокращения выражаются иногда в опущении лишь кратких известий летописи (например: «В лета 6377. Крещена бысть болгарская земля»; «6500. Заложил Бельград»), иногда в пропуске части известий под тем или иным годом (например, под 6831 г. пропущено известие о смерти в Орде князя Юрия Даниловича, под 6882 г. — о приезде князя Ивана Тверского из Литвы, и др.); порой опускаются подробности в изложении (например, под 6745 г. — о последствиях Батыева нашествия). Начиная же с известий конца XIV и особенно XV в. количество сокращений становится особенно значительным; кроме того, из летописи начинают исключаться уже целые отрывки (ср., например, известия под 6971, 6973, 6974, 6976, 6981, 6999 гг. и многими другими).

Сокращение текста достигается часто перефразировкой отдельных мест летописи (например, вместо «В лето 6666. Князь великий Андрей Юрьевич приде из Киева на великое княжение, и отселе бысть великое княжение в Володимере» в списке Мацеевича читаем: «В лето 6666 князь великий Андрей Юрьевич княжил в Володимере»). Перефразировки многих чтений, сохраненных списками ЛОИИ, колл. 115, № 148 и ГИМ, собр.

¹⁵ Об этом говорит запись на л. 30 об., сделанная другими почерком и чернилами: «эри назади».

¹⁶ Из четырех известных науке списков Устюжской летописи (ЛОИИ, колл. 115, № 148; ГИМ, собр. Синодальное, № 965; ГПБ, собр. Погодина, № 1422; список Мацеевича — ИРЛИ, оп. 23, № 134) к ее изданию в 1781 г. (переиздано в 1819 г.) и в 1950 г. были привлечены лишь два первых списка (в издании 1950 г. первый, под шифром ЛОИИ, № 148 (806), взят за основной, второй, под шифром ГИМ, № 965, привлечен для вариантов).

¹⁷ Л. Мацеевич. Рукописный сборник..., столб. 35.

¹⁸ Там же.

Синодальное, № 965, — характерная черта списка Мацеевича вообще (см. особенно известия за годы 6906, 6914, 6912, 6980, 6985 и др.).

В списке Мацеевича встречаются и дополнительные чтения, но они незначительны. Так, например, к известию под 6677 г. «и приступиша ко граду уже взяти» добавлено «его», к известию «в лето 6835 священна бысть церькви святыя Богородица Успение» добавлено «на Москве», и т. п.

Список имеет, кроме того, и множество мелких разночтений. Так, например, если в изданных списках под 6453 г. Ольга «повеле людем своим могилу ссыпать», то у Мацеевича читаем: «копать»; в изданных списках под 6477 г. Ольга «бысть предтеча русской земли», у Мацеевича — «христианской земли»; в изданных списках под 6876 г. «явися звезда хвостата», у Мацеевича — «копейным образом», и др.

Список Мацеевича не лишен описок и искажений текста. Так, в известиях под 6360 г. вместо «дань» читается «вал», вместо «беле» — «боле», вместо «Боричев» — «Боригев»; под 6430 г. вместо «Олг» дано ошибочно «Игорь»; под 6453 г. вместо «у Корыстения града» — «у Константина града»; под 6939 г. вместо «князя Федора Пестрого» — «князя Федора Петровича», и др. Но в то же время список дает и более правильные чтения по сравнению со списками изданными. На это обратил внимание еще Мацеевич.¹⁹ Так, например, в списке ЛОИИ, колл. 115, № 148, взятому издателями за основной, имеются описки в известиях под 6389, 6408, 6491, 6890, 6892, 6995 гг. (что отмечено в издании), в то время как в списке Мацеевича этих погрешностей нет. Интересно отметить, что в списке Мацеевича в рассказе под 6890 г. о нашествии Тохтамыша на Москву, согласно Софийской I летописи, князья суздальские говорят: царь пришел «не на вас», «вас хошет жаловати», не хочет «у вас ничего», в то время как в изданных списках читаем: «не на нас», «нас хочет жаловати», не хочет «у нас ничего».

Список Мацеевича не зависит ни от основного списка, ни от списка ГИМ, собр. Синодальное, № 965, приводимого в аппарате издания. Он включает в себя чтения как одного, так и другого списка.²⁰ Взаимоотношения между всеми тремя списками довольно сложные. Прямая зависимость между ними не устанавливается.

Список Мацеевича представляет интерес и своими подчас более исправными чтениями, и своей новой концовкой, и своими

¹⁹ Там же, стлб. 33—35.

²⁰ Список Мацеевича не идентичен списку ЛОИИ, как сказано во Введении к изданию Устюжского летописного свода. Под годами 6455, 6463, 6472, 6494, 6523, 6527, 6545, 6866, 6879, 6883, 6888, 6890, 6906, 6908, 6923, 6942, 6943, 6944, 6948, 6994 в нем встречаются чтения, сходные со списком ГИМ, собр. Синодальное, № 965.

сокращениями. Любопытно было бы выяснить, первоначальны ли эти более правильные чтения или это результат позднейших исправлений и чем могли быть вызваны сокращения. Изучение особенностей чтений списка Магеевича должно вестись не только в сравнении его с уже введенными в науку списками Устюжской летописи, но и в сопоставлении его с летописями, имеющими с Устюжской летописью общий источник.²¹ Такое изучение, возможно, поможет определить происхождение и состав этой сравнительно поздней, но несомненно интересной летописи, историю которой пока еще нельзя считать до конца исследованной.²² Результатом такого изучения должно явиться новое научное издание Устюжской летописи по всем спискам в серии «Полного собрания русских летописей».²³ Это издание, как отмечал еще А. Н. Насонов, должно отражать не только смысловые разночтения, дополнения и пропуски, но также и перестановки слов.²⁴ В нем должны быть устранены отдельные ошибки и неточности издания 1950 г.

До сих пор не вполне учтенный в науке список Магеевича несомненно сыграет важную роль при исследовании и научном издании Устюжской летописи.

Б. П. Полевой

НОВОЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «СКАЗАНИЯ О ВЕЛИКОЙ РЕКЕ АМУРЕ»

В последней четверти XVII в. в России стало распространяться во многих списках «Сказание о великой реке Амуре». Весьма скоро оно получило известность и за границей: в конце XVII—XVIII в. «Сказание» трижды публиковалось на гол-

²¹ Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в. (К выходу в свет тт. XXVII и XXVIII «Полного собрания русских летописей»). История СССР, М., 1964, № 6, стр. 119.

²² Там же, стр. 119; Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968, стр. 29—30. Об Устюжской летописи см. работы: А. А. Шахматов. 1) Начальный киевский летописный свод. СПб., 1897; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 3) Летописи. В кн.: Новый энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. XXV, столб. 164—165; К. Н. Сербина. Устюжский летописный свод. Исторические записки, т. 20, М., 1946, стр. 239—270.

²³ О необходимости издания летописей, в частности Устюжской летописи, в составе серии «Полного собрания русских летописей» писал еще Д. С. Лихачев (Вопросы истории, 1951, № 5, стр. 109).

²⁴ См. рецензию А. Насонова на книгу «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)» (Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950): Вопросы истории, 1951, № 3, стр. 115.

ландском языке.¹ В прошлом столетии древнерусский текст был напечатан в двух вариантах. Первый (укороченный) был опубликован дважды: сперва в 1853 г. известным историком Сибири Г. И. Спасским, а затем в 1890 г. А. А. Титовым.² Второй (подробный) вариант был воспроизведен историком Ю. В. Арсеньевым в 1882 г.³

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что это же произведение неоднократно включалось в виде последней главы под названием «Описание великия реки Амура» в знаменитое сочинение Н. Г. Спафария «Описание первой части Вселенной, именуемой Азией...». Именно такой список этого сочинения Н. Г. Спафария имеется и в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома Академии наук СССР в фонде В. Н. Перетца (№ 182).⁴ Здесь сочинение Н. Г. Спафария имеет название «Книга истории, а в ней писано о начале Китайского государства». Шестидесятую главу этого сочинения и составляет интересующее нас «Описание великия реки Амура» (лл. 202—208). Сразу же вслед за этим произведением в сборнике дана так называемая «Татарская книжица» Н. Г. Спафария — «Книга, а в ней повесть, как в нынешнем веке богдойские таторовя одолели и завладели мало не все Китайское царство», т. е. описание войны между маньчжурами («татарами») и китайцами в первой половине XVII в., которая привела в Китае к свержению минской династии и установлению цинской.

Включение «Описания великия реки Амура» в сборник сочинений Н. Г. Спафария давно уже наводило исследователей на мысль, что автором «Сказания о великой реке Амуре» является сам Н. Г. Спафарий. Однако Н. Г. Спафарий отмечал, что он в своих трудах нередко пользовался чужими «повестями». Так, достоверно известно, что в основе «Татарской книжицы» Н. Г. Спафария лежит его перевод труда иезуита Мартини «*De bello tartarico historia*». В книге Н. Г. Спафария о его путешествии по Сибири («Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского») отчасти используются отрывки из «Книги Большому чертежу» и различных росписей чертежей Сибири. По-

¹ N. C. Witsen. Noord en Oost Tartarye, t. II. Amsterdam, 1692, pp. 30—32; 1705, pp. 73—74, 85—88; 1785, pp. 73—74, 85—88. Перевод неполный, но он дополнен вставками, сделанными самим Н. К. Витсеном по другим русским источникам.

² Г. И. Спасский. Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии. Вестник Русского географического общества, 1853, ч. VII, отд. II, стр. 15—42; А. Титов. Сибирь в XVII веке. В кн.: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890, стр. 105—113.

³ Ю. В. Арсеньев. О происхождении Сказания о великой реке Амуре. Известия Русского географического общества, 1882, вып. 4, стр. 245—254.

⁴ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 75.

этому невольно возникал вопрос: уж не положил ли Н. Г. Спафарий в основу «Описания великия реки Амура» кем-то ранее созданное «Сказание о великой реке Амуре»?

В 1882 г. Ю. В. Арсеньев, большой знаток сочинений Н. Г. Спафария, выразил твердое убеждение, что автором «Сказания о великой реке Амуре» все же является сам Н. Г. Спафарий. Во-первых, в трудах Н. Г. Спафария оказался ряд ссылок на составленное им описание великой реки Амура.⁵ Во-вторых, анализ текста «Сказания» показал, что он явно составлен по образцу совершенно аналогичных по своему стилю описаний других рек Сибири в известном сочинении Н. Г. Спафария о его путешествии по Сибири, например описания Иртыша, «великой реки» Оби, Енисея, Ангары и Аргуни.⁶

К сожалению, Ю. В. Арсеньев не обратил внимание на то, что все эти описания рек Сибири, особо выделенные в сочинении Н. Г. Спафария, были сделаны в виде расширенных чертежных росписей к новым, уточненным в 1675 г., маршрутным чертежам этих рек.⁷ А это дает теперь полное основание заключить, что и аналогичное «Сказание о великой реке Амуре» (или «Описание...») первоначально тоже возникло как расширенная, литературно обработанная роспись уточненного Н. Г. Спафарием и его спутниками маршрутного чертежа этой реки. Видимо, биограф Н. Г. Спафария — известный украинский историк И. Н. Михайловский был прав, когда утверждал, что протограф этого любопытнейшего сочинения об Амуре был создан еще до выезда Н. Г. Спафария из Сибири в Китай.⁸ Скорее всего оно было написано еще в Забайкалье в декабре 1675 г. Однако до нас дошли лишь те его варианты, которые уже были пополнены некоторыми дополнительными сведениями, полученными русскими в Китае. Так, список «Описания великия реки Амура» в сборнике из фонда В. Н. Перетца, как и некоторые другие аналогичные списки, заканчивался ссылкой на слова «асканьямы», т. е. какого-то китайского должностного лица. В некоторых случаях Н. Г. Спафарий некритически повторял ошибочные сведения маньчжуров или китайцев. Все же основная часть сведений об Амуре в его сочинении была вполне достоверной, так как

⁵ Н. Милеску Спафарий. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, стр. 105, 288, 341.

⁶ См.: Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Записки Русского географического общества по Отделению этнографии, т. X, вып. 1, 1882, стр. 40—50, 68—71, 85—87, 132—134 и др. См. также: Н. Милеску Спафарий. Сибирь и Китай, стр. 32—42, 62—67, 70—74, 114—116 и др.

⁷ См. подробнее: Б. П. Полевой. Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария. Известия АН СССР, сер. геогр., 1969, вып. 1, стр. 116—117.

⁸ И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). Киев, 1897, стр. 41.

исходила от русских бывалых людей, достаточно хорошо знавших Амур.

Подробный анализ всех дошедших до нас вариантов «Сказания о великой реке Амуре» (или «Описания...») ясно показал, что в этом сочинении имеются сведения, полученные от участников самых различных походов на Амур — от морского плавания И. Ю. Москвитина летом 1640 г. в район устья Амура⁹ до ходивших на верхнюю Зею амурских казаков, восстановивших зимой 1665/66 г. Албазинский острог. Наиболее широко в этом сочинении использованы сообщения В. Д. Пояркова и его спутников — участников самого первого русского похода по Амуру, 1643—1645 гг.

Известно, что только поярковцы вслед за нанайцами называли реку Уссури с нижним течением Амура (от устья Уссури) «Большим Амуром».¹⁰ Говоря о «пятой реке Ушур», Н. Г. Спафарий также счел нужным напомнить, что именно эту реку «называют казаки Большим Амуром» (л. 205). В найденных недавно распросных речах поярковца Микулы Тимофеева и его пяти товарищей, записанных в Якутске 9 ноября 1645 г., указывается, что «прошла де Амур река весною о Николина дни» (9 мая) и что тогда через некоторое время они смогли поплыть по Охотскому морю.¹¹ В рукописи из собрания В. Н. Перетца в описании нижнего Амура сказано: «зима стоит до мая месяца, и около Николина дни... река Амур и береги морския отпускаются и тогда мочно на море плавати» (л. 206 об.). Установление же прямой связи между этим сочинением и сообщениями поярковцев позволило нам выяснить, о каких именно загадочных «куярах» говорилось в нем при описании района устья Амура. Вне всякого сомнения, сюда по ошибке были отнесены сведения поярковцев о южносахалинских айнах. О них М. Тимофеев и его товарищи сообщали: «есть де подле моря черные люди, а называют де их куйми а живут де они подле моря по правую сторону».¹²

⁹ См. подробнее: Б. П. Полевой. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? Материалы Отделения истории географических знаний Географического общества СССР, вып. 1, 1962, стр. 71—74.

¹⁰ Новые архивные находки подтвердили правильность гипотезы Р. К. Маака о том, что в основе названия «Амур» лежит нанайское название реки Уссури и нижнего Амура — «Мангбу». В докладе на Втором совещании географов Сибири и Дальнего Востока во Владивостоке в 1962 г. автор настоящей статьи подробно показал, что нанайское «Мангбу» сперва превратилось у тугуро-амгуньских эвенков в «Мамур», а затем в форме «Омур—Амур» дошло от охотских эвенков до участников похода И. Ю. Москвитина в 1639 г. Подробнее см.: Б. П. Полевой. — Амур — «слово московское». Дальний Восток, 1972, № 1, стр. 140—141.

¹¹ Б. П. Полевой. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.). Известия Всесоюзного географического общества, вып. 6, 1958, стр. 349.

¹² Цит. по: там же, стр. 348.

Утверждение же о том, что «куяры делают... кумачи и камки и бархаты и иные портища», не является правильным. Просто к «куярам» ошибочно было отнесено известие, относившееся к другим южным народам Дальнего Востока. Возможно, что эта ошибка появилась по вине какого-то переписчика сочинения Н. Г. Спафария. Но следует сразу же оговориться, что текст «Описания великия реки Амура» в сборнике из фонда В. Н. Перетца безусловно более близок к протографу, чем список, опубликованный Г. И. Спасским и А. А. Титовым. Поэтому он помогает раскрыть истинное содержание некоторых загадочных мест, вызвавших сомнения у Г. И. Спасского.

Вот несколько примеров.

В списке, опубликованном Г. И. Спасским и переизданном А. А. Титовым, упоминается таинственное царство «Каргалть». Г. И. Спасский готов был в этом названии усмотреть Корею, Японию, или остров «Иедзо» (Хоккайдо).¹³ Список в сборнике из фонда В. Н. Перетца еще раз подтверждает, что здесь произошло простое искажение названия: следует читать не «Каргалть», а «Камбалык, где богдыхан живет» (л. 207). «Камбалык» — широко известное в те времена тюркское название Пекина («город хана»).

Г. И. Спасский уделил большое внимание вопросу о «ленном Петрушке», о котором шла речь в опубликованном им списке «Сказания о великой реке Амуре». Он доказывал, что слово «ленный» (феодальный) в Сибири не употреблялось и что здесь нужна поправка: «оленный Петрушка».¹⁴ Список В. Н. Перетца кладет конец всем сомнениям в этом вопросе. В нем говорится, что в вершине реки Зеи «живет тунгус Петрушка ленский с родом своим, который бежал с Лены в прошлых годах, а ныне паки Албазинского острогу казаки поймали ево и ясак взяли» (л. 203 об.). По документам Якутского острога удалось установить, что здесь идет речь об эвенке-манегире «Ювита да Лама, а другое ему имя Петрушка».¹⁵ Этот эвенк-манегир действительно сперва давал ясак русским на верхней Лене, затем перешел на Олекму и оттуда в верховья Зеи, где его задержали казаки Никифора Черниговского из Албазинского острога.

В интересующем нас сочинении об Амуре некоторые сомнения вызывал рассказ о «водяном бое» «на усть Шингала [Сунгари] реки» (л. 204 об.). Недавно достоверность этого рассказа была полностью подтверждена благодаря находке документа, подробно воссоздавшего историю героической гибели основной

¹³ Г. И. Спасский. Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии, стр. 37.

¹⁴ Там же, стр. 29; А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 107.

¹⁵ ЦГАДА, фонд Якутской приказной избы, оп. 3, 1644—1645 гг., док. № 106, л. 23.

части отряда Онуфрия Степанова летом 1658 г. на Амуре, вблизи устья Сунгари.¹⁶

Особое значение «Сказание» (или «Описание») имеет как географическое сочинение. Оно бесспорно является самым ранним из дошедших до нас русских описаний всей амурской водной системы. В нем немало достоверных географических подробностей, однако имеются и некоторые довольно существенные географические неточности. Дело в том, что Н. Г. Спафарий и большинство его спутников сами не бывали на Амуре. Они или записывали не всегда правильные чужие сообщения, или же пользовались ранее составленными, не совсем точными маршрутными чертежами Амура. Видимо, в их распоряжении были маршрутный чертеж Амура, сделанный в Тобольске по опросным данным к чертежу Сибири 1667 г.,¹⁷ аналогичный чертеж 1673 г.¹⁸ и какой-то чертеж с изображением «Даур» (Приамурья), составленный по памяти в 1674 г. бывшим участником похода Я. П. Хабарова — С. В. Поляковым.¹⁹ К сожалению, эти чертежи до нас не дошли. Об их содержании мы можем судить в какой-то мере по знаменитой подробной карте «Татарии» Н. К. Витсена, датированной 1687 г., но изданной лишь через три года — в 1690 г. На этой карте Амур изображен весьма подробно; очевидно, что все эти детали Н. К. Витсен мог заимствовать только из русских чертежей, в первую очередь из маршрутного чертежа Амура 1667 г. и аналогичного чертежа, составленного Н. Г. Спафарием и его спутниками. В самом деле, изображение Амура на карте Н. К. Витсена служит прекрасной иллюстрацией к тексту интересующего нас сочинения о «великой реке Амуре».

Вот несколько характерных примеров.

В верховьях Амура на карте Н. К. Витсена стоит надпись: «Otsel Poschel». Еще А. И. Андреев вслед за Л. И. Шренком отмечал: «Указанная на карте Витсена в начале р. Амура провинция со странным названием „Otsel Poschel“ — несомненно непонятое им русское название или надпись на каком-то русском

¹⁶ ЦГАДА, фонд Сибирского приказа, столбец 124, лл. 196—192.

¹⁷ О маршрутных чертежах 1667 г. см.: Б. П. Полевой. 1) Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г. Известия АН СССР, сер. геогр., 1966, № 4; 2) К трехсотлетию «Годуновского чертежа» Сибири. Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока, Иркутск, 1968, № 17.

¹⁸ О региональных маршрутных чертежах «в подсовоение ясаку» в составе чертежа Сибири 1673 г. идет речь в нашей статье «Чертеж Сибири 1673 г. в свете данных С. У. Ремезова», подготовленной к вып. 15 сборника «Страны и народы Востока».

¹⁹ См.: Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. X, вып. 1, 1882, стр. 160. Об участии С. В. Полякова в походе Я. П. Хабарова см.: Б. П. Полевой. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, стр. 36.

чертеже „отсель пошел Амур“». ²⁰ Видимо, эта надпись была призвана облегчить находку на чертеже того места, о котором в «Описании великия реки Амура» сказано: «А где сошлись Шилка и Аргуня паки, обе потеряли имена своя и именуются Амуром иноземским званием и до самого моря одно имя иматъ Амур река» (л. 203 об.).

Напротив Албазинского острога на карте Н. К. Витсена вместо реки Албазихи была ошибочно изображена река Комара, которая на самом деле впадает в Амур значительно ниже Албазина. Но это явно ложное изображение отражает одну из неточностей «Описания», в котором говорится: «А по Амуру реке вниз пловучи на правой стороне Албазинского острогу первая река Камара течет с хребта з богдойской стороны...» (л. 203 об.).

В «Описании» упоминается, что на устье Ушура (Уссури) живут «джючеры». На карте Н. К. Витсена в устье реки «Schur» также показана народность «Dtzoezera». Интересно отметить, что «джючерами» они названы были только в интересующем нас памятнике. В других русских источниках XVII в. они обычно назывались «дючерами», реже — «жучерами». Так русские в XVII в., как показали новейшие исследования, называли предков современных нанайцев — прямых потомков северных чжурчженей.

В описании «шестой реки Хамуна» (Амгуни) говорится, что от нее «вниз по Амуру реке до моря до Гилятцкия земли ходу две недели и до устья Амурского, а подле моря земля Гилятцкая» (л. 205). Именно так «Zemle Giletskaia» изображена и на карте Н. К. Витсена. Там же удачно проиллюстрирована фраза: «А против того устья Амурского на море далеко остров великой». На карте этот остров дан под названием «Амурский остров», в нем нетрудно узнать остров Сахалин. Заметим здесь, что в XVII в. русские называли Сахалин обычно просто «Гилятцким островом», название же «Амурский остров» в России не употреблялось. Очевидно, что такое название острову Н. К. Витсен дал под влиянием «Сказания о великой реке Амуре».

Все эти данные еще раз подтверждают, насколько тесно было связано «Сказание о великой реке Амуре» (или «Описание...») с ранней сибирской картографией. Теперь уже вполне очевидно, что это сочинение было по существу не чем иным, как литературно обработанной, расширенной росписью маршрутного чертежа Амура, составленного участниками посольства Н. Г. Спафария на основании старых маршрутных чертежей Амура и дополнительных сведений бывалых русских людей. Характерная вводная часть этого сочинения принадлежала самому Н. Г. Спа-

²⁰ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. М.—Л., 1960, стр. 91; Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I. СПб., 1883, стр. 97.

фарию. Она даже давалась от первого лица: «Великая и преимённая река Амур еще у древних и у нынешних земнописателей и слуху про нея нет во Описаниях. Однако же река Амур превосходит величеством не токмо всех сибирских рек, но, чаю, всех, что кои есты на свете...» (л. 202). Заметим здесь, что Н. Г. Спафарий усиленно изучал русский язык именно в Сибири и оборот «однако же» — явная дань местным речениям. В остальной же части Н. Г. Спафарию помогали специально приставленные к нему для ведения письменных дел подьячие Н. Венюков и И. Фаворов. Вот почему сам Н. Г. Спафарий отмечал, что этот труд был создан коллективно: «про Амур писали особое описание».²¹

В литературе уже неоднократно поднимался вопрос о переиздании «Сказания о великой реке Амуре». Особенно горячо за это ратовал покойный А. И. Андреев. Очевидно, что теперь это следует сделать с учетом особенностей всех существующих списков данного сочинения, в том числе и списка, который имеется в сборнике «Книга истории...» из фонда В. Н. Перетца в замечательной коллекции древнерусских рукописей, собранной В. И. Малышевым и его сподвижниками.

Еще в 1955 г. Н. И. Циммер, проведя большую работу по выявлению многочисленных списков трудов Н. Г. Спафария, справедливо заметил, что список в фонде В. Н. Перетца является одним из лучших. Возможно он менее полон, чем тот, которым в свое время пользовался Ю. В. Арсеньев. Но зато текст его является наиболее совершенным по своим литературным достоинствам. Именно по этой причине мы, когда нам потребовалось использовать известное подробное сообщение Н. Г. Спафария об острове Сахалине, сознательно остановили свой выбор на тексте, имевшемся в сборнике из фонда В. Н. Перетца.²² Этот текст привлек наше внимание не только своеобразием языка, но и тем, что в нем оказались некоторые любопытные подробности, каких не было в других источниках. Теперь, познакомившись еще более внимательно с данным списком, мы смогли убедиться в том, что ему свойственно еще одно большое достоинство: как видно из приведенных примеров, по нему легче можно уяснить истинный смысл тех фраз, которые ранее вызывали недоумение или сомнения. А следовательно, теперь появилась возможность опубликовать «Сказание о великой реке Амуре» с более подробными и достоверными комментариями, чем это было возможно во времена Г. И. Спасского или даже Ю. В. Арсеньева.

Желательно, чтобы в ближайшем будущем исследователи занялись тщательным изучением текстовых особенностей и других

²¹ Н. Милеску Спафарий. Сибирь и Китай, стр. 341.

²² Б. П. Полевой. Первооткрыватели Сахалина, стр. 35.

сочинений Н. Г. Спафария, включенных в тот же сборник из фонда В. Н. Перетца. Особого внимания заслуживает до сих пор не опубликованная так называемая «Татарская книжица».

М. И. Белов

ПИНЕЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ О РАЗВЕДОЧНОМ ПОХОДЕ ПОМОРОВ В МАНГАЗЕЮ

В рукописи, найденной в 1969 г. сотрудниками Пушкинского дома в Поморье и хранящейся ныне в его Рукописном отделе под № 440, сделана следующая запись: «Лета 7105 году Юрье Долгушин устыцyleмeц, да пан литовский полоненик, да Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали Надым реку, а на другой год Таз реку. А воевода 1 в Мунгазеи Мирон Шоховской» (полный текст летописца см. на стр. 65—91).

Это сообщение о путешествии Юрия Долгушина и его товарищей в Мангазею, основанное, по всей вероятности, на показаниях очевидцев, представляет несомненный интерес. И не только потому, что оно единственное, не повторенное ни в одной северорусской летописи или в другом каком документе, но и потому, что раздвигает рамки наших довольно туманных представлений о той исторической обстановке, которая предшествовала постройке и расцвету первого заполярного города — Мангазеи.

Мангазея как земля стала известна в конце XV в., когда безымянный новгородский книжник в сказании «О человецех незнаемых в Восточной стране» упомянул ее в связи с описанием племен, кочевавших на севере Западной Сибири. «На Восточной стране, — писал он, — за Югорскою землею, над морем живут люди самоеды, зовомые Малгонзеи».¹ Но с тех пор прошло полвека, прежде чем появились первые известия о походах в Мангазею, причем дошли они до нас в изложении иностранных путешественников, посетивших Русский Север. Сведения эти пришли от моряков и касались главным образом описания морских путей на Восток. Так, английский агент «Московской компании» Стефен Барроу, пытаясь совершить плавание из Печорского моря на Обь, летом 1556 г. повстречал у Югорского Шара целую флотилию поморских судов, намеревавшихся идти в Мангазею.² На вопросы Барроу мореходы отвечали, что они ходят на реку Обь, а сейчас вынуждены отложить свое путешествие потому, что опоздали к Мангазейскому морскому ходу. В 80-е годы агенту

¹ Древности. Труды Московского археологического общества, кн. 14, 1890, стр. 234.

² См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке, Под ред. Ю. Готье. М.—Л., 1937, стр. 107.

той же торговой компании Кристоферу Холмесу во время плавания у западного побережья Новой Земли поморы-мореходы рассказали об обычных путях прохода на реку Обь. Кроме уже хорошо известного в те годы пути через Югорский Шар в Карское море и через волоки Ямальского полуострова — реки Мутную и Зеленую, на Обь имелся еще, утверждали они, проход через Маточкин Шар.³ Имелась дорога на Обь и по сухопутью. Ссылаясь на рассказ пермяка, Р. Джонсон писал: «Из Двинской области известна дорога на Печору до Оби, если путешествовать на оленях по суше».⁴

Впервые о мангазейских походах русские источники стали сообщать только с конца XVI в., а главным образом в следующем столетии. По сохранившимся в архиве Сибирского приказа запросам 170 поморов-мангазейцев, произведенным в 1616 г. воеводой Иваном Биркиным, массовые поездки северных крестьян на реку Таз по Мангазейскому морскому ходу начались в 70—80-х годах. Поморы заявили: «ходят де они, торговые и промышленные люди, с Пинеги и с Мезени и с Двины морем, которого лета льды пропустят, в Мангазею для промыслов своих лет по двадцати и по трицати и больше на Пустоозеро и на Карскую губу, на волок...».⁵ Косвенные сведения о частых, ставших к тому времени обычными поездках в Мангазею можно почерпнуть и в царской жалованной грамоте пинежанам, датированной январем 1600 г. Грамота составлена на основании челобитной пинежан царю Борису Годунову, поданной еще в конце столетия, т. е. за год ли два до ответа на нее. В грамоте говорилось: «А про свою нужу имати им с собою по топору человеку или по два, да ножей по два или по три ножи человеку... для того что они (пинежане, — М. Б.) там (в Мангазее, — М. Б.) для своих промыслов живут года по два и по три (разрядка моя, — М. Б.). И им без того быти нельзе...».⁶ Ввиду массовости мангазейских поездок царские власти распорядились на Мезени в Окладниковой слободе установить специальную таможенную службу для сбора десятинной пошлины, отменив такой сбор в Пустоозерске.

И все же неизвестна география поморских промыслов в Мангазейской земле. Вероятнее всего, эти промыслы располагались в лесотундровых районах рек Пура и Таза, потому что именно там раньше других стала ощущаться «беспромыслица», т. е. исчезновение пушного зверя в результате хищнического истребления. Промышленники устремились дальше на восток. Еще в пре-

³ Там же, стр. 191.

⁴ См.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 127.

⁵ Русская историческая библиотека, т. II, 1875, № 254.

⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией, т. II. СПб., 1841, № 135.

дыдущем веке они проникли на реку Енисей, о чем могут свидетельствовать поступавшие в поморские таможи «енисейские соболи». В 1596 г. с таких соболей на Усть-Сысольском яме у промышленника Федора Петрова была взята десятинная пошлина.⁷ Возник вопрос о проложении близкого и дешевого пути на Енисей. Им, конечно, мог быть только морской путь. С целью его разведки при Федоре Ивановиче (1584—1598 гг.) по Оби и Обской губе совершил при поддержке тобольских воевод выдающееся плавание московский гость Лука. Его сопровождали двигавшиеся по берегу служилые люди. В дороге путешественник знакомился с особенностями плавания и изучал суровую природу края. Луке удалось пройти из Обской губы в Енисейский залив и даже побывать на реке Пясине, но на обратном пути он и его спутники погибли.⁸

Усилия торговых и промышленных людей Поморья не могли не привлечь внимания царских властей, уже к концу XVI в. рассматривавших Мангазею как богатый источник нового пополнения казны пушминой, являвшейся уже в те годы ценной валютой, столь необходимой в условиях многолетних войн и внутренних затруднений.

Освоение Сибири и ее северных областей особенно быстро стало развиваться после того, как в 1596 г. заведование всеми сибирскими делами перешло в руки боярина Бориса Федоровича Годунова, добившегося царского указа о невозвращении из Сибири на Русь крестьян, сбежавших от помещиков и бояр.⁹ В этом плане надо рассматривать и снаряженный в 1598 г. мангазейский поход дьяка Федора Дьякова. Дьякову поручалось выполнить важную задачу: следуя на судах от Тобольска по реке Оби и Обской губе, достичь нижнего течения реки Таз, осмотреть поморские промыслы, собрать с промышленников государеву десятинную пошлину (в отряде имелось два целовальника), узнать как можно обстоятельнее о кочевых племенах и, взяв с них ясак, возвратиться в Москву. Для похода в Мангазейскую землю ему передавалось четыре морских судна — коча, построенных на Верхотурском плотбище. В походе участвовали вымичи во главе с Василием Тарабукиным.¹⁰ На поход в Мангазею и обратно Дьякову потребовалось три года. В Москву он вернулся в 1600 г. И этому не приходится удивляться. Продвижение судов по реке Оби, Обской и Тазовской губам прохо-

⁷ М. И. Белов. 1) Мангазея. Л., 1969, стр. 118; 2) Раскопки «златокопашей» Мангазеи. Л., 1970.

⁸ Русская историческая библиотека, т. II, стлб. 1062; М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников..., стр. 264—268.

⁹ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1883, стр. 96—97.

¹⁰ М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956, стр. 111.

дило тогда медленно. В лучшем случае на поход из Тобольскā в Мангазею уходила целая навигация, продолжающаяся не более как два—два с половиной летних месяца. Совершить обратную поездку возможно было только на следующий год, точнее, в навигацию следующего года. Задержка в пути грозила остановкой, и тогда зимовка считалась неизбежной. Обратно в Тобольск попадали на третий, а иногда и на четвертый год.

Теперь вернемся к сообщению пинежского летописца о походе Юрия Долгушина с товарищами. Сам Юрий Долгушин являлся жителем Усть-Цильмы — поселка, расположенного при впадении реки Цильмы в Печору. Обычно усть-цилемцы не пользовались морской дорогой в Мангазею, а по речным системам — по северным притокам Печоры, главным образом рек Усы и Шугора, шли на Урал и, преодолев горные ущелья, появлялись на восточных его склонах. Отсюда рекой Северной Сосьвой, при впадении которой в реку Обь стоял уездный центр город Березов, они выходили на Обь. В Березове имелись судовые верфи-плотбища и здесь, как правило, образовывались мангазейские морские караваны, пускавшиеся в далекий и опасный путь — по Мангазейскому морю, как называли тогда Обскую и Тазовскую губы. Товарищем Долгушина оказался пинежанин Смирной; летописец счел нужным уточнить его местожительство — он был жителем лавельской деревни. Пинежане являлись опытными мореходами, они водили свои суда по Студеному морю — к Шпицбергену и на Новую Землю. Ходили они и в Мангазею. Поэтому неудивительно, что Долгушин выбрал себе в спутники опытного человека. Третий участник похода не назван по имени, но отмечено, что он литовец знатного происхождения («пан литовский»), попавший в плен к русским.

Несколько слов о датировке похода Юрия Долгушина. Летописец сообщает, что только до реки Таз Долгушин шел два года; в одну навигацию поморы не смогли пройти. И это тоже понятно. Им пришлось идти по самому трудному речному и волоковому пути, переходить Уральский хребет, а затем, достигнув Оби, строить достаточно прочное судно, пригодное для плавания по бурным волнам Мангазейского моря. По точному смыслу летописной записи, поход Юрия Долгушина начался в 7105 (1597) г., а закончился на реке Таз через год, т. е. в 7106 (1598) г. Целый год был пропущен из-за остановки на реке Надыме; летописец называет ее «мангазейской рекой», так как действительно река расположена восточнее Обской губы, в которую впадает в двухстах километрах от Обдорска (ныне Салехард); а все, что находилось восточнее Обской губы, — это уже Мангазейская земля. О Надыме в источниках есть краткие, но любопытные данные. В XVI в. там было построено какое-то поселение, очевидно находилась стоянка торговых и промысловых людей — опорный пункт для тех, кто шел на реку Пур и

Таз.¹¹ Возникло это становище раньше города Мангазеи и в какой-то степени заменяло его, являясь своего рода центром промыслового освоения Обско-Пуровского района. Перезимовав в Надыме, поморы-путешественники отправились дальше и, пройдя Обскую и Тазовскую губы, попали на другую мангазейскую реку — Таз.

Обратило на себя внимание некоторое совпадение во времени этого похода и экспедиции Федора Дьякова. Действительно, основной участок пути в Мангазею — плавание по Обской и Тазовской губам — они прошли в один и тот же 1598 год, хотя поморы вышли в дорогу на год раньше. Неясно, присоединились ли они к Дьякову или совершили поход на реку Таз самостоятельно. Вероятнее всего последнее, так как встреча могла произойти только случайно, о чем летописец ничего не говорит. В свою очередь сведения об экспедиции Дьякова крайне скудны. И поэтому о связях этих двух экспедиций можно только гадать. Одно бесспорно: поморы совершили самостоятельный поход в Мангазею, и пинежскому летописцу, очевидно не знавшему о путешествии Федора Дьякова, казалось, что они «первые проведдали» эту землю. Во всяком случае история русских географических открытий в Сибири и морских путешествий безусловно обогатилась новыми фактами — новыми сведениями о походе в Мангазею.

Вторая часть сообщения пинежского летописца, внутренне связанная с первой, касается вопроса об образовании Мангазейского воеводства. Речь в летописной записи идет об экспедиции князя Мирона Шаховского, назначенного в 1600 г. воеводой в Мангазею, точнее о том, что Шаховской был первым мангазейским воеводой. Это сообщение очень важно потому, что не сохранилось известий о конечной судьбе данной экспедиции. Известно только, что, отправившись с войсками на реку Таз из Тобольска и Березова на кочах, Шаховской и его товарищ воевода Данила Хрипунов попали в бурю и потеряли свои суда. Спешившись, они продолжали поход, но на Пуре их встретила «пуровская и енисейская самоедь». Произошло вооруженное столкновение, во время которого князь был ранен, а часть стрельцов погибла.¹² Сохранилась отписка воевод, посланная в Березов с места сражения, в которой князь просил срочной помощи. Дальнейшие сведения о Шаховском и Хрипунове отсутствуют. Поэтому в литературе было высказано несколько

¹¹ Там же, стр. 108. Ныне на реке Надыме существует поселок и вскоре начнется строительство Нового Надыма, откуда возьмет свое начало и выйдет через Урал в центр страны мощный газопровод. Во время посещения в 1969 г. Обской губы и Тазовского района мне рассказали, что местные жители видели на высоком сосновом берегу реки в обвалах торчачие из земли бревна каких-то срубов — очевидно, построек древнего Надыма.

¹² Г. Ф. Миллер. История Сибири. М., 1937, стр. 395.

предположений, одно из которых сводилось к тому, что первые мангазейские воеводы до реки Таза не дошли, а с Пура вернулись назад. Первыми мангазейскими воеводами и строителями Мангазеи стали посланные в навигацию 1601 г. из Тобольска на помощь Шаховскому с 200 стрельцами князь Василий Мосальский и Савлук Пушкин. Они якобы и построили город Мангазею. И хотя это предположение не получило поддержки исследователей, державшихся той точки зрения, что Шаховской достиг Таза и построил там укрепление в виде острога, оно все же не было до конца опровергнуто. В 1968 г. на городище Мангазеи работала историко-географическая экспедиция Арктического и антарктического института под руководством автора этих строк. В задачу ее входило, кроме прочего, изучение ранних построек города Мангазеи, центра Мангазейского уезда. В короткий полевой сезон удалось установить местонахождение (планов города не сохранилось) главных городских сооружений — обнаружить остатки первой крепости: трех из пяти башен, острожной стены из вертикально забранных столбов (острожен), стоявших на самом краю 12-метрового обрыва правого берега реки Таз. Внутри крепости найдены воеводский двор (раскопки его завершены в сезон 1970 г.), съезжая изба, соборная церковь Троицы и другие здания. На посаде обнаружен большой гостиный двор и другие торговые постройки. Для датировки древесины экспедиция остановилась на методе молодой биологической науки — дендрохронологии, позволяющей установить точное время не только роста деревьев, но и время их порубки, а следовательно, и время употребления в дело. Анализ более сотни спилов с бревен нижних венцов показал, что на городище Мангазеи самые ранние здания датируются 1601 г., причем заготовка бревен проходила на год раньше. Так, на воеводском дворе, постройка которого относится к 1601 г., положены бревна, порубленные осенью 1600 г. То же можно сказать и о срубах съезжей избы, а также о срубах торговых зданий на посаде.

Из анализа дендрохронологов можно сделать для нашей цели следующие выводы: 1) Мирон Шаховской после сражения на реке Пур продолжал поход и осенью прибыл на реку Таз, где «срубил» новый город, получивший имя Мангазея, став первым его воеводой; 2) первый острог-крепость был построен воеводами Мосальским и Пушкиным. Эти выводы вполне согласуются с данными пинежской летописи, а его автор — помор-летописец — является не только скрупулезным в отборе фактов, но и человеком, осведомленным в важнейших политических событиях того времени. Думается, вполне удалась ему и попытка поднять на уровень общерусского события местный случай похода крестьян-поморов на реку Таз. Сделал он это умело и тонко, связав поморский поход с образованием Мангазейского воеводства. Ока-

зался он прав и тогда, когда поставил свой текст о походе Долгушина между близкими по характеру событиями — «деяниями» Ермака в Сибири и рассказом о возвышении и восшествии на престол царя Бориса Годунова. И то и другое, с его точки зрения, имело прямое отношение и к его родному Поморью, и к Мангазее.

Г. Я. Сими́на

ПИСЦОВАЯ КНИГА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(о писцовой книге XVII в.,
найденной в 1963 г. на Пинеге)

В одной из экспедиций на Пинегу летом 1963 г. мне удалось в деревне Церкова Гора Пинежского района Архангельской области найти большое количество рукописных грамот и книг (всего 88 названий).¹ В числе этих находок обнаружена писцовая книга Кеврольского стана, состоящая из 8 тетрадей в четверку, всего 60 листов скорописного письма XVII в. (имеется и потетрадная нумерация). На бумаге есть водяной знак (голова скomorоха). Книга без переплета, однако тетради сшиты и крепко держатся на льняных (или конопляных) нитках.

По содержанию это перепись населения Кеврольского стана, по-видимому часть пинежской писцовой книги, охватывающей, как известно, и другие пинежские территории (волости) и территорию Мезени. Отрывок этот, вероятно, был оставлен в Кеврольской воеводской канцелярии для местных нужд и юридических справок, касающихся только кеврольских близлежащих земель.

Мною была произведена сверка этого отрывка с писцовыми книгами Пинежья, хранящимися в Москве в ЦГАДА. Оказалось, что найденный список написан тем же почерком, что и писцовая книга 1623 г. «Кевроль и Мезень. Книга писцовая писма и мѣры Осипа Прончищева да подьячих Семена Роткина и Петра Шарапова. Книга Двинского уѣзду черным волостям Кевроле и Мезени писма и мѣры Осипа Яковлевича Прончищева, лѣта 7131 (1623) г.»²

Текстовые сверки еще более убедили меня в почти полном сходстве текстов. Однако есть и расхождения.

В найденной мною книге не сохранились первые два листа, в которых были заглавие и первые записи по Кеврольскому

¹ См. описание пинежского собрания рукописей, хранящихся в кабинете русского языка Ленинградского университета, сделанное Г. Я. Симиной и Э. М. Шусторович (Вестник ЛГУ, 1966, № 20); все эти рукописи переданы мною в Отдел древних рукописей Пушкинского дома в Ленинграде.

² ЦГАДА, ф. 1209, № 185.

стану: «В Кеврольском стану деревни по рекѣ по Пукшенге: д. Молчановское, а Воробьевское тож; д. Новинка, Чивикса тож; д. Городок». Нет и двух листов в последней, 8-й тетради — первого и последнего листа, где речь идет о погостах в Кеврольском стане, а также заключительных статей оброчных угодий.

Сличение текстов нашего отрывка с писцовой книгой ЦГАДА выявило неисправность и этой основной книги: в книге, хранящейся в ЦГАДА в единственном экземпляре, тоже есть существенные пропуски. Так, в первой тетради утрачен лист 6-й, где описаны деревни Кашинская, Еремеевская, Павловская; в нашем списке статьи с описанием этих деревень представлены, и, таким образом, можно будет исправить текст, включить пропущенное в основную книгу (текст этого листа дан ниже).

В писцовой книге ЦГАДА допущено искажение текста и в пятой тетради: пропущен целый лист (8-й), где даются записи «На Киглохте» по деревням Починок Стальной, пустошь Куклинская и «На Шардоне» по дер. Сысоевской. Вследствие пропуска целого листа часть текста, относящегося к дер. Сысоевской, попала в описание дер. Трофимовское. Последнюю запись нужно читать так: «Деревня Трофимовское, Березникъ тож, а в ней крестьян: во дворе Онкудинко Осетров да дѣти ево Володка да Давыдко три чети, во дворе Куземка Семенов сын Осетров да сын ево Офонка четь с полуосминою, во дворе Онцыфорко Елкин четь. И всего пашни паханные середние земли пять четьей с полуосминою в поле, а в дву по тому ж. И з березниковскимъ полем сѣна сто копен в живущем четь и пол чети выти», т. е. здесь не должно быть записи «дв. Филка Онтонов да сын ево Офонка и во дворе Павлик Ларионов», так как это концовка записи, относящейся к дер. Сысоевской.

Отмечаются и более мелкие погрешности текста и разночтения. Сравним, например:

В книге ЦГАДА

Лукашка Микитин (л. 45).
д. Пермская (л. 46).
д. Ивашевская (л. 46 об.).
Некраско Ортемьев да сын ево
Васка (л. 48 об.).
Логинко Григорьев да сын ево
Омельяно (л. 35).
Третьячко Мосѣв да сын ево
Ротко (л. 37).
Данилко Савельев (л. 51 об.).
Онашка Овдокимов да сын ево
Фомка (л. 51 об.).
Бориско Корнильев да сын ево
Шумилко (л. 51 об.).
Васка Тимофѣев да сын ево По-
спѣлко (л. 51 об.).

В нашем списке

Лушка Микитин (л. 39).
д. Пермская (л. 40).
д. Ивановская (л. 40).
Нехорошко Ортемьев да сын ево
Васка (л. 41 об.).
Шумилко Григорьев да сын ево
Омельяно (л. 30 об.).
Третьячко Мосѣв да сын ево Ро-
дионко (л. 30).
Давыдко Савельев (л. 44 об.).
Онашка Евдокимов да сын ево
Фочка (л. 44 об.).
Бориско Корнильев да сын ево
Поспѣлко (л. 44 об.).
Тимофеев да сын ево Поспѣлко
(л. 44 об.; имени хозяина
двора не написано).

Макарко Семенов (л. 51).
 Сенка да Митка Мосфевы
 (л. 51).
 Петрушка Семенов (л. 51).
 Симонко Костентинов (л. 50).
 Биричко Павлов да сын ево Пав-
 лик (л. 50 об.).
 Половник ево Тихонко Хрипунов
 (л. 62 об.).
 Да бобыли Калинка прозвище
 Дрока Ошурков (л. 56).
 Овсейко Федоров (л. 63).
 Гришка Хрипунов (л. 20).
 Двор пуст Зотичка Голозубова
 (л. 32).
 д. Сивенгорская (л. 20 об.).

Марчко Семенов (л. 44 об.).
 Сенка да Микитка Мосфевы
 (л. 44 об.).
 Пропущено.
 Пропущено.
 Биричко Павлов (далее пропуск;
 л. 44).
 Половник ево Тихонко Харито-
 нов (л. 52 об.).
 Да бобыли Калинка прозвище
 Дрока Ушаков (л. 49).
 Оверкѣйко Федоров (л. 53).
 Гришка Грипунов (л. 17).
 Двор пуст Зотичка Голозубова
 (л. 28).
 д. Сивесгорская (л. 18).

Можно отметить и еще целый ряд других, более мелких раз-
 ночтений.

Сопоставление двух памятников дает возможность установить,
 что в нашем отрывке довольно много ошибок, описок; это сви-
 детельствует о вторичности записей, о переписывании, т. е. можно
 полагать, что нами найден не подлинник, а список — вероятно,
 с писцовой книги 1623 г. Видно это и из того, что в нем есть
 вставки пропущенных при переписи строк. Так, мелкими бук-
 вами над верхней строкой на л. 10 написано: «Потапко Кузмин
 четь без четверика. Фочка Клементьев да сын его Самойлик
 четь без четверика»; на л. 60 написано на полях и над строкой:
 «Да у них же двѣ рѣчки Шардонемы впади в рѣку в Пѣнегу,
 а рыба в них щука, окунь, харюс».

Очевидно, этот список, сделанный с писцовой книги 1623 г.,
 был оставлен в канцелярии кеврольского воеводы для местного
 пользования; все, что не относилось к Кеврольскому стану,
 в этот список не вошло за ненадобностью. Канцеляристам об-
 легчало работу с этим списком и то, что перепись каждой волости
 начинается с новой страницы, хотя бы место для этого остава-
 лось и на предшествующей странице. В писцовой книге, храня-
 щейся в ЦГАДА, такого свободного от записей места на стра-
 ницах нет, как нет и стремления записи отдельных волостей на-
 чинать с новой страницы.

Сравнение найденного нами текста с книгой ЦГАДА пока-
 зало и то, что книга ЦГАДА — это тоже список, но с экзем-
 пляра, очевидно, не вполне исправного (как уже отмечалось, есть
 пропуски листов, не замеченные переписчиком и искажившие
 текст).

Найденный нами экземпляр, таким образом, поможет восста-
 новить правильный текст записей, исправить ошибки, вкрав-
 шиеся в основной список писцовой книги 1623 г. «Кевроль и
 Мезень», хранящейся в ЦГАДА в единственном экземпляре.
 Ниже приводим текст пропущенных листов в книге ЦГАДА.

Отсутствует лист 6-й первой тетради писцовой книги Осипа Прончищева: «Деревня Кашкинская, а в ней во дворе Ивашко Максимов — три чети с осминою, во дворе Омоско Корнильевъ — чет с осминою. Да в той же деревни пашет наѣздом из деревни Майбуровские Исачко Иванов да Парфенко Ярафѣев — двѣ чети. И всего пашни паханные худые земли семь четей в поле, а в дву по тому ж. Сѣна сто шездесят копен в живущемъ пол выти без пол чети выти.

Деревня Еремѣевская, а в ней во дворе Захарко Васильевъ сын Сухарев — пашни паханные худые земли пять четей с третником в поле, а в дву по тому ж. Сѣна пятдесят копен в живущем треть выти.

Деревня Павловская, а в ней во дворе Васка Сухаревъ да сын ево Тарханко — три чети. Во дворе Томилко Исаковъ да сын ево Ивашко — две чети бес полу осмины. Во дворе Тимошка Кирилов да дѣти ево Посничко да Ивашко — двѣ чети. Во дворе Матюшка Карпов з братьею с Окулком да Некраском³ — двѣ чети. И всего пашни паханные середние земли десять четей бес полу осмины в поле, а в дву по тому ж. Сѣна сто пятдесят копенъ в живущем пол выти с полу четью выти».

Пропущен в писцовой книге, хранящейся в ЦГАДА, лист 8-й пятой тетради: «Деревня, что был починок Стальной, а в нем крестьян: во дворе Исачко Онкудинов — пашни паханные середние земли двѣ чети с третником в поле, а в дву по тому ж. Сѣна двадцать копенъ в живущем пол трети выти.

Деревня, что была пустошь Ку克林ская, а в ней во дворе Дружинка Агѣев — четь с третником; да наѣздом пашет деревни Гришинской Юшко Ларионов осмину. И всего пашни паханные середние земли четь с полутретником в поле, а в дву по тому ж. Сѣна десять копен в живущем пол пол трети выти.

У Кеврольских же крестьян у всей волости на лугахъ от пукшенского устья подлѣ Пѣнегу меж покосов пашни паханные худые земли тритцать шесть четей в поле, а в дву по тому ж в живущемъ двѣ выти с четью выти.

На Шардонеме деревня Сысоевская, да к ней же припущена в пашню другая деревня Сысоевская, а в ней крестьян во дворе Ондрюшка Онтонов да сын ево Онтонко — три чети с осминою. Во дворе Мартынка Оврамов да сын ево Баженко — четь с осминою. Во дворе Филка Онтонов да сын ево Офонка — три чети с осминою. Во дворе Павликъ Ларионов — двѣ чети. И всего пашни паханные середние земли десять четей с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сѣна сто десять копенъ в живущем выть без чети выти».

³ Слово «Некраском» было пропущено, а затем вставлено (мелким почерком) над строкой.

Как уже говорилось, текст со слов «во дворе Филка Онтонов...» до конца этой записи в экземпляре писцовой книги ЦГАДА ошибочно попал в запись, относящуюся к дер. Трофимовской.

В Писцовой книге, хранящейся в ЦГАДА, нет и следующего текста, представленного в найденной мною рукописи: «Пустое городище, что бывал Зеленой двор, а в нем двор пуст, хоромы огнили и розвалились, пашню пашут наѣздом деревни Зуевой Васка Мелентьев — пашни паханные середние, земли осмина и пол пол третника в поле, а в дву по тому ж. Сѣна пятнатцать копен в живущем пол пол пол трети выти».

Запись эта находится на листе 4 об. четвертой тетради, и этой записью заканчивается перепись черносозных деревень на Чюхченеме.

Писцовые книги содержат перепись населения определенной территории в целях обложения хозяйств налогом и положения крестьян в тягло. Поэтому в этих документах представлен перечень всех населенных пунктов данной территории и имен крестьян — хозяев двора, а также имен их детей мужского пола. Таким образом, несомненное достоинство писцовых книг состоит в том, что они дают перепись всего населения, всех «черносозных» душ, подлежащих обложению государственным налогом, перечисляют названия всех населенных пунктов в указанной местности на данный период времени.

Статьи этих записей однообразны, однотипны по содержанию. Они состоят из следующего: 1) названия деревни, 2) перечня имен хозяев двора в данной деревне, 3) сообщения о количестве пашенной земли (в четях и вытях). Заканчивается статья неизменной формулой: «Всего пашни паханные середние (или худые) земли... в поле, а в дву по тому ж. Сена... копен в живущем... четей... вытей». Эти застывшие формулы тогдашнего делового письма — обязательная принадлежность официальных документов подобного рода; живая народная речь проникает в них с трудом. В силу специфичности назначения писцовых книг и характера записей в них может показаться, что этого рода памятники мало что дают для изучения языка и истории.

Однако и эти скупые записи могут рассказать нам многое из истории народа, о быте, занятиях жителей и т. п. Топонимическая система, исчерпывающе представленная в писцовых книгах, и является важнейшим источником для установления этих показателей жизни общества того времени и той отдаленной территории. Так, на основе топонимических материалов писцовых книг можно узнать, что первыми земледельцами на Пинежье были русские люди и что это были выходцы из новгородских земель. Записи писцовых книг позволяют заключить, что именно

русские люди принесли сюда навыки хлебопашества, оседлого скотоводства, что они расчищали поля, пашни, строили поселения на удобных для этого землях-урочищах. Они же были и создателями местной топонимии.

Названия урочищ, на которых селились русские пришельцы, были во многих случаях дославянскими (например, Кеврола, Киглохта, Лохта, Шардонем и т. п.). Эти субстратные топонимы были унаследованы русскими от предшественников-кочевников и продолжали употребляться в качестве наименований микротерриторий-урочищ. Деревни же, построенные русскими насельниками на этих урочищах, получали русские наименования (обычно по именам первоначальников, расчистивших эту пашню). Выстраивались группы деревень на том или ином урочище, объединенные общим названием этого урочища. Это определило характерную особенность северных заселений и их топонимики: на удобном урочище выстраивалась группа деревень — «околов», связанных общностью замкнутой микротерритории и названием ее. Например: «На Шасто Горѣ деревня Микитинская, д. Ортемовская, д. Сидоровская, Борисовская тож, д. Фоминская» (из писцовой книги 1623 г.). Это именно «пучок» деревень, объединенных территориально (все они расположены на Шастогоре); объединены они и по названию, так как все носят обобщенное название Шастогора; современное название этой местности и деревни — Шаста.

По свидетельству писцовой книги 1623 г., вся территория Пинежья была заселена оседлым русским населением почти в современных границах: по всему бассейну реки Пинеги были раскиданы подобные пучки деревень, разделенные обширными и иногда непроходимыми лесами и болотами, куда не всегда могли проникнуть даже сами составители писцовых книг и полностью описать «государевы земли». Вот какая запись сделана в писцовой книге 1686 г.: «А лѣса в Кеврольском стану и на Марине Горѣ и в Чаколе большие черные по болотом и боры по рекѣ Пънеги и по сторонным рѣкам немѣрены, потому что в тѣх лѣсах прилегли болота великие и топкие, и затѣм мѣрить их невозможно» (л. 327 об.).

При анализе пинежского топонимического материала XVII в. обнаруживается, что дославянский слой топонимики Пинежья не столь многочислен. Такие словосочетания, как «В Шардонеме», «В Лавеле», «В Кушкопале» и т. п., иноязычными являются только по своей основе; к XVII в. они полностью включились в русскую грамматическую систему, обросли русскими аффиксами, так что нерусскими эти топонимы можно назвать только чисто условно: эти субстратные по происхождению топонимы образованы уже русскими людьми, бытуют в русской среде, выполняют ту же назывную функцию, что и другие собственные имена. Можно смело утверждать, что дославянский слой пинеж-

ской топонимии — это русские образования и едва ли они древнее остальной топонимии Пинежья; возникали они одновременно, наряду с топонимами русскими — названиями собственно деревень. Например: «На Касконеме деревня Игнашевская Микулинская да Оксовская тож» (книга 1678 г.). Как кажется, именно тогда и сложился топоним «На Касконеме», когда понадобилось назвать деревню, расчищенную неким Игнашем, определить ее местоположение, дать ей пространственную характеристику. При этом было не существенно, русское по основе название данного урочища или нерусское, так как по этой же модели возникали и чисто русские названия, например: «На Карпове горе деревня Гришинская». Функционируют топонимы «На Касконеме» и «На Карпове горе» совершенно одинаково, это названия местностей (бывших урочищ), на которых русские поселенцы построили свои деревни, расчистили поля и пашни.

Само слово «деревня» — творение народа-земледельца. Этим термином обозначается в писцовых книгах и сам населенный пункт, и пашня, т. е. расчищенное («разодранное») место. Деревня была и своеобразной единицей измерения пашни (деревня, полдеревни, треть деревни и т. п.). Например: «На Карпове горе деревня без полтрети и без пол пол пол трети Тупиковские... а полтрети тое деревни за московским веденцом за Богданом Семеновым сыном Щепоткиным» (из книги 1686 г.); «Всего в Чакольской волости семдесят шесть черных деревень без полудеревни». Деревня могла быть и без построек, только пашня: «Деревня Чюовская, дворов на ней нет, пашут наездом...»; «Деревня Ивановская, Слудка тож, дворов на ней нет», и т. п.

Названия населенных пунктов, собственно деревень, даны в писцовых книгах обычно в форме прилагательного, образованного от личного имени первоначальника: Трофимовская, Гришинская, Ивашковская и т. п.

История гласит, что насельниками Заволочья (в том числе и Пинежья) были новгородцы. Это подтверждается и материалами пинежской топонимики, представленной писцовыми книгами.

В качестве производящей основы названий деревень использовались бытовые варианты личных имен с характерными суффиксами: -хно, -дя, -ша, -юта и т. п. Например: Ивахно, Грихно, Гридя, Павша, Прокша, Оксюта, Олька. Как известно, подобные образования личных имен свойственны древненовгородскому диалекту. В пинежских писцовых книгах XVII в. имеются названия деревень: Михновская (от Михно — Михаил), Рохновская (от Рохно — Родион), Яхновская (от Яхно — Яков), Остасно (от Остасно — Евстафий), Гридинская, Гриневская, Гришинская (от разных бытовых вариантов имени Григорий), Павшинская (от Павша — Павел), Прокшинская (от Прокша — Прокофий), Даншино печище (от Данша — Даниил), Першинская,

Першково (от Перша — Порфирий), Якшинская (от Якша — Яков), Ярушевская, Ярышевская (от Яруш, Ярыш — Ерофей), Осташевская (от Осташ — Евстафий), Ивашевская, Ивашковская (от Иваш, Ивашко — Иван), Олюшевская, Олькинская (от Оля, Олюш, Олька — Александр), Оксютовская (от Оксюта — Авксентий), Офутовская (от Офута — Афанасий), Семушинская (от Семуша — Семен) и др.

Отмечено в древней пинежской топонимии и специфически новгородское произношение полных христианских имен. Например: «деревня Леонтьевская на Труфанове горе». Основой для образования топонима Труфанова гора служит бытовой вариант христианского имени Труфан вместо канонического Трифон. Многие древненовгородские памятники фиксируют это имя только в варианте Труфан (новгородские грамоты, кабальные книги, Новгородская летопись и т. п.). Замена звука «и» через «у» в христианских (греческих по происхождению) именах — явление обычное, широко отраженное в древних рукописях Новгорода. Так, например, в Синодике XIV в. представлены имена: Пумена, Курила, Анусьи, Перфурья, Труфана и др.;⁴ в двинской грамоте № 114 (по изданию А. А. Шахматова): «с Кюриловыми детьми». Древненовгородский диалект был окающим; в полном соответствии с его нормами образованы названия пинежских деревень с начальными «о» вместо канонического «а»: Офремовская, Ортемовское печище, Остафьев холм и т. п. Имеет место и специфическая замена начального «н» на «м»: Микитинская, Микулинская (от Микула — Николай) и т. п.

Все это дает основания полагать, что диалектной основой древней пинежской топонимии был древненовгородский говор, а это в свою очередь позволяет заключить, что первыми оседлыми насельниками — земледельцами Пинежья и творцами его топонимики были выходцы из новгородских пределов. Только с приходом русских людей появляются на Пинежье деревни, пашенные земли; дославянская же топонимия отражает лишь названия местностей-урочищ, охотничьих, лесных угодий.

Писцовые книги могут рассказать и о том, как назывались предки современных жителей Пинежья, познакомить с их личными именами. В пинежских переписях представлен огромный и, что очень важно, исчерпывающий антропонимический материал, позволяющий сделать некоторые наблюдения над сложением антропонимических формул, над процессами русификации личных иноязычных имен и т. п.

Как известно, у русских людей в далеком прошлом было два личных имени: наряду с календарным, полученным при крещении, человеку давалось родителями или обществом мирское, некалендарное имя (русское по своей основе). В домашнем обиходе

⁴ ЦГАДА, ф. 141, лл. 29, 38, 42, 11 об. и др.

употреблялось некалендарное имя, оно было проще, понятнее, с отчетливо осознаваемой внутренней формой. Это некрещеное русское имя играло в быту главную роль, служило основным средством номинации, так как выражало качественную характеристику лица (прозвище). Мирские собственные имена прекрасно выполняли свою основную функцию — называть человека, обозначая при этом его реальные, характерные признаки. Так, в писцовых книгах отмечено много некалендарных имен, связанных с характеристикой цвета волос, с оценкой внешности человека: Беляйко, Брованко, Лобанко, Русанко, Сивко, Пологлазко, Некраско, Нехорошко, Невзорко, Коротайко, Рудачко, Ушачко и т. п. Давались имена, образованные от порядковых числительных, по порядку появления детей в семье: Первушка, Вторко, Третьячко, Пятунка, Шестачко, Девятко и т. п. Есть имена, присвоенные человеку по дню недели, в которой он родился, по времени рождения: Суботка, Поздейко, Задянко, Истомка, Томила и т. п. Есть в писцовых книгах Пинежья ряд имен, отражающих отношение родителей к рождению ребенка, показывающих, желанным или нежеланным было его появление в семье: Жданко, Любимко, Хотейко, Миляйко, Новейко, Нежданко, Нечайко и т. п. Многочисленны имена, данные ребенку по его поведению, характеру: Беспутко, Бессонко, Верещажа, Бука, Жадной, Пинайко, Несмеяно, Рюма, Ратейко, Добрушка, Дружинка и т. п. Как видим, имя человека включает прямую или переносную качественную характеристику его. Христианское имя не могло выполнять этой функции — оно было иноязычным, т. е. лишенным значения, и не содержало достаточной информации о реальных свойствах лица. Эту информацию и обеспечивает второе, некалендарное, русское имя человека.

Представляет интерес для исследователя и форма личных имен, отмеченная в писцовых книгах XVII в. Все христианские (и некалендарные) имена даются в форме «полуимени», т. е. не в их канонически правильном виде. И это неслучайно. Длительная история сложения бытовых вариантов личных имен (христианских типа Ивашко, Сенка) есть не что иное, как проявление процессов русификации иноязычных по своей природе имен. На протяжении многих веков происходила адаптация чуждых русскому языку греческих имен, вырабатывались способы включения их в русскую словообразовательную систему. Процесс адаптации христианских имен начался с принятием христианства, с наречения русских людей церковными именами, и продолжается по настоящее время. Личное греческое имя обрастает славянскими суффиксами, тем самым постепенно укладывается в антропонимическую систему, сложившуюся в живой народной речи, русифицируется.

Словообразовательной базой для русификации христианских имен послужили те же суффиксы, которые представлены и

в русских некалендарных именах: -к(о), -шк(а), -ушк(а), -ик, -иц(а) и т. п. Эти суффиксы и явились тем дифференциальным признаком, который отличал собственное личное имя от других языковых образований; круг этих антропонимических формантов ограничен. Поэтому по образу и подобию мирских имен типа Нежданко, Поздейко, Первушка и т. п. преобразовывалось и крещеное, непонятое имя; оно приобретало реальные черты, свойственные исконно русской системе личных имен. По этим исконно русским эталонам оформлялись и христианские, иноязычные имена, складывались их бытовые варианты: Поздей — Поздейко, а значит и Дорофей — Дорофейко; Первушка, а значит и Петрушка, Лаврушка, Павлушка; Пятунка, а значит и Якунка; Вторко, а значит и Флорко, Никонко.

Таким образом, экспрессивные суффиксы (-к(а), -ушк(о) и др.), которые мы называем уменьшительно-ласкательными или уменьшительно-уничижительными, в свое время в говоре были нейтральными, служили лишь словообразовательным средством русификации иноязычных личных имен; отрицательного, уничижительного смысла они не выражали. Читаем, например: «Ивашко Семенов». Ивашко — это его бытовое и официальное имя, под этим именем он записан в писцовых книгах — документах, несомненно, большой государственной важности. В пинежских писцовых книгах XVII в. почти нет христианских имен без этих антропонимических суффиксов: нет имен Иван, Дорофей, Никифор, а только Ивашко, Дорофейко, Микифорко и т. п. И думается, это вовсе не потому, что в писцовых книгах дается перечень черносошных крестьян и этим выражается якобы пренебрежительное отношение к ним; в подобных же бытовых вариантах даны там и имена служителей церкви: дьячок Ондрюшка Иванов, пономарь Гурейко Макаров, поп Самойло Федоров (а не Самуил), Воскресенский поп Софроней Марков (а не каноническое — Софоний) и т. п.

Следовательно, христианские имена первоначально употреблялись только в сочетании с русскими антропонимическими суффиксами, т. е. уже ставшими в какой-то степени русифицированными, более или менее удобопроизносимыми. Древние суффиксы, оформлявшие ранее некалендарные, русские имена (Жданко, Русанко, Немирко, Первушка и т. п.), и явились той словообразовательной возможностью, которая позволила приспособить иноязычные, церковные имена к своим, согласовать несвойственные русскому языку (по форме и по фонетическому звучанию) пришлые христианские имена греческого происхождения с русским фонетическим строем речи и с русской словообразовательной системой.

В писцовых книгах прослеживаются, наряду со словообразовательными процессами, и явления фонетической русификации христианских имен, адаптации их в духе фонетических законов диа-

лекта. Очевидно, в пинежских говорах еще действовали слоговые законы (открытого слога и сингармонизма), так как именно в этом направлении происходило «исправление» чуждых христианских имен. Отмечены разнообразные приемы фонетической обработки их: 1) происходило устранение зияния, стяжение гласных звуков: греческое Иоанн превращалась в русское Иванко, Ивашко; Даниил — в Данилку; таковы же Гаврилко вместо канонического Гавриил, Мосейко вместо Моисей, Фофанко вместо Феофан, и т. п.; 2) отмечены процессы упрощения групп согласных, например: Стахейко вместо полного имени Евстафий, Харламко вместо Харлампий, Офимко вместо Евфимий, Остратко вместо Евстратий, Митрейко вместо Дмитрий, и т. п.; 3) имела место и вставка интервокального согласного, например: Родивонко вместо канонического Родион, Левонтейко вместо Леонтий, Семивон вместо Семеон, Ларивонко на месте Иллариона; 4) прослеживается утрата начальных безударных гласных, например: Катеринка, Катериница вместо Екатерина; Политко вместо Ипполит; Осипко, Оска вместо Иосиф; Юдка вместо Иуда, и т. п.

В ходе исторического развития русской антропонимической системы активно протекали процессы фонетической адаптации, и это вместе со словообразовательными тенденциями все более изменяло чужеземную, непонятную природу христианского имени, делая личное крещеное имя пригодным для живого обращения между людьми; письменные памятники помогают восстановить и датировать эти явления.

Писцовые книги, таким образом, могут рассказать о многом, безвозвратно ушедшем, поэтому находка еще одного списка пинежской писцовой книги и включение ее в научный обиход представляются ценным достижением.

М. В. Рождественская

АВТОГРАФЫ ВЫГОВСКОГО ПИСАТЕЛЯ МАНУИЛА ПЕТРОВА

В 1956 г. из археографической экспедиции ИРЛИ АН СССР на Печору В. И. Малышевым и А. М. Панченко был привезен в Пушкинский дом Торжественник XVIII в.¹ В Усть-Цилемском собрании он числится под № 151.

В кратком описании рукописей, найденных на Печоре, В. И. Малышев отмечает, что Усть-Цилемский Торжественник — «один из старых, если не самый древний список поморского Торжественника».² Ценность его представляет и то, что, как пола-

¹ См.: В. И. Малышев. Отчет о командировке на Печору в 1956 г. ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 398—408.

² Там же, стр. 399.

гают В. И. Малышев и А. М. Панченко, большая часть сборника написана почерками двух выговских писателей — Мануила Петрова и Алексея Иродинона. В собраниях Библиотеки Академии наук и Пушкинского дома хранятся рукописи, написанные выговцами. Но автографов Мануила Петрова нам известно не так уж много. По свидетельству Дружинина,³ в деле архива Синода находится протокол спора иеромонаха Неофита с Мануилом Петровым, содержащий подпись последнего. Кроме того, подпись М. Петрова, как указывает в издании автографов поморских авторов В. Г. Дружинин, имеется в деле И. Круглого на допросных речах 1739 г.⁴ Основываясь на этом, В. Г. Дружинин устанавливает принадлежность М. Петрову двух сочинений в сборнике старообрядческих поучений № 145 своего собрания⁵ — «Слова приветственного Семену Дионисиевичу по случаю его возвращения» и «Слова надгробного бывшему выгопустынному общежительству смиренному настоятелю Иоанну Филипповичу». В 1915 г., издавая копии с почерков писателей-выговцев, В. Г. Дружинин в том же сборнике из своего собрания указывает еще несколько сочинений, принадлежащих М. Петрову: ⁶ рассуждение о святом писании и святоотеческих книгах (лл. 25—31), без названия; «реестр новшеств великороссийской церкви» (л. 32); «Окончение» непереписанного сочинения о страданиях старообрядцев (л. 47—47 об.); молитва (л. 48); вирши в день тезоименитства Семена Денисова (лл. 50—51 об.); приветствие Семену Денисову (л. 52); слово надгробное Семену Денисову (лл. 54—59).

Приобретенный в 1969 г. археографической экспедицией Библиотеки Академии наук на р. Вятке старообрядческий Цветник XVIII в. содержит несколько поучительных слов, написанных рукой Мануила Петрова и, очевидно, им сочиненных. В сборнике Усть-Цилемского собрания Пушкинского дома № 170 — конволюте, составленном известным переписчиком Мяндиным, — также находим листы с текстом, написанным почерком Мануила Петрова. Помимо этого, в Пинежском собрании Пушкинского дома находится «Виноград Российский» С. Денисова (№ 130); это сборник в 8-ку, на 405 лл., написанный скорописью и поморским уставом разных почерков. На многих листах основной части рукописи (лл. 1—97 об., 352 об.—357 об., 358 об.—374 об.) можно узнать почерк Мануила Петрова. Некоторые

³ В. Г. Дружинин. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915, стр. 12.

⁴ Государственный архив, вып. VII, 1738, № 591, допросные речи от 7 апреля 1739 г. (лл. 324—326).

⁵ БАН, собр. Дружинина, № 145, лл. 54—59 и 65—69 об. О принадлежности этих произведений Мануилу Петрову см. в кн.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 226—227.

⁶ В. Г. Дружинин. Несколько автографов..., стр. 12.

листы, однако, написаны очень размашисто, небрежно, и сказать определенно, что это почерк М. Петрова, нельзя. По-видимому, его почерком написано несколько стихотворных сочинений (лл. 301, 118 об., 356 об.); эти тексты были недавно изданы.⁷ Принадлежность большей части поморского Усть-Цилемского Торжественника руке Мануила Петрова устанавливается путем сличения его почерка с таблицами, изданными в 1915 г. В. Г. Дружининым, воспроизводящими почерки Семена Денисова, Алексея Иродионова, Трифона Петрова, Мануила Петрова и других поморских книжников, а также с теми рукописями Библиотеки Академии наук (из собрания В. Г. Дружинина) и новыми поступлениями, где автографы М. Петрова уже установлены.

Почерком М. Петрова написаны, как определил В. И. Малышев и что подтвердилось уже известными автографами Петрова, лл. 4—18 об., 27—42, 43—80, 81—89, 90—113, 115—128 об., 131—196, 203—218, 219—234 об., 236—258, 259—282 об. поморского Усть-Цилемского Торжественника.

Что же представляет собой эта рукопись? О составе поморского Торжественника писал в свое время В. Г. Дружинин.⁸ Приводя полностью сделанное А. Н. Поповым⁹ описание Торжественника из собрания А. И. Хлудова, как наиболее полного по количеству праздничных «слов», В. Г. Дружинин, однако, тут же замечает, что по составу поморские торжественники неоднородны и что даже самый полный из них «не вмещает в себе всех Поморских слов на праздники». Кроме Торжественника из собрания А. И. Хлудова, в распоряжении В. Г. Дружинина имелись торжественники собственного собрания, Библиотеки Академии наук, библиотеки В. И. Вахромеева, две выписки из оглавлений торжественников, находящихся у частных лиц на Двине и в Ярославле.¹⁰ «Слова» на праздники в этих торжественниках, как отмечает В. Г. Дружинин в кратком описании, расположены в минейном или триодном порядке, но некоторые сборники этот порядок нарушают, соединяя и то и другое. В. Г. Дружинин утверждает, что с течением времени в Торжественник, состав которого установился в XV в., проникают «слова» поморских отцов; последние переписываются наряду с произведениями отцов церкви, и постепенно создается новый тип Торжественника—поморский, целиком состоящий из сочинений поморских писателей. Торжественник из собрания А. И. Хлудова представ-

⁷ Poems in an Unpublished Manuscript of the Vinograd rossiiskii. By J. Sulian and C. L. Drage. Oxford Slavonic Papers, new series, vol. I, 1968, pp. 27—48.

⁸ В. Г. Дружинин. Поморский Торжественник. В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 34—35.

⁹ Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. Составил А. Н. Попов. М., 1872, стр. 540.

¹⁰ См.: В. Г. Дружинин. Поморский Торжественник, стр. 45.

ляет собой именно такой сборник. При сопоставлении состава Усть-Цилемского Торжественника с Хлудовским можно заметить, что содержание обоих торжественников почти полностью совпадает, если не считать нарушения порядка расположения праздничных «слов» в нескольких местах и отсутствия некоторых «слов» в Усть-Цилемском сборнике. Так, например, в Усть-Цилемском Торжественнике нет одного «Слова на рождество богородицы» (нач.: «Небо небес радуется днесь, слышателие благочестивии»), «Слова на воздвижение честного креста» (нач.: «Преславно во истинну и зело преславно нам днесь светоносие возсиявает»). В. Г. Дружинин указывает, что в Хлудовском Торжественнике сохранился единственный список последнего «слова». Не находим в Усть-Цилемском Торжественнике еще нескольких «слов» — «на введение богородицы во храм», «на рождество Христово», «на богоявление господне»; «на воскресение Христа» и др.

Но в то же время в Усть-Цилемском Торжественнике нет ни одного сочинения, которого бы мы не нашли в Хлудовском сборнике.

Описание Усть-Цилемского Торжественника приведу полностью:

Торжественник, в 4-ку, середины XVIII в., на 334 лл. Переплет: доски, обтянутые кожей. На переплете сверху вытиснено украшение в виде двойной рамки. Водяные знаки: Pro Patria, герб города Амстердама и др. Поморский полуустав и скоропись разных почерков.

Записи карандашом:¹¹

Л. 1. «Случилось почита сию божест. книгу торжественник человеку невеликому Артемью Н. Тиронову».

Л. 3 об. «Сия книга в чтении оказ^{нрзб.} очень полезна».

Л. 80 об. «Случилось почитать сию божественную книгу к. с. Устьцилемска Артемию Никитичу Тиронову. В 181 году, месяца декабря 6-го дня».

Л. 114. «Сия книгу читавал Артемию Никитиць господин Тионов 1875 года 21 декабря, Архадольскою губернии, Мезенского уезда, устелемского волосного прос ^{нрзб.} сия книга покаже...».

Л. 218 об. «Сию книгу читывал крестьянин Архангельской губернии Мезенского...».

Лл. 2—3. «Оглавление книги сей, колико имеет слов».

Лл. 4—18 об. «Слово на рождество пресвятыя богородицы. Гряди от Ливана, невесто, гряди от Ливана. Песни Песней, глава 4».

Нач.: «Рождество владычицы нашея...» (Дружинин, стр. 418, № 640).¹²

Лл. 19—26 об. «Слово на рождество пресвятыя богородицы. Благословена ты в женах и благословен плод чрева твоего. Лука, глава I, зачало 4».

Нач.: «О новых и преславных вещей...» (Дружинин, стр. 418, № 641).

Лл. 27—42. «Слово на воздвижение честнаго и животворящаго креста господня. Аще аз вознесен буду от земли, вся привлеку к себе. Словеса

¹¹ Почерк всех карандашных записей одинаков.

¹² В скобках даются страница и порядковый номер, под которым указывается данное сочинение в книге В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев».

самого владыки нашего Христа Иисуса, во евангелии Иоанновом, во главе 12, стих 32».

Нач.: «Любовь божия к человеческому естеству толико веля и премного есть...» (Дружинин, стр. 418, № 642).

Л. 42 об. — чистый.

Лл. 43—58 об. «О введении в церковь. Приведутся царю девы вслед ея, и искренния ея приведутся тебе. Словеса сия суть священного песнопевца Давида, по псалме 44».

Нач.: «Превысокое и пребожественное настоящего дне таинство...» (Дружинин, стр. 420, № 650).

Лл. 59—66 об. «Откуда мне се, да прииде мати господа моего ко мне. Лука, глава I, стих 43».

Нач.: «Что сия всесладчайшая радость...» (Дружинин, стр. 420, № 651).

Лл. 67—80. «Слово на память святого Николы».

Нач.: «Се возлюблении приспе всечестное торжество...» (Дружинин, стр. 420, № 653).

Лл. 81—89. «Рождество твое Христе боже наш, восия миру свет разумный. Словеса сия суть всекраснаго церковнаго песнопения, яже в тропаре настоящего всерадостнаго праздника всерадостно воспеваются».

Нач.: «Нынешняго всепресветлаго торжества всепречюдная вина...» (Дружинин, стр. 420, № 654).

Лл. 90—101 об. «В нем бо звездам служащим, звездою поучахуся, тебе кланяться солнцу праведному. Тропарь рождеству Христову».

Нач.: «Вчерашнии многоценныя трапезы пресладкия останки...» (Дружинин, стр. 421, № 655).

Лл. 102—113. «Христос рождается, славите. Григорий Богослов на рождество Христово».

Нач.: «Вифлеем град Давидов...» (Дружинин, стр. 421, № 656).

Л. 113 об. — чистый.

Л. 114 — карандашная запись о чтении рукописи.

Л. 114 об. — чистый.

Лл. 115—128 об. «Слово на крещение господне. Во Иордане крещающуся господи отческо явися поклонание. Словеса сия суть церковнаго песнопения, яже в настоящий пресветлый праздник всерадостно воспеваются».

Нач.: «Пречюдная настоящего всекраснаго торжества...» (Дружинин, стр. 422, № 661).

Лл. 129—130 об. — чистые.

Лл. 131—139 об. «Слово на сретение господа нашего Иисуса Христа. Введоста родителя отроча Иисуса в церковь сотворити има по обычаю законному о нем. Лука, глава 2, зачин 8».

Нач.: «Царское всерадостное торжество днес торжествуем...» (Дружинин, стр. 422, № 662).

Лл. 140—148 об. «Днесь спасению нашему начаток и вечней тайне явление, сын божий, сын девичь бывает, и Гавриил радость благовествует. Словеса святых церкви, в настоящий всечестный праздник в тропаре глаголемая».

Нач.: «Аще кая всесладчайшая радость проуготована бяше человеком...» (Дружинин, стр. 423, № 665).

Лл. 149—159 об. «Слово в неделю цветную. Рцыте, дщери Сионове: се царь твой грядет тебе кроток, вслед на осла и жеребя сына яремника. Ев. Матфея, глава 21».

Нач.: «Вскрасное настоящее торжество есть всего мира сладкая радость...» (Дружинин, стр. 423, № 666).

Лл. 160—173. «Слово на воскресение господне. Видехом славу его, славу яко единароднаго от отца. Словеса сия суть святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в первой евангелия его главе, стих 14».

- Нач.: «Христос воскрес, радуйтесь людие...» (Дружинин, стр. 423, № 667).
- Л. 173 об. — чистый.
- Лл. 174—196. «Слово в новую неделю. Тем же аще кая о Христе нова тварь. Древняя мимо идоша, се быша вся нова. Посл. к коринф., глава 5».
- Нач.: «Новая неделя нарицается настоящий день...» (Дружинин, стр. 425, № 673).
- Л. 196 об. — чистый.
- Лл. 197—202. «Апреля 16. Уведите, яко удиви господь преподобнаго своего. Псалом 6, стих 5. Светоносная память настоят днесь, Зосимы, преблаженного отца нашего».
- Нач.: «Слышателие пречестнии, Зосимы друга божия...» (Дружинин, стр. 426, № 675).
- Л. 202 об. — чистый.
- Лл. 203—210 об. «Слово на вознесение господне. Господь же убо по глаголанию его к ним, вознесся на небо и седе одесную бога. Евангелие Марка, глава 16, стих 19».
- Нач.: «Радуйтесь, людие, радостию сугубою...» (Дружинин, стр. 426, № 677).
- Лл. 211—218. «Слово на память святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова».
- Нач.: «Красный и всечестный восия нам праздник днесь...» (Дружинин, стр. 419, № 645).
- Л. 218 об. — запись о чтении книги.
- Лл. 219—230. «Слово на сошествие святого духа. И будет по сем, излию от духа моего на всяку плоть. Иоиль, 3».
- Нач.: «Да возвеселятся небеса и радуется земля, яко помилова бог люди своя...» (Дружинин, стр. 426, № 678).
- Лл. 230—234 об. «Дух свой благий наставит мя на землю праву. Псалом 142».
- Нач.: «Ныне вся тварь светло радуется...» (Дружинин, стр. 427, № 679).
- Л. 235 — запись о чтении рукописи.
- Л. 235 об. Текст молитвы «От канона всем святым, песни первыя, стих первый».
- Лл. 236—244 об. «Слово в неделю всех святых. Дивен бог во святых своих, бог Израилев. Псалом 76».
- Нач.: «В настоящий святой и прекрасный день празднует церковь Христа всечестный праздник всех святых...» (Дружинин, стр. 427, № 680).
- Лл. 245—258. «Слово на рождество святого Иоанна Предотечи. Елисавети же исполнися время родити ей, и роди сына. Евангелие Луки, глава 1».
- Нач.: «Иоанн днесь раждается, и кто не возрадуется...» (Дружинин, стр. 427, № 681).
- Л. 258 об. — чистый.
- Лл. 259—264 об. «Слово на память святых верховных апостол Петра и Павла. Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их. Псалом 18».
- Нач.: «Восия нам прекрасное светозарное торжество божественных апостол велегласных слова...» (Дружинин, стр. 427, № 683).
- Лл. 265—274 об. «Слово на память преподобных отец Зосимы и Саватия соловецких чудотворцев. Праведницы во веки живут».
- Нач.: «Яко же на тверди небесней два светила великая...» (Дружинин, стр. 122, № 139 — сочинение А. Денисова).
- Лл. 275—282 об. «Слово на преображение господа нашего Исуса Христа».
- Нач.: «Преображения всекрасное торжество настоят днесь возлюбленнии, и вся тварь светло радуется...» (Дружинин, стр. 428, № 686).

Лл. 283—297 об. «Слово на усение богоматери. В рождестве девство сохранила еси и во успении мира не оставила еси, богородице. Тропарь, глас 1».

Нач.: «Праздник светлый и всерадостный восия нам днесь, слышателие, христоролюбивии...» (Дружинин, стр. 428, № 687).

Лл. 298—312 об. (лл. 304 об.—305 чистые). «Уподобися царство небесное человеку царю. Иже восхоте страдати ся словеси с работы своими. Евангелие Матфея, глава 18».

Нач.: «Преблагий и человеколюбивый бог наш, иже неизреченный ради благодсти...» (Дружинин, стр. 123, № 143 — сочинение А. Денисова).

Лл. 313—324. «Сребру покаряются всяческая. Еклесиаст, глава 10».

Нач.: «Премудрый царь Соломон...» (Дружинин, стр. 119, № 128 — сочинение А. Денисова).

Как говорилось выше, почерком Мануила Петрова в Усть-Цилемском Торжественнике написано много «слов» на различные праздники. Это «Слово на рождество пресвятыя богородицы» (лл. 4—18 об.), «Слово на воздвижение честнаго и животворящаго креста» (лл. 27—42), два «Слова о введении в церковь» и «Слово на память св. Николы» (лл. 43—80), три «Слова на рождество Христово» (лл. 81—113), «Слово на крещение господне» (лл. 115—128 об.) и многие другие.

О Мануиле Петрове известно немного. Знаем, что он «был росту небольшого, собой худощав, лицом продолговат и смугл, браду имел долгую и узкую». Так описывает выговского писателя П. Любопытный. От него же мы узнаем, что Мануил Петров — «муж благочестивый и строгой жизни, редких талантов, знатный писатель нравственности и торжественных слов на двенадцатые праздники, сказанные из уст».¹³

В 1911 г. В. Г. Дружинин, приводя сведения о М. Петрове, которые он нашел у П. Любопытного, ничего не сообщает о том, что же представляли собой эти торжественные «слова».¹⁴ Там же В. Г. Дружинин упоминает, что в «Риторике» из его собрания под № 153¹⁵ имеются выписки из сочинений Андрея Денисова и его учеников, в том числе и Мануила Петрова.¹⁶ Действительно, в этом сборнике при приведении примеров риторических фигур и тропов против каждого примера на полях стоят инициалы его автора. Много инициалов С. Денисова, А. Денисова, Д. Викулина. Инициалы М. Петрова тоже встречаются против многих текстов, но, видимо, кто-то намеренно соскабливал и стирал их, часто до дыр, и поэтому буквы «М. П.» не всегда хорошо читаются.¹⁷

¹³ Сборник для истории старообрядчества, изд. Н. Поповым, т. II. С приложением беспоповщинского словаря и каталога. М., 1866, стр. 138—139.

¹⁴ В. Г. Дружинин. Словесные науки в Выговской поморской пустыне. СПб., 1911, стр. 12.

¹⁵ БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 122 (риторика Софрония Лихуды и переработки).

¹⁶ В. Г. Дружинин. Словесные науки..., стр. 12—13.

¹⁷ См.: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 122, лл. 494, 497, 501, 504 об., 508 об., 513 об., 516 об., 521 об., 532 об., 552, 558 об., 560 об., 561 об., 562 об., 563 об., 565, 568 и сл.

В 1912 г. в «Писаниях русских старообрядцев» Дружинин называет уже два произведения, признавая за ними авторство М. Петрова.

В 1915 г., как уже упоминалось, при издании автографов писателей-выговцев В. Г. Дружинин к двум «словам» присоединяет еще несколько сочинений Мануила Петрова из того же сборника. Можно ли считать Мануила Петрова автором переписанных им торжественных «слов» в Усть-Цилемском сборнике?

Мы знаем, что поморский Торжественник составлялся целиком из сочинений поморских писателей, и к середине XVIII в., времени написания Усть-Цилемского Торжественника, состав и авторство сборника, по всей вероятности, уже установились. Поэтому логично предположить, что переписанные Мануилом Петровым сочинения принадлежат ему самому.

Наиболее полно в Усть-Цилемском Торжественнике представлены «слова» на рождество Христово. Их три, и они помещены в рукописи одно за другим. В. Г. Дружинину были известны эти сочинения,¹⁸ но он не связывал их с именем Мануила Петрова. Все эти три «слова» распадаются на отдельные, логически завершенные рассуждения о смысле торжества, о «чудесной» сущности Христа, об убогости и смиренности человека, о целомудрии. Композиционно каждое из «слов» строится по-разному. Одно из них (лл. 81—89) начинается с ответа на вопрос: «Что есть торжество нынешнее?». Другое (лл. 90—101 об.) вспоминает о «звездах небесных» — Василии Великом, Иоанне Златоусте, апостоле Павле, воспевших святой праздник. Третье «слово» дает праздничное описание Вифлеема. Язык этих «слов» и некоторых других, написанных также рукой Мануила Петрова, например «Слова на рождество богородицы», необыкновенно метафоричен («играет земля, чюдится море, реки плещут руками, горы и холмы сладость источают, и вся тварь светло радуется...» — л. 82), торжественно приподнят («О таинства великаго и страшнаго! О чюдесе преславнаго и неизглаголаннаго! О радости прекрасныя! О веселия всепресветлаго!» — л. 11), синтаксически строен («иде же благо греха, тамо злато благодати; иде же гной и сметие, тамо бисер драгоценный; иде же грехов пучина, тамо окиян милости; иде же скверны без дна, тамо святыни море; иде же пещера разбойнича, тамо чертог царский» — л. 11 об.), ритмически организован («... грядет в мир сей злополучный и окаянный, исполненный бед и напастей, исполненный грехов и беззаконий, исполненный нечастия и студодеяния, исполненный злобы и лукавства, смердящий нечистотою, помраченный неверием, ослепленный идолослужением, отягощенный злостраданием» — л. 11), насыщен звуковыми аллитерациями («и своими святыми всю землю просветил еси» — л. 88).

¹⁸ В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, стр. 421 (№№ 654, 655, 656).

Если сопоставить отрывок из сочинения, бесспорно принадлежащего Мануилу Петрову, — первые строки его «Окончения», которое, по-видимому, должно было завершать рассказ о судьбах ревнителей старообрядчества,¹⁹ с отрывком из «слова» «на крещение», станет ясно, принимая во внимание все особенности стиля, о которых речь шла выше, что написаны оба этих сочинения если не одним человеком, то по крайней мере людьми, чья манера письма очень близка. Для обоих отрывков характерно стилистическое единство.

С л о в о
на к р е щ е н и е
(лл. 125—126)

О коликое таинство уведеша
человецы в настоящий святей
день. О коликую премудрость позна
вселенная. О коликое богоразу-
мия просвещение озари весь мир,
крестившуся сладкому Иисусу...
Таково убо и толь прекрасно
есть настоящее таинство, сицева
и толико превелия радость восия
нам во днешний день.

О к о н ч е н и е (л. 47)

Такова убо страдания рос-
сийских мучеников, таковы под-
визи новых страсотерпцев, та-
ково мужество крестоносных вои-
нов, такова победа храбрых по-
движников, такова слава наших
венечников, таков останок слад-
чайших плодов всекраснаго и пре-
возлюбленного сада российского.

Вся эта «украшенность» речи ведет к торжественному красноречию раннехристианских авторов и — через них — еще дальше: к языку Библии. Недаром библейские изречения, отрывки из псалмов, цитаты из отцов церкви, предворяющие каждое сочинение в Усть-Цилемском Торжественнике, так естественно и прочно, варьируясь, входят в самую ткань текста. «Эпиграфы» над каждым «словом» лишний раз свидетельствуют о том, что поморские писатели, и в частности Мануил Петров, сознательно ориентировались на святоотеческую традицию красноречия. Учитывая весь опыт раннехристианских апологетов, выговцы стремились создать собственную школу страстных, увлекающих проповедников. Поэтому они и составляют поморский Торжественник, поэтому их сочинения, входящие в него, являются — в плане стилистики — завершением традиции святоотеческой литературы.²⁰

В «Слове на рождество богородицы» мир земной страшен — он «смердящий», «помраченный», «ослепленный», «отягощенный», исполненный грехов, зол, напастей. Мануил Петров развивает эту мысль, прибегая к приему амплификации, и достигает большой выразительности. Дошедшая от времен первых веков христианства тема недоброго, греховного мира нашла сочувствие у старообряд-

¹⁹ В рукописи БАН, собр. Дружинина, № 114 «Окончению» предшествуют два с половиной чистых листа.

²⁰ См. «слова» на рождество Христова Иоанна Златоуста и Василия Великого в торжественниках, например: БАН, 33.I.10, лл. 185—190, 190—192 об., 192 об.—196 об., 197—199, 204—206.

цев. Себя они осознавали вне его и твердо верили, что за все оскорбления и унижения, которые терпят они от никониан, «потом воздастся». Оттого в праздничных «словах» Усть-Цилемского Торжественника мотив убогости «твари божьей» приобретает особый смысл. Именно Иоанн Златоуст с его сочинениями, осуждающими богатство, сребролюбие, жадность и другие человеческие пороки, с его вносящей элемент учительности проповедью чистой, высокодуховной жизни оказался близок старообрядцам. Ряд тем в Торжественнике вызван конкретными условиями. Так, в «Слово на рождество богородице» неспроста включена обширная похвала чистоте и целомудрию, ведь Выговская пустынь была монашеской обителью. Но главное внимание сочинений Мануила Петрова, в частности трех «слов» на рождество Христово, отведено раскрытию символа бога. Что есть бог? Составляя торжественники из собственных произведений, выговские писатели, с одной стороны, осознавали себя преемниками традиции, идущей от творений отцов церкви, а, с другой стороны, стремились создать собственную, обновленную (а в их представлении — старую) веру.

Уместно вспомнить о том, что Выговская пустынь была в XVIII в. своеобразным литературным и культурным центром на Севере. В. Г. Дружинин называл деятельность выговских писателей «новой страницей в истории литературы» и посвятил специальную работу «словесным наукам» в Выговской обители. По описаниям и каталогам рукописей и книг мы можем судить о размерах и богатстве выговской библиотеки.²¹ Деятельность выговских писателей связана со святоотеческой литературой; традиция ораторского жанра не останавливается на имени Феофана Прокоповича, а личная проповедь, не развивавшаяся до XVII в. и открытая Феофаном Прокоповичем, продолжает жизнь в творчестве выговцев. На Выге пристально изучается «Риторика» Прокоповича и создаются собственные правила словесного искусства.²² Это необходимо иметь в виду при изучении выговской литературы, чтобы не усматривать в ней связь лишь с творениями раннехристианских отцов церкви.

На Поморском берегу и в деревнях, раскиданных вокруг Выговской пустыни, на всем обширном пространстве Севера, где только поселялись старообрядцы, большинство жителей были крестьяне, не искушенные в богословии, и выговские писатели видели свою задачу перед паствой в выполнении того высокого назначения, которое взял на себя когда-то митрополит Иларион, — дать этим людям теоретические основы новой веры.

²¹ См.: Е. В. Барсов. Описание рукописей и книг, хранящихся в выголексинской библиотеке. Летопись занятий археографической комиссии, вып. 6, 1877; Сборник для истории старообрядчества.

²² См., например, схемы составления «слов» для произнесения по определенному случаю С. Денисова в уже упоминавшейся «Риторике» С. Лихуды (БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 122).

Для окончательного установления авторства Мануила Петрова по отношению к праздничным «словам» в Усть-Цилемском сборнике необходимо детальное исследование его стиля. По всей вероятности, М. Петров — действительно автор, по крайней мере упоминавшихся трех «слов» на рождество Христово, и Усть-Цилемский Торжественник из собрания Пушкинского дома представляет определенный интерес для изучения творчества одного из видных литературных деятелей старообрядчества.

Е. А. Бобков

ДРЕВНЕРУССКИЕ ВЕЛИЧАНИЯ В ПЕВЧЕСКОМ СБОРНИКЕ XVII в.

В Карельском собрании хранилища древнерусских рукописей Пушкинского дома имеется певческий сборник XVII в. (№ 424),¹ в составе которого находится несколько величаний, представляющих собой интересные образцы русского гимнографического творчества.

Приняв христианство от греческой церкви, Россия в богослужбно-книжном отношении находилась под сильным влиянием Греции. Наши службы праздникам и древним святым, как и вообще все наши богослужбные книги, переведены на церковнославянский язык с греческого. Но даже и тогда, когда русское самосознание достаточно сильно проявилось и в церковной области, когда начались частые канонизации русских святых и появились службы им, все-таки многие элементы службы были традиционными и заимствовались из греческих переводов. Сюда относятся ирмосы канонов, прокимны, запевы на стиховне, избранные псалмы, величания.

Тем более интересно встретить необычный текст величаний. На л. 217 указанного сборника находится величание князю Владимиру Киевскому (980—1015):

Величаем тя, благоверный княже Владимире,
и чтем святую память твою:
иже идолы поправшаго и всю Русскую землю
святым крещением просветившего.

Первая часть величания вполне традиционная. Вторая же его половина вместо завершающих слов «ты бо молиши о нас Христа бога нашего» дает характеристику деяний князя — крестителя Руси.

¹ Сборник певческий на крюковых нотах, 1658—1661 гг., 347 л., полуустав, 14,7×9,5 см, переплет — доски в коже. Нотация знаменная без помет и признаков. Текст истинноречный. Фиты без разводов.

Другой интересный образец находим на л. 192 — величание князю Михаилу Черниговскому и его боярину Федору, убитым в Орде:

Величаем ты, благоверный княже Михаиле,
и з боярином твоим Феодором,
и чтем святую память вашу,
иже за Христа кровь свою излиясте,
и ныне молитесь за нас Христа бога нашего.

Если следовать традиционным формам величания страстотерпцам и мученикам, то сразу после обращения должны были бы идти слова: «и чтем честная страдания ваша, яже за Христа претерпели есте». Здесь автор величания пишет о страданиях в конкретной форме («кровь свою излиясте») и подчеркивает продолжающуюся связь мучеников с Русской землей («и ныне молитесь за нас...»).

На л. 197 об. помещено величание «Знамению пресвятой богородицы, иже в Великом Новгороде»:

Величаем ты, пресвятая Дево,
и чтем образ твой честный,
им же победу на враги дарова граду нашему.

Поскольку праздник Знамения русский, то и величание его русского происхождения, а не переводное. Во всех певческих книгах находим это величание с такой формой последней строки: «...им же показала еси преславное знамение». В нашем случае величание заканчивается оригинальной фразой. Под «градом нашим», очевидно, имеется в виду Новгород; значит, можно предположить, что рассматриваемый сборник новгородского происхождения. Знамение — праздник новгородский, и новгородцы, видимо, решили отметить его особым величанием. Вряд ли величание в такой форме могло употребляться в других местах. На новгородское происхождение сборника указывает и частое чередование ч—у.

Датируется сборник очень узким периодом — 1658—1661 гг. Такая строгая датировка возможна благодаря тексту на л. 225:

Утверди, боже, веру христианскую,
соблуди, господи, и помилуй
благоверного царя и великого князя Алексея,
и благоверную царицу и великую княгиню Марию,
и благоверного царевича и великого князя Алексея,
и благоверных царевны,
спаси, господи, и помилуй патриарха имярек,
и вся христиане, господи, спаси.

В 1658 г. родилась царевна София; так как в тексте упоминаются царевны, то сборник не мог появиться ранее этого года. Он не мог быть также написан позднее 1661 г., когда родился второй царевич — Федор, в молитве не упомянутый. Имя патриарха пропущено потому, что это был период междупатриаршества — после оставления Никоном кафедры, но еще до его осуждения на соборе 1666—1667 гг.

ЛИЦЕВЫЕ РУКОПИСИ (краткий обзор)

Значительная часть древнерусских рукописей Пушкинского дома имеет художественное оформление — рамки, заставки, концовки, буквицы и т. д. Около 150 рукописных книг украшены миниатюрами, иногда гравюрами — лицевыми изображениями (более 1500 листов). Среди них пергаменное галицко-волынское евангелие XIV в., рукописи московской и северорусской традиции, книги поморского письма, в том числе XVIII—XX вв. Художественные особенности миниатюр нашего собрания почти не привлекали внимания специалистов, хотя еще в 1965 г. В. И. Малышевым был опубликован список иллюминированных рукописей.¹

Собственно средневековых миниатюр, XIV—XVII вв., в собрании сравнительно немного: несколько более 200. Однако и среди рукописей XVIII—XIX вв. немало списков, украшенных по принципам средневековой системы книжного оформления. Поэтому изучение лицевых рукописей, в том числе поздней традиции, может значительно обогатить наши представления о книжном искусстве, слагавшемся на Руси в течение столетий.

Самую многочисленную группу лицевых рукописей Пушкинского дома составляют сборники различного содержания, XVII—XX вв. (более 30). Примечательны списки оригинальных русских и переводных житий XVII—XIX вв. (до 15), псалтыри XVII—XIX вв. (13), евангелия XIV—XIX вв. (9), «Страсти Христовы» XVIII—XIX вв. (8), месяцесловы XVII—XIX вв. (7), синодики XVIII—XIX вв. (7), апокалипсисы XVII—XIX вв. (6), каноны богородице XVIII в. (2), списки «Слова Палладия мниха о втором пришествии» XVIII—XIX вв. (4), «Видения пророка Даниила» XVIII—XIX вв. (4), «слова» Ефрема Сирина о покаянии XIX в. (3) и многие другие.

В подавляющем большинстве миниатюры и рисунки, украшающие рукописи, безымянны. Бесспорна принадлежность протопопу Аввакуму сатирического рисунка в уникальном списке — автографе его «Жития». Ряд списков XIX и XX вв. связан с определенными художниками, не только профессионалами (ярославский иконописец А. А. Великанов и др.), но и переписчиками (К. И. Уткин, Н. П. Шестаков и др.). Заслуживают интереса поздняя владельческая приписка в сборнике конца XVII—начала XVIII в.: «Сия книга Федора Федорова иконописца 1858 го[да]» (ИРЛИ, собр. Пухальского, № 6, л. 1 об.), а также упоминание Андрея Самилова,

¹ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М., 1965, стр. 171—176 («Лицевые рукописи»). См. также выступление О. А. Белобровой в прениях на Тихомировских чтениях 1970 г.: Тихомировские чтения 1970 года. М., 1970, стр. 91—99.

«санъпитербургско^{го}» мещанина», названного «живописцем», в сборнике конца XVIII в. (собр. Перетца, № 420, л. 104).

В ряде случаев средневековые рукописи получили украшение только в новое время. Таковы, например, три евангелия XVI в. (собр. Перетца, №№ 50, 58, 83): два с вклеенными в них подражательными стилизованными миниатюрами XIX в.,² а одно с наклеенными хромолитографиями из издания ПДПИ.³

Иногда в рукописи вклеивались гравюры, не связанные непосредственно с текстом, как в Азбуковнике XVII в. (собр. Перетца, № 105), где встречаем более поздние гравированные изображения Григория Двоеслова, Иоанна Златоуста и сцены Богоявления (лл. 1 об., 26 об. и 170 об.). Одна из рукописей XIX в. — Иконописный подлинник (собр. Перетца, № 524) — сохранила две цветные литографии из редкого издания 1816 г. с изображениями московского великого князя Василия II и царя Федора Алексеевича.⁴

Напротив, чаще наблюдаются случаи органической связи текста и вклеенного позднее листа гравюры. Примерами могут служить Псалтырь XVIII в. с изображением царя Давида (собр. Перетца, № 225, л. 30 об.), сборники житий соловецких чудотворцев с гравюрами, изображающими Зосиму и Савватия и Елеазара Анзерского. Последняя, с подписью гравера-самоучки Артемия Касаткина и с датой «1806 год», является довольно редким оттиском.⁵

Иногда для украшения рукописных книг приспособляли оттиски настенных гравюр, произвольно уменьшая их размеры или вырезая из них детали — головки ангелов, житийные клейма, как это можно видеть на примере списка жития Зосимы и Савватия XIX в. с вклейками из гравюр еще XVIII в. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 93).⁶

² Принадлежность миниатюр евангелия из собрания Перетца, № 50 к подделкам конца XIX — начала XX в. отмечена в работе: В. К. Петухов. Сербская рукопись XVI в. (Из собрания В. Н. Перетца). ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 631.

³ Заставки и миниатюры четвероевангелия 1507 г. СПб., 1880 (ОЛДП—ПДПИ, вып. LVIII и LXXXVI), стр. 11, 20.

⁴ См.: Я. Орлов. Памятники событий в церкви и отечестве, чч. 1—5. СПб., 1816. Принадлежность литографии этому изданию установлена по кн.: Н. Обольянин. Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860 гг., т. II. М., 1915, стр. 388, № 1942.

⁵ См.: Д. А. Ровинский. 1) Русские народные картинки, кн. II. СПб., 1881, стр. 307, № 626; 2) Подробный словарь русских гравюров XVI—XIX вв., т. II. СПб., 1895, столб. 470.

⁶ В этой рукописи находим часть гравюр работы Луки Зубкова, 1772 г. (ср. ГПБ, $\frac{\text{Даль}}{2-83}$, а также: Д. А. Ровинский. 1) Русские народные картинки, кн. IV, стр. 491; 2) Подробный словарь..., т. I, столб. 352—353) и, кроме того, 6 из 10 клейм гравюры, относящейся еще к первой половине XVIII в. (ср. ГПБ $\frac{\text{Олс.}}{5-841}$, а также: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 607, № 1459). От одного из этих клейм отрезаны

Включались в рукописи и целые серии гравированных картинок XVIII в., по-видимому специально предназначавшиеся для иллюстрирования таких книг, как например «Страсти Христовы» (ср. списки из собр. Перетца, №№ 187 и 245).⁷

Характеризуя книги, украшенные эстампами, следует назвать два экземпляра редкого цельногравированного Синодика (с рукописной частью в конце, — собр. Перетца, № 391 и Отдельн. поступл., оп. 23, № 159) с оттисками гравюр Леонтия Бунина, Афанасия Трухменского, Василия Андреева и др. Он был отпечатан в середине XVIII в. со старых досок. По классификации Д. А. Ровинского, этот Синодик носит наименование «третьего издания Синодика Бунина».⁸ Экземпляр из собр. Перетца № 391 отличается сравнительной полнотой (в нем недостает пяти листов); гравюры, несколько перепутанные при переплете, раскрашены довольно искусно; второй экземпляр (оп. 23, № 159) полный.

Иногда гравированные изображения старопечатных книг копировались одновременно с перепиской их текста. В нашем собрании имеется полный список 1750 г. со сравнительно редкого киевского издания 1694 г. под названием «Венец молитв седмицных» (Причудское собр., № 8). Здесь черно-белые гравюры (Троица, Распятие, Успение богородицы), а также буквицы, заставки и концовки заменены перовыми рисунками, сделанными неумелой рукой, по-своему старательно подражавшей оригиналу.⁹ Примечателен и список 1770 г. с печатной «Азбуки» В. Бурцева, изданной в Москве в 1637 г. (собр. Перетца, № 377). Здесь на месте гравюры на дереве с изображением училища находим рисунок пером с раскраской, явно восходящий к оригиналу.¹⁰

Во многих рукописях встречаются также наклейки гравированного орнамента, вырезанного из старопечатных книг. Таковы, например, заставки и концовки в Цветнике XVIII в. (собр. Перетца, № 246). А в Псалтырь XVIII в. (собр. Перетца, № 225) оказалась вклеенной гравированная рамка-заставка с изображениями пророка Моисея и царя Давида и с выходными данными печатной московской Псалтыри 1731 г.

три боса и на листе списка вместо них пером пририсован крест на Голгофе, что более соответствует здесь тексту жития.

⁷ Д. А. Ровинский (Русские народные картинки, кн. III, стр. 323—325, № 862) отмечал, что в этот комплекс резцовых гравюр на меди входило 14 листов; ему был известен экземпляр рукописи с вклеенными гравюрами из собрания Ф. И. Буслаева. В двух экземплярах Пушкинского дома представлены не все листы этой серии (очевидно, некоторые были утрачены).

⁸ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 190, 206. Автору были известны лишь два экземпляра. Нами для сравнения привлечен один из них — ГПБ, Ф. I. 736 — буслаевский, с нераскрашенными гравюрами и с перепутанными листами.

⁹ Нами привлекался для сравнения экземпляр ГПБ, V.8.18.

¹⁰ См. воспроизведение гравюры в кн.: А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, стр. 188, рис. 67.

Неоднократно встречаются также лицевые рукописи, украшавшиеся постепенно, в течение длительного времени. Например, очевидно разновременное — в два этапа — оформление списка «Стратегий Христовых» XVIII в. (собр. Перетца, № 355).

В настоящем обзоре дается суммарная характеристика миниатюр, современных рукописям.¹¹

Наиболее ранний лицевой список, как уже отмечалось, — недавно поступившее евангелие на пергамене, XIV в. (Отдельн. поступл., оп. 25, № 30). Здесь находятся одна миниатюра с изображением Иоанна Богослова и Прохора (л. 1 об.), а также рисунок (подготовительный набросок?) «Сошествия св. духа на апостолов» (л. 1). В печати уже сообщалось, что евангелие относится к галицко-волинской традиции и что оно не принадлежит к числу роскошных.¹² Миниатюрист изобразил диктующего Иоанна Богослова в рост, Прохора — сидящего за письмом. Вверху слева полуфигура слетающего архангела Михаила, а справа погрудно представлен благословляющий Вседержитель. Распределение четырех фигур на листе пергамента оказалось нелегкой задачей для художника. Несколько необычно отсутствие архитектурной среды, подобной храму на аналогичной миниатюре ярославского Федоровского евангелия (1321—1327 гг.).¹³ Разномасштабные фигуры отличаются непропорциональностью: удлинены ноги Прохора, несоразмерны плечи Иоанна, лик Христа и его рука. Все персонажи переданы в легком движении. Представляет интерес колористическая гамма миниатюры, хотя осыпь красочного слоя довольно значительна. Запоминаются локальные фоны (зеленый для архангела Михаила, голубой для Вседержителя, зеленый и желтый для Иоанна); поразительны волосы — красновато-рыжие у Христа и голубовато-синие, с широким коричневым контуром у Иоанна. Художник был в большей степени колорист, чем рисовальщик. Незаконченный рисунок семи сидящих полукругом апостолов на л. 1 — более мелкого масштаба. Он сделан уверенной рукой, по-видимому пером. Деликатная раскраска ликов и рук (только их!) отличается от приемов передачи лиц в композиции с евангелистом. По-видимому, как рукопись переписывалась не одним, а по крайней мере двумя писцами, так и ее украшение (в частности, многочисленными буквицами, заставками) создавалось разными, хотя и современными художниками.

В собрании нет ни одной лицевой рукописи XV в.

¹¹ Орнаментированные списки, в том числе с гравированными элементами, в обзоре не рассматриваются.

¹² Л. П. Жуковская. Пергаменная рукопись XIV в. из собрания Пушкинского дома (новое приобретение). ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 305—311.

¹³ История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева. Т. III. М., 1955, рис. на стр. 15.

Среди рукописей XVI в. евангелие (собр. Перетца, № 38), украшенное лицевыми изображениями евангелистов, сравнительно близкими по времени переписки рукописи. Но эти миниатюры, вырезанные из другого списка, вклеены позднее, окружены поздними геометризованными рамками и снабжены шелковыми предохранителями. Первоначально рукопись была украшена только искусно выполненными в красках и золоте заставками и буквицами. Миниатюры отличаются от них по колориту, по типу орнамента (рис. 1). Они довольно эффектны — золотофонные, с красиво прорисованным силуэтом сидящего евангелиста (торс несколько удлинённый). Но однообразие поз евангелистов, архитектурных фонов, горok указывает на зависимость от одной, хотя и хорошей прориски.¹⁴

Рукописные книги XVII в. с лицевыми изображениями составляют целую группу, разнообразную по содержанию. Это евангелие, псалтырь, апокалипсис, жития святых, месяцеслов, иконописный подлинник и др. В их оформлении принимали участие царские изографы и скромные иконописцы-ремесленники, миниатюристы-профессионалы и писцы рукописей, а один, уже упоминавшийся рисунок исполнил протопоп Аввакум. Книги эти имели разное назначение, одни — для церковной службы, другие — для домашнего чтения и повседневного пользования (месяцеслов), третьи — для работы, например иконописца. Все это всегда учитывалось при их украшении. Вот почему выделяется своей роскошью Евангелие (Карельское собр., № 241) конца XVII в., приписываемое царевне Софье Алексеевне, будто бы целиком переписавшей его для подарка в ссылку своему фавориту В. В. Голицыну (в конце читается запись скорописью: «София трудишася царевна»). Все оформление рукописи отличается единством замысла и совершенством исполнения. Заставки растительного характера, обрамления шелковых предохранителей (различные на лицевой и оборотной сторонах листа), буквицы, три миниатюры евангелистов¹⁵ выполнены с поразительным разнообразием (рис. 2). Сверкающая золотом, холодноватая гамма сильно разбеленных красок искусно передает богатство архитектуры: центрические купольные здания с полуспущенными золочеными решетками в окнах, кивории, башни с переходами, ограды, лепнину, резьбу и т. п. Тяжелая резная мебель — мир весомых вещей — окружает евангелистов; их облачения отливают золотом, письменные принадлежности отличаются изысканностью. Художники Оружейной палаты создали поистине великолепную

¹⁴ О художественном оформлении Евангелия из собр. Перетца, № 38 см.: И. И. Гумницкий. Лицевое Евангелие XVI века из собрания В. Н. Перетца. ТОДРА, т. XXVII (в печати).

¹⁵ Четвертой миниатюры — с изображением евангелиста Иоанна — недостало уже около 100 лет назад. Ср.: С. Миropольский. Царевна София Алексеевна. Заметка. Русская старина, СПб., 1878, № 9, стр. 130—131.

книгу, место которой было отнюдь не в ризнице захудалого каргопольского монастыря, а в столичном соборе, в блеске торжественных богослужений.¹⁶

Среди «четьих» книг XVII в. примечательны лицевые списки житий русских святых. Одна рукопись, в 4-ку (собр. ИМЛИ, № 9), содержит Повесть о Петре и Февронии и украшена всего лишь одной миниатюрой, заставкой и буквицей. Миниатюрист изобразил на л. 2 об., предваряющем начало жития, Петра и Февронию в рост, обращенных друг к другу, на белом фоне, в монашеском облачении (рис. 3). Над ними погрудно представлен Христос-Вседержитель с благословляющей рукой и с книгой. У всех троих золотые нимбы. Колорит отличается приглушенностью тонов. Это работа опытного рисовальщика, умело создавшего торжественную композицию, призванную здесь создать настроение благочестивости. Подобная единичная миниатюра ближе по замыслу к иконе (типа «моленной»). Как известно, лицевые списки жития Петра и Февронии довольно редки.¹⁷ Еще более редки лицевые списки житий Варлаама Хутынского¹⁸ и Михаила Клопского.¹⁹ Сборник из собр. Каликина, № 35 представляет нам целую серию миниатюр к этим житиям.²⁰ Это перовые рисунки с раскраской в теплой цветовой гамме, некоторые целиком в лист, некоторые в лист в два яруса, а иные на две трети, половину или треть листа, в сочетании с текстом жития. Миниатюры были вы-

¹⁶ Репродукции миниатюры с изображением апостола Луки и заглавного листа Евангелия см. в издании: В. И. Малышев. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел ИРЛИ за 1952—1954 гг. Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VI, М.—Л., 1956, вклейка между стр. 100 и 101.

¹⁷ О. И. Подобедова в своих работах о теме Петра и Февронии в изобразительном искусстве (О. И. Подобедова. 1) «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века. ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 292—304; 2) Лицевая рукопись XVII столетия «Повести о Петре и Февронии». Там же, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 393—406) называет два лицевых списка жития (ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 50, XVII в., и № 396, XVIII в.). Добавим к этому сборник ГПБ. Q. I. № 1361, конца XVIII—начала XIX в., в котором выполнены миниатюры, текст же остался невписанным, а также рукопись XVII в. из ГИМ, ср.: Т. Протасьева. Сказание о Петре и Февронии. 15 открыток. М., 1971.

¹⁸ Н. Барсуков (Источники русской агиографии. СПб., 1882, столб. 79—85) называет только одну лицевую рукопись — ГПБ, Софийское собр., № 1430.

¹⁹ Список ИРЛИ — первый лицевой. Ср.: Л. А. Дмитриев. Повести о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958.

²⁰ Ряд миниатюр из этого сборника впервые репродуцирован, а именно: 1) Пророчество Варлаама Хутынского (л. 76) и 2) Видение пономаря Тарасия (л. 99) — см.: Л. Д. Лихачева. Миниатюры — читатели новгородских литературных произведений. ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 335—341, рис. 1 и 2; 3) Ловля рыбы (л. 330 об.) — см.: Житие Михаила Клопского. Подготовка текста, перевод и примеч. Л. А. Дмитриева. В кн.: «Изборник» (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969 (Библиотека всемирной литературы), вклейка между стр. 416 и 417.

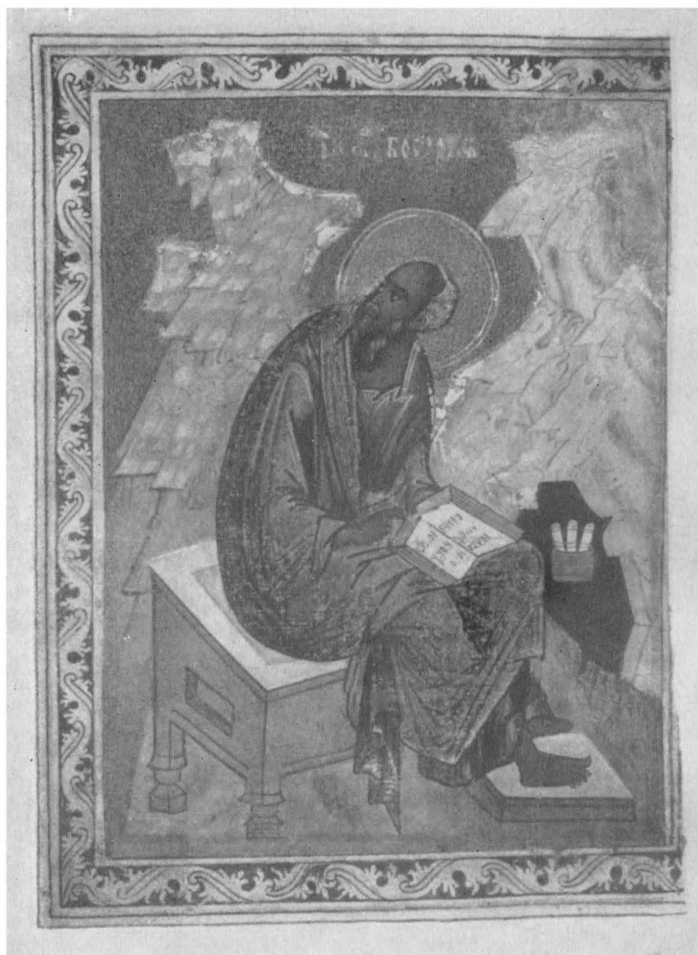

Рис. 1. Евангелист Иоанн Богослов. Миниатюра из Евангелия
XVI в. (собр. Перетца, № 38, л. 2 об.).

полнены несколькими мастерами. Текст, по-видимому, написан раньше, чем рисунки: в сборнике остались незаполненными места для миниатюр к житию Антония Римлянина (более 50). О высоком композиционном мастерстве миниатюристов позволяют судить листы с текстом, рисунки в верхней части которых решены как заставки: это силуэты то пятикупольного храма, то башен, то палат и т. п. Привлекают внимание типичные для северорусских городов реалии: деревянные тесовые ворота, заборы с заостренными зубчатыми верхами, мостки через ручей, бревенчатые житницы, сани. Примечательно изображение в житии Варлаама Хутынского панорамы Новгорода, очевидно хорошо знакомого миниатюристам. Довольно искусно передана вода (в эпизоде изведения кладезя в житии Михаила Клопского, л. 318; в сценах чудес из жития Варлаама Хутынского, лл. 71 об. (рис. 4), 83 об.). Типичное для этого сборника двухъярусное построение миниатюр может быть представлено, например, чудом об умершем отроке в житии Варлаама (л. 86 об.) Рукопись украшена не с царской роскошью, она не уникальна, ее художественное оформление не поражает, а сопровождает текст, поясняя его. Художники и писцы работали здесь рядом, бок о бок.

О труде художника XVII в. напоминает Иконописный подлинник, входящий в состав конволюта (собр. Богословского, № 4). Строго говоря, этот подлинник не лицевой, а толковый, но в него вклеены 10 листов, в 8-ку, с изображением пророков (лл. 180—189 об.). Это перовые рисунки в масштабе, годном для пророческого ряда на походных (переносных) иконостасах, часто встречавшихся в художественной практике XVII в. Все фигуры представлены в легком движении, с развевающимися свитками; они переданы в штриховой манере. Изображения сопровождаются именами пророков.

Примером воплощения в миниатюрах XVII в. сложных символично-догматических тем могут служить лицевые изображения Апокалипсиса (Карельское собр., № 247). Их в рукописи 75. Они выполнены несколькими художниками, в разной степени владевшими искусством рисовальщика и даже применявшими разную цветовую гамму (один, например, обходился без синего и голубого тонов). Выразительны сцены брани, например на л. 61 об. (глава 34 Апокалипсиса), где видим ангелов на белых конях, наступающих на бесов — «муринов» и на семиглавого змия. Миниатюра на л. 62 об. (глава 35 Апокалипсиса) представляет змия в мощном движении (рис. 5). Наряду с этим встречаются неумелые рисунки (идуший ангел на л. 75). Наш лицевой список представляет незаурядный интерес при изучении Апокалипсиса.²¹

²¹ Ср.: Ф. И. Буслаев. Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й. М., 1884.

Не менее ценный список лицевого Апокалипсиса толкового, конца XVII в., поступил в собрание в 1970 г. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 183). В нем сохранились не все миниатюры, современные тексту (сейчас их насчитывается 61; кроме того, в XIX в. добавлены вместе с недостающим текстом три перовых рисунка). Текст Апокалипсиса написан одним писцом, толкования — другим. Все миниатюры выполнены в одной, достаточно своеобразной художественной манере. Это главным образом двухчастные композиции, соответствующие тексту на развороте листа. Особенность миниатюр — их прозрачность, достигаемая динамичным рисунком с применением красок двух-трех основных тонов лишь по контурам фигур и складок одежд.

Особого внимания заслуживают непрофессиональный перовой рисунок и перовая же заставка, выполненные писателем протопопом Аввакумом в так называемом Пустозерском сборнике И. Н. Заволоко (Отдельн. поступл., оп. 24, № 43). Рисунок²² изображает земную сферу, внутри которой размещены полуфигуры пяти святых с нимбами (по предположению В. И. Малышева, это символы «пустозерской пятерицы»: Аввакума, Епифания, Лазаря, Никифора и Федора). С внешней стороны сферы вверху оглавно представлены два восточных патриарха: Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский; внизу, также оглавно (но для читателя уже вниз головой) изображены три представителя русской православной церкви: патриарх Никон, митрополит крутицкий Павел и епископ рязанский Илларион. Все это противники старообрядчества. Их имена подписаны, к именам добавлены ругательные эпитеты. Рисунок (л. 2) и заставка (л. 1) выполнены черными чернилами и суриком, в точечно-пунктирной манере. Изображения довольно выразительны и по-своему меткие, как и надписи к ним. Это уникальный сатирический рисунок автора XVII в., значение которого пока еще трудно оценить. Зрительным прототипом для Аввакума, может быть, все же послужили какие-то миниатюры в рукописях с изображением символических кругов и полуфигур. В частности, близкие (только по композиции) изображения находим в Синодике XVII в.²³

Привлекают внимание лицевые рукописи Петровского времени — конца XVII — начала XVIII в. Среди них Месяцеслов (Отдельн. поступл., оп. 25, № 19), Синодик (собр. Перетца,

²² Воспроизведен в издании: В. И. Малышев. Новые поступления в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома. Русская литература, 1969, № 2, стр. 119—125, вклейка между стр. 124 и 125. Следует оценить настойчивое внимание В. И. Малышева к изучению рисунков Аввакума еще до находки И. Н. Заволоко Пустозерского сборника. Ср.: В. И. Малышев. Рисунок протопопа Аввакума? Русская литература, 1965, № 2, стр. 154—155.

²³ J. Nowikowa. Eine anonyme russische Handschrift des 17. Jahrhunderts. Göttingen—Vandenhoeck—Ruprecht, 1968, Blatt 34.

№ 176), сборник пасхальных служб (собр. Груздева, № 11), сборник житий (собр. Перетца, № 200), сборники неопределенного состава (собр. Пухальского, № 6; собр. Перетца, № 427). К концу XVII в. относится лицевой Месяцеслов, украшенный изображениями четырех времен года. Перовые рисунки с тонко выполненной раскраской фигур, с неокрашенным фоном включены непосредственно в текст. Изображены бытовые сцены, как например мельник за работой; переданы приметы осени — сильные ветры, улетающие птицы. Ощущение холода передается фигурой отрока, греющего руки у костра в сцене зимы. Любопытно, что рисунок весны не соответствует ее описанию в тексте: вместо девы видим юношу в красном кафтане, в короне, с кубком и свитком; облик этого юноши неуволимо напоминает молодых людей Петровского времени. Рисунок миниатюр Месяцеслова несколько угловатый, цветовая гамма мягкая, теплая.

К началу XVIII в. относится Синодик, украшенный 73 миниатюрами (собр. Перетца, № 176; листы его перепутаны при переплете, часть утеряна). Этот список включает историческое предисловие, ряд притч, «Чин бываемый на разлучение души от тела» (статья из Требника,²⁴ ее листы разрознены и перепутаны) и т. п. Миниатюры выполнены пером, раскраска одежда локальная — в красный, желтый, зеленый тона; лики и руки не окрашены. Среди миниатюр к притчам привлекает внимание изображение пирующего боярина — «худоумного человека» (л. 65 об.). Здесь на огромном столе братины, кумганы, чарки, вокруг стоят и сидят мужи. Не менее примечательны миниатюры к повествовательным сюжетам, например к рассказу из «Бесед» Григория Двоеслова о кипрском пресвитере из города Кентулы с изображением бани (лл. 5 об., 6, 6 об., 10а и 10а об.) и многие другие. Излюбленный прием миниатюристов этого Синодика — передача действия в интерьере палаты с окнами, срезанными сводом. Отличаются сложностью и богатством силуэтов архитектурные фоны: здесь городские стены, башни, здания с щипцовыми кровлями.

Среди рукописей с единичными миниатюрами и рисунками начала XVIII в. отметим сборник житий (собр. Перетца, № 200) с условным портретом византийского писателя VII в. Леонтия из Неаполиса Кипрского,²⁵ созданным, возможно, в Александро-Свирском монастыре. В другом сборнике (собр. Перетца, № 427)

²⁴ Ближайшие аналогии к этой части Синодика находим в лицевом списке ГПБ, Q.I.407, XVII в., лл. 83—110, а также в издании: Синодик пустыни Дедовского острова (1703 г.). СПб., 1877 (изд. ОЛДП, № XIII (№ 125)), лл. 8—43. Ср.: Е. В. Петухов. Очерки литературной истории Синодика. СПб., 1895, стр. 230.

²⁵ Воспроизведен в издании: О. А. Белоброва. Изображение Леонтия из Неаполиса Кипрского в древнерусском рукописном сборнике Пушкинского дома. ТОДРА, т. XXIV, Л., 1969, стр. 384—386.

находится рисунок пером типа заставки с изображением двух кораблей на берегу Невы, на фоне крепости и купольных сооружений, с подписью сверху «Санктъ Питербурхъ». В Псалтыри толковой конца XVII в. (собр. Богословского, № 8), переписанной в книгописной мастерской Афанасия Холмогорского, сохранилась пострадавшая от времени красочная миниатюра с изображением царя Давида с тонко прорисованным ликом, в пышном архитектурном обрамлении.

Рукописи XVIII в. сохранили значительное количество миниатюр (около 700), не считая гравюр. Состав лицевых рукописей достаточно разнообразен. Довольно широко представлена житийная традиция (Алексей человек божий, Евфросиния Суздальская, Зосима и Савватий, Никола, Сергей Радонежский и др.), встречаются сборники житий, повестей, исторические сочинения. Здесь же списки псалтыри, «Страстей Христовых», апокалипсиса, синодика, эсхатологических сочинений. Появляются рукописи светской традиции, например лицевые учебники.

Среди лицевых житий XVIII в. наиболее примечателен список жития Николы (Усть-Цилемское собр., № 184), выполненный, по-видимому, поморскими мастерами в конце столетия (особенно характерны орнамент заставок и общий колористический строй миниатюр с преобладанием малиновых, желтых, изумрудно-зеленых тонов). Рисунок пером, с применением штриховки, например при передаче морских волн. Объемы подчеркнуты затенениями, размывкой. Пропорции фигур изящны, контуры четки, композиции торжественны. Примером может служить хотя бы сцена пришествия св. Николы на первый вселенский собор (л. 72 об.). Любопытны привнесенные миниатюристами черты русского быта, такие как высокие дощатые заборы (л. 79), дощатые полы (далеко не всегда соответствующие роскоши палат, как например в сцене явления св. Николы царю Константину, — л. 86; ср. также л. 161), ладьи-дощеники под парусами (л. 174) и др.²⁶

Значительно уступают по мастерству исполнения миниатюры в списке жития Евфросинии Суздальской 1755 г. (собр. Перетца, № 282). Сравнение нашего списка с другими лицевыми рукописями того же содержания²⁷ показывает, что его миниатюры вполне традиционны, хотя и отличаются средним ремесленным уровнем. Возможно, что в оформлении рукописи участвовали два художника. Наиболее интересны здесь батальные сцены (лл. 61

²⁶ Деталь миниатюры с изображением поморской ладьи воспроизводилась в изданиях: М. И. Б е л о в. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М., 1956, стр. 191; В. И. М а л ы ш е в. Памятники древней письменной культуры Печоры. Летопись Севера, вып. 2, М., 1957, стр. 267 и 269.

²⁷ Нами привлекались списки: ГПБ, собр. Вяземского, F.25 (опубликован в издании: ОЛДП, № ХСІ, СПб., 1888); ГПБ, F.I.146; ГПБ.F.I.728.

об., 62, 63 об. и сл.) с изображением хана Батыя, битвы на реке Сите и др.

В скромном лицевом сборнике житий и служб 1784—1786 гг. (Новгородско-Псковское собр., № 9) находим единичные изображения птиц Сирина и Алконоста, святых Параскевы Пятницы, Феоктиста и Ксении. Очевидно, в сборнике было еще несколько миниатюр. Оформители рукописи с любовью выписывают ветки с цветами и плодами и с сидящими на них птичками, вазоны. В этом растительном орнаменте в дробных заставках-рамках представлены два изображения св. Параскевы (лл. 7 об. и 35). Св. Ксения в овальном картуше окружена стилизованным старопечатным орнаментом, а св. Феоктист дан поколенно в прямоугольной рамке.

К поморским рукописям следует отнести сборник повестей (о видении Козмы игумена и о видении Иоаннове, из книги Великого Зерцала—собр. Перетца, № 494). Назидательные, не особенно умело раскрашенные рисунки восходят к традиционным средневековым миниатюрам; они насыщены изображениями бесов, грешников, сценами наказаний. Такой же назидательный характер носит единичный рисунок «смерти страшной» в сборнике апокрифов и повестей (Карельское собр., № 48). Миниатюры к Слову Палладия мниха в сборнике-конволюте (собр. Каликина, № 70), довольно тонкого очерка пером, с раскраской, также главным образом изображают грешников и праведников, иногда, впрочем, на фоне травок и цветов.

Близки к традиционным средневековым рукописям псалтыри XVIII в. с изображением царя Давида. Среди них выделяется поморская Псалтырь (Карельское собр., № 228) с миниатюрой, выполненной пером, с раскраской в плотные желто-малиново-синие тона.

Немало рукописей XVIII в. украшено в новом духе, с элементами развитого барочного стиля. Среди них Апокалипсис (собр. Перетца, № 457), «Страсти Христовы» (собр. Перетца, № 308), сборник, включающий «Историю разорения Иерусалима» Иосифа Флавия (собр. Перетца, № 334). Четыре миниатюры к последней напоминают западноевропейские гравюры к Библии. В собрании находим список «Liber de arte poetica» на латинском языке—очевидно, список киевских книжников-униатов (собр. Перетца, № 260); здесь примечательны типичная для книжного барокко заставка-рамка и изображение Пегаса.

Привлекают внимание три рисунка пером к тексту «Воскресения мертвых» Г. Конисского (собр. Перетца, № 332), переписанному служителем земского суда гадячского повета М. Л. Быляком. Здесь находим редкие изображения крестьянина и сельского священника на фоне тополей и пшеницы. Возможно, предполагалось сделать и другие рисунки на оставленных далее пустых местах.

К светской традиции среди рукописей XVIII в. следует отнести учебник навигации (собр. Перетца, № 247) с текстом, переписанным штурманским учеником Полубояриновым, а также с чертежами и рисунками (например, «изображение компаса в ящике для определения азимута» — л. 118), «Описание пехотного строя» (собр. Перетца, № 285) с заставками, украшенными пышной военной арматурой, с чертежами и топографическими планами. В последней рукописи применяются растушовка и размывка.

Немало рукописей XVIII в. украшено современными им гравюрами, например список сочинений Дмитрия Ростовского «Руно орошенное» (собр. Перетца, № 210), «Звезда пресветлая» (собр. Перетца, № 178), Луцидариус (собр. Перетца, № 312), Канон богородице (собр. Перетца, № 338) и др.

Лицевые рукописи XIX в. представлены многочисленными сборниками (житий, апокрифов, повестей, эсхатологических сочинений), месяцесловами, списками произведений старообрядческой традиции. Встречаются также лицевые апокалипсисы, псалтыри, синодики и др. Основная масса миниатюр в собрании приходится именно на рукописи XIX в.²⁸ Довольно много книг украшено миниатюрами в духе средневековья. К ним следует отнести псалтыри, синодики, евангелия. Но уже в апокалипсисах при сохранении традиционной схемы встречаются любопытные отклонения. Например, вместо одного из четырех апокалиптических всадников — на рыжем коне — в списке Керженского собр., № 74, конца XIX в., изображен на л. 82 об. юный безбородый жандарм в каске и голубом мундире, с папиросой в зубах, с обнаженным мечом в правой и пистолетом в левой руке (рис. 6).²⁹ В этой же рукописи в главе 26 находим под текстом «людие взыскоша смерти» изображения средовека и отрока в обличье русских крестьян, без шапок, в сапогах, в рубашках навыпуск. А в главе 27 юноша, сидящий на льве, нарисован не только в оранжевой русской рубашке, но еще и в фуражке (л. 119 об.).

При этом основная масса лицевых рукописей, несмотря на традиционность, по-своему красива. Иногда только бумага и состав красителей убеждают в принадлежности рукописи не к XVIII, а именно к XIX в. Примером могут служить миниатюры к «слову» Ефрема Сирина о покаянии (и к примыкающей к нему евангельской притче о приглашении на пир), сохранившиеся в трех списках — полном (собр. Перетца, № 548)^{29а} и отрывочном (Ка-

²⁸ Иногда их более 100 в сравнительно небольшой книге, в 4-ку; например, 178 миниатюр в сборнике из собр. Богословского, № 41, на 267 лл.

²⁹ Ср.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи..., стр. 55; воспроизведение см. в изд.: M. Cherniavsky. The Old Believers and the New Religion. Slavic Review, Washington, 1966, vol. XXV, № 1, March, fig. 13.

^{29а} В 1971 г. поступил сборник (Северодвинское собр., № 152) с аналогичными миниатюрами, сделанными той же рукой. К этой же группе относим и рукопись ГПБ О.1.428.

рельское собр., № 140). В духе старинных миниатюр выполнялись в XIX в. лицевые изображения в рукописях старообрядческой традиции. Особенной популярностью у старообрядцев пользовались списки жития Василия Нового и видения ученика его Григория. Например, уже упоминавшийся сборник с изобилием миниатюр (собр. Богословского, № 41) содержит лицевые изображения, расположенные либо среди текста, либо на отдельных листах. Это рисунки пером с легкой раскраской в оранжевый, лиловато-пурпурный, желтый и зеленый тона (обычные при раскраске гравюр). Их иконография обычна для древнерусских рукописей, даже наименования их как «лице» подчеркивают, что это не просто картинки, а полные символические образы. И здесь не обходится без курьезов: когда миниатюристу нужно было изобразить двух «дельфимонов», которые вынесли Василия на берег, он, не зная, как их представить, рисует двух собак (л. 5).

Иногда обилие лицевых изображений в старообрядческих сборниках вынуждало миниатюристов вклеивать складывающиеся (и разворачивающиеся при чтении книг) рисунки. Примером могут служить лицевая рукопись (Отдельн. поступл., оп. 24, № 13; включает житие Василия Нового, Григориево видение, повести из «Великого зеркала», патериков, Старчества и т. п.), а также рисунки XX в., выполненные Н. П. Шестаковым (Красноборское собр., №№ 20 и 83) и, по-видимому, предназначавшиеся для вклейки в рукописную книгу. Сопоставление миниатюр из сборника XIX в. с рисунками Н. П. Шестакова позволяет оценить своеобразную устойчивую традицию, сложившуюся в Красноборском районе Архангельской области и существовавшую не менее столетия. В частности, здесь особенно характерны архитектурные фоны и интерьеры; в оконных проемах видны срезанные по вертикали полуфигуры; цветы и деревья имеют фантастический вид.

К старообрядческим сборникам относится рукопись (собр. Петрца, № 541) с изображением Максима Грека. Его образ здесь может быть отнесен к типу святого (преподобного), а не ученого и писателя; он напоминает его условные иконописные, а не рукописные портреты.³⁰

Лицевой Октай, или сборник крюковой, 1835 г., сибирского письма с тремя миниатюрами, заставками, буквицами обнаруживает связь с традицией украшения поморских рукописей (Отдельн. поступл., оп. 25, № 50).

В традиции древнерусских житийных списков украшена миниатюрами «История о взятии Соловецкого монастыря» Семена Денисова (собр. Каликина, № 14).

³⁰ О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека. ТОДРА, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 301—309.

Среди старообрядческих сборников XIX в. нельзя не назвать рукопись из собр. Перетца, № 625, состоящую из рисунков (иногда с текстами), нередко восходящих к лубкам, настенным гравюрам и другим источникам.³¹ В сборник вложены более поздние рисунки (лл. 26 об. и 27), восходящие к Апокалипсису; здесь представлены лжепророк с «числом звериным 666», царь Алексей Михайлович, патриарх Никон и «старец Арсений» (видимо, Арсений Суханов).³²

Парное изображение царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, сходное с прорисью конца XVII в., включенной в Сийский иконописный подлинник, находим и в лицевом сборнике сочинений протопopa Аввакума (Отдельн. поступл., оп. 24, № 16, л. 13). Этот сборник первой четверти XIX в. содержит редкие иллюстрации (конца XIX—начала XX в.) к «Житию» Аввакума.³³ Оформление рукописи в целом носит подражательный и эклектический характер. Здесь встречаем мотивы плетенки, зооморфные заставки и концовки — с птицами, лошадьми, оленями на полях, растительные и геометризванные орнаменты, буквы, т. е. самые разновременные мотивы. Выполнены все они тонко, с тщательностью, но колорит их неустойчив: в плетенке видим то красный фон и голубой контур (л. 2 об.), то синий фон и красный контур (лл. 3 об., 76 об., 117 об.), и т. д. В сборнике всего 9 миниатюр, две из них изображают царя Алексея Михайловича: на л. 13 в рост, с патриархом, как уже упоминалось выше, а на л. 3 об. он представлен один, погрудно; остальные 7 миниатюр — сцены жития Аввакума. Это акварельные рисунки, вклеенные в рукопись и, как правило, расположенные на лицевой и оборотной сторонах вклеек (лл. 3, 3 об., 13, 76, 76 об., 82, 82 об.,

³¹ См. ниже, статью О. А. Белобровой «Настенные листы», стр. 329.

³² Воспроизведение рисунков из рукописи ИРЛИ, оп. 13, № 625, лл. 26 об. и 27 см. в изд.: M. Cherniavsky. The Old Believers and the New Religion. Slavic Review, Washington, 1966, vol. XXV, № 1, March, fig. 6. Сатирические изображения царя и патриарха известны в рукописях поморской традиции. Ср.: В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 9, 390—403. Наряду с этим укажем на существование вполне благочестивого образца: мирно беседующих царя Алексея Михайловича и патриарха Никона находим в прорисях Сийского иконописного подлинника, см.: Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. III. ПДПИ, вып. СХХII, СПб., 1897, стр. 136, табл. XLIII).

³³ Перечень миниатюр, сведения об их авторе — ярославском иконописце А. А. Великанове и воспроизведение миниатюры «Боярыня Морозова навещает протопopa Аввакума в темнице Николо-Угрешского монастыря» приведены в изд.: В. И. Малышев. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел ИРЛИ за 1952—1954 годы. Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VI, М.—Л., 1966, стр. 102, вклейка между стр. 100 и 101. Ср. также: В. И. Малышев. История «иконного» изображения протопopa Аввакума. ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 397. При изучении манеры А. А. Великанова были учтены рукописи с миниатюрами его работы из собрания В. В. Лукьянова в БАН СССР.

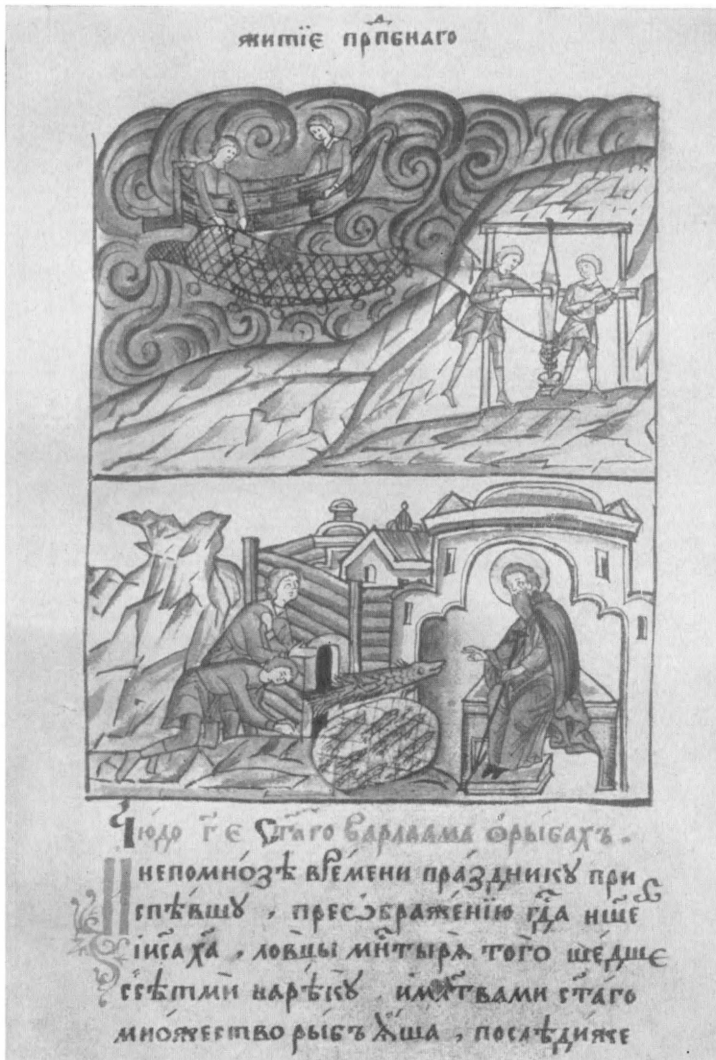

Рис. 4. Чудо св. Варлаама Хутынского о рыбах. Миниатюра из сборника житий XVII в. (собр. Каликина, № 35, л. 71 об.).

Рис. 5. Миниатюра к главе 35 Апокалипсиса XVII в.
(Карельское собр., № 247, л. 62 об.).

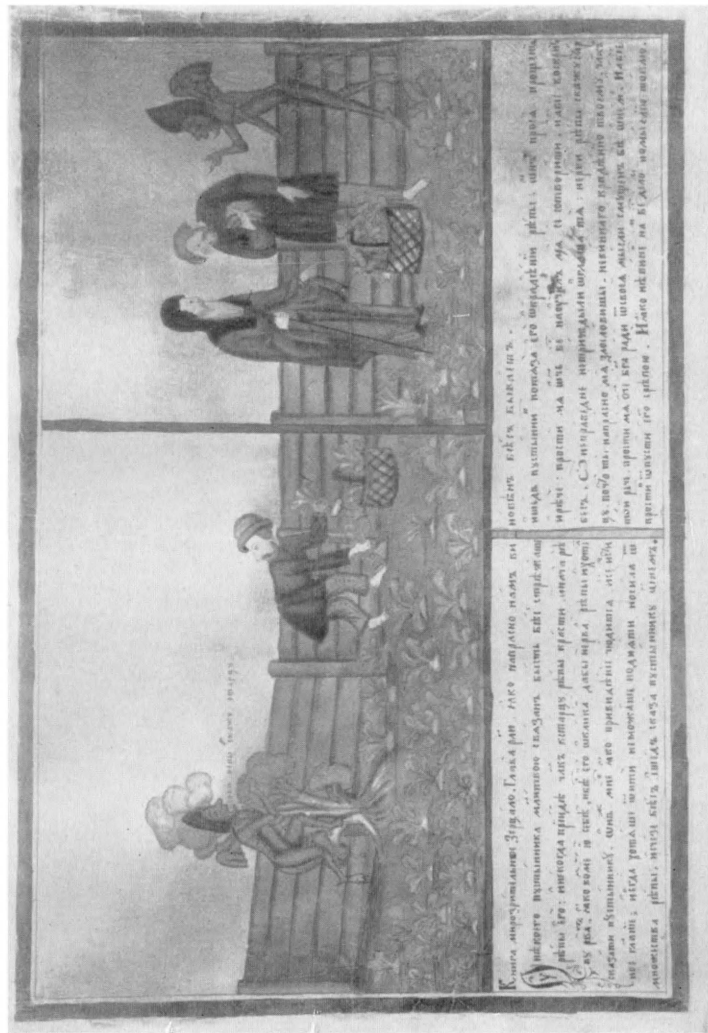

Рис. 1. Картинка „Яко напрасно нам виновен бес бывает“ (Отдельные поступления, оп. 23, № 28; 47.5 × 32.2 см). XIX в.

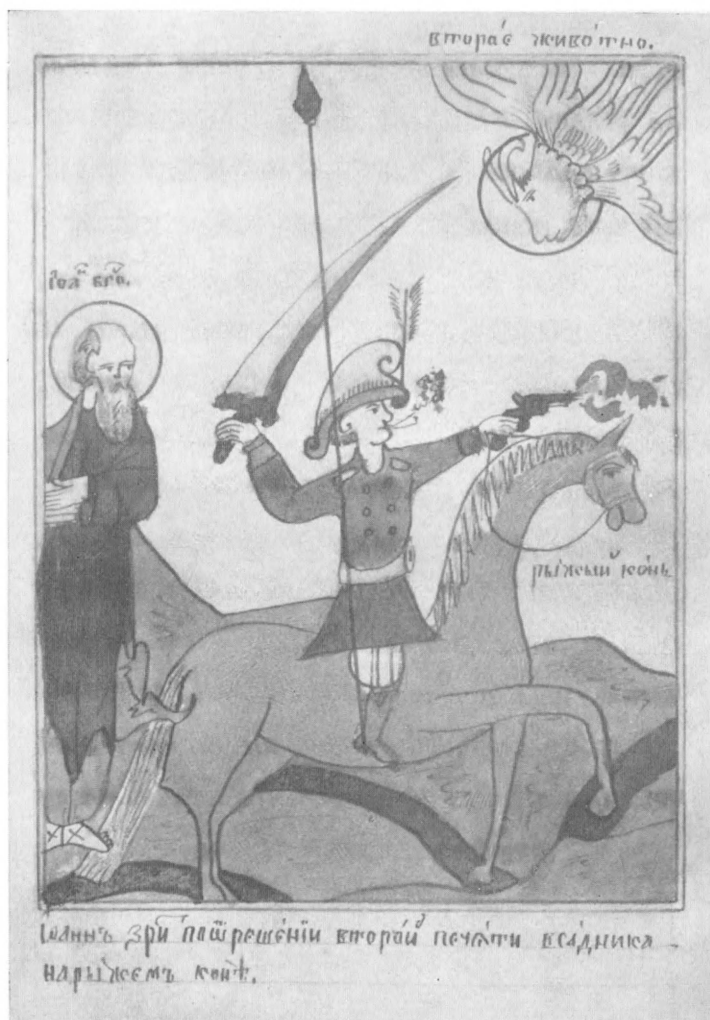

Рис. 6. Миниатюра к главе 14 Апокалипсиса XIX в.
(Керженское собр., № 74, л. 82 об.).

Рис. 2. Портрет выговского наставника Петра Прокопьевича (Отдельные поступления, оп. 23, № 46; 16.4 × 19.2 см). XIX в.

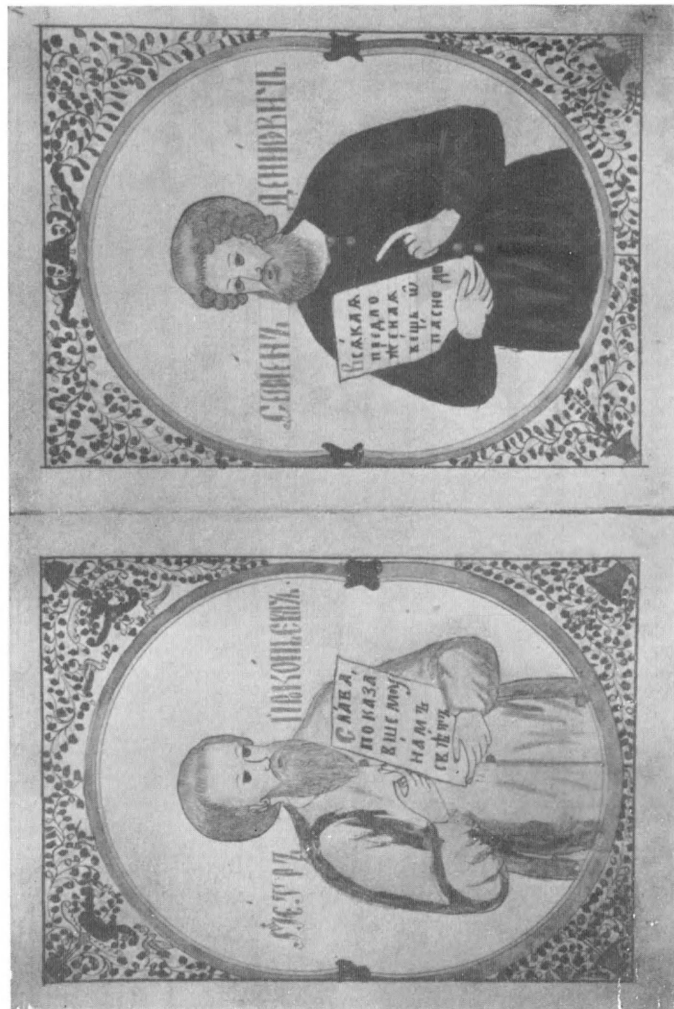

Рис. 3. Портреты выговских наставников Петра Прокопьевича и Семена Денисовича в старообрядческом сборнике, в 4-ку (собр. Перетца, № 625, л. 10 об. и 11). XIX в.

153 об., 154). Миниатюрист обычно делал карандашный набросок (см. л. 82 об.), затем обводил его пером и раскрашивал, пользуясь при этом сильно разбеленными, глухими тонами. Впрочем, в миниатюре на л. 3 («Видение Аввакума») применяется только кистевая техника, без рисованного контура. Весьма возможно, что подобная разница вызвана различием привлекавшихся ярославским иконописцем А. А. Великановым прототипов. Может быть, для миниатюры «Видение Аввакума» он опирался на уникальное иконное изображение протопopa, а в остальных случаях отталкивался от прорисей к общепринятым житийным эпизодам. Выбранные для иллюстрирования сюжеты позволяли изображать мучение и стойкость Аввакума (например, наказание батогами, сожжение). Общее впечатление от миниатюр можно сравнить с впечатлением от палехской живописи, в которой подчеркнута иконописность всех изобразительных приемов.

Среди рукописей, украшенных в более светской манере, отметим месяцесловы (собр. Перетца, № 635; Усть-Цилемское новое собр., № 35; собр. Груздева, № 5). Наиболее интересны поморские, выговские, богато орнаментированные списки: один 1841 г., на сложенном в 9 раз листе (собр. Груздева, № 5), другой, 1829 г., в 8-ку, с миниатюрами.³⁴ Среди них символы времен года, вписанные в затейливые картуши из гирлянд цветов и плодов и выполненные с применением графичного перового контура (ленты, вазоны) и кистевой росписи с размывкой (незабудки, розы), на золотом фоне. На л. 85 об. в рамке-заставке погрудное изображение Епифания Кипрского, по предположению Ю. К. Бегунова — патрона художника, скрывшего свое имя за инициалами «Е<пифан?>. Н.». ³⁵

К светской, вполне свободной от подражания древнерусскому образцу манере исполнения следует отнести и рисунки XIX в., связываемые с К. И. Уткиным (собр. Богословского, № 60), среди которых находится выразительная сатира на злоупотребление чаепитием (л. 18 об.); в других случаях изображены дровосек, пахарь, нищие, встречаются библейские сцены. Эти рисунки — то карандашные, то перовые — не всегда умелые, но довольно живые и разнообразные. Они помогают определить обширный круг чтения рисовальщика.

Так же вполне реалистичен рисунок портового города, судя по силуэтам — Константинополя, наклеенный на обложку сборника житий, переписанного в 1844 г. Калистратом Мефодиевым (собр. Перетца, № 611). Может быть, изображение Царьграда

³⁴ Воспроизведение рамки-заставки на л. 4 и миниатюры «Лето» на л. 93 см. в изд.: Ю. К. Бегунов. Миниатюры поморского месяцеслова. Искусство, 1965, № 7, стр. 64.

³⁵ J. Begunov. Rukopisi iz Ust'Cil'my (отчет об археографической кино-экспедиции). Die Welt der Slaven, Jahrgang XIII, H. 4, 1968, SS. 408—409, 415.

не совсем безразлично к составу сборника, в котором немало переводных греческих житий, в том числе Нифонта Кипрского, Иоанна Милостивого и многих других.

Лицевые рукописи начала XX в. немногочисленны. Среди них Акафист московскому князю Даниилу с его изображением, отделенно напоминающим парадный царский портрет XVIII в. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 3, л. 2 об.), Октай с рисунком ангела с бледно-зелеными волосами (Отдельн. поступл., оп. 25, № 31, л. 18), сборник с рисунками Ф. И. Вокуева, в числе которых изображение архангела с трубой (Усть-Цилемское собр., № 227, л. 16 об.). Лишь вспомогательное значение, в качестве наглядных образцов, имеют рисунки пером с раскраской в сборнике «История Ветковской церкви» (Мезенское собр., № 67), воспроизводящие изображения клобука, алтарной завесы, предметов священнического облачения и т. п. Следует также назвать лицевой, хотя и неполный, список жития Василия Нового в составе сборника житий (Верхнепечорское собр., № 119). Здесь находим 13 рисунков пером с раскраской в гамме холодных анилиновых цветов. Изображения традиционны, их уровень не выше ремесленного.

В конце краткого обзора нельзя не выразить пожелания, чтобы для всестороннего изучения собрания лицевых рукописей ИРЛИ был составлен их полный каталог, с привлечением аналогий и источников из других архивохранилищ. Только тогда удастся сделать более ясные выводы о значении нашего собрания для истории культуры оформления рукописных книг.

О. А. Белоброва

НАСТЕННЫЕ ЛИСТЫ

(краткий обзор)

В собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома особое место занимают единичные листы с различными изображениями. Общее число их — около 50. Среди них находятся так называемые прориси — образцы для иконописцев и миниатюристов; рукописные копии с печатных лубочных картинок; печатные листы; старообрядческие перовые рисунки (крестов, напросвирных печатей и т. п.); орнаментированные стихиры (например, на Рождество, на Воздвижение креста) и др. Кроме того, имеется более 60 листов отрывков из лицевых рукописей, в том числе миниатюры, еще не вшитые или не вклеенные в книги. Для выявления и изучения всех этих материалов большое значение имеет список лицевых рукописей, опубликованный В. И. Малышевым еще в 1965 г.¹

¹ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 171—176 («Лицевые рукописи»).

Обратимся к прорисям. Они (например, ИРЛИ, р. IV, Красноборское собр., № 93 и Отдельн. поступл., оп. 23, № 129) выполнены на бумаге XIX в. Некоторые прорисы претерпели позднейшие изменения: на них видны обводка чернилами поверх контура, кое-где раскраска. Листы, происходящие из Красноборского собрания, выполнены на бумаге первой четверти XIX в. (филигранны близки к №№ 123—124, 126—128 Клепикова). Все они связаны с эсхатологической тематикой: изображены то грешники в вертепе, то адская пучина, поглощающая мужей и жен, то бесы со свитками, то ангелы на облачках, и т. п. Весьма вероятно, что эти прорисы служили пособием не одному поколению миниатюристов для украшения рукописей сложными многофигурными изображениями, располагавшимися на длинных вклейках, свернутых в размер книги. Примерами сборников с миниатюрами такого типа и именно данного масштаба могут служить рукописи под шифрами оп. 24, №№ 13 и 20, XIX в., и многие другие. Примечательно также погрудное изображение святого без нимба на бумаге XIX в. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 129; 22 × 36,5 см). Оно могло предназначаться либо для иконы — типа аналойной, либо для настенного листа, но уже не для рукописи.² Самостоятельное значение имели также когда-то прорисы, позднее вклеенные в Иконописный подлинник первой половины XIX в. (собр. Перетца, № 524) вместе с книжными литографиями и рисунками. Чтобы вместить их в рукопись в 4-ку, многие листы надрезали или срезали по углам. Часть листов выполнена здесь в технике наклочки, большинство прорисей контурные, иногда черно-красные, иногда однотонные. Наклеенные здесь листы выполнены на бумаге разных цветов (от голубоватой до коричневатой-желтой) и относятся к разным десятилетиям XIX в. Здесь встречаются многофигурные композиции двенадцатых праздников и миниатюрные фигуры святых из деисуса, парные изображения святых «целителей» Козьмы и Дамиана и многие другие. В ряде случаев очевидна система получения зеркальных оттисков для парных икон (лл. 14, 15 и др.). Все эти прорисы после их вклейки в рукопись стали миниатюрами-иллюстрациями данного сборника.

Рукописные копии лубочных картинок могут быть представлены, например, перовым раскрашенным рисунком «Семь смертных грехов» (Отдельн. поступл., оп. 23, № 28; 38 × 29,4 см) с кратким текстом. Этот лист восходит в конечном счете к гравированному изображению Симона Ушакова, 1665 г., однако он несет черты позднейших трансформаций — XVIII—XIX вв., отмеченные еще Д. А. Ровинским.³ Орнамент круглых медальонов,

² По невыясненным причинам это изображение считается портретом старобрядческого наставника Семена Денисовича.

³ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III. СПб., 1881, стр. 157—160; кн. IV, стр. 567—568.

закрывающих тексты о грехах, и почерк писца типично поморские. Как удалось определить, наш лист происходит из собрания А. Е. Бурцева и был опубликован еще в начале XX в.⁴

Большой настенный лист с 12 сценами из истории грешника (Отдельн. поступл., оп. 23, № 28; 53 × 71 см) — перовой рисунок с раскраской в теплой цветовой гамме — также восходит к гравированным народным картинкам XVIII—XIX вв. под условным названием «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего».⁵ В нашем листе сохраняются общая для всех этих гравюр композиция, последовательность сцен и текстов. Имеются при этом и некоторые отклонения от гравюр, например в первой сцене с изгнанием бедных просителей; особой выразительностью в нашем рисунке наделены дьявол и его «мурины».

Очевидно, к концу XIX или к началу XX в. относится настенный лист «Врачевание духовное»; или «Врачебница», с текстом внизу (собр. Каликина, № 64; 33.7 × 43.8 см). Этот рисунок пером с раскраской в холодноватой цветовой гамме (ярко-желтый, зеленый, малиновый тона) не особенно искусен. Протооригиналом этого листа были также русские народные гравюры XVIII—XIX вв., известные под названием «Аптеки духовной»;⁶ сравнение нашей картинки с этими оттисками позволяет оценить наивное простодушие неискушенного художника, старательно передавшего самое для него главное — назидательность нравучения.

Также к концу XIX в. следует отнести изображение «Всешутейшего собора Петра I» — акварель с размывкой, с применением слегка разбеленных красок, с текстом об упразднении патриаршества и о шутовской свадьбе Никиты Зотова с ржевской старицей. Эта многофигурная композиция (вверху 26 фигур, внизу 21) не имеет сколько-нибудь известных аналогий. Приведенный текст иллюстрируется здесь достаточно полно; в частности, художник принял во внимание, что «все царедворцы были одеты в платье шутов и скоморохов и иностранцев, а народу было вывезено много сороковок (бочек) вина...». Некоторые просчеты художника можно увидеть в неумелом размещении фигур в рамке листа. На оборотной стороне находится «План отхожей пожни на р. Сухоне (Кадниковский уезд Воло-

⁴ А. Е. Бурцев. Библиографическое обозрение древнеславянской и русской письменности от XIV до начала XX в., т. V. М., 1904, вклейка между стр. 31 и 32.

⁵ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 77—80, № 726; кн. IV, стр. 544. Нами привлекалась в качестве протооригинала гравюра XIX в. из собрания ГПБ, Э Даль 2.42.

⁶ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 53, № 708.

годской губ.)» начала XIX в. с масштабным чертежом и с гербовой печатью сверху. Нельзя не припомнить здесь, что некоторые народные картинки — также перовые рисунки с раскраской конца XIX в. — выполнялись на оборотной стороне подобных планов того же Кадниковского уезда Вологодской губернии, относящихся опять-таки к началу XIX в. Это было отмечено еще В. И. Срезневским⁷ по поводу копий лубков (ныне хранятся в собрании рукописей БАН СССР).⁸

Наряду с рисунками, сделанными с печатных листов, в собрании ИРЛИ хранится несколько подлинных лубков. Среди них наиболее интересны «Сирин» и «Алконост». Это парные раскрашенные гравированные изображения (Карельское собр., № 474; 31.2×40.2 и 31.4×40.2 см), наклеенные на картон и сильно пострадавшие от времени.

В собрании преобладают, однако, гравированные изображения духовно-нравственного содержания конца XVIII—начала XIX в. Назовем, например, раскрашенную гравюру «Введение пр. богородицы» (Северодвинское собр., № 89; 36×43.5 см),⁹ два листа «Молитвы святителю Николаю чудотворцу» (Северодвинское собр., № 89; 33.2×42 см и 33.2×41 см),¹⁰ «Распятие» (Северодвинское собр., № 89, лист сохранился не полностью). Эти гравюры, не поднимаясь выше ремесленного уровня, связаны еще с народной традицией. Более поздние печатные листы, середины и конца XIX в., уже лишены непосредственности народных картинок. Таковы «Троица новозаветная» (Северодвинское собр., № 89; 34.3×40.3 см), отпечатанная в 1850 г. «в Металогр. А. Логинова», «Суета сует всяческая суета» (Карельское собр., № 474; 36.1×44.3 см) с датой 1884 г. и указанием на литографию Морозова в Москве и цветная литография «Изображение жития преподобных Мария Египетския» (Карельское собр., № 474; 29.6×37.2 см). Гравированный настенный лист с изображением Голгофы, напросвирной печати, жезла митрополита Петра, алтарного престола, дискаса сопровождается текстом с обоснованием двуперстия (Отдельн. поступл., оп. 23, № 108; 31.6×52 см). Подобные изображения встречаются и в весьма посредственных рисунках. Таков, например, настенный перовой рисунок с раскраской (Отдельн. поступл., оп. 23, № 28; 31.3×42.5 см); таковы и портативные рисунки (Верхнепечорское собр., № 78, 68.7×30.8 см и № 99, 11.2×8.6 см).

⁷ В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 407, 408—409.

⁸ «Видение св. Антония» (БАН, 28.7.1; 37.3×52.5 см) и «О девице Марии и ее посмертном явлении отцу» (БАН, 28.7.2; 54×38 см).

⁹ Ср.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 457, № 1163.

¹⁰ Ср.: там же стр. 651, №№ 1569—1572.

Примечательны картинки на темы, затрагиваемые в старообрядческих сборниках. Например, два листа с известным текстом «Сказания о лестовке» и наглядным изображением ее (Северодвинское собр., № 88, 22.2×35 см; Усть-Цилемское новое собр., № 21, 19.2×27 см). Последний из них — рисунок пером с очень деликатно выполненной раскраской нежно-розовым и зеленым тонами. Особенно выразителен настенный лист с двумя изображениями и текстом целой главы (138-й) сборника «Зерцало мирозрительное» (Отдельн. поступл., оп. 23, № 28: 47.5×32.2 см) — «Яко напрасно нам виновен бес бывает» (рис. 1). Эта картинка изображает кражу репы крестьянином, его попытку свалить воровство на беса, негодование последнего (ведь он кричал вору: «не рви репы, скажу старцу»), смущение крестьянина, изобличенного во лжи перед старцем. С большой любовью и знанием предмета художник изображает гряды репы, наполненные репой плетеное лукошко. Текст главы приведен в нижней части листа полностью.¹¹ Этот рисунок по-своему идиличен, — перед нами настоящая народная картинка.

Выделяется редкостью иконографического типа изображение «Богородицы — Умягчения злых сердец». Этот акварельный рисунок с жестким перовым контуром подписан и точно датирован автором — Агапитом Матвеевичем Беловым (1911 г.). А. М. Белов в подписи называет свой рисунок не образом, не иконой, а именно «картинкой». Недаром он придал рисунку такую вольную, яркую цветовую гамму: розовая, зеленая, светло-коричневая — все «анилиновые» краски холодных оттенков.

Привлекают внимание и другие рисунки с приписками авторов. Например, весьма посредственный лист с рамкой-заставкой (Сирин и Алконост) «Стихира Рождеству Христову», XX в. (Причудское собр., № 110; 22.7×35 см) имеет на обороте две надписи: «ни мудра моя работа, но вгодить тебе ахота» и «ни мудра моя работа, угодить мани ахота».

Наибольший интерес в коллекции настенных листов ИРЛИ представляют портреты старообрядческих наставников. Прежде всего выделяется целый «иконоста» представленных погрудно одиннадцати выговских деятелей. Все портреты выполнены на бумаге в одно время, по единому замыслу, с соблюдением центрической композиции и были рассчитаны на развеску в один ряд (Отдельн. поступл., оп. 23, № 46; размер каждого листа 24.3×32.8 см). Здесь в центре четыре монаха (крайние в трехчетвертном повороте к середине); слева три, а справа четыре полуфигуры в кафтанах, с развернутыми свитками. Все представлены без нимбов. У всех четырех иноков одинаковые жесты рук; у остальных семи расположение рук меняется через одного,

¹¹ Текст сверялся по сборнику ИРЛИ, собр. Каликина, № 17, л. 220—220 об. Сюжет этот известен и по сборнику «Великое зеркало».

но всегда в одной руке развернутый свиток, а другая рука у груди. Рисунок и колорит портретов очень своеобразны. На первый взгляд все портреты подчеркнуто плоскостны и условны. Например, у всех фигур обозначен объем только правого плеча (в то время как у некоторых плечо поднято не правое, а левое). Коричневым контуром намечены черты лица, пряди волос, причем расположение морщин и мускулов на лице напоминает текстуру дерева. Часть наставников (кроме монахов в центре) в коричневато-желтоватых, а часть в серовато-черноватых одеждах. У всех миндалевидные, широко раскрытые глаза с черными зрачками. Однако вглядываясь в эти изображения, понимаешь, что художник не только унифицировал портретируемых, но и сохранил известную индивидуализацию. Например, разной высоты лоб, разная форма черепа, по-разному переданы волосы — то русые с крутыми завитками, как у Мануила Петрова, то выходящие пряди бороды, как у Семена Денисова, и т. п. Немалую роль играют свитки и тексты на них. Каждый лист имеет подпись — имя и отчество изображенного лица, помещенные слева и справа от головы. Все листы перенумерованы вверху карандашом. Кроме того, на трех листах дополнительно приписано другими чернилами под именами: «поморския || старцы и создатели || Выговской пустыни».

Представляется, что эти листы были выполнены не позднее первой четверти XIX в. (а может быть, еще в конце XVIII в.) и что они украшали собой просторное помещение деревянного здания — возможно, покои наставника Выговской обители. Думается, что это было убранство не из дешевых. Куда проще было бы изобразить всех на иконных досках (или даже на общей доске).

Как нам удалось установить, все эти 11 портретов в начале XX в. принадлежали А. Е. Бурцеву; все они были тогда репродуцированы в цитированном выше его труде (без какого-либо описания, но с указанием их редкости в подписях под репродукциями).¹² Редкость подобных изображений отмечал еще Д. А. Ровинский, писавший, что такие портреты «при сильном гонении на раскольников... могли проникать только в богатые раскольниковы дома и ставились там в молельнях наравне с иконами».¹³

В другом своем труде Д. А. Ровинский опубликовал из личной коллекции гравюру со стихотворной надписью под портретом

¹² А. Е. Бурцев. Библиографическое обозрение древнеславянской и русской письменности от XIV до начала XX в., т. III. СПб., 1904, вклейка между стр. 82 и 83, стр. 156, 130, 124, 173. Из современных публикаций этой серии назовем репродукцию портрета Ивана Филипповича в работе В. И. Малышева: V. Malyshev. The Confession of Ivan Filippov, 1744. Oxford Slavonic Papers, vol. XI, 1964, вклейка между стр. 22 и 23.

¹³ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. V. СПб., 1881, стр. 80—81, прим. 67.

Даниила Викулина¹⁴ и попутно указал, что это «плохой, но довольно редкий лист». В собрании ИРЛИ следует отметить рисунок пером и кистью именно с этой редкой гравюры с теми же стихами: «Се Даниил он сын Викулов честен был / Что святость веры дел собой он сохранил» (Отдельн. поступл., оп. 23, № 128; 26.7 × 37.4 см). Следует учесть, что Д. А. Ровинскому были неизвестны 11 бурцевских портретов выговских наставников, отдельные их изображения, хранящиеся ныне в собраниях Музея истории религии и атеизма и Рукописного отдела БАН. Именно поэтому он не назвал прототип для опубликованной им гравюры. Нам же представляется, что бурцевские портреты, относящиеся к концу XVIII—началу XIX в., и явились образцами для дальнейшей переработки, правда, не всегда одинаково совершенной в художественном отношении. В частности, изданная Д. Е. Кожанчиковым в 1862 г. «История Выговской старообрядческой пустыни» сопровождалась 11 литографиями с изображением тех же лиц в той же самой иконографии. По-видимому, портреты типа бурцевских копировались, перерисовывались. Особенно близки к ним два листа с парными портретами Епифания и Корнилия, Кирилла и Виталия первой половины XIX в. (собр. Каликина, № 92; 35.4 × 22.1 см и 35 × 22.2 см). Отличие составляет лишь рамка вокруг каждого портрета. Иконографическое родство с бурцевской серией обнаруживается и в миниатюрах старообрядческих рукописных сборников из собрания ГПБ.¹⁵ Зато совсем далек от своего раннего прототипа рисунок в красках с изображением Петра Прокопьева начала XX в. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 92; 17.5 × 26.7 см).

В собрании ИРЛИ, кроме того, имеется еще ряд изображений старообрядческих выговских наставников, исполненных в другой художественной манере. Это портретные миниатюры в фигурных рамках из двух полуovalов, изображающие по-прежнему Петра Прокопьева (Отдельн. поступл., оп. 23, № 46; 16.4 × 19.2 см; см. рис. 2) и Семена Денисовича (Отдельн. поступл., оп. 23, № 46; 13.6 × 18.9 см) в трехчетвертном повороте один к другому, со свитками, и парное изображение в такой же рамке двух иноков — Корнилия и Виталия, в рост, на фоне деревянных строений и угодий Выговской обители (Отдельн. поступл., оп. 23, № 46; 16.2 × 19.8 см). Эти портреты менее аске-

¹⁴ Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. I. СПб., 1886, стлб. 497—498.

¹⁵ ГПБ, Q.I.1228, лл. 1 об., 180 об., 360 об. (это миниатюры с искусными изображениями Петра Прокопьева, Даниила Викулова и Андрея Денисова; ср.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1898 г. СПб., 1902, стр. 173); ГПБ, Q.I.317, л. 449 об. (миниатюра со сходным изображением Андрея Денисова; ср.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, стр. 159). См. также: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912, стр. 77, 128—129, 240.

тичны, их цветовая гамма ярче и разнообразнее, рисунок более объемный. Однако представленные на них лица кажутся менее значительными и примечательными, чем в серии 11 портретов. Данные миниатюры, по всей вероятности, тоже составляли целый ряд — серию или комплекс. Судить об этом позволяет рукописный сборник ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 625, где находятся четыре миниатюры, явно воспроизводящие портреты выговских наставников именно этого характера. Среди них не только воспроизведения уже известных нам портретов Петра Прокопьева и Семена Денисова со свитками (лл. 10 об. и 11; см. рис. 3), но и портреты Даниила Викулина и Андрея Денисова в подобных же заovalенных профилированных рамках, также с текстами на свитках. Легко убедиться в том, что эти портреты попали в рукописный сборник № 625 именно путем копирования настенных листов, а не наоборот. Дело в том, что в данном сборнике находится еще ряд рисунков в красках, восходящих к самостоятельно существовавшим картинкам. Среди них «Сказание о лестовке» (л. 3 об.), близкое к упоминавшемуся выше экземпляру ИРЛИ (Усть-Цилемское новое собр., № 21); изображение праведной души (л. 12 об.);¹⁶ три рисунка на тему притчи из Синодика о двух юношах (лл. 17, 17 об. и 18), восходящие непосредственно к раскрашенной гравюре 1830—1840-х годов, известной еще Д. А. Ровинскому.¹⁷ Наконец, миниатюры сборника на тему об истинных крестах, митре, двуперстии также, возможно, восходят к печатным настенным листам. Впрочем, эти изображения могли проникнуть и из рукописных сборников. Особенно убедительна связь народных картинок с миниатюрами этого сборника на примере миниатюры на л. 2 об., где изображены семь смертных грехов.

Сборник был создан не позднее третьей четверти XIX в. Он позволяет судить о знакомстве миниатюриста и составителя сборника с народными картинками. Таким образом, изучение единичных и особенно настенных листов может оказать неоценимые услуги при изучении ряда лицевых рукописных книг. Тем самым точнее определяется место картинок и рисунков в рукописных собраниях. Среди картинок с пространными текстами собрания ИРЛИ можно назвать настенное нравоучение Тихона Воронежского и Елецкого (Отдельн. поступл., оп. 23, № 30; 33.2×50 см)

¹⁶ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. III, стр. 137—138, № 760. Ср. гравюру 1820—1830-х годов из собр. ГПБ, Э ^{Даль} 2-120.

¹⁷ Д. А. Ровинский (Русские народные картинки, т. III, стр. 53—54, № 709) сообщает о двух разновременных гравюрах на эту тему — первой половины XVIII в. и 1830—1840-х годов. Оттиск последней, привлекавшийся нами из собрания ГПБ, Э ^{Даль} 2-36, и явился прототипом трех миниатюр сборника № 625. Три миниатюры Синодика 1788 г. (ИРЛИ, собр. Перетца, № 401, лл. 47—49) близки к более ранней гравюре, XVIII в.

с его погрудным изображением, неумелым по рисунку и неискусно раскрашенным.

В настоящем обзоре не рассматриваются листы миниатюр для рукописей, еще не вплетенные в них, или из старых рукописей, почему-либо отделенные от текстов сборников. Отчасти они уже упоминались в обзоре лицевых рукописей.

В итоге следует указать, что коллекция картинок ИРЛИ заслуживает специального изучения и сравнения с аналогичными коллекциями крупных архивохранилищ и музеев.

Л. А. Дмитриев

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КНИЖНО-РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИЙ ЗАОНЕЖЬЯ

Особенностью собрания древнерусских рукописей Пушкинского дома является не только его молодость, но и то, что оно составлено преимущественно из рукописей, собранных и собираемых археографическими экспедициями. Систематическое собирание рукописей в определенных районах Советского Союза дает возможность изучать рукописную традицию локально-определенной местности. Именно такой характер рукописных фондов древнерусского собрания Пушкинского дома позволил В. И. Малышеву, в течение многих лет собиравшему рукописи в Усть-цилемском районе Коми АССР и составившему цельное обширное собрание усть-цилемских рукописей, восстановить историю рукописно-книжной традиции Низовой Печоры, выявить местных писателей и их произведения, воссоздать картину культурного влияния русской рукописной и старопечатной книги на коренное население. Поэтому-то книга В. И. Малышева «Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.»¹ оказалась не просто археографическим описанием собранных материалов, но и очерком истории книжной культуры Низовой Печоры.

Среди фондов, образующих собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома, значительное место занимает Карельское собрание,² насчитывающее в настоящее время 522 единицы хранения. Карельское собрание составлено из рукописей, поступивших в Пушкинский дом из Института истории, языка и литературы Карело-финской базы Академии наук СССР, а также приобретенных в различных районах Карельской АССР и Мурманской области археографическими экспедициями Пушкинского дома. Собрание рукописей Карело-финской базы, являющееся ядром Карельского собрания Пушкинского дома, составлено также

¹ В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

² Обзор собрания см.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 38—52.

из приобретений археографических экспедиций, организовывавшихся в свое время Карело-финской базой. Необходимо отметить, что подавляющее большинство рукописей Карело-финской базы — результаты археографических поездок В. И. Малышева. В Карельское собрание входят рукописи, найденные в селах и деревнях по побережью Белого моря, в Пудожском районе Карельской АССР, в Мурманской области и в Заонежье.

Заонежье, своеобразный заповедник самобытной культуры Русского Севера, привлекало к себе внимание и искусствоведов, и этнографов, и фольклористов. Большой интерес представляет этот уголок Русского Севера и как один из старейших центров книжной культуры. Восстановить историю рукописно-книжной культуры Заонежья, составить представление о ее характере дают возможность собранные здесь рукописные и старопечатные книги, материалы археографических поездок в этот район. И большое значение для решения этой проблемы имеет рукописное собрание Пушкинского дома.

И географически и исторически Заонежье было тесно связано со старообрядческим Выго-Лексинским общежитием. Хорошо известно, какую большую роль сыграл этот старообрядческий монастырь в истории Русского Севера в XVII—XIX вв., и в частности в истории книжности в этот период. И Данилов монастырь на Выге, и его женский филиал на Лексе за свою многолетнюю историю создали в своих стенах богатейшие библиотеки древних рукописей и старопечатных книг. Многочисленные комисионеры этих монастырей всяческими способами собирали старинные книги для монастырских библиотек во всех уголках России. В стенах самих монастырей, и особенно на Лексе, велась большая работа по переписыванию книг. Так, в первой четверти XIX в. в одной только лексинской мастерской на переписке книг было занято несколько сот человек.³ В Выго-Лексинском общежитии были организованы специальные школы, готовившие писцов книг. Рукописи, созданные на Русском Севере в XVIII—XX вв., писались в традициях, выработанных в писцовых кельях Выга и Лексы. Как отмечает В. И. Малышев, все рукописи выговской традиции «отличаются высокохудожественной работой и резко выделяются из массы рукописного материала XVIII—XIX вв. чертами особого, присущего им стиля в миниатюрах, заставках, инициалах и особым „поморским“ почерком».⁴ В украшениях рукописей, в их миниатюрах, инициалах, заставках, отразились художественные вкусы жителей северных сел, создававших эти рукописи. Изучение этих особенностей рукописей Русского Севера

³ И. Шавелкин. Поморские старообрядческие скиты. (Из путевых записок). Русские ведомости, 1866, № 53, стр. 5—7.

⁴ В. И. Малышев. Как писались рукописи в Поморье в конце XIX—начале XX в. Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР, 1949, № 1, стр. 74.

бесспорно может дать очень ценный материал исследователю местной народной культуры.

В 50-х годах XIX столетия Выго-Лексинское общежительство было закрыто. Но выходцы с Выга и Лексы продолжали свою деятельность по переписыванию книг в скитах и старообрядческих селах. Книжные богатства Выго-Лексинской библиотеки частично были конфискованы официальными властями, частично распроданы самими же «старцами» и «монастырьками» любителям старины из Москвы и Петербурга, но немалая часть этого собрания разошлась по окрестным селам и скитам. Часть этих книжных богатств попала и в Заонежье. Было бы, однако, неверным считать, что только эти рукописи и составили книжно-рукописный фонд Заонежья.

Многочисленные археографические экспедиции последнего времени в самые различные места Советского Союза подтвердили высказываемое и ранее предположение, что основную роль в сохранении и бытовании рукописной книги в той или иной местности играли старообрядцы. А в Заонежье в этом отношении почва была вполне благоприятной, так как заонежане в подавляющем большинстве придерживались старой веры. Достаточно напомнить, что основателем Выговского старообрядческого общежительства был житель заонежского села Шуньги дьяк Данила Викулов. И, конечно, еще задолго до разорения Выго-Лексинского общежительства в самом Заонежье имелись и любители книг, собиравшие большие библиотеки из рукописей и книг дониконовской печати, и местные переписчики: многие из обучавшихся на Выге и Лексе писцовому делу возвращались по окончании обучения в свои села и деревни и здесь продолжали заниматься переписыванием книг. Хотя по официальным данным уже во второй половине XIX столетия большинство жителей Заонежья не считалось старообрядцами, тем не менее в душе, тайно все они, или по крайней мере большинство, оставались ревнителями старой веры и по-прежнему продолжали бережно относиться к «досельным» книгам, собирать и переписывать их.

Первым систематическим обследованием Заонежья с целью собирания там рукописных и старопечатных книг была археографическая поездка в эту местность в 1903 г. заведующего Рукописным отделом библиотеки Академии наук В. И. Срезневского. В 1905 г. он еще раз посетил Заонежье, но попутно и очень ненадолго. В 1903 г. В. И. Срезневский проехал от Шуньги до Сенной губы через Пабережье, Кажму, Медведово, Региматку, Калозеро, Космозеро и Великую губу, с заездами в близлежащие к этим основным пунктам места. Для В. И. Срезневского эта поездка явилась открытием своеобразного заповедника русской рукописной старины. В своем отчете он писал: «Есть деревни, где в редкой избе вы не найдете книгу — или рукописную или почевской и гродненской печати, икону старинного письма, картину,

ручное кадило — „дымил“; в редкой семье нет связи со старой верой, с какой-нибудь „монастыркой“, ушедшей или выгнанной с Лексы во время ее разорения, оставившей своим родственникам сбереженные с страшной опасностью предметы запретного церковного обихода».⁵ В Шуньге местный священник сказал В. И. Срезневскому, что в его приходе нет ни одного старообрядца и что надежда ученого «найти старинные книги у его прихожан неосуществима». «А на следующий день, — продолжает рассказывать В. И. Срезневский, — мне стали приносить книги, через день на рукописи я истратил более 60 рублей, а через три послал в Академию по почте несколько пудов своего сбора».⁶ Уже в то время В. И. Срезневский отмечал, что старинные рукописи гибнут из-за небрежного к ним отношения. Вместе с этим в его отчете приводятся факты, свидетельствующие о бережном отношении к книге, о большом интересе отдельных жителей к рукописной старине. Он писал: «Есть и доньне в тех краях собиратели книг — библиофилы; с одним из таких я встретился в одной из деревень Кижского прихода на берегу Онега; у него я видел целую библиотеку старопечатных книг, очень ценных, пополняющуюся до последнего времени. Недалеко от этой деревни есть еще библиотека, тоже принадлежащая крестьянину».⁷ В. И. Срезневский застал еще и местных переписчиков рукописных книг: «мне посчастливилось, — пишет он, — у скрытников читать их книги и самодельные рукописи и рассматривать миниатюры их письма еще в работе».⁸

К сожалению, открытие В. И. Срезневского не привлекло к себе должного внимания. Бесспорно, если бы начатое им собирание рукописей в Заонежье было бы тогда же продолжено в достаточной степени интенсивно, мы располагали бы теперь гораздо более обширным фондом заонежских рукописей.

Та картина высокоразвитой книжной культуры в Заонежье, которую нарисовал в своем отчете В. И. Срезневский, нашла подтверждение и через 50 лет, во время археографических поездок сюда в 1948 и 1949 гг. Количество найденных рукописей было значительно меньшим, чем у В. И. Срезневского, но рассказы заонежан свидетельствовали о том, что и после поездок Срезневского в Заонежье оставалось еще много как рукописных, так и старопечатных книг, которые к 1948—1949 гг. в основной своей массе погибли. В 1948 г. были обследованы деревни Великогубского, Космозерского, Фоймогубского, Толвуйского и Кузарандского сельсоветов, а в 1949 г. — деревни Типиницкого, Пайницкого и Деригузовского сельсоветов. Всего было приобре-

⁵ В. И. Срезневский. Поездка в Петрозаводск и Заонежье. Известия ОРЯС Академии наук, т. IX, кн. 3, СПб., 1904, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 20—21.

⁷ Там же, стр. 22.

⁸ Там же, стр. 21.

тено 29 рукописных и 4 старопечатных книги. Чем же объясняется скромность этих цифр? Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Заонежье было оккупировано, большая часть населения эвакуирована, а остававшиеся неоднократно переселялись с места на место. В результате этого много имущества было растеряно и брошено, и прежде всего, разумеется, страдали книги. Очень часто те заонежане, у которых по самым достоверным сведениям должны были быть старинные книги, полностью подтверждали это, но затем сообщали о том, что все погибло в годы войны, в том числе, конечно, и книги. На вопросы о «досельных» книгах не раз приходилось слышать в ответ, что книги, и именно «досельные», были, было их много, но старики, когда-то собиравшие и читавшие их, поумирали, и никого уже больше не интересовавшие, непонятные книги уничтожались или, в лучшем случае, отдавались тем, кто ими интересовался. К сожалению, чаще происходило именно первое. Весьма характерна в этом отношении судьба библиотеки при единоверческой церкви села Пайницы.⁹

Еще В. И. Срезневский отмечал, что при пайницкой церкви имелось большое собрание книг. В 1930-х годах эта церковь была закрыта, и все принадлежавшие церкви книги остались у священника, жившего тут же, в Пайницах. Мне удалось в 1949 г. побывать в доме этого священника и услышать от его дочери рассказ о судьбе пайницкой библиотеки. По ее словам, книгами у них был забит весь чердак, «вышка», как говорят в Заонежье. После смерти отца, который берег книги и говорил, что среди них имеются уникальные, его дочь, как рассказывала она сама, в течение нескольких лет жгла эти книги. Не верить этому было нельзя, так как жители Пайниц подтверждали, что хозяйка книг мешками сдавала их в утиль. Разумеется, среди книг этого собрания должны были иметься в немалом количестве поздние церковные издания, но бесспорно и то, что там могли быть и редчайшие рукописи, в том числе пергаменные. О последнем свидетельствуют и слова самой рассказчицы: «Иногда попадались книги, сделанные не из бумаги, а из чего-то твердого — кожи, наверное; их никак было не разорвать и приходилось сжигать целиком».

И однако, несмотря на все эти обстоятельства, и в 1948 и в 1949 гг. еще попадались рукописи, и среди них XVI в. Думается, более красноречивое свидетельство того, как богато было Заонежье рукописями, трудно найти.

⁹ Как известно, единоверие представляло собой своеобразный компромисс между старообрядчеством и православной церковью: старообрядцы принимали от церкви законное священство, церковь же разрешала старообрядцам соблюдать старые обряды и пользоваться старыми книгами. Это способствовало сосредоточению больших книжных богатств при единоверческих церквях.

Но не только находки книг и рассказы о когда-то имевшихся книжных собраниях дают представление о высоте книжной культуры Заонежья. И в 1948—1949 гг. встречались еще и живые хранители и знатоки книжно-рукописной старины.

В деревне Космозеро я познакомился с Иваном Михеевичем Абрамовым, 80-летним, ослепшим к этому времени стариком. И. М. Абрамов когда-то сам занимался переписыванием книг и был иконописцем. Хорошо помнил он и о посещении Заонежья Срезневским. И. М. Абрамов (это рассказал он сам) выполнял поручения В. И. Срезневского: после того как последний побывал в Заонежье, И. М. Абрамов собирал для него книги и посылал их в Петербург. Посылки эти, если доверять рассказчику, были довольно частыми. Начетчиком и знатоком старинного «юсового» письма был и 83-летний житель деревни Якорь-Ледина Михайло Федорович Котов. Но такие люди, как Абрамов, Котов и некоторые другие, были исключениями, а большинство владельцев старинных книг просто случайно имели у себя старые книги, доставшиеся им по наследству.

Рукописи, собранные В. И. Срезневским в Заонежье, вошли в более обширное Северное собрание, однако они могут быть выделены в этом собрании, так как в его описании указываются места приобретения. Заонежские рукописи Пушкинского дома также выделяются в Карельском собрании — на них имеется самостоятельная краткая опись.

До более или менее полного выявления заонежских рукописей по всем тем собраниям, где эти рукописи могут находиться,¹⁰ нельзя делать обобщающих выводов о характере рукописной традиции Заонежья. Однако как материалы, собранные В. И. Срезневским, так и заонежские рукописи Пушкинского дома дают материал для предварительных соображений по этому вопросу.

Сравнивая количество церковнослужебных текстов с текстами литературного и исторического характера, убеждаешься, что последних не только не меньше, а, скорее, даже больше, чем первых. Широко представлена в Заонежье житийная литература. Среди заонежских рукописей встречаются списки таких древнерусских литературных памятников, как «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о Дмитрие Басарге», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть об Азовском осадном сидении», «Повесть о Бове-королевиче», «Сказание об Индийском царстве», «Повесть о белом клобуке», «Слово о старом муже, како сватался на прекрасной девице», и целый ряд других произведений. Этот перечень достаточно ярко характеризует литературные интересы

¹⁰ В БАН, кроме собранных В. И. Срезневским, заонежские рукописи могут находиться в собраниях В. Г. Дружинина, Н. Е. Ончукова, Ф. А. Каликина; в ГБЛ — в собраниях Е. В. Барсова и Е. Г. Егорова; в ГИМ — в собрании Е. В. Барсова.

крестьян Заонежья: здесь и историко-героические сюжеты, и сказочно-повествовательные. Нельзя забывать и того, что и церковно-религиозные тексты могут дать обильный и интересный материал для суждений о книжно-рукописных интересах местного населения.

Многие церковно-религиозные сборники, составленные в Заонежье, интересны тем, что наряду со служебными текстами в них широко включаются религиозно-назидательные произведения сюжетно-повествовательного характера. Таковы, например, сборники Карельского собрания № 27, второй половины XVIII в., № 74, конца XVIII в., № 46, середины XVIII в., № 80, XIX в., и некоторые другие сборники из Заонежья, в которых службы и молитвы святым, выписки из Евангелия, поучения отцов церкви перемежаются с рассказами из «Великого зеркала». Значительный интерес представляет сборник Карельского собрания начала XX в. № 91, приобретенный в 1949 г. в Фоймо-Губе. Начинается он с молитвы Зосиме и Савватию соловецким; имеются в нем молитвы и другим святым, молитвы и похвала богородице. Среди этих церковно-служебных текстов составитель поместил несколько стихотворений. Одно из них, «Духовная аптека на пользу всем человеком», — памятник старообрядческой поэзии.¹¹ По-видимому, такого же рода (у Т. С. Рождественского оно не зафиксировано) стихотворение «Отчаянному грешнику сповехо» («Не отчайся, грешник бедный, хоть и много зол твоих...»), остальные же — стихотворения русских поэтов на религиозные темы. Среди этих стихотворений составитель поместил «Ангела» Лермонтова. Что такого рода сборники не были единичным, случайным явлением, подтверждается находками В. И. Срезневского. В деревне Великая Губа им был приобретен сборник третьей четверти XIX в., состоящий из подборки самых различных стихотворений, среди которых имеются стихотворения Пушкина, Жуковского, Глинки, Козловского.

Наряду с такого рода сборниками, в которых самый подбор текстов представляет значительный интерес для суждений о литературных вкусах жителей Заонежья, имелись в Заонежье и сборники оригинальных местных сочинений. Так, например, среди рукописей, приобретенных Срезневским, имеется небольшая тетрадка позднего письма, конца XIX в., купленная собирателем в деревне Пабережье, с восемью стихотворениями сатирического характера, написанными местным жителем. В Заонежье широко бытовали так называемые настенные листы — картинки духовного или светского содержания с подписями. И среди них попадались оригинальные, созданные в Заонежье. Именно таким настенным листом является найденная В. И. Срезневским

¹¹ Ср.: Т. С. Рождественский. Памятники старообрядческой поэзии. Записки Московского археологического института, т. VI, М., 1910, стр. 135.

в районе Шуньги картинка «Сердечное одиночество» со стихотворной подписью «Красна девица во тереме своем заплетает русы кудри серебром...».¹² В собрании Пушкинского дома заонежских рукописей такого рода нет, но во время экспедиции 1948 г. в деревне Загорье Космозерского сельсовета нас познакомили со стариком 62 лет Иваном Антиповым Якушевым, который, по словам местных жителей, «сочиняет хорошие стихи». И. А. Якушев показывал нам свои произведения: это оригинальные небольшие стихотворные повествования на местные темы (письмо к сыну, рассказ о своей работе колхозным сторожем и т. п.).

Большой исторический и историко-культурный интерес представляют владельческие, вкладные и всевозможные другие записи на рукописях и старопечатных книгах. В ряде случаев эти записи фиксируют исторические факты из жизни Заонежья. Среди собранных В. И. Срезневским книг привлекает внимание в этом отношении сборник третьей четверти XIX в., составленный крестьянином одной из деревень Кижского погоста. Этот сборник содержит выписки из книг светского содержания, на полях его многочисленные записи составителя о местных событиях 1850—1860-х годов. Стремление зафиксировать местные события на бумаге отразилось и в ряде других рукописей. Так, например, в святцах XVIII в. из Карельского собрания имеются записи о событиях 30—40-х годов XIX в.: «1838 года, месяца сентября 24 числа в Выгорецком общежитии отрезали колоколы. 1840 года, месяца февраля 24 числа запечатали часовню...» и т. п.

Исследование В. И. Малышева, посвященное усть-цилемским рукописным книгам, было первым научным трудом о книжно-рукописной традиции определенной местности. Такого рода исследования необходимо продолжить. Возможность выделить рукописные книги заонежского происхождения дает богатый материал для исследования рукописной традиции Заонежья. Такая работа раскроет одну из сторон культурной жизни этого уголка Русского Севера и поможет полнее осветить историю народной культуры Заонежья.

В. В. Колесов

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И ПИСЬМА В СЕВЕРНОРУССКИХ РУКОПИСЯХ ИЗ СОБРАНИЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Лингвистическое значение нового рукописного собрания в Пушкинском доме трудно переоценить. Оно дало обширный, систематизированный и продуктивный материал для изучения средне-

¹² Текст этого стихотворения опубликован В. И. Срезневским полностью, см.: В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913 стр. 480—481.

векового севернорусского наречия, и именно тогда, когда такое изучение встало на повестку дня.

В самом деле, создалась парадоксальная ситуация, связанная именно с характером исторических источников. Древнейшими из них являются севернорусские. Интересные по языку памятники южнорусского наречия дошли до нас от конца XV в. и более близкого времени. Поэтому древнейшая история русского языка изучалась по новгородским памятникам, а история языка в XVI—XVII вв. — по памятникам южнорусского происхождения; с течением времени тривиальным стало утверждение, что начиная с XVI в. рукописные источники почти не отражают особенностей севернорусского наречия. Такое утверждение чревато многими осложнениями и искажениями исторической и диалектной перспективы в изучении русского языка. Рукописи Пушкинского дома, в большинстве своем созданные не при монастырях и воеводских канцеляриях, а в грамотейской мещанско-крестьянской среде, дают интереснейший материал для изучения истории севернорусского наречия. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить хотя бы рукописные фонды Кирилло-Белозерского монастыря (Ленинградская Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) или Антониево-Сийского монастыря (Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде) с книжными коллекциями Пушкинского дома, собранными по деревням в бассейне великих северных рек.¹

Установление различительных особенностей рукописных книг, созданных на территории Карелии, по Северной Двине, по Мезени и по Печоре, в свою очередь может дать объективные критерии при дальнейшей классификации собранных рукописных сокровищ. Сейчас пока нет полной уверенности в том, что рукопись, найденная, например, в Усть-Цильме, написана именно на Печоре или что каждая рукопись Карельского собрания создана на территории Карелии. Одного факта нахождения рукописи на определенной территории недостаточно для того, чтобы безоговорочно признать и ее написание на этой территории и притом представителем распространенного здесь говора. Углубленной расшивке книжных собраний может способствовать и лингвистическое их описание.

¹ Исследованы следующие рукописи ИРЛИ: Карельское собрание: Кар. 7 — сборник XVII в., Кар. 223 — Миней XVII в., Кар. 225 — Псалтырь 1601 г.; Печорское собрание: УЦ 197 — Повесть об острове Муромском конца XVII в., УЦ 5 — сборник XVII в., УЦ 2 — конвольютный сборник, в котором выделяются две части (УЦ 2 с почерком XVII в. и УЦ 26 на лл. 113—119 об. с почерком XIX в.); Мезенское собрание: Мез. 3 — сборник XVII в., Мез. 116 — Цветная триодь XVII в.; Пинежское собрание: Пин. 1 — Миней середины XVII в. из собрания автора, Пин. 99 — Постная триодь 1606 г., Пин. 129 — Пролог XVI в. (два почерка), Пин. 131 — сочинения Григория Синаита в списке 1651 г. (Кожезеро).

Широкая территориальная приуроченность собранных источников гарантирует возможность отражения в них диалектных расхождений. Конечным результатом их комплексного изучения может стать уяснение важной проблемы, издавна интересующей историков, лингвистов, этнографов, фольклористов: как, когда и какими путями шло заселение Русского Севера восточными славянами.

Исследование должно показать и правильность предварительного выбора именно данных источников, которые избирались по принципу наибольшей вероятности местного происхождения: источники с пометками, указывающими на происхождение писца или рукописи (так, рукопись Пин. 131 написана кожезерским старцем Авраамием), а также содержащие чисто местные сочинения, см., например, Кар. 7 (тексты о Зосиме и Саватии, один из которых является выходцем из Заонежья, с упоминанием Кижей и окрестных весей) и УЦ 197 (вся рукопись состоит из повести об Онежском острове), и т. д. Особенный интерес представляют безграмотные записи более позднего времени, попавшие в уже готовый древний текст. К числу таких следует отнести записанный в УЦ 2 почерком XIX в. текст церковного содержания, изобилующий ошибками, характерными для представителя данного северного говора.

Последовательное совпадение орфографических норм и языковых отклонений в рукописях, предварительно объединенных общностью нахождения, доказывает и их общее территориальное происхождение. Однако одного этого недостаточно, потому что орфографическая норма всегда шире диалектных границ и в территориальном, и в историческом отношении. В таком предварительном, «нащупывающем» исследовании, как наше, при интерпретации письменных данных следует опереться на какой-то объективный критерий разграничения. Таким объективным критерием может стать сравнение с современными севернорусскими говорами, генетически связанными с исследуемыми памятниками. Совпадение результатов сравнения по указанным двум источникам также доказывает общее происхождение рукописей, отразивших сходные языковые особенности.

Сказанным определяется ограничение исследования только некоторыми лингвистическими особенностями изученных памятников. В интересах точности предварительных результатов, которые для последующей работы в этом направлении должны стать исходными, пришлось пренебречь их широтой, т. е. пришлось ограничиться только теми фактами письменных памятников, которые соотносятся с фактами современных северных говоров.

1. Аканье

В принципе результатов смещения безударных гласных после твердых согласных мы не ожидали бы в рукописях, написанных на Севере. Исключение можно было бы делать только для карельской коллекции, поскольку в Заонежье имеются «акающие» говоры, однако из этих памятников только Кар. 225 дает единственный пример аканья: *трубы ражаны* 78 об.²

Примеры аканья в двух мезенских рукописях также не очень убедительны. В рукописи Мез. 116 *нескозанно* 140 (рядом: *показанье* 143 об.) может быть гиперизмом по отношению к обычным формам типа *покланяться*, *поклониться*. Мез. 3 дает две формы с отражением аканья: *не начевали* 153 и *овадовъ* 138. Первая, по некоторым сведениям, отражает обычное на Севере произношение этого слова,³ вторая также может передавать диалектное произношение отдельного слова (в северных говорах неизвестно само слово 'овод', поэтому оно могло заимствоваться в южнорусском произношении). В рукописи Пин. 99, переписанной с печатной московской книги, *пакой* 231, 277 при сомнительных с фонетической точки зрения *от оброщения* 113, 126, 140; *покоряюся* 158, *поклоняется* 183 (в двух последних формах сам писец исправил *о* на *а*). По-видимому, такие написания можно отнести за счет оригинала, не ставя вопроса об аканье в речи писца.

Результаты аканья определенно отражены только во втором почерке Пин. 129: *угатование* 293 об., *на рагозинѣ* 90 об., 145 (ср. *рогозинѣ* 63), *с родамъ* 329, *с критьскаго острава* 320 об., 321, *его же радителя* 274; особенно часто *о* вместо *а* в слоге перед ударным *а*, ср.: *отлогайте* 312, *съ страдалицемъ* 314 об., *показати* 317 об., 28 об., *показа* 383 об., *показавъ* 317 об., 321, *покаяние* 286, 320 об., *в покаянии* 326, *устовляя* 328 об., *постродавшимъ* 291. Подобное произношение возможно в северновеликорусском говоре с намечающейся переходностью,⁴ и довольно часто встречается в рукописных книгах XVII в. Сопоставить эти факты с каким-то определенным северным говором XVII в. пока довольно трудно. Можно только отметить, что большинству говоров поморского типа свойственно нелабиализованное [о], которое в положении после некоторых согласных (прежде всего после плавных и заднеязычных) может сближаться с [а]. Результаты такого смещения, возможно, и отражены в пинежских рукописях.

² Цифры после примеров в данной работе означают листы соответствующих рукописей.

³ См.: В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 44—46.

⁴ Там же, стр. 45.

2. Смещение букв *е* и *а*

Севернорусское произношение [е] вместо [а] между мягкими согласными отражено только в написаниях *съ дедею* в первом почерке Пин. 129 (107 об.) и, возможно, *исправлѣя* во втором почерке той же рукописи (274 об.). Остальные примеры написания *е* вместо *а* касаются морфем в безударной позиции, что обычно для многих русских рукописей XVII в., ср. Кар. 7: *отресающе* 105 об., *кленущая* 148; Кар. 225: *кленяхуся* 80 и др., *память* 80, 107 и др.; Мез. 3: *земленая* 53 об.; УЦ 5: *заецъ* 55, *кладези* 39 об., *кладезю* 39 об.; Пин. 99: *мѣсеца* 456, 270, 270 об., *кленяшежеса* 483, *древено* 282 об.; Пин. 129: *обезавѣ главу* 329 об., *о посегании* 319 об.; Пин. 1: *пламе* 140 об., *кленися* 134, *клемѣ* 257 и др.

Большинство этих примеров сомнительно как фонетический факт или имеет различное объяснение. Даже как графическая возможность подобные написания не отличают северные русские рукописи разных областей друг от друга или всех их вместе от московских, ибо в московских также возможны подобные написания.

Гораздо интереснее в этом отношении смещение *е* с *а* после букв *ч* и *щ*, ср. Пин. 99: *скончевастеса* 212, *вънчевающе* 227, *окончеша* 404 об. (во всех примерах сам писец *е* исправил на *а*); Пин. 129: *къ рожещамуся* 330 об., *терпящаму* 316, *служащаму* 308 (2 раза), *на плащенице* 304 (а также на месте *и*: *в нарочатыя праздники* 329); Пин. 1: *мучеша* 155 и характерная описка — слово *шевца* 298 писец начал писать верно, но, не закончив, исправил, создав контаминацию *шевшавца*. Своеобразное понижение артикуляции после глухих шипящих (т. е. после [ш], [ш'ч'], [ч']) отмечается только в пинежских рукописях и соотносится с современным произношением соответствующих форм в говорах Пинежья.

3. Употребление буквы *ѣ*

Наиболее выразительные расхождения средневековые русские источники дают в употреблении буквы *ѣ*. Установлено несколько групп рукописей в зависимости от характера нарушений орфографической нормы употребления *ѣ*. Обычными являются написания *с е* вместо *ѣ* в безударной позиции (южнорусские, а с XVII в. и некоторые московские памятники) или в слоге перед мягким согласным (памятники ростово-суздальского происхождения). Собственно северные рукописи отличаются от указанных, во-первых, возможностью смещения *ѣ* не только с *е*, но и с *и*, а во-вторых, широкой вариативностью подобных смещений в отдельных рукописях (хотя имеются и памятники, четко различающие *ѣ*, *е* и *и*, что указывает на сохранение старого про-

тивопоставления трёх фонем и также может служить характеристикой при выделении севернорусских памятников). Л. Л. Васильев указал еще на одну возможность употребления *е* вместо *ѣ*: в зависимости от характера предшествующего согласного. Современные севернорусские говоры определенно различают [ѣ] и [е] как звуки с разной степенью мягкости согласного перед ними: перед *ѣ* согласный мягкий, перед *е* — смягченный. Поэтому и в некоторых памятниках XVII в. можно видеть зависимость употребления *ѣ* или *е* от качества предшествующего согласного и не ставить вопроса о качественном различении самих гласных, обозначенных буквами *ѣ* и *е*.⁵

Изученные рукописи различаются по употреблению буквы *ѣ*. Только УЦ 2 в своей древней части не дает убедительных примеров смещения *ѣ* и *е*: лишь после *ц* возможно написание *цель* 5 и, наоборот, *оцѣтъ* 53 об. (вместо *цѣль* и *оцетъ*); о словесѣхъ 37 представляет собой, по-видимому, морфологическое выравнивание по типу *грѣсѣхъ*; о камѣнѣхъ сердцѣхъ 54 об. — ошибочное написание *мѣ* под влиянием следующего слога.

Все остальные источники четко делятся на три группы:

- 1) замена *ѣ* на *е* только в изолированной позиции;
- 2) почти последовательная замена *ѣ* на *е* в любой позиции;
- 3) написание *и* и *е* на месте *ѣ*.

К первой группе относятся большинство исследованных рукописей. Одни из них (Мез. 3, УЦ 5, Пин. 131) дают небольшое число написаний с *е* вместо *ѣ*, представляя собой как бы переходный этап от закономерного различения *е* и *ѣ* к первой группе памятников, к которой относятся прежде всего Кар. 7, Кар. 223, Пин. 1, Пин. 99.

Чтобы представить фонетические условия замены *ѣ* на *е*, приведем исчерпывающие списки примеров по этим последним рукописям.

Е вместо *ѣ* в корне слова. Пин. 1: *бедѣ* 240 об., *из бедѣ* 68 об., 333 об., *бедѣ* 265 об., вин. мн. *беды* 274 об., *беднымъ* 217, *победимъ* 229 об., *победивъ* 292, *бежѣ* 209, *бежѣши* 51 об., *отбежѣ* 72, *бежимъ* 304, *бежѣтъ* 257, *белѣ* 185, *белѣцѣ* 8, 188 об., 190 об., *белѣцѣ* 8, *беснѣя* 7 об., *на бесѣ* 140 об. (ср. *бѣси* 140 об.), *венѣцѣ* 22 об., 64, 132, 158, 201 и др., *венѣцѣ* 253 об., 310, *венѣцѣ* 138 об., *венѣцѣше* 77 об., *венѣцѣвъ* 56 об., *венѣцѣнъ* 279, *о грѣсѣхъ* 205 об., 327, *о грѣсѣхъ* 59 об., 138, 174 об., 214, 232 и др., *девицѣ* 305 об., *делесѣ* 181 об., 182, *дѣдѣ* и *прѣдѣдѣ* 149, 156, *прѣдѣду* 135 об., *ленѣмся* 34, *ленѣтся* 259, *реку* 17 об., 37, 307, 271 об., *в реку* 42 об., *свѣтящесѣ* 68 об., *слепѣцѣ* 329 об., *слепѣя* 7 об., *сѣдѣща* 8, *сѣдѣлици* 74, *последѣ* (нарекѣе) 95 об.,

⁵ См.: Л. Л. Васильев. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквой *е* в памятниках XVII в. Известия ОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3

157 об., 172 об. и др., *к стѣнѣ* 118, *на стѣнѣ* 155, *стенѣмъ* 195, *хлевѣне* 36 об., *хлевѣну* 247; Мез. 116: *бесовѣския* 113, *цѣла* 8, *цѣлебница* 146 об., *побежение* 104 об., *прибегаю* 75, 181, *прегрѣшени* 148, *пременива* 13 об., *ослепленю* 147 об., *певецъ* 143, *песка* 127, *стѣна* 16, 22, 24, 48 об., 170, 199, *стѣну* 52, 54 об., 56 об., 100, 104 об., 145, 162, 190 об., *стѣно* 41, *стѣнами* 97 об. и др.

Е вместо *ѣ* в конечном открытом слоге. Пин. 1: дат. ед. *вѣре* 13 об., 25 об., 48, 63, 117 об., 200, 206, 231, 263, 251, 272 и мн. др., местн. ед. *вѣре* 97, 270 об., 282, 297 и др., *в дѣле* 5, 270 об., 181 об., *по силе* 5, 29 об., *въ скѣте* 209, 251, *в лѣте* 63, 244, 251 об., 288, *въ плѣте* 234 об., *по мале* 120, 248, *по мѣре* 243, *на мѣсте* 7 об., 13 и др. (36 раз), местн. ед. *трапѣзе* 28, 86 об., *пещѣре* 8, 52 и др., *невѣсте* 39, *воздѣсе* 186 об., *бесѣде* 59, *побѣде* 200, 302, *по обѣде* 220 об., *нарѣде* 223 об., *хлѣбне* 185, *во свѣте* 289 об., *по мѣре* 257, *вѣце* 29, 77, *в лѣсе* 155, в окончании аориста (*ѹспе* 11 об. и др.) и наречия (*досѣле* 91 и др. постоянно); Мез. 116: *о тѣле злате* 22 об., *во скорѣ* 92 об., *во грѣбе* 125 об., *въ блудѣ* 132, *на мѣсте* 161 об. и т. д.

Е вместо *ѣ* в конечном закрытом слоге. Пин. 1: *велблѣдехъ* 106, *грѣсехъ* 18, *в дѣмехъ* 252, *дѣлехъ* 144, *лѣтехъ* 37, 47, 102, 185, 204, 293 об., *мѣстехъ* 68, 283 об., *мнѣзехъ* 234 об., *въ погребехъ* 150 об.; Мез. 116: только *во грѣсехъ* 186 об. Меньше соответствующих примеров в УЦ 5, Кар. 7 и Кар. 223; совсем мало их в Мез. 3 и Пин. 131. Однако условия замены *ѣ* на *е* во всех этих рукописях совпадают: эта замена имеет место только в таком безударном слоге, который не становится подударным при изменении формы слова (изолированная позиция *ѣ*). Например, в словах типа *бѣда*, *вѣнецъ*, *рѣка*, *свѣча*, *стѣна* корневой слог является постоянно безударным,⁶ и именно это обстоятельство приводит к частому замещению *ѣ* на *е*.

Любопытен набор слов с частой заменой *ѣ* на *е* в абсолютном конце слова. Дательный и местный единственного числа типа *вѣре*, *дѣле*, *лѣте*, *мале*, *мѣре*, *мѣсте*, *плате*, *силе*, *хлѣбе* и многих других двусложных представляют собой слова с постоянным ударением на корне (класс баритона), но даже и у имен подвижного класса флексия *-ѣ* в местном единственного числа (и ни разу в дательном единственного числа, где как раз возможно было окончное ударение некоторых слов!) во всех случаях и всегда безударна; под ударением же ей соответствует окончание *-у*, ср.: *в мѣрѣ* — *в мирѹ* и т. п.

⁶ За исключением формы родительного множественного числа типа *бѣдѣ*, *рѣкѣ*; ср. единичное *у стѣнѣ* в Мез. 116; у имен мужского рода к этому добавляются формы именительного и винительного единственного числа, ср. *слѣдѣ* при *слѣдѣ*, *слѣдѹ* и т. д. Аналогия косвенных форм может привести к появлению формы, зарегистрированной в Пин. 1: *в слѣдѣ мене* 133 об.

Что же касается флексии местного множественного числа *-ѣхъ*, то написание с *-ехъ* можно толковать двояко. Это может быть и аналогичное предыдущему изменение *ѣ* в *е* в изолированной от ударения позиции. Пин. 99, Пин. 131, Кар. 7, УЦ 5 и дают такую замену только для слов баритонированной парадигмы (*дѣло*, *лѣто*, *мѣсто*, *человѣкъ*). Собственно, на то же указывают и данные рукописи Кар. 223, где, кроме *лѣтехъ*, находим еще *трудехъ*, *гресехъ* и *холмехъ* — три слова окситонированной акцентной парадигмы, которые, в соответствии с акцентным законом Станга, в древнерусском имели накоренное ударение в местном множественного числа. Таким образом, предложенное объяснение написаний *-ехъ* вместо *-ѣхъ* кажется более приемлемым, чем возможное другое, а именно, что в написаниях типа *мѣстехъ* вместо *мѣстѣхъ* можно видеть смешение с другим типом склонения, например *скорбехъ*, где *е* закономерно. Специально для северных памятников придется, по-видимому, признать обратное воздействие типа *мѣстѣхъ* на тип *скорбехъ*. Ср. данные рукописи Пин. 1, в которой наряду с приведенными написаниями типа *лѣтехъ* находим подударные окончания *въ путѣхъ* 143 об., *напастьѣхъ* 162, *кораблѣхъ* 182, *въ лестѣхъ* 310, *въ скорбѣхъ* 310 и мн. др. вместо ожидаемых *въ путехъ*, и т. д.

Тот факт, что замена *ѣ* на *е* встречается в постоянно безударном слоге и притом независимо по отношению к ударному слогу слова, позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, замена *ѣ* на *е* не результат еканья, как это имеет место в южнорусских памятниках, поскольку изменение происходит не только в предударном слоге. Во-вторых, нельзя говорить и о совпадении замены *ѣ* на *е* в северных рукописях с соответствующим изменением в южных русских рукописях: на севере *ѣ* > *е* наблюдается не просто в безударном слоге, но в безударном слоге постоянно безударной морфемы.

Что касается второй группы памятников, то последовательная замена *ѣ* на *е* независимо от ударения обнаруживается только в единственной рукописи. Это Пин. 129, где находим *венець* 260, *веньцемъ* 288, *по пределомъ* 310, *светилникъ* 305, *стена* 284 об., *бесовъ* 293 об. и многие другие примеры перехода в безударной позиции, но также *въ грехъ* 295 об., *пешь* 303, *до места* 328 об., *о хлебѣ* 327 об., *медныхъ* 291, *лицемеръ* 284, *вернаго* 284 об. и др. с аналогичным переходом в подударной позиции.

Сближение рукописей первых двух групп с южнорусскими имеет внешнее оправдание в однонаправленном рефлексе *ѣ:ѣ* заменяется только на *е*. Однако не только условия замены, но и некоторые ее результаты препятствуют такому сближению, заставляя говорить о своеобразии в изменениях севернорусской фонемы *ѣ*. Речь идет о редком, но возможном написании и на месте *ѣ*, ср. Пин. 99: *разумивъ въ вещь* 392; Пин. 1: *зило* 129, 285, *смиешися* 7 об., *старииниѣ* 24; Мез. 116: *изволиндемъ* 37, *лишвица* 221, *цѣлиндемъ* 109; УЦ 26: *знаминие* 117; ср. на небольшом

пространстве текста в УЦ 197: *свитающу* 4, *перевисища* 7 об., *володит(и) землею* 7 об., при написаниях типа *мѣсте* 4, 5, 8 об., 9 об., *на тѣле* 9 об., *на озерѣ онѣге* 3, 7. Именно среди архангельских говоров распространены теперь такие, которые наряду с последовательным изменением *ѣ* на *е* сохраняют произношение [и] на месте *ѣ* в отдельных словах. Памятники указывают условия такой замены: это обычно подударное положение *ѣ*, как правило перед [и] в следующем слоге. Собственно, это результат ассимиляции в позиции, наиболее способствующей изменению *ѣ* в *и*.

Большое число примеров замены *ѣ* одинаково на *и* и на *е* находим лишь в одной из числа исследованных рукописей карельского собрания — в Кар. 225: *бигая* 41 об., *погибнутъ* 82 об., *прибизище* 45, 83, но одновременно и *бежать* 50, *убежати* 45; *свидиния* 96 об., 98, 100, но *завещанъ* 67, *возвестихъ* 31 об.; *увири* 61 об., *вировавше* 62, но *уверишас* 75 об.; *содилалъ* 19 об., *предилъ* 50 об., *одияния* 34 об., *одияшеся* 57 и мн. др. (*и* на месте *ѣ* около 50 раз, *е* на месте *ѣ* около 40 раз); в окончании преобладает замена *ѣ* на *е*. Таким образом, Кар. 225 — пример памятников третьей группы, для которых характерна безразличная замена *ѣ* на *е* и *и*, независимо от каких-либо условий. Подобные памятники обычно связывают с северо-западной диалектной зоной (Новгород и его область), поскольку это ближе всего соответствует местному изменению *ѣ*. Рукописи с таким отражением *ѣ* не могут быть написаны на Печоре или на Мезени.

В определении фонетического значения всех приведенных выше написаний оказываются важными случаи обратного написания *ѣ* вместо *е*. Только безразличное смешение букв *ѣ* и *е* может указывать на совпадение фонем [ê] и [е] в говоре писца.

Безразличное смешение *ѣ* и *е* (не только *е* на месте *ѣ*, но и *ѣ* на месте *е*) свойственно лишь рукописи Пин. 129; ср. дополнительно к приведенным примерам: *пѣшь* и *пещь* 306, *в нѣм* 296 об., *будѣмъ* 281, *вѣрсту* 301, *свѣрьши* 308, *приидѣши* 302 об., *сбѣрите* 299 об., *словѣсы* 316 об. и мн. др. Следовательно, только эта рукопись из числа исследованных отражает говор, в котором исчезло различие двух фонем — [ê] и [е]. Можно ли ее территориально связывать с Пинежьем, покажут последующие наблюдения над рукописями. Сейчас отрицать подобную связь вряд ли возможно, поскольку почти все пинежские говоры утратили фонему [ê].

В отличие от рукописи второй группы Пин. 129 единственная рукопись третьей группы Кар. 225 вообще не дает никаких написаний с «новым ятем»; *ѣ* здесь пишется в нескольких словах на месте *и*, а не *е*, ср.: *возненавѣди* 38 об., *возненавѣдилъ* 2 об., *крѣлу* 8, 9 и *крѣли* 41 об. (крылья), ср. *крилу* 43 и др., им. мн. *скотѣ* 38 об., *неповѣннюю кровъ* 76. Другими словами, в рукописи с двойным рефлексом *ятя* (*и* или *е* на месте *ѣ*) новый *ятъ* вместо *е* не обнаруживается. Сказанное относится и к другой рукописи с относительно большим числом замен *ѣ* на *и* (правда, в тексте нов-

городской грамоты): в УЦ 197 также нет примеров нового ятя. Таких примеров нет и в основной части УЦ 2, также в Пин. 99 и Пин. 131, которые вообще-то имеют примеры написания *е* на месте *ѣ*, но не *ѣ* на месте *е*. Поскольку изменение *е* на *ѣ* не всегда связано с обратной заменой *ѣ* на *е*, следует поставить вопрос о возможной связи нового ятя с каким-то другим фонетическим явлением, не относящимся к изменениям самой фонемы [ѣ].

Могут проявиться самые неожиданные условия в появлении нового ятя. Так, в Мез. 3 находим *любословесѣнъ* 50, в *весѣхъ*, *словесѣхъ*, *очесѣхъ*, *чюдесѣхъ* и др.; также в дат. мн. *очесѣмъ*, *къ персѣмъ*, род. мн. *вести* и т. п. (обычно после *с*, исключение единично: *въ скорбѣхъ* 50). Таким образом, новый ять пишется в новозакрытом слоге независимо от ударения, всегда на месте исконного [ѣ]. Нечто похожее обнаружено в более ранних и только северных рукописях — с середины XII до конца XV в.⁷ Примеры Мез. 3 могут быть связаны с этими ранними северными рукописями, однако их фонетическое истолкование затруднительно.

Совсем другие условия появления нового ятя обнаруживаем в основной (первой) группе памятников с частым написанием *ѣ* вместо *е*.

Новый ять после сонорных отмечается в следующих источниках. УЦ 5: *повѣлѣ* 56, *снѣси сѣмо* 58, *к двѣремъ* 124, *сѣвѣрнымъ* 124, *сѣвѣся* 132 об.; Мез. 116: *вѣрсѣ* 32, *тѣвѣрдо* 53, *развѣрая* 70 об., *словѣснѣ* 114, *невѣць* 143, им. ед. *морѣ* 18, *соболевѣднующаго* 43 об., *лѣстию* 103, *телѣсную* 209 об., *послѣтъ мя* 77, *прилѣжно* 162 об. и др.; Кар. 223: *осенѣния* 352 об., *ис корѣния* 312 об., *прилѣжалѣ* 74, *рѣкша* 79 об., *горѣ мнѣ* 83, и т. д. (только в этой позиции).

Новый ять после сонорных и аффрикат находим в следующих рукописях. Пин. 1: вин. ед. *морѣ* 83, 85 об., 324 об., 330, 223 об. и др., им. ед. *горѣ* 62, 68, *в полѣ* 213 об., *к воли царѣвѣ* 290, *к звѣрѣмъ* 34, *зберѣши* 76, *погрѣбоша* 10 об., *отгрѣбающагося* 82, *рѣвность* 259, *влѣзуша* 79, *влѣзи* 152, *извѣдѣше* 112, *осквѣрни* 79, *оклевѣташа* 88 об., 295 об., *клевету* 295, *извѣртѣша* 47, *милостынѣю* 289 об., *вѣнѣць* 250, *белѣць* 188 об., 190 об., *злѣца* 257 об., также им. ед. *лицѣ* 216, 235, 236, *багрянлицѣю* 284, *третицѣю* 258, *множицѣю* 184, *сулицѣю* 267, *с лицѣмъ* 81, 113, 222 и др.; Кар. 7: *клеверѣтъ* 55, *тѣвѣрды* 26, *речѣ* 54, *Колычѣвѣ* 60, *с князѣмъ* 60, *зѣ палицѣю* 177, *суцѣ* 49, *общѣ* 44, *ополчѣния* 46 об., *лѣствицѣ* 47 и мн. др. (также только в указанных условиях).

В приведенных примерах употребление *ѣ* вместо *е* не зависит ни от ударения, ни от происхождения *е* (потому что *ѣ* пишется и на месте [ѣ], и на месте [е]) и определяется только характером предшествующего согласного. Так, *ѣ* вместо *е* ставится: 1) после

⁷ См.: В. В. Колесов, Новый *ѣ* в рукописях новгородского происхождения. Вестник ЛГУ, 1961, № 14, вып. 3.

л, р, н, в; 2) после л, р, н, в, а также после ц, ч, щ, s, т. е. во втором случае более последовательно, чем в первом. Общим признаком для обеих групп согласных применительно к XVII в. могут выступать два их отличия от всех прочих согласных: сонорные и аффрикаты совпадают в признаке длительности или в признаке мягкости. Написание следующей за указанными согласными буквы е в виде ѣ может одинаково передавать и особую длительность, и особую мягкость слога типа [ре] или [че]. Первая особенность этих согласных характерна для всех говоров русского языка, вторая же следует из исторических условий образования севернорусского наречия: в праславянском языке, к которому оно восходит, только сонорные (кроме [в]) и указанные аффрикаты были палатальными.

В предварительном решении этого вопроса следует учесть и некоторые поздние данные. Например, в УЦ 26 (XIX в.) сочетание лѣ, вѣ заменяет старое написание ла, ва, тогда как в положении после других согласных новый ять пишется на месте е; ср. хлѣби 'хляби' 113 об., свѣтое 116 об., о свѣтъмъ 116, свѣтыи 116, свѣтыхъ 116 (вместо сватое и т. п.), но дѣвятои 116, сѣдъмъ 116 (ср. седмъ 116), страстѣи 117. Положение после указанной выше группы согласных и здесь отражается на изменении тембра гласных. Современные северные говоры в безударной позиции также дают изменение тембра [е] после этих согласных, но только в [ѣ]; ср. [гѣр'ѣ], [н'ѣсѣ], [л'ѣжал], [сѣш'ш'ѣ] с написаниями горѣ, снѣси, прилѣжалѣ, сущѣ.

Таким образом, условия замены ѣ на е для всех памятников первой группы совпадают (изменение происходит в изолированной позиции) и могут считаться общими для всех говоров, отраженных в этих памятниках. Условия замены е на ѣ, напротив, различаются в тех же памятниках, но разных диалектных зон: в мезенских и печорских (кроме рукописи Мез. 3, о которой уже сказано выше) — после сонорных, в пинежских — после сонорных и аффрикат; карельские же, как и в других отношениях, занимают промежуточное положение, отражая оба типа изменения. Следует иметь в виду, что нейтрализация в изолированной позиции ѣ — е > е усложняется обратным изменением тембра [е] после согласных палатального ряда; обозначение такого [е] знаком ѣ носит условный характер, не отражая его «смешения» с фонемой [ê].

4. Обозначение сонорных

Важной особенностью северных рукописей является пропуск буквы в сочетании сонорного с другим согласным. Буква, обозначающая сонорный, сохраняется только в том случае, если опущен знак предыдущего гласного; в других случаях часто остаются недописанными буквы л, о, н изредка й. Приведем ряд примеров

(в скобках проставлена пропущенная буква). Кар. 7: *прете(р)пѣти* 155 об.; Кар. 223: *безмо(л)вницу* 378 об., *среб(р)омъ* 292 об.; Пин. 1: *в п(л)амени* 313, *оск(л)абиши* 329, *оск(л)абленымъ* 222, *изм(л)ада* 187, *в с(л)ужбѣ* 241, *в х(л)ѣбѣ* 86 об., *возв(р)ашу* 279 об., *возв(р)атися* 282, *к д(р)угомъ* 225 об., *идоложе(р)твенныхъ* 110, *изг(н)ати* 206 об., *богатест(в)о* 46 об., *об(в)ечеривши-мся има* 229, *из мерт(в)ыхъ* 66 об. и т. д., а также менее доказательные *возопи гласо(м) великимъ* 204, 203 об.; Мез. 3: *благосла(н)ствии* 233 об., *празд(н)овавъ* 195 об.; Мез. 116: *помыш(л)ение* 148, 152 об., *вѣ(р)но* 218 об., *сове(р)шаемъ* 61 (в последнем примере сам писец надписал над словом маленькое *р*), *ско(н)чевающе* 158 об., *расторг(н)и* 205, *пре(в)знесите* 2, *образы пресла(в)ными* 7, *нечю(в)ствена* 176 об., и т. д. Сюда же, видимо, следует отнести и частое в рукописях опущение эпентетического *л*; ср. Кар. 225: *оскорбляюще*; Мез. 116: *оскорбляюще* 79, *умерщвленную* 214 об. Отмечено всего два примера опущения шумного в сочетании с сонорным (Мез. 3: *без(п)лотныхъ* 15 об.).

Напротив, в сочетании сонорного с гласным обычно опускается гласный; ср. Пин. 1: *м(и)лостыню* 301 об., *мудрыми слов(е)сы* 253; Мез. 116: *плод чр(е)ва* 34, *грѣх(о)внѣ* 52 об., *убл(а)жаютя* 54, *стр(а)шнаго* 206, 209 об.⁸ То же находим в рукописях, не имеющих примеров пропуска сонорных; ср. Кар. 225: *пол(о)жиша* 70, *т(е)лець* 86; Пин. 99: *единице пр(о)ста* 100. Перестановка сонорных в сочетании, по-видимому, также указывает на «неопределенность артикуляции» соответствующих согласных; ср. написание в Пин. 1: *землю* 250 об. вместо *землю*, *поржети* 64 об. вместо *пожрѣти*, и т. д.

Из представленного материала видно, что пропуск сонорных не отражен во всех печорских и почти во всех (кроме Пин. 1) пинежских рукописях.

Ближайшую аналогию пропуску сонорных находим в древних новгородских рукописях XI—XIII вв.: *вѣ(р)но*, *к(р)асоты*, *ст(р)адающе*, *х(р)ама* и др., с одной стороны, и *тв(а)рь*, *кр(о)ви*, *дв(е)ри* и др. — с другой. Подобные написания свидетельствуют о разложении syllabемы по признаку гласности непосредственно перед утратой редуцированных гласных:

красоты > касоты, т. е. *trat* > *tat*,
крови > крви, т. е. *trat* > *trt*,

что указывает на функциональную близость гласного и сонорного (оба могли выступать в значении слогового). Если приведенная аналогия с рукописями XI—XIII вв. верна, то и применительно к памятникам XVII в. следует говорить о фонетической вокаль-

⁸ В этой рукописи, несмотря на большое число разных надстрочных знаков, встречаются также написания типа *смрти* 204, *страстотрпци* 165, *умртвивше* 46 и др., не имеющие никаких титлованных помет.

ности сонорных. В этом смысле интересно отмеченное в Пин. 99 написание слова 'мерзкий' как *меррь||ския* 320 об. — при переносе на другую строку писец особенно четко осознавал длительность сонорного [р].

В некоторых написаниях отражаются ошибки обратного типа, т. е. написание лишнего сонорного; ср. Мез. 116: *риза стрѣлами испрещрена* 156 (здесь же: *испрещрени* 192) вместо *испещрена*; Пин. 1: *со стра||руѣмъ* 127 об.; Мез. 116: *тмы внѣчныя* 220 вместо *вѣчныя*. Приведенные гиперизмы, обязанные своим появлением антиципации, весьма показательны, иллюстрируя неуверенность писца в обозначении консонантного сочетания с сонорным.

Пропуск йота отмечен в большом числе примеров только в Мез. 116: *убица* 145 об., *убицу* 39 об., *житиское* 78 об., *житискими* 203 об., *сердце змино* 121, *благоевино радуяся* 137 об., *тебе ходатацѣ* 139 об. (ср. *ходатаицю* 144), *разбонику* 154. Учитывая позиционную ограниченность такого изменения (главным образом в сочетании с [и]), ему также следует придавать фонетическое значение и связывать с севернорусской дефонологизацией йота.

5. Обозначение мягкости согласных

В рукописях довольно много примеров, указывающих на смешение мягких и твердых согласных. Оставляя в стороне недоказательные в этом отношении чередования типа *трапеза*—*трапеза* или исконные написания слов типа *ришущихъ*, *скрыжалъ*, *распалашеся* и т. д., остановимся на характеристике примеров, которым можно придавать фонетическое значение. Сюда, по-видимому, относятся написания типа Мез. 116 — *раснами* 125, 156, потому что в памятниках, известных до сих пор, это слово писалось как *раснами* Ср. также Пин. 1: *прозабають* 297; Мез. 116: *прозабеньем* 107 об. (вместо *прозабають*, *прозабеньем*). Аналогичное написание И. И. Срезневский отмечал только в одной рукописи XII в., но его выписка сомнительна.

В обозначении сонорных смешение мягких и твердых особенно выразительно в конце слова; ср. Кар. 7: *свѣтель* 156 об.; Кар. 225: *пепель* 117, *кровъ* 76, 121 об.; Мез. 116: *простеръ* 101 об. (*простеръ* 117 об.), *дверъ* 83 об., *печаль* 83 об., *степень* 44, 52, *пламень* 14, 15, 216 об.; Пин. 1: *весь миръ* 172, *стрѣмъглавъ* 274 об. и *стрѣмглавъ* 325 об. (также *разоривъ* 69); Мез. 3: *монастиръ* 112; Пин. 129: *любовъ* 309 об., 310, *червъ неусыпающий* 283. В других позициях отмечены лишь следующие примеры: Мез. 116: *заблуждшего* 26 об., *от земли моя* 151 об. (от *земля* 152); Пин. 1: *едино* 283 об.; Кар. 225: *пожнютъ* 103 об. Сюда же, возможно, относятся и написания Кар. 7: *древному* 109 об.; Мез. 116: *древнаго* 153, *волною и всесилною милостью* 38; Пин. 1: *ранное прозябение* 255 об.; Мез. 3: *многолѣтное* 5; Кар. 225: *неповѣннюю кровъ* 76 и другие суффиксальные образования на -н-

Колебания в обозначении мягкости или твердости особенно касаются [л]. Так, в Кар. 7 возможны написания типа *лѣститѣ* 109 об. и рядом *лѣстя* 109 об.; в Пин. 131 находим творительный множественного числа от слова 'гребля' в виде *гребѣлы* 113 об. — со странным соединением графического обозначения мягкости [л] (ассимилятивная мягкость предшествующего согласного передается знаком ъ) и вместе с тем его твердости (обозначена буквой ы). Видимо, не характер дополнительной артикуляции, а место образования являлось различительным признаком фонемы [л].

В сочетании двух сонорных мягкость первого из них, как правило, не обозначается. Особенно это характерно для сочетаний [л'н], [л'н'] и [н'м], ср. в Пин. 99: *свѣтилникѣ, селныи, началники, сопрестолно, вонми, писанми* и др., но в других сочетаниях *пастырѣми, кровѣми, доблестѣми* и т. п. (также *чюдесѣми* с явным указанием на отверждение [с]). В Кар. 7 рядом с написаниями типа *содѣлника, тѣ || щателно, доволно, умилно* и т. п. находим *вельми, вельможи, большая, лѣститѣ (и лѣжесвидѣтель* 142 об.). Таким образом, знак мягкости опускается именно в сочетаниях двух сонорных, отражающих какие-то колебания мягкости—твердости. т. е. [л] и [н]. В такой ситуации обозначение мягкости оказывается неважным для первого сонорного, ср. одинаковую передачу [л] в сочетании с твердым [н] (*селныи*) и в сочетании с мягким [н'] (*началникѣ*). Если же за л следует какой-то другой согласный, то ъ всегда опускается только перед твердым; ср. в той же рукописи Пин. 99: *болиша, страдалцы, телцу, велможи, молбу* и т. д. На этом основании можно было бы полагать, что [н] во всех своих проявлениях сближается именно с твердыми согласными и, следовательно, даже перед передним гласным является твердым. Такое качество прежнего смягченного [н'] отражается в Пин. 99, Пин. 129, Пин. 131 и Кар. 223 (в последней рукописи с некоторыми исключениями).

Зато обе мезенские рукописи указывают на последовательное опущение ъ в сочетаниях типа *лн, лб, рк, лу, эм, тм* и т. д. (исключение касается только корня *лѣст-*). Лишь в форме творительного множественного числа сочетания с н отличаются от сочетаний с другими согласными; ср. в Мез. 116: *повелѣнми* 14, *прогрѣшенми* 17 (но также *рыданѣми* 8 об.) при последовательных *вещѣми, кровѣми, скорбѣми, властѣми* и т. д. В Мез. 3 написания типа *хмелнаго* 152 встречаются наряду с написанием ѣ на месте ъ, ср.: *свободѣно* 6, *свѣтолѣпѣнныи* 8 об., *приемѣникам* 31, *старѣца* 50 об. и др., что указывает на отверждение корневого согласного. Данные печорских рукописей противоречивы, указывая на какую-то искусственность в обозначении мягкости консонантного сочетания. УЦ 2 в этом отношении полностью совпадает с мезенскими рукописями, а в УЦ 5 наряду с *умилно, страдалца* и т. п. находим написания *пользу* 94, *пользуя* 100, также *пол'зы* 104, *о пол'зѣ* 105 об. и т. д.

И в этом отношении особое место занимает Пин. 1. Знак ь отсутствует здесь при [л], [р], ср.: *свирѣльникъ, свирѣлныя, о телцахъ, лва, велможъ, изволие, прилѣ, Олга, горко, дверми, звѣрми, четырьми* наряду с обычными написаниями типа *мъзду, от льсти, мѣстити, мощьми, сѣтъми, гвоздьми* и др.

Таким образом, только в пинежских и карельских рукописях в консонантных сочетаниях не обозначалась мягкость [л'] перед следующим н или любым твердым согласным. Постоянная мягкость этого [л'] делала обозначение мягкости его излишним.

Сделанный вывод можно подтвердить и написанием ь в суффиксах -ьск, -ьств. Хорошо известной особенностью современных северных говоров является отсутствие ассимиляции по твердости в сочетаниях корневого согласного с указанными суффиксами: обычно произношение *дереве[н'ски]й, зве[р'ски]й* (а также и произношение типа *хле[б'ны]й*, т. е. сочетание корневого мягкого согласного с суффиксальным [н]). Это связано с длительным сохранением суффиксального [ь], и потому северные рукописи даже в XVII в. почти последовательно дают написания с ь в суффиксах -ьск, -ьств после сонорных согласных. Ср. данные УЦ 5, Мез. 3, Мез. 116, Пин. 1, Пин. 131, Кар. 7 и Кар. 223 (в последних двух рукописях непоследовательно), где подобное написание обычно: *вѣрьство, суздальскимъ, казаньский, мирьским* и др., с опущением ь после остальных согласных (типа *руския* и т. п.).

В некоторых сочетаниях наряду с ь возможно и написание ъ. Наиболее последовательно такая дифференциация -ьств, -ьск и -ѣств, -ѣск прослеживается в Пин. 1: после сонорных указанные суффиксы пишутся с ъ, а после других согласных на месте ь употребляется только ъ; ср. *морьскую, царьство, арменьскую, латыньскаго* и т. п. после *р, л*, но после *в* и *м* — *бѣсовьскаго, боровьскаго, московьскаго, дѣвѣство, моравьский, ростовьский, явѣствоваша, римьский* и др. (два раза после шумных: *сытъство и уродѣство*). Редкие примеры с ъ вместо ь после *р, н* возможны лишь перед слогом с непременным гласным, например: *всрачиньстемъ* 130 об. — *срачиньскаго* 130 об., *сирьския* 207 об. — *сирьская* 150, *фаворьския* 204 — *фаворьскую* 204 и т. д. Аналогичное явление в Мез. 116: *морьской, меньский* и др., и вместе с тем *чювьства, бѣсовьския, авраамьския*. Суффиксальный редуцированный сохраняется только в положении после сонорных (включая и [в]), но лишь после *л, н, р* он одновременно с этим указывает и на мягкость предшествующего согласного, т. е. [л', н', р'], тогда как губные [в, м] в этом положении являются твердыми. Указанным позиционным распределением подтверждается фонетическая длительность всех сонорных при непозиционной мягкости только трех из них — тех самых, которые еще в праславянском языке выступали как парные по мягкости—твердости ([л'], [н'], [р']).

Рукописи определенно печорского происхождения (УЦ 2, УЦ 197) и рукопись Пин. 99, списанная с печатной московской книги,

последовательно опускают суффиксальный *ь*. Это совпадает с употреблением *ь* в других сочетаниях, отмеченным в данных источниках, и указывает на принципиально другую орфографическую традицию, которую условно можно назвать «московской традицией».

Примеры отвердения других согласных являются обычными для всех русских говоров и в памятниках встречаются довольно рано. Все исследованные рукописи, например, отражают твердость [м] в окончаниях — в форме творительного падежа единственного числа (столомъ, тѣмъ), в первом лице единственного числа (въмъ) и др.

Из возможных в древнерусском языке вариантов с твердым и мягким окончанием наречных форм наши источники последовательно избирают первый, ср.: *близъ* Пин. 1 (л. 254), Пин. 129 (л. 305 об.), УЦ 5 (л. 13 об.), Кар. 225 (л. 76); *назадъ* УЦ 2 (л. 38), но здесь же и *назадъ* (л. 37 об.); *отнюдъ* Мез. 3 (лл. 115, 115 об.), Пин. 1 (л. 176 об.). Твердый вариант окончания появляется и в других наречиях, ср. *сугубъ* Мез. 116 (л. 155), *опять* Пин. 1 (л. 220 об.), *удобъ* УЦ 5 (л. 16). Употребление таких форм характерно для северных рукописей, которые сохраняют твердый вариант и в окончаниях имен, например: *гроздъ* Кар. 225 (л. 123), Мез. 116 (л. 91) и др.; *ногты* Мез. 3 (л. 181). Пин. 1 (л. 74) и др. Отвердение конечного зубного обнаруживается и в написаниях типа *снѣдъ* Кар. 225 (л. 53), *на пажитъ живоносную* Кар. 223 (л. 151), *крѣпость убо...* Мез. 116 (л. 97 об.); ср. в положении перед передним гласным обратное этому смягчение конечного зубного перед йотом в Мез. 116: *ты мость ихъ жизни* 92.

Последнее соответствие указывает на возможное ассимилятивное воздействие со стороны окружающих согласных. Действительно, только в рукописи Мез. 116 обнаруживаются надежные примеры ассимиляции согласных по мягкости и твердости: *побѣди въ молитвахъ* 173, *съ||тену* 56 об., *горьсть* 205 об., *несь||мѣным* 59 об. и, наоборот, *деръ||эновение* 183, *преклонъшися* 143, *миръну* 145, *сродъ||ство* 146 об. и др. Подобные же примеры извлечены из памятников ростово-суздальского происхождения, но они возможны и в некоторых двинских грамотах.⁹ Большинству же северных рукописей такая ассимиляционная мягкость согласных неизвестна. Более того, печорская рукопись УЦ 2 в своей наиболее поздней части (на лл. 113—119 об.) показывает последовательное отверждение губных и зубных согласных в любой позиции (на конце слова и перед согласным); ср. здесь написания *дѣяволъ*, *дѣявола*, *тридѣсятъ осмое*, *седѣминъ*, *седѣмъ-дѣсятъ*, *тѣвоемъ*, *сѣвѣтъмъ*, *сѣвѣтъи* и другие написания слова 'свѣтой', *исконъчается*, *исконъчание*, *неправды*, *шестѣдѣсятъ*, *дѣвухъ*, *погибелъми*, *утвердѣтъ*, *въсякия*, *мытарѣствомъ*, *въ*

⁹ См.: К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968, стр. 83—84, 90.

бибѣлии, сугѣ, естѣ и т. п. Написания *искусити* 115 (рядом: *искусити* 115) и *не попуститѣ на ны* 115 также связаны с обозначением заднеязычных и губных, представляя собой гиперкорректные обозначения постоянно твердых [п] и [к]. В другой рукописи, Пин. 1, *на патомѣ соборѣ* 327 об. — иначе обозначенная та же неуверенность писца в передаче губного согласного, не имевшего в говоре парного по мягкости согласного. До сих пор архаические северные говоры, в том числе и пинежские, фонологически не различают губные и заднеязычные согласные по мягкости—твердости. Памятники указывают на отсутствие такого различия и для взрывных зубных согласных.

6. Сочетания *кы, гы, хы*

Те же архаические говоры факультативно сохраняют старое произношение [кы], [гы], [хы]; ср. записанное в пинежском говоре произношение [п'етухы], [ногы], [гр'ехы] наряду с возможным под влиянием литературного произношения [гр'ех'и] и т. д.

Из памятников наиболее последовательна в обозначении *кы, гы, хы* рукопись Кар. 223; ср. здесь написания типа *книгы, погыблѣ, въ вѣкы, грѣхы, хыщникомѣ* и мн. др. (исключение в заимствованном слове: *скиты* 203 об.). Почти последовательны написания с *кы* в Кар. 225 и в основном почерке УЦ 5 (главным образом на стыке морфем, ср. вин. мн. *духы, врагы, волкы* при им. ед. *раби, скоти, дуси*). В Пин. 129 наряду с *многымѣ* 132, *послухы* 102 об., *магыстрѣ* 132 и др. в виде исключения находим написание *в Києвѣ* 136. В Пин. 1 возможно написание *хы* (наряду с написанием *хи*) при обычных для рукописи *ки* и *ги*. Только новые написания *ки, ги, хи* зафиксированы в Кар. 7, в обеих мезенских и во всех печорских рукописях.

В одном случае отмечено отсутствие второй палатализации, ср. Пин. 1: *и обѣ плещы тростѣми на полы раскелеными бодоша* 257. Написание *оусерагѣ* 'серѣга' в Пин. 99 (29 об.) указывает на отсутствие третьей палатализации в этом слове. Как явствует из последних исследований, именно севернорусские говоры восходят к тем праславянским диалектам, в которых результаты 2-й и 3-й палатализаций отражены непоследовательно.¹⁰

7. Обозначение мягкости шипящих и [ц']

Обратным образом с обозначением твердости заднеязычных связано обозначение (с помощью следующей гласной буквы) мягкости шипящих и [ц'].

Наименее выразительны сочетания букв *ж, ч, ш, ц, щ* с буквами *а* и *у*, поскольку чередование *а—А(а)* или *у—ю* в данном слу-

¹⁰ См.: С. М. Г л у с к и н а. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке. В кн.: Псковские говоры, т. 2. Псков, 1968.

чае не указывает однозначно на отверждение соответствующего согласного. Для всех исследованных памятников обычно сочетание шипящих с *а*, и только очень редко (хотя в пределах отдельного памятника и довольно последовательно) возможны написания типа *жа* (в Кар. 223) или *ча* (в Пин. 1). Сочетания с *ю* распространены шире. *Чю* пишется последовательно во всех рукописях, *жю*, *шю* — во всех, кроме Пин. 1, Пин. 99, Пин. 131 (в этих рукописях *шу*, *жу* наряду с *шю*, *жю*); в этих же пинежских рукописях последовательно пишется *цү*, *щү* вместо обычных для других рукописей *цю*, *щю* (наряду с *цу*, *щу*).

Только в двух рукописях встречено определенное указание на твердость [ч'] — *чы* в Пин. 131 и в Кар. 225 (обычное обозначение этого сочетания в других рукописях *чи*); *щъ*, *щы* может встретиться в любой рукописи, кроме карельских и печорских. Твердость [ж, ш, ц], отраженная в написаниях *жы*, *шы*, *цы*, *жъ*, *шъ*, *цъ*, отмечается во всех рукописях, но с известным ограничением: все три согласные пишутся с *ы*, *ъ* в мезенских и пинежских рукописях (также в Кар. 7 и в УЦ 2), а в Кар. 223, Кар. 225, УЦ 5 и УЦ 197 возможны написания *цъ* и *цы*, но нет написаний *жы*, *жъ*, *шы*, *шъ*.

Объясняя приведенные данные, следует иметь в виду, что все отраженные в памятниках говоры являлись цокающими, поэтому различие между *ц* и *ч* в приведенных текстах является условным. По-видимому, в представлении писца определенной школы письменный язык характеризовался не различием двух аффрикат ([ц] — [ч'] или [ц'] — [ч']), а противопоставлением двух сочетаний: всегда мягкого *чъ*, *чю*, *чи* и т. д. и всегда твердого *цъ*, *цы*, *цу*. Независимо от фонетической интерпретации такого расхождения, единственное, что дают такие написания в плане различительных графических черт северных рукописей, это противопоставление мезенских и пинежских памятников карельским и печорским. Характерно, что противопоставление *цы*—*жи* встречается в тех именно источниках, которые одновременно сохраняют старые написания *кы*, *гы*, *хы*. Это обстоятельство дает уже основания для фонетического объяснения приведенной графической дифференциации.

8. Цоканье

Смешение *ц* и *ч*, как характерная особенность и современных северных говоров, должно встретиться в памятниках северного происхождения. В действительности же надежные примеры цоканья обнаружены только в трех рукописях: Кар. 223 (дат. мн. *черноризчѣмъ* 276 об.), Пин. 1 (*срачини* 72 об. при *срацынъ* 108 об., *едину чату* 325 об.), Мез. 116 (*лѣцбами* 150, *человѣколюбча* 159 об.). Почти во всех примерах находим *ч* вместо *ц*, а не наоборот. Такая замена неувидительна в условиях мягкого цоканья,

когда для писца самой важной заботой было установить правила написания именно ч. Своеобразный гиперизм и представляют собой обнаруженные примеры.

9. Смещение глухих и звонких согласных перед гласными и сонорными

Написания типа *прижьствие*, *требетъ*, *скрешетъ* и т. п. вместо *пришьствие*, *трепетъ*, *скрежетъ* характеризуют памятники северного происхождения начиная с середины XII в. и прослеживаются вплоть до XVII в. Фонологически это можно объяснить отсутствием противопоставления согласных по глухости—звонкости.¹¹ Из обследованных рукописей только Кар. 225 отражает интересующее нас смещение: *слыжахъ* 195 (=слышахъ), *ненавите* 78 (=ненавиде), *поперет мя* 110 (=впереди меня). То же явление напоминает и написание в Пин. 1: *внезапу же наитетъ на тя страхъ* 286 об. (=найдет). Однако, учитывая постоянные для этого памятника формы типа *внитти во врата* 79, 81, *изытти* 109 об. и др., можно усомниться в фонетическом значении *наитетъ* (из *наиттеть*?).

10. Обозначение [ɣ]

Фрикативное [ɣ] отмечается из северных говоров только в некоторых русских говорах Карелии. Пропуск буквы *г* в тексте Кар. 225 — *ти же разнѣваши* (=разнѣваши) 87, возможно, передает диалектное произношение [ɣ] в положении между гласными. Впрочем, написание именно этого корня без *г* встречается и в ранних новгородских рукописях.

11. Смещение к ~ х

Смещение *к* и *х* до сих пор распространено на Севере, и это смещение приписывают влиянию неславянского субстрата. Только в Пин. 1 употребляется *х* вместо *к* перед плавным (написание *в схляниццу* 129 об. с последующим исправлением *х* на *к*) и *к* вместо *х* перед передним гласным (*въ кизицы* 143 об. = *хижина*). Указанным заменам можно было бы дать и фонетическое объяснение, например [к] вместо [х] встречено перед [и]; заметим, что Пин. 1 относится к числу рукописей, отражающих изменение *кы*, *гы* в *ки*, *ги*, но последовательно сохраняющих старое написание *хы*. По этой причине *хы* в данном случае заменяется не на *хи*, а на *ки* — фонетически самым близким слогом, связанным с гласным переднего ряда.

¹¹ См.: В. В. Колесов. Северновеликорусские чередования согласных, парных по глухости—звонкости. Вестник ЛГУ, 1963, № 2, вып. 1.

12. Употребление *а-ia, ѝ-ou, о-ω* после согласных

После мягкого согласного [а] обозначается буквой *А* во всех рукописях, за исключением Кар. 225 и второго почерка Пин. 129. В этих последних в данном значении используется буква *ia*, обычно употребляемая для передачи сочетания [ja], ср. *помѧну, растѧженѧ, времяѧ, вѧкѧ, клѧлѧ* и т. д. В Кар. 225 использование буквы *ia* совпадает с употреблением буквы *ou* во всех положениях (*ѝ* «ук» только изредка в конце слова и притом главным образом при переносе); напротив, в остальных рукописях *ou* пишется лишь в начале слова: *оуноша — вноѡѧ*. Тем самым рукопись Кар. 225 оказывается самой архаичной в обозначении [а] после мягких согласных и [у]. Орфография этой рукописи во многом напоминает орфографию ранних новгородских памятников (например, начала XII в.).

В некоторых источниках наряду с *о* после согласных пишется и *ω*. Ожидаемая связь этого *ω* с напряженным [ѡ], характерным для ряда русских говоров, не всегда обнаруживается. В Пин. 1 и Пин. 131 *ω* после согласных употребляется очень редко, в Кар. 223 написаний с *ω* гораздо больше, но и здесь они не проведены последовательно и не поддаются никакому объяснению. Тем не менее во всех трех рукописях *ω* обычно употреблено на месте [ѡ], ср. в Кар. 223: *пѡстѧ* 108 об., *мнѡси* 88 об., 97 об., *извѡлиша* 106, *гидѡвъ* 219 и др. Создается впечатление, что все такие написания перенесены из оригиналов, которыми пользовались писцы. Если это верно, можно надеяться в будущем встретить рукописи с последовательным разграничением фонем [ѡ]—[о] в виде различия букв *о*—*ω*. Такие рукописи могут быть связаны с пинежской и карельской зонами.

В отличие от карельских и пинежских рукописей мезенские и одна печорская довольно часто используют знак *ω* в другом значении, для передачи [о] после определенных согласных; например, в УЦ 2 *ω* пишется после *к, г, х, н, м, в, л, р, б*, в Мез. 3—после *к, г, х, р, л, н, в, б, п* (единственное исключение: *красѡѧѧ*), в Мез. 116 *ω* и *о* не имеют последовательности в употреблении. Таким образом, в восточной части описываемой территории *ω* служит для дополнительной характеристики предыдущих согласных, главным образом заднеязычных и губных, которые в этих говорах не развивали противопоставления по мягкости—твердости и, следовательно, различались каким-то другим признаком. Если эту особенность восточных рукописей связать с характерными для них знаменами *е* на *ѣ* после исконно мягких согласных, можно было бы говорить о передаче знаком *ω* лабиовелярности губных и заднеязычных согласных. В любом случае следует отметить распространенность в северных рукописях такого типа написаний, которые передают фонетические характеристики слога в целом, например «мягкость» слога *рѣ* в отличие от слога *ре* или лабиализованность

слога *рo*) в отличие от слога *po*. Тщательное изучение большого круга источников покажет в будущем, имеем ли мы здесь дело с орфографической нормой или за указанным распределением кроется фонологическое отличие этого говора.

13. Редуцированные гласные в слабой позиции

Севернорусские говоры до сих пор выделяются большим числом словоформ, в которых на месте слабого редуцированного гласного (который обычно утрачивался с связи с дефонологизацией [ъ, ь]) слышится гласный соответствующего качества. Следовательно, в этих говорах в определенных условиях слабые *ѣ, ѥ* изменились в *o* и *е* параллельно изменению сильных *ѣ* и *ѥ* в *o* и *e*.

В исследованных рукописях почти нет примеров опущения корневого [o] или [e] по аналогии с «беглыми *e* и *o*», например в словах *лед* или *ров*; ср. Пин. 1: *на леду* 66 об., *съ ледомъ* 121 об.; Кар. 225: *в ровѣ* 70; Пин. 129: *ледомъ* 92, и т. п.

Пинежские и мезенские рукописи дают много примеров проявления слабого редуцированного в сложных сочетаниях согласных. Ср. в Пин. 1:

а) в причастных формах — *отступлеше* 5 об., *преставлѣшися* 289 об., *оставле же* 13, *оставлеше* 62 об., 145 об. (ср. *остáвльшу* 255 об.), *удивлѣшися* 83 об., 131 об., *дивлѣся* Диоклитуанъ 197 об., *являгося* 200 (ср. *явльшемуся* 224 об.), *богу же наставляшу* мя 226, *рожѣся* 272 об. (ср. *рожься там же*), *стражу запрещу* 285 об., *рожешую* 289 об.;

б) в суффиксах имен — *богатество* 29 об., *богатествомъ* 65 об., *божественныхъ* 18, *корабленикъ* 27 об., *корабленикомъ* 226 об., *Понтескаго моря* 238, *крѣплеши* и *лутши* 334 и т. п.;

в) в окончаниях слов: *возвративесе* 2 об.

Такие же примеры пояснения слабых редуцированных в Мез. 116:

а) *рожеши* 34, 136, 142 и др., *совокуплѣшишь* 65, *оскверняшая* 77 об., *рожешемуся* 84, *являшуся* 29, *явлѣшишь* 45 и др., *избавляшаго* 44 об., *потоплѣшу* 142 об. и т. д.;

б) *хужѣши* 124, *вышѣши его* 86, *превышѣши* 32 об., *богатество* 139 об., *земено* 113 (рядом: *земно*) и т. д.;

в) и *вопиющих* теме (= *тѣмъ*, т. е. ухом) *услыши* 103, и *приступле* молюся 71 об. и т. д.

В других пинежских рукописях таких примеров меньше, но это как раз памятники с довольно выдержанной традиционной орфографией, и в таких условиях сам факт подобных написаний имеет большое значение; ср. в Пин. 99: (с) *гласы пѣсненными* 102 об.; *раждежение душес* 123, *пѣрвенечество* 372, *въ церквѣ предотечевѣ* 492; в Пин. 129: *вънѣземъ украсися* 162 об.

Ничего подобного не обнаружено в печорских и карельских рукописях. Правда, в УЦ 197 находим дале *посадникѣ словенскаго*

конца Иване Фомине сыне пречистой богородици... приложили Иване Фомине... (лл. 7 и 8), однако написания *ле*, *не* вместо *лъ*, *нѣ* характеризуют только приведенный отрывок — текст дарственной новгородской грамоты, включенной в повествование; это явная зависимость от оригинала, которая не указывает на особенности произношения самого печорского писца.

Слабый редуцированный [ѣ] в составе предлога в двух памятниках довольно последовательно представлен гласным *о*, если следующее за предлогом слово начинается с гласного; ср. Пин. 1: *во олѣтари* 171 об., *со ослате* 178, *во юноши* 268 об., *во иныя* 258 об. и др.; Кар. 225: *во яму* 3 об., *изо устѣ* 35, *во утро* 91 и др. По мнению Л. Л. Васильева, такое произношение возникло еще до окончательной утраты слабых редуцированных и более всего было свойственно говорам, позднее легшим в основу украинского языка.¹² Последние исследования уточняют этот вывод, подчеркивая более позднее происхождение предложных форм с [о] и говоря о книжном их характере («отражают церковно-книжное произношение писцов»).¹³ В нашем случае важно, что прояснение редуцированного отмечается и перед «йотированными» гласными.

О вместо ѣ в предлоге перед группой согласных в исследованных памятниках встречается гораздо чаще, чем в современном (литературном) языке, ср. в Меэ. 116: *во скорби* 19, *воскорѣ* 27 об., 71 и мн. др. (также *вооскорѣ* 157 об.), *ко свѣту* 47 об., *во чревѣ* 47 об., *ко злѣбѣ* 85 об. и мн. др.

14. Написание сочетаний типа *верх-*

Качество [р] и [л] косвенным образом можно установить и по употреблению их в старых сочетаниях с редуцированным в положении между согласными: *верх-* из *вѣрх-*.

В первом почерке Пин. 129 и в двух карельских рукописях (Кар. 7 и Кар. 225) возможны довольно частые (в последней — почти последовательные) написания с редуцированным после плавного, ср. в Пин. 129: *дрѣжится*, *отврѣзение*, *трѣпя*, *врѣтѣти*, *длѣженѣ* и мн. др. Обычно такие написания связывают с искусственной традицией «второго южнославянского влияния». Остальные рукописи характеризуют обычные для русских памятников написания типа *держа*, *отверѣзъ*, *терпя*.

Некоторые рукописи дают русские написания, осложненные знаками еров после плавного, например: *о смерти*, *скорѣби*, *перѣсты*. Таких примеров нет в первом почерке Пин. 129, в Пин. 131, в Кар. 223 и Кар. 225, в УЦ 2 и УЦ 197; всего несколько

¹² См.: Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. Известия ОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 3.

¹³ См.: О. В. Малкова. К вопросу о влиянии «нейотированных гласных» на предшествующий ѣ в предлогах и с в отрицании в древнерусском языке. В кн.: Русская историческая лексикология. М., 1968, стр. 133.

таких примеров в Мез. 3 (*скорьби, верьзетъ*), Мез. 116 (*горьсть, перь||стомъ*) и УЦ 5 (*отверъзе, срьдечною, сверь||стницы, без-мольствуя*). Таким образом, только в пинежских (и Кар. 7) рукописях обычны написания, которые следует рассмотреть внимательнее.

Легко определить условия появления еров после плавных: ѣ употребляется перед твердым, ь — перед мягким согласным; ср. в Кар. 75: *утверъжающуся, державномъ, держжати, в теръзании, умеръшвление, умерътвися, держзати, торъжеству, усерьдно, черъны, разверъише* и др., но также *бесмерътия, умеръшвями, срьдечнаго, усерьдиемъ, о перъсти земной* и т. п. Во втором по черке Пин. 129: *черънъ 324, пъръсты, развъръземъ, скверъну* и др., но перед мягким *оскорьби, жерьцем, твердемъ, скорьби, перьсть, на перьстехъ (серьпъ 318, 320 об.)*. Зависимость ѣ или ѣ от характера следующего согласного видна и на других типах сочетаний, например в *ларьѣ 331 об. — старьцу 315*.

В других пинежских рукописях указанная зависимость от следующего согласного менее определима, главным образом потому, что ѣ может употребляться и перед мягким согласным, но лишь в сочетаниях типа *волхв*, т. е. после корневого *о*, ср. на *Волъзе, мольвятъ* и др. в Пин. 1.

Следовательно, и применительно к данным корням можно говорить об обозначении позиционной мягкости—твердости, но не всех вообще согласных, а только [р] и [л]. Некоторые примеры совпадают с диалектными (в том числе и старомосковским) произношением типа [с'ер'п], [в'ер'х] [п'ер'вый] (ср. *серьпъ* в Пин. 129). Даже если ь и ѣ в приведенных написаниях и служат для указания длительности плавных, они могут обозначать и их позиционную мягкость или твердость. Поскольку такое различие плавных является чисто позиционным, мы вправе говорить об отсутствии в этой позиции старого противопоставления твердых и мягких плавных.

15. Морфологические расхождения

В пинежских и в одной печорской рукописи отражены старые окончания родительного падежа единственного числа имен *кровь* и *любовь*, восходящих к основам на **ѣ*, ср. Пин. 1: *от крове сия 255, любве ради 333*; Пин. 99: *крове 156, 195 об., 491 об., ради любве 183*; УЦ 2: *от крове 43 об., капля крове 32*. В остальных источниках последовательно отражена общерусская флексия *-и* (*от крови УЦ 5* и т. д.).

Севернорусское воздействие мягких основ на твердые обнаруживается очень редко и не всегда определенно, ср. в Мез. 3: *во алчбы и жажди 51* (вместо *во алчбѣ*); Пин. 1: *первее не можетъ плода доброте творити 260* (вместо *доброты*); Пин. 99: *вънца побѣде взяста от бога 339* (вместо *побѣды*). В двух последних слу-

чаях можно предполагать и дательный падеж, и тогда приведенные примеры указывают только на замену ѣ буквой е.

Интереснее встреченное в Мез. 116 употребление возвратной частицы в виде *се*: *солнце побѣди се твоею свѣтлостью* 153 об., *сего ради рождеше се в нетлѣние* 215 об., и др. По наблюдениям диалектологов, употребление *се* вместо *ся* очерчивается границами архангельской и олонецкой групп севернорусского наречия.¹⁴

16. Флексия глагола в 3-м лице настоящего времени

Во всех рукописях глагольная флексия 3-го лица выступает обычно в варианте *-тъ*, что соответствует севернорусским говорам в их современном состоянии. Различительные признаки можно искать только в одном направлении — в употреблении разных флексий (*-тъ* и *-ть*) или в отсутствии их в границах каждой отдельной рукописи.

В современных пинежских говорах записаны формы без окончания, но только в 3-м лице единственного числа у глаголов старого III класса. В Пин. 1 на л. 256 об. находим полное этому соответствие: *яко богъ согрѣшающая мучит, а правдою жившая вѣчнае*. Можно ли на основании такого соответствия делать вывод о диалектном различительном признаке именно пинежских источников, покажут дальнейшие исследования северных рукописей.

Зато совершенно определенно некоторые карельские памятники указывают на смешение флексий *-тъ* и *-ть*. Кар. 225 при обычном *тъ* изредка дает *-ть*: *кто... поживеть* 72 об., *(он) наставитъ мя* 110 об., *возвеселиться* 123 об. В Кар. 223 флексии *-тъ* и *тъ* встречаются одинаково часто и употребляются в известной последовательности: *-тъ* выражает окончание 3-го лица единственного и множественного числа глаголов I спряжения, *-тъ* — глаголов II спряжения; ср., с одной стороны, *молитъ, творитъ, велитъ, любятъ, видятъ, ходятъ*, а с другой, — *возметъ, изберетъ, вѣруеть, можетъ, дадутъ, требуютъ, блюдутъ* и др. Глаголы первых трех классов в качестве варианта могут употребляться и с общим для северных рукописей и говоров окончанием *-тъ*, глаголы же IV класса никаких смещений *-тъ* и *тъ* почти не допускают.

Полного совпадения с современными русскими говорами на территории Карелии такая дифференциация флексий не дает. Однако важно, что из всех русских говоров только некоторые заонежские дифференцируют употребление *-т* и *-т'* в презенсных окончаниях глагола: здесь лишь глаголы I спряжения и только в 3-м лице множественного числа сохраняют праславянское мягкое окончание (*берутъ*), а во всех остальных случаях оно заменяется твердым (*сидят*). Является ли такое распределение результатом

¹⁴ См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М.—Л., 1953, стр. 72.

дальнейшего развития дифференциации, сохраненной в Кар. 223, неясно. Тут необходимы дополнительные изыскания. В качестве предварительного вывода можно высказать только следующее предположение: памятники с более или менее последовательным разграничением глагольных флексий -ть и -тъ следует относить к числу «карельских» (и даже уже — заонежских).

17. Написание отдельных слов

Расхождение в написании конкретного слова также может стать различительным признаком рукописи.

Чередование о—е в некоторых корнях как различительный признак ранних северных и южных рукописей отметил еще И. В. Ягич. По его мнению, написание типа *съсъць*, *скърбрь* более свойственны северным, а *съсьць*, *скърбрь* — южным русским памятникам.¹⁵

В этом смысле карельские и печорские рукописи отражают типично северную огласовку корня; ср. Кар. 7: *гроздь* 156; Кар. 223: *сосець* 256 об., *стормнины* 214 об., 215 (=стремнины); УЦ 5: *от сосьцю* 92 об., *троскота* 35, *троскотание* 37 об.; УЦ 2: *сосцами* 26. В Кар. 225 наряду с *гроздь* 123, *гроздову* 121 об. в виде исключения находим *пепель* 117. Близки к указанным памятникам Мез. 3 (*гроздь* и пр.) и Пин. 99, где отмечены: *въ гроздь* 448, *попель* 391, 483 об., *попеломъ* 125 об., 126, 393, *скорбрь* 218, *от сосець* 455 об., *троскотъ* 247 об. и т. д.

В пинежских и в близкой к ним по многим показателям рукописи Мез. 116 наряду с указанными написаниями возможны и написания с е; ср. в Пин. 1: *на сосуѣ* 98 и *сесца* 110 об., 207 об., также *грѣздновию* 256 и *попель* 263, 293, 299 об., 335 об., в Пин. 129: *попель* 207 об., 237 об., 273 об., *попельомъ* 240 об. и в *пепель* 235 (с изменением словесного ударения), *сосець* 240 об., *сосца* 83, 163 об., 171 об., 213 об. и *сесца* ссаша 209 об., *по сесцама* 172 об. и др.; в Пин. 131: *от сосець* 7 об., *пепель* 55; в Мез. 116: *гроздь* 91 и *грездь* 18, *сосца* 32 об. и *сесцю* 153 об., *сесцама* 144, *расторгни* 27, 170 об., *исторгни* 25 об., 148, *расторгла* 156 и *не истергни мене* 142, а также *скорби* 199 об., *скорбящим* 162.

Близость Мез. 116 к пинежским рукописям подчеркивается и возможностью употребления приставки *оби-*; ср. в Пин. 1: *обиядения* 34 (*обяоть* 271); Пин. 99: *обиять буди* 211 об. (*обьядения* 246); Мез. 116: *обияла еси* 153 об., *обистояния* 82 об., *обистоянии* 118 об., 143 (*обьяти* 151 об.), тогда как в остальных рукописях находим только *объ-* (в Мез. 3 *об'ять* 136 об. и *под'яль* 15 наряду с *обьять* 255 и др.; в УЦ 2 *об'ять* 28 об. и т. д.). Употребление приставки *оби-* — глубоко архаичная особенность северных рукописей, сближающая их с древними новгородскими памятниками.

¹⁵ И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 15, 26,

18. Ударение

Различия в словесном ударении могут оказаться важными в определении происхождения рукописи, но только при условии сплошного и систематического ее изучения с этой точки зрения. Ниже приводятся результаты сопоставлений рукописных источников, проведенных на более широком материале.¹⁶

Общим отличием всех северных рукописей от южных (если в число последних включать все рукописи, написанные южнее линии Калинин—Ярославль) в области словесного ударения является:

1) почти полное отсутствие оттяжки ударения с подвижно-ударного имени на еровый префикс, т. е. на предлог-приставку *въ*, *къ*, *съ*;

2) возможность смещения подвижных и окситонированных непроезженных имен и глаголов в сильных формах (с ударением на корне);

3) активное употребление двойных знаков ударения над словом;

4) отчетливое проявление архаических особенностей словесного ударения, вообще утраченных к этому времени южнорусскими говорами.

Различительные признаки рукописей создаются вариациями указанных акцентных особенностей или их отсутствием.

1. Почти никаких примеров оттягивания ударения на префикс не дают печорские и мезенские рукописи (УЦ 2, основной почерк УЦ 5, Мез. 3, также Кар. 6). В первом почерке УЦ 5 оттяжка ударения возможна, но только на еровый предлог, ср.: *въ имя* 5, *въ дни* 14, *со гнѣвом* 14 об., *ко граду* 20 об., *во гробъ* 34, *во страну* 33, *со страхом* и т. п. Именно это обстоятельство заставляет предполагать искусственность такого рода оттяжек для представителя данной диалектной зоны. Редкие примеры оттяжки ударения на предлог воспринимаются как следование оригиналу, ср. в Мез. 3: *по морю* 191 об., *на море* 190, *на нось* 180, *на помощь* 189 об., *по ряду* 129, *на лѣсъ* 179, *другъ за друга* 151 об. и мн. др., при возможной оттяжке в сочетании с числительным: *за пять* 58 об., 134, *за два* и *за пять* 173 об. (рядом: *за два* 173 об.),

¹⁶ Дополнительно изучены следующие акцентованные рукописи ИРЛИ: из Карельского собрания Кар. 6 (конец XVII в.) и Кар. 10 (XVII в.); из Печорского собрания УЦ 6 (XVII в., с текстом хождения Трифона Коробейникова) и ВП 2 (XVII в., с текстами жития Александра Невского и повести о посаднике Щиле). Привлечены также акцентованные северные рукописи других собраний: Ст. — сборник XVII в. из Заонежья, БАН, 21.7.8; Пч. — Пчела 1640 г. (Вологда), ГПБ, Кир.-Белоз. 114/1191; Зап. — записная книжка монаха (Кубенское озеро), нач. XVII в., ГПБ, О. XVII. 67; Д. — сборник XVII в. (Заонежье), БАН, собр. Г. Ф. Нефедова № 3; Уст. — Житие Прокония и Иоанна устюжских чудотворцев, XVII в. (Устюг Великий), БАН, 45.10.2.

за три 179 об. Таким образом, для восточной части изучаемой территории характерно сохранение словесного ударения и в границах словосочетания, т. е., другими словами, характерна и до сих пор отмечается синтагматическая устойчивость ударения.

Оттяжка ударения на любые предлоги, кроме еровых, наблюдается в Пин. 131, УЦ 6, ВП 2, Ст., Д. Только в очень редких, специфически церковных сочетаниях отмечена оттяжка на еровые предлоги, ср. в ВП 2 *во страсть божии* 125, в УЦ 6 *во церковь* 80 об., в Д. *со страхом Божиимъ* 2 об., 14 об., в Ст. *во вѣки* 8, 26, 32, 49 об., *со страхомъ* 40, в Пин. 131 *во гласъ* 101, *со властью господней* 149. Такие редкие примеры оттяжки ударения вслед за Л. Л. Васильевым можно считать отражением церковного произношения и объяснять их влиянием оригинала рукописи.¹⁷ Кстати, ВП 2 и УЦ 6 вообще дают очень мало (не более двух десятков каждая) примеров оттяжки на другие предлоги (*на, за*), сближаясь в этом отношении с памятниками первой группы, к которым они принадлежат территориально.

К третьей группе следует отнести рукописи, указывающие на оттяжку ударения на любой предлог, в том числе и еровый: Кар. 7, Кар. 10, Зап., Пч. и почти все пинежские (Пин. 1, Пин. 99, Пин. 129). Ср. в Пин. 129: *на землю* 11, *на древѣ* 49, *на полы* 51 об., *по ряду* 65 об., *на гробъ мои* 78, *до времени* 81 об., *по плоти* 105, *на мечь* 108, *на помощь* 135, *на власть* 225 об., местн. ед. *на земли* 299 об. и мн. др., а также на еровый предлог: *ко гробу* 9 об., *во градѣ* 88, *во время* 47 об., *во свѣтъ* 69, *со древа* 84, *во дни* 124 об. Впрочем, количество примеров с оттяжкой на еровые предлоги и в этой группе памятников ограничено. Как правило, такая оттяжка касается тех слов, которые в сочетании с предлогом обычно безударны; ср. *до времени, на время, при времени, у гроба, на гробъ, при гробѣ*; в результате и присоединение еровых предлогов вызывает аналогичную оттяжку ударения с корня, ср. *во время, ко времени, ко гробу, во гробъ* и т. д. Другими словами, приведенные оттяжки на еровые предлоги могут быть результатом выравнивания ударения в пределах сочетания; следовательно, соответствующие говоры характеризуются синтагматической неустойчивостью словесного ударения. Географически эта особенность распространяется на территорию к востоку от Онежского озера, включая юг Архангельской и север Вологодской областей.

2. Совмещение подвижных и окситонированных корней особенно четко прослеживается в глагольных формах настоящего времени. При широком развитии наконечного ударения во 2-м и 3-м лицах единственного числа, 1-м и 3-м лицах множественного числа обнаруживается полное отсутствие накоренного ударения в 1-м

¹⁷ Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929, стр. 7.

лице единственного числа для исконно подвижных корней и частичное сохранение наконечного ударения во 2-м лице множественного числа.

Наряду с закономерным для подвижных корней ударением типа *уморя́тъ, скорби́тъ, учи́тъ, яви́тъ, несúтъ* и т. д. северные памятники дают такое же (наконечное) ударение и для исконно окситонированных корней, ср. *ловя́тъ* УЦ 6 (л. 157), *могúтъ* Уст. 24, *любíиши* Зап. 95; см. в Пч.: *смотри́иши* 112, *ходи́иши* 143 об. и т. п. вместо исконной акцентовки на корне. Такое расхождение между исконным и диалектным ударением окситонированных корней дает возможное расхождение между памятниками разных областей Севера: *зуби́тъ, зуби́иши, зубя́тъ, зуби́мъ* в Пин. 129, Пин. 131, Пин. 1, но вместе с тем и *погуби́иши* Зап. 72, *погуби́иши* Зап. 122 об.;

держи́тъ, держи́иши, держа́тъ, держи́мъ в Мез. 3, УЦ 6, Пин. 1, Пин. 99, Пин. 129, Пин. 131, но вместе с тем и *де́ржатъ, де́ржимъ* в Ст., Д;

моли́тъ, моли́мъ, моли́иши в Мез. 3, Кар. 7, Зап., но вместе с тем и *мо́лимъ, мо́лятъ* в Пин. 99, Пин. 129;

отпусти́тъ, отпусти́ятъ в Мез. 3, Пин. 1, но вместе с тем и *отпúститъ, отпúстятъ* в Кар. 10, Ст.;

скорби́тъ, скорби́иши в Зап., Пин. 129, но и *скóрбиши* в Ст.;

твори́тъ, твори́иши, твори́мъ в Пин. 1, Пин. 99, Пин. 129, Пин. 131, Пч., но вместе с тем и *твóритъ, твóрятъ* в Ст., Пин. 1;

терпи́иши, терпя́тъ, терпи́мъ, терпи́тъ во всех пинежских, а также в УЦ 2, Кар. 7, Кар. 10, но вместе с тем и *сте́рпитъ* Ст. (здесь же *терпи́иши*), а также в УЦ 6: *те́рпимъ, те́рпятъ* (также *терпи́тъ*).

Привлекая примеры колебания ударения в низкочастотных глаголах (например, ВП 2: *получи́иши* и *полúчатъ*; Мез. 3: *положи́тъ* и *поло́жатъ*; Ст.: *мо́лчиши, де́рзнетъ* и т. п.), можно совершенно определенно очертить границу постепенной стабилизации ударения на корне: она обнаруживается в заонежских и в северо-восточных (печорских) рукописях, отражая устойчивость словесного ударения.

Исконно подвижные и окситонированные глаголы отличались друг от друга и ударением в форме 1-го лица единственного числа: подвижные на корне (*ле́жу*), окситонированные на окончании (*молю́*).

Накоренное ударение подвижных корней в 1-м лице единственного числа не известно в современных северных русских говорах и, по-видимому, не отражается в северных рукописях. Только в Пин. 99, переписанной с печатной московской книги, обнаруживаем дифференциацию окситонированных и подвижных глаголов в данной форме; ср. у окситонированных *могú* 357 об., *молю́* 23 об., 88 об., *ношу́* 94, 166 об., *прошу́* 232 об., *хожду́* 194 об., *хощу́* 245 и т. д.; у подвижных *введу́* 69, *наведу́* 118, 249,

даю 304 об., зову 135, 355, лежу 109, 120, 301, понесу 114 об. и мн. др.

Такого рода дифференциация совершенно чужда рукописям, написанным на Севере. Два отмеченных исключения (УЦ 5: *скѡрблю* 83 об.; Пин. 99: *стѣрплю* 34 об., при возможном удареии в Кар. 7: *скорблю* 133 об. и т. д.) в такой ситуации только подчеркивают правило, которое заключается в том, что подвижные по своему ударению в форме 1-го лица единственного числа совпадают с окситонированными, т. е. *лежу* дает *лежѹ* и т. п.

Исконное окончное ударение подвижных корней во 2-м лице множественного числа полнее всего отражено в пинежских рукописях, и это полностью соответствует современному произношению юго-восточных архангельских говоров; ср. в Пин. 1: *впадѣтѣ* 43 об., *дадѣтѣ* 36 об., *держѣтѣ* 92, *живѣтѣ* 333 об., *творѣтѣ* 270, *пасѣтѣ* 265, *бежитѣ* 252 об. и др.; в Пин. 99: *даѣтѣ* 224, *поживѣтѣ* 249 об. и мн. др. Если в копии с печатной книги Пин. 99 отражено сохранение подвижного типа *жѣву*—*живѣтъ*—*живѣтѣ*, то Пин. 1 является примером собственно севернорусских акцентовок: *живѹ*—*живѣтъ*—*живѣтѣ*. В мезенских и печорских рукописях, как и следовало ожидать, исходя из общих особенностей их ударения, нет надежных примеров окончного ударения во 2-м лице множественного числа (кроме *творѣтѣ* и *обложѣтѣ* в УЦ 2), а некоторые карельские источники дают их в ограниченном количестве (4 раза Кар. 10, 1 раз Кар. 6, 1 раз Ст.). В этих крайних западных и крайних восточных русских говорах Севера ударение максимально стабилизировалось, утратив подвижность. Этой особенностью данная группа говоров выделялась и при характеристике оттяжек ударения на предлог.

Сказанное целиком относится и к именным формам. Например, у прилагательных, производных от окситонированных имен, развивается новое окончное ударение, которое в исходной системе было свойственно только производным от подвижных имен; ср. в Пин. 129: *мечнѡѣ* 30, 239; Пин. 131: *рѣчнѡѣ* 21, *чревнѡѣ* 86 об., *чревнѡму* 62 об., *блуднѡй* 35 об.; Пин. 99: *травнѡѣ* 105, и т. д. (вместо исконного *мѣчное*, *рѣчное* и т. п.).

3. Двойные знаки ударения над одной словоформой свойственны определенно северным рукописям, например УЦ 5, УЦ 6, Мез. 3, Пин. 1, Пин. 129, Пин. 131, но отсутствуют в Пин. 99, переписанной с московского издания. Дело здесь, следовательно, не в колебаниях писца, встретившего в оригинале ударение, расходящееся с его собственным диалектным. Если бы такое объяснение было верным, колебания прежде всего обнаружались бы в Пин. 99, как в переписанной рукописи с определенно несеверной системой.

Вторым знаком ударения обозначается предупредный (одновременно он является предконечным) слог или новозакрытый слог слова, например: *крѣчю*, *хвѣлѹ*, *зѣлѡ*, *смѣшнѡ* или (с новозакры-

тым слогом) *сдѣлалъ, оставилъ, придутъ, ходатаи, трепещеть* и т. д. Таким образом, северные рукописи показывают взаимодействие двух последних слогов слова по ударению, а это отражается и в современном севернорусском произношении (происходит смешение длительности конечного слога и динамического ударения предпоследнего слога, или наоборот).

4. Общий архаический характер северных ударений можно иллюстрировать на акцентовке отдельных слов или форм.

Так, акцентное расхождение между родительным и отложительным значениями родительного падежа единственного числа имен женского рода хорошо прослеживается как раз на материале этих источников; ср. Пин. 1: *принести воды* 202; Пин. 99: *яко стѣна воды* 99 об. (ср. в другом значении формы *от воды* 256 об., *от горы* 222); Мез. 3: *в конецъ горы* 238; УЦ 6: *и ту пробито горы до полусажени* 13 об., 98; Д.: *около же горы камня* 76 об. и др. (ср. у Ломоносова: *вдержите быстрой реки ток*; у Пушкина: *не жажду горы серебра*). Такому ударению генетивного значения противопоставлено в тех же рукописях наконечное ударение этих форм в их отложительном значении (*от горы, от воды* и т. п.).

Окситонированные имена мужского и среднего рода в местном падеже множественного числа исконно имели накоренное ударение, т. е. *в сѣлѣхъ, в грѣсѣхъ*. Северные памятники дают интересное отступление от этой нормы: только имена среднего рода сохраняют старое ударение на корне, в то время как имена мужского рода обобщают новое для них наконечное ударение, свойственное прежде только подвижным именам; ср. Пин. 99: *въ сѣлѣхъ* 31, 211, 334, *на кѣлѣхъ* 449 об., 501 об., но вместе с тем и *на торѣхъ* 171 об., *въ грѣсѣхъ* 272 об., *на скотѣхъ* 295 об. и др.; Мез. 3: *в сѣлѣхъ* 150, но вместе с тем и *рабѣхъ* 264; Пин. 129: *на рѣбрѣхъ* 119, но вместе с тем и *грѣсѣхъ* и т. д. Только в одном слове мужского рода отмечено последовательное накоренное ударение данной формы: *во двѣрѣхъ* (Пин. 1, Пин. 99, Пин. 129 и др.), — ударение, единственно возможное в этом слове в древнерусском языке¹⁸ и отражающее даже оттяжку на предлог (*во дворехъ* Кар. 1, л. 356).

Именно севернорусские рукописи последовательно сохраняют старое наконечное ударение женских имен **jā*-основ; ср. вин. мн. *броня* в Пин. 131 (л. 153 об.); ср. также Пин. 1: *воня* 156; Пин. 99: *воня* 427; *стража* 132 *мрежа* 407 об.; УЦ 2: *воня* 62; УЦ 5: *по волѣ его* 105 об.; Мез. 3: *тоня* 128 и др. В северных же рукописях сохраняется архаическое ударение производных имен; ср. *тишина* в Пин. 131, Пин. 1 и др., и современное поморское ударение этого слова *тишина* с ударением *тишинѹ* в Мез. 3 (л. 191), которое отражает несеввернорусскую и во всяком случае позднюю акцентовку данного слова.

¹⁸ См.: Л. Л. Васильев. О значении каморы. . ., стр. 214.

19. Лексические расхождения

При определении диалектных лексических расхождений в границах севернорусского наречия следует, по-видимому, отказаться от мысли о географическом варьировании заимствований или общерусских архаизмов. Например, слово *карбас*, хотя и отмечено лишь в некоторых источниках (ср. Мез. 3: *карбасъ лодейной* 237 об.), однако вполне может быть встречено и в рукописях других северных местностей, если характер текста, его содержание этого потребуют. Равным образом встречаемое в Кар. 223 слово *ногата* (*удержа у себе десять ногатыхъ* 75) не дает оснований для установления диалектной границы слова, потому что нигде на Севере, и в Заонежье в том числе, такое обозначение денежной единицы, естественно, уже не встречается.

Ниже приводятся диалектные слова, извлеченные из рукописей, в настоящее время известные только в некоторых северных говорах.¹⁹

Жератокъ, ср. в Пин. 1: *и помазаша главу его масломъ и жераткомъ посыпатъ бысть* 254 об. Слово *жераток* (*жараток*) 'место в печи для хранения жара' не встречается теперь в печорских, мезенских и пинежских говорах, оно отмечено только в западных районах севернорусского наречия: в Архангельской (Кемь), в некоторых местах Новгородской, Калининской, Вологодской и Ярославской областей, в русских говорах Карелии. В Кемь это слово отмечено с другим значением: 'железный прут у печи для навешивания котлов', в нашем тексте оно употреблено в своем исконном значении — 'пепел, зола'.

Жировати, ср. в Пин. 1: *завестъ и лестъ жируеть и несытость держится* 146 об. В данном значении (*жира* — 'жизнь, хозяйство') слово употребляется в вологодских, архангельских и олонечских говорах вплоть до Шенкурска, т. е. и применительно к нашему тексту может считаться диалектным.

Зегзица, ср. в Кар. 8 (рукопись XVII в.): *птица зогзица* 62 об. Слово соотносится с современным заонежским *загошка* 'кукушка'. В печорских и пинежских говорах это слово не отмечено, так же как и в других русских говорах (по данным картотеки Словаря русских народных говоров).

Лядина, ср. в Пин. 99: *и възидеть на него* (т. е. на виноградник, — В. К.) *яко на лядину терние* 196 об. Это слово неизвестно в мезенских и печорских говорах, но встречается в архангельских, северноленинградских, вологодских, калининских, новгородских го-

¹⁹ Для сопоставлений использованы картотеки словарей русских говоров Печоры, Пинежья и Карелии (хранятся на кафедре русского языка и при Межкафедральном словарном кабинете в ЛГУ), а также обширная картотека к Словарю русских народных говоров Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Для краткости в тексте не делаются отсылки к этим источникам.

ворах и в русских говорах Карелии во многих значениях, в том числе как 'топкое место в лесу', 'молодой лесок на запущенном поле'.

Одерень — как юридический термин в настоящее время неизвестен, но это слово зафиксировано в новгородском ('водерень' 'в рабство') и колымском ('одеревень' 'в собственность') русских говорах. Данное слово встречено в УЦ 197 в тексте старой новгородской дарственной грамоты и потому, строго говоря, различительным признаком служить не может (ср. сказанное выше об архаизмах в рукописях).

Осторобленный, ср. в Пин. 1: *осторобленому от него и протившему и 314 об.* Это слово не регистрируется ни диалектными, ни историческими словарями. По мнению А. А. Шахматова, принятому и М. Фасмером в «Этимологическом словаре русского языка», это слово представляет собою результат контаминации двух слов — *усторобити* (ср. *стербнути*) и севернорусского *сторов* (из *здоров*) и означает 'выздороветь'.

Похабъ, ср. в Кар. 223: *они же рѣша: честный отче, нѣкым похабъ прииде к тебѣ прося 79.* Старое значение этого слова 'юродивый' зафиксировано теперь только в Архангельской области ('похаба' 'поврежденный умом, юродивый'). Это опять-таки территориально совпадает с западной частью севернорусских говоров.

Рудити, ср. в УЦ 197: *а хто наступи и грамоту нашу поруди и от богородици отдасть.* Соответствующее слово в настоящее время отмечено только в печорских говорах (*рудиться* 'испачкаться сажей, или чем-либо еще'), а судя по старым текстам, употребляющим его в другом значении ('нарушить?'), оно распространено было в памятниках московской сферы влияния (на востоке).

Свычай 'навык' отмечается в современных заонежских говорах, а по памятникам только в Пин. 1: *и паки нудяше мя другое dospѣти полотно, яко уже и свычай ми бысть 234;* также в Пин. 129: *ти яко свычаевѣ (это делать) 180 об.* По производным ('свычный') это слово можно восстановить для архангельских, костромских, олонечких, новгородских и некоторых сибирских говоров.

Смягль, ср. в Пин. 129: *Христось бо бѣ смягль лицемъ 219.* Ближайшая (и единственная) диалектная аналогия к этому слову обнаруживается в череповецком говоре, в котором в начале века записано: *смянуть* — 'неприятное ощущение во рту после болезни'. По мнению М. Фасмера, это слово встречается только в древнерусском языке со значением 'темный, черный' (И. И. Срезневский сопоставлял его со *смугль*). Сопоставление с череповецким указывает на возможный оттенок значения: 'жаркий' (Христос отличался от окружающих не черным, а пылающим лицом).

Церкати, ср. в Пин. 1: *он же тростию прецеркаше 263.* В 1928 г. в с. Усьяно-Дмитриевское на Северной Двине это слово записано в том же значении: *церкать* — 'царапать, чертить'.

Шаять, ср. в Мез. 3: *пития же пьянственного отнюдъ ошай-тися повелъ* 115. *Шаяти* 'тлеть' употребляется в севернорусских говорах, но только не в мезенских и не в печорских.

Следует отметить, что из приведенных слов *жераток*, *жирует*, *лядина*, *похаб*, *свычай*, *шайти* характерны для западной части севернорусского наречия, а *рудити* — для восточной его части (одновременно указывая на связи с московскими источниками). *Зегзица*, возможно, сохраняется только в рукописях, написанных в районе Карелии. *Одерень* и *осторобленный* (последнее только в том случае, если верно толкование А. А. Шахматова) — специально северные диалектные слова; на это указывают второе полногласие в *одерень* и контаминация на специфически севернорусском *сторовъ* в *осторобленный*. Пока что эти два слова зарегистрированы только на западе описываемой территории. К западной же территории распространения севернорусского наречия, по-видимому, следует отнести и *смяглъ*, *цекрати* (с отражением цоканья во втором слове).

20. Результаты сопоставлений

Таким образом, по акцентологическим и лексическим особенностям печорские и мезенские рукописи противопоставлены карельским и пинежским. Это позволяет выделить два ареала: восточный и западный. Морфологические особенности (прежде всего глагольная флексия *-тъ*) и ряд фонетических (например, *е* и *и* на месте *ѣ*) дополнительно разграничивают пинежские и некоторые карельские памятники.

Орфографические особенности рукописей, связанные и не связанные с фонологическими системами соответствующих говоров, представляют более сложную картину. Это неудивительно, учитывая возможность территориально широкой орфографической традиции по отношению к некоторым особенностям письменной речи. Приводимая ниже таблица показывает наличие (+) или отсутствие (—) рассмотренных особенностей в конкретных рукописях (плюс или минус, данные в скобках, указывают возможность колебания в ту или иную сторону), ср.: 1) возможность замены *ѣ* на *е* в изолированной позиции; 2) возможность замены *ѣ* на *и*; 3) возможность замены *е* на *ѣ* после сонорных и аффрикат; 4) замена *е* на *ѣ* без всяких условий; 5) пропуск сонорного в консонантном сочетании; 6) смешение твердых и мягких сонорных; 7) возможность написаний типа *лн* при написаниях с редуцированным типом *льм*; 8) возможность всех вариантов написаний типа *лн*, *лм* без *ь*; 9) употребление *ь* в суффиксе *-ьск* после *р*, *л*, *н*; 10) ассимиляция согласных по мягкости—твердости; 11) примеры отвердевания губных и зубных согласных; 12) написания типа *кы*, *гы*, *хы*; 13) написания *ци* и *жи* (+) или *цы* и *жы* (—); 14) отражение

Особенности Рукописи																									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Кар. 7	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Кар. 223	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Кар. 225	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
УЦ 197	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
УЦ 5	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
УЦ 2	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Мез. 3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Мез. 116	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пин. 1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пин. 99	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пин. 129	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пин. 131	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

аканья; 15) замена А на е в безударной позиции; 16) отражение цоканья; 17) смешение глухих и звонких согласных в сильной позиции; 18) написание *ia* после согласных; 19) употребление ^o после заднеязычных и губных (+) или на месте исконного [ô] (—); 20) написание типа *перъсть, верьхъ*; 21) проявление слабого редуцированного; 22) проявление слабого редуцированного только в предлоге (типа *во утро*); 23) написания с о в корне в словах типа *гроздь* (+) или колебания типа *сосець—се-сець* (—); 24) оттяжка ударения на предлог (в скобках — возможность оттяжки на еровый предлог); 25) возможность употребления -ть в глагольных формах.

Учитывая количество плюсов, следует выделить все печорские рукописи и Пин. 131 (минимальное число различных признаков), а с другой стороны собственно пинежские (Пин. 1, Пин. 129) и близкую к ним рукопись Кар. 225 (максимальное число различных особенностей). Карельские и мезенские памятники твердо занимают срединное положение по количеству различных особенностей письма и языка. Таким образом, легче всего идентифицировать рукописи пинежского происхождения, труднее

всего — печорские. Сопоставление печорских источников с Пин. 131 показывает, что дело здесь не в характере и интенсивности диалектных особенностей, а в типе письма — устойчиво традиционном, очень «грамотном».

С обозначением сонорных связаны различительные признаки в графах 3, 5—9, 20. По характеру отклонений от традиционной графики и орфографии можно судить, что в пинежских, мезенских и некоторых русских на территории Карелии говорах функционировала сложная система плавных: в отличие от других согласных они характеризовались повышенной длительностью, а также мягкостью.

По изменениям, связанным с редуцированными, выделяются пинежские рукописи (а также близкая к ним рукопись Мез. 116), ср. написания типа *отступлеша* вместо *отступльша*, *во утро*, оттяжка на еровый предлог и колебания в обозначении старых корневых [ь, ъ]. Это указывает на своеобразие в изменениях редуцированных в окраинных новгородских говорах. Карельские и некоторые печорские отличаются от рукописей других областей особенностями в обозначении заднеязычных и шипящих, мезенские — в обозначении ассимилятивной мягкости согласных.

Таким образом, каждая группа памятников имеет свой набор различительных особенностей, которые следует воспринимать в целом, в связи с остальными особенностями текста.

Что же касается диалектных систем, отраженных в изученных памятниках, то в качестве предварительного можно сделать следующий вывод. Наиболее архаичную диалектную систему отражают пинежские рукописи, наибольшую близость к памятникам московского происхождения показывают рукописи восточной зоны (мезенские и печорские), наибольший разброс в проявлении различных особенностей дают карельские рукописи, из чего следует заключить о внутренней неоднородности карельских памятников в смысле их происхождения.

Ю. К. Бегунов

ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНО-РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ПРИЧУДЬЯ (Обзор)

Появление русской рукописной книги в Эстонии было обусловлено давними историко-культурными связями двух народов — эстонского и русского. Первые рукописные книги на славянском языке появились на эстонской земле еще в XI в., когда князь Ярослав Мудрый основал на месте замка Тарбат новый град Юрьев (1030 г.). В XI—XII вв. проникновение русской книги носило случайный характер, так как на территории Эстонии еще не было устойчивого русского населения. Последнее появилось позд-

нее, в XIII в., когда во многих городах Прибалтики, и в первую очередь в Колывани и Юрьеве, возникают «русские концы», «русские улицы» и русские церкви. Храмы Николы Чудотворца и Георгия Победоносца были центрами новгородско-псковских торговых организаций — купеческих «сто», входивших в ганзейский союз.¹ Тогда же появляется первое устойчивое русское население на территории Эстонии — к северу и северо-востоку от Чудского озера, на реке Нарове (крепость Сыренец).² Северный берег Чудского озера от Наровы до Логовеси (Лохусу) еще в XII—XIII вв. заняла ославянившаяся водь. В XIII—XIV вв. выходцы из Псковской земли, жившие на р. Желчь, основали на острове, называемом лифляндцами Порка или Борка, деревню Желч или Желачек (Жолчок); позднее, после 1721 г., этот находившийся на скрещении водных торговых путей Нарва—Псков остров получил название Межа или Пийрисаар, так как граница между Лифляндской и Петербургской губерниями проходила как раз через него. Этот остров в течение веков служил «мостом», связывающим восточный, «русский» берег Чудского озера с западным, «эстонским» берегом. На западном берегу Чудского озера еще не было постоянного населения в XIII—XIV вв.; строились лишь временные хижины для рыбаков, занимавшихся сезонным ловом рыбы. По данным польских и шведских ревизионных книг, в конце XVI—XVII в. возникают небольшие смешанные эстонско-русские рыбацкие деревни на западном берегу Чудского озера между Лохусу и Омеду, в том числе Муствэе, Райя, Кикита, Тихеда, Казепа, Нина и др.³

У русских поселенцев, несомненно, были свои книги, особенно богослужебные.⁴ Крупнейший книжный центр северо-западной

¹ Храм св. Николы упоминается с 1371 г., см.: Н. Цветиков. Церковь святителя и чудотворца Николая Мирликийского в г. Ревеле. В кн.: Труды Московского предварительного комитета X археологического съезда в г. Риге, вып. II. М., 1896, стр. 169—181. Ср.: А. С. Будилович. О русском Юрьеве старого времени в связи с житием священномученика Исидора и с ним сопострадавших 72 юрьевских мучеников. В кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете, т. IV. Юрьев, 1901, стр. 75—144; Страдания св. священника Исидора и с ним 72, изданное при службе им. СПб., 1897; В. Плисс. Святые юрьевские мученики — пресвитер Исидор и с ним 72 и первое празднование памяти их на месте мученической кончины их в г. Юрьеве. Рижские епархиальные ведомости, 1898, № 3, стр. 103—120; А. И. Рогов. Повесть об Исидоре Юрьевском как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны. В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, стр. 313—327.

² А. К. Вассар. Эстонские земли в составе древнерусского государства. Известия Академии наук ЭССР, т. 3, № 2, Таллин, 1954, стр. 167—181.

³ А. Моога. Peipsimaa etniliset ajaloo. Ajaloolis-etnograafiafiline uurimus eesti-venesuhestest. Tallinn, 1964, pp. 51—65, 287.

⁴ Так, например, в 1582 г. протестанты разрушили в Колывани русскую церковь св. Николы и нашли в ней несколько русских книг. См.: Н. А. Лейсман. Состояние православия в Прибалтийском крае со времени утверждения в нем немцев до присоединения Ливонии к России. В кн.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии, вып. 1. Рига, 1898, стр. 161.

Руси Псково-Печерский монастырь распространял русскую книгу среди эстонского населения и полуверцев юго-востока страны.⁵

Оживление древнерусской письменной культуры связано с новой волной русских переселенцев в Причудье в конце XVII—начале XVIII в. Возникли первые поселения русских старообрядцев, давшие начало устойчивому русскому рыбацкому населению западного берега Чудского озера.⁶

Первые старOVERы в Эстонии появились в конце XVII в. на побережье близ Муствэ. После освобождения прибалтийских земель от шведского владычества (1704 г.) на них устремились сотни крестьян из Псковской, Новгородской, Витебской губерний, а также из центральных областей России, спасавшихся от преследований правительства и никонианской церкви. В 1710 г. на речке Выбовке

⁵ Во время русско-ливонской войны в 1553—1558 гг. игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий «наполни грады чужие русскими» и успешно проповедовал православие, распространяя русские книги в Нейгаузине и других ливонских городах.

⁶ Сведения об истории заселения, быте, культуре и языке русского населения в эстонском Причудье см.: Беспоповцы в Эстляндской губернии (статьи из «Эстляндских губернских ведомостей» за 1869 и 1870 гг.). В кн.: Эстляндский сборник. Ревель, 1870, стр. 177—179; Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии, вып. 1. Рига, 1893; Труды Московского предварительного комитета X археологического съезда в г. Риге, вып. II. М., 1896, стр. 88—96, 98—102, 169—181; К. А. Малышев. Краткая летопись Кикитовской общины в Причудском крае. Родная старина, 1929, № 7, стр. 27; И. Н. Заволоко. 1) Житие Феодосия Васильева. Родная старина, 1929, № 8, стр. 6—8; 2) Ряпино. Там же, № 9, стр. 9—10; 3) История церкви Христовой. Рига, 1937, стр. 152—153; Протокол 5-го старообрядческого съезда в Эстонии 17—19 июля 1928 г. Красные Горы, 1929; Старообрядчество в Эстонии. Родная старина, 1932, № 11—12, стр. 22; Русский календарь за 1930—1939 гг. Таллин, 1930—1939; N. Hindo. Ap. õigensu Räpina kogudus (1752—1937). Räpina, 1937; K. von Stern. Dorpats-und Pleskaus-Kampf um die Fischerei auf dem Peipussee. Posen, 1944; Т. Ф. Мурникова. 1) Личные имена в говоре Причудья. (По материалам диалектологической экспедиции 1958 г.). Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 78, Труды по русской и славянской филологии, т. II, Тарту, 1959, стр. 229—237; 2) Русские говоры в Эстонии. Ученые записки Латвийского гос. университета им. Петра Стучки, т. 36, Филологические науки, Сборник кафедры русского языка, вып. 6а, Рига, 1960, стр. 44—52; 3) Из материалов диалектологических экспедиций на остров Пийрисаар (1955—1960 гг.). Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 104, Труды по русской и славянской филологии, т. IV, Тарту, 1961, стр. 266—271; 4) Описание русского говора острова Пийрисаар. Там же, вып. 119, Труды по русской и славянской филологии, т. V, Тарту, 1962, стр. 345—363; А. Л. Мурников. 1) Остров Пийрисаар и старообрядцы поморцы (в Эстонской ССР). В кн.: Старообрядческий церковный календарь на 1959 г. Вильнюс—Рига—Москва, 1959; 2) Из прошлого и настоящего Воронежской общины старообрядцев поморской церкви. В кн.: Старообрядческий церковный календарь на 1971 г. Вильнюс—Рига—Москва, 1971, стр. 75—76; Л. Э. Альтин. Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисааре. Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 104, Труды по русской и славянской филологии, т. IV, Тарту, 1961, стр. 272—276; A. Mooga. Peipsimaa etniliset ajalooost. Ajaloolis-etnograafiafiline uurimus eesti-venesuhetest. Tallinn, 1964.

(мыза Ряпина) последователи старообрядца Феодосия Васильева построили общежительный монастырь. История его возникновения следующая. В самом конце XVII в. в среде старообрядцев-беспоповцев возникли разногласия по ряду догматических вопросов (в том числе о титуле «Исус Назарянин, царь иудейский» на кресте и т. п.), по вопросу о браках и др., которые привели к уходу недовольных во главе с Феодосием Васильевым, бывшим ранее дьячком Крестецкого яма и происходившим из рода московских бояр Урусовых. В 1699 г. они обосновались в польских пределах, в Кропивинской волости Невельского уезда, и жили там 9 лет. Однако начавшаяся война заставила феодосеевцев переселиться в Вязовскую волость Великолуцкого уезда. На новом месте переселенцы страдали от голода и болезней (эпидемия моровой язвы). «В прошедшем 7218 (1709) годе от того же князя Меншикова дана бысть в Юрьевском уезде Ряпина мыза во владение им, — рассказывает в Житии Феодосия Васильева. — Прийти же тамо на житие въсем не бяше еще повелено. Достопамятному же и блаженному отцу положиши намерение, еже бы переселитися тамо, зане место оно зело угодно бе к пропитанию многим и рыбныя ловли довольно».⁷

Вскоре и Феодосий Васильев с сыном и тремя старцами направился в Новгород, к боярину Якову Корсакову, просить разрешения на переселение. Однако здесь посланных ждали тяжкие испытания: споры о вере, тюрьма, пытки. В 1711 г. Феодосий Васильев погиб от руки новгородского архиерея. Тем временем единомышленники Феодосия продолжали борьбу. Василий Кононов, сын Феодосия Евстратий и брат Феодосия Егор нашли тело страдальца и погребли его «на бреже Выбовки реки в Ряпине мызе, и мало древо, березу, посадивше над гробом страдальца».⁸ «Вскоре потом, — продолжает автор Жития Феодосия Васильева, — от того же Корсакова указ дан бысть хотящим староверцом из Вязовской волости переходити на житие в Ряпину мызу. По которому указу во обители сущии и окрестнии въси преселишися тамо и живяху божиею милостию снабдеваемы в великом изъобилии хлебом и рыбою и прочими потребами лет седмь».⁹ Переселенцы, которых насчитывалось 2000 человек, построили две обители — мужскую и женскую. У скитян было немало древлеписменных и старопечатных книг. Несомненно, что в обители имелись многие сочинения учителя Феодосия, например написанное им в 1707 г. и переданное Константину Федорову для руководства «обличение» о пришествии антихриста, в котором говорилось, что антихрист

⁷ См. Житие Феодосия Васильева: ИРЛИ, Причудское собр., № 124, лл. 25 об.—26. Эта рукопись, последней трети XIX в., найдена И. Н. Заволоко в дер. Раюши. Ср.: П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909, стр. 56—60.

⁸ ИРЛИ, Причудское собр., № 124, л. 36.

⁹ Там же.

уже пришел в мир в 1666 г. и что следование антихристу есть отступление от веры.¹⁰

Ряпинцы и сами занимались переписыванием пришедших в ветхость книг, создавали новые произведения, особенно полемические послания. Так, Евстратий Федосеев вел переписку со старообрядцами-беспоповцами Черной деревни и поповцами Сыренца. Известно, что в январе 1716 г. Андрей Денисов от имени выговцев обратился с примирительным посланием к федосеевцам на Ряпину мызу.¹¹ Послание привез к Евстратию Федосееву выговец Иван Федоров. Федосеевцы устроили собрание, прочитали на нем это послание и составили ответ — «малое писание», в котором поставили условием примирения принятие выговцами креста с четырьмя буквами «І. Н. Ц. І.».¹²

Евстратий начал исправлять старопечатные книги изданий патриархов Филарета и Иосифа («лицы» вместо «образы»); ряпинцев настолько встревожили эти исправления, что они решили созвать в 1719 г. собор.¹³ Однако последний не состоялся: по наущению новгородского архиепископа Феодосия и «отступника» Константина Федорова, одного из наставников общины, перешедшего в православие, «самодержец, — рассказывается в Житии, — повеле юрьевскому воеводе воинство в Ряпину мызу послати и во обители сущих начальных такожде и по селом духовных по реестру имяны боле двадесяти человек възяты и в Питербург на истязание привести и на муки отдати».¹⁴

В апреле 1719 г. мужская и женская обители были разорены солдатами; некоторые руководители общины — духовник Илья Яковлевич, сын старорусского дьячка Семен Иванович и Федор Федотович — были замучены в Петербурге,¹⁵ остальным удалось бежать: одни бежали в свои родные места, другие — в Польшу, третьи — на западный берег Чудского озера. Часть книг причудских федосеевцев погибла при разгроме скита, другая часть была передана в 1723 г. в Юрьевскую церковь Успения богородицы.

Возможно, в среде причудских старообрядцев в 30-е годы XVIII в. возникла легенда, позднее (в 1741 г.)¹⁶ записанная

¹⁰ П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 164—174.

¹¹ Послание на Ряпину мызу. В кн.: П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 061—068.

¹² «Малое писание» имеется в рукописях: ГБЛ, Музейное собр., № 2555 и ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 1252. Ср.: П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 068, прим. 67.

¹³ П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 329—330.

¹⁴ ИРЛИ, Причудское собр., № 124, л. 37.

¹⁵ О следствии над ряпинскими старообрядцами см.: Е. Г. Есипов. Раскольничьи дела XVIII столетия, т. 1. СПб., 1861, стр. 85—103.

¹⁶ См. Житие Феодосия Васильева: «Написано житие и жизнь блаженного страдальца и приснопамятного отца Феодосия Васильевича в лето 7250-е рукою грешным Евстратием Феодосиевым; тым же списателем и Петрово и

сыном Феодосия Евстратием: «А по оном разорении обители Ряпина мыза бысть во владении некоего немца Левенволда. И неколико лет мину близ места того, идеже погребен блаженный страдалец и дивный отец Дионисий,¹⁷ над рекою стояще баня, и единого оного немца слугам мыющимся в ней некий от тоя березы, яже бе посажена на гробе святого и блаженного страдальца отца Дионисия, и вшед в баню паряшеся. В той абие час нача на нем быти великая свербота с гнойным струпы и яже разыдошася по всему телу. Его лекари же врачеваша его ту с полгода, и ничто же успеха, и в город Ригу отвезен бе и тамо всячески врачеван, обаче нималыя пользы обрете, но паче в горшее прииде, и тако два лета люто страдав умре, дерзости своей горкий суд восприем».¹⁸ Евстратий Федосеев, вероятно, записал услышанную им от причудцев легенду в Литве, где он жил во владениях пана Эльзана,¹⁹ основав Гудишскую и Дегуцкую обители.

По данным эстонских мызных книг, на западном побережье Чудского озера в имении Флеммингсгоф в 1711 г. жило 12 русских старообрядцев, из них 4 крестьянина и 8 рыбаков. Один из русских — Иван Никитич (?) (Kikita Hans) в 1711 г. якобы основал деревню Кикита (Kücküda); умер он в 1731 г. В 1721 г. в Киките жило 9 русских крестьян (Сергей, Иван, Тарас и др.) и 7 эстонцев, в Муствее — 5 русских рыбаков-старообрядцев, переселившихся еще в «шведское время» (т. е. до 1704 г.). В документах 1744 г. находятся более подробные сведения о первых жителях Причудья — крестьянах, плативших ежегодно 2—3 рубля за аренду земли мызы Флеммингсгоф. В этих документах перечислены: Иван Елисеев, бывший крепостной генерал-адмирала Апраксина, приехал из Новгорода «до чумы» (т. е. до 1710—1711 гг.), имел сына; Иван Софронов, бывший дворцовый крестьянин; Михаил Архипов, приехал из Новгорода «до чумы»; Митрофан Петрович, приехал из Псковского Крыпецкого монастыря; Илья Григорьевич, приехал в 1729 г., бывший крепостной дворянина Ялугина; Степан Симонов, отец которого бежал из Новгорода «до чумы»; Сергей Васильевич Федоров; Василий Иванович, приехал в Причудье в 1722 г. с купцом из центральных районов России, заболел

иже с ним страдание написано и Прасковии девицы» (ИРЛИ, Причудское собр., № 124, л. 39). Евстратию Федосееву (1692—1768 гг.), кроме жизнеописания отца, принадлежит еще целый ряд сочинений: «Рассуждение о таинстве крещения и священства», «Рассуждение о титуле, положенной Пилатом на кресте И. Х.», 15 посланий к поморянину Михаилу Григорьеву, 15 посланий к разным лицам, правила, уставы и исповедание веры, а также малоизвестное «Страдание Петра и девицы Параскевы» (см.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912, стр. 279—280).

¹⁷ Второе имя Феодосия, данное ему в старообрядческом перекрещении. (Прим. наше, — Ю. Б.).

¹⁸ ИРЛИ, Причудское собр., № 124, л. 38—38 об.

¹⁹ П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 61.

и остался здесь; Ефрем Федорович, пришел из Троицкого монастыря «до чумы»; Филипп Амелянов, приехал в 1729 г. из Новгорода.²⁰

Одной из первых в Причудье возникает Кикитовская старообрядческая община, где в 1740 г. на средства новгородского купца Никитина и московского боярина Морозова был выстроен первый храм; ктитория пожертвовали в церковь и привезенные из России богослужебные книги.

В конце XVIII—начале XIX в. в причудские деревни хлынула еще одна волна русских переселенцев — старообрядцев из сопредельных губерний России. По документальным данным, если в 1782 г. на западном берегу Чудского озера русское население составляло приблизительно 820 человек, то в 1818—1820 гг. оно возросло до 3500 человек.²¹

В конце XVIII—начале XIX в. строятся старообрядческие моленные дома на мызе Кавваст в Воронье (1792 г.), на мызе Кокора в Красных Горах (1802 г.), на мызе Флеммингсгоф в Черном Посаде (1802 г.), на мызе Кастер в Меже (Пийрисаар) (1802 г.), на мызе Алацкиви в Кольках (1802 г.) и Казепеле (1812 г.). В начале XIX в. старообрядческие храмы возникают в Юрьеве и Ревеле; в последнем в 1822 г. было два моленных дома и более 200 старообрядцев. Причудцы охотно приглашают наставников из Риги, Ревеля, Юрьева, Верро, которые привозят с собой и рукописи.

С 1782 г. и до 20-х годов XIX в. особенным уважением пользуется воронейский наставник Федот Никитич, старший во всем Причудье, занимавшийся также перепиской книг. Между ним и старообрядческим наставником из г. Сольцы Псковской губернии Василием Ивановичем существовали тесные связи и обмен книгами.

Нам известны следующие причудские хранители и переписчики книг конца XVIII—середины XIX в.: Иван Никитин, Алексей Егоров, Андрей Иванович Воробьев, Кралов, Алексей Григорьевич Кириллов, Трофим Лаврентьев (все из Межи), Федор Никитин, Иван Никитич Зайоникин, Ефим Петров (все из Вороньи), Макар Васильев (из Казепели), Тимофей Алексеев, Дмитрий Павлов, Иван Иванов (все из Красных Гор), Петр Яковлевич Мызников, Иван Тимофеев (оба из Кикиты), Григорий Алексеев, Макар Васильев, Игнатий Трофимов, Петр Савельевич (все из Колек), Авраам Данилов, Софрон Васильев, Прокофий Никифорович Яковлев (все из Черного).

Федосеевские и поморские общины были тесно связаны с Рижской Гребенщиковской старообрядческой общиной, а также со старообрядцами Эстонии, Латгалии (Режица и Двинск), Новгород-

²⁰ Все эти сведения получены мною от И. Н. Заволоко, изучавшего в 1930-е годы эстонские мызные книги (*Igaühe muizu aktis*) в Латвийском государственном правительствующем архиве г. Риги. Место хранения эстонских мызных книг в настоящее время нам неизвестно.

²¹ A. Moora. Peipsimaa etniliset ajaloost, pp. 94—96, 288.

ской и Псковской губерний, Москвы. Между прибалтийскими старообрядцами существовал и оживленный обмен книгами.

В 20—50-е годы XIX в. старообрядческие общины Причудья переживают полосу гонений и преследований со стороны местных властей и православного духовенства. Так, в 1827 г. некий портной Осип Иванов в своем доносе архиепископу псковскому и лифляндскому Мефодию требовал разыскания и следствия по делу о старопечатных евангелиях, отобранных носовским священником А. Орловым в моленных Красных Гор и с. Черного, а также о раскольничьих книгах — «большой книге, наполненной ужаснейшими различными богохулениями, в лицах изображенными, которую наставники выдают в каждую деревню на неделю и две для наставления и утверждения в раскольнической секте и большего отвращения от православной церкви»; он сообщает еще о двух книгах, представленных преосвященному, одной «лицевой, а другой повести о соловецких страдальцах, наполненных богохулениями и ругательствами».²² Духовенство со своей стороны также ведет наступление на причудское старообрядчество. В 1827 г. строится православная Покровская церковь в населенной православными дер. Нос, в 1849 г. — единоверческая Троицкая церковь в с. Черном, где жили русские, старообрядцы и единоверцы, а также эстонцы. Приходские попы охотно поддерживают акции полиции, способствуя изъятию и уничтожению старообрядческих рукописей. В 1827 г. были отобраны книги моленной в Кольках у наставника Вороньи Ивана Никитича Зайоникина, заключающие в себе «хуление православной церкви», и препровождены в Юрьев, а потом в Псковскую духовную консисторию.²³

В 1837 г. была закрыта моленная в Киките, а в 1848 г. — в Черном; были отобраны книги, в том числе евангелия 1605 и 1633 гг. издания, одно из которых было ранее подарено старообрядцами Юрьевской Рудальцевской моленной.²⁴ В 1848 г. были закрыты моленные в Кольках, Меже, Красных Горах. У наставника Петра Савельева отобрали 21 книгу; из них 11 были конфискованы — частью как противные православию, частью как печатанные в давнее время за пределами России «без благословения патриарха и святейшего синода»,²⁵ а 10 возвращены владельцу.

Приводим здесь «Реестр книг, взятых из дома так называемого раскольничьего наставника Петра Савельева в деревне Кольках Дерптского уезда»:

²² ЦГИА Латвийской ССР (Рига), фонд рижского генерал-губернатора, XIII, Rask. 1, ч. VI, 1827 г.

²³ ЦГИА ЭССР (Тарту), ф. 291, № 635, Доношение епископу рижскому Филарету Егора фон Фелькерзама от 13 декабря 1842 г.

²⁴ И. Веселов. Черносельская свято-троицкая единоверческая церковь. В кн.: Труды Московского предварительного комитета X археологического съезда в г. Риге, вып. II. М., 1896, стр. 99.

²⁵ ЦГИА ЭССР (Тарту), ф. 291, оп. 8, № 1352, Дело о высылке из дер. Кольки наставника Петра Савельева.

В л и с т

1. Преподобного и богоносного отца нашего Никона, игумена Черные Горы, с 63 словами о разных предметах, печатана с рукописи 1795 г. в Почаеве.
2. Избрания от многих святых отец писаний о нужнейших потребах, предстоящих к нашей православной церкви (противу Калвина и Лютера), печатана 1791 г.
3. Общая минея (печатана при Иоасафе).
4. Иоанна Лествичника с 30 словами.
5. Жития разных святых, рукописная, 1647 г.
6. О вере истинной православной и о святой церкви, содержит 30 глав, печатана в Гродне.

В чет вер т ь л и с т а

7. Праздничная общая минея, печатана 1645 г.
- 8 и 9. Октай, осмогласник, в двух экземплярах, 1592 г., трудами мастера Андроника Невежи.
10. Катехизис 1627 г.
11. Псалтырь 1626 г.
12. Большой каноник, печатан в Почаеве.
13. Служба рукописная некоторым святым.
14. Ирмолы нотный крюковой, рукописный.
15. Октай, осмогласник, нотный крюковой, рукописный.
16. Обиходник крюковой нотный, рукописный.
17. Слово в неделю мясопустную Кирилла, архиепископа александрийского, с видением преподобного Макария и со сказанием о Федоре купце.
18. Последование по усопшим, рукописное.
19. Служба всем святым российским чудотворцам, в Кракове 1786 г.

В ось м ю ю до л ю л и с т а

20. Служба всedневная с месyацесловом.
21. Требник рукописный.²⁶

В июне 1848 г. рижский епископ Филарет «особо секретно» извещал рижского генерал-губернатора о том, что в дер. Кольки у Парфена Андреева имеется лицева книга «Тропник», т. е. «Тропник или малый путь к спасению» Иннокентия, папы римского, перевод с польского языка на русский Ф. К. Гозвинского, 1609 г. Эта книга, по мнению епископа, «зловредно действует на воображение простаков»; однако посланные властями жандармы не смогли отыскать книгу.²⁷

В 1849 г. были опечатаны книги в доме воронейского наставника И. Н. Зайоникина. Однако вскоре в доме оказались разбитыми три окна, и 15 книг были унесены, в том числе: Обиход, Потребник, Ирмосы, Общие минеи, Псалтырь, Требник, Канонник, Тихвинская богоматерь, Служба, Часовник, Отпуст, Кафизмы, Уставник, Служба св. отец, два поминальника.²⁸ В том же году

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, № 1321.

²⁸ Там же, № 173 (Дела из архива канцелярии генерал-губернатора лифляндского, эстляндского и курляндского). В 1854 г. в доме И. Н. Зайони-

у красногорского наставника Ивана Иванова было отобрано 20 книг: Евангелие напрестольное, Евангелие толковое, Златоуст, Общая минея, Часослов, Шестоднев, Праздничная минея, Октай, три Псалтыри, Обиход, Апостол, Житие Николы, Синодик, Устав, Потребник, 2 тетради, Азбука христианская.

К 1850 г. все старообрядческие молельни в Причудье, кроме Казепельской, были разрушены. В 60-е годы XIX столетия общины стали восстанавливать и строить новые молельни и часовни вместо закрытых или разоренных. В 1861 г. старообрядцы открыли две моленных на острове Пийрисаар: одну в дер. Межа, а другую у пристани мызы Кастер. В 1863 г. строится старообрядческий храм в дер. Желачек. Ревнители старой веры пополняли моленные спрятанными и сохраненными от разграбления древними книгами и иконами, пришедшие в ветхость рукописи переписывали. Об отсутствии хороших наставников и духовном голоде причудцев известно из переписки причудских, режидских и московских старообрядцев того времени.²⁹

В 1865 г. в Причудье приехал речинский наставник Петр Иванович Карпушенко и присоединил к федосеевскому согласию «до тысячи душ мужских». В Кольках были оставлены еще два латгальских наставника, кроме Карпушенко, — Исаак Александрович и Алексей Осипович, но в 1869 г. им пришлось вернуться в Режицу.

Во второй половине XIX в. известностью пользовались колецкие писцы П. Г. Соколов, Сидор Макарович Кукин-Билокуров, П. И. Кукин-Смуглин, раюшский писец Игнатий Никитин, красногорские писцы В. С. Морозов, Алексей Иванович Жбанов, Андрей Яковлевич Кабацкий, по прозвищу Баранцев, канпельский писец Петр Ильич Амелькин и др. Центром рукописной книжности становится первый центр федосеевцев — Малые Кольки.

Особым оживлением в жизни причудского старообрядчества отмечены 20—30-е годы XX в.: 10 000 старообрядцев в Эстонии оформляются организационно, действует Центральный совет из 6 членов, ежегодно созываются специальные съезды уполномоченных от 12 общин — двух безбрачных федосеевских и десяти брачного согласия, поморских. Это организационное укрепление было естественным противодействием националистической политики правительства буржуазной Эстонии.

Центром рукописной книжности становится второй центр федосеевцев — Раюши, где первый старообрядческий храм был построен еще около 1870 г. Приобретают известность местные мастера иконописания — Г. Е. Фролов (ум. 1930 г.), П. М. Сафронов, М. Г. Солнцев, Ф. А. Мызников, Н. И. Глухов. Пополняются

кина в г. Верро был найден рукописный «Чин, како подобает пети дванадесят псалмов особь»; он был признан вредным и отослан в Юрьев.

²⁹ ИРЛИ, Причудское собр., №№ 53, 54.

библиотеки старопечатных и рукописных книг, ведется оживленная книжная торговля. Пришедшие в ветхость рукописи переписываются местными писцами: П. И. Амелькиным, Авксентием Писаревым и Федором Петровичем Савосткиным (все из Казепели), Григорием Ефимовичем Фроловым (Раюши), Никонем Дмитриевичем Кукиным (Красные Горы), Олимпием Петровичем Мионовым, Алексеем Мефодьевичем Лашковым (Межа), Иваном Федоровичем Кашевым (Воронья), Федором Васильевичем Огурцовым (Кыннукуля), Каллистратом Антоновичем Малышевым (Тихотка), Софроном Гурьяновичем Белузовым (Малые Кольки) и др.; их и сейчас еще хорошо помнят местные жители.

Некоторые сведения о причудских рукописях изредка появлялись на страницах журнала «Родная старина» (Рига, 1927—1933 гг.) и других прибалтийских русских журналов и газет. И. Н. Заволоко, неоднократно в 20—30-е годы бывавший в Причудье, опубликовал в «Родной старине» некоторые данные о рукописно-книжных богатствах. Так, он упомянул Хронограф XVII в., приобретенный нами в 1960 г. у братьев Гориных (Малые Кольки). В 1930-е годы И. Н. Заволоко не раз бывал в этих местах вместе с хором «Кружка ревнителей старины» Рижской Гребенщицкой общины, тщательно записывал в Причудье, особенно в Раюшах, древние одноголосые знаменные распевы и напевы старинных духовных стихов, собирал рукописи и сведения по истории старообрядчества этого края.³⁰

Многочисленные фольклорные и диалектологические экспедиции Тартуского университета, работавшие в Причудье почти ежегодно начиная с 1929 г., в силу своей специфики не занимались собиранием древнерусских рукописных книг. Систематическое археографическое обследование Причудья начал вести сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. В 1958—1961 гг. сектор направлял в Причудье три археографических экспедиции, которым удалось собрать 129 рукописных книг XVI—XX вв., составивших Причудское собрание рукописей Пушкинского дома.³¹ Археографическое обследование Причудья продолжается, так как еще не все рукописи удалось разыскать; сведения о местных переписчиках

³⁰ Ju. K. Begunov. Ivan Nikiforovič Zavoloko. Zum 70 Geburtstag. Die Welt der Slaven, Jhrg. XIV, Wiesbaden, 1969, H. 1, SS. 32—41.

³¹ Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко. 1) За старинной рукописной книгой (по Причудскому краю). Молодежь Эстонии, Таллин, 1958, № 256, 31 декабря; 2) Археографическая экспедиция в Эстонское Причудье. ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 522—527; Ю. К. Бегунов. 1) Древнерусская рукописная книга в Эстонии. Известия АН Эстонской ССР, серия общественных наук, Таллин, 1962, № 2, стр. 190—192; 2) Археографическая экспедиция 1960 г. в Прибалтику. ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1963, стр. 386—391; 3) Auf der Suche nach altrussischen Handschriften bei den Altgläubigen am estnischen Ufer des Peipussees. Zeitschrift für Slawistik, Bd. XIV, Berlin, 1969, H. 4, SS. 506—518.

книг и их литературных интересах также собраны еще не полностью.

Тем не менее, изучая уже имеющиеся в Пушкинском доме причудские рукописи, мы можем составить предварительное суждение о книжно-рукописном репертуаре Причудья.³² Причудские рукописные книги, как можно полагать, в большинстве своем были богослужебного и церковно-учительного характера: прежде всего переписывалось и распространялось то, что было необходимо для ведения служб по старому обряду и для наставления паствы в духе старой веры, для обучения грамоте.³³ Использовались и служебные книги, переписанные в других областях Русского государства — на Псковщине, в Новгородской земле, а также книги, напечатанные в Москве до патриарха Никона или старообрядческими типографиями в XVIII—XX вв. Служебные книги находились главным образом в молельных и часовнях, у наставников и головщиков общин. Так, в Казепельской и Малой Колецкой общинах хранились полный круг служебных миней XVI—XVII вв. и множество богато украшенных певческих рукописей позднего, подражающего поморскому, письма XVIII—XX в. Впрочем, в общинах и особенно в домах рыбаков и крестьян находилось немало «светских» рукописных произведений, отчасти восходящих к древнерусской письменности, отчасти продолжающих старообрядческую письменную традицию второй половины XVII в. Ведущую роль

³² Суммарный перечень произведений, встречающихся в причудских рукописях, см. в кн.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 136—142. В настоящем обзоре мы учитываем только местные рукописи, т. е. такие, которые определенно переписывались в Причудье, и притом не только хранящиеся в Пушкинском доме, но и в частных собраниях причудцев В. А. Селезнева, Ф. Я. Ноева, К. А. Малышева, Я. С. Кривоногова, рижанина И. Н. Заволоко и др., а также одну причудскую рукопись Таллинского исторического музея. Не учитываются непричудские рукописи, т. е. рукописи, найденные в Тарту, Таллине и Даугавпилсе и не имеющие никаких следов причудского происхождения (см., например: ИРЛИ, Причудское собр., №№ 6—8, 11, 19, 20, 29, 52, 65, 67, 79; оп. 24, №№ 21—23; оп. 25, № 26).

³³ См., например, приведенные выше перечни книг, конфискованных в 1849 г. в Воронье и Красных Горах, а также следующую опись книг Раюшской общины 1948 г.: «1. Евангелие напрестольное, в лист; 2. Евангелие, в четверку; 3. Апостол; 4. Октай старый; 5. Шестоднев; 6. Миней праздничная; 7. Златоуст; 8. Часослов; 9. Треодь постная; 10. Треодь цветная; 11. Псалтырь; 12. Книга правил; 13. Книга русским чудотворцам; 14. Кормчая; 15. Библия; 16. Евангелие толковое; 17. Евангелие благовест; 18. Трефолой; 19. Статьи благовещения; 20. Ирмосы; 21 и 22. Обиход, две книги, в пол-листа; 23. Каноник, в лист; 24. Трезвон, в пол-листа; 25. Пролог старый, в четырех частях; 26—37. Миней месячные, 12 частей; 38. Торжественник, рукописный; 39. Беседы Иоанна Златоуста на Псалтырь». К этому списку надо добавить до трех десятков певческих рукописных книг, многие из которых работы местных мастеров. Полный каталог книг общины, бывших в наличии до пожара 1944 г., в 1960 г. находился у раюшского иконописца Е. Е. Кекишева.

среди причудских книжников всегда играли федосеевские переписчики.

Среди исторических сочинений, например, в Малых Кольках обращался Хронограф второй редакции, в списке последней четверти XVII в. (№ 76). В XIX—XX вв. из него часто делались выписки; нам известны 8 причудских сборников (№№ 9, 24, 25, 27, 28; Цветник XIX в., принадлежащий Я. С. Кривоногову, дер. Раюши; два сборника XIX в., принадлежащие Трифону Цокухину, Малые Кольки), содержащих хронографические сказания о пленении и разорении Иерусалима, о создании и взятии турками Царьграда, о Махмете-салтане, «како хотел сожещи книги греческие» (на основе сочинения И. С. Пересветова), о ереси «жидовствующих», об албанской стране, о взятии Белграда турками, о войне Таксиоте, о Евагрии Философе, толкование о четырех звёзях, «слово» о Паламе и великом звере Тронтуре, выписки из хронографической Александрии о рахманах.

В Колецком сборнике третьей четверти XIX в. (№ 25) находим летописную заметку: «В лето 6938 явился в Смоленске волк гол и людей много поядал. Тогда же во граде Торопце седмь дней озеро кроваво стояло. Того же лета мгла стояла 6 недель, птицы на землю падали и рыбы в водах мерли». Аналогичные этому известия, более первоначальные, читаются в Софийской 1-й летописи: «В лето 6938 явился в Смоленсьце волк гол, шерсти не было на нем, да люди ел; а в городе Троцех озеро стоало 7 ден кроваво... В лето 6939... мгла стоала 6 недель, солнца не видели, и рыбы в воде мерли и птицы на землю падали, не видели летати».³⁴

Из древнерусских повестей встречаются следующие местные списки: березьевский, начала XX в., об Иоанне Новгородском (№ 30); колецкий, третьей четверти XIX в., о Динаре (№ 24); колецкий и красногорский, начала XVIII в. и конца XIX в., о Петре и Февронии (№№ 4, 17); колецкий и красногорский, второй половины XIX в., о Тимофее Владимирском (№№ 14, 17); красногорский, конца XIX в., о Савве Груддыне (№ 17); красногорский, середины XIX в., «Беседы отца и сына о женской злобе» (принадлежит Ф. Я. Ноеву, Красные Горы); колецкий, начала XVIII в., о разорении Новгорода Иваном IV (№ 4); три местных списка, XIX в., об Удоне (№№ 12, 24 и принадлежавший В. А. Селезневу, Березье); березьевский, конца XIX в., о гордом Аггее (принадлежал В. А. Селезневу, Березье); колецкий, начала XIX в., о костромской Федоровской иконе богородицы (№ 28); пять местных списков, XIX в., об Иверской (афонской) иконе богородицы (№№ 4, 17, 23, 25, 59); списки XIX в. повестей о купцах: об именитом купце Иоанне, о купце и его целомудренной жене, о христоробивом купце, пострадавшем от беса, о Федоре-

³⁴ Софийская 1-я летопись. ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 264.

купце, о купце и разбойнике (№№ 5, 22, 27). Колецкий список «Повести о Петре и Февронии» является переработкой 1-й редакции повести, сделанной в старообрядческих кругах.³⁵

Из русских житий мы находим новгородское по происхождению Житие Антония Римлянина XIX в. (№ 22), псковское по происхождению Житие Исидора и 72 юрьевских мучеников, XIX в. (№№ 15, 25, 46). В причудских сборниках нередки выписки агиографического характера — об Афанасии Затворнике, о Евагрии Дьяконе, о Матфее Прозорливце, о Моисее Угрине, о Прохоре Печерском из Киево-Печерского патерика (№№ 4, 27, 32); в списке XVIII в. дошел «Устав» Нила Сорского (№ 3). Из апокрифов в причудских списках XVIII—XX вв. известны следующие: «Беседа трех святителей» (в сборнике XIX в., принадлежавшем Ф. Я. Ноеву), Вопросы Иоанна Богослова к Авраамии о праведных душах (№ 30), Житие Василия Нового и Григориево видение, конца XVIII—начала XIX в. (принадлежавший В. А. Селезневу) и XIX в. (№ 27), Макариево видение (№№ 4, 12, 25); молитва архангелу Михаилу (№ 24), Сон богородицы и Сказание о 12 пятицах (в сборнике XX в., принадлежавшем К. А. Малышеву, Кикита), Сказание о 12 сивиллах (№ 24), Слова Евсевия Самосадского о сошествии Иоанна Предтечи в ад (№ 4), Епифания Кипрского «о погребении тела господа нашего Иисуса Христа» (№ 25), Иисуса Христа «о жидовине, кокоше и яйце» (№ 18 и в сборнике 1884 г. А. И. Жбанова, принадлежавшем Ф. Я. Ноеву), Мамерцаря «о снех», 2-я редакция (№ 5), слово о том, «како господь праведники выведе из ада, перевод с польских книг» (№ 24), о ранах Христа (№ 4), о рукописании Адама, данного дьяволу (в сборнике конца XIX в., принадлежавшем В. А. Селезневу), об обычаях Христа (№ 24), «Страсти Христовы» (№№ 24, 74), Хождение богородицы по мукам (№ 39). В сборниках XIX в., принадлежащих Я. С. Кривоногову и И. Н. Заволоко, имеются апокрифы об Андрее Критском и Григории, папе римском.

С рукописи последней трети XVII в. в 1887 г. в Причудье был переписан Синодик 3-й литературной редакции, содержащий «Притчу евангельскую от Луки о Лазаре», «Слово о милостивом Созомоне», «Слово Афанасии игуменьи о умерших душах», «Слово отца Макария» (№ 66).

Среди учебной и научной литературы отметим причудские списки XIX в. начальной Азбуки (№ 42) и списки XVIII в. Космографии (№ 4).

Из книжных и народных духовных стихов в причудских списках XIX—XX вв. известны следующие: Об Адаме и рае (№ 36),

³⁵ С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора. В кн.: Тезисы докладов XXI студенческой научной конференции. Филология и история. Вильнюс, 1968, стр. 31—32. См. также выше статью Р. П. Дмитриевой «Особая редакция Повести о Петре и Февронии», стр. 192—209.

О Борисе и Глебе (№ 36), О введении богородицы (в сборнике второй половины XIX в. Таллинского исторического музея, далее в сокращении — Тал. сб.), О великомученице Варваре (Тал. сб.), О воскресении Христове (№№ 39, 40), Газета из ада (№ 39), О Георгии Храбром (№ 40), О Голубиной книге (Тал. сб.), О гробе, «Глас 6-й» (№ 27), О душе (№ 27; в сборниках XIX—XX вв., принадлежавших К. А. Малышеву, Кикита, далее в сокращении — Мал. сб.), О заблудшей агнице (Тал. сб.), Об иноческой жизни (№ 69; Мал. сб.; Тал. сб.), Об Иоасафе-царевиче (два варианта) (№№ 38, 40; Тал. сб.), Об Иосифе Прекрасном (№№ 27, 34, 35, 38, 40; Мал. сб.), О кончине века (Мал. сб.), В неделю цветную (№ 38; Мал. сб.), О памяти смертного часа (№№ 33,³⁶ 38, 39, 41), О печальном страннике (Мал. сб.), «Плач преболезненна кафоликов» (№№ 34, 35, 36, 38), О покаянии (№№ 38, 39, 41; Тал. сб.), Покаянен (нищего) (№№ 36, 39, 40), О пользе наук (№ 10), Покаянный (№ 72), О потопе (№№ 36, 39; Мал. сб.), О пустыне (№ 33), О пьянстве (Мал. сб.), О страннике-пустыннике (№№ 35, 36, 39), О рождестве Христове (№№ 35, 39; Тал. сб.; Мал. сб.), Сатира на Павла Прусского (№ 16), О скончании века (№№ 23, 37, 39, 73), О смерти (три варианта) (№№ 23, 34, 36—40, 71; Тал. сб.) О страстях Христовых (№№ 36, 73; Мал. сб.), стих «Боже, зри мое смирение...» (Мал. сб.), стих-молитва богородице (№№ 33—35, 30—40, 70; Тал. сб.), стих-раешник о чае (№ 15), стих соловецких иноков (№ 1, 13), стих узника-невольника (№ 31; Тал. сб.), О суете жития и покаянии (№ 39), «Увеселение есть юноши премудрость» А. Денисова (№№ 33, 38), О юности (№ 36).

В Раюшах до сих пор хранятся переписанные Е. Г. Фроловым большие настенные листы с духовными стихами. С одного из таких листов И. Н. Заволоко в 1932 г. опубликовал «Стих душеполезный», начинающийся словами «Вы, голуби, вы, белые...».³⁷ В сборнике начала XX в., принадлежавшем К. А. Малышеву, среди духовных стихов встретилась ода Г. Р. Державина «Утреннее размышление о божьем величестве».

Из старообрядческих произведений в списках XVIII—XIX вв. встречаются: Повесть Феодора об Аввакуме, Лазаре и Елифании (№ 23); Сказание о патриархе Никоне (№ 14); Житие Корнилия Выговского (№ 14); «Поморские ответы» Андрея и Семена Денисовых (№ 60); «История о взятии Соловецкого монастыря» Семена Денисова (№ 2), другой список которой фигурировал еще в середине XIX в. в следственных делах о причудских старообрядцах; Житие Феодосия Васильева, составленное сыном его Евстратием в 1741 г., — список из Раюшской общины, переписанный в 70-е годы XIX в. «ис книги купца Василья Михайловича Соло-

³⁶ В этом сборнике текст стихов сопровождается крюковой нотописью.

³⁷ Стих душеполезный. Родная старина, Рига, 1932, № 11—12, стр. 8.

довникова» неизвестным писцом, скрывшим свое имя за инициалами «Л. Е. С.», содержит более исправный текст, чем изданный А. Н. Поповым³⁸ (№ 124); Старообрядческий синодик (№ 15); «Сказание о лестовке» (№ 23); «Скитское покаяние» (№№ 24, 25); «Меч духовный» Алексея Самойлова (№ 49); Повесть о происхождении табака — «Сказание от книги глаголемые Пандок» (в сборнике 1884 г., переписанном А. И. Жбановым и принадлежавшем Ф. Я. Ноеву).

В причудских сборниках встречаются полемические сочинения о крещении, об антихристе, о разделении церквей, о единоверческой церкви, «о ядении и питии с еретиками», ответы на вопросы единоверца Егора Антоновича, полемика с Н. Субботиным³⁹ о течениях среди старообрядчества и др. (№№ 14, 16, 17, 21, 24, 45, 50). К ним примыкают сочинения нестарообрядческого происхождения: «Вопросы о патриархе Никоне» боярина С. Л. Стрешнева и «Ответы» митрополита Газского Паисия Лигарида (№ 14), «Увет духовный», составленный епископом холмогорским Афанасием (№ 14, список с печатного издания 1682 г.), Послание начала XVI в. старца Филофея ко князю Василию Ивановичу о Москве — третьем Риме, озаглавленное как «Послание к царю Алексею Михайловичу христианское», в списках XVIII и XIX вв. (№№ 4, 17); в последнем старообрядцев могло заинтересовать обращение автора послания к царю с просьбами вернуться к «истинному» крестному знаменю и заповедям прадедов, пополнить церкви «истинными» пастырями, прекратить «вдовство» церкви, т. е. поставить патриарха. В среде причудских старообрядцев был известен и Стоглав (список конца XIX в., принадлежавший В. А. Селезневу).

Интерес представляют и старообрядческие сочинения «Поучение и наказание св. отец и вселенских учителей новосвященному духовному отцу» начала XX в. (№ 61), «Клятвенное обещание» вступающего в должность наставника 1886 г. (№ 15), а также «Метрическое свидетельство» 1840 г., выданное старообрядческим наставником дочери жителя дер. Межа Ивана Петрова (№ 63), — за выдачу подобных документов наставники подвергались преследованию со стороны властей. Любопытны часто встречающееся старообрядческое сочинение второй четверти XIX в. «Мартиново увещевание», в котором в вопросно-ответной форме содержалась защита основ «старой веры» (№№ 16, 21, 51); Устав федосеевской общины в 25 статьях, принятый на общем совете в дер. Речино Режицкого уезда в 1868 г. (№№ 68, 124); Письмо Иосифа Козлова К. П. Волкову 1866 г. из Режицы в дер. Кики-

³⁸ Житие Феодосия Васильева, основателя Феодосеевского согласия, написанное сыном его Евстратом в 7250-м году. ЧОИДР, 1869, кн. 2, отд. 5, стр. 73—92.

³⁹ Н. Субботин. Материалы для истории раскола за первое время его существования, изданные редакцией «Братское слово», т. I. М., 1875.

тово, «в берегах», о скором приезде речинского наставника Петра Ивановича Карпушенко (№ 53); Письмо речинского наставника Петра Ивановича 1869 г. в Москву и ответ московских старцев о помощи причудским старообрядцам (№ 54); «Беседа двоих друзей Вани и Гриши и никонианского попа о религиозном положении», отпечатанная на гектографе в Сызрани П. М. Безводиным в конце XIX в. (№ 43); Самарские ответы священника Дмитрия Александрова на 7 вопросов Семена Васильевича Рязанова и вопросы последнего, гектографированное издание 1869 г. (№ 50); Беспоповский катехизис в вопросах и ответах, гектографированное издание конца XIX в. (№ 45); постановление Московского собора христиан-поморцев 1909 г. (сборник 30-х годов XX в., принадлежавший Ф. А. Ноеву); религиозно-бытовая переписка старообрядцев П. М. Бабаева, А. С. Подковыркина, Г. Е. Фролова и др. (№№ 55, 57, 58); неоконченное произведение Г. Е. Фролова «Чем объяснить неисчислимое количество религий», 1920-е годы (№ 75); Послание Ф. П. Савосткина к Г. Е. Фролову под названием «Борьба правды с неправдою Казепельской общины» о древности онного пения по сравнению с наречным⁴⁰ и о том, что федосеевцам надо соединиться с другими беспоповскими общинами, 1929 г. (№ 62).

Чрезвычайно любопытны и часто переписываемые старообрядческие уставные статьи о запрещении пить чай и кофе, курить и нюхать табак, стричь бороду, танцевать, играть в азартные игры, в том числе в карты, шахматы и прочие «костырьские игры», и т. п. (№ 23; Тал. сб.; сборник, принадлежащий И. Н. Заволоко). К ним примыкает и стих-раешник о чае под заглавием «Разговор некоего чужестранца, родом из Китайского царства, по имени называют его Чаем», сочиненный в середине XIX в. и переписанный в 1886 г. красногорским писцом А. И. Жбановым (№ 15).

В собрании И. Н. Заволоко имеется написанная Г. Е. Фроловым в 20-е годы нашего столетия на большом листе «Стихера надгробная Ильи Алексеевичу Ковылину, основателю Преображенской обители в Москве. Глас 6-ый». Причудские старообрядцы часто переписывали понравившиеся им поучения, переводные и оригинальные, — о ленивом (№ 2), о женах, злых и молчаливых (№№ 12, 23, 25), о почитании родителей (№№ 22, 27), направленные против пьянства (с именами Иоанна Златоуста и Василия Великого и безымянные) и матерной брани (№ 2). Кроме литературы оригинальной, причудских старообрядцев интересовала церковно-историческая переводная, греко-византийская литература. Так, в XVIII—XX вв. ими переписывались жития Агапия, Алексия Человека божия, Андрея Критского, Антония Великого, Варвары,

⁴⁰ Ср.: Г. Е. Фролов. О наречном пении. Родная старина, 1928, № 4, стр. 29. Ср.: И. Н. Заволоко. Онное или хомовное пение. (Историко-филологическая справка). Родная старина, 1933, № 13, стр. 22—23.

Георгия Победоносца, Григория Синаита, Дмитрия Солунского, Евстафия Плакиды, Екатерины, Зосимы Пустынника, Иоанна Богослова, Иоанна Кушника, Иоакима и Анны, Ирины, Кирика и Улиты, Ксенофонта, Марии Египетской, Марины, Марфы, Николы Мирликийского, Парасковии Пятницы, Симеона Столпника, Таисии Тарской, а также «Чудо Георгия о змее», «Чудеса» Николая Мирликийского. Переписывались и сочинения ораторской учительной прозы — «Стослов» Феодора Эдесского, «Беседы о жителстве различных отец» Григория Богослова, многочисленные «слова» и поучения отцов церкви, среди них особенно популярным было «Слово Ипполита, папы Римского, о втором пришествии антихриста». Одно из таких «слов» — толкование к словам Евангелия от Матфея «Просите и дастся вам» — переписано вместе с пометами на полях, которые касаются риторических тропов и фигур, употребленных в проповеди (№ 9).

О большой начитанности и глубоких интересах причудских книжников говорят факты использования ими ряда широко известных сборников устойчивого состава, из которых делались всевозможные выписки: Альфа и омега, Беседы апостольские, Беседы евангельские, «Маргарит» Иоанна Златоуста, Великое зеркало, Диоптра, Звезда пресветлая, Измарагд, Златоуст, Катехизис, «Книга о вере» Кирилла Иерусалимского, Книга притч, Кормчая, Космография, «Лебедь» и «Мессия правдивый» Иоанникия Галатского, Лимонис, Минеи-Четьи, «Пандекты» Никона Черногорца, «Паренесис» Ефрема Сирина, Пролог, Пчела, Римские деяния, Скитский и Египетский Патерики, сборник «Слов» Василия Великого, Сборник, Старчество, Сын церковный, Толковый Апокалипсис, Толковый Апостол, Толковое Евангелие, Толковая Палея, Толковая Псалтырь, Требник, Тропник Иннокентия, папы римского, Физиолог, Цветник Аввы Дорофея, «Шестоднев» Василия Великого, Севериана Гавальского и Георгия Писиды, Щит веры. Причудцы сами составляли сборники наподобие «Пчел» или средневековых флорилегий, состоящие из выписок из различных древнерусских книг (№№ 14, 25, 27, 32).

К числу рукописей, которые имели хождение в среде причудских старообрядцев в XIX—XX вв. и читались, но не переписывались ими, относятся следующие: 1) Торжественник второй четверти XVI в., содержащий Повесть о Темир-Аксаке, жития Сергия Радонежского, Петра, митрополита московского, Амфилохия Иконийского, Ильи пророка, Михаила Архистратига, Никиты Великомученика, Спиридона Тримифунского, Стефана Нового, Сказание об иконе богородицы Римлянки, «слова» Анастасия Синайского, Григория Двоеслова, Григория Никомидийского, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Кирилла Туровского, Севериана Гавальского и «Многосложный свиток» — послание патриархов к Феofilу о поклонении иконам; 2) Кормчая книга с Русской Правдой середины XVI в., полученная не ранее середины

XIX в., вероятно, из Пскова и принадлежавшая в XX в. Ф. П. Савосткину. Начало, конец и оглавление к Кормчей переписаны рукой причудского писца.

Причудские сборники интересны и для палеографов: они дают материал для изучения особенностей причудского письма XVIII—XX вв., мастерства художников и переплетчиков. Причудцы умели украшать книги заставками, инициалами и концовками поморского стиля, а также красочными миниатюрами древнерусской традиции. Таковы лицевые рукописи Апокалипсиса, Жития Василия Нового и Григориева видения, в лист, конца XVIII—начала XIX в. (принадлежащие В. А. Селезневу); лицевой, в лист, Синодик 1887 г. с 26 миниатюрами (№ 66); певческие нотно-крюковые рукописи XVIII—XIX вв. (№№ 32, 70, 77, 78, 80, 95, 99, 100, 101, 109, 110, 114). Ценность представляют записи и надписи на полях рукописей, на крышках переплета, на чистых листах, которые позволяют судить о судьбе книге, о ее переходе от одних владельцев к другим, о читательских интересах и восприятии ими прочитанного, о событиях местного значения, о местных писцах и владельцах книг и т. п.

На этом мы ограничиваем наш предварительный обзор, цель которого ознакомить с книжным репертуаром Причудья, весьма типичным для поздней старообрядческой традиции. Более глубокое изучение книжно-рукописной культуры Причудья станет возможным уже после того, как все причудские рукописи будут собраны.

А. Х. Горфункель

НАХОДКИ СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ

С первых же лет археографической работы Пушкинского дома участники экспедиций наряду с рукописями привозили и старопечатные книги, привлечшие их какими-нибудь примечательными особенностями: стариной, рукописными добавлениями к основному тексту, записями владельцев. Эти случайные находки бывали подчас весьма ценными (достаточно упомянуть московской печати «дофедоровскую» Триодь, «Псалтырь с часословцем» из виленской типографии Мамоничей конца XVI в., львовский «Апостол» Ивана Федорова 1574 г. с владельческой записью XVII в., называющей имя владельца книги Богдана Матвеевича Хитрово), однако специальной задачи поисков старопечатных славяно-русских книг археографы перед собой не ставили.

С 1963 г. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Ленинградского университета, работая в тесном сотрудничестве с Пушкинским домом, начал направлять в северные районы страны экспедиции для розыска и сбора старопечатных книг. Позднее к этой работе присоединился и Филологический факуль-

тет, направлявший группы археографов во главе с Н. С. Демковой. Так как район археографической работы университета и Института русской литературы совпадал, было принято, что все найденные в этой совместной работе рукописи передаются в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома, а все старопечатные книги — в библиотеку ЛГУ. Это позволило не дробить сложившиеся территориальные рукописные собрания и одновременно сосредоточить работу над книгами кирилловской печати первых веков славянского книгопечатания в Отделе редких книг университетской библиотеки.

Приступая к археографической работе, Научная библиотека ЛГУ имела в виду прежде всего необходимость использовать этот важный источник для пополнения хотя и ценного, но все же сравнительно небольшого университетского собрания славянских старопечатных книг, важного как для учебной, так и для научно-исследовательской работы кафедр филологического и исторического факультетов, для создания в Отделе редких книг и рукописей достаточной базы книговедческих исследований в области раннего отечественного книгопечатания. Основанное в 40—50-х годах прошлого столетия благодаря щедрым пожертвованиям старосты университетской церкви почетного гражданина В. А. Пивоварова, наше собрание старопечатных книг насчитывало менее полутора сот изданий XVI—XVII вв. и почти не пополнялось в последующие годы. Необходимо принимать во внимание и более широкое, нежели забота о пополнении университетских книжных фондов, общественное значение археографической работы в этой области. Пренебрежительное, а иногда и прямо преступное отношение к старопечатным книгам, как к предметам исключительно религиозного культа, приводило нередко к гибели ценнейших памятников национальной культуры. Сосредоточение их в хранилище Научной библиотеки должно было способствовать сохранению и спасению многих ценных изданий. И наконец существование параллельных — в Пушкинском доме и в университете — собраний рукописей и старопечатных книг должно было содействовать более глубокому изучению книжной традиции в своеобразной культуре крестьянского населения Русского Севера.

Экспедиции, организованные в 1963—1969 гг., работали в традиционных районах археографических поисков: по берегам северных рек — Северной Двины, Пинеги, Мезени и Печоры, в Архангельской области (Пинежский, Холмогорский, Верхне-Тойменский, Лешуконский и Мезенский районы) и в Усть-Цилемском районе Коми АССР. Результаты этой работы оказались весьма значительными и позволили не только существенно пополнить университетское собрание книг кирилловской печати, включив в него многие редкие и ценные издания, но и восполнить некоторые пробелы в истории отечественного книгопечатания, так как был обнаружен ряд изданий, не учтенных в предшествующей библиографии.

Первоначально основной интерес археографов был направлен, естественно, на издания первых столетий русского книгопечатания; однако опыт показал, что не следует пренебрегать и встречающимися изданиями позднейшего времени, XVIII, XIX и даже XX вв. Всего участниками экспедиций было найдено за это время 235 книг; из них изданий XVI в. — 19, XVII в. — 112, XVIII в. — 82, XIX в. — 9 и, наконец, XX в. — 13 книг. Разумеется, соотношение это отражает не только реальный состав крестьянских библиотек на Севере, но прежде всего направленный интерес самой археографической работы. И все же преобладание изданий дониконовской печати, равно как и изданий старообрядческих типографий, среди книг XVIII—XX вв. весьма показательно. Издания синодальных типографий (московской и петербургской) встречаются сравнительно редко; это преимущественно остатки библиотек православных священников и монастырей.

Среди собственно старопечатных книг преобладают издания московских типографий. Таково найденное А. М. Панченко в г. Кимры Калининской области «дофедоровское», так называемое узкошрифтное Евангелие (это, кажется, единственное исключение в преимущественно северной географии находок). Однако среди изданий XVI в. наибольший удельный вес принадлежит изданиям, вышедшим в свет в западнорусских типографиях, но напечатанных по типу первых московских изданий. Особо надо отметить три книги, напечатанные Иваном Федоровым. Все они были найдены в Усть-Цилемском районе Коми АССР. Это забудовское «Евангелие учительное» 1569 г. — превосходно сохранившийся, почти полный экземпляр; самая неполнота его весьма показательна: из книги аккуратно вырезано все, что свидетельствовало о ее западном происхождении, — лист с гербом Ходкевича и несколько строк о месте печатания книги; причем, судя по старым владельческим записям, сделано было это каким-то давним владельцем книги, до записей XVII—XVIII вв. Без послесловия сохранилось и другое федоровское издание — львовский «Апостол» 1574 г.; имеющаяся в нашем экземпляре запись свидетельствует о раннем появлении книги на Русском Севере: «Лета 7110 апреля в 30 день сию книгу глаголемую Апостол положил на Усть-Вым в дом Благовещения святые богородицы и Стефану Пермскому чудотворцу архиепископъ крестьянин Михайло Иванов сын Торлопов. Диакон Тимофей Михайлов руку приложил». Хуже других сохранился острожский «Новый Завет с Псалтырю» 1580 г.; это в сущности фрагмент издания, переплетенный с рукописными частями текста и с фрагментом «Скитского покаяния» в издании одной из старообрядческих типографий XVIII в.

Сравнительно часто встречаются среди находок издания виленской типографии Луки и Кузьмы Мамоничей: здесь и «Апостол» в двух изданиях, 1592 и 1595 гг., и два варианта издания

«Евангелия учительного» 1595 г., и два издания 1600 г. — «Евангелие» (издание с сигнатурами) и «Псалтырь» (так называемая «Псалтырь с черными точками»). Особый интерес представляет недавно найденный фрагмент редчайшей «Псалтыри с воследованием» (1592 г.), до сих пор известной по единственному экземпляру, хранящемуся в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

Из московских изданий XVI в., вышедших в свет после отъезда Ивана Федорова за рубеж, нельзя не назвать два экземпляра «Псалтыри» 1568 г., напечатанной Никифором Тарасиевым и Андроником Невежей. К ней примыкает «Псалтырь» невежинской печати, изданная в 1577 г. в Александрове, куда переселился со своим двором Иван Грозный. Из более поздних изданий Невежи, напечатанных им в Москве, следует упомянуть «Триодь постную» 1589 г., «Триодь цветную» 1591 г. и «Минею общую» 1600 г.

Среди изданий XVII столетия безусловно господствуют издания Московского печатного двора. Характерно, что ни разу не повстречались археографам книги, изданные «Верхней» типографией, явно не предназначенные для крестьянского чтения и не имевшие распространения в старообрядческой среде. Очень редко попадаются издания других городов. Киевские издания крайне редки; можно назвать лишь «Лимонарь» из типографии Спиридона Соболя 1628 г., «Ключ разумения» Иоанникия Галатовского да два тома «Житий святых» Димитрия Ростовского и фрагмент одного из лаврских изданий «Киево-Печерского патерика». Из изданий других типографий были найдены лишь немногочисленные издания Максима Вошанки (Могилев) («Перло многоценное» Кирилла Транквилиона 1699 г.), кутеинская «Диоптра»; почти нет после 1600 г. виленских изданий — единственное исключение составляет «Псалтырь с Новым Заветом» из типографии «Братства» 1623 г. (фрагмент, содержащий только «Псалтырь»).

Но в результате археографических экспедиций последних лет университетское собрание книг московской печати XVII в. пополнилось самым существенным образом. Здесь нет нужды перечислять все многочисленные находки — они отражены в подготовленном к печати каталоге. Достаточно сказать, что здесь представлены почти все виды и наименования наиболее характерных московских изданий этой эпохи. Здесь есть и издания Кондрата Иванова, софийского попа Никона, Василия Федорова Бурцова. Не только богослужебные, но и четьи книги: «Библия» 1663 г., сборник переводов Елифания Славинецкого 1665 г., «Маргарит», «Сборник из 71 слова», многочисленные издания «Пролога», «Поучения» Ефрема Сирина и аввы Дорофея и т. п. Однако совсем не встречались чисто светские издания, вроде «Строения и хитрости ратных людей» или «Уложения» царя Алексея Михайловича 1649 г.: у первого не было причин для проникновения в крестьянскую среду, у второго — для сохранения. Ни разу не

встречались вообще чрезвычайно редкие буквари XVII в., они успешно заменялись «Псалтырями» и «Часовниками» (характерны записи на экземплярах «Псалтыри» в изданиях XVII в.: «По сей книге учатся», «по сей Псалтыри выучился Митрофан Яковлев»). Естественно, что не могла иметь успеха никонианская «Скрижаль»; редко попадаются, но все же иногда встречаются послениконовские служебные книги, часто без выходных данных; поздняя учительная литература вызывала, очевидно, меньше возражений.

Поиски книг археографами позволили не только увеличить университетское книжное собрание «кириллицы», но и обнаружить ряд изданий чрезвычайно редких и даже уникальных. Нельзя не вспомнить, что именно на берегах Пинеги сотрудниками Русского музея (Э. С. Смирнова) был найден переданный впоследствии в библиотеку Ленинградского университета превосходный (самый полный из шести известных в настоящее время) экземпляр первой славянской книги кирилловской печати — «Осмогласника» Швайпольта Фиоля, изданного в Кракове в 1491 г. Но и среди более поздних изданий оказалось немало замечательных по редкости находок. Два из недавно найденных московских изданий были известны лишь в единственных экземплярах. Это «Псалтырь» 1625 г., единственный дефектный экземпляр которой был известен лишь в собрании Государственного Исторического музея в Москве, и «Канонник» 1672 г., который также был описан в библиографии по уникальному экземпляру Центрального государственного исторического архива древних актов.

Особый интерес для истории московского книгопечатания XVII в. представляют найденные археографами издания, которые вообще не были учтены в библиографии и представлены ныне в библиотеке Ленинградского университета единственными в мире экземплярами. Таких книг оказалось восемь. Лишь в одной из них сохранился лист с выходными данными — это «Часовник» 1630 г. Остальные датируются предположительно, хотя и достаточно точно, по употребленным в них орнаментам, количеству строк на странице, шрифтам и т. п. В числе их еще четыре «Часовника», относящиеся соответственно к 1630-м, 1640-м и 1650-м (два издания) годам, а также три «Псалтыри», предположительно датируемые 1623, 1662 и 1690-ми годами. Если учесть, что вся известная московская печатная продукция первых полутора столетий ее существования насчитывает немногим более 500 изданий, станет очевидно, что всякая новая возможность пополнить и уточнить библиографию московских изданий XVII в. имеет существенное значение. А главное — наши северные находки, равно как и аналогичные им, сделанные археографами Библиотеки Академии наук, убеждают в плодотворности поисков в этом направлении.

Не столь сенсационны, но не менее важны для истории культуры поиски и находки более поздних изданий. Казалось бы,

меньше всего могли бы заинтересовать археографов стандартные синодальные издания богослужебных книг, но даже и среди них иногда оказывались редкие экземпляры, не представленные в наших крупнейших национальных книгохранилищах. Еще более интересны издания старообрядческих типографий. К сожалению, до сих пор они не стали предметом обстоятельных книговедческих исследований; тем более важно собрать необходимый для таких исследований материал. Среди находок археографов старообрядческие издания представлены во всей своей характерной географии: здесь Супрасль и Клинцы, Вильна и Варшава, Гродно и Почаев для XVIII в., Яссы и Иоганнесбург («Собрание краткие науки об артикулах веры», перепечатка московского издания, сделанная в «Ио...рге») для XIX столетия, Москва и Тушка Вятской губернии для предреволюционных лет.

Среди этих изданий, разумеется, наибольший интерес вызывают неслужебные книги, такие как супрасльские издания «Истории о отцах и страдальцах соловещких» Семена Денисова, популярный среди старообрядцев апокриф «Страсти Христовы», многочисленные «Цветники», а также полемические сборники 1910-х годов, к которым примыкают гектографированные издания конца XIX в.

Не следует, однако, пренебрегать и менее важными, на первый взгляд, изданиями — такими как многократные старообрядческие перепечатки «дониконовских» московских книг. В некоторых случаях интересно было бы проследить историю самих этих перепечаток: так, например, гродненское переиздание «Катехизиса» Лаврентия Зизания базируется, как известно, на московском издании, запрещенном церковной цензурой и почти полностью уничтоженном. С другой стороны, даже «стандартные» переиздания служебных книг нуждаются в подробном учете и исследовании: почти всегда в таких случаях в выходных данных говорится, с какого именно издания сделана данная перепечатка; полный учет этих сведений позволил бы, вероятно, обнаружить неизвестные библиографам и не дошедшие до нас книги; кроме того, можно было бы восстановить круг изданий, имевшихся в распоряжении старообрядческих типографий.

Находки книг светского содержания (в одном случае был привезен из экспедиции даже найденный в одной из деревень номер «Современника»!) и книг гражданской печати XVIII—начала XIX в. носят, как правило, случайный характер. Нелишне все же отметить «Лексикон» Федора Поликарпова 1704 г., несколько полемических сочинений, направленных против старообрядчества, два сочинения кардинала Роберто Беллармино («О вечном блаженстве святых», СПб., 1784 и «О семи изречениях», СПб., 1795), впоследствии запрещенные духовной цензурой, и переведенный с французского роялистский памфлет «Путешествие дьявола и глупости» (СПб., 1806).

Собранные археографами книги интересны не только как пополнение книжного собрания университетской библиотеки (хотя нельзя не заметить, что благодаря их трудам собрание книг кирилловской печати XVI—XVII вв. в Отделе редких книг за последние годы увеличилось вдвое и насчитывает около 300 экз.), но и как свидетельство своеобразной книжной культуры северного крестьянства. По внешнему виду книги эти заметно уступают своим собратьям из крупнейших государственных книгохранилищ, происходящим из богатых монастырских библиотек или из коллекций знаменитых собирателей. На них часто самодельные переплеты, иногда из холста, многие из них пришли в жалкое состояние из-за плохих условий хранения, а то и вовсе рассыпались, прогнили и превратились в груды листов, доставляя немало хлопот реставраторам. У них своя судьба, но она-то и придает им особую ценность. Многочисленные рукописные добавления (например, «Житие Иоанна Дамаскина» в списке XVIII в., приплетенное к сборнику переводов Епифания Славинецкого, или «Служба святых новоявленных мученик Антония, Иоанна и Еустафия, иже в Литве пострадавших» в апрельской «Минее» 1625 г.), переплеты, подклеенные документами (фрагменты писцовых книг XVII в. в «Псалтыри» 1638 г. или ревизских сказок со сведениями о самосожженцах в «Апостоле» 1606 г.), многочисленные владельческие записи превращают каждую из найденных книг в исторический памятник, требующий исследования. Записи царских писцов из Приказа большого двorca и из Приказа тайных дел о пожаловании книг в дальние монастыри, записи белозерских посадских людей, купцов и крестьян, в том числе коллективная запись 62 владельцев декабрьской Минеи 1620 г., о каждом из которых сообщается, сколько он «дал в сию книгу», приобретенную миром для общей пользы, — все они позволяют проследить судьбу книг на протяжении столетий — до тех их владельцев, кто передал от дедов полученные и бережно сохраненные до наших дней сокровища для нужд науки в университетское книгохранилище.

Таким образом, благодаря археографической работе к настоящему времени собрание старопечатных русских книг Научной библиотеки Ленинградского университета приобрело особый характер: подобно собранию древнерусских рукописей Пушкинского дома оно в значительнейшей своей части связано происхождением и составом с крестьянской культурой Русского Севера и в этом плане заслуживает дальнейшего пополнения и углубленного исследования.

МЕЗЕНСКИЕ СБОРНИКИ XIX—XX вв.

По реке Мезени и ее притокам, так же как по Северной Двине и впадающим в нее рекам, истари селились старообрядцы. Поэтому туда еще в прошлом веке устремились собиратели рукописных книг. Одним из первых на Мезени побывал известный в конце прошлого века собиратель П. Д. Богданов, коллекция которого хранится в Государственной Публичной библиотеке.¹ В наше время, особенно в послевоенные годы, туда несколько раз выезжали археографические экспедиции Пушкинского дома, в котором в итоге сосредоточилось довольно большое (более 120 томов) Мезенское собрание рукописной книги XVI—XX вв.² Поэтому, когда летом 1967 г. в устье Мезени оказалась случайно (из-за вынужденного изменения маршрута) археографическая экспедиция ГПБ, трудно было рассчитывать на ее успех. Тем более что по населенным пунктам, где побывали участники экспедиции — заведующий Отделом рукописей ГПБ А. С. Мыльников и автор этих строк, только что прошел один из московских коллекционеров. И действительно, за неделю работы удалось разыскать в низовьях Мезени всего 12 рукописных книг да три грамоты. Чтобы эти находки не были забыты, следует дать о них хотя бы краткую информацию. Исследователям уже известно, что было собрано на Мезени и ее притоках Пушкинским домом, и им нелишне будет пополнить эти сведения информацией о находках экспедиции ГПБ. К тому же несколько поздних старообрядческих сборников, которым посвящена эта заметка, представляют определенный историко-культурный интерес. На них стоит сосредоточить внимание хотя бы уже потому, что аналогичные материалы в описаниях Пушкинского дома «растворяются» в массе остальных, более значимых для истории русской литературы материалов. Описываемые же сборники относятся скорее к истории русской общественной мысли, чем к истории русской литературы, и, стало быть, не являются «профильными» для Института русской литературы. Хотя сектор древнерусской литературы ИРЛИ в свое время проявил значительное внимание к истории русской публицистики, его интересы не простирались за пределы XV—XVI вв.

В историю русской общественной мысли двух последующих веков немалый вклад внесли старообрядцы — представители широкого народного движения против «казенной» российской церкви,

¹ И. А. Бычков. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова, вып. I. СПб., 1891, стр. 5.

² Оно кратко описано в кн.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 57—63. Здесь же приводятся сведения, где опубликованы тексты некоторых из этих рукописей и описания отдельных частей Мезенского собрания (в отчетах об археографических экспедициях).

которых упорно и жестоко преследовало, но так и не могло «истребить» царское правительство. И хотя большинство из многочисленных сект старообрядцев к концу прошлого столетия пришло к компромиссу с правительством, легализовалось, некоторые старообрядческие «толки» продолжали утверждать, что царская власть — «власть антихриста». Им приходилось уходить в подполье и распространять свои идеи не столько словесно, сколько в форме различных посланий и писем. Именно такими сектантами-«скрытниками» (так они сами себя называли) и составлены привезенные с Мезени сборники. Они были найдены в доме, где жил и сравнительно недавно умер один из последних, как нам сказали, в Архангельской области «скрытников».

Первый из этих пяти сборников — начала прошлого столетия — по своему происхождению не относится к литературе собственно «скрытников»: он содержит весьма популярные в старообрядческой рукописной книжности XVIII—XIX вв. «Страсти Христовы», так называемую «Соловецкую челобитную» и «Соловецкую историю». Но если первая статья отмечена писцом сборника как заимствованная из печатной книги, то про остальные две кем-то из читателей сказано: «Сия книга Челобитная и История списана с древлеписменного списка». Обе эти статьи — старейшие памятники старообрядческой литературы: в них рассказывается о небывалом в истории России событии — вооруженном сопротивлении царским войскам одного из старейших русских монастырей, монахи которого воспротивились реформам патриарха Никона и встали за «старую веру». Поэтому понятна популярность этих произведений в старообрядческой рукописной книжности. И на этом сборнике (в Книге поступлений Отдела рукописей ГПБ за 1968 г. он записан под № 7) сохранились следы внимательного чтения. Один из читателей отметил, например: «В печатной сих статей нет» (далее идет перечень номеров, отсутствующих в печатном издании статей). Стало быть, писец этой книги не скопировал печатную, а выбрал из нее лишь то, что ему понадобилось. Так в этом позднем сборнике проявилось традиционное свойство русской рукописной книжности — избирательность репертуара.³

Два следующих сборника (№№ 11 и 13), хотя и написаны разными почерками, прежде, вероятно, составляли один; они были собраны в доме «скрытника» по листочкам, отреставриро-

³ Для палеографов и историков русской бумажной промышленности интересна бумага этого сборника: на некоторых листах в начале рукописи есть штампель «Фабрика Сумкина № 5». В современном исследовании филигранных и штампелей русской бумаги XVIII—XIX вв. учтен лишь штампель «наследников Сумкина» (С. А. Клепиков. Филигранные и штампели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959, стр. 109). Любопытны и примитивные заставки этого сборника, сделанные неуклюжей рукой, без попытки подражать распространенному в те времена пышному «поморскому» книжному орнаменту. В наивных «петушках», украшающих некоторые из этих заставок, угадывается связь с народно-прикладным искусством.

ваны и переплетены уже в ГПБ. На последнем листе первого из них кем-то из читателей сделана отсылка, рекомендующая «читать здесь, в этой же книжице, ниже списанное Ответное написание, написанное... Романом Логиновым на два вопроса почтенной старице Дросиде Васильевне Понизовкине». С «Извещения» этой «почтенной старице» начинается теперь сборник № 13 (кем-то из читателей на полях отмечено, что это — «сочинение ответное Романа Логинова».⁴ О чем же спрашивала «почтенная старица» и что отвечал ей Логинов?

Заглавие сочинения не сохранилось — его первые листы не были найдены. Но речь идет о весьма популярном среди старообрядцев сюжете — о «конце света» и «пришествии антихриста». И рукопись лучше назвать сборником, так как отдельные части сочинения и выписки из источников плохо связаны друг с другом. Но к обычным источникам такого рода сочинений — выпискам из творений отцов церкви и старообрядческих вероучителей — здесь прибавлены некоторые «сочинения нынешних времен». Среди последних выписки из изданной в 1855 г. «Всеобщей истории в простых рассказах для детей» Н. Берте. Эта книга попала, вероятно, на Мезень как школьное учебное пособие, но была использована в своих целях старообрядцами. Да и один из обычных источников, из которого сделаны выписки, — Толковый апокалипсис, обозначен как принадлежащий «печерскому миссионеру Ильину — одному из тех, которых Синод специально готовил и посылал для борьбы с «раскольниками». Так использовали старообрядцы оружие своих противников против их же самих.

Составитель еще одного сборника (№ 12), такого же преимущественно содержания, еще больше расширил круг своих источников. Кроме обычных в таких случаях выписок из старообрядческой «Книги о вере», Апокалипсиса, сочинений отцов церкви и русских богословов «дониконианского периода», здесь есть сведения о первопечатнике Иване Федорове и его изданиях (лл. 189—193). Выписан даже большой отрывок из трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» (лл. 103 об.—106 об.) — о том, как на смертном одре царевич Алексей Петрович отказался от причастия, повторив слова «раскольничьего старца». Здесь же можно получить сведения об основании в 1808 г. в Москве, на Преображенском кладбище, «богадельного дома» — там, где потом организовался и до сих пор существует административный центр нескольких старообрядческих церковных организаций. Переписанное в сборнике прошение московских старообрядцев «на высочайшее имя» несколько раз прерывается вставками из сочинений отцов церкви, проклинающими «Антихриста» и его «слуг».

⁴ В известном исследовании В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1912) сочинения Логинова не учтены.

Самым интересным из мезенских сборников является, несомненно, сборник № 10. Его следует отнести к началу нашего столетия, так как в нем есть выписки из сочинений акад. В. Н. Перетца, изданных в 1900 г. Даже научную литературу старообрядцы использовали в своих целях, не говоря уже о рукописных источниках — старинных книгах, хранившихся тогда в Румянцевском музее, в Казанской и Петербургской духовных академиях. А в двух последних специально готовились (и по тем же источникам!) кадры миссионеров, «обличителей раскольников». Есть также выписки из изданий В. И. Кельсиева, пытавшегося организовать печатание старообрядческой литературы за рубежом, даже в Лондоне, у Герцена.

Особенно интересны оригинальные старообрядческие сочинения этого сборника. Некоторые не озаглавлены, но аннотированы в «Каталоге или указании текстов на листах, содержащихся настоящей сей книжице, именуемой съборничке». Таковы статьи: «Аще кто покорится и подписуется нынешнему власти», «Показание истинное о тех, кои и каким делом поклонились и покорились вместо Христа Антихристу» (под последним подразумеваются Петр I и последующие русские императоры), «Вопросы не покаряющихся нынешним власти» и др. Отразилась в этом сборнике и борьба между отдельными «согласиями» и «толками» старообрядчества, например прения по поводу «крещения от еретик», происходившие в 1884 г. на нижегородской ярмарке между Н. А. Першиным и И. И. Зыковым — известными лидерами «согласий». О том, как происходили подобные прения, свидетельствует регламент диспута, происходившего в том же году в селе Крестовоздвиженском, начало которого следует привести целиком (л. 71).

«Мы, ниже подписавшиеся, между собою на время ведения беседы, в силу соблюдения порядка и для мира, тишины и спокойствия других, изложили сие условие:

1. Чтобы беседа должна происходить непременно в один голос — когда один беседует, тогда другому не должно прерывать речь, пока он не кончит.

2. Не кончивши рассуждения об одном, к другому не переходить. И вообще о многих предметах одновременно не рассуждать, дабы не было слияния смысла и непонятия.

3. Из народа самовольно без дозволения собеседующих в беседу вступать никто не может, и все присутствующие должны слушать с молчанием, что будет говориться.

4. Во время беседы книгами той и другой стороны собеседникам пользоваться свободно...» и т. д.

Есть в этом сборнике объемистое (лл. 101—110) стихотворное произведение, по характеру своему напоминающее раешник. Речь в нем идет об истории церковного раскола в России и о гонителях старообрядцев, начиная с патриарха Никона и кончая профессором Н. И. Субботиным — автором многочисленных исследований

по истории старообрядчества и его литературы. Вот начало этого оригинального памфлета:

Любезная братия, древлеправославные христиане — верные и миряне!

Хочу поделиться с вами словом — только старым, а не новым.

Вот это было в 1654 году, когда патриарх Никон был в моде.

Он саном своим очень гордился и на святые древние книги разсвирепился.

Он бы по своему нраву их жжог, да так один сделать не мог.

А потому он на хитрость пускается и хитрой лисой, лисой притворяется.

И чтобы решить душевный свой спор, он созвал российский собор

и т. д.

Подробно «раскритиковав» последующие «соборы» против старообрядцев («Вот какие были отцы — на всякия дела молодцы: Вместо Христова учения уложили телесныя озлобления»), автор отмечает, что «после соборов таких вышло много ругательных книг», которые тут же называются (в том числе «с Мартином пращица — фальшивая и ложная раскащица» — известная анти-старообрядческая подделка церковников, разоблаченная старообрядческими палеографами в начале XVIII в.). Не меньше достается и современникам — главарям различных, очевидно противоборствующих, старообрядческих «толков», причем подчас делаются попытки дать их портретные зарисовки, например: «Виноградов руки поднимает, а сам головою трясет и такую речь ведет»; или о Субботине: «И кто о древности помянет — говорить он с тем не станет, а сейчас же без тревоги закричит — давай бог ноги!». Несколько неожидан и, может, быть, неискренен финал этого раешника: «Но теперь божием провиденьем и великим царским повеленьем Прежнее гонение уничтожено и конец всему положено...» (затем следует многолетие царю с царицей).

Подписано это произведение «Скорбный старообрядец»; разыскать этот псевдоним у Масанова не удалось.

Таковы несколько примеров полемического и литературного творчества старообрядцев начала нашего столетия. Когда-нибудь и оно привлечет внимание исследователей, и тут мезенские сборнички им пригодятся.⁵

⁵ Кроме описанных сборников, были привезены следующие рукописи: книга сочинений Ефрема Сирина начала XVIII в. (была найдена в селе Семже в устье Мезени), Канонник второй половины XVIII в. и старообрядческий Требник начала текущего столетия с «чинами» приема «приходящих от великороссийския или единоверческаго церкви», переходящих в данное согласие «беспоповцев разных сект», «беглопоповцев» и других как рядовых старообрядцев, так и церковнослужителей («Чин како примирити церкви впадшего в раздор иерея»). Так эта богослужбная книга — даже названиями обрядов — характеризует состояние старообрядчества лет пятьдесят тому назад. В одном из двух певческих, «крюковых» сборников интересны красочные заставки самых разнообразных стилей — от традиционных «старопечатного» и «поморского» — в причудливых сочетаниях. А владелица сборника духовных стихов, расставаясь (не без сожаления) с ним, исполнила, по нашей просьбе, несколько стихов. Найденные грамоты XVII в. оказались остатками архива местной, давно уничтоженной церкви; в подвале уцелевшего причтового дома этой церкви был найден полуистлевший певческий сборник XVII в., восстановленный реставраторами ГПБ.

РУКОПИСИ
БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР,
СОБРАННЫЕ ПРИ УЧАСТИИ В. И. МАЛЫШЕВА

Археографическая деятельность В. И. Малышева началась задолго до возникновения реальной возможности создания им единого собрания рукописей при Пушкинском доме. Еще будучи студентом и располагая в денежном отношении лишь стипендией, В. И. Малышев с 1934 г. начал собирать рукописи в разных районах нашей страны.¹ Его первая поездка была в 1934 г. на Печору в Пустозерск, позднее, в 1935—1936 гг., в древнерусские города северо-восточной России: Углич, Ростов, Ярославль, Боровск. Свои первые «трофеи» В. И. Малышев с душевной щедростью раздавал известным ученым: Б. Д. Грекову, А. С. Орлову, В. П. Адриановой-Перетц, М. А. Яковлеву, а также в некоторые научные учреждения. Среди таких учреждений, пополнившихся рукописными книгами, собранными в результате первых археографических экспедиций В. И. Малышева, была и Библиотека АН СССР. Так, в 1936 г. В. И. Малышев привез из Боровска шесть рукописей XVII—XVIII вв., которые были переданы им в Библиотеку Академии.

С 1937 г. собрание В. И. Малышевым рукописных книг стало планомерным. Он сосредоточил свои поиски в одном районе, на Низовой Печоре, которая «издавна славилась рукописной стариной».² Многократное обследование этого района позволило увлеченному археографу не только собрать значительное количество рукописей (более 400), но и изучить книгописную традицию, существовавшую на протяжении двух веков в Усть-Цильме.

Первые рукописи из Усть-Цилемского района Коми АН СССР были также переданы В. И. Малышевым в Библиотеку АН СССР.³ В результате археографических экспедиций 1937—1938 гг. в Рукописный отдел Библиотеки, в собрание текущих поступлений, было занесено 19 единиц из Усть-Цильмы. Уже само распределение рукописей по векам говорит о ценности археографического дара, сделанного В. И. Малышевым Библиотеке. Из 19 книг половина моложе XVIII в., четвертая часть относится к XVI в., одна рукопись XV в.

Если судить по содержанию, в рукописях много ценных памятников. Один из сборников (Текущие поступления, № 153) является важным историческим источником, ибо содержит жития русских святых: Исихора Ростовского, Иоанна Устюжского, Стефана

¹ В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 3.

² Там же.

³ В. И. Малышев. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР. ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 474—476.

Пермского, Петра царевича Ордынского, Василия Московского, Алексея человека божия, память князю Владимиру и др.; не менее ценен и Пролог XVI в. за март—август. С литературной точки зрения наиболее интересными приобретениями для БАН являются рукописи XVII—XVIII вв. Среди них были произведения протопопа Аввакума, например «Книга нравоучений и толкований» XVII в. (Текущие поступления, № 105), которая стала предметом исследования самого В. И. Малышева.⁴ Из Усть-Цильмы в те же годы была привезена В. И. Малышевым и «Книга бесед» Аввакума XVIII в. (Текущие поступления, № 415). В историко-литературном сборнике XVIII в. (там же, № 398) находится ряд ценных повестей: о белом клобуке, о взятии Царьграда турками, о создании церкви св. Софии в Новгороде, сочинения старообрядцев Федора дьякона, Саввы Романова и др.⁵

Активно продолжая археографическую деятельность в конце 30-х годов и после войны, В. И. Малышев стал собирать не только отдельные рукописи и старопечатные книги у населения, почти ежегодно совершая экспедиции в разные районы нашей страны, но и выявляя владельцев частных рукописных собраний Москвы и Ленинграда, готовых продать или передать свои собрания в государственные хранилища.

При содействии В. И. Малышева в Библиотеку АН в 1938 г. поступило собрание известного советского писателя А. Н. Чапыгина в количестве 14 рукописей XVII—XVIII вв. Собрание богато старообрядческими сборниками, среди которых один сборник XVIII в., лицевой, содержит 52 рисунка. Примечателен также лицевой Апокалипсис XIX в., в котором 72 рисунка. Помимо этого, в собрании имеются 4 рукописи исторического содержания.⁶

В 1939 г. было куплено — также при содействии В. И. Малышева — собрание рукописей ленинградца Г. Ф. Нефедова, состоящее из 12 единиц хранения XVI—XIX вв. В этом собрании половина рукописей очень ранних — XVI в. Одна из них, Апостол, иллюстрирована многочисленными красочными заставками. Представляют интерес также следующие рукописи: Хождение игумена Даниила XVII в., сказание о страданиях боярыни Морозовой и сестры ее — княгини Урусовой в списке XVIII в.⁷

В том же году В. И. Малышев, только что окончивший филологический факультет Ленинградского университета, был направ-

⁴ В. И. Малышев. Старейший список «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума. В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969, стр. 266—273.

⁵ В. И. Малышев. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР, стр. 475.

⁶ Подробнее о данном и других собраниях Библиотеки АН СССР см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. XIX—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 190—191.

⁷ Там же, стр. 191.

лен по запросу Библиотеки на работу в Рукописный отдел. Однако его деятельность в Библиотеке была очень кратковременной. Началась Финская война, и Владимир Иванович ушел на фронт. В Библиотеку в качестве сотрудника Малышев больше не вернулся, но, оставаясь ее читателем, продолжал оказывать содействие в комплектовании рукописных фондов. Так, летом 1940 г. В. И. Малышев привез из г. Семенова и села Воскресенье (на озере Светлояр) Горьковской области 51 рукопись XVI—XIX вв. В заметке об обследованных собраниях В. И. Малышев упомянул многие новые списки из известных в науке историко-литературных памятников, собранные им в этом районе.⁸ В настоящее время это собрание называется собранием Семеновского районного отделения НКВД и входит в состав текущих поступлений БАН.⁹ В том же году при его содействии было приобретено собрание Петухова (найдено на чердаке в одном из домов на Садовой улице в Ленинграде).

Другие собрания, при поступлении которых В. И. Малышев принимал непосредственное участие или косвенное (выражавшееся в договоренности с владельцем или указании его адреса), поступили после войны. Наиболее ценными из этих собраний, как по количеству рукописей, так и по их содержанию, являются три: М. И. Успенского, Ф. А. Каликина и В. В. Лукьянова. Кроме этих трех значительных собраний после войны В. И. Малышев содействовал приобретению Библиотекой 19 рукописей XVII—XIX вв. у писателя А. А. Морозова и 31 рукописи XV—XIX вв. у архивиста Н. В. Тимофеева.

Собрание М. И. Успенского, кандидата Московской духовной академии и члена Московского археологического института, поступило в Библиотеку в 1946 г., в составе 213 рукописей XV—XX вв. Собрание включает ряд ценных исторических и литературных памятников, списки житий русских святых, учебную литературу, старообрядческие и сектантские рукописи, сборники, содержащие учительное богословие и философские сочинения. Из исторических рукописей, например, в собрании имеются два списка Хронографа XVII в., Новгородский летописец, доведенный до 1674 г., сборники XVIII в., содержащие летописные известия, Синописис Иннокентия Гизеля и др.

Среди литературных сборников много стихотворных произведений XIX в., повести и сказания более ранних веков в списках XVIII в., такие как повести о белом клобуке, о Димитрии Басарге, о царице и львице и т. д.

⁸ В. И. М а л ы ш е в. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. ТОДРА, т. V, М.—Л., 1947, стр. 154.

⁹ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела..., вып. II, стр. 196.

Географические произведения в собрании представлены списками «Хождения Трифона Коробейникова» в сборнике XVIII в. и «Космографией» в списке XVII в.

В искусствоведческом плане интересен Иконописный подлинник XVIII в., в котором даны описания икон и советы иконописцам. В собрании М. И. Успенского имеются также 16 культовых и богослужебных рукописей XV—XVI вв.¹⁰ Многие рукописи из этого собрания были предметом изучения разных исследователей по древнерусской культуре, а 15 из них описаны в печатных «Описаниях Рукописного отдела БАН».¹¹

Собрание Ф. А. Каликина поступило в Библиотеку АН в течение 1948—1952 гг. В нем 188 единиц хранения XIV—XX вв. Самая ранняя рукопись датирована 1390 г., две других, старших по времени создания, — XV в.; по содержанию все они представляют собой «Пандекты» Никона Черной горы. В собрании Ф. А. Каликина имеются Хронограф, Степенная книга, Казанский летописец в списках XVII в., Псковская летопись в списке XIX в., «Просветитель» Иосифа Волоцкого XVIII в. и другие исторические и литературно-публицистические памятники. В особенности, однако, это собрание богато старообрядческими рукописями, среди которых много сочинений основателей Выголексинской общины или известных старообрядческих деятелей: Андрея и Семена Денисовых, Ивана Алексеева, Тимофея Андреева, Павла Любопытного. Имеется также Выговский летописец, содержащий сведения за 1663—1803 гг.¹²

Наконец, в 1964 г. по рекомендации В. И. Малышева¹³ Библиотека приобрела собрание известного ярославского коллекционера В. В. Лукьянова, в котором 311 рукописей. Самую значительную часть собрания В. В. Лукьянова представляют материалы литературного и исторического содержания, в том числе сборники — всего 120 единиц хранения. Правда, большинство из этих материалов позднего происхождения, XVIII—XX вв., и лишь 17 рукописей XVI—XVII вв. В собрании имеются в списках XVIII в. Хронограф редакции 1512 г., повести Петровского времени, но характерным для всего собрания в целом является то, что в его рукописных текстах преобладает местная тема, как в житиях святых, так и в историко-литературных произведениях. Из ранних иллюстрированных рукописей особенно примечателен

¹⁰ Там же, стр. 192—194.

¹¹ Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, т. 3, вып. 1. Составители В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М.—Л., 1959; т. 3, вып. 3. Составители Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева. М.—Л., 1971; т. 4, вып. 1. Составители А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1951.

¹² Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, вып. II, стр. 195—196.

¹³ В. И. Малышев. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей. ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 454—457.

Номоканон Матвея Властаря XVII в. Его владельцем был некогда патриарх Никон, подаривший Номоканон в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Эта рукопись выделяется исключительно тонко и изящно выполненным по подбору красок и рисунку орнаментом в заставках, концовках, гирляндах, а также миниатюрами, изображающими евангелистов. Весьма художественно оформлены две рукописи XVI в. — Евангелие и Апостол, а также Лицевой синодик XVII в. Собрание В. В. Лукьянова богато также документальным историческим материалом: грамотами, различными патентами, челобитными, книгами хозяйственного значения; всего в нем насчитывается 105 подобных единиц хранения. Большинство документов относится к XVIII в. — 54 единицы; 23 единицы — к XVII в. Имеются две грамоты XVI в.: одна — духовная князя Михаила Васильевича Горбатого 1535 г., с приложенной к ней печатью; другая грамота на латинском языке, данная от имени Флавия Августина в Риме в 1582 г. и затрагивающая церковные вопросы; грамота эта украшена орнаментом с человеческими фигурами; в рисунках использовано золото; к грамоте также приложена печать.¹⁴

Таким образом, при содействии или непосредственном участии В. И. Малышева в Библиотеку АН СССР поступило 8 частных собраний с общим числом около 850 рукописных книг и более 25 отдельных рукописей. В настоящее время некоторые рукописи из перечисленных собраний введены в научный оборот благодаря включению их в печатные Описания Рукописного отдела, а многие книги были предметом более пристального изучения и публикации специалистов.

Вместе с тем активное собирание старинных книг В. И. Малышевым положило начало широкому развитию в советское время археографической деятельности различных учреждений в масштабе всей страны. Среди учреждений, которые стали почти регулярно организовывать археографические экспедиции за рукописями и старопечатными книгами, является и Библиотека АН СССР. Следует отметить, что две первые археографические экспедиции были совершены совместно представителем Пушкинского дома Л. А. Дмитриевым и представителем Рукописного отдела А. И. Копаневым.¹⁵

Таков значительный вклад, внесенный в результате археографической деятельности В. И. Малышева в дело пополнения рукописных фондов Библиотеки АН СССР.

¹⁴ М. В. Кукушкина. Поступления рукописей в БАН СССР в 1964 г. В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.—Л., 1966, стр. 103—104.

¹⁵ Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев. 1) Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 531—544; 2) Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960. ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 412—419.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. И. МАЛЫШЕВА¹

I. Книги и статьи в сборниках и журналах

1940

1. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей. — ТОДРЛ, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 247—253.

1946

2. Български рукописи. — Славени, София, 1946, № 8, стр. 285 (на болгарск. яз.).

1947

3. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщицкой старообрядческой общины в г. Риге). — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 185—193.
4. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 149—158.
5. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаяны» о пьянстве). — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 142—148.

1948

6. Коллекция славяно-русских рукописей В. Ф. Груздева. — Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им А. И. Герцена, т. 67, Кафедра рус. лит-ры, Л., 1948, стр. 265—269.
7. Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 372—375.
8. Новый список Слова Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 193—200.

1949

9. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 455—468.
10. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX—начале XX в. (К вопросу об изучении техники и быта поморского книгописца). — Изв. Карело-Финской научно-исслед. базы АН СССР, Петрозаводск, 1949, № 1, стр. 73—84.
11. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 469—480.

1950

12. Археографическая работа Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. — Вопр. истории, М., 1950, № 11, стр. 173—175.

¹ В основу библиографии (составленной при участии Н. Ф. Дробленковой) положен список печатных работ В. И. Малышева, изданный самим исследователем в приложении к реферату его работ, представленных на соискание ученой степени доктора филологических наук (Исследования и разыскания по литературному наследию древней Руси. Л., 1967, стр. 37—50); библиография дополнена названиями новых работ, опубликованных В. И. Малышевым в 1966—1971 г., и списком литературы о его научной деятельности. Особый раздел библиографии могли бы составить редакторские работы В. И. Малышева, под руководством которого в течение 20 лет издавался отдел ТОДРЛ «По рукописным собраниям»; В. И. Малышев редактировал XIV и XXI тома ТОДРЛ и ряд других изданий.

1951

13. Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума. (Материалы для библиографии). — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 379—391.
14. Отчет об археографической командировке 1950 г. — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 362—378.
15. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем. — Доклады и сообщения Филолог. ин-та Ленингр. гос. ун-та, вып. 3, Л., 1951, стр. 255—266, с илл.

1952

16. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1952, 136 стр.

Рец.:

Владимиров О. Героическое сказание об обороне Пскова в XVI веке — Псковская правда, 1953, № 16, 22 янв., стр. 4.

Гейченко С. Новая книга по истории Псковского края. — Пушкинский колхозник, Пушкинские Горы, 1952, № 141, 28 ноября.

Масляненко Д. Военное искусство наших предков. — Вечерний Ленинград, 1952, № 290, 9 дек., стр. 3.

Морозов А. Повесть о ратных подвигах русского народа — Звезда, М.—Л., 1953, № 5, стр. 171—172.

Пиккиев И. Славные страницы прошлого. — Знамя коммунизма, Полоцк, 1953, № 108, 3 июня, стр. 2. Переизд. на белорус. яз. в газ.: Стяг коммунизма, Полоцк, 1953, № 108, 3 июня; то же: Островская правда, 1953, № 43, 8 апр.

Попов А. И. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1953, № 5, стр. 180—182.

Рождественский М. Интересная книга. — Сталинское знамя, Вязники Владимирской обл., 1953, № 18, 11 февр., стр. 4.

Тихомиров М. Н. — ИЮЛЯ, М., т. XII, 1953, вып. 2, стр. 170—174.

Федоров В. Патриотическая повесть. — Лит. газ., М., 1953, № 4, 8 янв., стр. 2.

Югов А. Страница русской славы. — Комсомольская правда, М., 1953, № 48, 26 февр., стр. 3. Переизд. в газ.: Печорская правда, Печоры Псковской обл., 1953, № 27, 4 марта.

Herbst S. — Kwartalnik historyczny, Warszawa, rocz. LXI, № 2, 1954, ss. 258—259.

1953

17. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 387—404.
18. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»). — ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 408—426 (совместно с П. Н. Берковым).
19. Рукописи Государственной публичной исторической библиотеки. — Вопр. истории, М., 1953, № 2, стр. 125—127.
20. Рукописное собрание Псковского областного краеведческого музея. — Вопр. истории, М., 1953, № 12, стр. 180—182.

1954

21. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР. — Вопр. истории, М., 1954, № 12, стр. 165—167.

22. Библиография изданий сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 435—446.
23. Где и кем была написана «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков». — Альманах «На берегах Великой», кн. 5. Псков, 1954, стр. 170—176.
24. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 449—458.
25. Повесть о Сухане. (Неизвестное произведение русской литературы XVII века). — ИОЛЯ, М., т. XIII, 1954, вып. 3, стр. 282—288.

1955

26. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 425—439.
27. Новый список «Сказания о киевских богатырях». — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 387—390.
28. Повесть XVII века о защитнике родины. — Сов. воин, М., 1955, № 12, стр. 29.
29. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 471—479.

1956

30. Археографическая экспедиция на Пижму. — Ист. архив, М., 1956, № 1, стр. 252—255; то же в сокращении: Печорская правда, Печоры Псковской обл., 1956, 12 апр.
31. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) за 1952—1954 годы. — В кн.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VI. М.—Л., АН СССР, 1956, стр. 99—102.
32. Пижемская рукописная старина. (Отчет о командировке 1955 года). — ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 461—493.
33. Повесть о Сухане. (Из истории русской повести XVII века). Автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филолог. наук. Л., 1956, 17 стр.
34. Повесть о Сухане. (Из истории русской повести XVII века). Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1956, 224 стр.
Рец.:
Арбатский Ю. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1961, № 64, стр. 287—291.
Вернадский Г. В. Повесть о Сухане. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1960, № 59, стр. 196—202.
*** Вечерний Ленинград, 1956, № 230, 10 окт.
Дедов А. «Повесть о Сухане». Находка в Институте русской литературы. — Рус. новости, Париж, 1957, № 643, 27 сент.
Дилевски Н. М. — Език и лит-ра, София, 1958, № 4, стр. 297—300.
Домановский Л. Неизвестная воинская повесть. — Вечерний Ленинград, 1957, № 84, 9 апр., стр. 3.
Зайцев В. Повесть о Сухане. — Вопр. лит-ры, М., 1957, № 1, стр. 228—229.
Зимин А. А. — ИОЛЯ, М.—Л., т. XVI, вып. 3, стр. 267—269.
Кузьмина В. Д. — Slavia, Casopis pro slovanskou filologii, гош. XXVIII, seš. 1, Praha, 1959, str. 81—85. (На рус. яз.).
Новые труды по древнерусской литературе. — Псковская правда, 1956, № 14, 20 янв., стр. 4.
Панченко А. Повесть о Сухане. — Псковская правда, 1957, № 21, 30 янв., стр. 4.

Пиккиев И. — На страже родины, Л., 1958, № 238, 9 окт.
Пропп В. Я. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II. М.—Л., АН СССР, 1957, стр. 348—350.

Путилов Б. Обретенная ценность. — Звезда, М.—Л., 1957, № 4, стр. 216—217.

*** Смена, Л., 1956, № 117, 19 мая.

*** Ценная находка. — Лит. газ., М., 1956, № 146, 8 дек. (Кн. новинки), стр. 2.

Мазон А. — Revue des études slaves, Paris, 1957, t. XXXIV, fasc. 1—4, p. 225.

Оунас Felix J. — The American Slavic and East-European Journal, vol. XVII, 1959, № 1, p. 68.

1957

35. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР за 1955—1956 гг. — В кн.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VII. М.—Л., АН СССР, 1957, стр. 155—160.
36. Памятники древней письменной культуры Печоры. — В кн.: Летопись Севера, т. 2, М., Географиз, 1957, стр. 265—270.
37. Рукопись протопопа Аввакума. — Нева, Л., 1957, № 3, стр. 220—221.
38. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 581—590.

1958

39. Два неизвестных письма протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 413—420.

Отклик:

Дедов А. — Рус. новости. Париж, 1958, № 675, 25 апр.

40. К 75-летию со дня смерти протопопа Аввакума. — ИОЛЯ, М., т. XVII, 1958, вып. 1, стр. 88—90.
41. Отчет о командировке на Печору в 1956 г. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 398—408.
42. Стих «покаянный» о «люте» времени и «поганных» нашествиях. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 371—374.
43. Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием. — В кн.: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., Гослитиздат, 1958, стр. 124—166 (подготовка текста).

1959

44. Две заметки о протопопе Аввакуме. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 344—352.

Отклик:

Дедов А. — Рус. новости, Париж, 1959, № 728, 15 мая.

45. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР в 1957 году. — В кн.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VIII. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 137—142.
46. О втором списке «Слова о погибели Руския земли» (история открытия). — Slavia, Praha, 1959, roč. XXVIII, seš. 1, str. 69—72.

Отклик:

Соловьев А. В. По поводу Рижского списка «Слова о погибели Руския земли». — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 143—146.

47. Кто был автором «Исповеди», приписываемой Ивану Акиндинову. — Рус. лит-ра, Л., 1960, № 3, стр. 192—194.
48. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 513—521.
49. Старинные переплеты и рукописные находки. — Рус. лит-ра, Л., 1960, № 4, стр. 188—190.

Отклик:

- Адрианова-Перетц В., Лихачев Д., Люблинский В., Розов Н. — Рус. лит-ра, 1961, № 2, стр. 207—209.
50. Житие протопопа Аввакума (Прянишниковский список). — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., Гослитиздат, 1960, стр. 305—343, 445—446 (подготовка текста и археографический комментарий).
51. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Отв. ред. Н. В. Устюгов. Сыктывкар, Коми книж. изд-во, 1960, 216 стр.

Рец.:

Автократов В. Н. Усть-цилемские рукописные сборники. — Вopr. архивоведения, М., 1962, № 1, стр. 120—124.

Адрианова-Перетц В. П. Памятники древней культуры Печорского края. — Красное знамя, Сыктывкар, 1961, № 184, 5 авг.

Ангелов Боню Ст. Нов археографски труд върху славянските ръкописи. — Списание на Българската Академия на науките, София, 1961 (год VI), № 4, стр. 105—108.

Андроников И. Об усть-цилемских находках. — Красное знамя, Сыктывкар, 1960, № 106, 5 мая.

Вернадский Г. Усть-цилемские рукописные сборники. Черты устной жизни старообрядцев Русского Севера в XVIII—XX вв. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1962, кн. 70, дек., стр. 201—202.

Дедов А. Древние повести Севера. — Рус. новости, Париж, 1961, № 817, 27 янв.; Повесть о самосожжениях. — Там же, № 831, 5 мая.

Домановский Л. — Новый мир, М., 1961, № 9, стр. 285.

*** Древние повести о самосожжениях в XVIII веке. Новая работа В. И. Малышева. — Рус. новости, Париж, 1960, № 783, 3 июня.

Зимин А. А. — ИЮЛЯ, М., т. XXI, 1962, вып. 1, стр. 68—70.

Зыкин В. — Правда Севера, Архангельск, 1961, № 127, 31 мая; Судьба одной книги. — Красное знамя, Сыктывкар, 1962, № 112, 13 мая.

Крымов В. С разных листков. — Новое рус. слово, Нью-Йорк, 1961, 26 июня; Записи без плана и задания. — Новая заря, Сан-Франциско, 1961, 29 июля.

*** Найдено на Печоре. Рукописные памятники русской культуры. — Вечерний Ленинград, 1960, № 177, 23 июля.

*** Новый труд В. И. Малышева. — Пензенская правда, 1960, № 142, 17 июня (отдел «Наши земляки»).

Панченко А. Научный труд о печорских рукописях. — Печорская правда, Усть-Цильма, 1960, № 25, 28 февр., стр. 1; см. также: Гюрд Печора, 1960, № 28, 6 марта (на коми яз.).

Смирнов-Сокольский Н. Клады народной мудрости. — Сов. Россия, М., 1960, № 291, 13 дек.

Соловьева М. Исследование древних рукописей. — Красное знамя, Сыктывкар, 1960, № 244, 14 окт.

Тунгусов А. Древние рукописи рассказывают. — Нарьян-Вындер (Красный тундровик), Нарьян-Мар, 1960, № 115, 11 июня.

Флоровский А. Печорское гнездо старорусской культуры. — *Slavia, Praha*, 1962, roč. XXXI, seš. 4, str. 642—644.

Lewin P. Nowe Znaliziska staroruskich rękopisów i druków w ZSRR. — *Slavia orientalis, Warszawa*, 1961, № 3, 395, 402 и др.

Порпе А. — *Studia źródłoznawcze, Commentationes*, t. IX, 1964, str. 156—157.

Zenkovsky S. A. — *The slawic and East European Journal*, Winter, 1961, vol. 5 (XIX), pp. 388—389.

1961

52. Некоторые замечания к Повести о Сухане. — *Рус. лит-ра*, Л., 1961, № 3, стр. 195—196.

53. Сведения о поступлениях в собрание древнерусских рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР за 1958 и 1959 гг. — В кн.: *Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома*, вып IX, М.—Л., АН СССР, 1961, стр. 195—199.

54. Усть-цилемская обработка Повести о царевне Персике. — В кн.: *Исследования и материалы по древнерусской литературе*. М., АН СССР, 1961, стр. 326—337.

Отклик:

Георгиев В. Находки на Печоре. — *Красное знамя*, Сыктывкар, 1962, 16 февр.

55. Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. — *ТОДРЛ*, т. XVII, М.—Л., АН СССР, 1961, стр. 561—604.

Рец.:

Флоровский А. Печорское гнездо старорусской культуры. — *Slavia, Praha*, 1962, roč. XXXI, seš. 4, str. 642—644.

Порпе А. — *Studia źródłoznawcze, Commentationes*, t. IX, 1964, ss. 156—157.

56. Avvakum suivant les traditions de Pustozersk. — *Revue des études slaves*, Paris, t. XXXVIII (Mélanges Pierre Pascal), 1961, pp. 135—141.

Рец.:

Тунгусов А. Пустозерские предания на французском языке. — *Нарьян-Вындер*, Нарьян-Мар, 1962, 13 апр.; Протопоп Аввакум. — *Рус. голос*, Лодзь, 1962, № 9, стр. 6.

1962

57. История первого издания Жития протопопа Аввакума. — *Рус. лит-ра*, Л., 1962, № 2, стр. 139—147.

58. Как был найден автограф Жития протопопа Аввакума. — *Рус. голос*, Лодзь, 1962, № 10, стр. 5.

59. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. — *ТОДРЛ*, т. XVIII, М.—Л., АН СССР, 1962, стр. 442—457.

60. Protopop Awwnkum w edycjach staroobrzędowców nadbałtyckich w latach dwudziestych i trzydziestych XX wieku. — *Slavia orientalis, Warszawa*, 1962, rocz. XI, № 2, ss. 215—221.

1963

61. За унификацию описаний древнерусских рукописных книг. — *Рус. лит-ра*, Л., 1963, № 3, стр. 166.

62. Новое о протопопе Аввакуме. (Несостоявшийся перевод Аввакума в Илимск. Ошибка «Жития» протопопа Аввакума). — *Рус. голос*, Лодзь, 1963, № 3—4 (199—200), стр. 12.

63. Рукописные книги Сыктывкарского республиканского музея Коми АССР. — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М., АН СССР, 1963, стр. 403—408 (на стр. 405—408 описание рукописей).

1964

64. Задачи собирания древнерусских рукописей. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., «Наука», 1964, стр. 303—332.

Рец.:

***Revue des études slaves, Paris, 1965, t. XLIV, p. 207.

65. Замечательный город Русского Севера. — Летописи Севера, т. 4, М., 1964, стр. 236—239.

66. Неизвестная повесть XVIII века о хвастливом книжнике. (Публикация). — Рус. лит-ра, Л., 1964, № 1, стр. 97—99.

67. Об учебе и обследовании частных собраний старинных рукописей и книг. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвящ. 75-летию С. Н. Валка. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 85—89.

68. Рукописи из Пустозерска и Нарьян-Мара. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., «Наука», 1964, стр. 409—411.

69. Старославянские и русские рукописи Дублинского университета. — Вopr. архивоведения, М., 1964, № 1, стр. 118.

70. The Confession of Ivan Filippov, 1744. — Oxford Slavonic Papers, 1964, vol. XI, pp. 17—27.

Рец.:

***Russian Review, New York, 1965, № 4.

71. Une Communauté de vieux-croyants dans la Russie du Nord l'ermitage des Grandes-Prairies. — Revue des études slaves, Paris, t. XLIII, 1964, fasc. 1—4, pp. 83—89.

1965

72. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., «Наука», 1965, 230, 2 стр.

Рец.:

Валк С. Н. — Вopr. архивоведения, М., 1965, № 3, стр. 105—106.

Дедов А. — Рус. новости, Париж, 1965, № 1049, 23 июля.

Домановский Л. — Новый мир, М., 1965, № 12, стр. 278.

Зыков Э. — Север, Петрозаводск, 1967, № 1, стр. 159.

Морозов В. — Ленинская правда, Петрозаводск, 1965, № 175, 27 июля.

Назаревский А. А. — ИЮЛЯ, М., т. XXIV, 1965, вып. 5, стр. 441—443.

Панченко А. — Красное знамя, Сыктывкар, 1965, № 145, 22 июня.

Полуянов И. — Правда Севера, Архангельск, 1965, № 206, 1 сент.

Рис О. — Там же, № 223, 21 сент.

Савин О. — Пензенская правда, 1965, № 136, 11 июля.

Тунгусов А. — Нярьяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1965, № 119, 19 июня.

Łużny R. — Slavia orientalis, Warszawa, 1966, roč. XV, seš. 3, ss. 377—380.

73. Заметки о протопопе Аввакуме. (1. Кто казнил Аввакума. 2. Пустозерская легенда о прорицании Аввакума в записи XVIII в.). — Рус. лит-ра, Л., 1965, № 4, стр. 160—162.

74. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., «Наука», 1965, стр. 383—389.

75. Новые материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., «Наука», 1965, стр. 327—345.
 76. Новое об Аввакуме. — Рус. голос, Лодзь, 1965, № 1—2, стр. 5.
 77. Рисунки протопопы Аввакума? — Рус. лит-ра, Л., 1965, № 2, стр. 154—155.

1966

78. История «иконного» изображения протопопы Аввакума. — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., «Наука», 1966, стр. 382—401.
 79. Народные предания о протопопе Аввакуме. — Wiener slavistisches Jahrbuch, Graz-Köln, 1966, Bd. XIII, SS. 22—31.
 80. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1966, № 2, стр. 217—219.
 81. Памяти Т. М. Мяндина (1874—1964). — В кн.: Старообрядческий церковный календарь на 1966 год. Рига, 1966, стр. 146.
 82. Quelques nouvelles traditions de Pustozersk sur Avvakum. — Revue des études slaves, Paris, t. XLV, 1966, pp. 69—74.

1967

83. Исследования и разыскания по литературному наследию древней Руси. Реферат о работах, представленных на соискание ученой степени доктора филолог. наук по совокупности трудов. Л., 1967, 52 стр. (ЛГУ, Филолог. ф-т, Кафедра рус. лит-ры).
 84. Неизвестные документы 1680 года о протопопе Аввакуме. — Рус. лит-ра, Л., 1967, № 4, стр. 100—102.
 85. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1967, № 1, стр. 195—197.

1968

86. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1968, № 2, стр. 201—204.
 87. Об изучении литературного наследия протопопы Аввакума. — Рус. лит-ра, Л., 1968, № 4, стр. 89—92.
 88. Серьезный недостаток хорошего издания. Письмо в редакцию. — Вopr. языкознания, М., 1968, № 4, стр. 147.
 Рецензия на кн.: Синайский патерик. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. Под ред. С. И. Коткова. М., «Наука», 1967, 400 стр. с илл. (Ин-т рус. яз. АН СССР).
 89. Сочинения протопопы Аввакума в собрании Пушкинского дома АН СССР. — ТОДРА, т. XXIII, Л., «Наука», 1968, стр. 321—327.

1969

90. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1969, № 2, стр. 119—125.
 91. Старейший список «Книги толкований и нравоучений» протопопы Аввакума. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., «Наука», 1969, стр. 266—273.
 92. Возможны ли еще рукописные находки в Усть-Цилемском районе Коми АССР? — ТОДРА, т. XXIV, Л., 1969, стр. 370—374.

Отклик:

Зыкин В. Предложение доктора Малышева. — Красное знамя, Сыктывкар, 1970, № 110, 14 мая.

1970

93. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1970, № 1, стр. 191—196.

94. О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы. Л., «Наука», 1970, стр. 109—118.
95. От редактора отдела. — ТОДРЛ, т. XXV, Л., 1970, стр. 325—326.
96. Собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома (к 20-летию его организации). — ТОДРЛ, т. XXV, Л., 1970, стр. 333—338.

1971

97. «Живое чувство своего достоинства». — Сельская молодежь, М., 1971, № 5, стр. 27.
98. Неизвестные письма протопопа Аввакума. — Зап. отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, т. 32, М., 1971, стр. 168—181 (совместно с Н. С. Демковой).
99. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1971, № 1, стр. 137—142.
100. Памятник Пустозерску. — Летописи Севера, т. 5, М., 1971, стр. 301—302.
101. Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского дома (к 20-летию организации). — В кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1969 год. Л., «Наука», 1971, стр. 122—128.
102. Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского дома. Буклет. Л., АН СССР, 1971, 8 стр.

II. Газетные статьи и заметки

1934

103. Иконописец. — За пролетарские кадры. Десятидневная газета коллективов ВКП(б) и ВЛКСМ, профкома и месткома Ленинградского историко-филологического лингвистического института, 1934, № 13, 28 мая.
- 104 «Старины» Печорского края. — За пролетарские кадры, 1934, № 16, 11 сент.

1935

105. Улейма. — Коллективный труд, Углич Ярославской обл., 1935, № 175, 17 дек.

Исторический очерк.

См. также в этой газете за 1935 г. под псевдонимами «Наровчатский», «В» и «ВИМ» несколько фельетонов, очерков и мелких заметок В. И. Малышева (№№ 102, 103, 144, 153, 166—169, 172 и др.).

1936

106. Село Ильинское. — Коллективный труд, Углич Ярославской обл., 1936, № 1, 1 янв.

Исторический очерк.

1937

107. История голода и нищеты. Историко-краеведческий очерк (о селении Дивная Гора). — Коллективный труд, Углич Ярославской обл., 1937, № 94, 25 апр.
108. Слово о полку Игореве 750 лет. — Красная газета, Л., 1937, № 89, 19 апр.

1938

109. О попах и «смирненных во Христе». — На новой стройке, Л., Орган парткома, профорганизации и управления строительства Ленмелкомбината им. С. М. Кирова, 1938, № 9, 3 марта.

110. О «святом» купце, монастыре-тюрьме и «нетленных мощах». — Там же, 1938, № 5, 1 февр.

1941

111. Крупнейший ученый. (К 70-летию со дня рождения академика А. С. Орлова). — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1941, № 36, 13 февр.
См. также в этой газете за 1940—1941 гг. еще несколько небольших информационных заметок В. И. Малышева о древнерусских рукописях и старопечатных книгах петрозаводских книгохранилищ: за 1940 г. — №№ 247, 254, 278 и др.; за 1941 г. — №№ 54, 65, 70, 93 и др.
112. 450 лет славяно-кирилловского книгопечатания. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1941, № 61, 14 марта.

1945

113. К истории г. Тобольска XVIII века. — Тобольская правда, 1945, № 141, 16 сент.
Тобольская летопись XVIII в.

1946

114. В селе Данилове не охраняют памятники старины. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1946, № 195, 29 сент.
115. Деревне Лексе 240 лет. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1946, № 196, 1 окт.
116. Памятники древней культуры. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1946, № 169, 24 авг.
117. Памятники культуры. Древние рукописи Поморья. — Вечерний Ленинград, 1946, № 145, 22 июня.
118. Памятник русской литературы. Изборник Святославов (1076 г.). — Вечерний Ленинград, 1946, № 217, 15 сент.
119. Поиски древних рукописей. — Вечерний Ленинград, 1946, № 90, 15 апр.

О собирании рукописей у населения. См. в той же газете №№ 105, 106, 120, 128.

120. У памятников славянской культуры. — Вечерний Ленинград, 1946, № 153, 1 июля.
Выставка славяно-русских рукописей в Государственной Публичной библиотеке.

1947

121. Повесть об острове Муромском. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1947, № 58, 22 марта.

1952

122. Собирайте древнерусские рукописи. — Лит. газета, М., 1952, № 86, 17 июля.

Отклик:

Лит. газета, М., 1953, № 2, 3 янв.

123. Дар Пушкинскому дому Академии наук СССР. — За новый Север, Сыктывкар, 1952, № 114, 10 июня.

Коллекция В. Г. Зыкина.

124. Неправильное использование архитектурного памятника. — Известия, 1952, № 276, 22 ноября (совместно с А. К. Юговым).

Поганкины палаты в Пскове.

Отклик:

И. Г р а б а р ь. — Известия, 1953, № 227, 25 сент.

125. Ценные рукописи по истории Архангельской области. — Правда Севера, Архангельск, 1952, № 185, 6 авг., стр. 3.
Рукописи В. Г. Эйкина в ИРЛИ.

1953

126. Далекое прошлое села Усть-Цильмы. — За новый Север, Сыктывкар, 1953, № 158, 12 авг.
127. Древний чертеж Псковской крепости. — Псковская правда, 1953, № 191, 27 сент.
128. Пустозерск в XVII веке. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1953, № 181, 13 сент.
129. Советский ученый М. Н. Тихомиров о Пскове. — Псковская правда, 1953, № 161, 15 августа.

1954

130. Драгоценное наследие (Усть-цилемские рукописные книги). — Печорская правда, Усть-Цильма, 1954, № 66, 19 авг., стр. 2.
131. Книги-находки. — Пионерская правда, М., 1954, № 94, 23 ноября.
132. Необходим словарь-справочник древнерусского языка. — Сов. культура, М., 1954, № 138, 18 ноября, стр. 2.

Отклики:

- Лихачев Д. и Дмитриев Л. — Сов. культура, М., 1954, № 151, 18 дек., стр. 3; Институт языкознания АН СССР. — Там же, 1955, № 2, 4 янв., стр. 3; Ржиг В., Андреев А., Алпатов М., Орлов В., Кусков В., Заволоко И., Курыленко И. — Там же, 1955, № 65, 24 мая, стр. 2.
133. Новый список Псковской повести XVI века. — Псковская правда, 1954, № 233, 28 ноября, стр. 4.
Повесть о Стефане Батории.
134. Памятники древней письменной культуры Севера. — За новый Север, Сыктывкар, 1954, № 96, 16 мая, стр. 2.
135. Псковский писатель-краевед XVII века Иван Псковко. — Псковская правда, 1954, № 216, 30 окт., стр. 4.

1955

136. Археографическая экспедиция на Печору. — Красное знамя, Сыктывкар, 1955, № 47, 22 мая.
Перепечатано на коми языке: Гөрд знамя, 1955, № 47, 22 мая.
137. Назревшая необходимость. — Лит. газ., М., 1955, № 26, 1 марта, стр. 3.

Организация в Москве группы по изучению древнерусской литературы.

Отклики:

- Обзор откликов. — Лит. газ., М., 1955, № 42, 7 апр., стр. 2; Виноградов В. — Там же, 1955, № 68, 9 июня; Президиум АН СССР. — Там же, 1955, № 91, 2 авг., стр. 3.
138. Печорская рукописная старина. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1955, № 105, 28 мая.
139. Ценные памятники старины. — Сев. комсомолец, Архангельск, 1955, № 124, 16 окт.

1958

140. Необходимо открыть краеведческий музей. — Печорская правда, Усть-Цильма, 1958, № 50, 22 июня (совместно с Г. Азовских).
О музее в Усть-Цильме.

Отклики:

Зыкин В. — Печорская правда, 1958, № 57, 17 июля;
 Морозов Александр и Бородин-Морозова Э. Г. —
 Там же, № 70, 31 авг.; Устюгов Н. — Там же, № 73,
 11 сент.; Зимин А. — Там же, № 74, 14 сент.; Торо-
 пов С. — Там же, № 78, 28 сент.

141. Усть-Цильме — краеведческий музей. — Красное знамя, Сыктывкар, 1958, № 197, 4 окт.

Отклик:

Чернов А. — Красное знамя, Сыктывкар, 1958, № 205, 15 окт.

1959

142. Изображение Пустозерска XVII века. — Няръяна-Вындер, Няръян-Мар, 1959, № 109, 5 июня.

143. Когда же будет создан музей в Усть-Цильме? — Красное знамя, Сыктывкар, 1959, № 205, 20 окт.

Отклик:

Рубцов А. — Красное знамя, Сыктывкар, 1959, № 242, 13 дек.

144. Необходим словарь-справочник по древнерусской литературе. — Лит-ра и жизнь, М., 1959, № 69, 10 июня.

Отклики:

Морозов А. — Лит-ра и жизнь, М., 1959, № 77, 28 июня;
 Виноградов В. — Там же, № 90, 29 июля; Двиняни-
 нов Б. — Народный учитель, Тамбов, 1959, № 22, 27 июня;
 Рус. новости, Париж, 1959, № 736, 10 июля; № 746, 19 сент.

145. Ценная рукописная коллекция. — Красное знамя, Сыктывкар, 1959, 245, 18 декабря.

Собрание Коми республиканского музея.

1960

146. Баториев план Пскова 1581 года. — Псковская правда, 1960, № 289, 11 дек.

147. Находки в старых переплетах. — Красное знамя, Сыктывкар, 1960, № 187, 9 авг.

148. Новые археографические работы. — Красное знамя, Сыктывкар, 1960, № 40, 17 февр.

Собирание рукописей на Печоре.

149. Секреты старинного переплета. — Лит-ра и жизнь, М., 1960, № 81, 10 июля.

Отклик:

Рус. новости, Париж, 1960, № 793, 12 авг.

150. Сохранить память о Пустозерске. — Сов. Россия, М., 1960, № 25, 30 янв.

Отклик:

Памятник древнему городу. — Рус. новости, Париж, 1960, № 770, 4 марта.

1961

151. Замечательная книга. — Рус. новости, Париж, 1961, № 849, 8 сент.

Перепечатано в журн.: Рус. голос, Лодзь, 1961, № 15—16.

152. Книга, изданная сто лет назад. — Горьковский рабочий, 1961, № 173, 24 июля.

К столетию издания «Жития» протопопа Аввакума. См. об этом в той же газете №№ 140, 142, 143.

153. Памятник древнерусской литературы. — Няръяна-Вындер, Няръян-Мар, 1961, № 182, 15 сент.

154. Памятник литературы XVII века. — Правда Севера, Архангельск, 1961, № 202, 26 авг.
 155. Поставить памятник на месте Пустозерска. — Правда Севера, Архангельск, 1961, № 83, 7 апр.

Отклики:

Трешников А., Сомов М., Белов М., Лихачев Д., Пунух П., Зыкин В. и др. — Правда Севера, Архангельск, 1961, № 127, 31 мая; Лапин В. — Там же, 1961, № 134, 8 июня; Тунгусов А. — Нярьяна-Вындер, Нярьян-Мар, 1961, № 202, 13 окт.; Тунгусов А. — Правда Севера, Архангельск, 1962, № 188, 11 авг.

1962

156. Где был сожжен протопоп Аввакум? — Рус. новости, Париж, 1962, № 898, 17 авг.
 157. Древнерусские рукописи Рогожского кладбища. — Рус. новости, Париж, 1962, № 902, 14 сент.
 158. Надпись на памятнике Пустозерску. — Нярьяна-Вындер, Нярьян-Мар, 1962, № 78, 21 апр.
 Проект надписи.

1963

159. Псковская повесть на английском языке. — Псковская правда, 1963, № 249, 20 окт.
 Повесть о Стефане Батории.
 160. Угличская книга XV в. — Авангард, Углич, 1963, № 75, 26 июля.

1964

161. Благодарность далеким предкам. — Сов. Россия, М., 1964, 9 авг.
 Об открытии в Пустозерске памятника Аввакуму.
 162. Досадная ошибка. — Правда Севера, Архангельск, 1964, № 50, 2 марта.
 По поводу неправильной даты основания Пустозерска наobeliske в память Аввакума.
 Отклик:
 *** Правда Севера, Архангельск, 1965, № 60, 13 марта.
 163. Еще раз о памятнике Пустозерску. — Правда Севера, Архангельск, 1964, № 158, 8 июля; переиздано: Нярьяна-Вындер, Нярьян-Мар, 1964, 11 июля.
 164. Новые документы о Пустозерске XVII в. — Нярьяна-Вындер, Нярьян-Мар, 1964, № 226, 15 ноября.
 165. Открытие памятника Пустозерску. — Правда Севера, Архангельск, 1964, 4 авг.
 166. Памятник Пустозерску открыт. — Нярьяна-Вындер, Нярьян-Мар, 1964, 4 авг.

1965

167. Пока помнят старожилы. — Неделя, М., 1965, № 40, стр. 10; переиздано: Рус. новости, Париж, 1965, № 1028, 3 дек.
 По поводу памятника Аввакуму Петрову в Пустозерске.

1966

168. Новое об Аввакуме (I. Аввакум-прорицатель. II. Кто казнил Аввакума. III. Имени Аввакума). — Рус. новости, Париж, 1966, № 1055, 3 сент.
 169. Пергамент XIV века. — Лит. газета, М., 1966, № 139, 24 ноября.
 Евангелие из собрания ИРЛИ.

1967

170. [О необходимости возобновить издание «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома»]. — Лит. газета, М., 1967, № 27, 7 июня (отдел «Почта редактора»).

Отклики:

Лотман Ю., Попов П. и Бухштаб Б. — Лит. газ., М., 1967, № 34, 25 авг.; Назаревский А. А. и Назаревский Н. А. — Лит. газ., М., 1967, № 28, 12 июля; Якубовский В. — Лит. газ., М., 1967, № 27, 5 июля.

1968

171. Векское доказательство. — Псковская правда, 1968, № 282, 3 дек.
Отзыв об исследовании венгерского ученого И. Х. Тот «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков».
172. Найден рисунок протопопы Аввакума. — Рус. новости, Париж, 1968, № 1191, 19 апр.
173. Пусть носит имя Пустозерска. Письмо в редакцию. — Правда Севера, Архангельск, 1968, № 75, 30 марта.

По поводу присвоения наименования «Пустозерск» одному из пароходов.

Отклики:

Лихачев Д., Шведе Е., Белов М., Голубкова М., Толстой Н., Морозов А. и др. — Правда Севера, Архангельск, 1968, № 148, 27 июня; Грузинский П. П. — Правда Севера, Архангельск, 1968, № 173, 26 июля.

1969

174. Дары пинежской земли заповедной. — Северный комсомолец, Архангельск, 1969, № 112, 17 сент.
175. «Пустозерск» построен. — Правда Севера, Архангельск, 1969, № 117, 21 мая.
176. Ценный источник о прошлом района. — Знамя, Красноярск Архангельской обл., 1969, № 112, 18 сент.

1970

177. «За великие на царский дом хулы». (Новое о пустозерской жизни протопопы Аввакума). — Нарьяна-Виндер, Нарьян-Мар, 1970, № 211, 24 окт.
178. Замечательный памятник литературы. Псковская повесть на иностранных языках. — Псковская правда, 1970, № 50, 1 марта.
По поводу переводов на немецкий, венгерский и итальянский языки Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков.
179. Иллюстрации к псковской повести. — Псковская правда, 1970, № 135, 11 июня.

К Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков.

1971

180. Великая и прекрасная история. — Псковская правда, 1971, № 52, 3 марта, 4 стр.
Повесть о Стефане Батории.
181. Новые материалы о Пустозерске XVII века. — Нарьяна-Виндер, Нарьян-Мар, 1971, № 55, 20 марта, 4 стр.
О страже протопопы Аввакума.
182. Редкая книга. — Ленинская правда, Петрозаводск, 1971, № 35, 11 февр.
Сборник апокрифов.

III. Литература о научной деятельности

В. И. Малышева

1. Моисеева Г. Н. В Институте русской литературы. (Выставка древнерусских рукописей). — Вестн. АН СССР, М., 1956, № 3, стр. 130—131.
Археографическая работа В. И. Малышева в 1956 г.
2. Робинсон А. Н. Выставка древних рукописных книг. — ИЮЛЯ, М., т. XV, 1956, вып. 4, стр. 298—400.
Археографическая работа В. И. Малышева в 1955 г.
3. Славентантор Д. В поисках жар-птицы. — Нева, Л., 1956, № 11, стр. 133—136.
4. Чупров И. Археографические изыскания на Печоре. — Псковская правда, Усть-Цильма, 1956, № 52, 1 июня, стр. 2.
Об археографической работе В. И. Малышева в 1956 г.
5. Моисеева Г. Н. Находки древних рукописей. (Выставка в Институте Русской литературы). — Вестн. АН СССР, М., 1957, № 1, стр. 100—101.
Археографическая работа В. И. Малышева в 1956 г.
6. Lewin Paulina. Nowe znaleziska staroruskich rękopisów i druków w ZSRR. — Slavia orientalis, Warszawa, 1961, rocz. X, № 3, ss. 395—403.
Археографическая деятельность В. И. Малышева.
7. К пятидесятилетию Владимира Ивановича Малышева. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 489.
8. P a s c a l P i e r r e. Avvakum et les débuts du raskol. Paris—La Haye, 1963, p. VIII.
По поводу работ В. И. Малышева об Аввакуме.
9. Литература о Коми АССР за 1963 год. Сыктывкар, Коми книжное изд., 1964, стр. 133—137. (Коми республиканская б-ка им. В. И. Ленина).
Библиография работ В. И. Малышева о Печорском крае за 1934—1964 гг.
10. Моисеева Г. 30 лет на поприще архивного дела. — Вопр. архивоведения, М., 1964, № 3, стр. 144—145.
11. Демин А. Археограф Печоры. — Красное знамя, Сыктывкар, 1964, № 157, 7 июля.
12. Демин А. Собиратель печорской старины. — Наръян-Вындер, Наръян-Мар, 1964, № 137, 12 июля.
13. Волжанин О. Родом из Норовчата. (Наши земляки). — Маяк, Нижний-Ломов и Беднодемьяновск Пензенской обл., 1964, № 143, 28 ноября.
14. Савин О. В поисках древних рукописей. (Наши земляки). — Пензенская правда, 1964, № 273, 19 ноября.
15. Савин О. Родом из Норовчата. (Наши земляки). — По заветам Ленина, Норовчат Пензенской обл., 1964, № 66, 4 сент.
16. А р б а т Ю. Путешествие за красотой. М., «Искусство», 1966, стр. 64—65.
По поводу собирательской работы на Печоре.
17. А н д р о н и к о в И р а к л и й. Неутомимый Малышев. — Известия, 1967, № 66, 19 марта.
18. Савин О. Охотник за древней книгой. — Пензенская правда, 1967, № 201, 27 авг.
19. Лазарева Т. Знаток литературы древней Руси. — Правда Севера, Архангельск, 1968, № 44, 22 февр.
20. Бударагин В. Рукописная Русь. К 20-летию собрания древнерусских рукописных книг Пушкинского дома. — В мире книг, М., 1969, № 9, стр. 44—45.
Организация древлехранилища ИРЛИ.
21. Жуков Д. Живое чувство своего достоинства. — Сельская молодежь, М., 1970, № 6, стр. 46—47.
22. Степанов Ю. Тайны старинных рукописей. — Сов. Россия, М., 1970, № 167, 19 июля.

23. Л а з а р е в а Л. За живой водой. — Вечерний Ленинград, 1970, № 171, 23 июля.
24. Т о л к а ч е в В. Апостол печорской старины. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1970, № 144, 23 июля.
25. З ы к и н В. Первооткрыватель тайн Печоры. — Красное знамя, Сыктывкар, 1970, № 175, 29 июля.
26. Ю г о в А. Открыватель народных сокровищ. — Наш современник, М., 1970, № 8, стр. 114—117.
27. Б а с к а к о в В. В а ж о л м т у я л ы с ь [Неутомимый искатель]. — Войвыв кодзув, Сыктывкар, 1970, № 9, стр. 61—69. (На коми языке).
28. П а н ч е н к о А. Искатель старинных книг. — Звезда, Л., 1970, № 10, стр. 142—149.
29. Почетные звания. — Ленинградская правда, № 68, 22 марта.
Присвоение звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

ДОПОЛНЕНИЯ К СПИСКУ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. И. МАЛЫШЕВА за 1971 г.

Журнальные статьи

1. Археографические экспедиции Пушкинского дома. — Вест. АН СССР, М., 1971, № 10, стр. 119—120.
2. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Пушкинского дома АН СССР. — ТОДРЛ, т. XXVI, Л., 1971, стр. 312—316.

Газетные статьи

3. «Житие» на венгерском языке. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1971, № 210, 23 окт.
«Житие» Аввакума.
4. Памятник автору «Жития». — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1971, № 101, 25 мая.
О необходимости постройки памятника.
5. Произведение нижегородца на венгерском языке. — Горьковский рабочий, 1971, № 251, 23 окт.
Перевод «Жития» Аввакума.
6. 350 архангельских рукописей. — Правда Севера, Архангельск, 1971, № 292, 15 дек.
Итоги летних экспедиций 1971 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
История собрания древнерусских рукописей Пушкинского дома . . .	3
Публикации	10
Д. С. Лихачев. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного)	10
Л. А. Дмитриев. Отрывок сборника пословиц XVII в.	28
А. И. Копанев. Пинежский летописец XVII в.	57
Н. Ю. Бубнов. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу	92
А. М. Панченко. Декламация Сильвестра Медведева на тему страстей Христовых	115
Т. Ф. Волкова. Вновь найденная повесть XVII в. о мезенской иконе Троицы	136
О. П. Лихачева. Особая редакция древнерусской повести «Стефанит и Ихнилат»	144
Н. С. Демкова и Л. В. Ярошенко. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия»	174
Р. П. Дмитриева. Особая редакция Повести о Петре и Февронии	192
Г. В. Маркелов. Повесть в стихах XVIII в. о сватовстве купеческой дочери	210
Н. Ф. Дробленкова. Неизвестный вариант стиха о потопе . . .	215
О. В. Творогов. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников	228
Г. М. Прохоров. Шуточное стихотворное «Прошение»	242
Ю. К. Бегунов. Стих-раешник о чае	244
Статьи и материалы	249
А. И. Копанев. Список покаянного стиха XV в.	249
Я. С. Лурье. Устав Корнилия Комельского в сборнике первой половины XVI в.	253
Н. А. Казакова. К изучению вкладных книг	260
М. А. Салмина. Вновь обнаруженный список Устюжской летописи	267

	Стр.
Б. П. Полевой. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре»	271
М. И. Белов. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею	279
Г. Я. Симина. Писцовая книга как исторический источник (о писцовой книге XVII в., найденной в 1963 г. на Пинеге)	285
М. В. Рождественская. Автографы выговского писателя Мануила Петрова	295
Е. А. Бобков. Древнерусские величания в певческом сборнике XVII в.	305
О. А. Белоброва. Лицевые рукописи (краткий обзор)	307
О. А. Белоброва. Настенные листы (краткий обзор)	322
Л. А. Дмитриев. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья	330
В. В. Колесов. Различительные особенности языка и письма в севернорусских рукописях из собрания Пушкинского дома	337
Ю. К. Бегунов. Древнерусская книжно-рукописная традиция Причудья (обзор)	371
А. Х. Горфункель. Находки старопечатных книг	389
Н. Н. Розов. Мезенские сборники XIX—XX вв.	396
М. В. Кукушкина. Рукописи Библиотеки АН СССР, собранные при участии В. И. Малышева	401
Список печатных работ В. И. Малышева (составлен Н. Ф. Дробленковой)	406

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ
ДРЕВНЕЙ РУСИ
(по материалам Пушкинского дома)

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)*

Редактор издательства Н. А. Храмова
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор О. Н. Скобелева

Сдано в набор 6/1 1972 г. Подписано к печати
5/V 1972 г. Формат бумаги $60 \times 90^{1/16}$. Бумага
№ 1. Печ. л. $26^{1/2} + 6$ вкл. ($3/4$ печ. л.) = $27^{1/4}$ усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 31.43. Изд. № 4620. Тип. зак.
№ 738. М-09784. Тираж 8 000. Цена 2 р. 22 к.

Ленинградское отделение издательства „Наука“
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1
1-я тип. издательства „Наука“
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
49	20 снизу	внешней	вешней
347	1 »	буквы л, о, н	буквы л, в, н,
419	22 »	Красноярск	Красноборск
420	17 »	Норовчат	Наровчат
420	18 и 23 снизу	из Норовчата	из Наровчата
420	25 снизу	Няръян-Вындер	Няръяна-Вындер
421	1 сверху	Лазарева Л.	Лазарева Т.
421	13 »	Ленинградская правда, № 68	Ленинградская правда, 1972, № 68

Рукописное наследие

